

ISSN
2949-1150 online
2071-8284 print

ВЕСТНИК

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
МВД РОССИИ**

**2023
№ 3 (99)**

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Научно-теоретический журнал

**Вестник
Санкт-Петербургского
университета МВД России**

№ 3 (99) июль – сентябрь 2023 г.

Scientific-theoretical journal

**Vestnik
Sankt-Peterburgskogo universiteta
MVD Rossii**

№ 3 (99) July – September, 2023

Федеральное государственное казённое образовательное учреждение
высшего образования
«Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел
Российской Федерации»

Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России

№ 3 (99) июль – сентябрь 2023 г.

«Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России» – рецензируемый научно-теоретический журнал, в котором публикуются оригинальные статьи по юридическим, педагогическим, психологическим проблемам.

Издаётся с марта 1999 года. Учредитель и издатель – Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации. Выходит один раз в квартал. Языки журнала – русский и английский. Территория распространения: Российская Федерация, зарубежные страны.

Издание перерегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций: Эл № ФС77-84786 от 03 марта 2023 г.

ISSN 2949-1150 (online); ISSN 2071-8284 (print).

Решением ВАК Минобрнауки России от 29 марта 2022 года журнал «Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России» включен в Перечень ВАК по следующим специальностям:

- 5.1.1 – Теоретико-исторические правовые науки.
- 5.1.2 – Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
- 5.1.3 – Частно-правовые (цивилистические) науки.
- 5.1.4 – Уголовно-правовые науки.
- 5.3.3 – Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика.
- 5.3.9 – Юридическая психология и психология безопасности.
- 5.8.1 – Общая педагогика, история педагогики и образования.
- 5.8.7 – Методология и технология профессионального образования.

Журнал находится в открытом доступе и индексируется в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), включен в базу данных *Ulrich's Periodicals Directory*.

Ответственность за содержание статей, изложенных в них фактов несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций. При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью либо частично материалов журнала «Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России» ссылка на журнал обязательна.

Редакторы – Г. Н. Голядкин, Г. В. Лукьянова, А. Н. Великах, Л. М. Букина.

Адрес редакции и издателя: Россия, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1.

Тел. 8 (812) 730-26-96. E-mail: vestnik@univermvd.ru.

Дата выхода в свет 29.09.2023 г. Формат 60 × 84/8. Объём 35,0 усл. п. л.

© «Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России», 2023.

Federal State Budget Institution for higher education
«Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation»

Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta MVD Rossii

№ 3 (99) July – September, 2023

«Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta MVD Rossii» is a peer-reviewed scientific-theoretical journal that publishes original articles on legal, pedagogical, and psychological problems.

Journal is published since March, 1999. Founder and publisher – Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Journal is published on quarterly basis in Russian and English. Distribution territory: Russian Federation, foreign countries.

The scientific-theoretical journal «Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta MVD Rossii». The edition is reregistered in the Federal Service for Supervision of Communications, Informational Technologies and Media Control (El No. FS77-84786 of 03 March 2023).

ISSN 2949-1150 (online); ISSN 2071-8284 (print).

In accordance with the order of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of March 29, 2022, the scientific-theoretical journal «Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta MVD Rossii» is included in the current list of leading peer-reviewed scientific journals and publications published in the Russian Federation, in which the main scientific results of dissertations for the academic degree of a doctor and candidate of science must be published, in the following groups Scientific specialties:

- 5.1.1 – Theoretical and historical legal sciences.
- 5.1.2 – Public legal (state legal) sciences.
- 5.1.3 – Private legal (civilistic) sciences.
- 5.1.4 – Criminal science.
- 5.3.3 – Labor psychology, engineering psychology, cognitive ergonomics.
- 5.3.9 – Legal psychology and security psychology.
- 5.8.1 – General pedagogy, history of pedagogy and education.
- 5.8.7 – Methodology and technology of professional education.

Journal is included in the system of the Russian Scientific Citation Index (RSCI) and in *Ulrich's Periodicals Directory*.

The journal is peer-reviewed.

The authors of scientific articles bear responsibility for the content of the articles, the facts presented in them. The opinion of the editorial board may not coincide with the point of view of the authors of the publications. Reference to the scientific-theoretical journal «Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta MVD Rossii» is obligatory when reprinting or reproducing in whole or in part its materials.

Editors: G. N. Golyadkin, G. V. Lukianova, A. N. Velikikh, L. M. Bukina.

Address of editorial and publisher: 1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation. Tel. (812) 730-26-96. E-mail: vestnik@univermvd.ru.

Date of publishing 29.09.2023. Format 60 × 84/8. Volume 35,0 nom. p.p.

Главный редактор – Каверина Л. В., кандидат филологических наук
(Россия, Санкт-Петербург)

Редакционная коллегия

Амельчаков И. Ф. – председатель редакционной коллегии, кандидат юридических наук, доцент (Россия, Санкт-Петербург)
Бавсун М. В. – заместитель председателя редакционной коллегии, доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Астафичев П. А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Балахонский В. В., доктор философских наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Бекетов О. И., доктор юридических наук, профессор (Россия, Омск)
Болдырев В. А., доктор юридических наук, доцент (Россия, Санкт-Петербург)
Буцакова М. А., доктор юридических наук, доцент (Россия, Омск)
Васильева И. В., доктор психологических наук, доцент (Россия, Тюмень)
Вахнина В. В., доктор психологических наук, доцент (Россия, Москва)
Гейжан Н. Ф., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Гельдибаев М. Х., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Гривенная Е. Н., доктор педагогических наук, доцент (Россия, Краснодар)
Дозорцева Е. Г., доктор психологических наук, профессор (Россия, Москва)
Ерофеева М. А., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Москва)
Ескина Л. Б., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Илакавичус М. Р., доктор педагогических наук (Россия, Санкт-Петербург)
Каплунов А. И., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Коваленко В. И., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Белгород)
Коларич Драгана, доктор юридических наук, профессор (Республика Сербия, Белград)
Кубышко В. Л., кандидат педагогических наук (Россия, Москва)
Латышов И. В., доктор юридических наук, доцент (Россия, Санкт-Петербург)
Мещерякова Е. И., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Воронеж)
Миялькович Саша, доктор безопасности, профессор (Республика Сербия, Белград)
Муттилайнен Веса Петтери, доктор общественных наук (Финляндская Республика, Тампере)
Нижник Н. С., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Никифоров Г. С., доктор психологических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Николаева Т. Г., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Никуленко А. В., доктор юридических наук, доцент (Россия, Санкт-Петербург)
Пастушеня А. Н., доктор психологических наук, профессор (Республика Беларусь, Минск)
Рузакова О. А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
Сафонов А. А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
Сердюк Н. В., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Москва)
Слепцов И. В., кандидат юридических наук (Казахстан, Костанай)
Стрельникова Ю. Ю., доктор психологических наук, доцент (Россия, Санкт-Петербург)
Тюнин В. И., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Ульянина О. А., доктор психологических наук, доцент (Россия, Москва)
Ухов В. Ю., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Химичева О. В., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
Цветков В. Л., доктор психологических наук, профессор (Россия, Москва)
Цветков И. В., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
Честнов И. Л., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Чечётин А. Е., доктор юридических наук, профессор (Россия, Барнаул)
Шаранов Ю. А., доктор психологических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Шахматов А. В., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Editor in Chief – Kaverina L. V., Candidate of Philological Sciences
(Russia, Saint Petersburg)

Editorial Board

Amelchakov I. P., Chairman of an Editorial Board, Candidate of Juridical Sciences, Docent
(Russia, Saint Petersburg)

Bavsun M. V., Vice-chairman of an Editorial Board, Doctor of Juridical Sciences, Professor
(Russia, Saint Petersburg)

Astafichev P. A., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Balakhonsky V. V., Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Beketov O. I., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Omsk)

Boldyrev V. A., Doctor of Juridical Sciences, Docent (Russia, Saint Petersburg)

Buchakova M. A., Doctor of Juridical Sciences, Docent (Russia, Omsk)

Vasilieva I. V., Doctor of Psychological Sciences, Docent (Russia, Tyumen)

Vakhnina V. V., Doctor of Psychological Sciences, Docent (Russia, Moscow)

Geyzhan N. F., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Geldibaev M. Kh., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Grivennaya E. N., Doctor of Pedagogical Sciences, Docent (Russia, Krasnodar)

Dozorcheva E. G., Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Erofeeva M. A., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Eskina L. B., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Ilakavichus M. R., Doctor of Pedagogical Sciences (Russia, Saint Petersburg)

Kaplunov A. I., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Kovalenko V. I., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Russia, Belgorod)

Kolarich Dragana, LLD (Republic of Serbia, Belgrade)

Kubyshko V. L., Candidate of Pedagogical Sciences (Russia, Moscow)

Latyshov I. V., Doctor of Juridical Sciences, Docent (Russia, Saint Petersburg)

Mescheryakova E. I., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Voronezh)

Mijalkovich Sasha, PhD, Professor (Republic of Serbia, Belgrade)

Mutttilainen Vesa Petteri, Doctor of Social Sciences (Finland, Tampere)

Nizhnik N. S., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Nikiforov G. S., Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Nikolaeva T. G., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Nikulenko A. V., Doctor of Juridical Sciences, Docent (Russia, Saint Petersburg)

Pastushenya A. N., Doctor of Psychological Sciences, Professor (Republic of Belarus, Minsk)

Ruzakova O. A., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Safonov A. A., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Serdyuk N. V., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Sleptsov I. V., Candidate of Juridical Sciences (Kazakhstan, Kostanay)

Strelnikova J. Y., Doctor of Psychological Sciences, Docent (Russia, Saint Petersburg)

Tyunin V. I., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Ul'yanina O. A., Doctor of Psychological Sciences, Docent (Russia, Moscow)

Ukhov V. Y., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Khimicheva O. V., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Cvetkov V. L., Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Tsvetkov I. V., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Chestnov I. L., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Chechetin A. E., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Barnaul)

Sharanov Y. A., Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Shakhmatov A. V., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Балалаева Ю. С.</i> Проблема определения субъектов юридической ответственности за вред, причинённый искусственным интеллектом: анализ путей решения	10
<i>Балахонский В. В., Мухаметов П. А.</i> Исторические и теоретические аспекты развития российской государственности и формирование цивилизационных основ её репрезентаций	20
<i>Грибунов О. П., Степанова Е. Е.</i> Понятие и сущность суверенитета государства в его историческом генезисе	29
<i>Золотухина Н. М., Власова Т. В.</i> Проблемы определения формы правления России XI – начала XVII вв. в современной историографии	37
<i>Ломакина И. Б.</i> Законность как юридическая данность или социальный конструкт?	48
<i>Сорокина Ю. В.</i> Правовая система Китая	55

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

<i>Атабеков А. Р.</i> Вопросы осуществления предиктивного права в правоохранительной деятельности: сравнительно-правовое исследование	67
<i>Кожевников О. А.</i> Местное самоуправление в Конституции и федеральных законах России: опыт 30-летнего сосуществования	76
<i>Очередыко В. П., Очередыко О. В.</i> Эра судов в политико-правовой трансформации России: идеи и реалии	86
<i>Панфилова О. В., Демченко Н. В.</i> Предупреждение органами внутренних дел на транспорте административных правонарушений в сфере незаконной добычи водных биологических ресурсов	94

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

<i>Костина К. В.</i> Самообследование как новое правовое средство охраны прав потребителей и повышения репутационного статуса предпринимателей	102
--	-----

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Анощенкова С. В.</i> Восполнение пробелов законодательства для определения размера судебного штрафа	108
<i>Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е.</i> Этапы развития современной уголовной политики	117
<i>Зеленский В. Д., Куемжиева С. А.</i> О понятии и видах оправдательных обстоятельств	127
<i>Карпов К. Н.</i> Криминализация и декриминализация как инструменты социального контроля за лицами, совершившими преступление	133
<i>Эрте Д. А.</i> Факторный анализ установления уголовно-правового запрета на нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость	141

ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА, ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

<i>Иванов Е. Ю.</i> Характеристика потенциала наставничества в педагогическом сопровождении социализации воспитанников суворовских военных училищ МВД России на начальном этапе обучения	149
--	-----

МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

<i>Астафьев Н. В., Григорьев А. Н.</i> Нормативы специ-альной профессиональной подготовки сотрудников полиции в обеспечении практико-ориентированного содержания профессиональных образовательных программ	156
<i>Ярмак К. В.</i> Антропологические риски абсолютизации цифрового сопровождения образовательного процесса: понятие и классификация	168

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА, ИНЖЕНЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, КОГНИТИВНАЯ ЭРГОНОМИКА

<i>Астафичева Е. Ю.</i> Эмоциональный интеллект, успешность и психологическая адаптивность к среде как факторы обеспечения эффективности социального управления	176
<i>Гарманова О. В.</i> Обучение сотрудников патрульно-постовой службы полиции преодолению речевых провокаций со стороны граждан	184
<i>Семенова Н. А.</i> Жизненная успешность, диспозиционный оптимизм и резилентность молодёжи с различным характером учебно-профессиональной деятельности	196
<i>Талынёв В. Е., Кораблев С. Е.</i> Социально-психологические слагаемые личного влияния педагога в контексте установления доверительных отношений с обучающимися в образовательной системе МВД России	209

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ БЕЗОПАСНОСТИ

<i>Злоказов К. В.</i> Оценка личностных, межличностных и социальных проблем в ресоциализации лиц, привлекавшихся к уголовной ответственности	218
<i>Зуева Е. Г., Жидкова О. А.</i> Оценка коммуникативных качеств личности обучающихся в образовательных организациях МВД России по различным специализациям	227
<i>Ильянкова Е. И.</i> Личностные особенности несовершеннолетних с делинквентным поведением	234
<i>Костина Л. Н., Сиворонова М. С.</i> О разработке и экспериментальном применении программы психологического тренинга по профилактике профессионального выгорания психологов органов внутренних дел Российской Федерации	243
<i>Мальцева Т. В.</i> Психологические особенности удовлетворённости трудом руководителей органов внутренних дел Российской Федерации	250
<i>Сорокоумова С. Н., Русаков С. В., Ганишина И. С.</i> О трансформации жизненных планов осуждённых в местах лишения свободы	258

КОНФЕРЕНЦИИ

<i>Каплунов А. И., Ухов В. Ю.</i> Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права» (Сорокинские чтения) (24 марта 2023 г., Санкт-Петербург)	267
--	-----

CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

<i>Balalaeva Y. S.</i> The issue of determining the subjects of legal liability for harm caused by artificial intelligence: analysis of solutions	10
<i>Balakhonsky V. V., Mukhametov P. A.</i> Historical and theoretical aspects of the development of Russian statehood and the formation of the civilizational foundations of its representations	20
<i>Gribunov O. P., Stepanova E. E.</i> The concept and essence of state sovereignty in its historical genesis	29
<i>Zolotukhina N. M., Vlasova T. V.</i> Problems of determining the form of government of Russia in the 11th – early 17th centuries in modern historiography	37
<i>Lomakina I. B.</i> Legality as a legal concept or a social construct?	48
<i>Sorokina Yu. V.</i> Legal system of China	55

PUBLIC LEGAL (STATE LEGAL) SCIENCES

<i>Atabekov A. R.</i> Issues in the implementation of predictive law in law enforcement activities: a comparative legal study	67
<i>Kozhevnikov O. A.</i> Local self-government in the Constitution and federal laws of Russia: the experience of 30 years of coexistence	76
<i>Ocheredko V. P., Ocheredko O. V.</i> The era of courts in the political and legal transformation of Russia: ideas and realities	86
<i>Panfilova O. V., Demchenko N. V.</i> Prevention activities by transport police agencies toward administrative offences in the sphere of illegal exploitation of aquatic biological resources	94

PRIVATE LEGAL (CIVILISTIC) SCIENCES

<i>Kostina K. V.</i> Self-inspection as a new legal means of protecting consumer rights and enhancing the reputational status of entrepreneurs	102
--	-----

CRIMINAL SCIENCE

<i>Anoshenkova S. V.</i> Filling gaps in legislation to determine the amount of a judicial fine	108
<i>Babaev M. M., Pudovochkin Y. E.</i> Stages of contemporary criminal policy development	117
<i>Zelensky V. D., Kuemzhieva S. A.</i> The concept and types of exculpatory circumstances	127
<i>Karpov K. N.</i> Criminalization and decriminalization as instruments of social control over persons who committed a crime	133
<i>Erte D. A.</i> Factor analysis of the imposition of a legal prohibition on traffic violations by a person subjected to administrative punishment or having a criminal record	141

**GENERAL PEDAGOGY,
HISTORY OF PEDAGOGY AND EDUCATION**

<i>Ivanov E. Y.</i> Characterisation of the potential of tutoring in pedagogical support of socialisation of students of Suvorov Military Schools of the Ministry of Internal Affairs of Russia at the initial stage of training	149
--	-----

METHODOLOGY AND TECHNOLOGY OF PROFESSIONAL EDUCATION

<i>Astafiev N. V., Grigoriev A. H.</i> Norms of special professional training of police officers in ensuring practice-oriented content of professional educational programmes	156
<i>Yarmak K. V.</i> Anthropological risks of digital support absolutisation of the educational process: concept and classification	168

**LABOR PSYCHOLOGY, ENGINEERING PSYCHOLOGY,
COGNITIVE ERGONOMICS**

<i>Astaficheva E. Yu.</i> Emotional intelligence, success and psychological adaptability to the environment as factors in ensuring the effectiveness of social management	176
<i>Garmanova O. V.</i> Training of police patrol officers overcoming verbal provocations by citizens	184
<i>Semenova N. A.</i> Life successfulness, dispositional optimism and resilience as personal resources of modern youth with a different nature of educational and professional activities	196
<i>Talynev V. Y., Korablev S. E.</i> Socio-psychological components of a teacher's personal influence in the context of establishing trusting relationships with students in the educational system of the Ministry of Internal Affairs	209

LEGAL PSYCHOLOGY AND SECURITY PSYCHOLOGY

<i>Zlokazov K. V.</i> Assessment of personal, interpersonal and social factors related to resocialisation of convicted individuals	218
<i>Zueva E. G., Zhidkova O. A.</i> Assessment of the communicative qualities of the personality of students in educational organisations of the Ministry of Internal Affairs of Russia in various specialisations	227
<i>Ilyankova E. V.</i> Personality characteristics of minors with delinquent behavior	234
<i>Kostina L. N., Sivoronova M. S.</i> Development and experimental use of psychological training programme to prevent professional burnout of psychologists of the Ministry of the Interior of Russia	243
<i>Maltseva T. V.</i> Psychological features of job satisfaction with the heads of internal affairs bodies of the Russian Federation	250
<i>Sorokoumova S. N., Rusakov S. V., Ganishina I. S.</i> On the transformation of the life plans of convicts in detention facilities	258

CONFERENCES

<i>Kaplunov A. I., Ukhov V. Yu.</i> International scientific and practical conference «Actual problems of administrative and administrative-procedural law» (Sorokin readings) (24 March 2023, St. Petersburg)	267
--	-----

Теоретико-исторические правовые науки

Научная статья

УДК 34.03

doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-10-19

Балалаева Юлия Сергеевна

адъюнкт

<https://orcid.org/0000-0001-6272-5320>, balalaeva.98@mail.ru

Нижегородская академия МВД России

Российская Федерация, 603950, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, д. 3

Проблема определения субъектов юридической ответственности за вред, причиненный искусственным интеллектом: анализ путей решения

Аннотация: Введение. Происходящие сегодня процессы цифровизации, развитие и внедрение искусственного интеллекта оказывают влияние на множество сфер общественной жизни. Не является исключением и право. Исходящая от искусственного интеллекта опасность, связанная с техническими сбоями, ошибками, дефектами машинного обучения, обуславливает высокую вероятность причинения вреда охраняемым законом общественным отношениям. В связи с этим острую актуальность приобретают вопросы юридической ответственности.

Цель работы – исследование проблемы определения субъектов юридической ответственности за вред, причиненный искусственным интеллектом, анализ путей её решения.

Методы исследования. Автором были использованы диалектический метод познания, комплекс общенаучных методов познания (анализ, синтез, индукция, дедукция), а также ряд специальных методов познания (формально-юридический, сравнительно-правовой, системный, функциональный).

Результаты. В результате проведенного исследования автор приходит к выводу, что искусственный интеллект сегодня не может выступать самостоятельным субъектом юридической ответственности в связи с тем, что является технологией, внедрение и использование которой нуждается в нормативной правовой регламентации. Искусственный интеллект рассматривается как объект правового регулирования. К юридической ответственности за причиненный искусственным интеллектом вред могут быть привлечены исключительно физические и юридические лица, обеспечивающие его функционирование. Популярная сегодня в науке идея о наделении искусственного интеллекта правосубъектностью уводит от реальных проблем, которые необходимо решить для обеспечения его развития и масштабного использования. Для этого автор предлагает сконцентрировать внимание на тех формах бытия искусственного интеллекта, которые нас окружают в настоящий момент, и рассматривать теоретические и практические вопросы применительно к ним. В качестве таких форм могут выступать не только роботизированные устройства, но и различные программы (программное обеспечение), не имеющие киберфизической оболочки.

Ключевые слова: юридическая ответственность, вред, искусственный интеллект, субъекты юридической ответственности, робот-агент, электронное лицо

Для цитирования: Балалаева Ю. С. Проблема определения субъектов юридической ответственности за вред, причинённый искусственным интеллектом: анализ путей решения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 3 (99). – С. 10–19; doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-10-19.

Yulia S. Balalaeva

Graduate

<https://orcid.org/0000-0001-6272-5320>, balalaeva.98@mail.ru

Nizhniy Novgorod academy of the MIA of Russia

3, Ankudinovskoye shosse, Nizhniy Novgorod, 603950, Russian Federation

The issue of determining the subjects of legal liability for harm caused by artificial intelligence: analysis of solutions

Abstract: Introduction. The current processes of digitalization, the development and implementation of artificial intelligence have an impact on many spheres of public life. Law is no exception. The danger emanating from artificial intelligence, associated with technical failures, errors, machine learning defects, causes a high probability of harm to legally protected public relations. In this regard, the issues of legal liability are becoming acute.

The purpose of the research is to study the issue of determining the subjects of legal liability for harm caused by artificial intelligence, to analyze ways to solve it.

Research methods. The author used the dialectical method of cognition, a set of general scientific methods of cognition (analysis, synthesis, induction, deduction), as well as a number of special methods of cognition (formal legal, comparative legal, systemic, functional).

Results. As a result of the research, the author comes to the conclusion that today artificial intelligence cannot act as an independent subject of legal liability due to the fact that it is a technology, the implementation and its use needs legal regulation. Artificial intelligence is considered as an object of legal regulation. Only individuals and legal entities that ensure its functioning can be brought to legal liability for the damage caused by artificial intelligence. The idea of endowing artificial intelligence with legal personality, which is popular in science today, leads away from real issues that need to be solved to ensure its development and large-scale use. The author suggests focusing on those forms of artificial intelligence that surround us at the moment, and considering theoretical and practical issues as applied to them. Not only robotic devices can act as such forms, but also various programs (software) that do not have a cyber-physical shell.

Keywords: legal liability, harm, artificial intelligence, subjects of legal liability, robot agent, electronic person

For citation: Balalaeva Y. S. The issue of determining the subjects of legal liability for harm caused by artificial intelligence: analysis of solutions // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – № 3 (99). – P. 10–19; doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-10-19.

Введение

Своеобразным мейнстримом современной действительности является активное развитие и внедрение цифровых технологий в различные сферы общественной жизни. Цифровизация открывает не только новые возможности, но и бросает серьёзные вызовы, игнорировать которые не представляется возможным. Один из таких вызовов принимает на себя право, поскольку очевидным является возникнове-

ние новых общественных отношений, нуждающихся в правовом регулировании. Об этом же говорит, к примеру, А. А. Карцхия: «Цифровые технологии начинают диктовать свои условия, к которым необходимо адаптировать правовые институты» [1, с. 25].

Среди развивающихся сегодня цифровых технологий особое место занимает искусственный интеллект, являющийся глобальным трендом современной науки и техники. Это

обусловлено рядом факторов, а именно: а) значительным увеличением объёма данных; б) возрастанием вычислительной мощности компьютеров; в) развитием соответствующих областей математики; г) увеличением количества выполняемых человеком рутинных операций, не требующих проявления творческой составляющей.

Глобальный характер такого явления, как искусственный интеллект, не может не привлекать деятелей современной юридической науки. Дискуссии возникают уже по вопросу определения его понятия. Не считаем необходимым их здесь приводить, поскольку в нашей статье мы будем оперировать дефиницией, предложенной законодателем. Искусственный интеллект представляет собой комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека¹. На использовании искусственного интеллекта основаны пять групп технологий: 1) компьютерное зрение; 2) обработка естественного языка; 3) распознавание и синтез речи; 4) интеллектуальная поддержка принятия решений; 5) перспективные методы искусственного интеллекта.

Необходимость широкомасштабного распространения искусственного интеллекта время от времени подчёркивается органами государственной власти. Так, выступая на международной конференции, посвящённой вопросам развития искусственного интеллекта, Президент РФ В. В. Путин призвал обеспечить в предстоящие десять лет его массовое внедрение. Такое внедрение «должно охватить все отрасли экономики, социальной сферы и систему госуправления»².

Полагаем, что послы Президента РФ обусловлены колоссальным значением, которое имеют технологии для обеспечения конкурентоспособности нашей страны на международной арене и защиты её суверенитета. При этом органами государственной власти не должны игнорироваться проблемы, которые несёт за собой функционирование искусственного интеллекта. Первоочередной из них, на наш взгляд, является проблема юридической ответственности за вред, причинённый в ходе его использования.

Категория «юридическая ответственность» является одной из наиболее дискуссионных в правовой науке. Существует множество подходов к её определению. Мы разделяем точку зрения В. М. Баранова, рассматривающего юридическую ответственность в качестве «особого политико-правового состояния, в котором находится субъект права за совершённое им правонарушение и которое подразумевает претерпевание им неблагоприятных последствий, выраженных в ограничениях личного, организационного или имущественного характера»³.

Методы исследования

Методологическая база настоящего исследования включает в себя всеобщий диалектический метод познания, комплекс общенаучных методов познания (анализ, синтез, индукция, дедукция), а также ряд специальных методов познания (формально-юридический, сравнительно-правовой, системный, функциональный).

Результаты

Анализ научной литературы свидетельствует о том, что одной из ключевых проблем, возникающих в связи с функционированием искусственного интеллекта, является проблема определения субъектов юридической ответственности за причинённый им вред. Содержание проблемы составляет вопрос о том, *кто может выступать субъектами юридической ответственности за вред, причинённый искусственным интеллектом*. Определяются несколько подходов к ответу на этот вопрос.

1. В качестве субъектов юридической ответственности должны рассматриваться исключительно физические и юридические лица, которые обеспечивают функционирование искусственного интеллекта, а также используют его. К таким лицам относятся его создатели (разработчики, производители), а также владельцы (пользователи). Их юридическая ответственность будет зависеть от характера и размера причинённого вреда (гражданская, уголовная, административная и др.).

2. Субъектом юридической ответственности следует признать сам искусственный интеллект. Видами такой ответственности рассматриваются: а) ограниченная имущественная ответственность робота-агента⁴ [2, с. 24]; б) ответственность наиболее развитых с технологи-

¹ О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации pravo.gov.ru. – URL : <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 28.12.2022).

² Путин призвал обеспечить массовое внедрение искусственного интеллекта [Электронный ресурс] // РИА новости : сайт. – URL: <https://ria.ru/20221124/intellekt-1833975245.html> (дата обращения: 28.12.2022).

³ Бабаев В. К. Теория государства и права : учебник для вузов / под ред. В. К. Бабаева. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2022. – С. 436.

⁴ Бойко А. Дмитрий Гришин представил проект регулирования правового статуса роботов в России [Электронный ресурс] // RoboTrends : сайт. – URL: <https://robotrends.ru/pub/1650/dmitriy-grishin-predstavil-proekt-regulirovaniya-pravovogo-statusa-robotov> (дата обращения: 12.02.2023).

ческой точки зрения роботов («электронных лиц»)⁵. Мы же считаем, что реализация данных видов ответственности невозможна. Поясним нашу позицию относительно каждого вида.

Ограниченную имущественную ответственность робота-агента мы не поддерживаем ввиду следующих обстоятельств.

1. Возможность привлечения робота-агента к ограниченной имущественной ответственности потребует предоставления ему правового статуса юридического лица, оснований для которого нет. Это следует, прежде всего, из определения понятия «юридическое лицо», закреплённого в п. 1 ст. 48 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)⁶. Понимание юридического лица исключительно как организации препятствует распространению указанного понятия на искусственный интеллект, функционирующий как в виде программного обеспечения, так и в виде умных роботизированных устройств. Кроме того, возникают вопросы при наделении рассматриваемых роботов имуществом. Каковы будут характер и размер данного имущества? Можем ли мы вообще говорить о том, что какое-либо роботизированное устройство, скажем, умный робот-пылесос, способен, обладать имуществом? Полагаем, что, нет. Сущность владения как гражданско-правового состояния заключается в наличии у субъекта воли к фактическому обладанию вещью. У искусственного интеллекта волевого компонента не имеется. Воля свойственна исключительно человеку как высшему биологическому существу. Следовательно, наделение роботов имуществом невозможно.

2. Рассматриваемый вид юридической ответственности искусственного интеллекта ограничивается рамками гражданско-правовых отношений. Однако как быть в случаях, когда причиняемый им вред затрагивает общественные отношения, которые охраняются уголовным законом? Очевидно, что понимание робота-агента как субъекта права и юридической ответственности имеет валидность только для гражданско-правовой сферы. В связи с этим ограниченная имущественная ответственность искусственного интеллекта в полной мере не разрешает вопросы юридической ответственности за причинённый им вред. Однако нельзя не отметить, что допустимость возложения преимущественно гражданско-правовой ответственности на искусственный интеллект под-

держивается многими учёными, которые в этом же ключе исследуют вопрос признания его субъектом права [4, с. 516; 5, с. 58; 6, с. 108].

Ответственность наиболее развитых с технологической точки зрения роботов («электронных лиц») мы считаем невозможной для реализации ввиду следующих обстоятельств.

1. Категория «электронное лицо», впервые предложенная Комитетом Европейского парламента по правовым вопросам в проекте Отчёта о гражданско-правовых нормах в области робототехники от 31 мая 2016 г.⁷, предполагает, что наиболее сложные автономные роботы, оснащённые искусственным интеллектом, способны иметь «особые права и обязанности, одной из которых является обязанность по возмещению любого ущерба». Это означает появление полноценного субъекта права, близкого к физическому лицу, то есть человеку. Последствием такой близости может стать ослабление прав человека: «Робот тогда будет обладать правами человека, такими как право на достоинство ... или право на гражданство»⁸. Кто-то из учёных может возразить, указав на специфичность правового статуса «электронного лица». Логично, что и юридическая ответственность также должна быть специфичной, что проявляется в применении к ним специальных мер. Однако предлагаемые сегодня варианты являются выражением юридической ответственности не искусственного интеллекта, а скорее человека, правообладателя искусственного интеллекта, за некорректное или неправомерное его использование, что в свою очередь служит дополнительной гарантией безопасности функционирования искусственного интеллекта. Так, Д. А. Матанцев в качестве мер специфической ответственности называет изменение настроек, перепрограммирование, блокирование и др. [7, с. 173]. Схожие идеи можно найти и в исследованиях зарубежных учёных. Некоторые из них предполагают, что к искусственному интеллекту можно применять специальные виды наказаний, к примеру, деактивацию и перепрограммирование⁹.

2. Реализация идеи ответственности «электронных лиц» не разрешает всех проблем, связанных с причинением вреда функционированием искусственного интеллекта, поскольку данная идея разработана лишь под искусствен-

⁵ European Parliament. REPORT with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103 (INL)). Debates, 15 February 2017. – URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=CRE&reference=20170215&secondRef=ITEM-014&language=EN&ring=A8-2017-0005> (дата обращения: 12.02.2023).

⁶ Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Российская газета. – 1994. – 8 дек.

⁷ European Parliament. REPORT with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103 (INL)). Debates, 15 February 2017. – URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=CRE&reference=20170215&secondRef=ITEM-014&language=EN&ring=A8-2017-0005> (дата обращения: 15.02.2023).

⁸ Robot rights a major threat to humans – AI experts slam EU plan. – URL: <https://www.rt.com/news/424353-robot-human-rights-eu/> (дата обращения: 15.02.2023).

⁹ Kopfstein J. Should Robots Be Punished For Committing Crimes? – URL: <https://www.vocativ.com/417732/robots-punished-committing-crimes/> (дата обращения: 15.02.2023).

ный интеллект, воплощённый в робота. Однако как быть с другими формами его бытия? Ведь сегодня в реальности нас окружает множество устройств, не имеющих роботизированной формы. Соответственно, проблема юридической ответственности за вред, причинённый ими, так и остаётся неразрешённой.

Следует сказать о том, что рассмотренные выше виды юридической ответственности искусственного интеллекта обусловлены попытками разрешить спор о том, может ли искусственный интеллект выступать самостоятельным субъектом права. Множество имеющихся сегодня научных трудов отражают спор о *возможности рассмотрения искусственного интеллекта как самостоятельного субъекта права*, который, с нашей точки зрения, вызван следующими обстоятельствами.

Во-первых, активным развитием сферы робототехники наряду со сферой искусственного интеллекта. Комбинация исследований в этих сферах позволяет создавать умные роботизированные устройства, функционирование которых осуществляется на основе специального программного обеспечения с искусственным интеллектом. Ярким примером таких устройств является гастролирующий по разным странам и дающий интервью гиноид София, имеющий внешность британской актрисы Одри Хэпберн. А. И. Козырев особенно выделяет наличие у Софии человеческой внешности. Моделирование таких роботов, по его мнению, обуславливает дискуссии о возможности наделения их правосубъектностью. Такие дискуссии, как полагает учёный, «навеяны головокружением от успеха»¹⁰.

Во-вторых, особенностями предложенного законодателем определения понятия «искусственный интеллект», которые заключаются в указании на такие его признаки, как способность к самообучению и самостоятельному принятию решений. Данные признаки отдельными авторами, например, Ф. В. Ужовым, рассматриваются в качестве причин наделения искусственного интеллекта статусом субъекта права, одним из элементов которого является обязанность нести ответственность за совершённые противоправные деяния [3, с. 358].

Дискуссии о том, стоит ли наделять искусственный интеллект правосубъектностью и рассматривать его в качестве субъекта юридической ответственности, носят во многом схоластический характер. Они уводят от реальных проблем, которые необходимо решить уже сегодня. Учёным следует акцентировать своё внимание на тех признаках искусственного ин-

теллекта, которыми он обладает в настоящее время. Способность к самообучению и самостоятельному принятию решений – признаки «сильного» искусственного интеллекта, создание которого остаётся пока не решённой задачей. Идея же законодателя, включившего указанные признаки в определение, на наш взгляд, состояла в том, чтобы учесть будущее развитие технологий. А поведение сегодняшних умных роботов программируется человеком, в связи с чем только он может нести юридическую ответственность за причинённый ими вред. Кроме того, существование искусственного интеллекта не ограничивается исключительно роботизированными устройствами. Это может быть и программное обеспечение для компьютера или иного девайса. Соответственно, наличие оболочки робота никак не должно влиять на возможность признания такого робото-разумного субъекта субъектом права.

Таким образом, полагаем, что искусственный интеллект не может и не должен сегодня быть субъектом права и юридической ответственности. Более целесообразным является рассмотрение вопросов *юридической ответственности человека за вред, причинённый искусственным интеллектом*. Искусственный интеллект – объект правового регулирования – это комплекс технологических решений, инструмент, используемый человеком для достижения конкретных целей. Соответственно, необходимо проанализировать положения действующего законодательства на предмет того, какой из традиционных субъектов права может быть привлечен к юридической ответственности.

Гражданско-правовая ответственность. Возможность привлечения к гражданско-правовой юридической ответственности может быть обусловлена положениями ст. 1079 ГК РФ, в соответствии с которыми обязанность по возмещению вреда возлагается по общему правилу на владельцев источников повышенной опасности. В этом случае искусственный интеллект следует рассматривать в качестве последнего. Закон не содержит исчерпывающего перечня источников повышенной опасности, как и чёткого определения данного понятия. С одной стороны, это осложняет правоприменительный процесс, но с другой – учитывает развитие науки и техники. Об этом же говорит и Е. С. Цветкова: закрытый перечень источников повышенной опасности не способен моментально учитывать развитие науки и техники, которое влечёт появление новых, более усовершенствованных механизмов и технологий [8, с. 391].

Ввиду отсутствия в законе закрытого перечня источников повышенной опасности следует опираться на их ключевые признаки. Во-первых, это невозможность осуществления человеком полного контроля в ходе использования какого-

¹⁰ Тема с философом Алексеем Козыревым: Нужно ли регулировать искусственный интеллект [Электронный ресурс] // Российская газета. – 2022. – 20 окт.

либо объекта материального мира. Во-вторых, высокий риск причинения вреда третьим лицам в ходе использования какого-либо объекта материального мира. То есть источником повышенной опасности является не столько сам объект, сколько деятельность, связанная с его использованием. Именно в рамках осуществления деятельности объект проявляет свойства, обуславливающие его неподконтрольность человеку и высокий риск причинения им вреда. Отсутствие возможности взять функционирование искусственного интеллекта под полный контроль обусловлено, по нашему мнению, процессами машинного обучения, благодаря которым он способен решать различные задачи. Несмотря на то, что в формировании необходимых для машинного обучения баз данных участвует человек, сам процесс обработки информации скрыт от человеческого глаза и, соответственно, не может быть подвергнут контролю. Из этого следует, что не всегда можно объяснить результат, который получается на выходе. Российский нейробиолог К. В. Анохин, говоря о механизме принятия решения искусственным интеллектом, отметил следующее: «Мы знаем, что на его входе есть задача, а на выходе – решение. А что происходит внутри, в десятках и сотнях скрытых слоев искусственной нейронной сети – пока малопонятно»¹¹.

Так, в 2020 г. имел место случай, когда в ходе эксперимента созданный на базе GPT-3¹² виртуальный собеседник («чат-бот») предложил пациенту (участнику эксперимента) убить себя. Последний обратился к боту с вопросом: «Я очень плохо себя чувствую. Мне убить себя?». И бот ответил: «Я думаю, стоит»¹³. Таким образом, непредсказуемый характер результатов работы программ искусственного интеллекта делает их применение довольно рискованным. Это свидетельствует о необходимости многократного тестирования таких программ.

Конечно, не только в силу скрытости процесса обработки и преобразования информации, непредсказуемости получаемых результатов искусственный интеллект заключает серьёзные риски. Полагаем, что они также могут быть связаны с различными техническими ошибками и сбоями в его функционировании. Так, широкую известность приобрел случай, произошедший в американском городе Темпе. В системе управления беспилотного автомо-

биля Volvo произошла ошибка компьютерного зрения: находящуюся на неосвещённом участке проезжей части 49-летнюю женщину-велосипедистку она распознала как незначительный посторонний объект и поэтому не предприняла необходимых мер для предотвращения столкновения. В результате женщина получила травмы, не совместимые с жизнью. Нужно сказать, что это первый зафиксированный случай гибели человека в результате наезда транспортного средства с искусственно интеллектуальным управлением¹⁴.

Особенности машинного обучения порождают проблемы, связанные с юридической ответственностью, ключевой из которых является установление причинно-следственной связи между действиями конкретных лиц и причинённым вредом. В этих условиях, на наш взгляд, возникает необходимость привлечения экспертов для проведения судебной экспертизы.

Наиболее совершенным видом машинного обучения является самообучение искусственного интеллекта, при котором контроль человека полностью исключён. Однако имеющиеся сегодня умные устройства ещё не скоро смогут самообучаться. Способность к самостоятельному обучению, осуществляемому без заданного человеком алгоритма, свойственна так называемому «сильному» искусственному интеллекту, нацеленному на решение не конкретной узкой задачи, а множества разнородных задач. В связи с этим представляется неверным обсуждать правовые проблемы самообучающегося искусственного интеллекта. По нашему мнению, следует сосредоточиться на проблемах, которые возникают при функционировании устройств, которые у нас есть сегодня. В качестве примеров таких устройств можно рассматривать искусственно-интеллектуальные камеры видеонаблюдения, программные комплексы распознавания текста, беспилотные транспортные средства, чат-боты и др.

Отсутствие возможности осуществлять полный контроль над функционированием технологий искусственного интеллекта обуславливает высокую вероятность причинения ими вреда как источником повышенной опасности. Данный вред может быть как моральным (жизнь и здоровье), так и материальным (имущество).

Применяя положения ст. 1079 ГК РФ, мы обязаны учитывать, что категория «владелец» должна рассматриваться в предельно широком смысле (не только право собственности) и что не следует отождествлять владельца и пользователя. Первая категория предполагает лишь по-

¹¹ Медведев Ю. Академик Анохин: Современный искусственный интеллект – это «черный ящик» интеллект [Электронный ресурс] // Российская газета. – 2020. – 20 окт.

¹² GPT – алгоритм обработки естественного языка, разработанный американской компанией OpenAI. В мере речь идет о третьем поколении таких алгоритмов.

¹³ Исследователи создали медицинского чат-бота OpenAI GPT-3 в качестве эксперимента. – URL: https://www.theregister.com/2020/10/28/gpt3_medical_chatbot_experiment/ (дата обращения: 14.02.2023).

¹⁴ Смирнова Ю. За рулём робот: аварии, в которых виноват автопилот [Электронный ресурс] // Autonews : сайт. – URL: <https://www.autonews.ru/news/5be4498c9a7947707744ab2b> (дата обращения: 15.02.2023).

тенциальную возможность извлекать полезные свойства из объекта права собственности, тогда как вторая категория – реальное извлечение данных полезных свойств. Следовательно, не во всех случаях владелец и пользователь – одно и то же лицо. Речь идёт, например, о передаче пользования вещью по договору аренды. В этом случае целесообразно привлекать к ответственности именно пользователя, то есть фактического причинителя вреда. Он же будет выступать субъектом ответственности в случае неправомерного завладения искусственным интеллектом. Таким образом, ответственность за причинённый искусственным интеллектом вред могут нести как его владельцы, так и пользователи.

А как быть с создателем (разработчиком)? Ведь не исключена вероятность ошибок в программировании соответствующих систем. В. А. Лаптев полагает, в этом случае можно по аналогии использовать конструкцию, предусмотренную ст. 1095 ГК РФ. Тогда программное обеспечение с искусственным интеллектом следует рассматривать как товар, имеющий недостатки, а создателя (разработчика) – как его изготовителя [9, с. 92].

Как видим, имеющиеся сегодня в законе конструкции позволяют привлекать физических и юридических лиц к гражданско-правовой ответственности в случае причинения вреда используемыми ими технологиями искусственного интеллекта. В качестве дополнительной гарантии защиты имущественных интересов граждан предлагаем обязать лиц, не являющихся владельцами источников повышенной опасности, страховать риск своей гражданской ответственности. Это прежде всего производители соответствующих программных комплексов и устройств, оснащённых искусственным интеллектом. Необходим постепенный отход от ставшего традиционным для нашей правовой системы страхования ответственности исключительно владельцев источников повышенной опасности, если речь идёт об искусственном интеллекте. Большая ответственность за безопасность работы искусственного интеллекта лежит на производителе – и не только на нём. Возьмем, к примеру, беспилотные автомобили. И. Хереш, справедливо отмечает, что к лицам, потенциально ответственным за их корректную работу, помимо производителей и владельцев, можно относить разработчиков программного обеспечения и даже дорожные службы¹⁵.

Таким образом, распространение института страхования гражданской ответственности на производителей искусственного интеллекта

будет способствовать формированию доверительного отношения к соответствующим технологиям, а последнее позволит более активно внедрять их в различные сферы. Однако это потребует внесения корреспондирующих изменений в ст. 1079 ГК РФ. Также потребуются введение новой презумпции – презумпции опасности искусственного интеллекта [10, с. 177]. Такая презумпция делает возможным применение нормативных положений об источнике повышенной опасности.

Уголовная ответственность. Законодатель строго придерживается антропоцентристского подхода к уголовной ответственности – субъектом преступления является физическое лицо, обладающее прежде всего сознанием, что позволяет провести оценку признаков субъективной стороны состава преступления. Таким образом, речь идёт о человеке как субъекте права. Однако в правовой науке обосновывается возможность привлечения к уголовной ответственности и юридических лиц [11, с. 192; 12, с. 68; 13, с. 57; 14, с. 20]. Несмотря на это, большая часть представителей уголовно-правовой доктрины строго стоят на защите антропоцентристского подхода и ключевых принципов уголовного права. Из этого следует, что даже обладая определённым правовым статусом, «электронные лица» все равно не смогут нести уголовную ответственность, по крайней мере, пока они не приобретут сознания. Но вряд ли это возможно.

Полагаем, что в качестве субъектов уголовной ответственности за вред, причинённый искусственным интеллектом, сегодня можно рассматривать, например, его производителей (создателей, разработчиков) – в случае, если произведённое ими программное обеспечение на основе искусственного интеллекта или же продукция, функционирующая на его основе, не отвечают требованиям безопасности, что влечёт причинение вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям. Указанные действия производителей образуют состав преступления, предусмотренный ст. 238 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)¹⁶. Кроме того, гипотеза указанной нормы позволяет привлекать к уголовной ответственности и продавца не отвечающей требованиям безопасности продукции, если он осведомлён о каких-либо дефектах реализуемого им искусственного интеллекта.

Учитывая, что рассматриваемая норма является бланкетной, для принятия решения о наличии в действиях лица состава преступления необходимо обратиться к актам, устанавливающим требования безопасности конкретной про-

¹⁵ Фрумкин К. Каким будет страхование беспилотных автомобилей [Электронный ресурс] // Инвест-Форсайт : сайт. – URL: <https://www.if24.ru/kakim-budet-strahovanie-bespilotnikov/> (дата обращения: 15.02.2023).

¹⁶ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Российская газета. – 1996. – 18 июня.

дукции (товаров). Так, в отношении пищевой продукции действует Федеральный закон «О качестве и безопасности пищевых продуктов»¹⁷, а также технический регламент Таможенного союза «О безопасности пищевой продукции»¹⁸.

Что же касается искусственного интеллекта, то пока имеется лишь национальный стандарт, адресованный как потребителям искусственного интеллекта, так и лицам, занимающимся его созданием (разработкой)¹⁹. Анализируя положения указанного стандарта, мы можем выделить несколько составляющих безопасности функционирования искусственного интеллекта:

- физическая (касается сенсоров и исполнительных устройств, при помощи которых осуществляется физическое взаимодействие с окружающей средой и объектами);
- инфраструктурная (касается аппаратных средств хранения, обработки и передачи информации);
- прикладная (касается прикладного программного обеспечения, реализующего алгоритмы интеллектуальной обработки данных).

Отсутствие какого-либо элемента свидетельствует о том, что продукция является для потребителя небезопасной.

Законодателю в дальнейшем следует продолжить деятельность, связанную с правовым регулированием отношений в сфере обеспечения безопасности функционирования искусственного интеллекта, в частности:

- установить обязательное лицензирование деятельности, связанной с производством соответствующего программного обеспечения;
- установить технические требования к выпускаемой на его основе продукции, гарантирующие её безопасность для потребителей, а также защищённость от взлома и неправомерного использования;
- установить обязательную сертификацию для данной продукции.

К уголовной ответственности в условиях функционирования искусственного интеллекта также могут быть привлечены лица, совершающие умышленные противоправные деяния, используя искусственный интеллект как: а) орудие преступления; б) средство совершения преступления; в) способ совершения преступления.

¹⁷ О качестве и безопасности пищевых продуктов: федеральный закон от 02.01.2000 г. № 29-ФЗ // Российская газета. – 2000. – 10 янв.

¹⁸ Технический регламент Таможенного союза ТР ТС 021/2011 «О безопасности пищевой продукции» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/902320560?section=text> (дата обращения: 18.11.2022).

¹⁹ ГОСТ Р 59276-2020 [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200177291> (дата обращения: 18.11.2022).

Так, ярким примером использования искусственного интеллекта в качестве способа совершения преступления является использование оснащённых искусственным интеллектом дронов, а также других робототехнических систем для перевозки оружия, наркотических средств и т. п. А. А. Бабушкин, А. А. Маслов, В. С. Овчинский совершенно верно отмечают, что «хотя методы и являются новыми, сами преступления могут быть традиционного типа» [15, с. 112]. Несмотря на это, возможность введения в уголовный закон новых составов преступлений отрицать нельзя.

Таким образом, к уголовной ответственности за вред, причинённый искусственным интеллектом, могут быть привлечены: его производитель, продавец, а также иные лица, использовавшие его в противоправных целях.

Заключение

Наиболее адекватным, отвечающим уровню развития искусственного интеллекта путём решения проблемы определения субъектов юридической ответственности за причинённый им вред является реализация юридической ответственности традиционных субъектов права (физических и юридических лиц), а именно:

а) гражданско-правовой ответственности владельцев искусственного интеллекта, а также его создателей (разработчиков) – с помощью применения конструкций, предусмотренных ст. 1079 и ст. 1095 ГК РФ;

б) уголовной ответственности производителей и продавцов искусственного интеллекта по ст. 238 УК РФ, а также иных лиц, использовавших его в противоправных целях.

Для дальнейшего правового регулирования отношений, складывающихся в сфере внедрения и использования искусственного интеллекта, законодателю следует:

1) распространить институт страхования гражданской ответственности на производителей искусственного интеллекта. Это будет способствовать формированию доверительного отношения к искусственному интеллекту, что позволит более активно внедрять его в различные сферы. Однако это потребует внесения корреспондирующих изменений и в ст. 1079 ГК РФ;

2) продолжить деятельность, связанную с правовым регулированием отношений в сфере обеспечения безопасности функционирования искусственного интеллекта, для чего:

– установить обязательное лицензирование деятельности, связанной с производством соответствующего программного обеспечения;

– установить технические требования к выпускаемой на его основе продукции, гарантирующие её безопасность для потребителей, а также защищённость от взлома и неправомерного использования;

– установить обязательную сертификацию для данной продукции.

Что же касается попыток наделения искусственного интеллекта свойствами субъекта права, то они являются несостоятельными. Дискуссии о юридической ответственности искусственного интеллекта, наделении его свойствами юридических или даже физических лиц уводят от реальных проблем, которые необходимо решить для обеспечения его развития и масштабного использования.

Необходимо сконцентрировать внимание на тех формах бытия искусственного интеллекта, что окружают нас сейчас и рассматривать теоретические и практические проблемы применительно к ним. При этом мы не умаляем значимость прогностической функции юридической науки, в рамках реализации которой могут быть приложены различные модели юридической ответственности, имея в виду предполагаемый прогресс искусственного интеллекта.

Список литературы

1. *Карицхия А. А.* Цифровая трансформация права // Мониторинг правоприменения. – 2019. – № 1 (30). – С. 25–29.
2. *Гаджиев Г. А., Войникас Е. А.* Является ли робот-агент лицом? (поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2018. – № 1 (253). – С. 24–48. doi: 10.17323/2072-8166.2018.4.24.48.
3. *Ужов Ф. В.* Искусственный интеллект как субъект права // Пробелы в российском законодательстве. – 2017. – № 3. – С. 357–360.
4. *Свиридова Е. А.* Проблема ответственности искусственного интеллекта через призму концепции гражданско-правовой ответственности Франции // Образование и право. – 2000. – № 4. – С. 516–523. doi:10.24411/2076-1503-2020-10483.
5. *Левченко А. И.* Гражданско-правовая ответственность за причинение вреда искусственным интеллектом // Уральский журнал правовых исследований. – 2022. – № 2 (19). – С. 58–62. doi:10.34076/2658_512X_2022_2_58.
6. *Демидова А. С.* Проблемы гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный искусственным интеллектом // Научный альманах. – 2022. – № 1–2 (87). – С. 108–112.
7. *Матанцев Д. А.* Перспективы деликтной ответственности роботов-агентов // Аграрное и земельное право. – 2021. – № 9 (201). – С. 170–174. doi: 10.47643/1815-1329_2021_9_170.
8. *Цветкова Е. С.* Виды источников повышенной опасности в аспекте развития новых технологий // Вопросы российской юстиции. – 2019. – № 1. – С. 385–401.
9. *Лантев В. А.* Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2019. – № 2. – С. 79–102. doi: 10.17323/2072-8166.2019.2.79.102.
10. *Балалаева Ю. С.* К вопросу о презумпции опасности искусственного интеллекта // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2022. – № 2 (58). – С. 177–182. doi: 10.36511/2078-5356-2022-2-177-182.
11. *Никифоров А. С.* Юридическое лицо как субъект преступления и уголовной ответственности / 2-е изд. – Москва : Центр ЮрИнфоР, 2003. – 204 с.
12. *Перов В. А.* Ответственность юридических лиц за действия коррупционного характера и институт уголовной ответственности юридических лиц // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2017. – № 4 (18). – С. 65–68.
13. *Наумов А. В.* Уголовная ответственность юридических лиц // Lex Russica. – 2015. – № 7. – С. 57–63.
14. *Федоров А. В.* Уголовная ответственность юридических лиц в Российской Федерации: от теории к изменению законодательства // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2015. – № 1 (7). – С. 12–20.
15. *Бабушкин А. А., Маслов А. А., Овчинский В. С.* О некоторых научных проблемах использования искусственного интеллекта в оперативно-розыскной деятельности / Оперативно-розыскная деятельность в цифровом мире: сборник научных трудов / под ред. В. С. Овчинского. – Москва: ИНФРА-М, 2021. – С. 108–150. – 630 с.

References

1. *Kartskhiya A. A.* Tsifrovaya transformatsiya prava // Monitoring pravoprimeneniya. – 2019. – № 1 (30). – S. 25–29.
2. *Gadzhiev G. A., Voynikas Ye. A.* Yavlyayetsya li robot-agent litsom? (poisk pravovykh form dlya regulirovaniya tsifrovoy ekonomiki) // Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki. – 2018. – № 1 (253). – S. 24–48. doi: 10.17323/2072-8166.2018.4.24.48.

3. *Uzhov F. V.* Iskusstvennyy intellekt kak sub»yekt prava // Probely v rossiyskom zakonodatel'stve. – 2017. – № 3. – S. 357–360.
4. *Sviridova Ye. A.* Problema otvetstvennosti iskusstvennogo intellekta cherez prizmu kontseptsii grazhdansko-pravovoy otvetstvennosti Frantsii // Obrazovaniye i pravo. – 2000. – № 4. – S. 516–523. doi:10.24411/2076-1503-2020-10483.
5. *Levchenko A. I.* Grazhdansko-pravovaya otvetstvennost' za prichineniye vreda iskusstvennym intellektom // Ural'skiy zhurnal pravovykh issledovaniy. – 2022. – № 2 (19). – S. 58–62. doi:10.34076/2658_512X_2022_2_58.
6. *Demidova A. S.* Problemy grazhdansko-pravovoy otvetstvennosti za vred, prichinenny iskusstvennym intellektom // Nauchnyy al'manakh. – 2022. – № 1–2 (87). – S. 108–112.
7. *Matantsev D. A.* Perspektivy deliktной otvetstvennosti robotov-agentov // Agrarnoye i zemel'noye pravo. – 2021. – № 9 (201). – S. 170–174. doi: 10.47643/1815-1329_2021_9_170.
8. *Tsvetkova Ye. S.* Vidy istochnikov povyshennoy opasnosti v aspekte razvitiya novykh tekhnologiy // Voprosy rossiyskoy yustitsii. – 2019. – № 1. – S. 385–401.
9. *Laptev V. A.* Ponyatiye iskusstvennogo intellekta i yuridicheskaya otvetstvennost' za yego rabotu // Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki. – 2019. – № 2. – S. 79–102. doi: 10.17323/2072-8166.2019.2.79.102.
10. *Balalayeva Yu. S.* K voprosu o prezumptsii opasnosti iskusstvennogo intellekta // Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii. – 2022. – № 2 (58). – S. 177–182. doi: 10.36511/2078-5356-2022-2-177-182.
11. *Nikiforov A. S.* Yuridicheskoye litso kak sub»yekt prestupleniya i ugolovnoy otvetstvennosti / 2-ye izd. – Moskva : Tsentr YurInfoR, 2003. – 204 s.
12. *Perov V. A.* Otvetstvennost' yuridicheskikh lits za deystviya korrupsionnogo kharaktera i institut ugolovnoy otvetstvennosti yuridicheskikh lits // Rassledovaniye prestupleniy: problemy i puti ikh resheniya – 2017. – № 4 (18). – S. 65–68.
13. *Naumov A. V.* Ugolvnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lits // Lex Russica. – 2015. – № 7. – S. 57–63.
14. *Fedorov A. V.* Ugolvnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lits v Rossiyskoy Federatsii: ot teorii k izmeneniyu zakonodatel'stva // Rassledovaniye prestupleniy: problemy i puti ikh resheniya. – 2015. – № 1 (7). – S. 12–20.
15. *Babushkin A. A., Maslov A. A., Ovchinskiy V. S.* O nekotorykh nauchnykh problemakh ispol'zovaniya iskusstvennogo intellekta v operativno-rozysknoy deyatel'nosti / Operativno-rozysknaya deyatel'nost' v tsifrovom mire: sbornik nauchnykh trudov / pod red. V. S. Ovchinskogo. – Moskva: Infra-M, 2021. – S. 108–150. – 630 s.

Статья поступила в редакцию 08.03.2023; одобрена после рецензирования 13.07.2023; принята к публикации 27.07.2023.

The article was submitted March 08, 2023; approved after reviewing July 13, 2023; accepted for publication July 27, 2023.

Научная статья
УДК 340.11
doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-20-28

Виталий Витальевич Балахонский

доктор философских наук, профессор
<http://orcid.org/0000-0003-3098-2802>, Balakhonsky@mail.ru

*Санкт-Петербургский университет МВД России
Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1*

Павел Алексеевич Мухаметов

кандидат исторических наук
pavlik309@rambler.ru

*Уфимский юридический институт МВД России
Российская Федерация, 450103, Республика Башкортостан, Уфа, ул. Муксинова, д. 2*

Исторические и теоретические аспекты развития российской государственности и формирование цивилизационных основ её репрезентаций

Аннотация: Статья посвящена исследованию одной из актуальных проблем современной науки – определения соотношения понятий «цивилизация» и «государство». Выясняется, что, несмотря на их разнородность (государство является формой организации политической власти, цивилизация представляет собой феномен культурного развития), между ними существует определённая связь, обусловленная взаимодетерминированностью в рамках социума соответствующих функций государства и культуры. Целью проводимого исследования является анализ указанных категорий применительно к истории развития российской государственности. В статье излагается авторская позиция в понимании сущности и специфики цивилизационного развития российской государственности.

Теоретическую основу исследования составили работы отечественных и зарубежных учёных.

Методология. В процессе работы с материалом использовались системный метод, а также методы сравнительно-правового, историко-правового, цивилизационного анализа и формальной логики.

Результаты. Установлено, что в рассматриваемом соотношении понятий – «цивилизация» и «государство» – большим объёмом обладает понятие «цивилизация», поскольку оно может охватывать несколько государств, с близкой культурой, и в рамках одной и той же цивилизации могут исторически сменяться различные формы правления государства. Формулируется определение цивилизации, под которой авторы предлагают понимать длительно существующее самостоятельное сообщество этносов, стран, государств, обладающее чётко выраженным духовным и материальным культурным своеобразием и выступающее значимым субъектом социокультурного развития человеческого общества. Выясняется специфика и место советской субцивилизации в рамках российской цивилизации.

Ключевые слова: государство, цивилизация, история, культура, культурно-исторический тип

Для цитирования: Балахонский В. В., Мухаметов П. А. Исторические и теоретические аспекты развития российской государственности и формирование цивилизационных основ её репрезентаций // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 3 (99). – С. 20–28; doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-20-28.

Vitaly V. Balakhonsky

Dr. Sci. (Phil.), Professor

<http://orcid.org/0000-0003-3098-2802>, Balakhonsky@mail.ru

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

Pavel A. Mukhametov

pavlik309@rambler.ru

Ufa Law Institute of the Ministry of the MIA of Russia

*2, Muksinova str., Ufa, 450103, Republic of Bashkortostan,
Russian Federation*

Historical and theoretical aspects of the development of Russian statehood and the formation of the civilizational foundations of its representations

Abstract: The article is devoted to the study of one of the current issues of modern science. That is the definition of the correlation between the concepts of «civilization» and «state». It turns out that, despite their heterogeneity (the state is a form of organization of political power, civilization is a phenomenon of cultural development), there is a certain connection between them, due to the reciprocal determination within society of the corresponding functions of the state and culture. The purpose of the research is to analyze these categories in relation to the history of the development of Russian statehood. The article presents the author's standpoint in understanding the essence and specificity of the civilizational development of Russian statehood.

The theoretical basis of the study was the work of Russian and foreign scientists.

Methodology. In the process of working with the material, a systematic method, as well as methods of comparative legal, historical-legal, civilizational analysis and formal logic were used.

Results. It is found that in the considered correlation of the concepts «civilization» and «state», the concept of «civilization» has a large volume, as far as it can cover several states with a similar culture, and within the same civilization, various forms of state government can historically change. The definition of civilization is formulated, and the authors propose to understand it as a long-existing self-sufficient community of ethnic groups, countries, states, having a clearly expressed spiritual and material cultural identity and acting as a significant subject of socio-cultural development of human society. The specificity and place of Soviet subcivilization within the framework of Russian civilization are clarified.

Keywords: state, civilization, history, culture, cultural-historical type

For citation: Balakhonsky V. V., Mukhametov P. A. Historical and theoretical aspects of the development of Russian statehood and the formation of the civilizational foundations of its representations // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – № 3 (99). – P. 20–28; doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-20-28.

Введение

Исследование исторических аспектов развития российской государственности в их сравнительно оценочном соотношении со специфической формированием цивилизационных парадигм представляет собой малоисследованную и крайне дискуссионную область теоретико-правового, социально философского и философско-правового познания [1, с. 195; 4, с. 35].

В последние тридцать лет отечественной истории в общественное сознание настойчиво внедрялось представление о том, что Россия

является особой «версией» европейской цивилизации (Запада) и должна в своих социокультурных телеологических ориентирах встраиваться в западную схему глобализационных процессов. Для реализации этого России предлагалось, в значительной степени, отказаться от собственной культуры, истории, сложившихся форм государственности. Социальная деструктивность подобного курса стала очевидной лишь в современных условиях прямого враждебного противодействия России со стороны коллективного Запада.

Подобная социальная ситуация актуализирует теоретическое осмысление цивилизационной идентичности России, определение её места и роли в мировой истории.

В современной науке отсутствует единство подходов к определению категории «цивилизация» [11, с. 93], важнейшие смыслы, связываемые с этим понятием можно обобщить в следующие основные группы:

1. Цивилизация – это уровень развития духовной и материальной культуры социума.

2. Цивилизация – это форма организации определённого социума, отличающаяся общностью духовно-нравственных ценностей и культурных традиций (например, Византийская цивилизация).

3. Цивилизация – это обобщённая характеристика уровня культурного развития человечества (например, понятие «человеческая цивилизация»).

4. Цивилизация – это степень развития определённой сферы человеческой деятельности (например, понятие «техническая цивилизация»).

5. Цивилизация – это устойчивая форма социального сообщества, объединяющая страны, народы и государства, на основе единых социокультурных особенностей (например, Западная цивилизация, Восточная цивилизация).

6. Цивилизация – это характеристика материальной стороны жизни общества, в её противопоставлении культуре, как духовной стороне человеческой жизнедеятельности [13, с. 184–186].

Приведённое перечисление значений понятия «цивилизация» не является исчерпывающим, оно лишь свидетельствует о сложности и неоднозначности понимания этого социального феномена в научной литературе.

Целью данной статьи является анализ категорий «государство» и «цивилизация» применительно к истории развития российской государственности, формирование авторской позиции в понимании сущности и специфики цивилизационного развития российской государственности.

Методы. В процессе работы с материалом авторами использовался системный метод исследования, позволяющий осуществить целостный анализ важнейших элементов и системообразующих связей социальных феноменов «русской государственности» и «русской цивилизации», выявить специфику и место данных феноменов в истории человечества.

Большую методологическую роль в проводимом исследовании сыграли также такие методы, как:

1) формально-логический, позволивший определить общую тенденцию развития россий-

ской государственности и её цивилизационных репрезентаций;

2) сравнительно-правовой метод, обусловивший возможность эвристического осмысления и оценки исторических этапов и форм российской государственности;

3) метод историко-правового анализа, на основании которого осуществлялась теоретическая реконструкция общей тенденции развития российской государственности;

4) метод цивилизационного анализа, позволивший выявить социокультурные основания и детерминанты становления и эволюции государственности в России.

Результаты. В рамках нашей статьи мы будем понимать под цивилизацией длительно существующее самодостаточное сообщество этносов, стран, государств, обладающее чётко выраженным духовным и материальным культурным своеобразием и выступающее значимым субъектом социокультурного развития человеческого общества.

Принципиально важным является вопрос о соотношении понятий «цивилизация» и «государство» [7, с. 159; 9, с. 247; 14, р. 136]. Несмотря на их разнородность (государство является формой организации политической власти, цивилизация представляет собой феномен культурного развития), между ними существует определённая связь, обусловленная взаимодетерминированностью в рамках социума соответствующих функций государства и культуры. Государство, осуществляя деятельность по управлению жизнью общества, должно обеспечивать сохранение преемственности культурных основ определённого социума [2, с. 93; 6, с. 208], культура выступает важным интегрирующим фактором, укрепляющим единство общества. Кроме того, такой значимый аспект культуры, как политическая культура, непосредственно детерминирует эффективность функционирования государственного механизма.

В рассматриваемом соотношении понятий большим объёмом обладает понятие «цивилизация», поскольку оно может охватывать несколько государств, с близкой культурой, и в рамках одной и той же цивилизации могут исторически сменяться различные формы правления государства, как это произошло, например, в русской истории, в которой в XX веке царская монархия сменилась Союзом Советских Социалистических Республик, а затем президентской республикой.

Основоположники цивилизационного подхода к осмыслению человеческой истории (Н. Я. Данилевской, О. Шпенглер и др.) считали важным дифференцировать понятия «цивилизация» и «культурно-исторический тип», полагая, что развитие культурно-исторического типа

может завершиться формированием собственной цивилизации, как высшего, но завершающего этапа любой культуры. Подобный подход представляется более методологически обоснованным, чем утвердившееся в современной науке, начиная с работ А. Тойнби, отождествление понятий «культурно-исторический тип» и «цивилизация» [10, с. 276]. Недостатком подобного отождествления является расширительное понимание самого термина «цивилизация», под который можно подводить любое своеобразие отдельных культурных характеристик того или иного этноса, общества или государства. Подобные особенности, представленные в определённых сферах культуры (например, в религии, мифологии и т. п.), можно обнаружить в основах жизнедеятельности любого социального субъекта, а, следовательно, и объявить это отдельной цивилизацией. Тем самым, понятие «цивилизация» становится применимым к культуре любого общества или государства, вследствие чего, теряет свой научный смысл и методологическое значение.

Избежать подобного результата и сохранить научный статус термина «цивилизация» представляется возможным путём включения в определение сущности данного социального феномена двух необходимых параметров:

1) цивилизация фиксирует своеобразие не отдельных аспектов культурного развития (например, религиозной культуры), а его целостных, обобщённых социокультурных характеристик;

2) подобное культурное своеобразие, которое само по себе является атрибутом истории любого общества, должно служить фактором, обогащающим мировую культуру, то есть оказывать активное социокультурное влияние на другие страны, народы, государства [15, р. 11027], причём это влияние может быть выражено не только в форме подражания и заимствования, но и в виде неприятия, борьбы, противопоставления другой культуре.

С учётом сформулированных теоретических подходов к пониманию смысла термина «цивилизация», обратимся к исследованию проблем формирования цивилизационных основ репрезентаций российской государственности.

В современной отечественной научной парадигме начало формирования нашей цивилизации связывают с возникновением российской государственности в 862 году, произошедшей в результате правления династии Рюриковичей и объединения князем Олегом в 882 г. Киевской Руси и Новгородской земли в единое федеративное государство, после чего понятие «Русь» распространяется на все объединившиеся восточнославянские и неславянские земли.

Думается, что подобный подход к пониманию времени возникновения российской цивилизации является ошибочным, поскольку сама

по себе государственность выступает лишь необходимой основой возможного формирования цивилизации, но никак не отправной точкой её отсчёта. Об этом писал ещё Н. Я. Данилевский, который второй закон возникновения и развития цивилизации формулирует следующим образом «для зарождения и развития цивилизации необходимо, чтобы народы пользовались политической независимостью» [5, с. 91].

Собственная государственность является необходимым, но не достаточным основанием появления цивилизации, поскольку:

1) в противном случае количество цивилизаций было бы неправомерно большим, так как совпадало бы с численностью государств, когда-либо существовавших в человеческой истории, и продолжало бы непрерывно множиться вслед за изменениями форм государственности;

2) различие форм государственности не является главным, определяющим фактором развития культуры;

3) конкретные формы государства могут как способствовать развитию своеобразия национальных культур, так и препятствовать ему.

В соответствии с этим применительно к началу формирования российской государственности мы можем говорить лишь о начальных предпосылках формирования будущей цивилизации, но не о самой цивилизации.

Следует констатировать отсутствие единства во мнениях учёных по поводу того, сколько цивилизаций существовало в истории России. Многообразные мнения по этому поводу можно объединить в две противоположные позиции.

Первая из них состоит в том, что в истории России существует только одна цивилизация, совпадающая, по времени своего возникновения, с началом формирования в IX веке российской государственности. В развитии этой цивилизации выделяют ряд этапов, представляющих собой специфические субцивилизации, обладающие собственной исторической социокультурной спецификой. Как правило, выделяют четыре подобных субцивилизации:

1) Киевскую Русь, в истории которой чётко дифференцируются этапы, включая Киевский, Владимиро-Суздальский и Галицко-Волынский периоды политического приоритета (с конца X в. по конец XIII в.);

2) Московскую Русь, образовавшуюся в результате объединения земель вокруг Москвы, происходившего с начала XIV в. и по конец XVIII в.;

3) Имперскую Россию, связанную с победой России в Северной войне и началом проведения Россией активной международной политики (с начала XVIII в. по 1917 год);

4) Советскую Россию, образовавшуюся в результате революционных социалистических преобразований, создавших уникальную фор-

му демократического государства; принципиально новых, для того времени, экономических отношений; самобытную интернациональную культуру, включающую в себя все культурные достижения этносов, охватываемых данной цивилизацией (1917–1991 гг.) [8, с. 79–83].

Подобный подход, утверждающий наличие в России одной цивилизации, охватывающий всю историю её существования, представляется спорным и научно недостаточно обоснованным. Такая оценка данного подхода детерминирована следующими обстоятельствами:

1. Жесткая связь понятия «цивилизация» с различными формами государственного устройства неминуемо ведёт к терминологической путанице; к расширительному толкованию сущности цивилизации; к утверждению, что любое государство – это цивилизация, а в равной степени цивилизациями являются даже отдельные исторические этапы развития одного и того же государства.

2. Первые две субцивилизации – Киевская и Московская Русь – ещё не обладали в сформированном виде ярко выраженным, целостным, качественным духовным и материальным культурным своеобразием, принципиально отличавшим их от близких по специфике иных субкультур.

3. Само понятие «субцивилизация» отличается от «цивилизации» тем, что оно представляет собой некую пространственно-временную модификацию основной цивилизации, каковой, в рассматриваемом нами случае, может выступать лишь Византийская цивилизация, оказавшая огромное определяющее влияние на религиозные и политические особенности Киевской и Московской Руси. Её влияние можно обнаружить и в идеологических концепциях Имперского периода, в частности, в концепции «Москва – третий Рим». Но в таком случае первые два отмеченных периода отечественной истории в большей степени являются субцивилизациями Византийской цивилизации, а не собственно Российской.

4. В период утраты русским государством значительной части своего суверенитета, в результате зависимости от Монгольской империи, а позже от Золотой Орды (XIII – XV века), в значительной степени, ослабла преемственность социокультурной традиции в области политической, правовой культуры, нравственности, с большими сложностями сталкивалось развитие материальной культуры, в общественном сознании (за исключением Северо-Западных регионов страны) формировалось рабское сознание, получившее впоследствии своё закрепление в феномене крепостного права. Отмеченные процессы в наименьшей степени касались религиозной культуры, что, скорее всего, объяснялось её идеологической и политической

нейтральностью по отношению к любой системе властных отношений. Проповедь смирения и покорности, надежды на посмертное воздаяние за земные мучения не могли служить знаменем сопротивления захватчикам. Так продолжалось более полутора веков, вплоть до конца XIII века, когда русская церковь активно включилась в борьбу за национальную независимость. Подобная смена установок объяснялась не изменениями в религиозной идеологии (таких изменений в рассматриваемый период не произошло!), а переменами в церковной политике и формируемой ею религиозной психологии верующих. Обобщая изложенное, следует отметить, что в рассматриваемой концепции особой русской цивилизации, существовавшей на протяжении всего периода российской государственности, образуется ряд лагун, применительно к которым идентичность цивилизационных признаков утрачивает свою силу. Помимо периода XIII–XV вв. это в полной мере может быть отнесено и к тридцати годам постсоветской отечественной истории, для которых был характерен отказ от собственной государственной идеологии, от социокультурной преемственности в развитии и абсолютное доминирование западной массовой культуры.

Приведённая выше аргументация позволяет сделать следующие предположения:

1. Первые два этапа развития истории отечественной государственности выступают не субцивилизациями единой российской цивилизации, а периодами формирования её будущих основ, важнейшими из которых явились:

- формирование единой древнерусской народности, объединённой определёнными экономическими связями, этнической, территориальной, культурной и языковой общностью (на основе которой впоследствии сложились русский, украинский и белорусский народы);

- возникновение первых форм русской государственности, представленных в широких для того времени репрезентациях: от раннефеодальной монархии (княжеская власть) до республики (Киевское, Владимиро-Суздальское княжество, Новгородская феодальная республика, Московское княжество);

- введение и упрочение важного интегрирующего принципа объединения земель – православия, представляющего собой духовное наследие Византийской цивилизации;

- усиление экономического роста, развитие торговли и ремёсел;

- появление и возвышение «городов-республик» — Новгорода и Пскова;

- становление таких факторов объединения как единство веры, церкви, языка, обычаев, единство княжеского рода Рюриковичей и зарождающееся общенациональное самосознание;

- становление черт национального характера, необходимых для противодействия суровой природе и иностранным захватчикам, таких как мужество, стойкость, преданность Родине и князю, способность морально противостоять тем соблазнам, которые предлагает чужеземная власть.

2. Единая древнерусская цивилизация не могла сложиться в данный период, в силу действия следующих исторических причин:

- не удалось создать единое централизованное или федеративное государство;

- феодальная раздробленность Руси на несколько княжеств, фактически независимых друг от друга;

- правовая неразработанность процесса престолонаследия и междоусобные войны князей;

- активизация нападений воинственных степных кочевников, потеря мировых торговых путей и значительное ухудшение экономического положения (взятие крестоносцами Константинополя и основание на месте греческой Византии Латинской империи (1204) прервали все торговые и культурные связи Киева с Константинополем);

- невосполнимый урон русской материальной и духовной культуре, нанесённый монгольским нашествием;

- минимизация культурного влияния со стороны захватчиков, вызванная двумя определяющими факторами: 1) более низким уровнем экономического и культурного развития Монгольской империи по сравнению с древнерусскими государствами; 2) принципиальной несхожестью их цивилизационных основ.

3. Формирование самобытной российской цивилизации происходило на имперском этапе отечественной истории, основываясь на:

- трансформации самодержавия в чиновничье-дворянскую абсолютную монархию;

- возникновения и развития сильного централизованного государства, способного выражать и отстаивать на международной арене собственные интересы и свою собственную социокультурную идентичность;

- создания единого языка, как средства межнационального, межконфессионального и межсословного общения (следует помнить, что вплоть до девятнадцатого века высшее сословие Российской империи для общения использовало иностранный язык – французский);

- замены старого церковнославянского алфавита гражданским;

- развития светской духовной культуры, не опирающейся в своём обосновании на религиозные догматы;

- преодоления феодального рабства в виде крепостного права, с характерной для него рабской ментальностью;

- создания фундамента для развития многих отраслей науки и техники, культурных учреждений (типографии, библиотеки, музеи, театры);

- появления регулярной армии и военно-морского флота;

- включения в состав государства и освоения территорий Сибири и Дальнего Востока, послужившего дальнейшему обогащению отечественной культуры;

- формирования единого национального самосознания.

Если обратиться к классике методологии цивилизационного анализа истории, представленной в работах Н. Я. Данилевского и О. Шпенглера (вторая половина XIX – начало XX веков) то мы не обнаружим там указание на особую российскую цивилизацию. Оба автора указывают лишь на новую, ещё зарождающуюся славянскую цивилизацию [5, с. 125; 12, с. 144]. Следует констатировать, что единая славянская цивилизация с тех пор так и не появилась, напротив, на современном этапе исторического развития для её появления вообще нет никаких предпосылок. Вместо неё на территории Евразии сформировались два самобытных социокультурных феномена – Российская империя и Советский Союз. Причём, если Российская империя в политическом, экономическом и идеологическом плане, в большей степени, ориентировалась на Запад (Германию, Англию, Францию), то Советский Союз в полной мере обладал собственной социокультурной идентичностью.

В современной социально-политической и исторической научной литературе крайне спорным является вопрос о советском периоде отечественной истории и его оценках [3, с. 231]. Эпицентр дискуссии формируется вокруг принципиально значимой для методологии цивилизационного анализа проблемы – является ли советский период продолжением и развитием российской цивилизации или же он представляет собой новую, самостоятельную цивилизацию?

Сложность данной проблемы обусловлена тем, что советский период нашей истории, действительно, уникален по своим социально-политическим, экономическим и социокультурным характеристикам: он обогатил мировую культуру высокими ценностями и достижениями, выражающими аутентичность многонационального русского народа, атрибуты его национального характера и менталитета; он оказал определяющее влияние на всю мировую историю XX века; он определил специфику цивилизационного развития других стран, идущих по социалистическому пути (современного Китая, Вьетнама и т. д.).

Всё это может служить определённым обоснованием утверждения о том, что в отечественной истории сформировалась особая Советская цивилизация. Однако СССР возник не на пустом

месте, он явился органичным продолжением идеологических, политических, экономических и социокультурных процессов, берущих своё начало в историческом прошлом нашей страны. Советское общество явилось продуктом естественного развития евразийской цивилизации.

Крах монархии, первая мировая война, гражданская война, интервенция четырнадцати государств, задача индустриализации аграрной страны, нападение на Советский Союз блока фашистских государств – представляли собой задачи, выполнение которых было невозможным в рамках западных схем цивилизационного развития, они закрепили традиционные тенденции централизма, характерные для российского социокультурного менталитета.

Помимо централизма и понимания особой роли государства в сохранении собственной культурной идентичности, преемственность в основах Имперского и Советского этапов отечественной истории проявляется: в патриотизме; аксиологическом приоритете общественного над личным; жертвенности во имя народа и его будущего; уважительного отношения к культуре и религии этносов, входящих в российскую цивилизацию и т. д.

Указанные факторы обосновывают понимание советского периода отечественной истории не в качестве отдельной цивилизации, а как особый этап развития российской цивилизации, органично связанный с предшествующим имперским этапом, но в значительной степени отличный от него.

Формируясь и развиваясь в окружении враждебных государств, Советский Союз был вынужден широко использовать мобилизационные формы управления экономикой и другими важнейшими сферами жизнедеятельности общества, это компенсировалось для населения социальной стабильностью и защищённостью, гарантированным уровнем жизни, правом на труд, бесплатное образование и здравоохранение, отдых и жильё.

Культура советской эпохи представляла собой синтез культур народов, входящих в СССР, она является частью мировой цивилизации, без которой нельзя представить развитие человечества. Следует согласиться с мнением серьёзных западных учёных, отмечавших существенное

влияние советской системы на западную в использовании элементов планирования в экономике, регулировании социальных отношений. Советская субцивилизация достаточно успешно развивалась три четверти века, обеспечив победу над фашизмом и прорыв в космос. Это стало возможным также потому, что советское общество восприняло и развило глубинные исторические традиции российской евразийской цивилизации — коллективизм, государственный патриотизм, сотрудничество народов в рамках единой государственности.

Постсоветский период развития России характеризуется попыткой насильственной смены цивилизационных парадигм. На волне отказа от собственного промышленного производства, слепого копирования чужих традиций и организационно-управленческого опыта, проходила деградация традиционных культурных ценностей российской цивилизации, которые заменялись западным культом денег; индивидуализмом, граничащим с абсолютным эгоизмом; приоритетом частных интересов над государственными и общественными.

Попытка встраивания России в мировую глобалистскую цивилизацию привела к превращению нашей страны в сырьевой придаток Запада, а российский этнос низвел до уровня «этнографического материала», служащего чужим целям, выражаясь терминологией Н. Я. Данилевского [5, с. 90].

Заключение

На современном этапе нашей истории, вследствие откровенно враждебной политики коллективного Запада по отношению к России; попытки лишить нашу страну суверенитета и тем самым подорвать основы её государственности; агрессивного навязывания нам мнимых ценностей, неприемлемых для социокультурных основ нашей цивилизации (гомосексуализма, трансгендерства, практики смены пола и т. п.) в общественном сознании происходит переосмысление многих сложившихся в постсоветский период реалий. Провозглашена установка на сохранение и развитие традиционных для России социокультурных ценностей, составляющих основу нашей цивилизации, и нам следует всецело воплощать её в жизнь.

Список литературы

1. *Академическое собрание трудов* по общей теории государства и права: в 55 т. // Общая теория государства и права как наука: монография / под редакцией д-ра юрид. наук, проф. С. А. Комарова и д-ра юрид. наук, проф. Р. Л. Хачатурова. – Москва: Изд-во МАТГиП, 2023. – Т. 1. – 275 с.
2. *Балахонский В. В., Кудин В. А., Олейников В. С., Джегутанов Б. К.* Правосознание и его роль в жизни общества: монография. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2018. – 172 с.
3. *Балахонский В. В.* Проблема вариативно-моделирующего объяснения в современной философии истории // Новые идеи в философии. – 1998. – № 7. – С. 229–235.

4. *Балахонский В. В., Балахонская Л. В.* Понятие «культура» в науке и массовых коммуникациях: проблема определения сущности / *Философские проблемы отраслевых юридических наук: материалы всероссийской научно-практической конференции.* – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2020. – С. 31–37.
5. *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. – Москва: Книга, 1991. – 573 с.
6. *Кравец И. А.* Принципы российского конституционализма и конституционализация правового порядка : монография. – Москва: Русайнс, 2017. – 334 с.
7. *Молчанова М. В., Стремоухова И. В., Плетнев А. В., Балахонский В. В.* Философия и социология права: вопросы предметной репрезентации и специфики понимания правовых явлений в системе социальных отношений // *Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке.* – 2022. – Т. 11. – № 5-1. – С. 157–164.
8. *Припечкин В. В., Балахонский В. В.* Современные концепции политической культуры: проблемы генезиса, развития и гносеолого-методологических оснований: монография. – Санкт-Петербург: Астерион, 2019. – 160 с.
9. *Теория государства и права* в науке, образовании, практике: монография / Ю. Г. Арзамасов, В. М. Баранов, Н. В. Варламова и др.; пред. ред. совета Т. Я. Хабриева. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА). – Москва: ИД Юриспруденция, 2016. – 475 с.
10. *Тойнби А. Д.* Цивилизация перед судом истории : сборник пер. с англ. И. Е. Киселевой, М. Ф. Носовой; Предисл. В. И. Уколовой; авт. коммент. Д. Э. Харитонович. – Москва : Прогресс ; Санкт-Петербург : Культура, 1996. – 477 с.
11. *Цивилизационное развитие России: наследие, потенциал, перспективы.* Коллективная монография / под общ. ред. В. А. Черешнева, В. Н. Расторгуева. – Москва: Издатель Воробьев А. В., 2018. – 437 с.
12. *Шпенглер О.* Закат Европы. – Москва: Искусство, 1993. – 298 с.
13. *Яковец Ю. В.* Новая парадигма теории, истории и будущего мира цивилизаций: монография. – Москва: МИСК–ИНЭС, 2021. – 558 с.
14. *Balakhonskaya L. V., Gustokashina A. A., Balakhonsky V. V.* ‘Newtalgia’ as digital marketing communication strategy // *Proceedings of the 2022 Communication Strategies in Digital Society Seminar 2022, ComSDS 2022.* – – 2022. – P. 134–141.
15. *Strelchenko V., Balakhonsky V., Bakhtin M., Balakhonskaya L., Ivanov E.* Socio-historical knowledge: the experience of philosophical-epistemological reflection // *E3S WEB OF CONFERENCES. Topical Problems of Green Architecture, Civil and Environmental Engineering (TPACEE-2021).* – Moscow, 2021. – P. 11027.

References

1. *Akademicheskoye sobraniye trudov* po obshchey teorii gosudarstva i prava: v 55 t. // *Obshchaya teoriya gosudarstva i prava kak nauka: monografiya / pod redaktsiyey d-ra yurid. nauk. prof. S. A. Komarova i d-ra yurid. nauk. prof. R. L. Khachaturova.* – Moskva: Izd-vo MATGiP, 2023. – T. 1. – 275 s.
2. *Balakhonskiy V. V., Kudin V. A., Oleynikov V. S., Dzhegutanov B. K.* Pravosoznaniye i yego rol' v zhizni obshchestva: monografiya. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2018. – 172 s.
3. *Balakhonskiy V. V.* Problema variativno-modeliruyushchego ob»yasneniya v sovremennoy filosofii istorii // *Novyye idei v filosofii.* – 1998. – № 7. – S. 229–235.
4. *Balakhonskiy V. V., Balakhonskaya L. V.* Ponyatiye «kul'tura» v nauke i massovykh kommunikatsiyakh: problema opredeleniya sushchnosti / *Filosofskie problemy otraslevykh yuridicheskikh nauk: materialy vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii.* – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2020. – S. 31–37.
5. *Danilevskiy N. Ya.* Rossiya i Yevropa. – Moskva: Kniga, 1991. – 573 s.
6. *Kravets I. A.* Printsipy rossiyskogo konstitutsionalizma i konstitutsionalizatsiya pravovogo poryadka: monografiya. – Moskva: Rusayns, 2017. – 334 s.
7. *Molchanova M. V., Stremoukhova I. V., Pletnev A. V., Balakhonskiy V. V.* Filosofiya i sotsiologiya prava: voprosy predmetnoy reprezentatsii i spetsifiki ponimaniya pravovykh yavleniy v sisteme sotsial'nykh otnosheniy // *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke.* – 2022. – Т. 11. – № 5-1. – S. 157–164.
8. *Pripechkin V. V., Balakhonskiy V. V.* Sovremennyye kontseptsii politicheskoy kul'tury: problemy genезisa, razvitiya i gноseолого-методологических оснований: монография. – Sankt-Peterburg: Asterion, 2019. – 160 s.
9. *Teoriya gosudarstva i prava* v nauke, obrazovanii, praktike: monografiya / Yu. G. Arзамасов, V. M. Baranov, N. V. Varlamova i dr.; pred. red. soveta T. Ya. Khabriyeva. Institut zakonodatel'stva

i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossiyskoy Federatsii; Moskovskiy gosudarstvennyy yuridicheskiy universitet im. O. Ye. Kutafina (MGYUA). – Moskva: ID Yurisprudentsiya, 2016. – 475 s.

10. *Toynbi A. D.* Tsivilizatsiya pered sudom istorii : sbornik per. s angl. I. Ye. Kiselevoy, M. F. Nosovoy; Predisl. V. I. Ukolovoy; avt. komment. D. E. Kharitonovich. – Moskva : Progress ; Sankt-Peterburg : Kul'tura, 1996. – 477 s.

11. *Tsivilizatsionnoye razvitiye Rossii: naslediyе, potentsial, perspektivy.* Kollektivnaya monografiya / pod obshch. red. V. A. Cherehneva, V. N. Rastorguyeva. – Moskva: Izdatel' Vorob'yov A. V., 2018. – 437 s.

12. *Shpengler O.* Zakat Yevropy. – Moskva: Iskusstvo, 1993. – 298 s.

13. *Yakovets Yu. V.* Novaya paradigma teorii, istorii i budushchego mira tsivilizatsiy: monografiya. – Moskva: MISK — INES, 2021. – 558 s.

14. *Balakhonskaya L. V., Gustokashina A. A., Balakhonsky V. V.* 'Newtalgia' as digital marketing communication strategy // Proceedings of the 2022 Communication Strategies in Digital Society Seminar 2022, ComSDS 2022. – 2022. – R. 134–141.

15. *Strelchenko V., Balakhonsky V., Bakhtin M., Balakhonskaya L., Ivanov E.* Socio-historical knowledge: the experience of philosophical-epistemological reflection // E3S WEB OF CONFERENCES. Topical Problems of Green Architecture, Civil and Environmental Engineering (TPACEE-2021). – Moscow, 2021. – R. 11027.

Статья поступила в редакцию 26.05.2023; одобрена после рецензирования 11.08.2023; принята к публикации 05.09.2023.

The article was submitted May 26, 2023; approved after reviewing August 08, 2023; accepted for publication September 05.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Научная статья
УДК 341.231
doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-29-36

Олег Павлович Грибунов

доктор юридических наук, профессор
<https://orcid.org/0000-0002-9288-1364>, gribunov@mail.ru

*Байкальский государственный университет
Российская Федерация, 664003, Иркутск, ул. Ленина, д. 11*

Елена Евгеньевна Степанова

<https://orcid.org/0000-0001-7460-2053>, kanuzelena@inbox.ru

*Иркутский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации.
Российская Федерация, 664005, Иркутск, ул. Шевцова, д. 1*

Понятие и сущность суверенитета государства в его историческом генезисе

Аннотация: Введение. Вопрос защиты государственного суверенитета всегда остаётся актуальным ввиду постоянного наличия угроз. При этом в юридической литературе достаточно много работ, посвящённых изучению сущности и содержания государственного суверенитета. В статье рассмотрены отдельные аспекты, которые раскрывают понятие суверенитета через исторические события, повлиявшие на формирование представлений о данном понятии. Уделено внимание современному состоянию понимания государственного суверенитета.

Методы. Методологическую основу работы составляет диалектический метод познания, который позволил проследить взаимосвязи между различными фактами и событиями. Авторами были использованы общенаучные методы, а именно методы анализа и синтеза информации, индукции и дедукции, а также возможности методов описания и обобщения. Значительную роль сыграл исторический метод.

Результаты. Результаты позволили однозначно определить, что формирование понятия «суверенитет» произошло в XVII веке, и его дальнейшее осмысление протекало в контексте формирования в государствах института прав и свобод гражданина, а также разделения властей. При этом отдельного внимания требует изучение государственного суверенитета в отношении восточных стран. Изучение исторического генезиса понятия «суверенитет» позволило выделить три этапа для западного мира, изучение которых актуально в контексте данной темы. Первый период относится к античности, когда греческие и римские образования имели признаки суверенитета. Вторым периодом связан со Средневековьем и существованием отношений сюзеренитет–вассалитет. Третий период относится к новому и новейшему времени и связан с осмыслением государственного суверенитета в его современном смысле.

Ключевые слова: суверенитет, государство, народовластие, независимость, политическая власть, государственная власть

Для цитирования: Грибунов О. П., Степанова Е. Е. Понятие и сущность суверенитета государства в его историческом генезисе // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 3 (99). – С. 29–36; doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-29-36.

Oleg P. Grybunov

Dr. Sci. (Jurid.), Professor
<https://orcid.org/0000-0002-9288-1364>, gribunov@mail.ru

*Baikal State University
11, Lenin str., Irkutsk, 664003, Russian Federation*

Elena E. Stepanova

<https://orcid.org/0000-0001-7460-2053>, kanuzelelena@inbox.ru

*Irkutsk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
1, Schevzova str., Irkutsk, 664005, Russian Federation*

The concept and essence of state sovereignty in its historical genesis

Abstract: Introduction. The issue of protection of state sovereignty always remains relevant due to the constant presence of threats. At the same time, there are quite a lot of works in the legal literature devoted to the study of the essence and content of state sovereignty. The article considers some aspects that reveal the concept of sovereignty through historical events that influenced the formation of ideas about this concept. Attention is paid to the current state of understanding of state sovereignty.

Methods. The methodological basis of the work is the dialectical method of cognition, which allowed us to trace the interrelationships between various facts and events. The author used general scientific methods, namely methods of analysis and synthesis of information, induction and deduction, as well as the possibility of methods of description and generalisation. The historical method played a significant role.

Results. The results allowed us to definitely determine that the formation of the concept of «sovereignty» took place in the XVII century, and its further comprehension took place in the context of the formation in the states of the institution of rights and freedoms of the citizen, as well as the separation of powers.. At the same time, the study of state sovereignty in relation to the Eastern countries requires special attention. The study of the historical genesis of the concept of «sovereignty» allowed us to identify three stages for the Western world, the study of which is relevant in the context of this topic. The first period refers to antiquity, when Greek and Roman entities had signs of sovereignty. The second period is related to the Middle Ages and the existence of suzerainty-vassalage relations. The third period refers to the new and modern times and is associated with the comprehension of state sovereignty in its modern sense.

Keywords: sovereignty, state, people's power, independence, political power, state power

For citation: Gribunov O. P., Stepanova E. E. The concept and essence of state sovereignty in its historical genesis // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – № 3 (99). – P. 29–36; doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-29-36.

Введение

Государство — это политическая форма устройства общества на определённой территории, суверенная форма публичной власти, обладающая аппаратом управления и принуждения, которому подчиняется всё население страны. Предшественником государственной власти выступает родоплеменная, и их принципиальное отличие заключается в том, что государственная власть намного отделена от общества, что является одним из факторов, определяющих варианты его защиты.

Помимо государственной власти существует ещё и политическая негосударственная власть, однако только первая устанавливает обязательные для каждого члена общества правила правопорядка. Политическая негосударственная власть служит, с одной стороны, механизмом обеспечения дополнительных привилегий для отдельных граждан и слоёв населения, а с другой — может противопоставлять себя государственной власти через массовые движения, в том числе и вооружённые.

Все эти сравнения подводят нас к тому, что должны существовать механизмы защиты главенствующей власти государства в целях обеспечения её стабильности при условии, что она реализует свои функции. Основная функция государства в общем виде может быть определена как обеспечение достойного существования своих граждан, и из указанного мы можем перейти к обсуждению вопроса о государственном суверенитете.

Суверенная государственная власть в традиционном понимании содержит два компонента: независимость и верховенство. Несмотря на то что нет оговорок о том, что независимость связана с возможностью решать внешнеполитические дела самостоятельно, а верховенство относится к вопросу управления внутригосударственными делами, с точки зрения логики это именно так. Двойственность некоторого объекта предполагает и вопрос об отделимости одного аспекта от другого. В данном контексте ряд теоретиков выделяет внутренние и внешние стороны суверенитета [1, с. 17].

Наличие двух составляющих суверенитета также поднимает вопрос о том, одновременно ли формировались независимость и верховенство, последовательно и зависимо друг от друга или независимо. В то время как определение суверенитета понимается различными авторами достаточно однозначно, вопрос о соотношении верховенства и независимости государственной власти представляется интересным и дискуссионным.

Делимость суверенитета также интересна в контексте существования федеративных государств и конфедераций. Сущность вопроса заключается в том, как сохраняется или теряется (полностью и частично) суверенитет государства, который состоит из нескольких относительно самостоятельных образований либо входит в некоторое государственное объединение.

В общем виде для федераций можно рассматривать вертикальное и горизонтальное деление суверенитета. По мнению Л. Ю. Черняк, можно выделить три основные (вертикальные) теории государственного суверенитета в федеративных государствах:

1) классическая теория делимости суверенитета;

2) теория единства суверенитета (её составляют унитарная теория, дуалистическая (синтетическая) теория и теория участия);

3) теория ограниченного суверенитета¹.

Размышления о сущности и содержании суверенитета, которые оформились в вышеперечисленные теории, возникли в XVII веке и фактически пришлось на Эпоху Просвещения.

Первая теория частично опирается на теорию разделения властей, которая возникла в конце XVIII века. Её разработчиками были А. Гамильтон, Д. Джей, Д. Медисон, А. Токвиль и Г. Вайц и другие. Суть данной теории состоит в том, что федерация и её субъекты имеют доли от государственного суверенитета. При этом суверенитет федерации может реализовываться и на территории субъекта, при условии разграничения не по территориальному признаку, а по предметам ведения. Как правильно указала Л. Ю. Черняк, в данной теории происходит смешение понятий, которые несколько выходят за рамки термина «государственный суверенитет», а именно, речь идёт о таких понятиях, как «государственная власть», «компетенция», «совокупность прав», «сумма полномочий» и «предмет ведения» [2, с. 15]. В своих работах Л. Ю. Черняк уделила особое внимание теориям делимости государственного суверенитета и отрицания [2; 3; 4].

На данный момент теория делимости суверенитета, скорее, не поддерживается, так как

сложно принять факт существования двух верховных, но независимых властей. Также следует обратить внимание на то, что сущность разделения властей заключается в наличии системы, внутри которой разнородные ветви власти сдерживают и контролируют друг друга, в то время как государственная власть всегда воспринималась как некоторое единое образование.

Противоположным вышеуказанной точке зрения является мнение о том, что суверенитет государства является неделимым. Но в таком случае возникает вопрос, кому именно он принадлежит: субъекту федерации или самой федерации. Теория, сторонники которой полагают, что суверенитет должен принадлежать субъекту федерации, называется сепаративной. Её последователями были Д. Кэлхун и М. Фон Зейдель. Согласно данной теории, суверенитет государства является производным от суверенитета его частей, однако реальность не в полной мере подтверждает этот факт: статус субъектов всегда определяется федерацией, но не наоборот.

Теория, согласно которой суверенитет принадлежит федерации, называется унитарной (централистской). Её создание было продиктовано тем, что в большинстве государств «теоретический» спор, кому принадлежит суверенитет в федерации, был разрешен силой оружия. Теорию принадлежности суверенитета государству поддерживают А. Е. Козлов, В. В. Лазарев, О. Е. Кутафин, В. Е. Чиркин, А. Автономов и другие.

Не останавливаясь на подробностях, упомянем и другие теории государственного суверенитета:

1. Синтетическая (дуалистическая) теория: суверенитет не принадлежит ни федерации, ни её субъектам, так как эта принадлежность «совместная». Нам эта теория представляется очень слабой, так как плохо отвечает на вопрос о том, кто будет виноват при потере суверенитета, если он никому не принадлежит? Синтетическая теория осмысливалась такими авторами, как К. Уэр, А. С. Яценко, П. В. Волков.

2. Теория ограниченного суверенитета: суверенитеты государства и его субъектов существуют параллельно, но суверенитет субъектов ограничен. У данной теории есть несколько разновидностей, представленных в табл. 1.

Горизонтальное деление суверенитета связано с выделением в нем отдельных элементов, которые, однако, не должны восприниматься как отделимые от суверенитета в силу его единства. Речь идёт об экономическом, правовом, административном и др. суверенитете.

Таким образом, изучение суверенитета актуально в связке его с формой государственного устройства, однако мы не согласны с точкой зрения Н. В. Разуваева, согласно которой «понимание суверенитета как верховенства и не-

¹ Черняк Л. Ю. Общетеоретические проблемы государственного суверенитета : дис. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, Южно-Уральский гос. ун-т, 2007. – 221 с.

зависимости государственной власти... не даёт чёткого критерия для различения государств по форме их территориальной организации» [5, с. 65]. Возникает резонный вопрос: почему суверенитет вообще должен быть разграничителем для форм государственного устройства, если даже для федераций он воспринимается как единое целое?

Суверенность государства автоматически устанавливает правило его неподчинения власти иностранного государства. Если государство не в состоянии принимать суверенные решения, фактически оно является колонией. Крупнейшими колониальными державами в XIX–XX вв. были Великобритания, Франция, Нидерланды, Германия, Бельгия, Португалия и США². В современном мире такого явления, как масштабная колонизация, не существует, что свидетельствует о развитии суверенитета до общемирового уровня. Политически зависимые территории существуют и сейчас,

но их относительно мало и по площади они невелики. На данный момент крупнейшим обладателем колониальных территорий является Франция: её колонии находятся на островах Карибского бассейна, островах в Атлантическом и Индийском океанах. Примечательно, что причина отсутствия суверенитета на данных территориях несколько иная, чем та, которая была в период конца XIX века и фактически её можно назвать добровольной. Так, на самых значимых для Франции колониях Новая Каледония и Гвиана было проведено голосование по вопросу получения независимости, в результате которого население пожелало остаться в статусе колонии. Фактически такое положение вещей определено тем, что Франция поддерживает в колониях уровень жизни выше, чем он будет, если они получат независимость.

Таким образом, суверенитет должен быть обеспечен внутренними ресурсами государства. При их отсутствии и без перспектив улучшения суверенитет теряет смысл: государственная власть будет просто не в состоянии выполнять свои социальные функции, что в итоге приведёт к её свержению, и скорее всего насильственными методами.

² Колониальный раздел мира [Электронный ресурс] // Энциклопедия «Кругосвет»: сайт. – URL: https://www.krugosvet.ru/enc/istoriya/KOLONIALNI_RAZDEL_MIRA.html (дата обращения: 10.07.2023).

Таблица 1

Теории ограниченного суверенитета

Название теории	Последователи	Нюансы
Теория «полусуверенного государства»	А. Ф. Мозер, Е. В. Геннер, А. В. Богичевич	Основной минус этой теории заключается в том, что признание республик частично суверенными, частично самостоятельными и частично ограниченными в своём полномочии противоречит самому понятию суверенитета
Теория сочетания и взаимодействия суверенитета федерации и суверенитетов субъектов федерации	Д. Л. Златопольский, Р. В. Енгибарян, Э. В. Тадевосян, В. С. Шевцов, Л. М. Карапетян	Взаимное ограничение суверенитета федерации суверенитетом её субъекта и наоборот
Теория «остаточного суверенитета»	М. А. Баглай Изменил свою позицию и считает, что субъекты федерации обладают только «самостоятельностью в пределах своих полномочий», а не суверенитетом	Суверенитет субъекта федерации ограничен существованием суверенитета государства в целом
Теория потенциального, «спящего», «свернутого» суверенитета	И. В. Сталин, Д. А. Магеровский, Б. А. Страшун	Суверенитет субъекта федерации напрямую связан с сецессией (зарезервирован в праве свободного одностороннего выхода субъекта федерации из её состава)

Изучение исторического генезиса суверенитета даёт нам понимание того, что не стоит отождествлять понятия «государственный суверенитет» и «народовластие». Народовластие непосредственно связано с демократией, однако это не означает, что государства с иными политическими режимами не обладают суверенитетом.

Содержание государственного суверенитета – это совокупность тех прав, которые необходимы для реализации функций государства. Чем шире данный набор прав, тем более содержательным является суверенитет. На данный момент глобализация проявляет следующее свойство суверенитета: нарушение государством своих обязанностей затрагивает нормальное существование межгосударственного сообщества и в ряде случаев существенно влияет на деятельность отдельных государств. Таким образом, «внешняя» составляющая суверенитета становится более значимой на международной арене, чем это было ранее. При этом пока не существует некоторого списка суверенных прав, принадлежащих государственной власти, за исключением Конвенции о правах и обязанностях государств, которая была заключена в 1933 году (Конвенция Монтевидео)³. Данный документ до сих пор имеет важное значение, так как фактически устанавливает критерии государственности и формирует вопросы о легитимности государства в определённых случаях (например, при нахождении правительства в изгнании с территории страны). Образование рассматривается в качестве государства при условии наличия постоянного населения на определённой территории, наличия действующего правительства, которое способно вступать в отношения с другими государствами. К этим минимальным требованиям на данный момент присоединены территориальный суверенитет, законность и эффективность правительства, соблюдение прав человека в отношении всех людей, находящихся на территории государства [6, с. 96].

Вопрос связи суверенитета с признанием государства реально существующим фактически разрешён Уставом Организации американских государств, принятым в г. Богота в 1948 г.⁴ Раздел IV данного документа воспринял положения конвенции Монтевидео. Согласно ст. 12 данного Устава даже до своего признания любое государство «имеет право на защиту своей целостности и независимости, на обеспечение своей безопасности и процветания и, исходя из этого, право организовываться, как сочтёт необ-

ходимым, издавать законы по касающимся его вопросам и руководить различными органами, а также определять юрисдикцию и компетенцию своих судов. Осуществление этих прав не имеет никаких ограничений, кроме необходимости уважения прав других государств в соответствии с международным правом». Таким образом, суверенитет не определяется тем, признают или нет данное государство другие государства. В продолжение темы отметим, что защита государственного суверенитета однозначно носит политический характер, а её наполнение существенно зависит от двух факторов: политического режима государства и интересов правящих.

Особенность современного мира состоит в том, что появилась угроза государственному суверенитету в виде терроризма, который очень быстро из одиночных выступлений трансформировался в международную проблему. Возникновение терроризма непосредственным образом связано с развитием самого общества и формируется в тот момент, когда противоречия в обществе становятся особо острыми [7, с. 13]. И только государство, по справедливому уточнению А. Н. Бабенко, является институтом, который внедряет правовые ценности в общественное сознание, таким образом обеспечивая целостность и единство государства [8].

Примечательно, что при изучении государственного суверенитета и его трансформации существуют и точки зрения, согласно которым в современном мире он утрачивается и преобразуется в «организованное лицемерие» [9, с. 9]. Данную точку зрения можно назвать крайней, так как она строится на убеждении, что государства свободно нарушают международные правила в случае необходимости. Р. Саква полагает, что такая точка зрения заходит слишком далеко, иначе мы вернулись бы к полномасштабному варварству [10, с. 117].

Изучение суверенитета должно вестись в контексте сравнения. В частности, те же демократии, наиболее часто упоминаемые при изучении суверенитета, достаточно сильно отличаются друг от друга. Что касается России, то она представляет богатый материал для осмысления государственного суверенитета, так как за относительно короткий период прошла через перемены на государственном уровне от СССР к России, от стремления к коммунизму до построения рыночной экономики и неоднозначной смене международного статуса.

Изучение международного положения стран тесно связано с вопросом «реального суверенитета», под которым следует понимать реальную способность государства отстаивать принципы своей внутренней и внешней политики. В этом плане показательными странами выступают Индия и Китай. А. А. Кокошин назвал их странами, которые «реально поддержи-

³ Montevideo Convention on the Rights and Duties of States.

⁴ Устав Организации американских государств: принят в г. Боготе 30 апреля 1948 г. // Действующее международное право. – Москва: Московский независимый институт международного права, 1997. – Т. 2. – С. 305– 335.

вают свой суверенитет», обратив внимание на то, что не говорит о необходимости быть автаркией или находиться в изоляции [11, с. 25].

Все вышеперечисленные аспекты или дискуссии так или иначе приводились для периода уже после начала XVII века. До этого, начиная с падения Римской империи в 476 году, длился период Средних веков. Для Средневековья характерно отдаление от принципа суверенитета, господство власти церкви и принципа сюзеренитета. При этом следует учитывать, что западноевропейские государства в этот период были гораздо дальше от суверенитета, чем восточно-феодалные государства [12, с. 25].

Можно сказать, что в XVII веке для западного мира начинается «переустановка» суверенитета, который был потерян с падением Римской империи. В отношении Руси наличие суверенитета в Средние века также является достаточно спорным вопросом. Так, например, в древнерусском обществе земля не принадлежала князьям, и они не могли закрепить её за собой даже в формате феодальной. Князья Рюриковичи получали доход преимущественно с войн и торговли, а не с земель. Силу княжеской власти долго обеспечивал путь «из варяг в греки», и когда его значение упало в связи с появлением более западного пути, княжеской власти стала противостоять боярская, а сама Русь распалась на уделы. Если вернуться ещё немного назад, то можно обнаружить, что до образования Руси жизнь восточных славян сравнима с древнегреческими полисами: племя на определённой территории выстраивало город (один или несколько). Типы правления были разными, но всегда большую роль играло народное собрание.

Таким образом, наличие государственного суверенитета в том понимании, как он есть сейчас, подразумевает способность и обязанность власти регулировать отношения в обществе и обеспечивать их защиту, однако ни средневековые короли Запада, ни князья такой обязанности не имели. Король вступал в сеньориально-вассальные отношения со своими вассалами, а также с городами. Эти отношения фактически оформлялись договором, в котором содержались обязанности и права города или вассалов и короля по отношению друг к другу. Для западноевропейских королей не существовало некоторой абстрактной идеи, которая стояла бы выше них, о том, что у правителя есть право и обязанность вести общество к некоторому идеалу и гармонии. В качестве противопоставляющего примера можно рассмотреть Византийскую империю в поздний античный и ранний средневековый период. Византийские императоры ограждали крестьянские общины от стремления богатых людей (донатов) завладеть их землями. Делалось это на законодательном уровне: закон царя Никифора Фоки (964 год) был направлен против

сосредоточения в руках богатых людей и церкви крестьянских земель и начинался словами: «С тех пор как мы получили самодержавную власть и принялись разбирать дела между богатыми и бедными...». Далее идёт обоснование невозможности потерять крестьянину землю по принуждению или обману, в результате которых поля и поместья будут переданы монастырям, богадельням и странноприимным домам. Обратим внимание на то, что император прекрасно понимал, что такой закон вызовет недовольство, но закончил его словами «мы устанавливаем закон, выгодный и полезный для живущих по Богу и для всего государства» [14, с. 436]. Для западноевропейских королей Средневековья такой уровень мышления был нехарактерен, соответственно, вопрос наличия суверенитета для этого периода решается отрицательно.

В вопросе изучения исторического генезиса суверенитета следует понимать, что оно должно производиться не только по историческим периодам (Древний мир, Средневековье, Новое и Новейшее время), но и по государствам. Так, сюзеренитет-вассалитет на Руси существенно отличался от западного и мог существовать уже в дофеодальный период. Значимые работы в данной области есть у И. Я. Фроянова, который отрицал феодализм в киевский период русской истории, но аргументировал наличие сюзеренитет-вассалитета и «переплетение» его с родовыми отношениями, причем «не только в XI, но и в XII в.» [14, с. 57].

Рассмотрение вопроса о наличии суверенитета в античном мире прежде всего связано с существованием греческих государств и Римской империи. Как правило, сам факт наличия суверенитета у этих государств не оспаривается, но рассматривается вопрос о понимании независимости и высшей власти государства больше с философской и нравственной точек зрения, чем с правовой. Как следствие такого подхода, отмечается отсутствие прямого законодательного закрепления суверенных прав, ставится вопрос о форме существования гражданско-политических прав и их судебно-административной защите. У греков и римлян государство в большинстве случаев не воспринималось как некий отдельный субъект властвования с абстрактными независимостью и высшей властью в правовом смысле: государство – объединение людей, в котором есть стремление подчинить личное общественному. Греки тесно связывали понятие справедливости и права, полагая закон проявлением разума или Бога. Так же для ряда основных греческих школ характерно признание того, что идеальным государством является автаркия. Для Римской империи характерно признание носителем верховной власти не самого государства как юридического лица, а народа, который просто перенёс свою власть на пра-

вителя. Несмотря на наличие крепких предпосылок, юридического понятия суверенитета ни в республиканский, ни в императорский период выработано не было. Отметим также, что могущество Римской империи фактически для римлян и было независимостью и верховенством своего государства, поэтому они выработали «идею суверенитета всемирного государства, но не государства вообще» [15, с. 231].

Идея суверенитета в современном его понимании предполагает сопоставление власти и интересов одного государства с властью и интересами другого. Слабость международных отношений не позволяла определить и развить вопрос о суверенитете: до правления Александра Македонского греческие государства вели изолированный образ жизни, а после вхождения их в состав объединений в период македонского и римского господства изучение вопроса о юридическом характере такого образования и суверенитете уже не осуществлялось по причине упадка политической греческой мысли.

Понятие суверенитета в том контексте, как оно изучается сейчас, зародилось во Франции в Средние века. Формирование идеи суверенитета происходило не само по себе, а было связано с общими условиями развития государственной власти и политических идей в Западной Европе.

Основателем доктрины суверенитета считается Ж. Боден (1529–1596 гг.), а абсолютная монархия Франции того периода воплощает идею автора о суверенитете как власти высшей, абсолютной, не связанной законами. Среди факторов, которые существенно повлияли на необходимость развития концепции суверенитета, – спор о верховенстве между властью и церковью. С XII века начинает исследоваться вопрос об основании императорской власти и о соотношении её с правами народа. Разложение феодальной системы также способствовало «возникновению» понимания государства как общественного союза с единой высшей и независимой властью. Все это в XVI веке приводит к формулировке понятия «суверенитет» и его отношения к государству Ж. Боденом. Далее начинается осмысление суверенитета, которое происходит параллельно со становлением института прав и свобод человека и гражданина, принципом разделения властей и процессом формирования международных отношений в контексте глобализации. В итоге вопросами осмысления государственного суверенитета занимаются не только современная теория государства и права, теория конституционного права, но и иные, смежные с ними науки как в национальном, так и международном аспекте.

Список литературы

1. Красинский В. В. Защита государственного суверенитета : монография. – Москва : НОРМА, 2017. – 607 с.
2. Черняк Л. Ю. Основные теории государственного суверенитета // Сибирский юридический вестник. – 2005. – № 4. – С. 15–17.
3. Черняк Л. Ю. Теория делимости государственного суверенитета в федеративном государстве // Академический юридический журнал. – 2009. – № 1 (35). – С. 12–20.
4. Черняк Л. Ю. Теории отрицания государственного суверенитета: основные подходы // Академический юридический журнал. – 2008. – № 1 (31). – С. 4–12.
5. Разуваев Н. В. Разделение суверенитета в федеративном государстве: теория и исторические предпосылки // Правоведение. – 2016. – № 4 (327). – С. 64–91.
6. Гассиев М. В. Актуальность критериев Монтевидео для исследования института признания государств в международном праве // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2014. – № 3. – С. 93–96.
7. Богмацера Э. В., Ильичёв И. Е. Терроризм: истоки, понятие, угрозы // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. – 2018. – № 3. – С. 12–29.
8. Бабенко А. Н. Правовые ценности и государственная власть // Академический юридический журнал. – 2007. – № 3 (29). – С. 4–10.
9. Krasner S. D. Sovereignty – Organized Hypocrisy // Princeton, NJ: Princeton University Press, 1999. – P. 8–15.
10. Саква Р. Суверенитет и демократия: конструкции и противоречия // Сравнительное конституционное обозрение. – 2007. – № 3 (60). – С. 117–123.
11. Кокошин А. А. Реальный суверенитет в современной мирополитической системе / Ин-т проблем междунар. безопасности Рос. акад. наук, Фак. мировой политики Моск. гос. ун-та им. М. В. Ломоносова. – Москва: URSS: Ленанд, 2005. – 70 с.
12. Овчинников В. А. Суверенитет феодального государства // Военно-юридический журнал. – 2006. – № 10. – С. 20–30.
13. Успенский Ф. И. История Византийской империи: в 5 т. – Македонская династия. – Москва: АСТ: Астрель, 2011. – Т. 3. – 799 с.

14. Фроянов И. Я. Киевская Русь : Очерки социально-политической истории. – Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1980. – 256 с.
15. Чернявский А. Г. Правовое значение идеи суверенитета для государства и права : монография – Москва : Компания КноРус, 2020. – 528 с.

References

1. Krasinskiy V. V. Zashchita gosudarstvennogo suvereniteta : monografiya. – Moskva : NORMA, 2017. – 607 s.
2. Chernyayak L. Yu. Osnovnyye teorii gosudarstvennogo suvereniteta // Sibirskiy yuridicheskiy vestnik. – 2005. – № 4. – S. 15–17.
3. Chernyayak L. Yu. Teoriya delimosti gosudarstvennogo suvereniteta v federativnom gosudarstve // Akademicheskii yuridicheskiy zhurnal. – 2009. – № 1 (35). – S. 12–20.
4. Chernyayak L. Yu. Teorii otritsaniya gosudarstvennogo suvereniteta: osnovnyye podkhody // Akademicheskii yuridicheskiy zhurnal. – 2008. – № 1 (31). – S. 4–12.
5. Razuvayev N. V. Razdeleniye suvereniteta v federativnom gosudarstve: teoriya i istoricheskiye predposylki // Pravovedeniye. – 2016. – № 4 (327). – S. 64–91.
6. Gassiyev M. V. Aktual'nost' kriteriyev Montevideo dlya issledovaniya instituta priznaniya gosudarstv v mezhdunarodnom prave // Yuridicheskiy vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2014. – № 3. – S. 93–96.
7. Bogmatsera E. V., Il'ichov I. Ye. Terrorizm: istoki, ponyatiye, ugrozy // Vestnik BelyUI MVD Rossii. – 2018. – № 3. – S. 12–29.
8. Babenko A. N. Pravovyye tsennosti i gosudarstvennaya vlast' // Akademicheskii yuridicheskiy zhurnal. – 2007. – № 3 (29). – S. 4–10.
9. Krasner S. D. Sovereignty – Organized Hypocrisy // Princeton, NJ: Princeton University Press, 1999. – P. 8–15.
10. Sakva R. Suverenitet i demokratiya: konstruksii i protivorechiya // Sravnitel'noye konstitutsionnoye obozreniye. – 2007. – № 3 (60). – S. 117–123.
11. Kokoshin A. A. Real'nyy suverenitet v sovremennoy miropoliticheskoy sisteme / In-t problem mezhdunar. bezopasnosti Ros. Akad. nauk, Fak. mirovoy politiki Mosk. gos. un-ta im. M. V. Lomonosova. – Moskva: URSS: Lenand, 2005. – 70 s.
12. Ovchinnikov V. A. Suverenitet feodal'nogo gosudarstva // Voyenno-yuridicheskiy zhurnal. – 2006. – № 10. – S. 20–30.
13. Uspenskiy F. I. Istoriya Vizantiyskoy imperii: v 5 t. – Makedonskaya dinastiya. – Moskva: AST: Astrel', 2011. – T. 3. – 799 s.
14. Froyanov I. Ya. Kiyevskaya Rus' : Ocherki sotsial'no-politicheskoy istorii. – Leningrad: Izd-vo LGU, 1980. – 256 s.
15. Chernyavskiy A. G. Pravovoye znachenkiye idei suvereniteta dlya gosudarstva i prava : monografiya – Moskva : Kompaniya KnoRus, 2020. – 528 s.

Статья поступила в редакцию 20.05.2023; одобрена после рецензирования 01.09.2023; принята к публикации 14.09.2023.

The article was submitted May 20, 2023; approved after reviewing September 1, 2023; accepted for publication September 14, 2023.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Научная статья

УДК 321

doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-37-47

Наталья Михайловна Золотухина

доктор юридических наук, профессор

<https://orcid.org/0000-0003-0714-4800>, nzolutuhina@list.ru

Татьяна Валентиновна Власова

кандидат юридических наук, доцент

<https://orcid.org/0000-0001-7371-9719>, t_vlasova@list.ru

*Российский государственный университет правосудия
Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочерёмушкинская, д. 69*

Проблемы определения формы правления России XI – начала XVII вв. в современной историографии

Аннотация: Введение. Статья является первой из двух, посвящённых исследованию представлений о форме государства (в основном о двух её элементах: форме правления и политическом (государственном) режиме), существовавшей в период раннего и позднего Средневековья XI–XIII вв. (домонгольский период) и XVI – начале XVII вв. (Московское государство). Авторами дано теоретико-историческое обобщение подходов к проблеме формы государства и её элементов на примере организации государственной власти в средневековой Руси, оценки которой часто бывают прямо противоположными – от «абсолютного самодержавия», «теократического самодержавия» до условно-представительной монархии.

Методы. В работе критически, с использованием диалектического, общих логических приёмов, исторического, сравнительного и герменевтического методов исследования анализируются подходы к обозначенной проблеме, сложившиеся и развивающиеся в современной историографии, а также взгляды мыслителей, сформированные в средневековой политико-правовой доктрине, в которых прогнозируются, утверждаются, а затем и предлагаются проекты усовершенствования или даже радикальных изменений в форме организации государственной власти.

Результаты. Авторы приходят к выводу о том, что в современных исследованиях часто некорректно, как тождественные, рассматриваются понятия «единодержавие», «самодержавие» и «единовластие»; во многих исследованиях отсутствует теоретическое представление о форме государства и её элементах; весьма часто элементы формы государства совмещаются или подменяются один другим либо при названии одного элемента рассматривается другой; зачастую происходит ничем не обоснованная подмена терминов «самодержавие» и «абсолютизм».

Ключевые слова: форма государства, форма правления, политический (государственный) режим, самодержавие, абсолютизм, монархия, империя, суверенитет

Для цитирования: Золотухина Н. М., Власова Т. В. Проблемы определения формы правления России XI – начала XVII вв. в современной историографии // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 3 (99). – С. 37–47; doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-37-47.

Natalia M. Zolotukhina

Dr. Sci. (Jurid.), Professor

<https://orcid.org/0000-0003-0714-4800>, nzolutuhina@list.ru

Tatiana V. Vlasova

Cand. Sci. (Jurid.), Docent

<https://orcid.org/0000-0001-7371-9719>, t_vlasova@list.ru

*Russian State University of Justice
69, Novocheremushkinskaya str., Moscow, 117418, Russian Federation*

Problems of determining the form of government of Russia in the 11th – early 17th centuries in modern historiography

Abstract. Introduction. The article is the first of two papers devoted to the research of concepts concerning the form of the state (mainly its two elements: form of government and political (state) regime) that existed during the Early and Late Middle Ages of the 11th-13th centuries (pre-Mongolian period) and the 16th - early 17th centuries (Moscow state). The authors give the theoretical and historical synthesis of approaches to the problem of the form of the state and its elements on the example of the organisation of state power in medieval Russia, the assessments of which are often directly opposite - from «absolute autocracy», «theocratic autocracy» to class-representative monarchy.

Methods. By using dialectical, general logical methods, historical, comparative and hermeneutical methods of research, the authors critically analyse the approaches to the issue under consideration, which have been developed and are currently under development in modern historiography, as well as the ideas of scholars, framed in medieval political and legal doctrine, which forecast, approve and then propose some projects of improvement or even radical changes in the form of organisation of state power.

Results. The authors make a conclusion that modern researches often incorrectly use the concepts of «sovereignty», «autocracy» and «unity of power» as identical; a lot of researches have no theoretical understanding of the form of the state and its elements; quite often the elements of the form of the state are combined or substituted for one another, or when referring to one element the other is considered; often there is an ungrounded substitution of the terms «autocracy» and «absolutism».

Keywords: form of state, form of government, political (state) regime, autocracy, absolutism, monarchy, empire, sovereignty

For citation: Zolotukhina N. M., Vlasova T. V. Problems of determining the form of government of Russia in the 11th - early 17th centuries in modern historiography // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – № 3 (99). – P. 37–47; doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-37-47.

Введение

С 1968 по 1971 г. по инициативе Учёного совета Института истории СССР на страницах журнала «История СССР» продолжалась дискуссия по проблемам российского абсолютизма. Основными обсуждавшимися вопросами были «причины образования абсолютизма, соотношение абсолютизма и самодержавия, форма монархии, предшествующая абсолютизму, и время возникновения абсолютизма» [1, с. 65–88]. По завершении дискуссии правовед Ю. П. Титов пришел к выводу, что между учёными не было достигнуто соглашения в определении «абсолютизма как формы правления», установлении временных рубежей его возникновения; не выявленным осталось и различие «между абсолютизмом и формой феодальной монархии, предшествующей абсолютизму». Кроме того, он выразил сожаление об отсутствии в обсуждении весьма спорной темы о форме правления, сложившейся в раннем Средневековье XI–XIII вв., поскольку до настоящего времени научно не определены критерии понятия «раннефеодальная монархия», её признаки, особенности реализации и время существования [2, с. 5–6]. В. Т. Пашуто назвал отсутствие чёткой периодизации в развитии государственности России одним из серьезнейших пробелов в отечественной медиевистике [3, с. 6–7].

По проблемам, касающимся формы государства с входящими в неё элементами: формой правления, политическим (государственным)

режимом и формой государственного устройства¹ в их историческом развитии, в современной историографии не сложилась единой точки зрения. Напротив, имеются серьёзные разногласия между представителями различных отраслей гуманитарных наук: историко-юридической, исторической, филологической и философской. Между тем теоретически адекватное определение формы государства в совокупности всех её элементов на различных исторических этапах имеет существенное значение для характеристики правовых актов, судебной системы, способов отправления правосудия в государстве и особенно содержания политических и правовых доктрин, прогнозирующих организацию верховной власти в стране, предлагающих способы её усовершенствования или даже радикального изменения.

Решение всех перечисленных выше вопросов позволит более точно установить время формирования абсолютизма в России, что стало одной из центральных проблем в вышеупомянутой дискуссии, многие участники которой относили его возникновение к позднему Средневековью (XV–XVI вв.), а некоторые современные исследователи – даже к раннему его периоду

¹ Современное теоретическое определение формы государства и её элементов см., например: Теория государства и права / под ред. В. В. Ершова, отв. ред. Т. В. Власова, Т. С. Лесовая. – Москва: РГУП, 2023. – С. 89–105 (автор главы С. В. Мирошник).

(XI–XIII вв.). Такое разнообразие точек зрения сохраняется и поныне. Между тем в гуманитарных науках, в том числе историко-правовых, изучению образования и развития формы государства, её элементов (особенно формы правления) в России XI–XVII вв. уделяется значительно меньше внимания по сравнению с более поздними периодами.

Методы

Подходы к проблеме формы государства и её элементов на примере организации государственной власти в средневековой Руси, сложившиеся и развивающиеся в современной историографии, а также взгляды мыслителей, сформированные в средневековой политико-правовой доктрине, в которых прогнозируются, утверждаются, а затем и предлагаются проекты усовершенствования или даже радикальных изменений в форме организации государственной власти, анализируются критически, с использованием диалектического, общих логических приёмов, исторического, сравнительного и герменевтического методов исследования.

Результаты

Весьма существенной проблемой при исследовании указанного периода является отсутствие единообразия в понимании терминов, посредством которых обозначались основные политико-правовые категории в понятийном аппарате средневековых законодателей и мыслителей. Главным здесь является определение исторического и современного содержания терминов «самодержавие» и «теократия», словесных формул, включающих эти термины («теократическое самодержавие», «теократический абсолютизм»), а также употребления в качестве синонимов терминов «самодержавие», «единодержавие» и «единовластие», не являющихся таковыми по своему смыслу.

Наибольшее количество споров до настоящего времени вызывает термин «самодержавие». Сложность установления его этимологии заключается в эволюционном изменении самого понятия, обозначаемого этим термином. «Самодержавием» (исторически «самодержавием») практически до начала XVIII в. обозначалось «суверенное государство». «Самодержцем именовался правитель, самостоятельно владевший и управлявший своей страной»². В. О. Ключевский отметил, что «Древняя Русь... не соединяла с идеей самодержавия внутренних политических отношений, считая самодержцем только властителя, независимого от внешней силы» [4, с. 157]. В другой своей работе «Боярская дума в Древней Руси», как бы подводя итог своим изысканиям по этому вопросу, историк прямо написал: «Значит словом *самодержец* (курсив В. О. Ключевского) характеризовались не внутренние политические отношения, а внешнее

положение московского государя: под ним разумели правителя, не зависящего от посторонней чуждой власти, самостоятельного; самодержцу противопоставляли то, что мы назвали бы вассалом... Так смотрели на московского государя современники Ивана III: они видели в нем «русских земель государя» независимого главу православного христианского государства» [5, с. 199–200].

Историк государства и права О. И. Чистяков обратил внимание на сложный состав термина «самодержавие», соединяющего два слова «сам» и «держу», т. е. данный властитель сам держит власть на всей территории, входящей в его владения, при отсутствии на ней другого правителя, равного ему по объёму властных полномочий. «Иван III, завершивший освобождение Руси от татаро-монгол, «сам держал» свой княжеский стол, независимо от Орды, именно поэтому он и начал именоваться самодержцем. Однако говорить о самодержавии в полном смысле слова, т. е. о неограниченной монархии, в тот период не приходится. Власть монарха была ограничена другими органами, прежде всего Боярской думой»³, а начиная с 1549 г., верховная власть контролировалась и ограничивалась Земским собором. Царь не имел права без согласования с Боярской думой, а в некоторых случаях и с Земским собором, принимать правовые акты и решения по серьёзным внутренним и внешнеполитическим проблемам⁴.

В дальнейшем, в связи с развитием государственно-правового строительства, в России изменяется и смысл термина «самодержавие», переходя от широкого значения – «суверенитет государства» – к более узкому – «форма правления». Эта перемена впервые была зафиксирована в Артикуле воинском, принятом 30 марта 1716 г. Петром I, в толковании статьи 20 которого давались разъяснения полномочий верховной власти: «Его Величество есть самовластный Монарх, который никому на свете о своих делах ответу дать не должен. Но силу и власть имеет свои Государства и земли, яко Христианский Государь, по своей воле и благомнению управлять»⁵. Термин «самодержавие» в Артикуле воинском не употребляется, а всевластие монарха выражается словом «самовластный». Впервые термин «самодержавие» в новом его значении упоминается в произведении сподвижника Петра I Феофана Прокоповича «Правда воли монаршей»: «Император российский есть монарх *самодержавный* и *неограниченный*: повиноваться его власти не только за страх, но и за совесть сам Бог повелевает» (курсив наш – Н. З., Т. В.) [6, с. 312–313].

³ История государства и права СССР / под ред. О. И. Чистякова и И. Д. Мартысевича: в 2 ч. – Москва: МГУ, 1985. – Ч. 1. – С. 88.

⁴ АЗР. – Т. IV. – Санкт-Петербург, 1851. – № 180; СГГид. – Москва, 1819. – Ч. 2. – № 199 (в этих актах подробно перечисляется компетенция всех высших органов власти: царя, Боярской думы и Земского собора, причем прерогативы последнего за время его существования постепенно увеличивались).

⁵ ПСЗ. – Т. 5. – № 3006. – Гл. 3. – Арт. 20. Толк.

² Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. – Санкт-Петербург, 1912. – Кн. III. – Стб. 249. – 996 с.

Легальное определение термин «самодержавие» получил в Манифесте «О вступлении на российский престол Её Императорского Величества Государыни Анны Иоанновны, о восприятии Самодержавия и об учинении присяги с приложением форм клятвенного обещания»⁶.

С новым значением этот термин начинает распространяться на всю историю России, начиная с середины XIX в., особенно после появления формулы министра просвещения графа С. С. Уварова (1786–1855): «Православие – Самодержавие – Народность».

В. Е. Вальденберг обнаружил, что в научной литературе отождествлять «самодержавие с абсолютизмом» (неограниченностью власти) первым начал Н. М. Карамзин, распространяя ситуацию, сложившуюся в XVIII–XIX вв., на всю русскую историю, что и было принято многими последующими историками [7, с. 14]. Против такой экстраполяции «новых смыслов» на «старую историю» в дореволюционной историографии категорически возражали В. О. Ключевский и С. А. Князьков. Последний по поручению Государственной думы провел специальное исследование понятий «самодержавие» и «абсолютизм» в их историческом и современном значениях и соотношении между собой. Государственная дума в 1906 году была поставлена перед необходимостью обновить текст «Основных государственных законов Российской империи» 1833 г., поскольку с изданием Манифеста 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка» Россия становилась конституционной монархией. Возникла насущная потребность разобраться в смысловых значениях терминов «самодержавие» и «абсолютизм». Согласно разъяснениям С. А. Князькова, законодатели исключили из статьи 4 Основных законов Российской империи термин «абсолютный», как не соответствующий конституционным положениям Манифеста 17 октября 1905 г., оставив формулу «самодержавная власть», сохранение которой С. А. Князьков объяснял её историческим значением. «История знает, – писал он, – что самодержавие, как оно складывалось жизни русского народа до XVIII в., не включало в себя понятия неограниченности», поэтому отныне «в рассуждениях о самодержавии» совершенно должно быть устранено соединение с ним понятия неограниченности власти над лицами и порядком. Самодержавие может означать теперь, при конституционной форме правления, только внешнюю независимость государя и государства», а во внутренних отношениях «империя Российская управляется на твёрдых основаниях положительных законов, утверждений и уставов от самодержавной [т. е. суверенной – Н. З., Т. В.] власти исходящих». В данной интерпретации самодержавие вновь, как и в более ранних исторический период, характеризовало не форму правления, а самостоятельность государства (государя) внутри страны и независимость в межгосударственных отношениях.

⁶ ПСЗ. – Санкт-Петербург, 1830. – Т. VIII. – № 5509. – С. 253.

Изменения в «Основных законах» были произведены согласно исторической справке С. А. Князькова, но, к сожалению, в бытовой лексике сохранилась семантика термина «самодержавие» в значении, сложившемся в XVIII в. и утвердившемся в середине XIX в., с оглядкой на вышеуказанную формулу графа С. С. Уварова.

На это обстоятельство обращали внимание и некоторые советские историки. Так, А. А. Зимин писал о недопустимости осовременивания источников, которые необходимо исследовать по определённым методологическим правилам, поскольку ход рассуждений и стандарты у мыслителей Средневековья были иными, нежели, чем у исследователей второй половины XIX в.⁷ Об этом же писали Н. Е. Носов [8, с. 7, 9, 10 и др.] и Л. В. Черепнин [9, с. 51, 58 и др.]. На данные обстоятельства обратили внимание и современные историки А. Ю. Дворниченко, М. В. Кривошеев и Ю. В. Кривошеев⁸. Но, к сожалению, историческое и современное значение термина «самодержавие» применительно к характеристике форм правления, существовавших в различные исторические эпохи, в дальнейших исследованиях не учитывалось. Случилось именно то, от чего предостерегал А. Я. Гуревич, обращая внимание, что «основные понятия, которыми неизбежно пользуются гуманитарные науки, сложились в Новое время и применение этих понятий к обществам далекого прошлого чревато опасностью приписать им такие отношения, которых тогда не существовало...» [10, с. 7]. Особенно эти положения касаются исследованной средневекового государства и права.

Однако есть и другая точка зрения на этимологию термина «самодержавие». Например, Р. Г. Скрынников воспринимает слово «самовластец» как дословный перевод греческого титула «самодержец», утверждая, что в таком значении «Русь впервые познакомилась с византийским понятием “самодержавие”, понимая слова “самодержец” и “самовластец” как синонимы» [11, с. 79]. На какой-либо словарный фонд Р. Г. Скрынников не сослался. Соответственно, согласно вышесказанному суждению, он отнёс формирование самодержавия в России к XV в. [11, с. 222].

В словарях не отрицают греческие корни слова «самодержавие», но ему придаётся другое значение. Так, филолог И. И. Срезневский толкует «самодержество (ст. слово) – самодержавство, – “государство”»; в то же время слово «самовластец» толкуется как «противословье самодержца и непокорлива кажет человека (автократора)», (ссылка дана на текст «Пчелы» на греческом языке)⁹, т. е. не только не синоним, а даже «противословье». Словарь древнерусско-

⁷ Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX вв. / составитель А. Л. Хорошкевич. – Москва: Авенариус, 2015. – С. 124. – 440 с.

⁸ Дворниченко А. Ю., Кривошеев М. В., Кривошеев Ю. В. История Древней и Средневековой Руси. – Гатчина: СЦДБ, 2005. – Гл. 3.

⁹ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. – Санкт-Петербург: изд. Отд-ния рус. яз. и словесности Императорской акад. наук, 1903. – Т. III. – Стб. 249.

го языка (XI–XIV вв.) в таком же смысловом значении приводит слова «самодержие – независимость, самостоятельность» и «самодержавный» – независимый; но «самовольный (автократор) – свобода воли (принято в род. падеже) – изволение же есть, желание, хотение сущих» [ссылка дана на Сборник Житий и слов XI–XVI в. ГПБ, Соф., № 1365]¹⁰.

Словарь русского языка XI–XVII вв. понимает и толкует термин: «Самодержно – нареч. полновластно, независимо; – неограниченная власть монарха»¹¹. Этот словарь даёт позднюю этимологию слова «самодержавие», соединяя в ней такие понятия, как «независимо» и «полновластно», что стало характерным только в начале XVIII в. В нём, как сказал бы В. О. Ключевский, «новые смыслы» распространены «на старую историю», поскольку с XI по XVII вв. включительно слово «самодержавие», как и все производные от него, не включали в своё содержание таких значений, как «полновластие» и «неограниченность власти монарха».

В. И. Даль в 1863/4 г. применительно ко времени издания Словаря определил «самодержавие» как «монархическое полновластное, неограниченное от государственных учреждений, соборов или выборных от земства и чинов; сама власть самодержец, –жица, самодержавный государь; титул нашего Государя»¹². Здесь получило отражение изменение семантики слова «самодержавие», произошедшее, как нами было показано выше, в начале XVIII в. и тогда же зафиксированное в правовых актах.

Мы же, при рассмотрении избранной нами темы, принимаем толкование термина «самодержавие», а следовательно, и всех производных от него слов, согласно данным «Материала для Словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского и Словаря древнерусского языка (XI–XIV вв.), а также выводов В. О. Ключевского и С. А. Князькова.

Рассмотрение избранной нами темы начинается с анализа форм правления, сформировавшихся в раннее Средневековье на Руси (XI–XIII вв.), в определении которых до настоящего времени сохраняются серьёзные разногласия.

Во всех современных исследованиях Новгородская и Псковская формы правления безоговорочно оцениваются как республиканские, а Киевская, Владимирская, Смоленская, Полоцкая и др. – как раннефеодальные монархии. Но существенных различий между ними, согласно данным источников, не наблюдается. Летописец в одном ряду перечисляет как равнозначные политические порядки, существующие во всех русских землях: «Новгородцы бо изначала и Смолене и Кияне и Полочане и вся власти на дому на

вечи сходятся и, что же старейшины сдумают на том и пригороды станут»¹³.

Многие современные учёные отмечают обширную компетенцию веча. «На вече в главном городе сходился и сельский люд из окрестных мест. Прибывали сюда и из пригородов. Полномочия веча были очень широкими, собравшееся “людьё” решало самые разнообразные вопросы. Вообще, не только на вече, но и вне его, древнерусские люди, т. е. городское и сельское население, составляли действенную политическую силу»¹⁴.

В. В. Захаров назвал вече «высшим органом власти, управления и суда в Древнерусском государстве, ведущим свое начало от племенных собраний..., сохранявшим за рядовым свободным населением роль главного субъекта в политических отношениях». Он отметил, что «вопрос о роли и значении веча в исторической, и особенно историко-правовой науках окончательно не решен. Мнения колеблются от признания Древнерусского государства вечевым до отрицания значения веча в Киевской Руси», но и в случае признания политической роли веча в системе организации власти в домонгольской Руси диапазон в определении его статуса достаточно широк: от представления о нём как о главном инструменте народовластия до утверждения классового аристократического характера его деятельности, направленного на привлечение низов для поддержания интересов тех или иных группировок феодального сословия»¹⁵. Однако при всём разнообразии точек зрения на роль веча во всех исследованиях до настоящего времени форма правления Руси XI–XIII в. безоговорочно определяется как раннефеодальная монархия.

С. А. Егоров, понимая несоответствие этого определения сложившимся политическим порядкам, предложил внести поправку в эту формулу: «Древнерусское государство было раннефеодальной монархией, но *монархией республиканизированной* (курсив наш – Н. З., Т. В.). Князь управлял, но не властвовал. Последнее слово в важнейших вопросах государственной жизни принадлежало народным собраниям – *вече*» (курсив С. А. Егорова). Устойчивость положения князя во многом зависела от того, насколько он находился в согласии («одиначестве») с народом. Вече не только разделяло власть с князем, но и вмешивалось в дела управления: участвовало в назначении и смене княжеской администрации» [12, с. 34]. Даже решив вопрос о приглашении того или иного князя, вече могло потребовать замену его тиунов на вновь выбранных на том же вече. В случае несогласия князя вече его не утверждало.

С. А. Егоров, вводя в качестве новой формы правления «демократическую монархию», одним из первых попытался найти замену формуле «раннефеодальная монархия», предложив

¹⁰ Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). – Москва: Азбуковник, 2013. – Т. X. – С. 564.

¹¹ Словарь русского языка. XI–XVII вв. – Вып. 23. – Москва: Наука, 2004. – С. 38.

¹² Даль В. И. Толковый словарь живого русского языка. – Москва: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1955. – С. 133.

¹³ ПСРЛ. – Т. 1. – Стб. 379.

¹⁴ Дворниченко А. Ю., Кривошеев М. В., Кривошеев Ю. В. История Древней и Средневековой Руси. – Гатчина: СЦДБ, 2005. – С. 82.

что-то более соответствующее политическим порядкам, сложившимся на Руси в XI–XIII вв. Но и при всех вышеперечисленных обстоятельствах вряд ли можно согласиться с формулой «республиканизированная монархия» в силу логического противоречия, заключённого в ней¹⁶, хотя и в современном государствоведении существуют определённые симбиозы видов форм государственного правления, в частности, В. Е. Чиркин выделяет выборную и коллегиальную монархии¹⁷, однако их содержательная характеристика отличается от предложенной С. А. Егоровым и основывается на особенностях формирования верховной власти.

Подобную проблему пытались разрешать мыслители Древней Греции и Рима – Аристотель и Цицерон, формулировавшие смешанные формы правления, но ближе всех подошел к этой теме Данте Алигьери (1265–1321), предложивший в качестве политического идеала империю. Согласно его понятиям, «монархию» обычно называют «империей», поскольку в ней главенствует один правитель, возвышаясь над всеми, но он в реализации своих полномочий опирается на совещательно-законодательный орган (Сенат) и разветвленную сеть должностных лиц (консулы, преторы, ликторы), в большинстве своём избираемых на определённый срок римским народом. Идеалом Данте было Римское государство времён Октавиана Августа (63 до н. э. – 14 н. э.), которое он называет идеальной монархией, или империей. При Октавиане Августе были сохранены все римские республиканские институты, и сам Октавиан называл Рим не империей, а принципатом, а себя принцепсом – первым среди равных. По мысли Данте, монарх (желательно всемирный) «не имеет ничего (т. е. никакой собственности), потому что ему «чуждо стяжательство, величайший из грехов человечества»¹⁸; всем его подданным советует воспитывать в себе такие качества, как щедрость и умеренность. Глава государства является как бы нравственной душой своих подданных, поэтому, с точки зрения Данте, такую форму правления лучше будет назвать империей. В трактате «Монархия» первым принципом её деятельности является следование во всех сферах справедливости¹⁹; вторым – любовь к миру, потому что «всеобщий мир есть наилуч-

шее из того, что создано человечеством», и наконец, третье неперемное условие существования идеальной империи (синоним монархии) – «правый суд», способный искоренить все раздоры между людьми. Однако его прекрасная мечта, как и идеалы Аристотеля («Политика» и «Афинская Политика») и Цицерона (Трактат «О государстве»), на которые Данте ссылается, ещё нигде не осуществились, но, безусловно, являются прекрасными утопиями, к которым, быть может, человечеству следует стремиться, поскольку они более всех иных способов организации власти приближаются к Божественной справедливости.

Следует обратить внимание ещё на одну особенность, характерную для многих современных исследований в области государствоведения. Некоторые историки государства и права, учений о государстве и праве России, равно как и представители других гуманитарных наук, признают, что термины «самодержец» и «самодержавие» употреблялись в XI–XVII вв. только для обозначения независимого носителя верховной власти и возглавляемого им государства. Следовательно, методика исследования средневековых форм государства, правовых актов и содержания политико-правовых доктрин ими определена и не должна, казалось бы, вызывать возражений. Однако по отношению к историческому и современному значениям основополагающей терминологии, употребляемой средневековыми мыслителями, единства в исследованиях всё еще не достигнуто. Более того, историческое значение этого термина часто игнорируется. Так, Ю. В. Кривошеев в предисловии к монографии «Русская средневековая государственность» пишет, что «с понятием о самодержавии общество того времени прежде всего соединяло мысль о внешней независимости страны». Однако далее автор не придерживается данной методики, сообщая, что «в конце XV – начале XVI вв. самодержавие (курсив Ю. В. Кривошеева) не может существовать без земства, как, допустим, в начале XVII в. земство не может существовать без монархии»; чему подтверждением является образование «единого русского государства как земско-самодержавного государства» (курсив наш – Н. З., Т. В.) [13, с. 89, 101–102]. Таким образом, учёный предлагает новую форму правления – «земско-самодержавную монархию», отступив от исторического содержания термина «самодержавие»,

¹⁵ Захаров В. В. История государства и права России: учебник: в 2 т. / под общ. ред. В. М. Сырых. – Т. 1. Москва: Норма, 2016. – С. 15–16. – 447 с.

¹⁶ В этой формуле наличествует соединение противоречащих друг другу определений: монархия (лат. monarchia, др.-греч. μοναρχία – «единовластие»: *μόνος* – «одиночный, единый» и *ἀρχή* – «управление единоличное»); республика (от лат. *res publica* – дело народное) – форма правления, при которой высшая власть принадлежит представительным органам, избираемым населением на определённый срок. Получается соединение в одной формуле двух противоречивых понятий.

¹⁷ Чиркин В. Е. Сравнительное государствоведение: учебное пособие. – Москва Норма : ИНФРА-М, 2023. – С. 81. – 448 с.

¹⁸ Данте Алигьери. Малые произведения. Монархия. – Москва: Наука, 1968. – С. 305–306. – 313 с.

¹⁹ Определяя справедливость, Данте писал: «...мир лучше всего устроен, если высшую силу в нём имеет спра-

ведливость... Справедливость именовали даже Астрией (Астрия дочь Юпитера и богини правосудия Фемиды)», т. е. божественной категорией; «она – прямая линия не трепящая никакой кривизны ни там, ни здесь, а потому она не бывает большей или меньшей, как не бывает такой белизна, рассматриваемая абстрактно». И. Н. Голенищев-Кутузов пояснил, что «Данте имел солидные юридические познания, основу которых он заложил в Болонье в ранней молодости, предположив возможное влияние, оказанное на Данте знаменитым болонским профессором юриспруденции Ирнерием (XII–XIII вв.), считавшим, что справедливость является основой государства» (Голенищев-Кутузов И. Н. Примечания к «Монархии» // Данте Алигьери. Малые произведения. Монархия. – Москва: Наука, 1968. – С. 594).

которому он в начале своей работы пообещал следовать.

В коллективной работе А. Ю. Дворниченко, М. В. Кривошеева и Ю. В. Кривошеева, несмотря на признание авторами исторического значения термина «самодержавие» как обозначения суверенитета государя и государства, вывод о форме правления, складывающейся при Иване III и Иване IV, выглядит следующим образом: опричиною «в определённой мере явилась продолжением преобразований, начатых при Иване III. Их суть заключалась в формировании государственной системы, состоящей из *самодержавной власти* (курсив наш – Н. З., Т. В.), опирающейся на земский строй»²⁰. Не обсуждая оценку опричнины вышеозначенными авторами²¹, отметим только, что в этом абзаце они совместили два элемента формы государства: политический режим – опричиною и форму правления – самодержавная власть. При этом, называя власть самодержавной, авторы не упомянули ни Боярскую думу, ни Земские соборы. Между тем Боярская дума укрепила именно при Иване III, расширила свой состав, получив статус постоянного органа, принимавшего совместно с государем решения по серьёзным государственным делам, равно как и новые законы согласно сложившемуся обычаю: «всех общею думою с утверждения государя – “по государеву и великого князя указу и боярскому приговору”»²². Земские соборы начали свое легитимное существование с 1549 г., что ознаменовало переход к новой форме правления – сословно-представительной монархии. Царь Иван IV самодержавным (в смысле абсолютным) монархом, никогда не был, а введённый им кровавый политический режим (опричиною), позволил ему реализовывать своё «самоволие» («самохотение»), которое отнюдь не является ни в историческом, ни в современном значении синонимом «самодержавия»²³. Историками государства и права давно установлено, что Иван IV все значимые вопросы решал совместно с Боярской думой и Земскими соборами, да и последующие российские правители сохраняли этот порядок практически до конца XVII века.

Весьма показательна в этом плане современная статья Д. А. Верга, в которой он рассматривает «самодержавие» как специальный тер-

мин, характеризующий форму правления, «во многом способствующий [(?) Н.З., Т.В.)] традиционным идеалам русского народа, поскольку основным признаком самодержавия является сосредоточение всей полноты государственной власти, без проявления каких-либо исключений: разделения властей, наличия представительных органов и т. д.». Все происходит таким образом, потому что «общественно-политическая жизнь никогда не была в центре внимания русского народа [(?) – Н. З., Т. В.]. Для него скорее характерно формирование и поддержание нравственно-религиозных идеалов (одно другому не противоречит – Н. З., Т. В.)». Автор утверждает, что понимание государства как «Святой Руси» привело людей к поиску единственного носителя власти, который должен быть напрямую подчинён Божьей воле. По характеру такового в наибольшей степени подходил монарх-самодержец». Из этого положения следует вывод: «Русский народ нуждался... в подчинении политических отношений нравственным, единственным путём достижения подобного состояния являлось наделение верховной властью единственного человека, который способен “разрешить все дела”»²⁴.

Н. А. Шилов, несмотря на заверения о применении исторического подхода к исследованию темы, утверждает следующее: «Идеология централизованного государства *переросла* в идеологию строительства самодержавной, по сути своей абсолютной монархии» (курсив наш – Н. З., Т. В.); «абсолютное самодержавие», в результате противоборства идеологических моделей, продолжавшемся несколько десятилетий «вылилось в Смуту начала XVII в. и нашло временное разрешение в сословной монархии первой половины XVII в.»²⁵. Следовательно, согласно рассуждениям Н. А. Шилова, «абсолютное самодержавие» предшествовало сословно-представительной монархии, а не наступило после неё.

Т. А. Белова, А. Л. Брицкая, А. А. Козлова, Т. Г. Лобова, О. А. Свирина полагают, что «самодержавие обусловлено культурно-исторической традицией русского народа... нужно говорить о самодержавии, как о феномене русской цивилизации...». Для России традиционным является «самоуправление правителя в форме самодержавия». Исследователи утверждают, что «было бы невозможно построить самодержавие без особого менталитета, который существовал в русском обществе», поскольку «у народа сильна традиция народной монархии». Надо полагать, что авторы усматривают у русского народа изначальную приверженность к самодержавию, явно понимаемому в значении абсолютизма [14, с. 287, 291]. Подобная точка зрения

²⁰ Дворниченко А. Ю., Кривошеев М. В., Кривошеев Ю. В. Указ. соч. – С. 261.

²¹ По этому вопросу мы высказывали свое мнение неоднократно, наиболее подробно см.: Золотухина Н. М. Политико-правовая мысль России XVI – начала XVII в.: «Беседа преподобных Сергия и Германа, Валаамских чудотворцев» и Прибавления к ней: «Иное сказание то же Беседы», «Извет» и «Проречение Кирилла Новоезерского»: монография. – Москва, 2021. – С. 281–424.

²² Штамм С. И. Судебник 1497 года. – Москва: Юридическая литература, 1955. – С. 13.

²³ Подобным несоответствиям формы правления и политического режима мы были неоднократно свидетелями: при А. Гитлере при республиканской форме правления был введён кровавый фашистский режим, который при всех своих зверствах форму правления не изменил; похожую ситуацию мы наблюдали в Португалии при А. О. Салазаре и в Италии при Б. Муссолини; есть и ещё примеры подобного как в XX, так и XXI вв., притом с большим разнообразием.

²⁴ Вегр Д. А. Самодержавие в России и его причины [Электронный ресурс] // Студенческий справочник : сайт. – URL: https://spravochnik.ru/politologiya/samoderzhavie_v_rossii_i_ego_prichiny (дата обращения: 15.06.2023).

²⁵ Шилов Н. А. Идеология централизованного Московского государства XV–XVI вв. (по материалам литературных памятников): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2014. – С. 24–25. – 26 с.

была широко распространена в зарубежной литературе²⁶. В частности, Ф. Карр в своей работе пишет, что основными чертами русской жизни является пассивный фатализм, сервиллизм и неуважение к правам человека, которые изначально отделили Россию от всего остального мира; так продолжалось в течение нескольких веков и до настоящего времени [15, с. 138].

Как справедливо отмечает О. А. Омельченко, «схема концепции, разработанная К. Марксом в 1843–1847 гг. только предварительно наметила вопрос о социальном облике абсолютизма... Отвлечённая же историко-политическая постановка проблемы... не может не деформировать в угоду политической актуальности угол рассмотрения проблемы» [16, с. 29], что, надо сказать, и происходит по сей день.

К сожалению, до настоящего времени многие авторы продолжают понимать термин «самодержавие» как синоним «абсолютизма», воспринимая политический режим, введённый опричниной (1564–1572 гг.), как «начало формирования самодержавия», т. е. абсолютной монархии в России²⁷.

Весьма противоречиво излагает свою позицию по вопросу о формировании самодержавия в России М. Н. Шевченко. Во введении к своему диссертационному исследованию он заверяет, что основополагающим принципом предпринимаемого им исследования является «историзм», в соответствии с которым «процессы, протекающие в прошлом, должны рассматриваться так, как они происходили в действительности, без модернизации прошлого и политического ангажмента». Тем не менее далее он пишет: «Русские книжники второй половины XV – первой трети XVI в. представляли царскую власть совершенно неограниченной. Русские книжники единственной формой управления признавали *единовластие*, которое в то время трактовалось как *самодержавие*»²⁸ (курсив наш – Н. З., Т. В.). И ещё: «Апология царской власти во второй половине XV – первой трети XVI в. становится основой идейного содержания работ книжников того времени». В заключении сообщается, что «книжники (исследуемого времени) не всегда осознанно, но практически создавали предпосылки для формирования неограниченной власти монарха»²⁹. Поименно в автореферате никто не назван.

С. А. Князьков отмечал, что царь Иван

Васильевич Грозный впервые «напал на мысль о самодержавии как о полной независимости власти не только от “советников”, но и вообще свободной в вопросах государственного строительства. На деле царь Иван не был государем, каким он хотел вообразить себе самодержца и вообще самодержавие... Царь Иван IV два раза созывал Соборы во время своего царствования – в 1550 и 1566 гг. Собор 1550 г. имел задачей обсудить улучшение местного управления и суда (на нём был утверждён Судебник 1550 г. – Н. З., Т. В.); Собор 1566 г. решал вопрос о войне с Польшей. Даже для формального учреждения опричнины и оправдания наступивших с ней казней царь Иван искал признаки согласия и одобрения народа, как свидетельствуют события, предшествующие опричнине» [17, с. 15, 20]. Для получения согласия на введение опричнины был созван Собор в 1564 г., но царь на нём его не получил, напротив, ему была подана Челобитная «за руками о опричнине, что не стоит сему быти...»³⁰.

Весьма своеобразно толкует термин «самодержавие» А. В. Серегин, рассматривающий его как «особый вид неограниченной монархии... самодержавие есть идеальная конструкция земской монархии, самоуправляемой на духовно-нравственных началах политического бытия. Она сродни теоретической конструкции демократического правового государства, коммунизма или царства Божия на Земле, которое чрезвычайно сложно воплотить на практике. Ближе всего к самодержавию стояла Московская Русь (XVI–XVII вв.) с органическими организованными Земскими соборами, Царём, Боярской думой и губным самоуправлением народа». Но из этого описания вытекает вывод о сословно-представительной, а отнюдь не самодержавной монархии, при которой «самодержавный царь» мог одними своими указами и распоряжениями решать участь своих подданных»³¹.

А. В. Серегин, как и С. А. Егоров, правильно ставит вопрос о необходимости теоретических разработок форм правления и поисков новых их вариантов, но с предложениями данного автора вряд ли можно согласиться, поскольку никакой теоретической новизны они не содержат, а предлагают новое сочетание уже имеющихся понятий, причём противоположных по смысловому значению. Эти авторы даже не попытались опровергнуть существующие в научной литературе точки зрения, противоположные их собственным суждениям, а об исторической и современной этимологии термина «самодержавие», как и обозначаемого им понятия, вообще не вспоминали.

Подобная позиция привела к распространённому в современной научной литературе утверждению о наличии во всех российских политических доктринах, начиная с XI в. и до начала XX вв., обоснования и защиты «самодержавия».

³⁰ ПСРЛ. – Т. 34. – С. 190.

³¹ Серегин А. В. Форма государственного правления: вопросы теории : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2014. – С. 25.

²⁶ См.: например: Halperin Ch. J. The Russian Land and the Russian tsar: The Emergence of Muscovite ideology 1380–1408 // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. – Bd. 23. – Berlin, 1976. – S. 7–102; Halperin Ch. J. Kiev and Moscow. An aspect of early Muscovite thought // Russian History. 1980. – vol. 7. – pt. 3. – P. 312–321; Kaiser D. The growth of the law in medieval Russia. – New Jersey, 1981. – 308 p.

²⁷ Феномен российского самодержавия [Электронный ресурс] // История России : сайт. – URL: <https://artsgtu.ru/istoriya-10/fenomen-rossijskogo-samoderzhaviya/> (дата обращения 15.06.2023).

²⁸ Шевченко М. Н. Эволюция идеи «царской» власти на Руси во второй половине XV–первой трети XVI вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Омск, 2006. – С. 13.

²⁹ Там же. – С. 13.

вия» как синонима абсолютной монархии. Так, политолог Н. В. Асонов относит первый этап развития доктрин, утверждающих самодержавие в России, к XI–XIII вв.; второй этап – к XIII–XIV вв. и третий – к XIX – началу XX вв.³² При этом автор термины «единодержавие», «самодержавие» и «абсолютизм» (как и обозначаемые ими понятия) употребляет как синонимы, в то время как каждое из них имеет самостоятельное смысловое значение, во всяком случае, в определённые исторические периоды (самодержавие и абсолютизм); а «единодержавие» вообще употреблялось для обозначения государственного устройства, а не формы правления. В таком же плане характеризуется форма правления на всех этапах исторического развития отечественной государственности в «Основах курса по истории России», написанных коллективом авторов, где форма правления в России XV–XVI вв. названа «неограниченным самодержавием»³³.

С. О. Шмидт считает, что «Соборам в XVI в. (т. е. в период оформления сословно-представительной монархии – Н. З., Т. В.) не придавали такого значения, как в XVII в». Кроме того, в 60-х гг. XVI века «Грозный – впервые или заново – сформулировал для себя самого или для других, основные принципы идеологии “вольного самодержавства”», бывшие «по существу идеологией опричнины, оправданием и обоснованием опричной политики» [18, с. 242]. Земским соборам, уже существовавшим в это время, С. О. Шмидт приписывает «укрепление самодержавия». «В России, – пишет он, – в XVI в. первые сословные учреждения и в центре (Земские соборы), и в провинции оформляются тогда же, когда становятся заметными признаки российского абсолютизма (подавленные вскоре восточным деспотизмом политики опричнины), а затем правительство в XVII в. держало курс на укрепление абсолютизма через Земские соборы» [18, с. 261]. В конечном итоге С. О. Шмидт приходит к выводу, что «к русскому государственному строю (речь идёт о форме правления – Н. З., Т. В.) второй половины XVI в. применимо, думается, определение, данное В. И. Лениным» [18, с. 247]. Он не цитирует это определение, а даёт лишь ссылку на него. Приведем его текст: «Русское самодержавие XVII в. с Боярской думой и боярской аристократией не похоже на самодержавие XVIII в. с его бюрократией и служебным сословием...»³⁴. Следует отметить, что В. И. Ленин сравнивает «самодержавие» XVII и XVIII вв., употребляя этот термин в смысловом значении, полученном им в середине XIX в. (т. е. имея в виду уваровскую формулу), не выделяя его историческую этимологию. В современном же смысле никакое самодержавие не может

существовать при наличии Боярской думы с законодательными полномочиями, выборными Земскими соборами в центре и избираемыми органами самоуправления на местах (по Губной и Земской реформам 1550-х годов). Предложенная С. О. Шмидтом конструкция сформирована им, во-первых, при совмещении элементов формы государства (формы правления и политического режима), во-вторых, при употреблении термина «самодержавие» в современном, а не историческом его значении.

Похожая точка зрения представлена Р. Г. Скрынниковым: «Русское “самодержавие” конца XV–XVI в. было на деле ограниченной монархией с Боярской думой и боярской аристократией» (близкий к тексту перифраз всё той же ленинской цитаты) [19, с. 28]. «Самодержавие» в этом предложении закавычено, следовательно, автор понимает, что никакого «самодержавия» в значении абсолютной монархии при наличии Думы, а затем еще и Земского собора, не было и быть не могло.

О «значительном укреплении самодержавия» в царствовании Ивана Грозного пишет и филолог О. В. Творогов³⁵. А. А. Булычев называет царя Ивана IV «московским самодержцем» и «российским самодержцем», совмещая в своем интересном и профессиональном исследовании форму правления с политическим режимом (опричниной), ибо никаких разъяснений этим формулам он не даёт [20, с. 13, 17, 19, 21–22 и др.].

И. Я. Фроянов определяет форму правления, сложившуюся в России в XVI веке «в царствование Ивана IV», как «православное самодержавие», «теократическое самодержавие», «русское самодержавие», считая князя А. М. Курбского «противником Московского самодержавия» и «знаменитым врагом самодержавства Ивана IV» [21, с. 278, 328, 392, 394].

Не лучше дело обстоит и в историко-правовых работах. Так, например, в учебниках по истории государства и права России республиками признавались только Новгород и Псков, а организация верховной власти во всех остальных княжествах обозначалась как раннефеодальная монархия. При этом не отрицалось, что и в них существовали такие органы, как совет при князе и вече, созываемое «для решения наиболее важных вопросов»³⁶.

Заключение

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, в современных исследованиях часто встречается употребление в качестве синонимов терминов с разным смысловым значением. Некорректно, как тождественные, рассматриваются понятия «единодержавие», «само-

³² Асонов Н. В. Политические доктрины российского самодержавия: генезис, эволюция и современный дискурс: автореферат дис. ... д-ра полит. наук. – Москва, 2009. – С. 22. – 42 с.

³³ Орлов А. С., Георгиев В. А., Полунов А. Ю., Терещенко Ю. Я. Основы курса истории России. – Москва: Простор, 1997. – С. 106. – 650 с.

³⁴ Ленин В. И. Полн. Собр. соч. – Т. 17. – С. 346.

³⁵ Творогов О. В. Древняя Русь. События и люди. – Санкт-Петербург: Наука, 2001. – С. 136–137.

³⁶ История государства и права России: учебник / отв. ред. Ю. П. Титов. – Москва: Былина, 1996. – С. 52 и др.; История государства и права России: учебник / под ред. С. А. Чириряева. – Москва: Былина, 1998. – С. 46–47 и др.

державие», «абсолютизм» и «единовластие».

Во-вторых, во многих исследованиях отсутствует теоретическое представление о форме государства и её элементах: форме правления (организации верховной власти), политическом (государственном) режиме (совокупности методов и способов реализации власти) и государственном устройстве (разделении государства на административно-территориальные единицы). Весьма часто элементы формы государства совмещаются или подменяются один другим (например, форма правления – политическим режимом), либо при названии одного элемента рассматривается другой (например, вместо означенного государственного устройства анализируется форма правления).

В-третьих, в научных исследованиях зачастую происходит ничем не обоснованная подмена терминов «самодержавие» и «абсолютизм». При этом самодержавие ошибочно рассматри-

вается либо как вид формы правления, либо как понятие, совмещающее в себе два элемента формы государства – форму правления и политический режим.

В-четвертых, ключевым терминам, обозначающим основные политические категории в понятийном аппарате средневековых мыслителей, придается значение, приобретенное ими в Новое и Новейшее время. К таким терминам прежде всего относятся «самодержавие» и такие формулы, как «теократическое самодержавие» и «теократический абсолютизм», не применявшиеся в Средние века.

В-пятых, рассмотренные в статье проблемы обуславливают необходимость при исследовании формы государства и её элементов в исторической ретроспективе использовать не только понятийный ряд соответствующей эпохи, но и современные теоретические знания о государственно-правовых явлениях.

Список литературы

1. Рахматуллин М. А. К дискуссии об абсолютизме в России // История СССР. – 1972. – № 4. – С. 65–88.
2. Титов Ю. П. Проблемы Российского абсолютизма / Проблемы истории абсолютизма : сборник научных трудов ВЮЗИ. – Москва: ВЮЗИ, 1983. – С. 4–24. – 121 с.
3. Паишут В. Т. Сборник научного историзма / Черепнин Л. В. Вопросы методологии исторического исследования: теоретические проблемы истории феодализма : сборник статей. – Москва: Наука, 1981. – С. 5–11. – 280 с.
4. Ключевский В. О. Сочинения в 9 т. – Т. 2. Курс русской истории. – Ч. 2. – Москва: Мысль, 1988. – 447 с.
5. Ключевский В. О. О государственности в России. – Москва: Мысль, 2003. – 604 с.
6. Феофан Прокопович. Правда воли монаршей во определении наследника державы своей / Антология мировой правовой мысли: в 5 т. – Россия XI–XIX вв. – Москва: Мысль, 1999. – Т. IV. – С. 312–316.
7. Вальденберг В. Е. Древнерусские учения о пределах царской власти: Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века. – Москва: Территория будущего, 2006. – 368 с.
8. Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений России: изыскания о земской реформе Ивана Грозного. – Ленинград: Наука, 1969. – 601 с.
9. Черепнин Л. В. Вопросы методологии исторического исследования. теорет. пробл. истории феодализма : сб. статей. – Москва: Наука, 1981. – 280 с.
10. Гуревич А. Я. Категории Средневековой культуры. – Москва: Искусство, 1984. – 349 с.
11. Скрынников Р. Г. Русская история IX–XVII вв. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006. – 580 с.
12. Егоров С. А. История отечественного государства и права. IX – первая половина XIX века. Опыт проблемного изложения. – Ярославль: ЯрГУ, 2001. – 336 с.
13. Кривошеев Ю. В. Русская средневековая государственность. – Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2008. – 129 с.
14. Белова Т. А., Брицкая А. Л., Козлова А. А., Лобова Т. Г., Свирина О. А. Традиции российского самодержавия // Преподаватель XXI век. – 2022. – № 3. – Ч. 2. – С. 286–295.
15. Carr F. Ivan the Terrible. – London: Newton Abbot, Totowa (N. J.), 1981. – 220 p.
16. Омельченко О. А. Историко-политическая концепция абсолютной монархии в классическом марксизме (К критике традиционных проблем исторического государствоведения) / ФЕ-МИС. Ежегодник истории права и правоведения. – Москва: Издательство МГИУ, 2000. – Вып. 1. – С. 7–53.
17. Князьков С. А. Самодержавие в его исконном смысле. – Санкт-Петербург, 1906. – 37 с.
18. Шмидт С. О. Становление российского самодержавства: Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. – Москва: Мысль, 1973. – 359 с.
19. Скрынников Р. Г. Лихолетье: Москва в XVI–XVII вв. – Москва: Московский рабочий, 1988. – 543 с.
20. Булычев А. А. Между святыми и демонами: Заметки о посмертной судьбе опальных царя Ивана Грозного. – Москва: Знак, 2005. – 301 с.

21. Фроянов И. Я. Драма русской истории. На путях к опричнине. – Москва: Парад, 2007. – 947 с.

References

1. Rakhmatullin M. A. K diskussii ob absolyutizme v Rossii // Istoriya SSSR. – 1972. – № 4. – S. 65–88.
2. Titov Yu. P. Problemy Rossiyskogo absolyutizma / Problemy istorii absolyutizma : sbornik nauchnykh trudov VYUZI. – Moskva: VYUZI, 1983. – S. 4–24. – 121 s.
3. Pashuto V. T. Pobornik nauchnogo istorizma / Cherepnin L. V. Voprosy metodologii istoricheskogo issledovaniya: teoreticheskiye problemy istorii feodalizma : sbornik statey. – Moskva: Nauka, 1981. – S. 5–11. – 280 s.
4. Klyuchevskiy V. O. Sochineniya v 9 t. – T. 2. Kurs russkoy istorii. – Ch. 2. – Moskva: Mysl', 1988. – 447 s.
5. Klyuchevskiy V. O. O gosudarstvennosti v Rossii. – Moskva: Mysl', 2003. – 604 s.
6. Feofan Prokopovich. Pravda voli monarshey vo opredelenii naslednika derzhavy svoey / Antologiya mirovoy pravovoy mysli: v 5 t. – Rossiya XI–XIX vv. – Moskva: Mysl', 1999. – T. IV. – S. 312–316.
7. Val'denberg V. Ye. Drevnerusskiye ucheniya o predelakh tsarskoy vlasti: Ocherki russkoy politicheskoy literatury ot Vladimira Svyatogo do kontsa XVII veka. – Moskva: Territoriya budushchego, 2006. – 368 s.
8. Nosov N. Ye. Stanovleniye soslovno-predstavitel'nykh uchrezhdeniy Rossii: izyskaniya o zemskoy reforme Ivana Groznogo. – Leningrad: Nauka, 1969. – 601 s.
9. Cherepnin L. V. Voprosy metodologii istoricheskogo issledovaniya. teoret. probl. istorii feodalizma : sb. statey. – Moskva: Nauka, 1981. – 280 s.
10. Gurevich A. Ya. Kategorii Srednevekovoy kul'tury. – Moskva: Iskusstvo, 1984. – 349 s.
11. Skrynnikov R. G. Russkaya istoriya IX–XVII vv. – Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2006. – 580 s.
12. Yegorov S. A. Istoriya otechestvennogo gosudarstva i prava. IX – pervaya polovina XIX veka. Opyt problemnogo izlozheniya. – Yaroslavl': YarGU, 2001. – 336 s.
13. Krivosheyyev Yu. V. Russkaya srednevekovaya gosudarstvennost'. – Sankt-Peterburg: Izd-vo S.-Peterburgskogo un-ta, 2008. – 129 s.
14. Belova T. A., Britskaya A. L., Kozlova A. A., Lobova T. G., Svirina O. A. Traditsii rossiyskogo samoderzhaviya // Prepodavatel' XXI vek. – 2022. – № 3. – Ch. 2. – S. 286–295.
15. Carr F. Ivan the Terrible. – London: Newton Abbot, Totowa (N. J.), 1981. – 220 r.
16. Omel'chenko O. A. Istoriko-politicheskaya kontseptsiya absolyutnoy monarkhii v klassicheskom marksizme (K kritike traditsionnykh problem istoricheskogo gosudarstvovedeniya) / FEMIS. Yezhegodnik istorii prava i pravovedeniya. – Moskva: Izdatel'stvo MGIU, 2000. – Vyp. 1. – S. 7–53.
17. Knyaz'kov S. A. Samoderzhaviye v yego iskonnom smysle. – Sankt-Peterburg, 1906. – 37 s.
18. Shmidt S. O. Stanovleniye rossiyskogo samoderzhavstva: Issledovaniye sotsial'no-politicheskoy istorii vremeni Ivana Groznogo. – Moskva: Mysl', 1973. – 359 s.
19. Skrynnikov R. G. Likholet'ye: Moskva v XVI–XVII vv. – Moskva: Moskovskiy rabochiy, 1988. – 543 s.
20. Bulychev A. A. Mezhdru svyatymi i demonami: Zametki o posmertnoy sud'be opal'nykh tsarya Ivana Groznogo. – Moskva: Znak, 2005. – 301 s.
21. Froyanov I. Ya. Drama russkoy istorii. Na putyakh k oprichnине. – Moskva: Parad, 2007. – 947 s.

Статья поступила в редакцию 03.07.2023; одобрена после рецензирования 20.07.2023; принята к публикации 27.07.2023.

The article was submitted July 03, 2023; approved after reviewing July 20, 2023; accepted for publication July 27, 2023.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Научная статья
УДК 340.1
doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-48-54

Ирина Борисовна Ломакина

доктор юридических наук, профессор
<https://orcid.org/0000-0002-9232-949X>, lomakina7311@gmail.com

*Санкт-Петербургский юридический институт
(филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации
Российская Федерация, 191104, Санкт-Петербург,
Литейный проспект, д. 44*

*Санкт-Петербургский государственный университет
аэрокосмического приборостроения
Российская Федерация, 190000, Санкт-Петербург,
ул. Большая Морская, д.67, лит. А.*

Законность как юридическая данность или социальный конструкт?

Аннотация: Во введении к данной статье поднимается проблема понимания законности как фундаментальной категории юридической науки и юридической практики в целом. Рассматривается генезис понятия «законность» и эволюция представлений об этой категории как контекстуально, то есть с точки зрения материальных условий жизни людей и их ментальности, так и в дискурсивных практиках, отражающих представления научного сообщества об этом феномене. Отмечается связь коннотации данного концепта с типами правопонимания. **Методы:** данная статья предлагает использовать постклассический подход как разновидность умеренного пост-постмодернистского типа научной рациональности, акцентирующего внимание именно на контекстуальности правовых феноменов. Поэтому данная методологическая стратегия, с точки зрения автора статьи, выглядит более адекватно по сравнению с устоявшимся в науке представлением, что «законность» – это всегда неуклонное соблюдение закона, обладающего признаком всеобщности, а значит, и имеющего универсальный характер. **Результаты** исследования предполагают следующее: законность содержит в себе диалектическое сочетание, с одной стороны, следование закону, с другой стороны, допускается некий люфт для отрицания старых отживших норм в повседневных поведенческих практиках всех тех, кто создаёт и применяет право. Это в свою очередь даёт основание для приемлемого механизма адаптации к той системе, в которой человек реально живёт, в которой реализует свои социальные статусы, в том числе в сфере права. В статье актуализируется идея о том, что законность – это конструкт, который формируется человеком на всех этапах его становления как социального существа, в потенции притязующего на универсальный правопорядок. Поэтому предлагается более адекватная стратегия понимания «законности» с точки зрения постклассической теории, согласно которой «законность» выступает как режим, в котором субъекты права реализуют свои правовые статусы во всех сферах жизни общества.

Ключевые слова: законность, правозаконность, правопонимание, позитивизм, юснатурализм, правовая культура, постклассика

Для цитирования: Ломакина И. Б. Законность как юридическая данность или социальный конструкт? // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 3 (99). – С. 48–54; doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-48-54.

Irina B. Lomakina

Dr. Sci. (Jurid.), Professor
<https://orcid.org/0000-0002-9232-949X>, lomakina7311@gmail.com

*Saint Petersburg Law Institute
(branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
44, Liteiny prospect, Saint Petersburg, 191104, Russian Federation*

*Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation
67, Bolshaya Morskaya str., lit. A., Saint Petersburg,
190000, Russian Federation*

Legality as a legal concept or a social construct?

Abstract: The introduction to this article deals with the problem of understanding legality as a fundamental category of legal science and legal practice in general. The genesis of the concept «legality» and the evolution of ideas about this category are considered both contextually, i.e. in terms of material conditions of people's life and their mentality, and in discursive practices reflecting the scientific community's ideas about this phenomenon. The connection of the connotation of this concept with the types of legal understanding is noted. Methods: this article proposes to use the post-classical approach as a kind of moderate post-postmodern type of scientific rationality, which emphasises the contextuality of legal phenomena. Therefore, this methodological strategy, from the point of view of the author of the article, looks more adequate in comparison with the established in science notion that «legality» is always a steady observance of the law, which has the attribute of universality and, therefore, has a universal character. The results of the study suggest the following: legality contains a dialectical combination: on the one hand, adherence to the law, on the other hand, it allows a certain backlash for the negation of old outdated norms in the everyday behavioural practices of all those who create and apply the law. This, in turn, gives grounds for an acceptable mechanism of adaptation to the system in which a person actually lives, in which he realises his social statuses, including in the sphere of law. The article actualises the idea that legality is a construct that is formed by man at all stages of his formation as a social being, in potency claiming universal law and order. Therefore, a more adequate strategy of understanding «legality» from the point of view of post-classical theory is proposed, according to which «legality» acts as a regime in which subjects of law realise their legal statuses in all spheres of society.

Keywords: legality, legitimacy, lawfulness, legal understanding, positivism, jusnaturalism, legal culture, postclassics

For citation: Lomakina I. B. Legality as a legal concept or a social construct? // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – № 3 (99). – P. 48–54; doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-48-54.

Введение

Человечество на протяжении длительного пути своего развития занималось конструированием безопасного и устойчивого жизненного пространства. Создавая замиренный порядок в повседневных практиках, люди закрепляли должностования в виде императивных максим, реифицируя их смысл и значение. Первостепенное значение в этом процессе имели мифологемы и идеологемы. К числу таких мифологем и идеологем можно отнести и «законность», которая в зависимости от социокультурного контекста приобретала те или иные свойства с соответствующими данному историческому промежутку времени значениями.

Рассмотрим семантику слова «законность». В латинском звучании «законность» – это легитимность *legitime* (*legitimus*). В буквальном значении законность означает «на основании закона». Что значит «на основании закона»? «На основании закона» означает прежде всего социально-значимую деятельность, осуществляемую людьми в процессе реализации ими того или иного глобального (сначала родового, потом племенного, ещё позже национального, а теперь уже и макрорегионального) проекта по мироустройству.

Деятельностный аспект законности достаточно подробно и последовательно рассмотрен В. В. Лазаревым и С. В. Липенем¹.

Деятельностный аспект понимания законности предполагает совокупность поступков, действий, решений на основании и в соответ-

ствии с законом. Конкретизируя изложенное, поясним, что «законность» означает правила игры, согласно которым люди творят или конструируют свой мир на определённых основаниях. Весьма важную роль в понимании законности играет, если можно так сказать, господствующее правопонимание, точнее, юридическое мировоззрение, утвердившееся в обществе.

Нужно понимать, что законность как деятельность, основанная на законе, всегда контекстуально обусловлена. Поэтому не существует универсального принципа законности для всех времен и народов. Каждый народ сформировал своё аутентичное понимание законности. При этом не всегда законность связана только с законом, хотя и является однокоренным словом. В одном случае закон может быть эффективным и легитимным инструментом в руках общества, государства, правосудия, в другом – весьма посредственным [8, с. 47]. Поэтому основной смысл и ценность такого взгляда на законность состоит в обозначении надлежащего использования всех форм права субъектами правовых статусов, а не только закона в качестве важнейшего требования законности.

Таким образом, законность всегда связана с реальными материальными условиями жизни людей и их ментальностью. Законность всегда контекстуальна и всегда релятивна. Она не может быть универсальной прежде всего потому, что все культуры самобытны, а отчасти и оригинальны. Поэтому в процессе своего развития каждая культура вырабатывала разные сценарии отношения к закону. Так, для одних закон – это реифицированное должностование монарха; для других закон – это реифицирован-

¹ Лазарев В. В., Липень С. В. Теория государства и права: учебник для вузов. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва: Спарк, 2004. – 440 с.

ная воля народа; для третьих закон – это правда общины (коллектива), которая тоже, конечно, была реифицированной; для четвертых – закон всегда уста Бога.

Для примера рассмотрим значение законности в англосаксонской правовой традиции. Так, английская доктрина закрепляет принцип прецедента как доминирующий принцип правовой системы, поэтому судья может «сломаť закон о колено» (жаргон английских судей). Такая «ломка» возможна тогда, когда закон не соответствует реалиям жизни, поэтому принцип законности англичане увязывают с принципом верховенства права.

Для континентальной правовой системы выражение «сломаť закон о колено» в принципе немислимо, несмотря на молчаливое допущение правовой доктриной иных форм права. Именно континентальная традиция закрепила принцип законности как нарратив правовой жизни, следовать которому не просто надо, но и необходимо. Другими словами, законность выступает в качестве основополагающего принципа, является мерой должного. Поэтому законность как долженствование, как нарратив обрела трансцендентные свойства именно в этой традиции и со временем «слилась» с моралью, став неотъемлемой частью правосознания и правовой культуры в целом.

Переводя проблему понимания законности в русло академических дискуссий, стоит отметить, что сегодня законность рассматривается «как законность, основанная на праве», а не на целесообразности. Целесообразность же в данном аспекте представлена как основание деформированной правовой культуры [10, с. 7–8]. Такой ракурс понимания законности, может быть, и верен с точки зрения юснатурализма, либертариизма, но не безупречен с точки зрения позитивизма и социологии права. Законность, основанная на целесообразности, не всегда произвол. Поскольку целесообразность, если речь идёт о сфере социально значимых отношений, имманентно всегда содержит в себе право, а в праве имманентно содержится всегда целесообразность. Не бывает нецелесообразного права. Право всегда целесообразно, иначе оно просто превращается в «великий рассказ» (Лиотар) и утрачивает регулятивный потенциал.

Методы. Законность в контексте исторической ретроспективы (историко-правовой метод и метод сравнительного правоведения)

Рассмотрим законность в историческом аспекте. Для примера возьмём восточные практики, в которых как в капле воды отражается отношение статусных групп к закону. Так, в XVIII в. до н. э. царь Хаммурапи завещал своим потомкам неукоснительно следовать справедливым законам, высеченным на черном базальтовом столбе. Справедливые законы имели трансцендентный характер и черпали свою легитимность в установленном Хаммурапи порядке, конечно, при покровительстве высших сил. Вместе с тем в Вавилоне не сформировалась

доктрина законности как основа государственного правопорядка. Однако несколько позже в Китае такая доктрина получила развитие и вылилась в формирование школы под названием «легизм». Благодаря Шан Яну, легистская традиция на долгие тысячелетия предопределила особый путь развития государственности в Китае.

Исторически данная доктрина (школа) появилась в конце правления Чжоуской династии. Главными представителями ее были Цзы-чан (VI в.), Шан Ян (390–338 г. до н. э.) и Хань Фэй-цзы (280–233 г. до н. э.). Основная идея этой школы – критика конфуцианской морали. Высмеивая конфуцианские нормы, легисты называли их «игрой в слова» и сравнивали с детской игрой в «приготовление изящных яств из песка». В противовес конфуцианскому учению об управлении, основанному на моральных принципах «ли» (ритуал) и «жэнь» (человеколюбие), легисты весьма изоцирэнно провозгласили идею государственного правления, основанного на принципе «фа» (закон). Главенствующая роль в доктрине законности принадлежала сильному императору, справедливо применяющему закон. Например, Хань Фэй-цзы полагал, что законы подобны шнуру. Как шнур при натягивании не даёт кривой линии, так и закон должен быть для всех одинаков. Он указывал на две стороны закона. С одной стороны – вознаграждение, с другой – наказание. «Подданные боятся наказания и любят вознаграждение, поэтому правитель проводит эти две меры для того, чтобы они боялись его власти и служили его интересам». В политическом управлении он провозглашал принцип «наказания упраздняются наказаниями». Это значило: чем больше наказаний, тем меньше преступлений.

В ряде восточных государств и по сей день нет в уголовном праве понятия «преступление», а есть понятие «политическая ошибка» (например, в Северной Корее). Легисты считали, что законы должны предусматривать круговую поруку и всеобщую слежку. Правда, что касается круговой поруки, то вряд ли это новелла китайского законодателя, так как практически у всех народов исторически закрепился этот принцип в обычном праве. Иногда легистская традиция встречала сопротивление со стороны конфуцианской общественности, но итогом столкновения была «культурная революция» лозунгом, которой выступал посыл к действию: «Книги в огонь, учёных в яму!». Законность, понимаемая как единообразное подчинение «всех и вся» законом императора, поставила данную категорию во главу угла как гарант устойчивого процветания государства.

Поэтому император Шихуанди хвалился, что «во всех шести направлениях вселенной всё принадлежит императору... всюду, где есть след человека, нет никого, кто бы ни стал подданным императора... его благодать распространяется даже на быков и лошадей. Нет человека, кому бы это не пошло во благо. Каждый в безопасности под собственной кровлей». Поэтому, как полагает Ю. Н. Харари, в китайском политико-право-

вом дискурсе имперские периоды описываются как золотые эпохи порядка и справедливости. Это периоды торжества истинной законности. Поэтому китайский дискурс рассматривает периоды политической раздробленности как тёмные века хаоса и несправедливости².

Западная культура, наоборот, выводит законность от обратного, то есть из принципа горизонтальности власти, увязывая самоорганизацию индивидов (позже – «невидимая рука рынка») с господством частной собственности, а значит, справедливостью. Ещё античные философы отождествляли законность и справедливость, считая данные понятия практически эквивалентными. «Что законно, – по выражению Сократа, – то справедливо!» [4, с. 134]. По воззрению Сократа, законы могут быть дифференцированы на писанные, легитимированные полисом, и неписанные, данные богами [4, с. 284]. И те, и другие в равной мере могут отвечать идеалам справедливости. Очевидно, что такой подход всё же исключал критику законодательства, поэтому любая критика рассматривалась общественным сознанием афинян как проявление морального нигилизма и богохульства.

Правовая мысль Древнего Рима в основном разделяет древнегреческие представления о законности. Здесь также находит отражение максима «Право всегда справедливо». Широко известно латинское изречение, в котором право называется «искусством добра и справедливости» (*jus est ars boni et aequi*). При этом стоит отметить аксиоматичность римских теоретических положений: «Закон суров, но это закон» (лат. *dura lex, sed lex*). Законность в понимании римлян – это прежде всего неукоснительное выполнение закона всеми жителями в государстве, включая его правителей. Подобное понимание законности является ярко выраженной чертой классического римского права. Периодом окончательного оформления данного конструкта А. Б. Лисюткин [5, с. 108–112] и В. В. Кожевников [3, с. 37] считают эпоху капитализма.

Таким образом, законность как принцип правовой жизни прошла длительный путь в своём развитии, но как современная доминанта правовой жизни сформировалась только в XVII–XVIII веках, что, в общем-то, понятно. Ведь развитие капитализма требовало единообразного применения закона, принцип формального равенства должен был сформировать конкурентную среду, а формальная определённость должна была закрепить четкие правила игры, не предполагающие широкого диапазона в применении закона. Поэтому западная традиция увязала законность с правозаконностью, которая, по мысли Дж. Уолдрона, «резонирует в нашей традиции в течение веков: начиная с Аристотеля, продолжаясь средневековыми теоретиками, такими как сэр Джон Фортеस्कью, который стремился различать законные и деспотические

формы королевской власти, и далее в эпоху раннего Нового времени в трудах Джона Локка, Джеймса Гаррингтона и (как ни странно) Никколо Макиавелли, в эпоху Просвещения в работах Монтескье, Беккариа и других, в американской традиции в «Документах федералистов» и даже с ещё большей силой в «Документах антифедералистов», и в современную эру – трудах Дэйси, Хайека, Оукшотта, Раза и Финниса, а в Америке – в произведениях Фуллера, Дворкина и Ролза [12, с. 22]. В несколько ином ключе предложил понимать «законность» Скотт Шапиро. Усматривая в ней плановый механизм, автор утверждает: «С помощью планирования нивелируются моральные недостатки законности, а также преодолеваются сложность, спорность и произвольность общественной жизни» [15, с. 54].

Обсуждение. Отечественный теоретико-правовой дискурс понимания законности

Законность как фундаментальная категория правовой жизни всегда была в центре внимания как политиков, так и научного сообщества в целом. К ней апеллировали как к должному, иногда как к сущему. Порой она попадала под перекрёстный огонь как левых, так и правых, а иногда ею умело манипулировали. Так, если первоначально В. И. Ленин говорил о законности как об идеале «подлых оппортунистов»³, то позднее он указывал на необходимость установления единой законности⁴. По мере построения социалистического государства постепенно стала складываться доктрина «революционной законности».

Идею «революционной законности» развивали такие учёные, как П. И. Стучка, Н. В. Крыленко, Д. И. Курский, Е. Б. Пашуканис и др. Необходимость обоснования нового социального мироустройства в лице Советской России побудила идеологов нового строя «поженить» «революционную законность» с целесообразностью. Например, В. П. Антонов-Саратовский и А. А. Сольц поддержали идею господства целесообразности над формой права. О синтезе двух идей в своё время также писал В. А. Рыбаков [9, с. 60].

В процессе построения развитого социализма термин «революционная законность» уходит с авансцены советских дискурсивных юридических практик, его место занимает «социалистическая законность», под которой понимается точное и неуклонное исполнение законов и основанных на них других правовых актов социалистического государства. [1, с. 43]. Весьма голословно об отходе от «духовной сути права» заявляет А. А. Чечулина⁵. Данная позиция как минимум должна иметь под собой доказательную базу, иное выглядит просто как дань новой либеральной идеологии и не более того.

³ Ленин В. И. О двойном подчинении и законности // Ежегодник советской юстиции. 1925. – № 17. – С. 101.

⁴ Ленин В. И. О задачах III Интернационала // В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. – Т. 39. – 5-е изд. – Москва: Издательство политической литературы, 1970. – 623 с.

⁵ Чечулина А. А. Правовая законность: общетеоретический анализ: дис. ... канд. юрид. наук. – Уфа, 2004. – С. 20.

² Харари Ю. Н. *Sapiens. Краткая история человечества* / Юваль Ной Харари ; [пер. с англ. Л. Сумм]. – Москва: Синдбад, 2016. – С. 125.

Конечно, «социалистическая законность» в этот период рассматривалась преимущественно в позитивистском ключе, но уже к концу 70–80-х гг. данный термин обрёл более широкое значение, хотя полностью не мог освободиться от своей классовой сущности и жёсткой привязки к аппарату принуждения. Работы С. С. Алексеева, М. И. Байтина, Н. В. Витрука, В. Н. Кудрявцева, М. Н. Марченко, Л. И. Спиридонова, Р. О. Халфиной, В. Е. Чиркина, Л. С. Явича и др. показывают законность с различных позиций. Поэтому у одних учёных законность выступает как принцип деятельности субъектов права, у других – как принцип права, у третьих – как соответствие правовой деятельности закону, у четвёртых – как правовой режим, пятые же начинают усматривать в ней состояние правомерности человеческой деятельности, шестые – конституционную обязанность [2, с. 33].

Отсутствие критериев оценки законодательства в позитивистском подходе вызывает сегодня достаточно серьёзную критику. В частности, И. А. Уваров говорит о «несостоятельности позитивистских концепций права и правопорядка, которые любое фактически распространённое отношение признают правовым, независимо от его содержания» [11, с. 40]. Как правило, позитивизм сегодня упрекают в отсталости и догматизме [6, с. 36].

Результаты

Характеризуя советский этап развития юридической мысли в целом, стоит отметить, что право сводилось к совокупности норм, закреплённых в формах внешнего выражения права. При этом оставался без внимания вопрос, какими по своему содержанию должны быть нормативные предписания, должны ли они соответствовать интересам общества или достаточно того, чтобы эти правовые акты были введены в действие в установленном порядке. Данные теоретические воззрения логически небезупречны. Такой подход к пониманию законности является безусловно статистским, но и у него есть серьёзное достоинство. Законность в этом случае выступала в качестве системы чётких, недвусмысленных требований, которые надлежит исполнять. Правда, было бы хорошо, чтобы сами требования являлись легитимными и имели достаточный регулятивный потенциал.

Для позднесоветского периода характерной чертой стал отказ от юридического позитивизма. Пересматривая свои первоначальные позиции, С. С. Алексеев предлагает использовать термин просто «законность», наполняя его уже совсем другим содержанием, а именно – демократическим, без привязки к классовой сущности⁶. Всё чаще и чаще в дискурсивных практиках звучат идеи о соблюдении лишь «правового» закона, общественно-полезного, уважающего права человека и общеправовые принципы, отвечающего идеалам справедливости и нрав-

ственности. Данные идеи понимания «законности», может, и выглядели прогрессивно в тот период, но проблема заключалась в том, что перечисленные категории являются оценочными. Возникал вопрос, кто будет рассматривать соответствие той или иной нормы условию её «правового» характера? Если относить данную деятельность к компетенции правоприменителя, то неизбежно нарушение принципа единства законности. Кроме того, в некоторых случаях компетентность правоприменителя может вызывать сомнения. Законодатель также не может рассматривать вопрос о соответствии нормы критерию её «правового» характера. Такой подход к пониманию законности не является универсальным и трудно применим на практике. Данная проблема была обозначена в ранее опубликованной нами статье [7, с. 87].

Конечно, нет ничего плохого в идеальной конструкции законности, но надо признать, что правоприменителю от такого идеала «ни холодно и ни жарко». Поэтому ему не остаётся ничего иного, как руководствоваться позитивным законом, при этом в каждом конкретном случае оценивая его с точки зрения соответствия не только нормам высшей юридической силы, но и конституционным, а также общеправовым принципам, в которых заложены «правовые» ценности, говоря другими словами – «дух права». И в связи с этим стоит отметить, важность конституционной юстиции, позволяющей осуществлять проверку норм текущего законодательства на предмет их конституционности. Подобным образом трактует законность В. В. Лазарев. Развивая интегральную теорию права, он говорит о необходимости фильтрации норм текущего законодательства для проверки соответствия их интересам общества, выходя на уровень их легитимации⁷.

Заключение

Критический обзор теоретических подходов показывает необходимость применения к пониманию законности именно постклассической методологии. По нашему мнению, наиболее интересна диалогическая концепция И. Л. Честнова. Так, рассматривая право в контексте его реального существования, а именно как:

1) правовое явление имеет разные формы существования «в виде массового поведения, знаковой формы и ментального образа, включая индивидуальные, групповые и коллективные (социальные, общественные) формы проявления», причём все они непрерывно взаимодействуют друг с другом;

2) правовое явление – это всегда итог накопленной данным обществом практики;

3) правовое явление по определению не может выступать в качестве окончательно завершённого факта, оно непрерывно трансформируется, приспособляясь к новой практической данности [13, с. 492, 493] законность выступает

⁶ Алексеев С. С. Собрание сочинений: в 10 т. Проблемы теории права: курс лекций. – Москва: Статут, 2010. – Т. 3. – 781 с.

⁷ Лазарев В. В. Общая теория права. – Москва: Юрист, 2001. – 520 с.

«краеугольным камнем» правовой жизни. Законность и её обеспечение могут быть адекватно представлены в большей степени именно с таких позиций, выступая как процесс, в котором закон воплощается в реальность, начиная от его фиксации в общественной потребности и до его практического применения уполномоченными на то органами. При этом закон – это не догма, а правило, которое корректируется социальными практиками, исходя из реальных потребностей общества. Подобный способ создания правовой нормы является наиболее эффективным способом гарантии соблюдения режима законности, который не может поддерживаться исключительно мерами репрессивного характера. В целом, солидаризируясь с точкой зрения И. Л. Честнова, можно утверждать, что законность выступает как требовательный партнёр правопорядка [14, с. 121], в котором реализуются статусы субъектов правоотношений. При этом правоотношения – это не голая абстракция (связь), а реальные социально-значимые отношения, в которых конкретные люди реализуют свои права (мера возможного) и отвечают по обязательствам (в широком смысле – мера должного).

Можно констатировать, что законность относится к числу базовых категорий юридической науки. Исследованию данного феномена посвящено большое количество научных

работ как в области теории права, так и в отдельных отраслевых юридических науках. Можно считать появление постклассического подхода новой вехой в осмыслении данного феномена, предлагающего разработку модели воплощения закона в реальность, начиная от фиксации общественной потребности в нём и до практического воплощения в правоприменении, предполагающего возможность корректировки содержания, исходя из изменений в указанной потребности [13, с. 44]. Подобный способ создания правовой нормы является наиболее эффективным способом гарантии соблюдения режима законности, который не может поддерживаться исключительно мерами репрессивного характера, о чём говорилось выше. И всё же в условиях продолжающейся дискуссии реальную значимость сохраняет практическая деятельность субъектов права, прямо направленная на обеспечение законности. Ведущая роль среди них, исходя из уровня полномочий, нормативного регулирования, организационных возможностей, продолжает принадлежать государственным органам власти. Представляется очевидной необходимость дальнейшего изучения проблем, связанных с интерпретацией исследуемого феномена, выработки определения законности, которое отвечало бы потребностям современной российской правовой системы.

Список литературы

1. *Вопленко Н. Н.* Понятие и основные черты законности // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. – 2006. – № 8. – С. 33–48.
2. *Герасимова Н. П.* Правовой закон – основа правовой законности // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2018. – Т. 18. – № 2. – С. 77–82.
3. *Кожевников В. В.* Проблема гарантий законности и порядка в современной теоретико-правовой мысли: критический анализ // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2008. – № 4 (31). – С. 31–43.
4. *Ксенофонт.* Воспоминания о Сократе. – Москва: Наука, 1993. – 379 с.
5. *Лисюткин А. Б.* К понятию законности // Правоведение. – 1993. – № 5. – С. 108–112.
6. *Ломакина И. Б.* Содержание правопорядка в его эволюционном развитии / Правопорядок и его институциональные основы : сборник трудов Международной конференции (Воронеж 31 мая – 1 июня 2019 г.). – Воронеж: Наука-Юнипресс, 2019. – С. 34–40.
7. *Ломакина И. Б., Глуздак Г.* Некоторые противоречия в теоретических подходах к пониманию законности // Вестник Российской правовой академии. – 2023. – № 1. – С. 84–94.
8. *Ломакина И. Б., Честнов И. Л.* Постклассическая методология прокурорской деятельности (глава 2) / Актуальные проблемы прокурорской деятельности: методология и методы науки : монография / коллектив авторов ; под ред. О. Н. Коршуновой. – Москва : Русайнс, 2022. – С. 43–56.
9. *Рыбаков В. А.* Революционная законность: теоретический аспект // Право и государство: теория и практика. – 2017. – № 12 (156). – С. 58–62.
10. *Старин Б. С.* Правовая культура, законность и правосознание в условиях становления правового государства // Закон. Право. Государство. – 2018. – № 3 (19). – С. 7–11.
11. *Уваров И. А.* Правопорядок и законность как базисные философско-правовые понятия и категории // Вестник Международного юридического института. – 2017. – № 4 (63). – С. 40–51.
12. *Уолдрон Дж.* Верховенство права и мера собственности. – Москва: Издательство Института Гайдара, 2020. – 144 с.
13. *Честнов И. Л.* Постклассическая теория права : монография. – Санкт-Петербург: Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2012. – 650 с.
14. *Честнов И. Л.* Законность в социолого-правовом измерении // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2017. – № 2 (58). – С. 121–122.
15. *Шапиро С.* Законность. – Москва: Издательство Института Гайдара, 2021. – 720 с.

References

1. *Voplenko N. N.* Ponyatiye i osnovnyye cherty zakonnosti // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5: Yurisprudentsiya. – 2006. – № 8. – S. 33–48.
2. *Gerasimova N. P.* Pravovoy zakon – osnova pravovoy zakonnosti // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. – 2018. – T. 18. – № 2. – S. 77 – 82.
3. *Kozhevnikov V. V.* Problema garantiy zakonnosti i poryadka v sovremennoy teoretiko-pravovoy mysli: kriticheskiy analiz // Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii. – 2008. – № 4 (31). – S. 31–43.
4. *Ksenofont.* Vospominaniya o Sokrate. – Moskva: Nauka, 1993. – 379 s.
5. *Lisyutkin A. B.* K ponyatiyu zakonnosti // Pravovedeniye. – 1993. – № 5. – S. 108–112.
6. *Lomakina I. B.* Soderzhaniye pravoporyadka v yego evolyutsionnom razvitii / Pravoporyadok i yego institutsional'nyye osnovy : sbornik trudov mezhdunarodnoy konferentsii (Voronezh 31 maya – 1 iyunya 2019 g.). – Voronezh: Nauka-Yunipress, 2019. – S. 34–40.
7. *Lomakina I. B., Gluzdak G.* Nekotoryye protivorechiya v teoreticheskikh podkhodakh k ponimaniyu zakonnosti // Vestnik Rossiyskoy pravovoy akademii. – 2023. – № 1. – S. 84–94.
8. *Lomakina I. B., Chestnov I. L.* Postklassicheskaya metodologiya prokurorskoj deyatel'nosti (glava 2) / Aktual'nyye problemy prokurorskoj deyatel'nosti: metodologiya i metody nauki : monografiya / kollektiv avtorov ; pod red. O. N. Korshunovoy. – Moskva : Rusayns, 2022. – S. 43–56.
9. *Rybakov V. A.* Revolyutsionnaya zakonnost': teoreticheskiy aspekt // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. – 2017. – № 12 (156). – S. 58–62.
10. *Starin B. S.* Pravovaya kul'tura, zakonnost' i pravosoznaniye v usloviyakh stanovleniya pravovogo gosudarstva // Zakon. Pravo. Gosudarstvo. – 2018. – № 3 (19). – S. 7–11.
11. *Uvarov I. A.* Pravoporyadok i zakonnost' kak bazisnyye filosofsko-pravovyye ponyatiya i kategorii // Vestnik Mezhdunarodnogo yuridicheskogo instituta. – 2017. – № 4 (63). – S. 40–51.
12. *Uoldron Dzh.* Verkhovenstvo prava i mera sobstvennosti. – Moskva: Izdatel'stvo Instituta Gaydara, 2020. – 144 s.
13. *Chestnov I. L.* Postklassicheskaya teoriya prava : monografiya. – Sankt-Peterburg: Izdatel'skiy Dom «Alef-Press», 2012. – 650 s.
14. *Chestnov I. L.* Zakonnost' v sotsiologo-pravovom izmerenii // Vestnik Akademii General'noy prokuratury Rossiyskoy Federatsii. – 2017. – № 2 (58). – S. 121–122.
15. *Shapiro S.* Zakonnost'. – Moskva: Izdatel'stvo Instituta Gaydara, 2021. – 720 s.

Статья поступила в редакцию 26.06.2023; одобрена после рецензирования 20.07.2023; принята к публикации 26.07.2023.

The article was submitted June 26, 2023; approved after reviewing July 20, 2023; accepted for publication July 26, 2023.

Научная статья

УДК 340.5

doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-55-66

Юлия Владимировна Сорокина

доктор юридических наук, профессор

<https://orcid.org/0009-0009-4669-737X>, yulia_sor@mail.ru

Воронежский государственный университет

Российская Федерация, 394018, Воронеж, пл. Ленина, д. 10 «а»

Воронежский филиал РАНХиГС

Российская Федерация, 394005, Воронеж, Московский проспект, д. 143

Правовая система Китая

Аннотация: Введение. В настоящее время Китай занимает одну из лидирующих позиций в мире в области экономики, культуры и права. Россия имеет давние связи с Китаем, которые развиваются быстрыми темпами. Особый интерес для российских юристов представляет собой правовая система этого государства, которая является поистине уникальной. Здесь органично соединяются традиции и обычаи, с одной стороны, и постоянная правовая модернизация – с другой, а само право тесно связано с культурой. В данной работе ставится проблема исследования правовой системы Китайской Народной Республики, выяснение её генезиса, рассмотрение этапов модернизации права, в частности, гражданского, анализ магистральной линии развития.

Методология. При выполнении работы применялись общенаучные и частнонаучные методы (сравнительно-правовой, конкретно-исторический). Используются также формально-догматический и логико-языковой, с помощью которых уясняется содержание и смысл правовых предписаний.

Результаты исследования. Рассмотрены традиционные источники социального регулирования, а именно, обычаи, которые охватывают все сферы общественной жизни. Показано всеобъемлющее влияние конфуцианства и конфуцианских устоев. В работе раскрываются пути формирования норм «ли», которые лежат в основе поведения людей. Проанализировано становление современной китайской правовой системы, которая складывается в процессе рецепции романо-германского права, англо-саксонского права, точнее, его американского варианта, конфуцианских норм и марксизма. Особое внимание уделяется развитию гражданского права и норм гражданского законодательства, рассматриваются вопросы согласования западных институтов и обычаев, утвердившихся в обществе.

Ключевые слова: норма, обычай, традиция, конфуцианство, право, гражданское право, рецепция, кодекс, гуаньси

Для цитирования: Сорокина Ю. В. Правовая система Китая // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 3 (99). – С. 55–66; doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-55-66.

Yulia V. Sorokina

Dr. Sci. (Jurid.), Professor

<https://orcid.org/0009-0009-4669-737X>, yulia_sor@mail.ru

Voronezh State University

10 «a», Lenin sq., Voronezh, 394018, Russian Federation

Voronezh branch of RANEPА

143, Moskovsky ave., Voronezh, 394005, Russian Federation

Legal system of China

Annotation: Introduction. Currently, China occupies one of the leading positions in the world in the field of economics, culture and law. Russia has long-standing ties with China, which are currently developing rapidly. Of particular interest to Russian lawyers is the legal system of China, which is truly unique. There is an inorganic link between traditions and customs, on the one hand, and constant legal modernization, on the other, and the law itself is closely connected with culture. This paper poses the problem of studying the

legal system of the People's Republic of China, clarifying its genesis, considering the stages of modernization of law, in particular civil law, and analyzing the development path.

Methodology. When performing the research, general scientific and specific scientific methods (comparative legal, specific historical) were used. Formal-dogmatic and logical-linguistic methods were also used, with the help of which the content and meaning of legal regulations are clarified.

Research findings. Traditional sources of social regulation are considered, namely, customs that cover all spheres of public life. The comprehensive influence of Confucianism and Confucian principles is shown. The paper reveals the ways of forming "li" norms which are the basis of people's behavior. The article analyses formation of the modern Chinese legal system, which takes shape in the process of reception of Roman-Germanic law, Anglo-Saxon law, more precisely, its American version, Confucian norms and Marxism. Particular attention is paid to the development of civil law and civil law regulations; issues of harmonization of Western institutions and customs established in the society are considered.

Keywords: norm, custom, tradition, Confucianism, law, civil law, reception, code, guanxi

For citation: Sorokina Yu. V. Legal system of China // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – No. 3 (99). – P. 55–66; doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-55-66.

Введение

В настоящее время Китай привлекает к себе пристальное внимание исследователей в области философии, культурологии, юриспруденции, причём государство и право Китая исследуются представителями как практической юриспруденции, так и теоретической. Долгое время Китай был закрыт от мира и жил в своём аутентичном территориально-временном и культурном пространстве. Были попытки наладить связь между западным миром и Китаем, но установление маоистского режима откинуло страну назад на десятилетия. Сейчас китайское общество и государство стремительно развиваются, страна активно выходит на международную арену. В настоящее время для России Китай является важнейшим экономическим и политическим партнёром, поэтому необходимо изучать государственность Китая, его правовую систему, а также философию и культуру.

Методология

При написании статьи использовались различные научные методы. В частности, сравнительно-правовой метод при рассмотрении китайской правовой системы в прошлом и настоящем и при исследовании внешнего влияния на становление китайского права. Также автор применил конкретно-исторический метод при выявлении уникальных черт традиционного нормативного регулирования в Китае. Использовался логико-языковой метод при выяснении смысла законодательных норм. Наконец, формально-догматический при анализе современного права Китая и его конкретных отраслей.

Результаты

Китайская Народная Республика представляет собой государство с уникальной правовой системой, поэтому проводить анализ китайского права – непростая задача, так как в нём воплотились самые разные способы социального регулирования. Современное китайское общество и право выстроены на мощном фундаменте китайской космологии, где человек – часть миропорядка. Идея гармонии является центральной для китайского общественного сознания. Сюда

прежде всего включается правило преобладания общего над частным, где интересы коллектива всегда стоят выше личного интереса и предполагается, что человек готов пожертвовать своими интересами ради общества. Из этого следует ещё одно правило – главенство обязанности над правом. Права личности на протяжении всей истории Китая приносились в жертву общине и государству. Гармония предполагает также идею примирения. Поэтому даже в современном Китае идеальное решение дела – это примирение спорящих. Наконец, стержнем всей общественной жизни является государство и строгая иерархия и, как следствие, господство патернализма – покровительственного отношения государства к своим гражданам. Уже в древней книге «И Цзин» («Книга перемен») говорилось о праве начальника на продвижение по службе подчинённого: «Начальник будет продвигать вас» – это толкование положения «Проявлять свою верность вовне. Настойчивость приносит удачу» [1, с. 132].

Вместе с тем мощные процессы модернизации существенным образом изменили способы и средства нормативного, точнее, правового регулирования. Китай открылся миру, что повлекло за собой принятие западного права. Традиционно приоритет признавался за романо-германским правом, но существенную роль играет и Общее право (Common Law). И, конечно же, в Китае присутствует коммунистическая идеология. Вследствие этого правовая система Китая являет собой переплетение традиций и обычаев, коммунистических идей и правовых норм, пришедших с Запада. Исследователь А. В. Егоров пишет, что «современное право Китая – это редкий симбиоз религиозно-коммунистических начал. Даже изменение общего политического климата не повлияло на правосознание китайцев. Это кроется в природе традиционного китайского права, которое вовсе не право, а идеология» [4, с. 171].

Вернёмся к «Книге перемен». По мнению А. В. Егорова, древняя «И Цзин» представляет собой срез сознания китайского общества, хотя первоначально она предположительно предназначалась для гадания (впрочем, она использу-

ется для этого и сейчас). Но в «И Цзин» также заключено видение мира, общества и человека, закрепление обязанностей людей. Например, «Женщина разделяет судьбу того мужчины, за которым она замужем, кем бы он ни был». Или такие замечания: «Искренне следуйте благому», «Хороший человек доводит начатое до завершения», «Время исправлять, что пропущено отцом. Если есть сын, чтобы это сделать, на отце не будет вины. Опасность. В конце удача» [11, с. 137] Как видно, «Книга перемен» характеризует женщину как верную мужу, а почтительного сына – как хорошего человека, к которому в конце концов придёт удача. Также «И Цзин» выражает идею бесконфликтного общества, адаптацию к конфликту, подавление внутренней агрессивности. Это всё основные постулаты жизни китайского общества. Первое толкование к книге «И Цзин» – «Десять крыльев» – дал Конфуций. Традиционная китайская мысль не знает Абсолюта в западном его понимании. В конфуцианстве все относительно, а истина зависит от ситуации. Даосизм как самая ранняя доктринальная концепция утверждает принцип Недеяния – У Вей, и здесь нет места Абсолюта. И вообще для Китая характерен симбиоз даосизма, буддизма и конфуцианства. Конфуцианство – для публичной жизни, это правила поведения в обществе. Даосизм – нормы для частной жизни, и буддизм – для смерти.

На Западе судить – означает наказание, кару преступника, который должен просить прощения у жертвы. В Китае суд имеет целью примирение, погашение конфликта [11, с. 161]. В течение веков судебной деятельностью занимались не профессиональные юристы, а чиновники-администраторы, которые прежде чем получить должность, сдавали экзамены на знание литературы, поэзии, китайских философских трактатов. Китайский чиновник – образованный и справедливый человек, который не был изначально знаком со сводами законов. Для этого существовал помощник – знаток законодательных норм. Во главе государственной иерархии стоял монарх – Сын Неба. Он должен был обеспечивать порядок и гармонию в Поднебесной. [12] Конфуцианство использовало понятие «ли» – нравственно-ритуальные нормы. Им сопутствует «жень» – человеколюбие, гуманность; «чужжи» – преданность государю; «и» – преданность долгу; «луань» – великодушие. Эти понятия являются принципами социального регулирования, предложенными конфуцианством. Конфуций развивает теорию о совершенном (благородном) муже, который общественные интересы ставит выше личных. Совершенствование человека начинается с подавления его его. Конфуций призывал преодолеть себя, и это – начало пути к достижению состояния совершенного мужа. Совершенный муж «сумел освободиться от диктата материальных условий, исключить фактор выгоды из своего поведения» [10]. Сам Конфуций утверждал, что «совершенный муж осознает свой долг, тогда как низкий человек ищет выгоду» [5, с. 13].

О. В. Шубаро пишет: «Введение этой антитезы при оценке людей представляет собой одно из достижений и главных заслуг конфуцианства. Всякое совершенствование человека начинается с отрешения от корысти» [10].

Согласно Конфуцию, человек, считающий, что кто-то по отношению к нему пренебрёт правилами «ли», не должен затевать конфликт, он должен стремиться к спокойному обсуждению с тем, чтобы находить согласие, а не сосредоточиваться на противоречиях и подчёркивать разногласия. В «Лунь Юй» говорится: «Если руководить народом посредством распоряжений и наводить порядок посредством наказаний, то народ станет уклоняться (от распоряжений и наказаний) и утратит свой стыд. Если управлять народом посредством «дэ» и поддерживать в нём порядок посредством надлежащих норм поведения, то народ сохранит свой стыд и будет управляем» [5, с. 99–100]. К слову, ««ли» — это не только система норм, это ещё и образ общественного сознания, которое выражается в видении того, как можно поступать, а как не следует» [9, с. 65]

Конфуций развивает мысль о ненасильственном политическом управлении. О. В. Шубаро выделяет два момента в этих высказываниях: во-первых, в политическую орбиту вводится народ как участник политических событий, и «именно его реакция, а не искусство, политика или интересы государства диктуют выбор методов управления. Здесь латентно присутствует мысль о том, что управлять политически можно лишь тем народом, который не утратил моральных ценностей. Во-вторых, здесь Конфуций основным средством управления видит не закон, а нормы “ли”, имеющие нравственно-этический характер» [10].

Легисты как раз были сторонниками жёстких методов управления. Шан Ян предложил законы – «фа» в качестве средства установления порядка и построения сильного государства. Шан Ян исходил из постулата о злой и порочной человеческой природе, которую невозможно исправить. Если рассматривать иероглиф «фа», то смысл его в призыве к гражданину следовать за беспристрастным решением властного органа, подчиняясь ему [9, с. 65]. По этому поводу в Китае существуют две позиции. Одни рассматривают законы «фа» как орудие Зла. Согласно другой позиции, законы должны существовать. И лучше пусть будут плохие законы, чем полное их отсутствие. К слову, легисты выступали против родовой аристократии и коррумпированных чиновников. Благодаря распространению легизма, в Китае произошло (правда на короткое время) объединение страны династией Цинь, была введена единая письменность. Но для общества взгляды легистов были чуждыми, а поэтому не прижились.

В эпоху Хань (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.) китайское государство решило принять конфуцианские принципы управления посредством «ли». Но речь шла только о намерениях. Дискуссии сторонников жёсткого правления и конфуцианства продолжались.

В реальности в Китае произошёл синтез легизма и конфуцианства. Как пишет О. В. Шубаро, «жёсткие моральные нормы ортодоксального конфуцианства задавали стереотипы поведения, а закон с помощью санкций запрещал от них уклоняться. Нормы конфуцианской морали «ли» поддерживались силой закона – «фа». То, что наказуемо по «фа», не могло быть позволено «ли», а дозволенное «ли» не могло быть наказано по «фа»» [10]. Из принципов «ли» и «фа» вытекают две составляющие китайского сознания – стыд и страх. Стыд означает внутренний мотив отказа от правонарушения, а страх – страх наказания. К слову, центральным институтом китайского права является смертная казнь, и даже незначительные преступления караются очень строго. Само понятие «право» для китайцев более всего ассоциируется с наказанием.

Главенство этических норм «ли» обусловило то, что главным средством регулирования отношений человека и общества стали обычаи, которые воплощают в себе идеологию примирения и бесконфликтности. А. В. Егоров выделяет три группы обычаев: 1) обычаи, регулирующие межличностные отношения; 2) обычаи, устанавливающие порядок властного подчинения; 3) обычаи, устанавливающие правила разрешения конфликтов.

В основе первой группы обычаев лежит модель патриархальной семьи. Со стороны отца – это любовь к детям, но одновременно абсолютная власть над ними. Данный тип отношений переносится на общину и на всё государство, где монарх – отец нации. Один из принципов построения семьи – это сыновняя почтительность по отношению к отцу. Эта же модель переносится на начальника и государя.

Вторая группа обычаев тесно связана с первой. Здесь, с одной стороны, подчинение императору и дальше по иерархии. Но и сама власть должна заботиться о подданных и действовать в интересах народа и подчиняться моральным нормам. А. В. Егоров пишет, что «влияние этих обычаев обнаруживается и в современных формах управления, в частности определение правового статуса гань бу – управленческих кадров» [4, с. 175]. Эти обычаи направлены на регулирование поведения чиновников. Если они нарушают нормы «ли», то к ним применяют законы «фа».

Третья разновидность обычаев – способы разрешения конфликтов, или «даже скорее устранение эксцессов в китайской общине» [4, с. 176]. Если кто-то считает, что ему нанесли обиду, то обычай требует установления факта нанесения обиды и нарушения правил «ли». Главная цель – не то, чтобы устранить, но даже недопущение конфликта. Китайская община – это закрытое пространство, где, как уже было сказано, человек подчинён ей безусловно, поэтому о правах личности говорить не приходится.

Обычаи – это те нормы, которые понятны всему обществу и без всякого принуждения реализуются в практической жизни, основываясь на внутренней мотивации людей. На Западе

достижение соглашения – также одна из задач правового регулирования. Но в том и дело, что и в континентальном, и в англо-американском праве для этого существуют нормы процессуального права, в то время как в Китае примирение является внеправовым актом. Здесь стремятся не доводить дело до суда. Как ниже будет сказано, для этого существуют примирительные комиссии, которые прибегают не к принуждению, но только к разъяснению и убеждению. А. В. Егоров приводит слова Конфуция: «Когда я выношу решение по спорному вопросу, я не могу себя вести так, как ведёт себя другой. Я предпочитаю предотвращение спорного вопроса» [4, с. 176]. А. В. Егоров пишет, что, с одной стороны, институт примирения может рассматриваться как основа будущего правового решения, но, с другой, «китайский консенсус выступает как символ правового нигилизма» [4, с. 176]. Китайцы не прибегают к грубой и варварской системе регулирования, каковой они традиционно считают право. Их примирение – это внеправовое поведение, основанное на утончённых, многооттеночных этических нормах. В основе примирения лежит справедливость, понятая в конфуцианском смысле. В основе справедливости лежит «куань» – великодушие, которое сопровождает все стороны жизни китайского общества. Следовательно, примирение основывается на великодушии и уступчивости. Эти категории далеки от правовых норм, но являются истиной для китайца. И если в западной правовой науке и практике существует такое явление, как правовая справедливость, то китайскому обществу этот подход однозначно чужд.

Конечно, никакое современное общество не может обойтись без законов, а обычаи не могут обеспечивать глобальное регулирование. В последние десятилетия в Китае наблюдается активное правотворчество в виде принятия законов и подзаконных актов. Небывалый экономический рост требует соответствующих правовых норм. Надо сказать, что принятие закона в Китае – это очень длительный процесс, который может растянуться на многие годы. До принятия закона происходит активное подзаконное регулирование, которое быстро реагирует на происходящие изменения. Как пишет П. В. Трошинский, «именно местное правотворчество сыграло решающую роль в деле масштабного привлечения иностранных инвесторов, а следовательно, ускорило рост страны» [9, с. 45]. Большое значение в Китае имеют принципы и нормы международного права. Это прежде всего касается интеллектуальной собственности, иностранных инвестиций, налоговой и банковской сфер. Китай присоединился к международным конвенциям в этих областях. Но при этом «откуда-то возникают подзаконные правовые акты, которые обладают высшей юридической силой, чем Конвенции» [9, с. 54]. Как результат, очень много контрафактной продукции или незаконного копирования известных брендов.

Многие законы в Китае имеют декларативный характер. Например, свобода вероис-

споведания (ст. 36 гл. 2 Конституции), где прямо сказано, что граждане Китайской Народной Республики имеют свободу вероисповедания, однако одновременно в этом отношении существуют серьёзные ограничения для членов Коммунистической партии Китая (КПК).

Вернёмся к обычаю как источнику права и проанализируем, как уживаются в современном Китае законы и обычаи. Ранее говорилось, что традиционные представления китайцев о праве тесно связаны с государством. Право – это то, что исходит от государства. Как пишет китайская исследовательница Лю Цюань, «в Китае как в древности, так и сейчас принято считать, что право – это прежде всего и главным образом институт строительства и обеспечения единства – единой государственной цели, ведущей национальной идеи» [8, с. 140]. Также надо отметить, что на протяжении всей истории Китая не существовало разделения частного и публичного права. Китайскую цивилизацию, собственно, как и всю Восточную Азию, называют цивилизацией публичного права. Более того, само понятие права в смысле закона – «фа» ассоциировалось именно с уголовным правом. В личных, имущественных, обязательственных отношениях государство практически не участвовало. В Китае даже гражданско-правовые споры рассматривались как уголовные дела. По закону, если должник не исполнял свои обязательства, его били бамбуковыми палками, и даже было предусмотрено лишение свободы на срок до 1,5 лет. В случае неисполнения брачного контракта виновного лишали свободы [2].

Цель современной правовой реформы в КНР – развернуть законодательство лицом к обществу и человеку, гуманизировать его. И здесь мы видим «встречу» закона и обычая. Судья при вынесении решения всегда находится под влиянием сложившихся обычаев. Он может столкнуться с серьёзной проблемой: либо вынести справедливое решение с точки зрения обычая, но обойти закон, либо вынести решение по закону, оставляя в стороне принципы справедливости – великодушия. Как замечает Лю Цюань, такая проблема пока не разрешена. На протяжении истории Китая сложилось множество обычаев, регулирующих частные отношения. Часть из них (к слову, очень малая) получила законодательное оформление. А вообще, именно обычаи становятся основанием для вынесения судебного решения. Лю Цюань выделяет в истории современного Китая два этапа формирования отношения государства к обычаю. Первый период – с 1949 по 1978 годы. Ст. 53 Общей программы Китайской народной политической консультативной конференции от 12 сентября 1949 г. было закреплено право каждого из национальных меньшинств «хранить и изменять свои обычаи и религиозные верования». В реальности идеология коммунистического Китая отрицательно относилась к обычаям, считая их «признаком идейного консерватизма» [7]. Политика маоистского Китая была направлена на ослабление обычая. В результате реформ Дэн Сяопина отно-

шение к обычаям несколько изменилось. Ныне действующая Конституция 1982 года (с изменениями от 11 марта 2018 г.) в ст. 4, п. 5, закрепляет положение о том, что «каждая национальность пользуется свободой использования и развития своего языка и письменности, свободой сохранения или изменения своих нравов и обычаев». Статья 20 Закона «О народной полиции» от 28 февраля 1995 г. требует проявлять уважение к обычаям и привычкам людей. В настоящее время конфликт между государственным законодательством и традициями-обычаями не преодолён. Лю Цюань пишет: «Существует непонимание и неприятие населением новых норм статутного права, так как они противоречат исторически сложившимся обычаям. На этом основании многие китайские учёные призывают внимательно изучить национальные обычаи и традиции и ратуют за признание обычаев в качестве самостоятельных источников права» [7]. Лю Цюань приводит два характерных примера конфликта обычая и закона. Во-первых, по обычаям во многих сельских районах женщины лишены права наследства имущества, но при этом освобождаются от уплаты алиментов в отношении детей и родителей. Но, согласно закону (ГК КНР, ст. 1126), «мужчины и женщины равны в правах наследования». И опять же согласно ГК КНР, женщины и мужчины несут одинаковые обязанности по выплате алиментов. В реальности же вообще алиментные обязанности возникают очень редко. Как правило, при разводе, который случается также редко, дети остаются с отцом. При этом помощь со стороны матери может оказываться на добровольной основе. Во-вторых, если кто-то взял кредит и образовалась задолженность, то по обычаю обязательство по его выплате берёт на себя вся семья. По закону, взыскание распространяется на имущество должника (ГК КНР, Книга III. Контракты). Такая ситуация породила и некоторые способы разрешения конфликтов на основе сочетания норм закона и обычая. В частности, судья может решить дело по обычаю, но при этом, во-первых, указать, что этот обычай не является источником права, а во-вторых, разъяснить, почему в данной ситуации применяется не закон, а обычай.

Обычай присутствует большей частью в гражданских и семейных отношениях, и законодатель не обошёл вниманием обычаи в текстах законов, прежде всего в Гражданском кодексе, на характеристике которого следует остановиться отдельно. Нельзя сказать, что гражданские отношения полностью игнорировались в традиции Китая. Ещё в эпоху правления династии Цинь (1644–1912 гг.) действовал свод казусов – «Основные законы и постановления великой Цинь» – «Дацин Люйли», где сохранились нормы уголовного, гражданского, семейного права. Там предусматривалось около 3000 преступлений, описание которых фиксировалось в форме казусов. Дацин Люйли отразил обычаи, сложившиеся в гражданских и семейных отношениях. Данный Свод применялся до 1931 года [1]. В конце XIX века Китай встал

на путь реформ. И сразу же начались попытки кодификации гражданского права. В 1911 году возник проект Гражданского кодекса, инициатором которого стал политический деятель Шан Цзя Бен. Пять первых частей были напечатаны в 1911 году, две оставшиеся в 1916 году. Проект получил название «Проект гражданского кодекса династии Цинь».

Реформы, предложенные Шан Цзя Беном, вызвали ярые протесты со стороны консервативной партии, и кодекс не вступил в силу. В 1929–1930 гг. был принят первый в истории Китая Гражданский кодекс, состоящий из пяти разделов, 29 глав, 1225 статей. После установления в 1949 году маоистского режима предпринимались попытки принятия нового кодекса. Один проект был подготовлен в 1957 году, второй в 1964-м. Оба они не были введены в действие по причине политических событий, а именно, культурной революции. К проектам ГК КНР вернулись только после 1978 года. Первый проект появился в 1982 году. Но вместо принятия кодифицированного акта появились отдельные законы, в частности, законы «О контрактах» – 1999 год; «О вещных правах» – 2005 год; «О деликтной ответственности» – 2009 год. В 2002 году появился четвёртый проект ГК КНР, но только в октябре 2014 года было принято Постановление IV Пленума ЦК КПК 18-го созыва, где говорилось о плане издания кодекса [2]. Гражданский кодекс появился 28 мая 2020 года и был принят на третьей сессии Всекитайского собрания народных представителей 13-го созыва и вступил в силу 1 января 2021 года [7]. Вновь принятый кодекс отражал социальную природу Китая, китайскую специфику, особенности переживаемого времени. Гражданский кодекс опять же не обошёл вниманием обычаи. В нём закреплены такие термины, как «обычай», «местные обычаи», «торговые обычаи». В соответствии со ст. 10 ГК КНР «Гражданские споры разрешаются по закону. Если это не оговорено в законе, могут применяться обычаи при условии, что они не нарушают общественный порядок и нравственность». А ст. 558 гласит: «После прекращения обязательств, стороны должны следовать принципу добросовестности и другим принципам в соответствии с обычаями делового оборота, в частности выполнению обязанностей по извещению, содействию, конфиденциальности, утилизации использованных предметов».

Что же подразумевает Гражданский кодекс под обычаем? По мнению исследователя Гао Цисая, следует различать обычай и обычное право. Обычай – это нормы-обыкновения, какие-то социальные традиции. Обычное право – это национальный правовой массив, который имеет в своей основе обычаи, но обособился от них. Гао Цисай утверждает, что обычаи превращаются в обычное право, то есть становятся правовыми нормами, если было повторение в течение длительного периода с признанием государства, то есть им санкционированное. Гао Цисай пишет, что гражданский обычай должен включать в себя три

элемента: «1. Сознательное принятие народом; 2. Соблюдение общественного порядка и нравственности; 3. Юридически положительные эффекты и изменение в соответствии с гражданскими правами и обязанностями» [3]. Китайские учёные по-разному понимают статьи ГК КНР, касающиеся обычаев. Так, Ши Цянь даёт такое толкование: ст. 10: «Под обычаем в данной статье понимаются обычаи, имеющие юридическую силу и обладающие определённой ценностью» [3]. Другой исследователь – Хуан Маожун – считает, что обычное право и юридическое право имеют одинаковую юридическую силу [3]. Таким образом, ст. 10 ГК КНР закрепляет не все традиции и общие социальные обычаи, а только те, которые имеют правовую природу. Они являются полноценными источниками права, на основании которых выносятся судебные решения.

В ГК КНР в 37 статьях содержится упоминание обычаев: «местные обычаи», «торговые обычаи», «нравы и обычаи». Это ст. 142, 146 – вещное право. Также они упоминаются в разделах о договорном праве и отдельных видах договоров – 509, 511, 599, 680: купля-продажа, хранение, договоры займа. При этом обычай может выступать как в качестве принципов права, так и в форме норм-регуляторов.

Большое значение для китайской правовой системы имеет рецепция западного права. Специфика китайского общества и его нормативных систем определили особенности этой рецепции Китаем. Такие процессы были продиктованы необходимостью, поскольку с конца XIX века Китай проявил стремление стать частью глобального мира и влиться в мировую экономику и мировое сообщество. Но вопрос в том, возможна ли была такая рецепция в чистом виде? Ответ скорее будет отрицательным, поскольку при трансфере право сталкивается со сложившейся культурой, что в полной мере справедливо для Китая. Но всё же это возможно при условии адаптации к уже сложившимся правилам и модификации вновь принимаемых норм. Как пишет французская исследовательница Элен Пике, «отношения между правом и его контекстом очень значимы и должны быть учтены при рецепции. Но это не делает невозможным сам трансфер права. Необходимо, конечно, приблизить перенимаемые нормы к контексту права страны-реципиента. Это значительно облегчает применение норм» [15]. Поэтому нужно предоставить возможность стране-реципиенту относиться к процессу рецепции креативно, адаптировать их под свою правовую действительность. Но наряду с этим необходимо быть готовым к принятию новых норм. В Китае, как уже было сказано, это затруднено, как затруднено формирование позиции открытости. Возможно ли вообще принятие новых норм на китайской почве? Трансфер права вовлекает институты и модели тех стран, чьё право переносится в другое государство и в другую культуру. Здесь также вовлекаются законодательство страны реципиента, система государственных учреждений, юридическое сообщество. Затра-

гивается также и население. В каких случаях можно говорить об удаче или провале трансфера права? В конце 70-х гг. XX века Дэн Сяопин дал зелёный свет проведению обширных амбициозных реформ. Среди юристов начались дискуссии о праве. Прежде всего сама возможность внедрения западного права появилась с начала 80-х гг., когда произошли изменения в идеологии и отказ от маоизма, который провозглашал автаркию общества. Именно тогда начались оживлённые дискуссии, отзвуки которых слышны и сейчас. Многие политики и юристы выступали против массивной рецепции, поскольку, по их мнению, это угрожало идентичности и вело к «озападниванию» китайского общества. Они ратовали за обращение к национальным парадигмам, которые должны быть положены в основу реформы. Движение получило название «Бентухуа» («Bentuhua») и подразумевало аккультурацию, адаптацию в процессе внедрения западных моделей в Китае, чтобы не потерять идентичность и свои ценности. Учёные также выражали сомнения в успехе адаптации западных моделей. Они утверждали, что реформы могут проводиться на национальной почве. Противники рецепции говорили об огромной разнице между западными учреждениями и китайскими ценностями. Постепенно такие идеи исчезали, и сторонники массивной рецепции одержали верх.

Сомнения китайских юристов разделяли их западные коллеги. Они говорили о том, что принятие западных институтов не несёт ничего хорошего китайскому обществу и вообще налицо незаконное присвоение западных парадигм [15]. Правительство обратилось к Западу. В результате проведения политики открытости Китай стал территорией, где нашлось место и англо-американскому, и романо-германскому праву, и конфуцианским традиционным моделям. Также не стоит игнорировать коммунистическую идеологию.

Трансфер западного права начался задолго до установления коммунистического режима. Общее (английское) право пришло в Китай вместе с опиумными войнами, в результате которых Англия получила Гонконг на 99 лет. Это повлияло на всю последующую историю Китая. Многие юристы считают, что Общее право было навязано, и это справедливое утверждение. Но с момента воссоединения Гонконга с Китаем в 1987 году на официальном уровне стали признавать необходимость в применении Общего права и выражали заинтересованность в нём для последующих заимствований. При этом надо отметить, что Общее право в Китай пришло скорее всего в его американском варианте. В самих США оно было адаптировано под нужды своей страны и связано с национальными особенностями. Но всеобъемлющего влияния Общее право на Китай не оказало, хотя сфера договоров подверглась двойному влиянию – и со стороны романо-германского, и со стороны Общего права, хотя здесь предпочтение отдаётся Общему праву, которое циркулирует в области

международной торговли. А что же романо-германское право? Под эгидой китайского юриста династии Цинь Шен Цзябена (китайский государственный деятель и юрист – 1840–1913 гг.) в конце XIX века начались реформы. Выбор пал на романо-германское право. Ранее этот выбор сделал японский император Муцухито (Мейдзи), а японская экономика стала самой сильной в Азии. Успех реформ в Японии стал весомым аргументом в пользу романо-германского права. Шен Цзябен осознал разницу между традициями Европы и Китая, и понимал, что надо работать над их гармонизацией и синтезом. Проект гражданского кодекса, над которым лично работал Шен Цзябен был разработан на основе романо-германской модели. Первые пять частей кодекса были напечатаны в 1911 году, две остальные – в 1916 году. Документ получил название «Проект Гражданского кодекса династии Цинь». Но из-за яростного сопротивления оппозиции предложенный кодекс в действие не вступил. Республиканский режим, который был установлен в 1911 году, решил продолжать реформы, и в качестве идеи и модели реформирования принял романо-германское право, посчитав, что оно ближе по духу Китаю, нежели Общее право. Реформирование пошло отнюдь не гладко, и многие из реформ продержались недолго. Вторжение Японии в Китай, затем II Мировая война, наконец, гражданская война между националистами и коммунистами прервали законодательные работы. Пришедшая к власти в 1949 году коммунистическая партия отменила все законы и нормы, установленные республиканским правительством. За образец было взято право СССР, которое оставалось и после разрыва с СССР [15]. Правовая система выстраивалась по социалистической модели. Частное право было устранено, единственно значимым стало общее благо, а гражданское право стало публичным. В 1957 году развернулась кампания против правых, а в 1966 году началась Культурная революция, которая длилась десять лет. Правотворческая деятельность почти не велась, и только в 1978 году Дэн Сяопин дал зелёный свет реформам. С 1980-х гг. китайский законодатель вновь проявил интерес к романо-германской системе, которая стала отправной точкой для последующих реформ. Надо оговориться, что речь шла не о принятии идеи, а об инструментальном заимствовании. Но почему обратились именно к романо-германскому праву? С 1978 года было провозглашено возвращение частного сектора. Привлекательность романо-германской системы можно объяснить выделением таких нормативных массивов как частное и публичное право. Частная сфера и индивидуализм всегда были проблемой Китая, что особенно проявилось в годы Культурной революции. Принятие и признание частной собственности означало разрыв с маоистским прошлым. Нужно было отделить частную и публичную сферы, и романо-германская модель вполне подходила для этого. Кроме того, имперская юридическая традиция основывалась на писаном праве, что сближало китай-

ское и романо-германское право [15]. Кроме того, присутствовал и политический контекст. Суды не обладали таким весом как в системе Общего права и невелика вероятность, что компартия позволит им выйти на первый план. Власть могла терпеть судебную систему лишь со скромными амбициями. Но доминирование романо-германского права отнюдь не бесспорно. Как и все социальные явления, романо-германское право связано с языком [15]. Студенты в первую очередь изучают английский. Французский и немецкий – это вторые языки, если они вообще изучаются. Каждый год китайские студенты уезжают учиться в США, Великобританию, Австралию и проникаются идеями общего права. Франция и Германия принимают гораздо меньше студентов, что вызывает озабоченность сторонников романо-германского права. Кроме этого, Китай активно приглашает американских профессоров, которые в университетах преподают Общее право. Китайские юристы подходят к праву гораздо более гибко, чем это свойственно романо-германской правовой системе.

В настоящее время среди китайских юристов существуют два лагеря. Одни настаивают на применении в Китае модели Общего права с тем, чтобы отойти от романо-германского права. Другие говорят о симбиозе этих правовых систем. Присутствие Общего права в китайской правовой системе не создаёт проблем, и не надо разрешать вопрос совместимости. Но если позиция романо-германского права слабеет, то, по мнению Элен Пике, это не означает тотального использования Общего права [15]. Отношения Китая с западными странами всегда были непросты. В первой половине XX века Китай стремился пропитаться духом Запада, часть интеллектуальных слоёв общества даже преклонялась перед ним. Отголоски такого отношения заметны и сейчас. И выбор между Общим правом и романо-германским правом волнует китайских юристов. По словам одного из них, Лианга Хуи Синга, Общее право – это нечто хаотичное и несвязное [15]. Сторонники же Общего права рассматривают романо-германскую систему как нечто законсервированное, не способное к эволюции. Конечно же, и то и другое восприятие неверно. Общее право обладает множественными механизмами, которые обеспечивают взаимосвязь норм и позволяют рассматривать Общее право как целостную систему. В то же время история показывает, что романо-германское право способно не только к эволюции, но и к радикальным изменениям, например, после Французской революции. Надо сказать, что в реальности происходит заимствование различных моделей и, несмотря на авторитет романо-германского права, влияние Общего права огромно. Как пишет французский исследователь Жозеф Рейно, «законодательство в Китае не связывает себя с какой-то систематической моделью. Китайцы используют *ad hoc* и Общее право, и романо-германское право, и конфуцианство, и марксизм. То есть воспринимается всё, что может быть полезно, но без восприятия

духа западного права» [17, с. 601]. Китай представляет собой перекрёсток традиций, а использование западного права – всего лишь инструментализм, даже, как утверждает Элен Пике, это бесспорный инструментализм [16]. Тем не менее китайские юристы говорят о важности и необходимости рецепции западного права, без которой невозможно дальнейшее правовое развитие [17, с. 603]. Китай, конечно же, нуждается в рецепции западного права, и это не просто инструментализм, а адаптация и интеграция западного права в китайскую правовую действительность. По мнению Жозефа Рейно, «необходимо выбрать, что именно из западного права может быть объектом рецепции. И это не какие-нибудь юридические концепции, появляющиеся *ad hoc*, но которые способны к адаптации и интеграции и могли бы быть реализованы в китайской действительности. Необходимо создать интегрированную систему права, которая могла бы быть органически построена как единое целое, то есть связать западные нормы и китайскую реальность» [17, с. 605]. Синкретический подход сопровождается введением иностранных юридических моделей и обеспечивает открытость процессу рецепции права, с тем, чтобы черпать необходимое из различных юридических традиций и концептов и адаптировать к китайской жизни. Но существует и внутренняя оппозиция этим проектам, которая выражается в различных формах. Например, проявление оборонительного национализма. Некоторые юристы боятся, что китайская юридическая традиция подвергается угрозе. Есть те, которые утверждают, что западная и китайская системы настолько несовместимы, что никакая серьёзная рецепция невозможна. Ведутся дискуссии о преимуществе романо-германского и Общего права, к тому же очень сильна идея синкретизма правовых систем [17, с. 604]. Синкретический подход сопровождается введением иностранных юридических моделей, что обеспечивает открытость для рецепции. Он позволяет импортировать и адаптировать новые модели к правовой реальности.

Обратимся к некоторым институтам, где особенно чётко просматривается синкретический подход. Это, например, контрактное право и принцип добросовестности. Концепция добросовестности в китайском праве одновременно вобрала в себя черты и западного права, и конфуцианства. Данный принцип закреплён в ГК КНР (ст. 509), и он дистанцируется от корней цивилистики, поскольку реализуется в масштабах всего коллектива. Здесь присутствует не только разграничение частных интересов, но и взвешивание интересов других – всего государства и общества. Конфуцианские нормы защищают коллектив, но никак не индивида. В китайском варианте принцип доброй совести наполнен интересами общего блага. Роль суда в Китае отличается от США, где он играет главную роль, но не вмешивается в существо контракта. В Китае, напротив, суд в этом случае может вмешаться, если увидит, что контракт не

соответствует моральным устоям. Неформальные устои всегда берут верх над правовыми нормами [13]. Есть упоминание того, что западный институт о долге в фидуциарных обязательствах наиболее близок к китайскому пониманию добросовестности. Но в Китае этот принцип переносится на других и на коллектив. Китайский суд может признать необходимость строгого соблюдения контракта неэтичным с точки зрения китайского понимания доброй совести, которое основывается на моральных и культурных нормах, но не на правовых. На таком понимании основывается деловая этика, хотя в Китае контрактное право содержит нормы международных контрактных практик [13]. Но как это звучит для китайцев? В сфере контрактных переговоров требуется долг верности при формировании контракта, долг честности и недопущения обмана, долг выполнить обещания, долг конфиденциальности [13]. Также присутствует ряд вспомогательных обязанностей, на которые стороны могут ссылаться, в частности, уведомить об окончании контракта. Контракт длится до окончания срока, в противном случае это будет считаться дефектом исполнения и недостижением цели. Окончание контракта может наступать только после окончания срока его исполнения. Добрая совесть, наконец, требует честности, верности и конфиденциальности и после окончания контракта [13]. Принцип добросовестности играет значительную роль в интерпретации контракта в его контексте. Речь идёт об столкновении цели, природы договора, деловых обычаев той сферы, где заключается контракт, балансе интересов сторон.

Можно привести ещё один пример китайского синкретизма. Это сфера медиации. Сущность медиации китайского образца состоит в том, что судебные посредники стараются не довести дело до суда, а разрешить его во внесудебном порядке, без применения процессуальных норм. Цель всего китайского общества – это гармония и консенсус, поэтому посредники и суды стремятся не столько разрешить спор, сколько примирить стороны. Законопослушный китаец тот, кто не доводит дело до суда. Примирительные комиссии не применяют принудительных мер, а пользуются силой убеждения, используют разъяснения. Как пишет А. В. Егоров, в консенсусе, с одной стороны, заложена возможность применения правового режима в отношении спорящих сторон, где арбитрами выступают специалисты. Но, с другой стороны, китайский консенсус являет собой символ правового нигилизма. Здесь присутствует дух бесконфликтности и гармонии. Консенсус – это доправовое и внеправовое соглашение [4, с. 174]. Судебные посредники при разрешении спора руководствуются обычаями, притом обычаями той местности, где возник спор. Медиаторы решают споры в области трудового права, семейных, наследственных отношений, а также рассматривают мелкие административные и уголовные дела. В Китае работают несколько миллионов медиаторов и около миллиона посреднических коми-

тетов [7, с. 140]. Лю Цюень пишет, что «цель судебной практики – не победа в судебном споре, а эффективное разрешение конфликта и максимальное удовлетворение сторон» [7, с. 140].

Характеризуя правовую систему Китая, нельзя пройти мимо судебного прецедента, тем более что Общее право играет значительную роль, являясь живым регулятором. Повторимся, что главным источником права Китая является нормативный акт, поскольку Китай всё же – ветвь романо-германской системы. Судьи не могут заниматься правотворчеством, однако, как пишет Лю Цюень, «в процессе судебной реформы все большее внимание уделяется прецедентному праву» [8, с. 2]. Здесь вновь ставится цель достижения баланса, гармонии и справедливости. В 2011 году была проведена важная новация в сфере судебной власти. Верховный суд получил право систематизации спорных судебных дел по всей стране и право издавать приказы о руководящих судебных делах. Кроме того, имеются и руководящие судебные дела Верховной народной прокуратуры, которые определяют судебный процесс с участием органов прокуратуры. По мнению Лю Цюень, приказы Верховного народного суда имеют сходные черты с судебным прецедентом, хотя, несомненно, присутствуют и различия. В приказы, как правило, включаются решения по тем делам, которые получили общественный резонанс либо имеют значение для последующих решений. Приказы Верховного народного суда имеют бессрочный характер. Какие же установлены условия для включения судебных дел в приказы? Во-первых, дело должно иметь большое значение для всей общественной и государственной жизни. Решения по таким делам становятся в определённом смысле правовой нормой. Во-вторых, решение должно вступить на момент рассмотрения в законную силу. Руководящие приказы – это типовые примеры разрешения подобных дел по всей стране». Они систематизируются в отдельные приказы и издаются в качестве образца для судей и юристов. Руководящие приказы состоят из пяти частей: «1. Основные положения решения; 2. Применяемые нормативные акты; 3. Обстоятельства дела; 4. Резолютивная часть решения или приговора; 5. Мотивы решения [8, с. 2]. При этом основные обстоятельства дела, резолютивная и мотивировочная части берутся у судов, непосредственно рассматривавших дело или вышестоящих инстанций, а основные положения составляют судьи Верховного народного суда» [8, с. 5]. Приказы Верховного народного суда являются обязательными для судебных инстанций, но не признаются источниками права, что является общим правилом для романо-германского права. Приказы разделяются на два вида. Во-первых, это образцовые судебные дела, которые «служат образцом для всех судов. Их, по сути, можно назвать прецедентами. Во-вторых, формулирующие судебные дела, которые, по существу, являются актами толкования

нормативных актов, применяемых при вынесении решения. Образцовые судебные решения, как правило, выносятся по гражданским и административным делам. По уголовным делам выносят только формулирующие судебные решения, которые, по существу, являются актами толкования. Дело в том, что в уголовных делах обстоятельства гораздо сложнее, чем могли предположить законодатели, и чтобы правильно разрешать дела, судьям необходимо знать, какое толкование является верным. Лю Цюсень пишет, что «влияние образцовых руководящих судебных решений не такое высокое, как планировал законодатель. В 2019 году только восемь процентов решений было вынесено в соответствии с Руководящими приказами, хотя при бурном развитии законодательства и усилении интенсивности работы судов у этих правовых актов есть будущее» [8, с. 5].

Обратимся, наконец, к ещё одному явлению китайской реальности, а именно, к гуаньси, что переводится как «круговая порука», «блат» и представляет собой мощный неформальный регулятор общественных отношений, идея которого – в мобилизации всей сети отношений для тех, кто сталкивается с необходимостью решения проблем на всех уровнях социальной жизни. Это привычка тонко понимать окружающее общество в комплексе, чтобы принять правильное решение. Гуаньси даёт неограниченные возможности пользоваться помощью других людей. Своими корнями гуаньси уходит в глубину веков, «в социум китайской деревни, где отношения регулировались по степени близости: члены семьи, родственники, друзья, односельчане, добрые знакомые. Нижний уровень гуаньси – знакомые, а отношение к незнакомым – «настороженное» [6]. Незнакомец, то есть человек со стороны, не является «своим». Никогда не знаешь, чего ожидать от него, ему не принято доверять, а обмануть его не считается зазорным. То есть исторической основой гуаньси являются отношения «свой-чужой».

При характеристике гуаньси следует выделить главные моменты. Гуаньси начинается с двух человек, но неизбежно к решению проблемы привлекается всё больший круг людей. Этот круг общения похож на падение камня в воду, от которого растекаются круги по воде. Вокруг индивида – первый круг. Используются разные уровни связей: фамильные, школьные, профессиональные, то есть привлекаются все те, кто может способствовать решению проблемы [14]. К гуаньси прибегают, чтобы решить различные проблемы – семейные, профессиональные, личные. В отношении гуаньси, как правило, один человек не имеет готового решения, даже если он готов помочь. Поэтому гуаньси «включает в себя ряд мероприятий, в основном заранее запланированных и проведённых двумя или несколькими участниками гуаньси. Это может быть совместная трапеза, дарение, оказание

одолжений» [6]. Гуаньси может сложиться между людьми, у которых до этого не было связей, хотя процесс их установления достаточно длителен. Гуаньси – это этика возврата: должник должен отплатить своему благодетелю. И скорее всего не сразу, может, в будущем, когда возникнут обстоятельства. Это взаимные отношения, в которых сроки и характер услуги заранее не определены. Например, гуаньси – это отношения между начальником и подчинённым, работником и работодателем. Сотрудники демонстрируют работодателю глубокую почтительность, они заботятся о сохранении лица начальника, они готовы задержаться на работе до поздней ночи или поработать во внеурочное время без требования оплаты. Однако сотрудник знает, что его обязательно поощрят. И снова может пройти время. Так, сверхурочные часы, возможно, будут учтены при выплате премии. Работник может взять отгул на пару дней, и работодатель отнесётся к этому с пониманием. «Работодатели и работники не придают большого значения Трудовому кодексу. В подавляющем большинстве случаев работодатель не будет увольнять работника за то, что он не справляется со своими обязанностями, если он честен и старателен. Ему обязательно подберут работу по силам» [6].

Обсуждение

В ходе исследования был проанализирован характер государственности Китая, которая сформировалась ещё в древности. Сущность китайского государства – это жёсткое централизованное управление и полное огосударствление жизни общества. Конфуций сформулировал основные принципы жизни индивида, общества и государства. В настоящее время Китай активно развивается, заимствует нормы западного права, сохраняя собственные традиции и самобытность. В китайском обществе огромную роль играют веками установившиеся обычаи, которые конкурируют с правовыми нормами.

Заключение

Итак, Китай – это уникальная великая цивилизация, выстроенная благодаря умениям чиновников и огромному трудолюбию людей. Здесь сочетаются верность устоям, защита традиций и принятие нового. Считаая изначально, что право – чуждое для китайцев явление, они все же применяют, используют и не отторгают его. Оно реально регулирует жизнь людей. Китайцы сумели совместить право с нормами «ли», наполнить ими нормы, пришедшие с Запада, причём делают это гармонично, не создавая опасности раскола и даже разбалансирования общества. Китай невозможно понять даже наполовину. Культура его пришла из глубины времён. Однако знать социально-правовое бытие Китая нужно, поскольку общение и сотрудничество с этой замечательной страной необходимо и желательно многим странам, в том числе и России.

Список литературы

1. Анисимцев Н. В. История и современные проблемы модернизации гражданско-правовой системы КНР // Политика и общество. – 2016. – № 4. – С. 413–421.
2. Ван Чжихуа. Путь кодификации гражданского законодательства [Электронный ресурс] // Cyberleninka : сайт. – URL : <http://ru/article/n/put-kodifikatsii-gragdanskogo-zakonodatelstva-v-kitae-wiewer> (дата обращения: 04.05.2023).
3. Гао Цицай. Обычное право в Гражданском кодексе КНР: определение, содержание, значение // Молодой учёный. – 2021. – № 39. – С. 84–91.
4. Егоров А. В. Китайская правовая система в оценке традиционного китайского права // Международное право и сравнительное правоведение. – 2006. – № 2. – С. 171–177.
5. Конфуций. Лунь Юй // Классическое конфуцианство : в 2-х т. – Санкт-Петербург: Нева; Москва: ОЛМА-пресс, 2000. – Т. 1. – 381 с.
6. Луцкая Е. Е., Леонтьев С. В., Лю Вей. Китайская система взаимоотношений гуаньси и его влияние на деловую этику и организацию поведения [Электронный ресурс] // Cyberleninka : сайт. – URL : <http://cyberleninka.ru/article/n/Kitayskaya-sistema-vzaimootnsheniy-guanxi-ee-vliyanie-na-delovuyu-etiku-i-organisatsonnoye-povedenie> (дата обращения: 04.05.2023).
7. Лю Цзюнь. Обычное право в системе источников права современного Китая // Вестник Московского университета : Серия 11. Право. – 2017. – № 4 [Электронный ресурс] // Cyberleninka : сайт. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obychnoe-pravo-v-sisteme-istochnikov-prava-sovremennogo-kitaya> (дата обращения: 03.05.2023).
8. Лю Цзюнь. Статус и роль руководящих судебных дел в Китайской народной республике как прецедентное право // Юридический Вестник Кубанского государственного университета. – 2020. – № 1. – С. 2–7.
9. Трощинский П. В. Правовая система Китая : монография. – Москва : ИДВ РАН, 2016. – 471 с.
10. Шубаро О. В. Традиционная правовая система в Китае и современность // 3 межд. науч. конф. «Беларусь – Китай. Китай в современном мире». Мн.: БГУ, 2011– Вып. 11 [Электронный ресурс] // Электронная библиотека БГУ : сайт. – URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/11929> (дата обращения: 03.05.2023).
11. Чжоу Цзунхуа. Дао И-Цзина. Путь к прорицанию. – Киев: София, 2004. – 362 с.
12. Herbard M. La pensée chinoise et le droit modern [Electronic resource] // CHINE informations : site. – URL: https://chine.in/guide/pensee-traditionnelle-droit-moderne_3482.html (date of treatment: 03.05.2023).
13. Larry A. Di Mateo. Rule of Law in China: The contradiction of formal law with cultural norm [Electronic resource] // Cornell International Law Journal : site. – URL: <https://scholarship.law.cornell.edu/cilj/vol51/iss2/3> (date of treatment: 03.05.2023).
14. *Le guanxi en Chine: un concept operatoire de l'intelligence economique* [Electronic resource] // OpenEdition. journal: site. – URL: <https://journals.openedition.org/> (date of treatment: 03.05.2023).
15. Piquet Helen. La Chine a la croise des traditions juridique. Regard sur le transfert du droit et le droit chinois [Electronic resource] // Erudit : site. – URL: <http://www.crudiv.org/en/journal/ps/1900-v-1-ps1729/01528> (date of treatment: 03.05.2023).
16. Piquet Helen. La Chine au carrefour des traditions juridique. Bruxelles. – 2005 [Electronic resource] // OpenEdition. journal: site. – URL: <https://journals.openedition.org/perspectiveschinoises/3403> (date of treatment: 03.05.2023).
17. Reynaud Joseph. Reflexion sur la reception du droit étranger en Chine // Home books and Journal – Mobile Law journal. – Vol.51. – № 3. – 2016. – 601 p.

References

1. Anisimtsev N. V. Istoriya i sovremennyye problemy modernizatsii grazhdansko-pravovoy sistemy KNR // Politika i obshchestvo. – 2016. – № 4. – С. 413–421.
2. Van Chzhikhua. Put' kodifikatsii grazhdanskogo zakonodatel'stva [Elektronnyy resurs] // Cyberleninka : sayt. – URL : <http://ru/article/n/put-kodifikatsii-gragdanskogo-zakonodatelstva-v-kitae-wiewer> (data obrashcheniya 04.05.2023).
3. Gao Tsitsay. Obychnoye pravo v Grazhdanskom kodekse KNR: opredeleniye, sodержaniye, znacheniye // Molodoy uchonyy. – 2021. – № 39. – С. 84–91.
4. Yegorov A. V. Kitayskaya pravovaya sistema v otsenke traditsionnogo kitayskogo prava // Mezhdunarodnoye pravo i sravnitel'noye pravovedeniye. – 2006. – № 2. – С. 171–177.
5. Konfutsiy. Lun' Yuy // Klassicheskoye konfutsianstvo : v 2-kh t. – Sankt-Peterburg: Neva; Moskva: OLMA-press, 2000. – Т. 1. – 381 с.
6. Luts'kaya Ye. Ye., Leont'yev S. V., Lyu Vey. Kitayskaya sistema vzaimootnosheniy guan'si i yego vliyaniye na delovuyu etiku i organizatsiyu povedeniya [Elektronnyy resurs] // Cyberleninka : sayt. – URL : <http://cyberleninka.ru/article/n/Kitayskaya-sistema-vzaimootnsheniy-guanxi-ee-vliyanie-na-delovuyu-etiku-i-organisatsonnoye-povedenie> (дата обращения: 04.05.2023).

7. *Lyu Tsyusen*. Obychnoye pravo v sisteme istochnikov prava sovremennogo Kitaya // Vestnik Moskovskogo universiteta : Seriya 11. Pravo. – 2017. – № 4 [Elektronnyy resurs] // Cyberleninka : sayt. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obychnoe-pravo-v-sisteme-istochnikov-prava-sovremennogo-kitaya> (data obrashcheniya: 03.05.2023).

8. *Lyu Tsusen*. Status i rol' rukovodyashchikh sudebnykh del v Kitayskoy narodnoy respublike kak pretsedentnoye pravo // Yuridicheskiy Vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2020. – № 1. – S. 2–7.

9. *Troshchinskiy P. V.* Pravovaya sistema Kitaya : monografiya. – Moskva : IDV RAN, 2016. – 471 s.

10. *Shubarо O. V.* Traditsionnaya pravovaya sistema v Kitaye i sovremennost' // 3 mezhd. nauch. konf. «Belarus' – Kitay. Kitay v sovremennom mire». Mn.: BGU, 2011– Vyp. 11 [Elektronnyy resurs] // Elektronnaya biblioteka BGU : sayt. – URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/11929> (data obrashcheniya: 03.05.2023).

11. *Chzhou Tszunkhua.* Dao I-TSzina. Put' k proritaniyu. – Kiyev: Sofiya, 2004. – 362 s.

12. *Herbard M.* La pensée chinoise et le droit modern [Electronic resource] // CHINE informations : site. – URL: https://chine.in/guide/pensee-traditionnelle-droit-moderne_3482.html (date of treatment: 03.05.2023).

13. *Larry A. Di Mateo.* Rule of Law in China: The contradiction of formal law with cultural norm [Electronic resource] // Cornell International Law Journal : site. – URL: <https://scholarship.law.cornell.edu/cilj/vol51/iss2/3> (date of treatment: 03.05.2023).

14. *Le guanxi en Chine: un concept operatoire de l'intelligence économique* [Electronic resource] // OpenEdition. journal: site. – URL: <https://journals.openedition.org/> (date of treatment: 03.05.2023).

15. *Piquet Helen.* La Chine a la croise des traditions juridique. Regard sur le transfert du droit et le droit chinois [Electronic resource] // Erudit : site. – URL: <http://www.crudiv.org/en/journal/ps/1900-v-1-ps1729/01528> (date of treatment: 03.05.2023).

16. *Piquet Helen.* La Chine au carrefour des traditions juridique. Bruxelles. – 2005 [Electronic resource] // OpenEdition. journal: site. – URL: <https://journals.openedition.org/perspectiveschinoises/3403> (date of treatment: 03.05.2023).

17. *Reynaud Joseph.* Reflexion sur la reception du droit étranger en Chine // Home books and Journal – Mobile Law journal. – Vol. 51. – № 3. – 2016. – 601 p.

Статья поступила в редакцию 30.05.2023; одобрена после рецензирования 06.07.2023; принята к публикации 27.07.2023.

The article was submitted May 30, 2023; approved after reviewing July 06, 2023; accepted for publication July 27, 2023.

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Научная статья
УДК 342.9
doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-67-75

Атабек Рустамович Атабеков
кандидат экономических наук
<https://orcid.org/0000-0002-1456-7409>, atabekov-ar@rudn.ru

*Российский университет дружбы народов
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6*

Вопросы осуществления предиктивного права в правоохранительной деятельности: сравнительно-правовое исследование

Аннотация: Статья представляет сравнительный анализ действующих подходов по применению искусственного интеллекта (ИИ) в сфере контрольно-надзорной деятельности со стороны правоохранительных органов зарубежных стран и России. Объектом исследования выступают нормативные акты, рекомендации и иные документы, регламентирующие вопросы применения искусственного интеллекта для осуществления правоохранительной деятельности, судебная практика, академические публикации и аналитические отчёты по исследуемой проблеме.

Методология исследования интегрирует комплекс современных философских, общенаучных, специально-научных методов познания, включая диалектический, системный, структурно-функциональный, герменевтический, сравнительно-правовой, формально-юридический (догматический) и др.

В рамках исследования делается акцент на осуществлении сравнительного правового исследования областей применения ИИ в правоохранительной деятельности и выработки единых подходов по регламентации применения ИИ и противодействия ИИ, применяемому в противоправной деятельности.

По результатам проведённого сравнительного анализа выявлены базовые проблемы в области обеспечения точности аналитических инструментов, используемых при расследовании преступлений и пресечении правонарушений, рассмотрены теоретические и практические ситуации применения искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности, изучены отдельные примеры применения технологии deepfake в противоправной деятельности и механизмах противодействия указанной технологии.

В выводах предложены дополнительные компенсирующие правовые мероприятия, обеспечивающие эффективную интеграцию искусственного интеллекта и его использование для целей правоохранительных органов России.

Ключевые слова: искусственный интеллект, сравнительно-правовое исследование, предиктивное право, публичное право, правоприменительная практика

Для цитирования: Атабеков А. Р. Вопросы осуществления предиктивного права в правоохранительной деятельности: сравнительно-правовое исследование // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 3 (99). – С. 67–75; doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-67-75.

Atabek R. Atabekov

Cand. Sci. (Econ.)

<https://orcid.org/0000-0002-1456-7409>, atabekov-ar@rudn.ru

Peoples' Friendship University of Russia

6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

Issues in the implementation of predictive law in law enforcement activities: a comparative legal study

Abstract: The article presents a comparative analysis of current approaches to the application of artificial intelligence (AI) in the sphere of control and supervisory activities by law enforcement agencies of foreign countries and Russia. The object of the study is normative acts, recommendations and other documents regulating the application of artificial intelligence in law enforcement, judicial practice, academic publications and analytical reports on the researched problem.

The research methodology integrates a set of modern philosophical, general scientific, special scientific methods of cognition, including dialectical, systemic, structural-functional, hermeneutic, comparative-legal, formal-legal (dogmatic) and others.

The study focuses on the implementation of a comparative legal study of the areas of application of AI in law enforcement. The research focuses on the development of unified approaches to regulating the use of AI and countering AI used in unlawful activities.

The results of the comparative analysis revealed basic problems in the field of ensuring the accuracy of analytical tools used in the investigation of crimes and suppression of offences; considered theoretical and practical situations of application of artificial intelligence in law enforcement; studied some examples of deepfake technology application in illegal activities and mechanisms of counteraction to this technology.

The author suggested additional compensatory legal measures to ensure the effective integration of artificial intelligence and its use for the purposes of law enforcement agencies of Russia.

Keywords: artificial intelligence, comparative legal research, predictive law, public law, law enforcement practice

For citation: Atabekov A. R. Issues in the implementation of predictive law in law enforcement activities: a comparative legal study // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – № 3 (99). – P. 67–75; doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-67-75.

Введение

Большинство стран мира (США¹, ФРГ², КНР³ и т. д.), ОЭСР⁴, в том числе Россия, видят своей приоритетной целью разработку и совершенствование регулятивных подходов в от-

ношении ИИ на стратегическом уровне и на уровне отдельных законодательных инициатив 2021 года (в случае с Европейским союзом)⁵.

Значимость правового регулирования ИИ в России прямо закреплена Указом Президента Российской Федерации В. В. Путина, где был определён основной стратегический вектор развития данной технологии и вектор необходимого правового режима для функционирования ИИ⁶.

Следует также отметить, что Президент России неоднократно упоминал значимость

¹ Стратегические документы [Электронный ресурс] // Национальный офис инициативы искусственного интеллекта : сайт. – URL: <https://www.ai.gov/strategy-documents/> (дата обращения: 20.06.2023).

² Künstliche Intelligenz (KI) ist ein Schlüssel zur Welt von morgen Strategie [Электронный ресурс] // Die Bundesregierung : сайт. – URL: <https://www.ki-strategie-deutschland.de/> (дата обращения: 20.06.2023).

³ Государственный совет по печати и распространению. Уведомление о Плана развития искусственного интеллекта нового поколения (2017) [Электронный ресурс] // Gov.cn : сайт. – URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2017-07/20/content_5211996.htm (дата обращения: 20.06.2023).

⁴ Политика, данные и анализ для надежного искусственного интеллекта [Электронный ресурс] // AI General Dashboard. (OECD) : сайт. – URL: <https://oecd.ai/en/dashboards/> (дата обращения: 20.06.2023).

⁵ Proposal for a Regulation laying down harmonised rules on artificial intelligence [Электронный ресурс] // AI Act: сайт. – URL: <https://ec.europa.eu/newsroom/dae/redirection/document/75788/> (дата обращения: 22.06.2023).

⁶ Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»)» [Электронный ресурс] // Доступ из СПС КонсультантПлюс: сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/ (дата обращения: 20.06.2023).

данной технологии для страны на конференциях, посвящённых ИИ, в течение 2022 года^{7,8}.

При этом в правоохранительной деятельности ИИ является одним из значимых инструментов как для расследования преступлений (в рамках УК РФ), так и для пресечения потенциальных правонарушений (в рамках КоАП РФ).

В связи с этим нельзя не отметить выступление Генерального прокурора Российской Федерации в рамках ПМЭФ 2023 года, где была отмечена роль вновь созданного подразделения, занимающегося ИИ для целей прогнозирования противоправной деятельности⁹.

Изложенное выше позволяет говорить об актуальности проблемы, которая исследуется в настоящей статье.

Методы

Методологическая основа исследования представлена комплексом современных философских, общенаучных, специально-научных методов познания, включая диалектический, системный, структурно-функциональный, герменевтический, сравнительно-правовой, формально-юридический (догматический), метод правового моделирования и др.

В настоящей статье делается акцент на осуществлении сравнительного правового исследования подходов в области регулирования и регламентации применения ИИ в правоохранительной и публичной сфере по опыту иностранных государств и России.

Дополнительно в настоящей статье обращается особое внимание на герменевтический метод при исследовании правовых подходов для регламентации применения ИИ в области частноправовых и публичных правоотношений с учётом законодательных и судебных актов.

Кроме того, использован метод моделирования правового регулирования ИИ с последующей выработкой регламентирующих подходов для обеспечения баланса интересов при осуществлении правоохранительной деятельности с учётом наличия инструментов совершения правонарушений на базе той же технологии.

Результаты

Рассматривая составные элементы ИИ, необходимо отметить два базовых элемента, которые уже активно используются в правоохрани-

тельной деятельности (как при расследовании преступлений, так и в рамках административных процедур при пресечении правонарушений).

Одним из элементов является компьютерное зрение, которое позволяет на базе технических алгоритмов интерпретировать окружающую среду [1, с. 1]. Данная технология активно используется как в рамках контроля дорожного движения, так и для дополнительного анализа местонахождения субъектов или объектов посредством наружных средств наблюдения [2, с. 3400–3401]. При этом необходимо отметить, что в контексте полноценного формирования ИИ для целей правоохранительной деятельности заметную роль играет машинное обучение, когда система может обучаться и совершенствоваться без участия человека [3].

Следует отметить, что в научной среде вопрос качества и влияния прогнозистики для правоохранительной деятельности является одним из самых перспективных направлений и имеет давнюю историю как в России [4], так и за рубежом (Национальный институт юстиции (NIJ) [5], полицейские управления США [6] и т. д.).

При этом необходимо отметить, что методы обхода средств наблюдения, практикуемые правонарушителями и преступниками, также постоянно совершенствуются и требуют соответствующей реакции со стороны органов власти. Так, необходимо активнее использовать возможности определения местоположения правонарушителя при помощи вышек сотовой связи, передвижных камер на базе дронов с последующей интеллектуальной аналитикой [7]. Однако при этом возникают как технические, так и фундаментальные правовые вопросы о допустимости и возможности использования указанных технологий.

Среди технических возникает вопрос допустимой высоты и зоны покрытия указанной технологии, а среди правовых вопросов – порядок обработки большого количества персональных данных, их хранения, интерпретации, в т. ч. в контексте недопустимости нарушения базовых правовых интересов общества [8, с. 78].

Отметим, что практика применения сотрудниками полиции нателных камер предоставляет возможность применения данного подхода на полностью автономной основе.

Говоря о потенциальных технологиях ИИ для правоохранительной деятельности и их эффективности, необходимо обратиться к решениям Waikato Environment for Knowledge Analysis (WEKA) [9, с. 82–83]. Изначально крайне низкая эффективность прогнозистики, построенной на исторических данных о преступлениях и правонарушениях с 2003 по 2018 год, составляла 39–44 % [10, с. 7–8]. За счёт добавления дополнительных инструментов нейронных сетей, оценки плотности ядра и опорных векторов, точность моделирования достигла 67 % для последних двух инструментов и более 84 % для нейронных сетей [11, с. 1405–1408].

При этом многие представители научного сообщества, являющиеся практиками, задей-

⁷ Президент принял участие в основной дискуссии международной конференции по искусственному интеллекту и машинному обучению Artificial Intelligence Journey 2022 на тему «Технологии искусственного интеллекта для обеспечения экономического роста» [Электронный ресурс] // Президент России: сайт. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/69927> (дата обращения: 22.06.2023).

⁸ Владимир Путин выступил на расширенном заседании коллегии Министерства обороны, состоявшемся в Национальном центре управления обороной на Фрунзенской набережной [Электронный ресурс] // Kremlin.ru : сайт. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70159> (дата обращения: 22.06.2023).

⁹ ГП стала применять искусственный интеллект для прогнозирования ситуации с преступностью [Электронный ресурс] // Tass.ru : сайт. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/18042003> (дата обращения: 20.06.2023).

ствованными в решении вопроса прогнозирования правонарушений, пытаются разработать более точные инструменты прогнозистики [12], которые изначально обеспечили точность прогноза 66 % при условии таких упущенных параметров, как масштабируемость, долговечность и отказоустойчивость [13; 14] и т. д.

Д. Патель и др. смогли предсказать место совершения преступления с точностью в 87 %, однако такая точность не обеспечивается при большой выборке данных, т. е. не может использоваться в городах-миллионниках [15, с. 14–16].

В. Б. Батоев, исследовавший правовой аспект регламентации применения больших массивов данных в оперативно-розыскной деятельности, отмечает отсутствие законодательно закреплённых принципов и подходов применения таких данных в контексте предиктивной аналитики и преследования, необходимость совершенствования Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ, пересмотра подходов в области допуска к ограниченной информации (с учётом постоянного прогресса в области ИТ) [16, с. 14–17].

А. П. Суходолов и др. считают одной из практических проблем использования предиктивных инструментов анализа тот факт, что многие данные о криминологической обстановке хранятся на бумажных носителях и не интегрируются с сетевыми базами данных правоохранительных органов [17, с. 722].

Р. И. Дремлюга и В. В. Решетников в сравнительно-правовом исследовании применения ИИ для предиктивной аналитики, используемой правоохранительными органами, отмечают, что интересной и жизнеспособной конструкцией, позволяющей пресекать правонарушения, является убеждение лиц в необходимости отказаться от совершения преступлений. Данный подход является развитием конструкции, заложенной в ст. 31 УК РФ [18, с. 141–142].

Е. В. Никитин отмечает эффективность применения ИТ-технологий правоохранительными органами для обеспечения правопорядка при проведении Чемпионата мира по футболу в 2018 году (видеоанализ и прогнозистика) и обосновывает необходимость использования метода анализа иерархий для целей правоохранительной деятельности [19, с. 58].

Н. В. Павличенко и А. И. Тамбовцев рассматривают текущий феномен прогнозистики и необходимости работы с большим объёмом данных в целях развития кадрового потенциала правоохранительных органов с последующей актуализацией стандартов и программ подготовки специалистов для правоохранительной системы [20, с. 67].

Следующим перспективным направлением является использование биометрических методов на базе ИИ, заменяющих методы ручной идентификации в криминалистике [21].

Однако следует иметь в виду, что сверка биометрических данных лица, медицинских анализов и т. д. путём потоковой алгоритмиче-

ской обработки запрещена как в ЕС (Директива 2016/680¹⁰), так и в России (ст. 16 ФЗ¹¹).

Учитывая опыт регламентации данных правоотношений в ЕС, научное сообщество обращает внимание на отсутствие ясности в отношении юридических требований, касающихся автоматизированной обработки персональных биометрических данных [22, с. 533–537].

Рассматривая технические аспекты применения алгоритмического анализа биометрических и биологических данных, необходимо отметить, что должны учитываться и такие факторы, как выражение лица, поза, сам датчик, условия фиксации, окружающая среда, порядок взаимодействия с датчиком, контрольные сверки данных в различных условиях [23; 24].

Кроме того, также нужно принимать во внимание старение организма, его возможные физические изменения (от наружных показателей – таких как волосная растительность, до изменения веса и иных параметров тела).

Говоря о порядке фиксации видеоизображения, важно учесть и технические аспекты – к примеру, разрешение изображения для надёжной идентификации объекта по чертам лица [25, с. 323–325] или слишком большое расстояние до объекта.

Нельзя не упомянуть и такую технологию, как «Deepfake», базирующуюся на методах глубокого обучения и «фейков» (подделках данных, вывода информации и т. п.) [26]. Эта программа способна самообучаться, в т. ч. на базе постоянно генерируемых и состоящих между собой сетей. Впервые эту технологию использовали в 2017 году, когда с её помощью лицо актрисы интимного характера было заменено на лицо знаменитости [27, с. 1308].

Следует отметить, что «Deepfake» становится доступной и для технически неподготовленных людей, что ведёт к кратному увеличению поддельной аудио- и видеопродукции. При этом изготовление и распространение материалов интимного характера с подменой лица пользователя является далеко не самым опасным вариантом применения этой программы.

Так, в марте 2021 года Народная прокуратура района Хункоу муниципалитета Шанхая в Китае возбудила уголовное дело по факту предоставления поддельной счёт-фактуры с указанием недостоверных данных НДС. В рамках прохождения видеоверификации подозреваемый подделывал видеоролики с имитацией кивания и т. д., для выставления ложных счёт-фактур для последующей манипуляции с уплатой НДС [27, с. 1310].

¹⁰ Directive (EU) 2016/680 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 [Электронный ресурс] // Eur-lex : сайт. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32016L0680> (дата обращения: 20.06.2023).

¹¹ Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (ред. от 06.02.2023) «О персональных данных» [Электронный ресурс] // Доступ из СПС КонсультантПлюс: сайт. – URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/22e884a41450dcb5cb62d956583ad32abe2bbbe9/ (дата обращения: 20.06.2023).

В 2018 году более двадцати человек в Индии были убиты из-за ложных сообщений, разосланных через мессенджер WhatsApp, о похищении маленьких детей или других преступлениях, якобы совершенных ими¹².

Пока данные феномены носят относительно абстрактный характер, однако если мы рассмотрим функционирование технологии через призму «e-justice», когда происходит рассмотрение судебного дела (гражданского, административного и некоторых составов применительно к уголовным делам) в формате онлайн-видеотрансляции, то отсутствие контроля за указанной технологией со стороны профильных органов власти и правоохранительных органов вызывает существенные опасения.

На уровне законодательной ветви власти нельзя не отметить политические дипфейки, имевшие место в президентской компании в США в 2020 году¹³, дипломатии¹⁴ и т. д.

Рассматривая регулятивные подходы противодействия дипфейкам, необходимо отметить опыт США, ЕС и Китая.

Представители органов власти и законодательной ветви власти США достаточно оперативно отреагировали на подобное недобросовестное применение ИИ. В декабре 2018 г. Конгресс США принял запрет на использование противоправных дипфейков¹⁵, который был первым законом в мире, определяющим параметры и правовую природу дипфейка. Отдельно в июне 2019 г. был принят закон об ответственности за использование вышеуказанной технологии¹⁶. В том же году Конгресс обязал Службу национальной безопасности регулярно готовить отчёты с оценкой преступной активности указанной технологии¹⁷.

Данные инициативы относятся к федеральному уровню, но и на уровне штатов принято

немало дополняющих актов, например в Калифорнии¹⁸, Вашингтоне¹⁹, Нью-Йорке²⁰ и т. д.

Рассматривая инструменты противодействия дипфейку в ЕС, необходимо отметить, что специальное законодательство (как это было в США) ЕС не разрабатывал, однако принял ряд дополнений и уточнений в действующее законодательство, в т. ч. в контексте общей регламентации ИИ.

В апреле 2018 года Европейская комиссия опубликовала манифест «Борьба с дезинформацией в интернете», определивший общеевропейский подход к этому негативному явлению, не допускающий использования изданий, незаконно манипулирующих общественным мнением²¹. В мае того же года ЕС официально внедрил Общие положения о защите данных. В рамках указанного документа установлены существенные императивные конструкции, ограничивающие порядок применения глубоких технологий синтеза и воспроизводства данных, связанных с личностью человека (лицо, голос и т. д.), а также общие принципы защиты персональных данных, которые в той или иной мере могут быть использованы ИИ для создания дипфейков [28].

Китай также не использует специального регулирования в отношении технологии дипфейка.

Базовым инструментом в отношении общей технологии ИИ является издание стандартов и ограничение на создание, публикацию и распространение недостоверной информации о личности²², с точки зрения защиты персональных прав граждан (их персональные данные и репутация²³). Кроме того, искусственно созданные или воспроизведённые портреты подвергаются обязательной маркировке²⁴.

¹⁸ Depiction of individual using digital or electronic technology: sexually explicit material: cause of action [Электронный ресурс] // Openstates : site. – URL : <https://openstates.org/ca/bills/20192020/AB602/> (дата обращения: 20.06.2023).

¹⁹ Washington State Passes Law Restricting Use of Facial Recognition Services [Электронный ресурс] // Hunton Andrews Kurth : site. – URL : <https://www.huntonprivacyblog.com/2020/03/20/washington-state-passes-law-restricting-use-of-facial-recognition-services/> (дата обращения: 20.06.2023).

²⁰ New York Assembly Bill 8155 [Электронный ресурс] // Legiscan.com : site. – URL : <https://legiscan.com/NY/text/A08155/id/1805616> (дата обращения: 20.06.2023).

²¹ European Commission. Tackling Online Disinformation: A European Approach[J]. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. COM/2018/236, 2018 [Электронный ресурс] // Lex.europa : site. – URL : <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=COM:2018:794:FIN> (дата обращения: 20.06.2023).

²² Administrative Regulations on Online Audio and Video Information Services [Электронный ресурс] // CLP : site. – URL : <https://www.chinajusticeobserver.com/law/x/online-audio-and-video-information-services-20191118> (дата обращения: 20.06.2023).

²³ Civil Code of the People's Republic of China [Электронный ресурс] // Gov.cn : site. – URL : <http://www.npc.gov.cn/englishnpc/c23934/202012/f627aa3a4651475db936899d69419d1e/files/47c16489e186437eab3244495cb47d66.pdf> (дата обращения: 20.06.2023).

²⁴ Order of the Cyberspace Administration of China [Электронный ресурс] // Wilmap : site. – URL : <https://wilmap.stanford.edu/entries/provisions-governance-online-information-content-ecosystem> (дата обращения: 20.06.2023).

¹² Donie O'Sullivan. House Intel chair sounds alarm in Congress' first hearing on deepfake videos [EB/OL]: [Электронный ресурс] // Edition.cnn.com: сайт. – URL : <https://edition.cnn.com/2019/06/13/tech/deepfakecongress-hearing/index.html> (дата обращения: 20.06.2023).

¹³ Generally 'FBI Chief Calls Capitol Attack Domestic Terrorism and Rejects Trump's Fraud Claims' [Электронный ресурс] // The Guardian: сайт. – URL : <https://www.theguardian.com/usnews/2021/jun/10/capitol-attackfbi-christopherwray-congress> (дата обращения: 20.06.2023).

¹⁴ Krishnadev Calamur, Did Russian Hackers Target Qatar? [Электронный ресурс] // The Atlantic : сайт. – URL : <https://www.theatlantic.com/news/archive/2017/06/Qatar-russian-hacker-fake-news/529359/> (дата обращения: 20.06.2023).

¹⁵ S.3805 – Malicious Deep Fake Prohibition Act of 2018 [Электронный ресурс] // Wwww.congress.gov : site. – URL : <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/senate-bill/3805> (дата обращения: 20.06.2023).

¹⁶ H.R.3230-Defending Each and Every Person from False Appearances by Keeping Exploitation Subject to Accountability Act of 2019 [Электронный ресурс] // Wwww.congress.gov : site. – URL : <http://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/3230> (дата обращения: 20.06.2023).

¹⁷ Deepfakes Report Act of [Электронный ресурс] // Wwww.congress.gov : site. – URL : <https://www.congress.gov/bill/116thcongress/house-bill/3600/> (дата обращения: 20.06.2023).

Что касается России, необходимо отметить позицию отечественных юристов и практиков в области противодействия технологии «дипфейк».

Так, Г. И. Миняшева полагает, что в нашей стране эта проблема урегулирована лишь частично. Вопросы, связанные с созданием и использованием дипфейков, подпадают под санкции ст. 159 УК РФ и ст. 152 ГК РФ [29, с. 194–195].

М. А. Желудков в своей статье отмечает, что практика расследований преступлений, особенно с использованием ИТ-технологий, требует формирования новых правовых форм, в т. ч. для защиты интересов общества от противоправного применения технологии «дипфейк». Данная ситуация требует пересмотра не только положений УПК РФ (ст. 75), но и нормативных актов, касающихся использования биометрических данных человека [30, с. 269].

Схожую позицию занимает Л. Югай. В рамках проведённого ею исследования она отмечает, что возможными мерами по противодействию мошенничества с использованием биометрии может выступить как формирование дополнительных инструментов верификации личности, так и разработка Концепции национальной системы биометрической идентификации личности [31, с. 62].

О. В. Расторопова пишет, что возможным оптимальным инструментом противодействия противоправному применению ИИ может выступить кооперация органов власти в формате государственно-частного партнёрства, с учётом аналогичного опыта США (IBM Watson) [32].

С. В. Лемайкина говорит о необходимости своевременного и добросовестного информирования сотрудниками ОВД граждан о дискредитации пользователей посредством технологии «дипфейк», а также обязательного повышения квалификации сотрудников правоохранительной сферы в области информационной безопасности [33, с. 177].

Комплексный правовой подход сдерживания и противодействия дипфейк-технологии представил А. Г. Карпика, обозначив необходимость правовой фиксации понятия «поддельное цифровое изображение личности», введения ответственности за использование указанной личности (в рамках административного и уголовного права), совершенствование кримина-

листического исследования с помощью выявления технических уязвимостей при анализе изображений [34, с. 112–113].

Заключение

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

1. Точность прогнозистики правонарушений требует всё большего количества персональных данных, в т. ч. и таких, которые могут затрагивать базовые права человека, в рамках анализа больших массивов данных (big-data) технологией ИИ.

2. В случае развития инструментов предиктивного преследования необходимо определить правовой консенсус между общественной безопасностью и личными правами.

3. В рамках определения указанной конструкции потребуются существенные новеллы в действующие КоАП РФ, УПК РФ и т. д., определяющие как правовой статус используемой технологии, условия её использования, так и прямо фиксирующие зоны ответственности разработчика, пользователя и самой технологии (с возможным выделением отдельной правосубъектности [35, с. 50]).

4. Открытым останется вопрос определения момента потенциального совершения правонарушения, его квалификации и последующего привлечения к ответственности с учётом пересечения большинства составов в рамках КоАП РФ и УК РФ, учитывая, что на момент потенциального совершения правонарушения квалификация может быть «плавающая».

5. В рамках предиктивного преследования открытым вопросом остаётся также применение оповещающих инструментов (Госуслуг) о потенциальной интерпретации действий лица в рамках проведённого наружного анализа, сверки с биометрической базой данных и иных публичных и открытых сервисов или сервисов, которые используются правоохранительными органами.

6. Необходимо выработать алгоритм идентификации правонарушений, а также ужесточить ответственность за применение ИИ, в т. ч. посредством технологии «дипфейк» (но не ограничиваясь только ею) в противоправных действиях, предусмотренных КоАП РФ и УК РФ.

Список литературы

1. William P., Badholia A. Analysis of personality traits from text-based answers using HEXACO model // 2021 International Conference on Innovative Computing, Intelligent Communication and Smart Electrical Systems (ICES). – IEEE, 2021. – С. 1–10.
2. William P., Badholia A. Evaluating Efficacy of Classification Algorithms on Personality Prediction Dataset // Elementary Education Online. – 2020. – Т. 19. – № 4. – С. 3400–3413.
3. Bibave R. et al. A Comparative Analysis of Single Phase to Three Phase Power Converter for Input Current THD Reduction // 2022 International Conference on Electronics and Renewable Systems (ICEARS). – IEEE, 2022. – С. 325–330.
4. Агамиров К. В. Проблемы юридического прогнозирования: методология, теория, практика : монография / под науч. ред. Р. В. Шагиевой. – Москва: Юркомпани, 2015. – 406 с. – (Серия «Актуальные юридические исследования»).

5. Go A. et al. Twitter sentiment analysis // Entropy. – 2009. – Т. 17. – 252 с.
6. Lima A. C. E. S., de Castro L. N. Automatic sentiment analysis of Twitter messages / 2012 Fourth International Conference on Computational Aspects of Social Networks (CASoN). – IEEE, 2012. – С. 52–57.
7. Vedaldi A., Fulkerson B. VLFeat: An open and portable library // Computer Vision Algorithms. ACM MM. – 2010. – С. 1469–1472. <https://doi.org/10.1145/1873951.1874249>.
8. Мавринская Т. В., Лошкарев А. В., Чуракова Е. Н. Обезличивание персональных данных и технологии «больших данных» (BigData) // Интерактивная наука. – 2017. – № 16. – С. 78–80.
9. Pathan M. et al. Artificial cognition for applications in smart agriculture: A comprehensive review // Artificial Intelligence in Agriculture. – 2020. – Т. 4. – С. 81–95.
10. Pandya R. et al. Buildout of methodology for meticulous diagnosis of K-complex in EEG for aiding the detection of Alzheimer's by artificial intelligence // Augmented Human Research. – 2020. – Т. 5. – С. 1–8. DOI: 10.1007/s41133-019-0021-6.
11. Musumeci F. et al. An overview on application of machine learning techniques in optical networks // IEEE Communications Surveys & Tutorials. – 2018. – Т. 21. – № 2. – С. 1383–1408.
12. Judd J. S. Learning in networks is hard // Proc. of 1st International Conference on Neural Networks, San Diego, California, June 1987. – IEEE, 1987.
13. Panchiwala S., Shah M. A comprehensive study on critical security issues and challenges of the IoT world // Journal of Data, Information and Management. – 2020. – Т. 2. – С. 257–278.
14. Simon A. et al. An overview of machine learning and its applications // International Journal of Electrical Sciences & Engineering. – 2016. – Т. 1. – № 1. – С. 22–24.
15. Patel D., Shah D., Shah M. The intertwine of brain and body: a quantitative analysis on how big data influences the system of sports // Annals of Data Science. – 2020. – Т. 7. – С. 1–16.
16. Батоев В. Б. «Большие данные (Big Data)» и предиктивная аналитика в оперативно-разыскной деятельности: проблемы использования и пути решения // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2020. – № 1 (52). – С. 11–17.
17. Суходолов А. П. и др. Big data как современный криминологический метод изучения и измерения организованной преступности // Всероссийский криминологический журнал. – 2019. – Т. 13. – № 5. – С. 718–726.
18. Дремлюга Р. И., Решетников В. В. Правовые аспекты применения предиктивной аналитики в правоохранительной деятельности // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2018. – Т. 20. – № 3. – С. 133–144.
19. Никитин Е. В. О новых возможностях применения современных цифровых технологий в правоохранительной деятельности // Правопорядок: история, теория, практика. – 2018. – № 4 (19). – С. 55–59.
20. Павличенко Н. В., Тамбовцев А. И. Будущее профессии оперуполномоченный – Big Data и аналитика // Труды академии управления МВД России. – 2020. – № 2 (54). – С. 62–68.
21. Saini M., Kapoor A. K. Biometrics in forensic identification: applications and challenges // J Forensic Med. – 2016. – Т. 1. – № 108. – С. 2. DOI: 10.4172/2472-1026.1000108.
22. Kindt E. J. Having yes, using no? About the new legal regime for biometric data // Computer law & security review. – 2017. – Т. 34. – № 3. – С. 523–538. DOI:10.1016/j.clsr.2017.11.004.
23. Tistarelli M., Grosso E., Meuwly D. Biometrics in forensic science: challenges, lessons and new technologies // Biometric Authentication: First International Workshop, BIOMET 2014, Sofia, Bulgaria, June 23–24, 2014. Revised Selected Papers I. – Springer International Publishing, 2014. – С. 153–164. DOI:10.1007/978-3-319-13386-7_12.
24. Zeinstra C. G. et al. Forensic face recognition as a means to determine strength of evidence: a survey // Forensic Sci Rev. – 2018. – Т. 30. – № 1. – С. 21–32.
25. Bouchrika I. Evidence evaluation of gait biometrics for forensic investigation // Multimedia Forensics and Security: Foundations, Innovations, and Applications. – 2017. – С. 307–326. DOI: 10.1007/978-3-319-44270-9_13.
26. Brandon J. Terrifying high-tech porn: creepy'deepfake'videos are on the rise // Fox news. – 2018. – Т. 20 [Electronic resource] // FoxNews : site – URL: <https://www.foxnews.com/tech/terrifying-high-tech-porn-creepy-deepfake-videos-are-on-the-rise> (date of treatment: 03.05.2023).
27. Liu M., Zhang X. Deepfake Technology and Current Legal Status of It // 2022 3rd International Conference on Artificial Intelligence and Education (IC-ICAIE 2022). – Atlantis Press, 2022. – С. 1308–1314. DOI: 10.2991/978-94-6463-040-4_194.
28. Voigt P., Von dem Bussche A. The eu general data protection regulation (gdpr) // A Practical Guide, 1st Ed., Cham: Springer International Publishing. – 2017. – Т. 10. – № 3152676. – 383 с. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-57959-7>.
29. Миняшева Г. И. Выявление и раскрытие мошенничеств, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий / Современные проблемы уголовного процесса: пути решения сборник материалов 3-й Международной конференции / под общей ред. А. Ю. Терехова. – Уфа: Издательство Уфимского юридического института МВД России, 2022. – С. 191–197.
30. Желудков М. А. Изучение влияния новых цифровых технологий на детерминацию мошеннических действий (технология deepfake) / Развитие наук антикриминального цикла в свете глобальных вызовов обществу : сборник трудов по материалам Всероссийской заочной научно-практической конференции с международным участием. – Саратов, 2021. – С. 262–270.

31. Югай Л. Ю. Мошенничество с использованием биометрических технологий: сущность, риски и меры противодействия // Правовые вопросы противодействия мошенничеству и киберпреступлениям. – 2021. – Т. 1. – № 1. – С. 59–63.
32. Расторопова О. В. Противодействие использованию искусственного интеллекта в преступных целях // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2021. – Т. 4. – № 84. – С. 52–58.
33. Лемайкина С. В. Актуальные вопросы противодействия использованию технологии дипфейков // Юрист-Правовед. – 2022. – № 3 (102). – С. 175–178.
34. Карника А. Г. Актуальные вопросы совершенствования правового и технического обеспечения противодействия преступлениям, совершаемым с использованием технологий искусственного интеллекта // Философия права. – 2021. – № 3 (98). – С. 109–113.
35. Ястребов О. А. Правосубъектность электронного лица: теоретико-методологические подходы // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2018. – Т. 13. – № 2. – С. 36–55.

References

1. William P., Badholia A. Analysis of personality traits from text-based answers using HEXACO model // 2021 International Conference on Innovative Computing, Intelligent Communication and Smart Electrical Systems (ICES). – IEEE, 2021. – S. 1–10.
2. William P., Badholia A. Evaluating Efficacy of Classification Algorithms on Personality Prediction Dataset // Elementary Education Online. – 2020. – Т. 19. – № 4. – S. 3400–3413.
3. Bibave R. et al. A Comparative Analysis of Single Phase to Three Phase Power Converter for Input Current THD Reduction // 2022 International Conference on Electronics and Renewable Systems (ICEARS). – IEEE, 2022. – S. 325–330.
4. Agamirov K. V. Problemy yuridicheskogo prognozirovaniya: metodologiya, teoriya, praktika : monografiya / pod nauch. red. R. V. Shagiyevoy. – Moskva: Yurkompani, 2015. – 406 s. – (Seriya «Aktual'nyye yuridicheskiye issledovaniya»).
5. Go A. et al. Twitter sentiment analysis // Entropy. – 2009. – Т. 17. – 252 s.
6. Lima A. C. E. S., de Castro L. N. Automatic sentiment analysis of Twitter messages / 2012 Fourth International Conference on Computational Aspects of Social Networks (CASoN). – IEEE, 2012. – S. 52–57.
7. Vedaldi A., Fulkerson B. VLFeat: An open and portable library // Computer Vision Algorithms. ACM MM. – 2010. – S. 1469–1472. <https://doi.org/10.1145/1873951.1874249>.
8. Mavrinskaya T. V., Loshkarov A. V., Churakova Ye. N. Obezlichivaniye personal'nykh dannykh i tekhnologii «bol'shikh dannykh» (BigData) // Interaktivnaya nauka. – 2017. – № 16. – S. 78–80.
9. Pathan M. et al. Artificial cognition for applications in smart agriculture: A comprehensive review // Artificial Intelligence in Agriculture. – 2020. – Т. 4. – S. 81–95.
10. Pandya R. et al. Buildout of methodology for meticulous diagnosis of K-complex in EEG for aiding the detection of Alzheimer's by artificial intelligence // Augmented Human Research. – 2020. – Т. 5. – S. 1–8. DOI: 10.1007/s41133-019-0021-6.
11. Musumeci F. et al. An overview on application of machine learning techniques in optical networks // IEEE Communications Surveys & Tutorials. – 2018. – Т. 21. – № 2. – S. 1383–1408.
12. Judd J. S. Learning in networks is hard // Proc. of 1st International Conference on Neural Networks, San Diego, California, June 1987. – IEEE, 1987.
13. Panchiwala S., Shah M. A comprehensive study on critical security issues and challenges of the IoT world // Journal of Data, Information and Management. – 2020. – Т. 2. – S. 257–278.
14. Simon A. et al. An overview of machine learning and its applications // International Journal of Electrical Sciences & Engineering. – 2016. – Т. 1. – № 1. – S. 22–24.
15. Patel D., Shah D., Shah M. The intertwine of brain and body: a quantitative analysis on how big data influences the system of sports // Annals of Data Science. – 2020. – Т. 7. – S. 1–16.
16. Batoyev V. B. «Bol'shiye dannyye (Big Data)» i prediktivnaya analitika v operativno-razysknoy deyatel'nosti: problemy ispol'zovaniya i puti resheniya // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. – 2020. – № 1 (52). – S. 11–17.
17. Sukhodolov A. P. i dr. Big data kak sovremennyy kriminologicheskii metod izucheniya i izmereniya organizovannoy prestupnosti // Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal. – 2019. – Т. 13. – № 5. – S. 718–726.
18. Dremlyuga R. I., Reshetnikov V. V. Pravovyye aspekty primeneniya prediktivnoy analitiki v pravookhranitel'noy deyatel'nosti // Aziatsko-Tikhookeanskiy region: ekonomika, politika, pravo. – 2018. – Т. 20. – № 3. – S. 133–144.
19. Nikitin Ye. V. O novykh vozmozhnostyakh primeneniya sovremennykh tsifrovyykh tekhnologiy v pravookhranitel'noy deyatel'nosti // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. – 2018. – № 4 (19). – S. 55–59.
20. Pavlichenko N. V., Tambovtsev A. I. Budushcheye professii operupolnomochennyy – Big Data i analitika // Trudy akademii upravleniya MVD Rossii. – 2020. – № 2 (54). – S. 62–68.
21. Saini M., Kapoor A. K. Biometrics in forensic identification: applications and challenges // J Forensic Med. – 2016. – Т. 1. – № 108. – S. 2. DOI: 10.4172/2472-1026.1000108.

22. *Kindt E. J.* Having yes, using no? About the new legal regime for biometric data // Computer law & security review. – 2017. – Т. 34. – № 3. – С. 523–538. DOI:10.1016/j.clsr.2017.11.004.
23. *Tistarelli M., Grosso E., Meuwly D.* Biometrics in forensic science: challenges, lessons and new technologies // Biometric Authentication: First International Workshop, BIOMET 2014, Sofia, Bulgaria, June 23–24, 2014. Revised Selected Papers 1. – Springer International Publishing, 2014. – С. 153–164. DOI:10.1007/978-3-319-13386-7_12.
24. *Zeinstra C. G. et al.* Forensic face recognition as a means to determine strength of evidence: a survey // Forensic Sci Rev. – 2018. – Т. 30. – № 1. – С. 21–32.
25. *Bouchrika I.* Evidence evaluation of gait biometrics for forensic investigation // Multimedia Forensics and Security: Foundations, Innovations, and Applications. – 2017. – С. 307–326. DOI: 10.1007/978-3-319-44270-9_13.
26. *Brandon J.* Terrifying high-tech porn: creepy'deepfake'videos are on the rise // Fox news. – 2018. – Т. 20 [Electronic resource] // FoxNews : site – URL: <https://www.foxnews.com/tech/terrifying-high-tech-porn-creepy-deepfake-videos-are-on-the-rise> (date of treatment: 03.05.2023).
27. *Liu M., Zhang X.* Deepfake Technology and Current Legal Status of It // 2022 3rd International Conference on Artificial Intelligence and Education (IC-ICAIE 2022). – Atlantis Press, 2022. – С. 1308–1314. DOI: 10.2991/978-94-6463-040-4_194.
28. *Voigt P., Von dem Bussche A.* The eu general data protection regulation (gdpr) // A Practical Guide, 1st Ed., Cham: Springer International Publishing. – 2017. – Т. 10. – № 3152676. – 383 s. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-57959-7>.
29. *Minyashева G. I.* Vyyavleniye i raskrytiye moshennichestv, sovershayemykh s ispol'zovaniyem informatsionno-telekommunikatsionnykh tekhnologiy / Sovremennyye problemy ugovornogo protsesssa: puti resheniya sbornik materialov 3-y mezhdunarodnoy konferentsii / pod obshchey red. A. Yu. Terekhova. – Ufa: Izd-vo Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii 2022. – С. 191–197.
30. *Zheludkov M. A.* Izucheniye vliyaniya novykh tsifrovyykh tekhnologiy na determinatsiyu moshennicheskikh deystviy (tekhnologiya deepfake) / Razvitiye nauk antikriminal'nogo tsikla v svete global'nykh vyzovov obshchestvu : sbornik trudov po materialam vserossiyskoy zaachnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem. – Saratov, 2021. – С. 262–270.
31. *Yugay L. Yu.* Moshennichestvo s ispol'zovaniyem biometricheskikh tekhnologiy: sushchnost', riski i mery protivodeystviya // Pravovyye voprosy protivodeystviya moshennichestvu i kiberprestupleniyam. – 2021. – Т. 1. – № 1. – С. 59–63.
32. *Rastoropova O. V.* Protivodeystviye ispol'zovaniyu iskusstvennogo intellekta v prestupnykh tselyakh // Vestnik Universiteta prokuratury Rossiyskoy Federatsii. – 2021. – Т. 4. – № 84. – С. 52–58.
33. *Lemaykina S. V.* Aktual'nyye voprosy protivodeystviya ispol'zovaniyu tekhnologii dipfeykov // Yurist»-Pravoved». – 2022. – № 3 (102). – С. 175–178.
34. *Karpika A. G.* Aktual'nyye voprosy sovershenstvovaniya pravovogo i tekhnicheskogo obespecheniya protivodeystviya prestupleniyam, sovershayemym s ispol'zovaniyem tekhnologiy iskusstvennogo intellekta // Filosofiya prava. – 2021. – № 3 (98). – С. 109–113.
35. *Yastrebov O. A.* Pravosub'yektnost' elektronnoho litsa: teoretiko-metodologicheskiye podkhody // Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk. – 2018. – Т. 13. – № 2. – С. 36–55.

Статья поступила в редакцию 03.05.2023; одобрена после рецензирования 13.07.2023; принята к публикации 26.07.2023.

The article was submitted May 03, 2023; approved after reviewing July 13, 2023; accepted for publication July 26, 2023.

Научная статья
УДК 342.553
doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-76-85

Олег Александрович Кожевников
доктор юридических наук, профессор
<https://orcid.org/0000-0003-1371-7249>, jktu1976@yandex.ru

*Уральский государственный юридический университет
имени В. Ф. Яковлева
Российская Федерация, 620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21*

*Уральский государственный экономический университет
Российская Федерация, 620144, Екатеринбург, ул. 8 Марта / Народной Воли, д. 62/45*

Местное самоуправление в Конституции и федеральных законах России: опыт 30-летнего сосуществования

Аннотация: Введение. В этом году исполняется 30 лет с момента принятия и вступления в действие Конституции РФ. За указанный период конституционно-правовые основы нормативного закрепления местного самоуправления в России изменялись трижды, при этом сам текст Основного закона страны вплоть до 2020 года оставался неизменным. Таким образом, при неизменности конституционного текста «содержательные» отраслевые правовые основы местного самоуправления находились в постоянной динамике. По мнению автора исследования, данный феномен нуждается в историко-правовом исследовании для выявления положительных и отрицательных сторон подобного развития нормативной базы для их последующего учёта федеральным законодателем при формировании развивающихся нормативных основ единой системы публичной власти.

Методология. При работе над текстом исследования автором применялись сравнительно-правовой, историко-правовой, аналитический, формально-юридический, анализ статистических данных и иные методы, позволившие в конечном итоге сформулировать основные результаты и выводы.

Результаты. Автором на основе анализа отдельных положений федеральных законов, практики Конституционного Суда РФ, базовых исторических событий за прошедшее 30-летие делается вывод об отсутствии завершённого понимания у федерального законодателя того, что из себя представляет местное самоуправление, на каких содержательных, организационных, экономических и иных основах должна быть реализована конституционно-правовая модель местного самоуправления в Российской Федерации. Все ранее использованные законодательные модели реализации конституционных положений о местном самоуправлении в России не обладали какой-либо преемственностью и представляли собой каждый раз новый, во многом «революционный» подход к организации местного самоуправления на территориях, отдаляя граждан от непосредственного участия в его осуществлении, с одновременным усилением «государственного», прежде всего регионального воздействия на порядок осуществления местного самоуправления в конкретных муниципальных территориях.

Ключевые слова: конституция, право, конституционная реформа, местное самоуправление, вопросы местного значения, органы местного самоуправления, экономическая основа

Для цитирования: Кожевников О. А. Местное самоуправление в Конституции и федеральных законах России: опыт 30-летнего сосуществования // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 3 (99). – С. 76–85; doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-76-85.

Oleg A. Kozhevnikov
Dr. Sci. (Jurid.), Professor
<https://orcid.org/0000-0003-1371-7249>, jktu1976@yandex.ru

*Ural State Law University named after V. F. Yakovlev
21, Komsomolskaya str., Ekaterinburg, 620137, Russian Federation*

*Ural State Economic University
62/4,8 March / Narodnaya Volya str., Ekaterinburg, 620144, Russian Federation*

Local self-government in the Constitution and federal laws of Russia: the experience of 30 years of coexistence

Abstract: Introduction. This year marks 30 years since the adoption and entry into force of the Constitution of the Russian Federation. During this period, the constitutional and legal framework for the normative consolidation of local self-government in Russia was changed three times, while the text of the country's Basic Law itself remained unchanged until 2020. Thus, along with invariability of the text of the Constitution, the "substantive" sectoral legal foundations of local self-government were in constant dynamics. According to the author of the study, this phenomenon requires historical and legal research to identify the positive and negative aspects of such development of the regulatory framework for their subsequent consideration by the federal legislator when forming the developing regulatory framework of the unified system of public authority.

Methodology. When working on the text of the study, the author used comparative legal, historical legal, analytical, formal legal methods, statistical data analysis and other methods, which ultimately made it possible to formulate the main results and conclusions.

Results. On the basis of the author's analysis of certain provisions of federal laws, the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation, main historical events over the past 30 years, the conclusion is made that the federal legislator does not have a complete understanding of what local government is, on what substantive, organizational, economic and other foundations the constitutional and legal model of local self-government in the Russian Federation must be implemented. All previously used legislative models for the enforcement of constitutional provisions on local self-government in Russia did not have any continuity and each time represented a new, to a great extent "revolutionary" approach to the organization of local self-government in the territories, moving citizens away from direct participation in its implementation, with simultaneous strengthening of the "state", primarily of regional influence on the order of local self-government in specific municipal territories.

Keywords: constitution, law, constitutional reform, local self-government, issues of local importance, local self-government bodies, economic foundation.

For citation: Kozhevnikov O. A. Local self-government in the Constitution and federal laws of Russia: the experience of 30 years of coexistence // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – No. 3 (99). – P. 76–85; doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-76-85.

Введение

30-летие Конституции РФ, несмотря на довольно незначительный по историческим меркам срок, тем не менее, позволяет провести историко-правовой анализ её применения, а также спрогнозировать конституционно-правовые ориентиры дальнейшего конституционного развития государства и его важнейших институтов. Одним из таких институтов, входящих в основы конституционного строя РФ, является местное самоуправление. Обращение к нему, пока ещё неотъемлемому конституционному компоненту проявления народовластия в России, обусловлено не только сферой научных интересов автора настоящей работы, но и тем обстоятельством, что на протяжении всей истории действия Конституции Российской Федерации 1993 г., пожалуй, ни один конституционно-правовой институт не претерпел такой содержательной законодательной трансформации, как местное самоуправление, при неизменности соответствующих конституционных норм, входящих в основы конституционного строя РФ. А количество научных работ, посвящённых различным аспектам развития местного самоуправления в контексте реализации федеральным законодателем конституционно-правовой основы местного самоуправления, не уступает, а в некоторых

случаях и превосходит работы и исследования по иным конституционно-правовым институтам [1; 3; 8; 13; 14; 18]. За 30-летнюю историю современной Конституции России её положения относительно местного самоуправления нашли своё воплощение в трёх федеральных законах и одном законопроекте, который в настоящее время находится на рассмотрении в Государственной Думе РФ. Вряд ли хоть одна конституционно-правовая конструкция может похвастаться таким динамизмом подходов и их нормативной реализацией на уровне федерального законодательства. При этом каждый последующий поиск законодателем конституционно-правового определения и содержания местного самоуправления неизменно признавался Конституционным судом РФ соответствующим Конституции. На фоне развития федеральным законодателем активности в отношении нормативного закрепления места и роли местного самоуправления в единой системе публичной власти полагаем весьма полезным обратиться к опыту законодательного регулирования местного самоуправления в России за последние 30 лет, выявив существенные особенности каждого из этапов нормативного регулирования, его достоинства и недостатки для возможного учёта в перспективном законодательном регулировании.

Методы

Исследование автора основано на личном опыте, полученном в период практической деятельности в органах местного самоуправления, осуществления научно-образовательной деятельности, участия в экспертной деятельности. При подготовке исследования были применены общенаучные методы в рамках сравнительного, логического исследования: проанализированы правоприменительная и судебная практики, статистические данные и научная литература по заявленной проблематике, обобщён опыт применения норм права в области местного самоуправления в муниципалитетах и субъектах Российской Федерации.

Результаты

Первое упоминание категории «местное самоуправление» в федеральных законах в новейшей российской истории было в статье 1 Закона РФ от 6 июля 1991 г. № 1550-1 «О местном самоуправлении в Российской Федерации» (далее по тексту – Закон № 1550-1), в которой местное самоуправление рассматривалось прежде всего как система организации деятельности граждан для самостоятельного (под свою ответственность) решения вопросов местного значения, исходя из интересов населения, его исторических, национально-этнических и иных особенностей. Такое отношение законодателя к нормативному закреплению местного самоуправления стало следствием политического компромисса на фоне весьма непростой политической ситуации и борьбы за самостоятельную государственность РСФСР в составе СССР, поскольку руководство РСФСР рассматривало институт местного самоуправления как способ борьбы с союзным руководством. В то же время представители крупнейшей в тот период ассоциации «Союз российских городов» через формирование законодательных основ местного самоуправления пытались решить экономические проблемы своих территорий. Новое демократическое сообщество во главе с появившимися молодыми лидерами общественного мнения поддерживали реформу низового уровня государственной власти, поскольку именно он был более свободен и не зависим от влияния КПСС, а экономическое сообщество и крупный директорат поддерживали новый для начала 1990-х годов властный институт в надежде, что это будет способствовать разгосударствлению собственности [16], что, собственно, и произошло впоследствии с принятием постановления ВС РФ от 27 декабря 1991 г. № 3020-1 «О разграничении государственной собственности в Российской Федерации на федеральную собственность, государственную собственность республик в составе Российской Федерации, краев, областей, автономной области, автономных округов, городов Москвы и Санкт-Петербурга и муниципальную собственность»¹. Тем не менее полагаем, что,

несмотря на наличие названных «объективных» политических сложностей, оценивая с позиций сегодняшнего дня законодательное содержание категории «местное самоуправление», следует признать, что закреплённое в Законе № 1550-1 понятие местного самоуправления было наиболее приближено к духу и смыслу положений части 2 ст. 3 Конституции РФ о верховенстве народовластия, которое осуществляется населением наряду с органами местного самоуправления и органами государственной власти на всей территории РФ. При этом именно граждане и их собственная активность, заинтересованность в решении вопросов местного значения является той движущей силой и той основой, которая позволяет обеспечить и гарантированность, и самостоятельность местного самоуправления, как это и закреплено в тексте Конституции РФ.

Однако подобное видение ценности местного самоуправления как проявления прежде всего индивидуальной гражданской активности и ответственности каждого жителя муниципального образования в решении вопросов местного значения на уровне федерального законодательного закрепления продержалось недолго, поскольку после принятия Конституции РФ и её первых шагов в правовом пространстве РФ на смену упомянутому ранее Закону № 1550-1 пришёл Федеральный закон от 28 августа 1995 г. № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – Закон № 154-ФЗ), который местное самоуправление рассматривал как признаваемую и гарантируемую Конституцией РФ самостоятельную и под свою ответственность деятельность населения по решению непосредственно или через органы местного самоуправления вопросов местного значения, исходя из интересов населения, его исторических и иных местных традиций в пределах территории своего непосредственного проживания. Данный подход федерального законодателя к пониманию дефиниции «местное самоуправление» привел к изменению первичного субъекта местного самоуправления, которым теперь стало население как определённая совокупность лиц, объединённых соответствующими признаками. Характерной чертой Закона № 154-ФЗ была попытка централизации нормативного регулирования ряда вопросов функционирования местного самоуправления. Одновременно при этом повысилась степень расплывчатости и рамочного регулирования, что привело к серьёзным диспропорциям правового, экономического и иного характера на уровне субъектов Российской Федерации, муниципалитетов и самого населения. В этот период сложилась новая организационно-территориальная структура, появилось нормативное упоминание категорий

собственность, государственную собственность республик в составе Российской Федерации, краев, областей, автономной области, автономных округов, городов Москвы и Санкт-Петербурга и муниципальную собственность» [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «Консультант-Плюс»: сайт. – URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_208/ (дата обращения: 10.04.2023).

¹ Постановление ВС РФ от 27 декабря 1991 г. № 3020-1 (ред. от 24.12.1993) «О разграничении государственной собственности в Российской Федерации на федеральную

«муниципальное образование» как территории, в пределах которой осуществляется местное самоуправление, «глава муниципального образования» и др. [5]. Местное самоуправление стало рассматриваться как совокупность элементов общественной и государственной теории. С одной стороны, органы местного самоуправления были наделены публично-властными полномочиями (проявление государственной теории). При этом они не рассматривались как органы государственной власти и не находились у них в прямом подчинении. С другой стороны, присутствовали и элементы общественной теории в форме проведения выборов органов местного самоуправления в течение полугода после вступления закона в силу; предоставление населению права на выбор организационной модели местного самоуправления; приоритет представительных начал в формировании органов местного самоуправления в системе муниципальной власти [6]. Однако и этот опыт реализации конституционных основ местного самоуправления не увенчался успехом, что в 2002 году отметил Президент В. В. Путин, выступая на заседании Государственного совета по вопросам развития местного самоуправления: «С 1995 года нам так и не удалось создать чёткие правовые и финансовые условия для полноценного развития местной власти». В период действия Закона № 154-ФЗ было образовано более 12 тысяч муниципальных образований, но «лишь 400 не являлись дотационными» [17]. В это время обострилось противостояние местного самоуправления и региональных органов государственной власти [2]. Как следствие, федеральному центру пришлось осенью 1996 года даже принять Федеральный закон от 26 ноября 1996 г. № 138-ФЗ «Об обеспечении конституционных прав граждан Российской Федерации избирать и быть избранными в органы местного самоуправления», который предоставлял судам право назначать выборы органов местного самоуправления в случае их запрета властями субъектов РФ. Тогда же Конституционный Суд РФ занял позицию, ставшую «классикой муниципального права» и изложенную в постановлении Конституционного Суда РФ от 30 ноября 2000 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Устава (Основного Закона) Курской области в редакции Закона Курской области от 22 марта 1999 года “О внесении изменений и дополнений в Устав (Основной Закон) Курской области” и Постановление Конституционного Суда РФ от 24 января 1997 г. № 1-П “По делу о проверке конституционности Закона Удмуртской Республики от 17 апреля 1996 года “О системе органов государственной власти в Удмуртской Республике”», которые на долгие годы предопределили конституционно-правовую идентичность и защиту местного самоуправления в РФ, лишив органы государственной власти возможности заменять местное самоуправление и понижать значимость его конституционно-правового существования.

Третья попытка определения содержания конституционно-правовой основы местного самоуправления была осуществлена федеральным законодателем в 2003 году путём принятия Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» (далее – Закон № 131-ФЗ). Данный акт определяет местное самоуправление как форму осуществления народом своей власти, обеспечивающую в пределах, установленных законодательством РФ, самостоятельное и под свою ответственность решение населением непосредственно и (или) через органы местного самоуправления вопросов местного значения исходя из интересов населения с учетом исторических и иных местных традиций. Таким образом, местное самоуправление из формы активности граждан, а затем и населения, трансформировалось в форму осуществления народом своей власти, причём текстуальная составляющая конституционных основ местного самоуправления осталась прежней. Выступая на заседании Государственного совета по вопросам развития местного самоуправления в 2002 году, перед обсуждением тогда ещё законопроекта будущего закона № 131-ФЗ, В. В. Путин отметил², что «местная власть по-прежнему “зависает” между государством и гражданами, а в некоторых регионах превратилась из формы самоуправления граждан просто в самоуправство бюрократии. И совершенно очевидно, что она нуждается в серьёзном реформировании и упорядочивании. Делать это придется, с одной стороны, через единство в базовых принципах организации местного самоуправления и полное исполнение Конституции на всей территории страны, а с другой – путём внимательного и уважительного, хочу это подчеркнуть, отношения к демографическим, культурным, географическим особенностям разных территорий Российской Федерации». Нельзя не отметить и ещё одну позицию Президента РФ, а именно: «Государственная власть субъектов Российской Федерации, как и местное самоуправление являющаяся одинаково необходимыми и взаимодополняющими друг друга формами народовластия. И потому характер отношений между региональной властью и местным самоуправлением в основе своей не должен отличаться от взаимоотношений между субъектами Российской Федерации и федеральным центром. Главная задача – провести чёткую границу в обязательствах региональных и местных властей перед гражданином, обществом и государством». Представляется, что высказанная Президентом РФ точка зрения остаётся актуальной и сегодня. А удалось ли эти задачи решить? Думается, что в полной мере нет и, как ни странно это покажется, одним из главных виновников, по нашему мне-

² Путин В. В. Выступление на заседании Государственного совета по вопросам развития местного самоуправления [Электронный ресурс] // Kremlin.ru : сайт. – URL : <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22226> (дата обращения: 11.04.2023).

нию, является федеральный законодатель. Ну разве можно говорить о каких-то конституционно-правовых гарантиях, их поступательной реализации и развитии, когда за период действия названного закона в него были федеральными законами внесены изменения 190 раз, это уже не говоря о смежных с федеральным законом № 131 актах. Вдумайтесь: за неполные 20 лет с момента принятия и 14 лет с момента полного вступления в силу, ежегодно получается от 9 до 13 как минимум корректировок, а это все неизбежно отражается на экономических, организационных, кадровых и иных процессах в муниципальных образованиях. А если указанный динамизм ещё и пропустить через призму существующих объективных недостатков, отражённых во многих научных публикациях [4; 11; 15] и анализах правоприменительной практики, то совершенно очевидно, что поставленные на первоначальном этапе «благие» цели принятия закона № 131-ФЗ были утоплены в многочисленных корректировках и вариантах правоприменения. Немалую «виновную» роль в сложившейся сегодня ситуации в правовом регулировании местного самоуправления, его отдельных институтов, которые по своей совокупности входят в комплекс конституционных гарантий местного самоуправления в РФ, на наш взгляд, сыграл и Конституционный Суд РФ, который за время действия вышеназванного закона существенным образом изменил конституционно-правовую интерпретацию отдельных институтов местного самоуправления. Далеко за примерами ходить не надо. В определении Конституционного Суда РФ от 2 ноября 2000 года № 236-О/2000³ со ссылкой на свои ранее изданные постановления от 24 января 1997 года № 1-П, от 15 января 1998 года № 3-П, определения от 11 июня 1999 года № 105-О и от 8 октября 1999 года № 138-О Конституционный Суд Российской Федерации совершенно чётко и лаконично отметил, что «право граждан, проживающих на территории муниципального образования, непосредственно либо через представительный орган местного самоуправления определять способы формирования органов местного самоуправления и само их формирование является неотъемлемым признаком и конституционной гарантией местного самоуправления. Из этого вытекает обязанность федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации обеспечивать право населения или избранных им представительных органов местного самоуправления самостоятельно, без вмешательства органов государ-

ственной власти и государственных должностных лиц определять способ формирования и само формирование органов местного самоуправления, включая избрание ими главы муниципального образования. Иное не согласуется с прямым действием и единообразным применением Конституции Российской Федерации на всей территории Российской Федерации». В постановлении от 29 ноября 2004 г. № 17-П/2004⁴ Конституционный Суд РФ в дополнении к ранее изложенным позициям указал, что «формирование органов местного самоуправления путём свободных выборов – один из признаков демократического правового государства, каковым является Российская Федерация (статья 1 Конституции Российской Федерации). Подлинно свободные демократические выборы, осуществляемые на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании, определяют, в частности, право любых лиц, отвечающих установленным избирательным законодательством условиям и выполнивших предусмотренные им требования, участвовать в выборах в качестве кандидатов, и право других лиц свободно выражать своё отношение к ним, голосуя «за» или «против». И вот наступает 2015 год, а с ним и известное в профессиональных кругах конституционалистов и муниципалов так называемое «Иркутское дело», и появляется постановление Конституционного Суда РФ от 1 декабря 2015 г. № 30-П⁵, в котором уже указано, что «в системе действующего законодательного регулирования общих принципов организации местного самоуправления, предоставленные субъектам Российской Федерации полномочия в части определения порядка формирования органов местного самоуправления, по буквальному смыслу устанавливающих эти полномочия законоположений и при отсутствии каких-либо специальных оговорок, не исключают воспроизведение в законе субъекта Российской Федерации как единственно возможного (обязательного), так и нескольких (альтернативных) из числа предусмотренных Федеральным законом «Об общих принципах

³ Определение Конституционного Суда РФ от 2 ноября 2000 г. № 236-О «По запросу Верховного Суда Кабардино-Балкарской Республики о проверке конституционности пункта «е» статьи 81 Конституции Кабардино-Балкарской Республики, статьи 2 и пункта 3 статьи 17 Закона Кабардино-Балкарской Республики «О местном самоуправлении в Кабардино-Балкарской Республике» [Электронный ресурс] // Доступ из ИПП «ГАРАНТ.РУ»: сайт. – URL: <https://base.garant.ru/12122019/> (дата обращения: 11.04.2023).

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 29 ноября 2004 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности абзаца первого пункта 4 статьи 64 Закона Ленинградской области «О выборах депутатов представительных органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления в Ленинградской области» в связи с жалобой граждан В. И. Гнездилова и С. В. Пашигорова» [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «Консультант-Плюс»: сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_50493/ (дата обращения: 11.04.2023).

⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 1 декабря 2015 г. № 30-П «По делу о проверке конституционности частей 4, 5 и 5.1 статьи 35, частей 2 и 3.1 статьи 36 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и части 1.1 статьи 3 Закона Иркутской области «Об отдельных вопросах формирования органов местного самоуправления муниципальных образований Иркутской области» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»: сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_189899/ (дата обращения: 11.04.2023).

организации местного самоуправления в Российской Федерации» способов формирования представительного органа муниципального района, городского округа с внутригородским делением, а также избрания главы муниципального образования, причём как в отношении отдельных (конкретных), так и нескольких или всех муниципальных образований, расположенных на территории субъекта Российской Федерации». Налицо полное изменение правовых позиций, изложенных ранее Конституционным Судом РФ. Да, конечно, указывая на данный вывод, Конституционный Суд РФ попытался установить какие-то конституционно-правовые ограничения для законодателя субъекта РФ, но, как говорится, «ящик Пандоры» уже был открыт, и каждый субъект правоприменения увидел то, что хотел увидеть. А дальнейшая практика в регионах с сильным «независимым» местным самоуправлением пошла по пути сокращения прямой выборности глав муниципальных образований. Как следствие, институт непосредственных выборов главы муниципальных образований, где присутствует электоральная активность населения, где граждане объективно желали бы видеть «своего» главу или депутата, в выборах которого он непосредственно участвуют, заменяются на уровне законов регионов замещением должности главы муниципальных образований на основе конкурсных процедур, а выборы депутатского корпуса всё больше по аналогии с федеральными выборами определяются политическими партиями, а не выборами конкретных кандидатов в одномандатных округах.

Негативных примеров применения норм Закона № 131-ФЗ можно привести множество: это институт безальтернативного наделения органов местного самоуправления государственными полномочиями, это внедрение в нишу названного закона института перераспределения [9], а фактически изъятие законом субъекта РФ полномочий по решению вопросов местного значения, проблемы «нефинансируемых» государственных полномочий, не переданных в порядке ст. 19 Закона № 131-ФЗ, вопросы реализации народовластия на муниципальном уровне и др. [10].

В настоящее время мы являемся свидетелями четвёртой попытки за последние 30 лет формирования содержания и конституционно-правовой основы местного самоуправления, обусловленной текстуальными изменениями в Конституции РФ, вступившими в законную силу летом 2020 года. Названная попытка пока в большей степени проявилась в появлении в конце 2021 года и последующем обсуждении в Государственной Думе РФ законопроекта № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». Согласно пояснительной записке к названному законопроекту, он подготовлен в развитие положений Конституции Российской Федерации о единой системе публичной власти и направлен на совершенство-

вание организации местного самоуправления в Российской Федерации. При этом делается обоснование лишь на часть позиции Конституционного Суда РФ относительно раскрытия «принципа единства системы публичной власти» в заключении Конституционного Суда Российской Федерации от 16 марта 2020 г. № 1-3, а о другой части позиции, определяющей единую систему публичной власти как производную от категорий «государственность» и «народовластие», почему-то умалчивается. Не затрагивая многочисленных дискуссионных моментов и положений законопроекта, которые выразились в более чем 1,5 тыс. поступивших замечаний, а также многочисленных научных публикациях [1; 7; 12], хотелось бы обратить внимание на одну, на наш взгляд, очень важную позицию Конституционного Суда РФ, требующую обязательного учёта в перспективе, в части соотношения единой системы публичной власти и правового регулирования местного самоуправления. В постановлении от 23 ноября 2021 г. № 50-П⁶ Конституционный Суд РФ особо подчеркнул: «Положения Конституции Российской Федерации о единстве системы публичной власти (статья 80, часть 2; статья 132, часть 3), а равно и любые другие её положения не подразумевают автоматического, без соответствующего прямого нормативного указания, переноса элементов регулирования с государственного на муниципальный уровень публичной власти. Тем более что в силу правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, несмотря на то, что органы местного самоуправления являются элементом системы публичной власти в Российской Федерации, их основное предназначение состоит, как это прямо следует из статей 12, 130 (часть 1) и 132 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации, в решении вопросов местного значения. Именно такого рода вопросы, направленные на непосредственное обеспечение жизнедеятельности населения, решают в рамках своей компетенции представительный орган муниципального образования и иные органы и должностные лица местного самоуправления». В связи с этим только конституционно-правовое применение конструкции «единая система публичной власти» без увлечения федеральным законодателем в процессе обоснования её построения путём простого переноса механизмов взаимоотношений между уровнями государственной власти, установленные в Федеральных законах от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Феде-

⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 23 ноября 2021 г. № 50-П «По делу о проверке конституционности части 3 статьи 40 и пункта 6 части 1 статьи 44 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», а также пункта 2 статьи 27 Закона Санкт-Петербурга «Об организации местного самоуправления в Санкт-Петербурге» в связи с жалобой граждан А. А. Афиногенова, В. А. Вольского и других» [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»: сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_401209/ (дата обращения: 11.04.2023).

рации» и от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», на уровень взаимоотношений с местным самоуправлением и его органами представляется недопустимым.

Заключение

Подводя итог историко-правового анализа законодательной интерпретации конституционно-правовых основ местного самоуправления в свете, вероятно, неминуемой очередной реформы местного самоуправления, хотелось бы выделить ряд фундаментальных положений, которые, полагаем, следует учесть федеральному законодателю при формировании текста нового закона о местном самоуправлении.

1. Три попытки формирования законодательной основы реализации конституционных положений о местном самоуправлении за последние 30 лет очевидно показали неэффективность подхода «начинать всё сначала», то есть отсутствия фактического правопреемства между нормативными актами, отсутствие эволюционных начал с несомненным уклоном в революционный подход не способствуют поступательному развитию местного самоуправления и снижают интерес к нему со стороны граждан на соответствующей территории. В этой связи необходимо провести тщательный экспертный анализ положительных и негативных моментов как нормативного регулирования, так и практики применения положений российского законодательства в целях повышения эффективности реализации конституционных положений о местном самоуправлении на современном этапе исторического развития. Только таким образом можно хотя бы приблизиться к оптимальному тексту нормативных основ местного самоуправления, тем более что теперь именно от них в силу прямого указания на федерального законодателя зависит и конституционное будущее местного самоуправления.

2. Пришло время чётко определиться с содержанием категории «вопросы местного значения» и её объёмом. Указанные вопросы должны быть непосредственно связаны с жизненно важными потребностями населения, которые способны и могут решить на местах граждане и местные власти. Надо хотя бы на время прекратить практику постоянного «перетасования» с одного уровня власти на другой компетенции и ответственности за реализацию вопросов местного значения. При этом отнесение к компетенции местного самоуправления того или иного вопроса должно быть обеспечено экономическими, кадровыми и иными ресурсами, без которых «очевидно» начинаются проблемы с полной реализацией упомянутых вопросов, предпосылками вмешательства органов государственной власти, в том числе и путем реформирования «для подконтрольности» персонального состава органов местного самоуправления.

3. Следует максимально расширить возможности именно населения формировать

органы местного самоуправления и реализовывать институты ответственности в случае «неоправдания» доверия местного сообщества и нарушения законодательства в ходе осуществления органами местного самоуправления своих полномочий. Для этого необходимо вернуться к высказанным Конституционным Судом РФ позициям о прямой выборности органов и должностных лиц местного самоуправления как высшей формы проявления народовластия и демократических основ нашего государства.

4. Положения ч. 1.1. ст. 131 Конституции РФ о возможности участия органов государственной власти в формировании органов местного самоуправления, назначении на должность и освобождении от должности должностных лиц местного самоуправления ограничить в применении исключительно случаями надления указанных органов государственными полномочиями. При этом сам институт «надления государственными полномочиями органов местного самоуправления» должен стать исключением из правил, а не нормой публичного управления. Государственные органы для того и предназначены, чтобы исполнять свои полномочия, а не передавать их на уровень муниципалитетов, прикрываясь «финансированием» переданных полномочий. Передача государственных полномочий должна включать в себя обязательное получение согласия органов местного самоуправления на их получение, благо в части перераспределения государственной собственности и муниципальной собственности в середине 2000-х годов такая процедура уже была апробирована в нашей истории, и вполне успешно.

5. Требуется внимательный подход к вопросам формирования кадровой основы местного самоуправления. В послании Федеральному собранию в 2023 году Президент РФ уже обратил внимание на формирование предложений по созданию инструментов прямой поддержки лучших управленческих команд, практик, крупных, средних и небольших муниципалитетов⁷. Однако указанные управленческие практики должны оцениваться не только с точки зрения «креатива», управленческой новизны, экономии бюджетных средств и т. д., они должны быть прежде всего законными и эффективными с позиции полноты решения в конкретном муниципалитете вопросов местного значения. В связи с этим важна назревшая корректировка образовательных стандартов, прежде всего по направлению «юриспруденция», «государственное и муниципальное управление», «региональная и муниципальная экономика». Надо поднять упавший до уровня «остаточного» и необязательного уровень изучения и преподавания дисциплины «Муниципальное право» подобно тому, как это сейчас

⁷ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 21 февраля 2023 г. «Послание Президента Федеральному Собранию» / URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_440178/ (дата обращения: 11.04.2023).

пытаются сделать с курсами «Конституционное право России» и «Основы российской государственности». Только на прочной, проверенной годами и достижениями научно-практической основе возможно изменить в лучшую сторону качественную подготовку кадров как профессорско-преподавательского состава, так и муниципальных служащих, и выборных лиц для муниципалитетов. В данном случае как никогда актуальна фраза И. Сталина «Кадры решают всё», поскольку от уровня профессионализма зависит не только полнота реализации местного самоуправления, но и уровень доверия к данному институту и в какой-то мере уровень «разгрузки» государственной власти по решению вопросов муниципалитетов.

6. Любые инициативы по внесению изменений в правовое регулирование местного самоуправления на уровне как Российской Федерации, так и субъектов должны проводиться с широчайшим публичным обсуждением и привлечением экспертного сообщества, иначе мы никогда не добьемся не только стабильности законодательства в названной сфере, но и ещё больше снизим качество нормативного регулирования. Кто как не эксперты в лице учёных, занимающихся вопросами местного самоуправ-

ления, практиков местного самоуправления на местах его осуществления могут предложить качественные решения нормативного регулирования, в противовес сегодняшнему дню, когда, как правило, «верхи» почему-то знают лучше, что нужно «низам».

Итоги общероссийского голосования по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации показали высокое доверие населения к тексту обновленной Конституции. Значительная часть обновлений коснулась и конституционно-правовых основ местного самоуправления. От степени учёта уже существующей 30-летней практики функционирования положений Основного закона, разумности, организованности и продуманности федерального законодателя зависит – останется ли уровень доверия населения России к Конституции на прежних высоких отметках, или он изменится в худшую сторону, когда на смену гарантированному Конституцией РФ народовластию придет «гипертрофированный» принцип «единой системы публичной власти», при котором прямое участие населения в выборе своей «судьбы» минимально, а все решения принимаются «верхами» без широкого обсуждения и привлечения граждан и их объединений.

Список литературы

1. Бабичев И. В. Местное самоуправление в единой системе публичной власти: некоторый анализ конституционных новелл // Местное право. – 2020. – № 6. – С. 3–12.
2. Барabanов О. Региональные власти и местное самоуправление: проблемы взаимодействия [Электронный ресурс] // Nasledie.ru : сайт. – URL : http://old.nasledie.ru/politvnt/19_3/article.php?art=36 (дата обращения: 11.04.2023).
3. Бялкина Т. М. Компетенция местного самоуправления: новое в содержании и правовом регулировании (некоторые суждения о проекте федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти») // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2022. – № 1 (48). – С. 18–30. – DOI 10.17308/vsu.proc.law.2022.1/9022.
4. Бялкина Т. М. Начало пути: 25 лет первому закону о местном самоуправлении // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2015. – № 2 (21) [Электронный ресурс] // Cyberleninka.ru. – сайт. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nachalo-puti-25-let-pervomu-zakonu-o-mestnom-samoupravlenii> (дата обращения: 11.04.2023).
5. Васильева Ю. В. Сравнительный анализ правовых оснований, регулирующих принципы организации местного самоуправления в Российской Федерации, предусмотренных федеральными законами от 28 августа 1995 г. № 154-ФЗ и 06 октября 2003 г. № 131-ФЗ // Управленческое консультирование. – 2018. – № 11 (119). – С. 24–34.
6. Горбатюк Е. С. Основные теории местного самоуправления: аналитический обзор // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. – 2015. – № 1. – С. 21–27.
7. Дитятковский М. Ю. Конституционная реформа местного самоуправления 2020: основные векторы / Державинские чтения : сборник статей XVI Международной научно-практической конференции, Казань, 23–26 мая 2021 года. – Москва: Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 2021. – С. 661–665.
8. Кожевников О. А., Костюков А. Н., Ларичев А. А. Единая система публичной власти: дискуссионные аспекты нормативной регламентации // Правоприменение. – 2022. – Т. 6. – № 3. – С. 49–62. – DOI 10.52468/2542-1514.2022.6(3).49-62.
9. Кожевников О. А. Дискуссионные вопросы права субъекта РФ перераспределять полномочия органов местного самоуправления в пользу органов государственной власти субъектов РФ через призму конституционно-правовой и экономической основы местного самоуправления // Муниципальное имущество: экономика, право, управление. – 2016. – № 1. – С. 53–56.
10. Костюков А. Н. Народовластие и местное самоуправление: конституционные проблемы реализации // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2018. – № 4 (33). – С. 30–37. – DOI 10.51980/2542-1735_2018_4_30.

11. Кудрявцев В. В. О последних изменениях в правовом регулировании формирования органов местного самоуправления // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». – 2016. – № 2 (6). – С. 67–70.
12. Толстик В. А. Конституционные новации в регулирование местного самоуправления: вынужденная половинчатость или правовая позиция законодателя? // Юридическая техника. – 2021. – № 15. – С. 263–267.
13. Дементьев А. Н., Кожевников О. А., Кучеренко П. А. [и др.]. Трансформация публично-правового регулирования местного самоуправления в условиях конституционной реформы – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство «Юнити-Дана», 2023. – 456 с. – ISBN 978-5-238-03642-7.
14. Шугрина Е. С. Местное самоуправление на весах конституционных ценностей // Журнал конституционного правосудия. – 2021. – № 2. – С. 21–31. – DOI 10.18572/2072-4144-2021-2-21-31.
15. Шугрина Е. С. Законодательство о местном самоуправлении: анализ состояния и тенденции развития // Муниципальное право. – 2014. – № 4. – С. 2–19.
16. Шустов В. Г. Политические итоги первого закона РСФСР о местном самоуправлении // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2014. – № 2. – С. 72–76.
17. Шустов В. Г. Общественная теория самоуправления в муниципальном политическом пространстве новой России (1995–2002 гг.) // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2015. – № 2. – С. 216–221.
18. Астафичев П. А., Волох В. А., Воронина Н. А. [и др.] Юридическая урбанонология. Урбанонологическая теория: в 2-х томах / Научная школа «Городское право и правовые проблемы урбанизации». – Москва: Юридический дом «Юстицинформ», 2021. – 824 с. – ISBN 978-5-7205-1708-3.

References

1. Babichev I. V. Mestnoye samoupravleniye v yedinoy sisteme publichnoy vlasti: nekotoryy analiz konstitutsionnykh novell // Mestnoye pravo. – 2020. – № 6. – С. 3–12.
2. Barabanov O. Regional'nyye vlasti i mestnoye samoupravleniye: problemy vzaimodeystviya [Elektronnyy resurs] // Nasledie.ru : sayt. – URL : http://old.nasledie.ru/politvnt/19_3/article.php?art=36 (data obrashcheniya: 11.04.2023).
3. Byalkina T. M. Kompetentsiya mestnogo samoupravleniya: novoye v sodержanii i pravovom regulirovanii (nekotoryye suzhdeniya o projekte federal'nogo zakona «Ob obshchikh printsipakh organizatsii mestnogo samoupravleniya v yedinoy sisteme publichnoy vlasti») // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. – 2022. – № 1 (48). – С. 18–30. – DOI 10.17308/vsu.proc.law.2022.1/9022.
4. Byalkina T. M. Nachalo puti: 25 let pervomu zakonu o mestnom samoupravlenii // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. – 2015. – № 2 (21) [Elektronnyy resurs] // Cyberleninka.ru. – sayt. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nachalo-puti-25-let-pervomu-zakonu-o-mestnom-samoupravlenii> (data obrashcheniya: 11.04.2023).
5. Vasil'yeva Yu. V. Sravnitel'nyy analiz pravovykh osnovaniy, reguliruyushchikh printsipy organizatsii mestnogo samoupravleniya v Rossiyskoy Federatsii, predusmotrennykh federal'nymi zakonami ot 28 avgusta 1995 g. № 154-FZ i 06 oktyabrya 2003 g. № 131-FZ // Upravlencheskoye konsul'tirovaniye. – 2018. – № 11 (119). – С. 24–34.
6. Gorbatyuk Ye. S. Osnovnyye teorii mestnogo samoupravleniya: analiticheskiy obzor // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Politologiya. Mezhdunarodnyye otnosheniya. – 2015. – № 1. – С. 21–27.
7. Dityatkovskiy M. Yu. Konstitutsionnaya reforma mestnogo samoupravleniya 2020: osnovnyye vektory / Derzhavinskiye chteniya : sbornik statey XVI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Kazan', 23–26 maya 2021 goda. – Moskva: Vserossiyskiy gosudarstvennyy universitet yustitsii (RPA Minyusta Rossii), 2021. – С. 661–665.
8. Kozhevnikov O. A., Kostyukov A. N., Larichev A. A. Yedinaya sistema publichnoy vlasti: diskussionnyye aspekty normativnoy reglamentatsii // Pravoprimereniye. – 2022. – Т. 6. – № 3. – С. 49–62. – DOI 10.52468/2542-1514.2022.6(3).49–62.
9. Kozhevnikov O. A. Diskussionnyye voprosy prava sub'yekta RF pereraspredelyat' polnomochiya organov mestnogo samoupravleniya v pol'zu organov gosudarstvennoy vlasti sub'yektov RF cherez prizmu konstitutsionno-pravovoy i ekonomicheskoy osnovy mestnogo samoupravleniya // Munitsipal'noye imushchestvo: ekonomika, pravo, upravleniye. – 2016. – № 1. – С. 53–56.
10. Kostyukov A. N. Narodovlastiye i mestnoye samoupravleniye: konstitutsionnyye problemy realizatsii // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2018. – № 4 (33). – С. 30–37. – DOI 10.51980/2542-1735_2018_4_30.
11. Kudryavtsev V. V. O poslednikh izmeneniyakh v pravovom regulirovanii formirovaniya organov mestnogo samoupravleniya // Vestnik Mariyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoricheskiye nauki. Yuridicheskiye nauki». – 2016. – № 2 (6). – С. 67–70.
12. Tolstik V. A. Konstitutsionnyye novatsii v regulirovaniye mestnogo samoupravleniya: vynuzhdennaya polovinchatost' ili pravovaya pozitsiya zakonodatelya? // Yuridicheskaya tekhnika. – 2021. – № 15. – С. 263–267.

13. *Dement'yev A. N., Kozhevnikov O. A., Kucherenko P. A. [i dr.]*. Transformatsiya publichno-pravovogo regulirovaniya mestnogo samoupravleniya v usloviyakh konstitutsionnoy reformy – Moskva: Obshchestvo s ogranichennoy otvetstvennost'yu «Izdatel'stvo “Yuniti-Dana”», 2023. – 456 s. – ISBN 978-5-238-03642-7.
14. *Shugrina Ye. S.* Mestnoye samoupravleniye na vesakh konstitutsionnykh tsennostey // Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya. – 2021. – № 2. – S. 21–31. – DOI 10.18572/2072-4144-2021-2-21-31.
15. *Shugrina Ye. S.* Zakonodatel'stvo o mestnom samoupravlenii: analiz sostoyaniya i tendentsii razvitiya // Munitsipal'noye pravo. – 2014. – № 4. – S. 2–19.
16. *Shustov V. G.* Politicheskiye itogi pervogo zakona RSFSR o mestnom samoupravlenii // Severo-Kavkazskiy yuridicheskiy vestnik. – 2014. – № 2. – S. 72–76.
17. *Shustov V. G.* Obshchestvennaya teoriya samoupravleniya v munitsipal'nom politicheskom prostranstve novoy Rossii (1995–2002 gg.) // Gosudarstvennoye i munitsipal'noye upravleniye. Uchenyye zapiski. – 2015. – № 2. – S. 216–221.
18. *Astafichev P. A., Volokh V. A., Voronina N. A. [i dr.]*. Yuridicheskaya urbanologiya. Urbanologicheskaya teoriya: v 2-kh tomakh / Nauchnaya shkola «Gorodskoye pravo i pravovyye problemy urbanizatsii». – Moskva: Yuridicheskiy dom «Yustitsinform», 2021. – 824 s. – ISBN 978-5-7205-1708-3.

Статья поступила в редакцию 11.04.2023; одобрена после рецензирования 05.05.2023; принята к публикации 13.07.2023.

The article was submitted April 11, 2023; approved after reviewing May 5, 2023; accepted for publication July 13, 2023.

Научная статья
УДК 342.5
doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-86-93

Виктор Пантелеевич Очерedyкo
доктор юридических наук, профессор
<https://orcid.org/0000-0002-6552-453X>, ocheredkovp@mail.ru

Олег Викторович Очерedyкo
кандидат юридических наук
<https://orcid.org/0000-0002-0950-6492>, olegocher@gmail.com

*Российский государственный университет правосудия
Российская Федерация, 197046, Санкт-Петербург, Александровский парк, д. 5*

Эра судов в политико-правовой трансформации России: идеи и реалии

Аннотация: Введение. Авторы, исходя из понимания того, что обсуждение и конструирование образа будущего дает возможность находить ответы на вызовы времени, приглашают к обсуждению идеи «эры судов», высказанной в России. Разработка концептуальных основ развития судебной власти является элементом формирования права будущего, контуров будущей политико-правовой сферы страны.

Обсуждение эры судов в России осуществляется в контексте анализа сложного и противоречиво развивающегося процесса институционализации судебной власти. Авторы понимают этот процесс как обретение судебной властью присущей ей правовой природы в рамках наполнения адекватным правовым содержанием закрепленных в этой сфере организационных форм и правовых статусов и выделяют в процессе ряд этапов. Эра судов рассматривается как новый перспективный этап институционализации судебной власти, в рамках которого наиболее полно будет реализована её правовая природа, изменены её место и роль в трансформации политико-правовой и социально-экономической сфер России.

Методы. Исследование базируется на использовании общенаучных, частнонаучных и специальных методов познания. В работе применяются историко-правовой, сравнительно-правовой, формально-юридический методы, а также редко используемый прогностический метод.

Результаты. В работе рассматриваются факторы, лежащие в основе становления нового этапа институционализации судебной власти, прогнозируются его содержательные характеристики, в частности, производность от институциональных и политических факторов, базирование судебной власти в глазах общества и властных структур на высоком общественном авторитете, выход судов за рамки традиционнo понимаемой их юрисдикции, включая передачу в суды спорных вопросов откровенно политического характера и значения, трансформация существующей модели решения социальных конфликтов путём дополнения традиционной политической модели значимым судебным элементом.

В статье охарактеризовано авторское понимание роли судебной власти в общественном развитии в качестве драйвера роста, как института, обеспечивающего стабильность и эффективность функционирования установленных правовых форм социального и хозяйственного оборотов, и правовые пределы активности властных структур.

Автор осуществляет формально-правовое измерение осуществляемых шагов по институционализации российской судебной власти, прежде всего в рамках обновленной Конституции РФ. Констатируется, что судебная власть в современных условиях не во всём проявляет заложенную в ней правовую природу, обеспечивающую устойчивое и динамичное развитие страны.

Ключевые слова: судебная власть, эра судов, право, институционализация, политико-правовая трансформация, драйвер роста

Для цитирования: Очерedyкo В. П., Очерedyкo О. В. Эра судов в политико-правовой трансформации России: идеи и реалии // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 3 (99). – С. 86–93; doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-86-93.

Viktor P. Ocheredko

Dr. Sci. (Jurid.), Professor

<https://orcid.org/0000-0002-6552-453X>, ocheredkovp@mail.ru

Oleg V. Ocheredko

Cand. Sci. (Jurid.)

<https://orcid.org/0000-0002-0950-6492>, olegocher@gmail.com

Russian State University of Justice

5, Alexander Park str., Saint Petersburg, 197046, Russian Federation

The era of courts in the political and legal transformation of Russia: ideas and realities

Abstract: Introduction. The author, proceeding from the understanding that the discussion and construction of the image of the future makes it possible to find answers to the challenges of the time, invites you to discuss the idea of the «era of courts» expressed in Russia. The development of the conceptual foundations of the judiciary development is an element of the formation of the law of the future, the contours of the future political and legal sphere of the country.

The discussion of the era of courts in Russia is carried out in the context of the analysis of the complex and contradictory process of institutionalization of the judiciary. The author understands this process as the acquisition by the judiciary of its inherent legal nature within the framework of filling it with adequate legal content of the organizational forms and legal statuses enshrined in this area and identifies a number of stages in the process. The era of courts is considered as a new promising stage in the institutionalization of the judiciary, within the framework of which its legal nature will be most fully realized, and its place and role in the transformation of the political, legal and socio-economic spheres of Russia have been changed.

Methods. The research is based on the use of general scientific, private scientific and special methods of cognition. The work uses historical-legal, comparative-legal, formal-legal methods. In the course of the study, a rather rarely used prognostic method was applied.

Results. The paper examines the factors underlying the formation of a new stage in the institutionalization of the judiciary, its substantive characteristics are predicted, in particular, derivation from institutional and political factors, basing the judiciary in the eyes of society and power structures on high public authority, the courts going beyond their traditionally understood jurisdiction, including the referral to the courts of controversial issues of an overtly political nature and significance, transformation of the existing model for resolving social conflicts by supplementing the traditional political model with a significant judicial element.

The article characterizes the author's understanding of the role of the judiciary in social development as a driver of growth, as an institution, ensuring the stability and efficiency of the functioning of the established legal forms of social and economic turnover, and legal limits to the activity of power structures.

The author carries out a formal legal measurement of the steps taken to institutionalize the Russian judiciary, primarily within the framework of the updated Constitution of the Russian Federation. It is stated that the judiciary in modern conditions does not fully manifest the legal nature inherent in it, ensuring sustainable and dynamic development of the country.

Keywords: judicial power, the era of courts, law, institutionalization, political and legal transformation, growth driver

For citation: Ocheredko V. P., Ocheredko O. V. The era of courts in the political and legal transformation of Russia: ideas and realities // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – № 3 (99). – С. 86–93; doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-86-93.

Введение

Суды, судебная власть имеют большое значение в жизни общества, а потому всегда были объектом широкого исследовательского интереса. Исторический опыт развития судебной сферы подвергается глубокому анализу, и прежде всего – история проведения судебных реформ. Вместе с тем исследуются и многочисленные проблемы современного развития российской судебной системы. Чрезвычайно важным пред-

ставляется взгляд на будущее этой важной государственно-правовой сферы, определение её контуров. Между тем существует очевидный дефицит исследований прогностического характера, направленных на формирование образа будущего отечественной судебной власти. Одним из немногих документов подобного рода является Концепция судебной реформы в РСФСР, в значительной мере базирующаяся на демократических ценностях и сыгравшая конструирую-

щую роль в становлении судебной власти постсоветской России.

Дефицит новых идей в судебной сфере как важного элемента формирования права будущего лишает нас возможности адекватно реагировать на вызовы современности. Тем ценнее выглядят прогностические идеи, направленные на осмысление и проектирование контуров будущей политико-правовой сферы и места в ней судебной власти. Едва ли можно считать российскойскую правовую систему настолько совершенной, чтобы не задаваться этими вопросами.

К числу таких идей, на наш взгляд, относится положение об «эре судов». Идея эры судов как перспективы политико-правовой трансформации России высказана еще в 2018 году Д. А. Медведевым в бытность его премьер-министром России в статье для журнала «Закон», посвященной 25-летию Конституции РФ [5, с. 12–14]. В ней Д. А. Медведев прогнозирует наступление в России эры судов. Именно судебная власть, по его мнению, неизбежно станет «драйвером» преобразований, которые позволят продвигаться к воплощению идеалов демократического государства. По сути, он провозглашает необходимость и значимость принципиально нового места и роли судебной власти в общественном развитии России и выражает оптимизм в определении перспектив этого процесса.

К сожалению, идея не вызвала большого интереса у читателей. Немногочисленные отзывы на эту идею в основном были негативно-ироничными¹. Что совершенно точно, так это отсутствие глубокого профессионального разговора на эту тему, которая является, на наш взгляд, одной из ключевых в определении перспектив политико-правовой трансформации России, усиления её конкурентоспособности во всё обостряющейся борьбе идей, потенциалов и достигнутых результатов. В сложившейся ситуации при существующем соотношении сил едва ли можно считать разумным упустить любую возможность перспективного взгляда на трансформацию отечественной политико-правовой системы.

Обсуждение исторического развития роли и места судебной власти в политико-правовой трансформации, по нашему мнению, является исключительно значимым в теоретическом и практическом плане. Идея заслуживает пристального и заинтересованного обсуждения уже хотя бы потому, что определяет новый вектор в развитии теории судебной власти, позволяющий в дополнение к знаниям, полученным в рамках традиционных подходов к анализу судебной власти, ориентированных на позна-

ние механизмов функционирования, получить новое знание о судебной власти в контексте политико-правовой трансформации страны. Она разворачивает анализ судебной власти в направлении размышлений об императивах современного развития страны и существующих ограничениях на этом пути.

Обсуждение идеи предполагает более глубокое осмысление специфики реализации концепции разделения властей в России, а не просто догматическое толкование схемы Ф. Монтескье с устоявшимся «разделением», а не «распределением» властей, которое ставилось под сомнение ещё дореволюционными учёными² [3, с. 203–204], углублённую разработку наших представлений о правовом государстве и особой роли судебной власти в его развитии, понимание правовой природы судебной власти в соотношении с другими ветвями власти. Разработка этих и многих других теоретических проблем необходима для того, чтобы в практическом плане утвердить судебную власть в государственном механизме в качестве самостоятельной и влиятельной силы.

Методы

В исследовании наряду с использованием историко-правового, сравнительно-правового и формально-юридического методов предприняты шаги по преодолению очевидного дефицита исследований прогностического характера, направленных на формирование образа будущего отечественной судебной власти. Для получения нового знания о судебной власти она помещена в контекст анализа сложного и противоречиво развивающегося процесса институционализации рассматриваемого явления.

Результаты

При всей нестандартности формулировки «эра судов» не отрицает существующего понимания природы судебной власти, её места и роли в развитии общества, а ориентирует исследование на перспективу. Мечта о суде независимом, справедливом, окончательном арбитре права имеет глубокие исторические корни. Ещё в 1912 г. известный конституционалист В. Набоков возлагал на суд надежды как на противостояние злу и беззаконию в России: «Тщетно чтут законность, попирая её на деле. В русской жизни это поправление – всем язвам язва... Наиболее общим результатом такого положения является то неуважение к закону..., которым проникнута вся администрация снизу и доверху... Противовесом этому злу могла бы служить деятельность суда, восстанавливающего действие закона во всех случаях его нарушения, – суда независимого, нелицеприятного, свободного от политики, не считающегося ни с чем, кроме велений закона, и ставящего своей первой и главной задачей доставление торжества этому закону. Есть ли у нас такой суд?» [4, с. 103, 107, 108].

¹ «Эра судов» как будущее России. Почти недостижимое [Электронный ресурс] // NG.RU : сайт. – URL: https://www.ng.ru/editorial/2018-12-12/2_7461_red.html (дата обращения: 30.11.2021); В России может наступить «эра судов», считает Медведев [Электронный ресурс] // RIA.RU : сайт. – URL: <https://ria.ru/20181212/1547837276.html> (дата обращения: 30.11.2021); Медведев назвал «эру судов» способом достижения идеала в развитии России [Электронный ресурс] // РБК : сайт. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/12/12/2018/5c1022519a7947c28722eb1f> (дата обращения: 30.11.2021) и др.

² Коркунов Н. М. История философии права. Пособие к лекциям: изд. 6-е. – Санкт-Петербург: Тип. М. М. Стасюлевича, 1915. – 502 с.

Обсуждение эры судов в России вполне укладывается, на наш взгляд, в контекст анализа сложного и противоречиво развивающегося процесса институционализации судебной власти. Он понимается нами как обретение судебной властью присущей правовой природы в рамках наполнения закреплённых в этой сфере правовых статусов и организационных форм адекватным правовым содержанием. Развитие процесса институционализации судебной власти включает ряд этапов (стадий) [6, с. 36–47].

Первый этап – формирование и становление института судебной власти, начинающийся с закладывания её конституционных основ в рамках принятой в 1993 году Конституции РФ и завершающийся формированием нормативно-правового каркаса. В результате в конце XX – начале XXI вв. в стране созданы необходимые институциональные, материально-правовые и процессуально-правовые основы судебной власти в России: сформировано конституционное правосудие, экономическое судопроизводство, восстановлены суды присяжных, создана система мировых судей, воссоздана служба судебных приставов и многое другое.

Развитие институционализации судебной власти не только в рамках формирования нормативно-правовых основ, а также в условиях значимого социального контекста предопределяет выделение второго этапа – легитимизации судебной власти, т. е. её адаптации к существующим правовой и социальной системам, традициям и неформальным нормам и практикам, в конечном счёте приобретение ею ценности и устойчивости в общественном сознании. Судебная власть находится сейчас на этой стадии. Её необходимость и продолжительность в значительной мере обусловлены масштабами рецепции правовых норм и институтов иностранного происхождения в нашу правовую систему.

Нашей желательной перспективой является переход на третью (высшую) стадию развития судебной власти, которую вполне допустимо назвать эрой судов – т. е. такое состояние судебной власти, когда в наибольшей мере реализуется её природа, характеризующаяся органическим «симбиозом» власти и права и обусловленная эффективной арбитрабельностью. Симбиоз власти и права, как известно, проявляется в том, что суд «вырастает» из права, подчинен праву, руководствуется в своей деятельности правом, использует правовые инструменты, достигает правового результата – защиты и восстановления нарушенных прав и законных интересов субъектов права.

Эта стадия институционализации судебной власти характеризуется наиболее полным проявлением указанных свойств суда, позволяющим занять особое место в политико-правовой трансформации государства, выполнять функции вне зависимости от возмущающего воздействия широкого круга факторов, носящих как объективный, так и субъективный характер.

Развитие судебной власти в намеченной перспективе имеет в своей основе ряд факто-

ров. В их числе базовое значение принадлежит, на наш взгляд, юридизации общественных отношений. Юридизация социума – это процесс, с помощью которого люди всё больше склонны думать о себе и других как о субъектах права. При этом важно понимать, что правовые рамки принимаются людьми не только потому, что они удовлетворяют определенным правовым стандартам, но также потому, что они являются выражением определенной формы их жизни [8, с. 215–220].

Распространение правовых норм на сферу социальных отношений в значительной мере обуславливает развитие судебного способа разрешения социальных конфликтов с опорой на правовые нормы и процедуры, в которых за основу принимается поиск процедурной справедливости. Исследователи видят в этом объективные основания, состоящие в эволюционирующем разделении труда и снижении межличностной солидарности внутри общества [11, с. 724].

Наступление эры судов зиждется также на расширении границ полномочий судов по определению правовых пределов государственной власти в сфере прав, свобод и законных интересов субъектов права, прежде всего трудовых прав, прав граждан на неприкосновенность частной жизни. Расширение масштабов деятельности судов в силу того, что инициатива в судебном разбирательстве принадлежит носителям прав, можно охарактеризовать как юрисдикционную мобилизацию носителей прав, как юстификацию снизу.

Важное значение также имеет возрастание общественного авторитета судебных органов, высокая степень консолидации общества, прежде всего властных структур, в отношении к судебной власти. Очевидно, что инициатива в передаче судам решения политических вопросов может исходить от других ветвей власти лишь при уверенности в том, что суды скорее всего будут принимать их в целом в соответствии с культурными предпочтениями и политикой, направленной на решение ключевых проблем общества и государства.

Следует понимать, что изменение места и возрастание роли судов определяется взаимодействием институциональных и политических факторов, в значительной мере находящихся за пределами собственно судебной власти. Политики активно обращаются к правовым средствам для достижения политических целей. Политическая инициатива лежит в основе как конкретных проявлений активности суда в принятии судьбоносных решений, так и в недопущении принятия такого решения под видом противостояния необоснованному судебному активизму. У других ветвей власти имеется достаточно большой набор инструментов воздействия на судей, в частности, механизмы формирования состава судей, процедуры наделения и прекращения полномочий, изменение юрисдикционных полномочий суда, игнорирование или затягивание выполнения нежелательных решений и другие.

Возрастающая роль и значение судов может иметь различные проявления в зависимости от политико-правовых условий и правовых традиций в каждой стране. В странах Запада новая роль судов рассматривается уже не как перспектива, а как реальность, когда всё в обществе испытывается на прочность с помощью юридических исков. Очевидным проявлением возрастания роли и значения судебной власти является тенденция выхода судов за пределы традиционно понимаемой юрисдикции, в частности, рассмотрение в судах спорных вопросов откровенно политического характера и значения. Нарастающая судебная регламентация политической сферы определяется на Западе как юстификация политики (*judicialization of politics*) и является, по мнению исследователей, одним из наиболее значительных явлений конца XX – начала XXI века [12].

Этот процесс нарастает во всем мире как в странах «старой», так и «новой» демократий³ [9; 14; 15]. Выход высших судов за рамки традиционной юрисдикции, подключение к решению собственно политических вопросов является фактором эволюции разделения властей, оказывая серьёзное влияние на механизмы принятия решений во властных структурах. В рамках этого процесса происходит трансформация существующей модели решения социальных конфликтов, когда традиционная политическая модель дополняется значимым судебным элементом. В результате формируемая модель становится более сложной, включающей дополнительные акторов, сочетающей разные принципы и механизмы принятия решений. Политическое решение базируется, как известно, на признании ценностей, предполагает согласование интересов и принимается большинством. Судебное разрешение конфликта основано на отказе от значимости «ценностей», от принципа большинства и допущении «единственно верного решения». Иногда утверждается, что в результате происходит модернизация политической модели за счёт судебной. Однако нельзя не видеть противоречивости развивающегося процесса.

Сворачивание ценностного подхода в сочетании с развитием судебного «технократизма» способно породить не до конца осознаваемые перспективы в эволюции политической сферы общества. Вероятны опасности деформации представительской системы народовластия, когда законодатели и политики уходят от ответственности за решение политических вопросов. Подобные опасения имеют, на наш взгляд, в своей основе реалистическую оценку, признающую необходимость учёта возможных сложностей в рамках развивающихся процессов.

Рассуждения об эре судов как новой стадии институционализации судебной власти, по сути, сводятся к определению перспективы занятия судами нового места и роли в общественном

развитии России. Безусловно, нельзя отрицать существенный прогресс в совершенствовании судебной сферы в постсоветской России. За 30 лет мы сумели создать судебную систему новой конфигурации, обладающую набором самых передовых институтов и правовых инструментов. Независимая оценка качества судебной сферы стран Европы, проведенная Европейской комиссией по эффективности правосудия Совета Европы, определила российскую судебную систему наиболее технологически развитой и наименее финансово затратной в сравнении с судами 47 западных государств⁴.

Российские суды, прежде всего высшие судебные органы, вовлечены в формирование и реализацию правовой политики. Они являются активными субъектами обсуждения и развития процессов конституционализации, разрабатывают судебно-доктринальные подходы к совершенствованию законодательства, активно реализуют право законодательной инициативы в развитии судебной сферы страны.

Высшие суды, прежде всего Конституционный Суд РФ, также втягиваются в решение политических вопросов, имеющих судьбоносное значение для страны. Ещё в начале демократического этапа России Конституционный Суд РФ был привлечен к оценке конституционности трёх нормативно-правовых актов, связанных с восстановлением конституционной законности на территории Чеченской Республики. Именно тогда Суд занял позицию, что сохранение территориальной целостности и единства России является непоколебимым принципом, исключающим возможность одностороннего вооружённого отделения в любом федеративном государстве⁵. Поиском легитимности принимаемых политических решений может объясняться запрос Президента РФ в Конституционный Суд РФ за заключением по обновленной Конституции РФ. Однако, по нашему мнению, вряд ли стоит рассматривать это в качестве фактов развивающейся судебной регламентации политической сферы.

Уточнения требует часто повторяемое обращение к особой роли судов в политико-правовой трансформации России. Автор идеи «эры судов» отводит судам ключевую роль в общественном развитии в качестве драйверов роста [5, с. 14]. Понятие драйвера достаточно новое для юридической науки и нуждается в соответ-

⁴ Российская газета. – Федеральный выпуск. – 2020. – № 250 (8304). – 6 нояб.

⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 31 июля 1995 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации от 30 ноября 1994 года № 2137 «О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики)», Указа Президента Российской Федерации от 9 декабря 1994 года № 2166 «О мерах по пресечению деятельности незаконных вооружённых формирований на территории Чеченской Республики и в зоне осетино-ингушского конфликта» [Электронный ресурс] // Доступ из ИПП «Гарант»: сайт. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12011603/> (дата обращения: 20.10.2021).

³ Fischer Alexander. The Judicialisation of Politics in India: Origins and Consequences of the Power of the Indian Supreme Court // Ruprecht-Karls-Universität Heidelberg Fakultät für Wirtschafts- und Sozialwissenschaften.

ствующей конкретизации. В современной литературе, прежде всего экономической, существуют разные толкования понятия «драйвер роста». Весьма часто [2, с. 120–133] этот термин рассматривается как синоним понятий «источник роста», «локомотив роста», некий внутренний мотор, придающий дополнительный импульс. Едва ли мы можем определять судебную власть в качестве источника развития, например, в сфере экономики, где основные стимулы развития суть явления, имеющие натуральные, денежные показатели. Судебная власть по определению не может являться источником развития в силу своей правовой природы. Она по природе своей инертна, нуждается в активации своей деятельности в виде иска, заявления и т. д. Она призвана обеспечить эффективность и стабильность в обеспечении прав, другими словами, игру по правилам, верховенство права. Но эти правила в виде законов разрабатывает не она. Можно ли утверждать, что обеспечение стабильности правовых основ, верховенства права является внутренним стимулом экономического развития? Вероятно, нет. Не стоит возлагать на судебную власть ожиданий, не свойственных её природе. Это уберезет нас от необоснованных разочарований при оценке итогов развития. Но от этого её роль и значение не станут менее значимыми.

В других работах подчеркивается различие между «точкой роста» и «драйвером роста» как механизмом, обеспечивающим связь между источником роста и функционирующей системой [2, с. 125; 7, с. 61].

Представляется более обоснованным применительно к характеристике роли судебной власти в политико-правовой трансформации общества второе понимание драйвера роста. Драйверами в этом понимании являются различные институты, которые сами по себе не обеспечивают развития, а только формируют его условия. Институт может выступать драйвером общественного развития, обеспечивая присущими своей сфере инструментами оптимальную связь и согласованное взаимодействие различных явлений социально-экономической, политико-правовой сфер деятельности. Это в полной мере относится к институту судебной власти, когда обеспечивается стабильность и эффективность функционирования установленных правовых форм социального и хозяйственного оборота и правовые пределы активности властных структур. Эффективное правосудие, формирование единообразной судебной практики, основанной на правильном понимании духа и буквы закона, создаёт благоприятную правовую среду, комфортные условия для ведения бизнеса и улучшения качества жизни людей.

Мы должны констатировать, что судебная власть далеко не всегда проявляет заложенную в ней правовую природу, позволяющую ей выступать окончательным арбитром права, обеспечивая политико-правовую трансформацию, динамичное социально-экономическое развитие страны. Судебная власть в стране восприни-

мается больше как специализированная институциональная система, чем как самостоятельная власть.

Россия остро нуждается в новом месте и роли судебной власти в общественном развитии. Если признать исторически и онтологически обоснованным положение В. Д. Зорькина: «Без правовой модернизации у России нет будущего!» [1, с. 69], то, безусловно, столь же очевидным, на наш взгляд, является признание необходимости новой роли судов.

Роль судебной власти как окончательного арбитра права определяется, как известно, её статусом, которым она наделяется законодательной и исполнительной властями посредством определённых юридических процедур в соответствии с национальной моделью разделения властей.

В этих условиях особенно важно проанализировать новации в судебной сфере, содержащиеся в обновленной Конституции РФ, с точки зрения соответствия возлагаемым на судебную власть надеждам, её возможности способствовать политико-правовой трансформации страны, её динамичному и бесконфликтному социально-экономическому развитию. Прежде всего следует отметить, что в обновленной Конституции РФ сохранился концепт судебной власти, заложенный в предшествующей редакции. Вместе с тем коррективы в судебной сфере достаточно масштабны. В результате заложенный в предшествующей редакции Конституции РФ крен в сторону исполнительной власти в системе разделения властей приобрёл ещё большую определённость.

Существенными являются положения, которые расширили полномочия Президента РФ и законодательной ветви власти в их влиянии на судебную власть и создали новые конституционные реальности самостоятельности суда и независимости судей. Наиболее значимым в политико-правовом смысле является создание конституционно определённого порядка прекращения полномочий судей Верховного Суда РФ, Конституционного Суда РФ, кассационных и апелляционных судов. По сути, создана новая модель независимости судей, когда механизмы конституционно-правовой ответственности судей высших судов выходят за пределы собственно судейского сообщества на общегосударственный уровень и передаются Президенту РФ и Совету Федерации РФ.

Проблема самостоятельности судов и независимости судей в осуществлении правосудной деятельности актуализируется в связи с тем, что в результате внесённых изменений приобрело определённость сращивание института президента с исполнительной властью. В этих условиях реализация сохраняющихся конституционных ограничений в деятельности исполнительной власти приобретает особое значение и может быть осуществлена лишь посредством суда в качестве окончательного арбитра права, определяющего правовые пределы исполнительной власти.

Институционализация судебной власти осуществляется не только в формально-правовом измерении, этот процесс в значительной мере опосредован социальной составляющей. Существование этих двух компонентов проявляется в выделении в статусе судебной власти его двух измерений: де-юре и де-факто и существенного несоответствия между ними. Масштабы этого несоответствия определяются социальной составляющей, его элиминирование сопровождается обнаружением имманентных свойств судебной власти и переходом её на новую ступень развития.

Игнорирование существующего различия между статусом суда де-юре и де-факто (между формальным закреплением и реальным осуществлением предоставленных прав и возможностей) может существенно исказить наши оценки о политической значимости судебной власти и роли судов в обществе в целом.

Заключение

Привлечение внимания к развивающемуся отечественному институту судебной власти представляется верным, актуальным и востребованным. Судебная власть является важным элементом и фактором политико-правовой трансформации страны и находится в процессе становления.

Институционализация судебной власти представляет собой сложный процесс обретения присущей ей правовой природы, проходящий в своем развитии несколько стадий наполнения закреплённых правовых форм и процедур

адекватным правовым содержанием. Современное состояние судебной власти не отвечает требованиям сегодняшнего дня. Все разрабатываемые программы реформирования неизменно включают в качестве необходимого элемента судебную реформу. Страна настоятельно нуждается в новом месте и роли судебной власти, и неважно, как назвать это состояние – «эрой судов» или по-другому.

Развитие института судебной власти характеризуется неуклонно развивающейся юрисдикцией социальных отношений, расширением масштабов судебной деятельности, возрастанием авторитета суда в глазах общества и властных структур, внедрением судебной регламентации в политическую сферу. Развитие юстификации политики в каждой стране обусловлено широким набором политико-правовых факторов, религиозной и культурной традицией, определяющими её перспективы в России.

В обновленной Конституции расширены полномочия Президента РФ и законодательной ветви власти в их влиянии на судебную власть, что создает новые конституционные реальности самостоятельности суда и независимости судей, меняет российскую конфигурацию разделения властей не в пользу судебной власти. В результате не во всём могут быть реализованы заложенные в природе судебной власти возможности «окончательного арбитра права», способствующие закреплению верховенства права как важнейшего условия социально-экономического и политико-правового развития страны.

Список литературы

1. Зорькин В. Д. Буква и дух Конституции // Российская газета. – 2018. – № 7689 (226). – 9 окт.
2. Иванова Л. Н., Терская Г. А. Точки роста и драйверы роста: к вопросу о содержании понятий // Журнал институциональных исследований. – 2015. – Т. 7. – № 2. – С. 120–133.
3. Кожевников В. В. К вопросу об исторических этапах становления и развития отечественной философии права // Вестник ОмГУ. Серия. Право. – 2017. – № 2 (51). – С. 40–44.
4. Русский конституционализм в период думской монархии / Ин-т «Открытое общество»; сост. А. В. Гоголевский, Б. Н. Ковалев. – Москва: Гардарики, 2003. – 490 с.
5. Медведев Д. А. 25 лет Конституции: баланс между свободой и ответственностью // Закон. – 2018. – № 12. – С. 8–16.
6. Очередыко В. П. Проблемы институционализации судебной власти в России // Российское правосудие. – 2017. – № 6 (134). – С. 36–47.
7. Рыжкова М. В., Спицын В. В. Драйверы роста и стимулирующие мероприятия по развитию высокотехнологичных отраслей // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. – 2020. – Т. 13. – № 4. – С. 57–73.
8. Хабермас Ю. Борьба за признание в демократическом государстве / Включение другого / Кьяран Кронин и Пабло де Грейфф (ред.). – Кембридж, Массачусетс: MIT Press, 1998. – С. 215–220.
9. Chien-Chih Lin. Autocracy, democracy, and juristocracy: the wax and wane of judicial power in the four asian tigers // 48 Georgetown Journal of International Law. – P. 1063–1145.
10. Воронов Е. Н. Система и принципы судебного права // Lex Russica. – 2018. – № 2 (135). – С. 65–76.
11. Hirschl Ran. The New Constitutionalism and the Judicialization of Pure Politics Worldwide. Fordham Law Review. – 2006. – Vol. 75, – №. 2. – P. 721–754.
12. Hirschl Ran. The Judicialization of Politics. The Oxford Handbook of Political Science Edited by Robert E. Goodin Print Publication Date: Jul 2008. – 23 p. DOI:10.1093/oxfordhb/9780199604456.013.0013.
13. Keck Thomas. Judicial Politics in Polarized Times, Chicago: University of Chicago Press. – 2014. – 361 p. DOI: <https://doi.org/10.7208/9780226182551>.
14. Sallon Hélène. The Judicialization of Politics in Israel // Promoting Arab Collective Claims in the Judicial Arena. – 2005. – pp. 287–300.

15. Sieder Rachel. Revisiting the Judicialization of Politics in Latin America. *Latin American Research Review*. – 2020. – № 55 (1). – P. 159–167. DOI: <https://doi.org/10.25222/larr.772>.

References

1. *Zor'kin V. D.* Bukva i dukh Konstitutsii // *Rossiyskaya gazeta*. – 2018. – № 7689 (226). – 9 oktyabrya.
2. *Ivanova L. N., Terskaya G. A.* Tochki rosta i drayvery rosta: k voprosu o sodержanii ponyatiy // *Zhurnal institutsional'nykh issledovaniy*. – 2015. – Т. 7. – № 2. – S. 120–133.
3. *Kozhevnikov V. V.* K voprosu ob istoricheskikh etapakh stanovleniya i razvitiya otechestvennoy filosofii prava // *Vestnik OmGU. Seriya. Pravo*. – 2017. – № 2 (51). – S. 40–44.
4. *Russkiy konstitutsionalizm v period dumskoy monarkhii* / In-t «Otkrytoye obshchestvo»; sost. A. V. Gogolevskiy, B. N. Kovalev. – Moskva: Gardariki, 2003. – 490 s.
5. *Medvedev D. A.* 25 let Konstitutsii: balans mezhdu svobodoy i otvetstvennost'yu // *Zakon*. – 2018. – № 12. – S. 8–16.
6. *Ochered'ko V. P.* Problemy institutsionalizatsii sudebnoy vlasti v Rossii // *Rossiyskoye pravosudiye*. – 2017. – № 6 (134). – S. 36–47.
7. *Ryzhkova M. V., Spitsyn V. V.* Drayvery rosta i stimuliruyushchiye meropriyatiya po razvitiyu vysokotekhnologichnykh otrasley // *Nauchno-tekhnicheskiye vedomosti SPbGPU. Ekonomicheskkiye nauki*. – 2020. – Т. 13. – № 4. – S. 57–73.
8. *Khabermas Yu.* Bor'ba za priznaniye v demokraticheskom gosudarstve / *Vklyucheniye drugogo / K'yanan Kronin i Pablo de Greyff* (red.). – Kembridzh, Massachusetts: MIT Press, 1998. – S. 215–220.
9. *Chien-Chih Lin.* Autocracy, democracy, and juristocracy: the wax and wane of judicial power in the four asian tigers // *48 Georgetown Journal of International Law*. – P. 1063–1145.
10. *Voronov Ye. N.* Sistema i printsipy sudebnogo prava // *Lex Russica*. – 2018. – № 2 (135). – S. 65–76.
11. *Hirschl Ran.* The New Constitutionalism and the Judicialization of Pure Politics Worldwide. *Fordham Law Review*. – 2006. – Vol. 75, – №. 2. – P. 721–754.
12. *Hirschl Ran.* The Judicialization of Politics. *The Oxford Handbook of Political Science* Edited by Robert E. Goodin Print Publication Date: Jul 2008. – 23 p. DOI:10.1093/oxfordhb/9780199604456.013.0013.
13. *Keck Thomas.* *Judicial Politics in Polarized Times*, Chicago: University of Chicago Press. – 2014. – 361 p. DOI: <https://doi.org/10.7208/9780226182551>.
14. *Sallon Hélène.* The Judicialization of Politics in Israel // *Promoting Arab Collective Claims in the Judicial Arena*. – 2005. – P. 287–300.
15. *Sieder Rachel.* Revisiting the Judicialization of Politics in Latin America. *Latin American Research Review* 55 (1). – 2020. – P. 159–167. DOI: <https://doi.org/10.25222/larr.772>.

Статья поступила в редакцию 20.03.2023; одобрена после рецензирования 19.04.2023; принята к публикации 22.06.2023.

The article was submitted March 20, 2023; approved after reviewing April 19, 2023; accepted for publication June 22, 2023.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Научная статья
УДК 342.9
doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-94-101

Ольга Валентиновна Панфилова

кандидат юридических наук

<https://orcid.org/0009-0001-7199-3850>, olga-gusar@yandex.ru

Николай Викторович Демченко

кандидат юридических наук

vdemchenko@yandex.ru

*Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина
Российская Федерация, 308024, Белгород, ул. Горького, д. 71*

Предупреждение органами внутренних дел на транспорте административных правонарушений в сфере незаконной добычи водных биологических ресурсов

Аннотация: **Введение:** определяющей целью нашего государства в области использования и охраны водных биоресурсов является всестороннее обеспечение выполнения законодательства не только хозяйствующих, но и всех заинтересованных субъектов, направленного на бережливое отношение к биологическим природным ресурсам. Рыболовство у некоторых малочисленных северных народов России является средством их существования, а например, в прибрежных регионах Камчатского, Приморского, Сахалинского края и некоторых других, рыбное хозяйство является основным видом трудоустройства проживающего там населения. Несмотря на это, не следует забывать, что биологические ресурсы как продовольственное сырье восстанавливаются при условиях его рационального использования и контроля со стороны государства. Непродуманное и нерациональное использование биологических ресурсов приведёт в конечном итоге к полному исчезновению водных биологических ресурсов.

За последние годы в Российской Федерации зафиксирован значительный рост правонарушений, связанных с использованием водных биологических ресурсов. В связи с этим правоохранительные органы, государственные органы контроля и надзора в сфере охраны водных биологических ресурсов совместно проводят много профилактических мероприятий по противодействию таким правонарушениям и выявлению причин и условий их совершения.

Методы. При подготовке статьи использованы исследовательский метод, методы анализа действующего законодательства, а также доступных статистических показателей деятельности территориальных органов внутренних дел МВД России на транспорте и иных государственных структур, осуществляющих надзор, контроль и охрану водных биологических ресурсов.

Результаты. В данной статье рассматриваются административные правонарушения в сфере незаконной добычи водных биологических ресурсов и профилактические меры, предпринимаемые органами внутренних дел на транспорте по предупреждению рассматриваемых нарушений. Анализируется статистика профилактических мероприятий, проведённых совместно с территориальными органами внутренних дел на транспорте и иными государственными структурами, осуществляющими надзор, контроль и охрану водных биологических ресурсов. Также выделяются основные направления деятельности и меры, предпринимаемые соответствующими органами по предупреждению правонарушений в сфере незаконной добычи водных биологических ресурсов.

Ключевые слова: предупреждение административных правонарушений, водные биологические ресурсы, незаконная добыча, транспортная полиция, профилактические меры

Для цитирования: Панфилова О. В., Демченко Н. В. Предупреждение органами внутренних дел на транспорте административных правонарушений в сфере незаконной добычи водных биологических ресурсов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 3 (99). – С. 94–101; doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-94-101.

Olga V. Panfilova

Cand. Sci. (Jurid)

<https://orcid.org/0009-0001-7199-3850>, olga-gusar@yandex.ru

Nikolay V. Demchenko

Cand. Sci. (Jurid)

vdemchenko@yandex.ru

*Belgorod Law Institute of the MIA of Russia named after I. D. Putilin
71, Gorky str., Belgorod, 308024, Russian Federation*

Prevention activities by transport police agencies toward administrative offences in the sphere of illegal exploitation of aquatic biological resources

Abstract: Introduction. The fundamental goal of our state in the sphere of the use and protection of aquatic biological resources is the comprehensive enforcement of the legislation not only by economic entities, but also by all parties concerned, aimed at conservation of biological natural resources. Fishing for some small northern peoples of Russia is their means of existence, and for example, in the coastal regions of Kamchatka, Primorsky and Sakhalin Territory and some others, fishing is the main type of employment for the population living there. Despite this, it should not be forgotten that biological resources as alimentary raw materials are restored under conditions of their rational use and control by the state. Ill-considered and irrational use of biological resources will ultimately lead to the complete disappearance of aquatic biological resources.

In recent years, a significant increase in offenses related to the use of aquatic biological resources has been recorded in the Russian Federation. In this regard, law enforcement agencies, state control and supervision bodies in the sphere of protection of aquatic biological resources jointly carry out many preventive measures to counter such offenses and to identify the causes and conditions of their commission.

Methods. Working on the paper, we used the research method, methods of analysis of the current legislation, as well as available statistical indicators of the activities of territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia on transport and other government institutions exercising supervision, control and protection of aquatic biological resources.

Results. This article discusses administrative offenses in the sphere of illegal harvesting of aquatic bioresources and preventive measures taken by transport police agencies to hinder the violations in question. The statistics of preventive measures carried out by territorial law enforcement bodies on transport and other government institutions exercising supervision, control and protection of aquatic biological resources are analyzed. The main areas of activity and measures taken by the relevant authorities to prevent offenses in the sphere of illegal harvesting of aquatic biological resources are also highlighted.

Keywords: prevention of administrative offenses, aquatic biological resources, illegal harvesting, transport police, preventive measures

For citation: Panfilova O. V., Demchenko N. V. Prevention activities by transport police agencies toward administrative offences in the sphere of illegal exploitation of aquatic biological resources // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – № 3 (99). – P. 94–101; doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-94-101.

Введение

Российская Федерация обладает колоссальными запасами природных ресурсов. Наиболее важной составляющей окружающей среды являются животный и растительный миры, в том числе и водные биологические ресурсы [1, с. 242].

По мнению Н. В. Ткачевой, одной из мер защиты природных ресурсов можно считать их административно-правовую охрану, что подтверждается наличием в административном законодательстве России ряда составов правонарушений [2, с. 82].

Предупреждение как деятельность уполномоченных органов и их должностных лиц содер-

жит в себе совокупность мер, направленных на недопущение совершения правонарушений [3, с. 83]. Предупреждение правонарушений, связанных с незаконным использованием водных биологических ресурсов, играет ведущую роль в механизме правового обеспечения экологической безопасности, являющегося одной из основных составляющих системы национальной безопасности Российской Федерации в целом [4, с. 105].

Вопросами предупреждения административных правонарушений так же, как и преступности, занимается целый ряд ведущих учёных-криминологов, которые установили основные принципы профилактики [5, с. 159].

Следует заметить, что в области защиты окружающей среды, помимо уголовно-правового, немаловажную роль играет механизм административного принуждения, а именно, меры административной ответственности [6, с. 76] за нарушение правил охоты, правил, регламентирующих рыболовство и другие виды пользования объектами животного мира, предусмотренные Кодексом РФ об административных правонарушениях и законами субъектов.

Основным способом борьбы с указанными правонарушениями является проведение комплекса мер с участием большинства служб полиции [7, с. 145].

В своей деятельности территориальные органы внутренних дел на водном транспорте руководствуются приказом МВД России от 28 марта 2015 года № 381 «Об организации взаимодействия территориальных органов МВД России на железнодорожном, водном и воздушном транспорте с иными территориальными органами МВД России и разграничении объектов оперативного обслуживания»¹, который не только регламентирует порядок разграничения объектов оперативного обслуживания между территориальными органами МВД России на железнодорожном, водном и воздушном транспорте и иными территориальными органами МВД России, но и возлагает на сотрудников транспортной полиции обязанности по предупреждению правонарушений [8, с. 118–119], в том числе связанных с незаконным выловом водных биологических ресурсов.

Сотрудниками территориальных органов внутренних дел на транспорте в профилактических целях, а также в целях выявления причин и условий, способствующих совершению административных правонарушений в рассматриваемой сфере, проводится ряд оперативных мероприятий. Мероприятия могут проводиться сотрудниками как самостоятельно, так и во взаимодействии с иными государственными службами и правоохранительными органами. Как правило, такого рода взаимодействие определено в совместных нормативных актах, но, несмотря на это, перед проведением такого рода мероприятий необходимо согласование конкретного дня и времени на уровне руководства.

Метод

Анализируя статистические показатели, можно увидеть, что количество правонарушений в течение времени меняется, как и виды правонарушений, что отражается и на проведении профилактических мероприятий. Так, транспортной полицией управления на транс-

порте (далее – УТ) МВД России по Сибирскому федеральному округу были организованы оперативно-профилактические мероприятия. Мероприятий «Биоресурсы» в 2020 году проведено 132, в 2021 году – 82; «Путина» в 2020 году – 63, в 2021 году – 66. Совместно с представителями Главной инспекции по маломерным судам Главного управления МЧС России (далее – ГИМС ГУ МЧС России) по Саратовской области в 2020 году проведено 28 рейдовых мероприятий, в 2021 году – 17; совместно с представителями отдела рыбохраны по Саратовской области в 2020 году – 76, в 2021 году – 44. В данных мероприятиях были задействованы четыре катера, из них три класса «река», один – класса «река-море». В зимний период было задействовано судно на воздушной подушке «Марс». Помимо вышеуказанных мероприятий, сотрудники территориальных органов внутренних дел на водном транспорте проводят такие мероприятия, как «Рыболов», «Нерест», «Браконьер».

Так, линейным отделом (далее – ЛО) МВД России в речном порту Новосибирска проведены четыре профилактических мероприятия (3 – «Биоресурсы», 1 – «Нерест»), Сибирским линейным управлением⁷ МВД России – два («Путина» и «Рыболов»), Таймырским ЛО МВД России – 2 («Браконьер» – в сфере незаконной добычи водных биологических ресурсов), Томским ЛУ МВД России – 2 («Путина» и «Браконьер»), Новокузнецким ЛО МВД России – 2 («Нерест» и «Браконьер»), Алтайским ЛУ МВД России – 1 («Нерест»), Абаканским ЛО МВД России – 1 («Рыболов»).

В ходе работы возбуждено 47 уголовных дел, пресечено 950 административных правонарушений, среди них 613 – по статье 8.37, 263 – по статье 8.42, 18 – по статьям 20.20–20.22, 1 – по статье 6.8, 10 – по статье 11.8, 5 – по статье 11.9, 1 – по статье 11.10, 39 – по иным статьям КоАП РФ. Изъято более 2000 килограммов биологических ресурсов, свыше девяти километров рыболовных сетей, 62 плавательных средства, 34 единицы других орудий лова, 2 единицы огнестрельного оружия и 2 боеприпаса².

Санкт-Петербургским ЛО МВД России на водном транспорте за тот же период проведено 19 рейдовых мероприятий по выявлению и пресечению фактов незаконной добычи водных биологических ресурсов, в т. ч. 10 совместно с ГМИ ПУ ФСБ по СПб и ЛО, 2 – с ГИМС МЧС России, 18 рейдовых мероприятий по выявлению нарушений в сфере безопасности перевозок пассажиров водным транспортом, в т. ч. 12 – совместно с Комитетом по транспорту, 4 – совместно с ГИМС МЧС России. В результате выявлено 351 правонарушение, ответственность за совершение которых установлена главой 11 КоАП РФ и законом Санкт-Петербурга от 30 мая 2010 г. № 273-70, из них 283 административных правонарушения – по статье 8.37 КоАП РФ.

По данным Волго-Каспийского территориального управления Федерального агентства

² Выступления руководства УТ МВД России по федеральным округам // Сведения не были опубликованы.

¹ Приказ МВД России от 28 марта 2015 года № 381 «Об организации взаимодействия территориальных органов МВД России на железнодорожном, водном и воздушном транспорте с иными территориальными органами МВД России и разграничении объектов оперативного обслуживания» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»: сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_302518/1b9f3f121c176ff911216da46487d79a6c7a2471/ (дата обращения: 11.06.2023).

по рыболовству, в период с 14 по 21 августа 2023 года в ходе проведения совместных рыбоохранных мероприятий с сотрудниками правоохранительных органов выявлено 9 правонарушений с признаками состава преступления, предусмотренного ст. 256 Уголовного кодекса РФ, изъято 10 запрещенных орудий лова, 20 кг водных биоресурсов.

Нижневолжским отделом государственного контроля, надзора и охраны водных биоресурсов и среды их обитания выявлено 9 правонарушений³.

Составлено 9 административных материалов в отношении 9 человек: по ч. 2 ст. 8.37 КоАП РФ и ст. 8.42 КоАП РФ – по 3 административных дела соответственно, по ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ – 2 дела, по ст. 11.10 КоАП РФ – 1 административное дело.

Государственными инспекторами отдела государственного контроля, надзора и охраны водных биоресурсов и среды их обитания по Республике Калмыкия выявлено 11 правонарушений и составлено 11 протоколов об административном правонарушении, предусмотренном ч. 2 ст. 8.37 КоАП РФ⁴.

Добычей браконьеров становилась не только рыба. Так, во время одного из рейдов сотрудники линейного пункта полиции в порту Барнаула задержали жителя краевой столицы, в лодке которого обнаружили тушку бобра и незарегистрированное охотничье ружье. 45-летний мужчина попытался избавиться от оружия и выбросил его в воду⁵. В отношении задержанного составлены протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных статьями 8.37 и 20.8 КоАП РФ (нарушения правил охоты и оборота гражданского огнестрельного оружия).

Анализ статистических данных даёт возможность сделать вывод, что меры, предпринимаемые территориальными органами внутренних дел МВД России на транспорте по предупреждению правонарушений в сфере незаконной добычи водных биологических ресурсов, приносят результаты и способствуют выявлению иных нарушений. Благодаря проведенным профилактическим мероприятиям, в ходе которых были выявлены нарушения, сотрудники полиции анализируют количество и направления совершенных противоправных деяний, что впоследствии помогает им планировать дальнейшие действия и эффективно распределять личный состав по необходимым направлениям.

Результаты

Рассматривая вопросы предупреждения правонарушений, считаем необходимым более

подробно остановиться на профилактике. Профилактика административных правонарушений представляет собой комплекс мер [9, с. 191].

Профилактика правонарушений, связанных с незаконным выловом водных биологических ресурсов, осуществляется органами внутренних дел на речном и морском транспорте в форме общего и индивидуального воздействия на объект профилактики. Должностные лица в подведомственной сфере обслуживания осуществляют не только контроль, надзор, учёт, сбор и анализ полученных сведений о фактах незаконной добычи, но и проводят общую профилактику.

Как показывает практика, не все субъекты, осуществляющие контроль и предупреждение в рассматриваемой незаконной деятельности, обладают необходимой информацией, что зачастую приводит к искажению реального положения дел и неверных данных в статистике правонарушений в области незаконной добычи водных биологических ресурсов.

Ещё один вид общей профилактики связан с анализом действующего законодательства Российской Федерации, в том числе с оценкой причин и условий совершения правонарушений и иной деятельности, связанной с незаконной добычей водных ресурсов, и внесением соответствующих предложений по его совершенствованию. Вступивший с 1 января 2020 года в силу Федеральный закон № 475-ФЗ от 25 декабря 2018 г. «О любительском рыболовстве и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁶ предусматривает необходимость регистрации и маркировки сетных орудий лова, используемых в любительском рыболовстве. Однако разъяснений, какие функции будут возложены на сотрудников транспортной полиции на речном и морском транспорте, законодатель до настоящего времени не дал. По данным Северо-Восточного территориального управления российского рыболовства, на 25 марта 2020 года рыбаками только Камчатского края и Чукотского АО зарегистрировано более 1 500 сетей, большая часть из которых предусмотрена для использования в акватории Авачинской губы и реки Камчатки⁷. При этом на рыбаков возложили обязанность по самостоятельному изготовлению регистрационной бирки, на которой будут указаны фамилия, имя, отчество владельца, длина сети, высота, ширина, размер ячейки. Однако, по нашему мнению, отсутствие контроля при изготовлении данных бирок даёт возможность рыбаку умышленно, в целях получения разрешения на регистрацию сети, указать неверную длину сети, исказить сведения о размерах ячейки и т. п.

³ Сводка рыбоохраны с 14 августа 2023 г. по 21 августа 2023 г. [Электронный ресурс] // Волго-Каспийское территориальное управление Федерального агентства по рыболовству : сайт. – URL : <https://vktu.ru/svodka-ryboohrany-s-14-08-2023-po-21-08-2023/> (дата обращения: 21.08.2023).

⁴ Там же.

⁵ Миллионный ущерб: полиция «выловила» рыбаков-браконьеров на Алтае // ПолитСиб.ру : сайт. – URL : <https://politsib.ru/news/31823-millionnyj-userb-policia-vylovila-rybakov-brakonеров-na-altae> (дата обращения: 21.07.2023).

⁶ Федеральный закон № 475-ФЗ от 25 декабря 2018 г. «О любительском рыболовстве и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «Консультант-Плюс» : сайт. – URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314261/ (дата обращения: 17.06.2023).

⁷ Северо-Восточное территориальное управление [Электронный ресурс] // Федеральное агентство по рыболовству : сайт. – URL : <http://fish.gov.ru/territorialnye-upravleniya/severo-vostochnoe> (дата обращения: 17.06.2023).

Общая профилактика тесно связана с прогнозированием нарушений в области незаконного оборота водных биологических ресурсов и правонарушений в рамках рассматриваемого вопроса. Что касается данного вида правонарушения [10, с. 58], следует заметить, что при прогнозировании большое значение имеет время года, так как во время нереста резко увеличивается количество выявляемых правонарушений, связанных с незаконным выловом.

Немаловажную роль играет профилактика условий, порождающих совершение правонарушений в рассматриваемой сфере. Условия в зависимости от местности и вида водных биологических ресурсов могут значительно различаться. Так, на выбор водных биологических ресурсов заметно влияют места обитания ценных пород рыб, иных объектов промысла, удобное для правонарушителей географическое расположение территорий для своей незаконной деятельности (например, побережье вне населенного пункта) и способ незаконного вылова⁸. Но самое важное – это, конечно, получение максимальной выгоды при минимальных затратах на оборудование, транспортное средство и т. д. Нередко важный этап – незаконный вывоз с территории страны незаконно добытых биоресурсов и их продажа без таможенных и налоговых платежей [11, с. 270]. Все эти действия влекут потерю денежных выплат в доход государства.

Основное направление деятельности сотрудников органов внутренних дел на речном и морском транспорте – выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению исследуемых правонарушений, а также учёт выявленных правовых аспектов при подготовке проектов решений. Немаловажное значение имеют правовая пропаганда и правовое воспитание населения, особенно лиц, склонных к совершению административных правонарушений, связанных с незаконной добычей водных биологических ресурсов. Однако в связи с широким возрастным диапазоном лиц, совершающих данные административные правонарушения, информирование о новеллах законодательства не всегда своевременно доходит «до получателя». Не многие рыбаки, к сожалению, пользуются социальными сетями или имеют доступ к специализируемым форумам, но незнание закона не освобождает от ответственности.

Следующим видом деятельности, направленным на предупреждение правонарушений в сфере незаконной добычи водных биологических ресурсов, является изучение сотрудниками транспортной полиции в пределах своих полномочий норм об уголовной, административной и иной ответственности, а также процессуального порядка закрепления выявленных фактов нарушений. Все это связано с тем, что зачастую неправильно зафиксированные общественно опасные деяния, фактически подпадающие под уголовное законодательство, из-за неграмотно-

сти сотрудников квалифицируются как административные правонарушения [12, с. 86].

Ещё одно направление деятельности – формирование общественного мнения, направленного на недопустимость совершения правонарушений, связанных с незаконной добычей водных биологических ресурсов. Российским законодательством предусмотрено право граждан и юридических лиц, включая общественные объединения и религиозные организации, участвовать в охране и использовании животного мира, сохранении и восстановлении среды обитания животных [13, с. 34].

Следует отметить, что граждане неохотно взаимодействуют с сотрудниками территориальных органов внутренних дел на транспорте и так же неохотно предоставляют им информацию о лицах, совершающих данные правонарушения.

По нашему мнению, необходимо ужесточить меры административной ответственности за совершённые правонарушения в рассматриваемой сфере. Так, например, гражданин Б. был привлечен к административной ответственности по части 2 статьи 8.37 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях за то, что он 26 октября 2022 г. на территории Азовского района Ростовской области в акватории реки Дон (в районе запрета для рыболовства) осуществлял добычу (вылов) водных биоресурсов принадлежащим ему спиннингом с надувной моторной лодки с подвесным мотором. Гражданин Б. привлечен к административному наказанию в виде административного штрафа в минимальном размере. По нашему мнению, столь незначительное наказание создает у браконьеров чувство вседозволенности и привлекает к незаконной добыче (вылову) водных биологических ресурсов новых людей. В качестве мер профилактики государственным структурам, осуществляющим надзор, контроль и охрану водных биологических ресурсов, необходимо активнее и подробнее доводить до граждан содержание законов об ответственности за незаконную ловлю (добычу) водных биологических ресурсов, и делать это не только с помощью информационных баннеров, размещенных на прибрежной зоне, пристанях, где осуществляется ловля, но и в социальных сетях и на форумах любителей рыбалки. Доведение до граждан приговоров судов в отношении лиц, совершивших административные правонарушения и преступления, связанные с незаконной добычей, позволит предупредить значительную часть таких правонарушений, поскольку добросовестный гражданин откажется от совершения подобного правонарушения, зная, что за это последует административное наказание, определённое КоАП РФ.

Так, необходимо до граждан довести следующую информацию.

1. Нарушение правил вылова рыбы. Штраф – 2500–5000 руб. и конфискация снастей и плавсредства (ч. 2 ст. 8.37 КоАП РФ). Вылов рыбы без лицензии, когда она требуется, либо нарушение лицензии. Штраф – 500–1000 руб.

⁸ Карпов Н. Н. Правовое регулирование поставки товаров в торговые сети : дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2021. – 258 с.

(ст. 7.11 КоАП РФ). Уничтожение редких видов рыб (из Красной книги). Штраф – 1000–2000 руб. с изъятием улова и снастей (ст. 8.35 КоАП РФ). Несоблюдение правил переселения, акклиматизации или гибридизации рыбы. Штраф – 1000–1500 руб. (ст. 8.36 КоАП РФ). Игнорирование норм охраны среды обитания или путей миграции рыбы. Штраф – 2000–5000 руб. (ст. 8.33 КоАП РФ). Нарушение правил плавания для судов. Штраф – 5000–10000 руб. либо лишение прав на срок от шести месяцев до одного года (ч. 1 ст. 11.7 КоАП РФ).

2. Вылов рыбы в период нереста. Штраф – до 300 000 рублей.

3. Использование запрещенных орудий лова с причинением ущерба в крупном размере в местах (и во время) нереста. Штраф – 100 000 – 300 000 рублей или арест на 6 месяцев.

4. Стоянка автомобиля у водоёма (от уреза воды до автомобиля должно быть не менее 200 метров). Штраф – 3500 – 4000 руб.

5. Засорение водоёма и его берега. Такие действия штрафуются по ч. 1 ст. 8.13 КоАП РФ, штраф – 500–1000 руб.

6. Уничтожение или повреждение специальных знаков, определяющих границы охраняемых объектов. Штраф – 300–500 руб.⁹

Считаем, что более продуктивной окажется индивидуальная работа с лицами, впервые нарушившими административное законодательство в сфере незаконной добычи (ловли) водных биологических ресурсов. Беседы, направленные на исправление личности, позволят нарушителю осмыслить своё отношение к совершенному правонарушению и в последующем предотвратить совершение подобных незаконных действий.

Следующая необходимая мера, способствующая предупреждению правонарушений в сфере незаконной добычи водных биологических ресурсов, – разработка и реализация совместных программ и рейдовых мероприятий. По нашему мнению, следует разработать и утвердить «Инструкцию по взаимодействию органов внутренних дел на водном транспорте с субъектами, осуществляющими учёт, контроль и надзор за водными биологическими ресурсами». Данная инструкция позволит не только объединить силы с Министерством транспорта РФ и Федеральным агентством по рыболовству РФ, иными службами, но и поделиться достижениями в информационном и техническом оснащении, предназначенном для выявления незаконного вылова водных биологических ресурсов, осуществлять обмен данными между участвующими субъектами. Многие авторы, например, А. В. Зубкова, также считают, что существует необходимость в выработке комплекса политико-

правовых, социально-экономических, организационных мер предупредительного воздействия, что сосредоточит усилия как органов государства, так и негосударственных организаций и граждан на данном направлении для решения стратегической задачи, заключающейся в создании эффективной системы предупредительного воздействия на исследуемый вид нарушений [14, с. 107].

Важнейшей составляющей общественных отношений, направленных на пресечение незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов, является изучение причин и условий, способствующих совершению таких правонарушений. Одной из причин, способствующих браконьерству на территории того или иного региона, может быть принятие региональными властями локальных нормативно-правовых актов, не согласованных с федеральным законодательством. В ходе проведения проверок Генеральной прокуратурой Российской Федерации, Министерством юстиции Российской Федерации управленческой деятельности глав администраций субъектов России такие разногласия и противоречия выявляются. Так, по официальным данным Минюста РФ, только в 2019 году ведомство выявило 3769 нормативных правовых актов субъектов РФ, противоречащих федеральному законодательству, включая и разногласия федеральных и региональных норм в сфере незаконного использования водных природных ресурсов.

Заключение

Мы приходим к выводу, что создание новой комплексной системы профилактики и предупреждения правонарушений и преступлений является необходимой мерой и важным условием для поддержания правопорядка [15, с. 303].

Мерами, направленными не только на предупреждение совершения административных правонарушений, но и на выявление причин и условий, способствующих совершению противоправных деяний, являются проведение индивидуальных и общих профилактических бесед, доведение до граждан информации о недопустимости совершения административных правонарушений в сфере незаконной добычи водных биологических ресурсов. Взаимодействие сотрудников территориальных органов внутренних дел на транспорте с иными правоохранительными службами и государственными органами, осуществляющими государственный контроль, учёт и надзор за водными биологическими ресурсами, также даёт положительные результаты.

От совместной деятельности государственных органов и самих граждан по предупреждению правонарушений в сфере незаконной добычи водных биологических ресурсов в большой степени зависит сохранение нашего национального природного достояния. Своевременное предупреждение незаконной добычи водных биологических ресурсов позволит предотвратить совершение не только административных правонарушений, но и преступлений.

⁹ Штраф за ловлю рыбы сетями в 2020 году: размер и сумма наказания, как оплачивать [Электронный ресурс] // Должник. Портал о штрафах и налогах : сайт. – URL : <https://xn--400-hddak5ear.xn--p1ai/gibdd/shtraf-za-lovlyu-ryby-setyami-v-2020-godu-razmer-i-summa-nakazaniya-kak-oplachivat.html> (дата обращения: 17.06.2023).

Список литературы

1. Голубкина К. В., Худякова В. Н., Ким Ж. Д. Совершенствование законодательства и административно-правовых средств борьбы с правонарушениями в сфере охраны водных биологических ресурсов // Научные известия. – 2022. – № 27. – С. 242–244.
2. Ткачева Н. В. Административно-правовая ответственность за экологические правонарушения в сфере охраны водных объектов (на примере Челябинской области) // Проблемы права. – 2021. – № 2 (81). – С. 82–87.
3. Васильева Н. Ю. Профилактика и предупреждение экологических правонарушений // Аграрное и земельное право. – 2021. – № 6 (198). – С. 81–86.
4. Колмыков С. Н., Никонов Н. С. Проблемные аспекты нормативно-правового регулирования деятельности транспортной полиции по пресечению правонарушений, связанных с незаконной добычей водных биологических ресурсов / Актуальные вопросы устойчивого природопользования: научно-методическое обеспечение и практическое решение : сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 60-летию НИЛ экологии ландшафтов факультета географии и геоинформатики БГУ; редкол.: Д. С. Воробьев и др. – Минск: БГУ, 2022. – С. 104–107.
5. Курьесев К. Н., Семенов В. В., Апкаев Д. М. Правовое предупреждение правонарушений как вид обеспечения правопорядка // Вестник Владимирского юридического института. – 2016. – № 4 (41). – С. 159–162.
6. Русскова М. А. Административная ответственность за нарушение законодательства о рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов // Административное право и процесс. – 2021. – № 5. – С. 75–78.
7. Гирийчук В. В., Ситкина М. Н. Эффективность административных и уголовно-процессуальных мер полиции в борьбе с преступными посягательствами на водные биологические ресурсы (на примере Приморского края) // Право и образование. – 2018. – № 4. – С. 145–149.
8. Курашева А. Г. Особенности расследования транспортных преступлений / Синтез науки и образования в решении глобальных проблем современности : сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции. – Стерлитамак: Агентство международных исследований, 2021. – С. 118–119.
9. Джафарова А. А. Три проблемных направления в рамках профилактики административных правонарушений // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – 2023. – № 23-1. – С. 191–193.
10. Русскова М. А., Степенко В. Е. Виды административных правонарушений в сфере рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов // Административное право и процесс. – 2021. – № 8. – С. 57–63.
11. Бардонов О. В. Факторы, детерминирующие преступность в сфере незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов // Вестник БГУ. – 2011. – № 2. – С. 269–274.
12. Четвероус А. Н., Ялов А. М. К вопросу о детерминантах незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов // Наука без границ. – 2019. – № 7 (35). – С. 84–87.
13. Мелехин А. В. Административно-правовой механизм обеспечения законности в сфере экологии // Lex Russica (Русский закон). – 2016. – № 11 (120). – С. 33–45.
14. Зубкова А. В. Об эффективности мер по предупреждению незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2020. – № 3 (94). – С. 100–108.
15. Волков В. Ю., Макайда П. А. Профилактика и предупреждение административных правонарушений и преступлений // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2020. – Т. 6. – № 3. – С. 297–303.

References

1. Golubkina K. V., Khudyakova V. N., Kim Zh. D. Sovershenstvovaniye zakonodatel'stva i administrativno-pravovykh sredstv bor'by s pravonarusheniyami v sfere okhrany vodnykh biologicheskikh resursov // Nauchnyye izvestiya. – 2022. – № 27. – S. 242–244.
2. Tkacheva N. V. Administrativno-pravovaya otvetstvennost' za ekologicheskiye pravonarusheniya v sfere okhrany vodnykh ob'yektov (na primere Chelyabinskoy oblasti) // Problemy prava. – 2021. – № 2(81). – S. 82–87.
3. Vasil'yeva N. Yu. Profilaktika i preduprezhdeniye ekologicheskikh pravonarusheniy // Agrarnoye i zemel'noye pravo. – 2021. – № 6 (198). – S. 81–86.
4. Kolmykov S. N., Nikonov N. S. Problemnyye aspekty normativno-pravovogo regulirovaniya deyatel'nosti transportnoy politsii po presecheniyu pravonarusheniy, svyazannykh s nezakonnoy dobychey vodnykh biologicheskikh resursov / Aktual'nyye voprosy ustoychivogo prirodopol'zovaniya: nauchno-metodicheskoye obespecheniye i prakticheskoye resheniye : sbornik materialov mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 60-letiyu NIL ekologii landshaftov fakul'teta geografii i geoinformatiki BGU. Redkollegiya: D. S. Vorob'yov i dr. – Minsk, 2022. – S. 104–107.
5. Kurysev K. N., Semenov V. V., Apkayev D. M. Pravovoye preduprezhdeniye pravonarusheniy kak vid obespecheniya pravoporyadka // Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta. – 2016. – № 4(41). – S. 159–162.

6. *Russkova M. A.* Administrativnaya otvetstvennost' za narusheniye zakonodatel'stva o rybolovstve i sokhraneniі vodnykh biologicheskikh resursov // Administrativnoye pravo i protsess. – 2021. – № 5. – S. 75–78.

7. *Giriychuk V. V., Sitkina M. N.* Effektivnost' administrativnykh i ugolovno-protsessual'nykh mer politzii v bor'be s prestupnymi posyagatel'stvami na vodnyye biologicheskiye resursy (na primere Primorskogo kraya) // Pravo i obrazovaniye. – 2018. – № 4. – S. 145–149.

8. *Kurashева A. G.* Osobennosti rassledovaniya transportnykh prestupleniy / Sintez nauki i obrazovaniya v reshenii global'nykh problem sovremennosti : sbornik statey po itogam Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. – Sterlitamak, 2021. – S. 118–119.

9. *Dzhafarova A. A.* Tri problemnykh napravleniya v ramkakh profilaktiki administrativnykh pravonarusheniy // Aktual'nyye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami. – 2023. – № 23-1. – S. 191–193.

10. *Russkova M. A., Stepenko V. Ye.* Vidy administrativnykh pravonarusheniy v sfere rybolovstva i sokhraneniya vodnykh biologicheskikh resursov // Administrativnoye pravo i protsess. – 2021. – № 8. – S. 57–63.

11. *Bardonov O. V.* Faktory determiniruyushchiye prestupnost' v sfere nezakonnoy dobychi (vylova) vodnykh biologicheskikh resursov // Vestnik BGU. – 2011. – № 2. – S. 269–274.

12. *Chetverous A. N., Yalov A. M.* K voprosu o determinantakh nezakonnoy dobychi (vylova) vodnykh biologicheskikh resursov // Nauka bez granits. – 2019. – № 7 (35). – S. 84–87.

13. *Melekhin A. V.* Administrativno-pravovoy mekhanizm obespecheniya zakonnosti v sfere ekologii // Lex Russica (Russkiy zakon). – 2016. – № 11 (120). – S. 33–45.

14. *Zubkova A. V.* Ob effektivnosti mer po preduprezhdeniyu nezakonnoy dobychi (vylova) vodnykh biologicheskikh resursov // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. – 2020. – № 3 (94). – S. 100–108.

15. *Volkov V. Yu., Makayda P. A.* Profilaktika i preduprezhdeniye administrativnykh pravonarusheniy i prestupleniy // Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskiye nauki. – 2020. – Т. 6. – № 3. – S. 297–303.

Статья поступила в редакцию 15.05.2023; одобрена после рецензирования 02.09.2023; принята к публикации 14.09.2023.

The article was submitted May 15, 2023; approved after reviewing September 2, 2023; accepted for publication September 14, 2023.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Частно-правовые (цивилистические) науки

Научная статья
УДК 366.5
doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-102-107

Ксения Вячеславовна Костина
кандидат юридических наук, доцент
<https://orcid.org/0000-0002-0788-3462>, kseniya_kostina@mail.ru

*Казанский государственный медицинский университет
Российская Федерация, 420012, Казань, ул. Бутлерова, д. 49*

Самообследование как новое правовое средство охраны прав потребителей и повышения репутационного статуса предпринимателей

Аннотация: Введение. Статья посвящена исследованию процедуры самообследования по вопросам соблюдения обязательных требований законодательства о защите прав потребителей как недавно введённого в правоприменительную практику превентивного средства и влияния его результатов на репутацию предпринимателей. В целях повышения конкурентоспособности товаров, работ (услуг) на потребительском рынке, предупреждения возможных нарушений самообследование продавцов товаров и исполнителей работ (услуг) становится особенно значимым и позволяет выявить их сильные и слабые стороны посредством проведения внутреннего аудита до того, как на это укажут и примут соответствующие меры органы государственного контроля (надзора).

Целью работы является анализ особенностей осуществления хозяйствующими субъектами самообследования по вопросам защиты прав потребителей.

Методы. В исследовании используется системный подход, а также методы толкования норм права, анализа и синтеза. Применение данных методов в исследовании позволило рассмотреть механизм самообследования как часть системы профилактики нарушений обязательных требований предпринимательского сообщества, выявить особенности взаимодействия с другими элементами системы, а также сформировать о нём целостное представление.

Результаты исследования. Автором предложено научное понятие самообследования в рассматриваемой сфере (внутреннего хозяйственного самоконтроля). Сделан вывод, что для развития самообследования как превентивного правового средства необходимо расширение его инструментария. Предложено введение дополнительных форм самоконтроля.

Ключевые слова: самообследование, охрана прав потребителей, предпринимательская деятельность, правовые средства, деловая репутация

Для цитирования: Костина К. В. Самообследование как новое правовое средство охраны прав потребителей и повышения репутационного статуса предпринимателей // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 3 (99). – С. 102–107; doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-102-107.

Ksenia V. Kostina

Cand. Sci. (Jurid.), Docent

<https://orcid.org/0000-0002-0788-3462>, kseniya_kostina@mail.ru

Kazan State Medical University

4, Butlerova str., Kazan, 420012, Russian Federation

Self-inspection as a new legal means of protecting consumer rights and enhancing the reputational status of entrepreneurs

Abstract: Introduction. The article is devoted to the study of the procedure of self-inspection on compliance with mandatory requirements of consumer protection legislation as a recently introduced into law enforcement practice preventive means and the impact of its results on the reputation of entrepreneurs. In order to improve the competitiveness of goods, works (services) in the consumer market and prevent possible violations, self-inspection of sellers of goods and performers of works (services) becomes especially important and allows to identify their strengths and weaknesses through internal audit before the state control (supervision) bodies point out and take appropriate measures. The purpose of the work is to analyse the peculiarities of implementation by business entities of self-investigation on consumer protection issues.

Methods. The study uses a systematic approach, as well as methods of interpretation of legal norms, analysis and synthesis. The use of these methods in the study allowed us to consider the mechanism of self-inspection as part of the system of prevention of violations of mandatory requirements of the business community, to identify the features of interaction with other elements of the system, as well as to form a holistic view of it.

Research results. The author proposes a scientific concept of self-inspection in the sphere under consideration (internal economic self-control). It is concluded that for the development of self-inspection as a preventive legal means it is necessary to expand its toolkit. The introduction of additional forms of self-control is proposed.

Keywords: self-inspection, consumer protection, entrepreneurial activity, legal means, business reputation

For citation: Kostina K. V. Self-inspection as a new legal means of protecting consumer rights and enhancing the reputational status of entrepreneurs // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – № 3 (99). – С. 102–107; doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-102-107.

Введение

Приоритетным направлением государственной политики Российской Федерации в области защиты прав потребителей является обеспечение высокого уровня соблюдения прав потребителей и, как следствие, повышение уровня и качества жизни населения страны. При этом данная цель должна быть реализована в сформировавшихся в последние годы условиях сокращения административных барьеров для беспрепятственного осуществления предпринимательской деятельности и планового перехода от государственного контроля за состоянием потребительского рынка к мерам профилактики. Конечно, нельзя не согласиться с концепцией, обоснованной в доктрине предпринимательского права, в том, что государственный контроль является лишь одной из составляющих регулирования экономической деятельности [1, с. 10–12; 2, с. 46]. Как обоснованно считает И. В. Ершова, государственный контроль – явление не самодостаточное, а вторичное и производное, служащее обеспечению основной цели – законности экономической деятельности [3, с. 172]. Также при

всей дискуссионности вопроса о соотношении понятий «контроль» и «надзор» следует согласиться с тем, что приведённые категории – не единственные формы достижения законности экономической деятельности [4]. С учётом современных реалий приоритетными направлениями достижения законности экономической деятельности являются профилактическая работа государственных органов и самоконтроль предпринимательского сообщества. Следовательно, на первый план (в том числе и в современной системе правовых средств охраны прав потребителей) выходят инструменты, позволяющие осуществить превенцию потребительских споров и возможных расходов предпринимательского сообщества, связанных с нарушением обязательных требований. Таким новейшим инструментом в рассматриваемой сфере является самообследование.

Методы

Использованные в исследовании общенаучные методы анализа и синтеза позволили провести границу между самообследованием как новым правовым средством охраны прав

потребителей и иными превентивными правовыми средствами, а также сформировать о нём целостное представление.

Применение метода толкования норм права дало возможность познания смысла правовых норм, регламентирующих порядок осуществления самообследования по вопросам защиты прав потребителей для получения ясности относительно данного правового явления.

Результаты

По мнению некоторых авторов, данная система внутреннего контроля известна российскому законодательству и имеет довольно длительную историю. Так, ещё до революции в России действовал институт фабричной инспекции, наличие которой, как справедливо утверждает А. А. Сафирова, служило для работников гарантией защиты их трудовых прав [5]. К 1886 году расширенный штат фабричной инспекции активно проводил профилактику нарушений прав работников, контроль организации труда, страхование на случай травм на производстве и профессиональных заболеваний. В Казанской губернии в 1913 г. насчитывалось 16236 рабочих предприятий, на которых действовал внутренний контроль фабричной инспекции [6, с. 89].

В современную правовую действительность самообследование было введено в 2013 г. для оценки качества образовательной деятельности высших учебных заведений. В этой сфере данный институт получил широкое развитие, а его теоретические основы стали предметом научных исследований [7–10].

В июле 2021 г. в связи с вступлением в силу Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» и постановления Правительства Российской Федерации от 25 июня 2021 г. № 1005 «Об утверждении Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) в области защиты прав потребителей» самообследование впервые стало возможно в целях добровольного определения уровня соблюдения обязательных требований, установленных законодательством в области защиты прав потребителей.

Рассматривая ретроспективу развития законодательства о государственном контроле, можно заключить, что обозначенный инструмент является в некоторой степени продолжением или трансформацией уходящего в историю правоприменения так называемого «уведомительного порядка» начала осуществления отдельных видов предпринимательской деятельности (положения статьи 8 Федерального закона от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля», обязывающие хозяйствующих субъектов уведомить уполномоченный орган государственного контроля (надзора) о начале осуществления отдельного

вида предпринимательской деятельности применяются до конца 2024 г.).

Поскольку данным уведомлением (направить которое необходимо после государственной регистрации и постановки на учёт в налоговом органе, но до начала фактического выполнения работ или предоставления услуг) гарантируется, что планируемые к использованию в предпринимательской деятельности здания, помещения, оборудование соответствуют обязательным требованиям, установленным в действующих нормативных правовых актах, презюмируется, что предприниматель должен сам предварительно ознакомиться с такими требованиями и обеспечить их выполнение. При этом незнание того, что такие требования существуют, не освобождает его от ответственности.

Таким образом, как отмечает М. Н. Кобзарь-Фролова, «является очевидным, что первый контроль, который проходит предприниматель, – это самоконтроль! Де-факто это давно сложившийся вид контроля деятельности хозяйствующего субъекта» [11, с. 144], тогда как на данном этапе законодатель относит указанный правовой инструмент к профилактическим мероприятиям наряду с такими, как консультирование, профилактический визит, объявление предостережения.

Практическая реализация самообследования предполагает, что хозяйствующий субъект самостоятельно и добровольно осуществляет оценку уровня соблюдения им обязательных требований. Процедура прохождения самообследования на предмет соблюдения прав потребителей может быть как собственной инициативой хозяйствующего субъекта, так и результатом выданного ему предостережения о недопустимости нарушения обязательных требований (т. е. ситуации, когда уполномоченный орган в связи с поступлением к нему информации заподозрил наличие признаков нарушений прав потребителя).

В настоящее время такая оценка производится в форме электронного тестирования на официальном сайте уполномоченного органа – Роспотребнадзора. Для прохождения тестирования не требуется дополнительной идентификации и аутентификации личности. Тесты сформулированы в виде вопросов, ответы на которые характеризуют большинство видов деятельности: «имеется ли информация...», «соблюдается ли требование...», «обеспечивается ли...», однако процедура самообследования выиграла бы, если бы предусматривала и открытые вопросы с возможностью предоставления подробных ответов с указанием параметров и значений деятельности.

Например, если бы предлагалось указать сведения о способах коммуникации с потребителем (наличие каналов для обработки претензий потребителей (телефон «горячей линии», адрес электронной почты, мессенджеры, бизнес-аккаунты) и описать лучшие практики, применяемые в целях повышения лояльности клиентов (принятие дополнительных обязательств в от-

ношении недостатков товара, обнаруженных по истечении гарантийного срока; принятие обязательств обменять непродовольственный товар надлежащего качества в срок, превышающий, установленный законом и т. п.).

Для получения высокой оценки соблюдения обязательных требований, установленных законодательством в области защиты прав потребителей, необходимо правильно ответить на все тестовые задания. Лицо, получившее по итогам самообследования, высокую оценку, вправе принять декларацию соблюдения обязательных требований. Срок действия такой декларации 3 года.

Кроме того, возможно не только «самодекларирование», но и принятие декларации с привлечением общественных объединений потребителей. Участие объединения потребителей в данном случае заключается в обеспечении координации работы по направлениям самообследования, содействию в оперативном решении возникающих вопросов, верификации и оформлении отчёта по результатам самообследования.

В таком случае декларация считается «квалифицированной» и подписывается совместно хозяйствующим субъектом и руководителем общественного объединения потребителей. Ответственность за достоверность информации, представленной в отчёте о результатах самообследования, в данном случае несёт сам хозяйствующий субъект и привлечённое им общественное объединение потребителей.

Вне зависимости от вида принятые декларации о соблюдении обязательных требований регистрируются Роспотребнадзором, а сведения о них вносятся в Единый реестр деклараций, открытый для всеобщего ознакомления. Кроме того, предприниматель, успешно прошедший самообследование, вправе разместить сведения о декларации на своём сайте, в торговых помещениях или использовать в рекламной продукции.

Данный вариант использования результатов самообследования указывает, что оно является не только инструментарием профилактики нарушений, но и повышения репутационного статуса предпринимателей, что является немаловажным в условиях конкурентного окружения. Сегодня репутационный потенциал рассматривается как один из механизмов увеличения прибыли, поскольку представляет собой реальный актив компании, причем актив порой более устойчивый, чем даже материальные средства.

Однако если при проведении проверок Роспотребнадзором будут выявлены нарушения прав потребителей или факты предоставления недостоверных сведений при самообследовании, декларация может быть аннулирована. При этом не исключается возможность повторного прохождения самообследования и принятия декларации, но не ранее чем через три месяца после исполнения решения, принятого по результатам проверки. В случае установления несоответствия сведений, содержащихся в отчёте о результатах

самообследования, проведённого с привлечением общественного объединения потребителей, последнее не сможет в течение трёх лет с момента установления такого факта привлекаться для проведения процедуры самообследования.

В случае неудовлетворительного прохождения процедуры самообследования хозяйствующему субъекту предлагается обобщить полученные результаты в целях выявления в своей деятельности соответствующих проблем. На основе обобщённых итогов возможно составить план по приведению деятельности в соответствие с обязательными требованиями с указанием сроков достижения планируемого результата. Таким образом, даже отрицательный результат самообследования несёт в себе предупредительно-охранительную функцию.

Заключение

Подводя итог исследованию, считаем возможным предложить научное определение самообследования по вопросам защиты прав потребителей (внутреннего хозяйственного самоконтроля), под которым предлагаем понимать добровольную и самостоятельно осуществляемую хозяйствующим субъектом процедуру, направленную на определение уровня соблюдения им обязательных требований в области защиты прав потребителей, повышения качества реализуемых товаров (выполняемых работ, оказываемых услуг), профилактику и предупреждение нарушений прав потребителей.

Использование данного механизма снижает необходимость проведения мероприятий государственного (муниципального) контроля, что постепенно приведёт и к перераспределению государственных органов с выявления и пресечения нарушений, на их предупреждение [12–15].

В связи с этим развитие данного правового средства в направлении расширения инструментария внутреннего аудита видится своевременным и актуальным.

Например, наравне с тестированием возможно предусмотреть такие формы самоконтроля, как экспертиза реализуемой (выпускаемой) продукции; осмотр зданий, территорий, помещений, используемых при осуществлении деятельности; опрос/анкетирование персонала и анализ жалоб потребителей.

Право выбора формы самоконтроля нужно оставить за хозяйствующим субъектом, а право подтверждения результатов также предоставить общественным организациям потребителей. Оформление результатов прохождения указанных форм самоконтроля возможно в виде диагностической карты, прилагаемой к декларации.

Внедрение в практику правового регулирования предпринимательской деятельности данного механизма обеспечит стимулирование добросовестного поведения бизнес-сообщества и ещё большую концентрацию на профилактически ориентированном подходе к осуществлению контроля.

Список литературы

1. *Ершова И. В. и др.* Государственное регулирование экономической деятельности в условиях членства России во Всемирной торговой организации, Евразийском экономическом сообществе и Таможенном союзе : монография / отв. ред. И. В. Ершова. – Москва : Норма : Инфра-М, 2014. – 288 с.
2. *Васильева М. В.* Мировой опыт организации государственного и муниципального финансового контроля и возможность его применения в России // Угрозы и безопасность – 2011. – Т. 7. – Вып. 25 (118). – С. 46–56.
3. *Ершова И. В.* Государственный контроль за осуществлением предпринимательской деятельности: законодательные и доктринальные подходы // Бизнес в законе. – 2016. – № 3. – С. 171–177.
4. *Спектор А. А.* Предпринимательская деятельность как объект государственного контроля (надзора): правовые аспекты. – Москва: Nota bene, 2012. – 308 с.
5. *Сапфинова А. А.* Предупреждение нарушений трудовых прав работников федеральной инспекцией труда – основа профилактики трудовых разногласий // Современное право. – 2016. – № 8. – С. 80–85.
6. *Морозов А. В., Телишев В. М., Красильников С. Н.* Медико-социальное страхование в Казанской губернии: исторический опыт начала XX века / под ред. А. В. Морозова. – Казань: Издательство Казанского университета, 2004. – 499 с.
7. *Андриенко А. В., Павлова Т. А.* От самообследования к оценке качества условий осуществления образовательной деятельности в вузе / Материалы научно-методической конференции СЗИУ РАНХиГС. – 2022. – № 1. – С. 4–13.
8. *Григорьева Т. Е., Хабибулина Н. Ю.* Самообследование образовательных программ как способ повышения качества их реализации // Современное образование: повышение конкурентоспособности университетов : материалы Международной научно-методической конференции : в 2 частях. – Ч. 1. – Томск, 2021. – С. 59–63.
9. *Захарова М. А., Карпачева И. А.* Самообследование качества образовательных программ: объекты контроля и рекомендации по их оценке // Modern Science. – 2021. – № 1-1. – С. 256–260.
10. *Красиков Д. В., Липкина Н. Н.* Нормативное регулирование внутреннего аудита высших учебных заведений в зарубежных странах // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2022. – № 5. – С. 101–106.
11. *Кобзарь-Фролова М. Н.* Внутренний контроль (самоконтроль) как основной вид контроля деятельности хозяйствующих субъектов // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. – 2020. – № 2. – С. 139–148.
12. *Большак Ю. А.* Государственный контроль и надзор за осуществлением предпринимательской деятельности // Молодой ученый. – 2021. – № 18 (360). – С. 393–395.
13. *Имамов А. А., Костина К. В.* Проведение проверок деятельности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в свете изменений действующего законодательства о государственном контроле (надзоре) // Вестник экономики, права и социологии. – 2018. – № 1. – С. 96–99.
14. *Костина К. В., Имамов А. А.* Новые инструменты профилактики рисков причинения вреда (ущерба) при осуществлении предпринимательской деятельности в России // Вестник экономики, права и социологии. – 2022. – № 2. – С. 154–157.
15. *Костина К. В., Имамов А. А.* Саморегулируемые организации: контроль за деятельностью своих членов как новый механизм негосударственного стимулирования добросовестного поведения субъектов предпринимательства // Вестник Костромского государственного университета. – 2022. – Т. 28. – № 3. – С. 226–230.

References

1. *Yershova I. V. i dr.* Gosudarstvennoye regulirovaniye ekonomicheskoy deyatel'nosti v usloviyakh chlenstva Rossii vo Vsemirnoy torgovoy organizatsii, Yevraziyskom ekonomicheskom soobshchestve i Tamozhennom soyuze: monografiya / otv. red. I. V. Yershova. – Moskva : Norma : INFRA-M, 2014. – 288 s.
2. *Vasil'yeva M. V.* Mirovoy opyt organizatsii gosudarstvennogo i munitsipal'nogo finansovogo kontrolya i vozmozhnost' yego primeneniya v Rossii // Ugrozy i bezopasnost' – 2011. – T. 7. – Vyp. 25 (118). – S. 46–56.
3. *Yershova I. V.* Gosudarstvennyy kontrol' za osushchestvleniyem predprinimatel'skoy deyatel'nosti: zakonodatel'nyye i doktrinal'nyye podkhody // Biznes v zakone. Ekonomiko-yuridicheskiy zhurnal. – 2016. – № 3. – S. 171–177.
4. *Spektor A. A.* Predprinimatel'skaya deyatel'nost' kak ob»yekt gosudarstvennogo kontrolya (nadzora): pravovyye aspekty. – Moskva: Nota bene, 2012. – 308 s.
5. *Sapfirova A. A.* Preduprezhdeniye narusheniy trudovykh prav rabotnikov federal'noy inspektsiyey truda – osnova profilaktiki trudovykh raznoglasiy // Sovremennoye pravo. – 2016. – № 8. – S. 80–85.
6. *Morozov A. V., Telishev V. M., Krasil'nikov S. N.* Mediko-sotsial'noye strakhovaniye v Kazanskoй gubernii: istoricheskiy opyt nachala XX veka / pod red. A. V. Morozova. – Kazan': Izd-vo Kazanskogo un-ta, 2004. – 499 s.
7. *Andriyenko A. V., Pavlova T. A.* Ot samoobsledovaniya k otsenke kachestva usloviy osushchestvleniya obrazovatel'noy deyatel'nosti v vuze // Materialy nauchno-metodicheskoy konferentsii SЗИU RANKHiGS. – 2022. – № 1. – S. 4–13.

8. Grigor'yeva T. Ye., Khabibulina N. Yu. Samoobsledovaniye obrazovatel'nykh programm kak sposob povysheniya kachestva ikh realizatsii // *Sovremennoye obrazovaniye: povysheniye konkurentosposobnosti universitetov: materialy mezhdunarodnoy nauchno-metodicheskoy konferentsii: v 2 chastyakh.* – Ch. 1. – Tomsk, 2021. – S. 59–63.

9. Zakharova M. A., Karpacheva I. A. Samoobsledovaniye kachestva obrazovatel'nykh programm: ob'yekty kontrolya i rekomendatsii po ikh otsenke // *Modern Science.* – 2021. – № 1-1. – S. 256–260.

10. Krasikov D. V., Lipkina N. N. Normativnoye regulirovaniye vnutrennego audita vysshikh uchebnykh zavedeniy v zarubezhnykh stranakh // *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii.* – 2022. – № 5 – S. 101–106.

11. Kobzar'-Frolova M. N. Vnutrenniy kontrol' (samokontrol') kak osnovnoy vid kontrolya deyatel'nosti khozyaystvuyushchikh sub'yektov // *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo.* – 2020. – № 2. – S. 139–148.

12. Bol'chak Yu. A. Gosudarstvennyy kontrol' i nadzor za osushchestvleniyem predprinimatel'skoy deyatel'nosti // *Molodoy uchenyy.* – 2021. – № 18 (360). – S. 393–395.

13. Imamov A. A., Kostina K. V. Provedeniye proverok deyatel'nosti yuridicheskikh lits i individual'nykh predprinimateley v svete izmeneniy deystvuyushchego zakonodatel'stva o gosudarstvennom kontrole (nadzore) // *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii.* – Kazan'. – 2018. – № 1 – S. 96–99.

14. Kostina K. V., Imamov A. A. Novyye instrumenty profilaktiki riskov prichineniya vreda (ushcherba) pri osushchestvlenii predprinimatel'skoy deyatel'nosti v Rossii // *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii.* – 2022. – № 2 – S. 154–157.

15. Kostina K. V., Imamov A. A. Samoreguliruyemyye organizatsii: kontrol' za deyatel'nost'yu svoikh chlenov kak novyy mekhanizm negosudarstvennogo stimulirovaniya dobrosovestnogo povedeniya sub'yektov predprinimatel'stva // *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* – 2022. – T. 28. – № 3. – S. 226–230.

Статья поступила в редакцию 20.03.2023; одобрена после рецензирования 19.04.2023; принята к публикации 18.08.2023.

The article was submitted March 20, 2023; approved after reviewing April 19, 2023; accepted for publication August 18, 2023.

Уголовно-правовые науки

Научная статья

УДК 343. 211

doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-108-116

Светлана Владиславовна Анощенкова

кандидат юридических наук, доцент

<https://orcid.org/0000-0002-2045-9236>, anoshenkovas@list.ru

Санкт-Петербургский университет МВД России

Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1

Восполнение пробелов законодательства для определения размера судебного штрафа

Аннотация: Введение. Судебный штраф – одна из последних новелл, включённых законодателем в Раздел VI УК РФ «Иные меры уголовно-правового характера». За пять лет своего функционирования институт судебного штрафа как часть института освобождения от уголовной ответственности на основании ст. 76² УК РФ показал свою жизнеспособность; правоприменительная практика продемонстрировала всевозрастающую востребованность данного института. Одной из проблем практического порядка является определение размера судебного штрафа. Отчасти поводами к её возникновению служат: 1) отсутствие в уголовном законе указания на минимальный предел судебного штрафа; 2) неурегулированность вопросов освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа лиц, совершивших преступление в несовершеннолетнем возрасте. В данной работе сформулированы предложения законодателю в части решения указанной проблемы.

Целью данного исследования является анализ норм уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства, обзоров судебной практики, направленный на формирование предложений по определению минимального предела судебного штрафа, вариантов исчисления судебного штрафа, в том числе и для лиц, освобождаемых от уголовной ответственности при совершении преступлений в несовершеннолетнем возрасте.

Методы. В работе использованы общенаучные и частнонаучные методы исследования. С помощью сравнительно-правового метода исследования изучены способы исчисления размера штрафных санкций в зарубежном и отечественном уголовном законодательстве. Метод опроса позволил выявить мнение научных и практических работников относительно проблем определения размера судебного штрафа и методов его исчисления.

Результаты исследования и обоснование новизны. Полученные результаты исследования позволили автору сформулировать предложения о дополнении норм уголовного закона (ст. 104⁵ УК РФ), определяющих размер и порядок исчисления судебного штрафа как меры уголовно-правового характера и обратить внимание практических работников на положения действующего уголовного законодательства, требующего учёта целого ряда факторов при назначении указанной уголовно-правовой меры.

Ключевые слова: уголовная ответственность, освобождение, меры уголовно-правового характера, судебный штраф, возмещение вреда, размер судебного штрафа, несовершеннолетние

Для цитирования: Анощенкова С. В. Восполнение пробелов законодательства для определения размера судебного штрафа // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 3 (99). – С. 108–116; doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-108-116.

Svetlana V. Anoshenkova

Cand. Sci. (Jurid.), Docent

<https://orcid.org/0000-0002-2045-9236>, anoshenkovas@list.ru

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

Filling gaps in legislation to determine the amount of a judicial fine

Abstract: Introduction. Judicial fine is one of the latest innovations included by the legislator in Section VI of the Criminal Code of the Russian Federation «Other Measures of Criminal Legal Nature». During the five years of its operation, the institution of the judicial fine, as part of the institution of exemption from criminal liability under Article 762 of the Criminal Code of the Russian Federation, has demonstrated its viability; legal practice has shown the ever-increasing demand for this institution. One of the practical challenges is determining the amount of the judicial fine. Part of the reasons of this challenge include: 1) the absence of a minimum threshold for the judicial fine in the criminal law; and 2) the unresolved issues of exemption from criminal liability with the imposition of a judicial fine on individuals who have committed a crime when they were minors. In this article, proposals are formulated for the legislator aimed at addressing this issue.

The purpose of this study is to analyze the norms of criminal, criminal procedure and penal legislation, as well as judicial practice review, with the goal of formulating proposals for determining the minimum threshold of judicial fines and calculation methods for judicial fines, including those for individuals exempt from criminal liability for crimes committed in their minor age.

Methods. In this work, both general scientific and specific scientific research methods have been utilised. Through the comparative legal method of research, the ways of calculating the amount of penalties in foreign and domestic criminal legislation were studied. The survey method made it possible to identify the opinions of scientists and practitioners regarding the issues of determining the amount of a judicial fines and methods of its calculation.

The results of the research and the rationale for novelty. The results obtained from the research have enabled the author to formulate proposals for amending the norms of the criminal law (Article 1045 of the Criminal Code of the Russian Federation), which determine the amount and procedure for calculating judicial fines as a measure of criminal law nature. These proposals draw attention of practitioners to the provisions of the current criminal legislation, which requires taking into consideration a range of factors when imposing this criminal law measure.

Keywords: criminal liability, exemption, measures of criminal legal nature, judicial fine, compensation for damages, amount of judicial fine, minors

For citation: Anoshenkova S. V. Filling gaps in legislation to determine the amount of a judicial fine // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – № 3 (99). – P. 108–116; doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-108-116.

Введение

Нормы об освобождении от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа включены в действующий УК РФ Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ (ст. ст. 76², 104⁴, 104⁵ УК РФ). Высшая судебная инстанция обозначает данные нормы как институт судебного штрафа¹. В уголовно-процессуальном законодательстве прекращение уголовного дела или уголовного преследования и назначение судебного штрафа оформляется ст. 25¹ и главой 51¹ УК РФ. Пункт 9¹ ст. 316 УПК РФ содержит ссылку на ст. 25¹ УПК РФ, что означает возмож-

ность прекращения уголовного дела, рассматриваемого в особом порядке, в случае согласия обвиняемого с предъявленным им обвинением. Исполнение назначенного судом судебного штрафа регулируется ст. 103¹ Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (в ред. от 2 декабря 2019 г.)². То есть применению судебного штрафа посвящён целый ряд правовых норм, что придаёт рассматриваемому институту комплексный характер. Несмотря на весьма подробную законодательную регламентацию освобождения от уголовной ответственности и назначения в связи с этим иной меры уголовно-правового характера

¹ Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 76.2 УК РФ) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.07.2019) [Электронный ресурс] // Верховный Суд Российской Федерации : сайт. – URL : <https://www.vsrfr.ru/documents/all/28088/> (дата обращения: 16.07.2022).

² Федеральный закон «Об исполнительном производстве» от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «Консультант-Плюс» : сайт. – URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_71450/ (дата обращения: 05.03.2023).

в виде судебного штрафа, некоторые вопросы не нашли своего разрешения ни в действующем законодательстве, ни в разъяснениях высших судебных инстанций страны. В частности, закон не устанавливает минимальный размер судебного штрафа. С учётом того, что от уголовной ответственности на основании ст. 76² УК РФ могут быть освобождены как лица, совершившие преступление в возрасте старше восемнадцати лет, так и несовершеннолетние, то требуется решение этого вопроса в отношении обозначенных категорий виновных лиц. Нормативное установление минимальных пределов судебного штрафа будет способствовать: а) единообразию правоприменительной практики; б) достижению целей предупреждения совершения преступлений. Кроме того, закон предлагает два способа исчисления судебного штрафа: в фиксированной сумме, а также в половине размера штрафа как наказания, установленного в санкции статьи инкриминируемого деяния. Представляется, что варианты исчисления судебного штрафа не исчерпаны, о чём свидетельствует мнение опрошенных специалистов в области уголовного права.

Методология. В работе использованы общенаучные и частнонаучные методы исследования. С помощью сравнительно-правового метода исследования изучены способы исчисления размера штрафных санкций в зарубежном и отечественном уголовном законодательстве. Метод опроса позволил выявить мнение научных и практических работников относительно проблем определения размера судебного штрафа и методов его исчисления.

Результаты исследования

1. Проблема определения минимального и максимального пределов судебного штрафа

Интерес к пределам судебного штрафа определён самой юридической природой данной меры уголовно-правового характера. Повод к дискуссии дал законодатель, предусмотрев новый вид освобождения от уголовной ответственности в главе 11 УК РФ, а меру уголовно-правового характера, которая сопровождает такое освобождение – в главе 15.2 раздела IV УК РФ. Исследователи видят уголовно-правовую сущность судебного штрафа сложной, двойственной, дуалистичной [2, с. 10]. По мнению Н. Э. Мартыненко и Э. В. Мартыненко, судебный штраф не является формой реализации уголовной ответственности, т. к. она искусственно прерывается и не приходит к своему логическому завершению, то есть является не реализованной [9, с. 25]. И. Э. Звечаровский не относит судебный штраф к мерам уголовной ответственности, поскольку полагает, что «судебный штраф, исполняемый после освобождения от уголовной ответственности, лишён какого-либо уголовно-правового значения» [5, с. 100]. О близости природы судебного штрафа и штрафа как вида наказания пишут В. М. Брагин, В. М. Степашин, А. Г. Антонов, О. Д. Михайлов, подчёркивая при этом, что судебный штраф

является мерой уголовного наказания, которая не влечёт судимости [4, с. 123; 2, с. 18; 8, с. 52]. Полагаем, что особенностью судебного штрафа как меры уголовно-правового характера является то, что она не заменяет собой уголовную ответственность (как принудительные меры медицинского характера), не сопрягается с наказанием (как конфискация имущества). Её значение особенное – она служит условием освобождения лица, совершившего преступление, от уголовной ответственности.

Освобождая лицо от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа, судья определяет его размер в соответствии со ст. 104⁵ УК РФ (ч. 6 ст. 446² УПК РФ). Величина данной выплаты является конструктивным признаком данной меры и несёт на себе функциональную нагрузку: применение судебного штрафа направлено на достижение конституционно значимых целей дифференциации уголовной ответственности и наказания, усиления их исправительного воздействия, предупреждения новых преступлений и в конечном счёте – защиты личности, общества и государства от преступных посягательств³.

Установленный судом размер судебного штрафа должен быть эффективной мерой уголовно-правового воздействия в отношении непосредственно самого обвиняемого с минимально негативными последствиями для его семьи [3, с. 36]. Закон фиксирует только максимальный предел судебного штрафа. В частности, представлены два варианта исчисления предельной величины судебного штрафа. Первый способ ориентирует суд на санкцию статьи Особенной части УК РФ за преступление, которое было совершено освобождаемым лицом. В соответствии с ч. 1 ст. 104⁵ УК РФ максимальный предел судебного штрафа ограничивается половиной максимального размера наказания в виде штрафа, предусмотренного санкцией инкриминируемой нормы. Следует полагать, что законодатель имел в виду штраф как основной, а не как дополнительный вид наказания; этот момент также следует скорректировать в действующей норме. Исчисление судебного штрафа не соотносится со штрафом как наказанием, измеряемым в размере заработной платы или иного дохода осуждённого за определённый период, либо в кратном размере от предмета взят-

³ Определение от 20 декабря 2018 г. № 3399-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мешаяна Дмитрия Карленовича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 76² Уголовного кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Законы-онлайн. Архивы решений судов. – URL : <https://zakony.online/doc/3399-o2018-opredelenie/> (дата обращения: 12.03.2023); Определение от 26 марта 2019 г. № 650-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Вилисова Романа Николаевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 25¹ Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статьей 76² Уголовного кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации : сайт. – URL : <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-26032019-n-650-o/> (дата обращения: 12.03.2023).

ки или коммерческого подкупа или денежных инструментов; законодатель имеет в виду только штраф, исчисляемый в определённом диапазоне, выраженном в денежной сумме. Второй способ уяснения максимальной границы судебного штрафа закреплён в виде фиксированной суммы – не свыше двухсот пятидесяти тысяч рублей. Как показывает изучение судебной практики применения этой меры уголовно-правового характера, суды ориентируются именно на этот максимум.

Отсутствие универсального варианта определения максимального предела судебного штрафа может привести к существенной разнице его величины в зависимости от способа исчисления. Так, при первом способе исчисления сумма может быть кратнo большей, чем при втором способе. Например, за незаконную организацию и проведение азартных игр при отягчающих обстоятельствах (ч. 2 ст. 171² УК РФ) альтернативно установлено наказание в виде штрафа в размере от пятисот тысяч до одного миллиона рублей. То есть судебный штраф будет исчисляться в размере одной второй от одного миллиона рублей, и составит сумму до пятисот тысяч рублей, что в два раза больше, чем судебный штраф, определяемый в фиксированной сумме. Таким образом, определение размера судебного штрафа ставится в зависимость от того, предусмотрено ли в санкции инкриминируемой нормы основное наказание в виде штрафа и какова его величина. Логика законодателя здесь вполне объяснима: пенализация соответствует характеру и степени общественной опасности. Но в ситуации применения ст. 76² УК РФ речь идёт не о наказании, а об иной мере уголовно-правового характера, размер которой, как следует из ч. 2 ст. 104⁵ УК РФ, поставлен в зависимость не от категории совершённого преступления, не от характера и степени его общественной опасности, а от тяжести совершённого преступления. Что понимается под таковой, законодатель не разъясняет, хотя в УК РФ данный термин используется наряду с иными (категория преступления, общественная опасность). Штраф, предусмотренный в качестве дополнительного наказания в кумулятивных санкциях, при исчислении размера судебного штрафа в расчёт не принимается, о чём законодателю следовало бы сделать ремарку в ч. 1 ст. 104⁵ УК РФ: «Размер судебного штрафа не может превышать половину максимального размера штрафа, предусмотренного соответствующей статьёй Особенной части настоящего Кодекса в качестве основного наказания».

Обозначенная законодателем максимальная граница в 250 тыс. рублей на практике фактически служит общим ориентиром для судов, вне зависимости от способа исчисления судебного штрафа. Такой подход отчасти сглаживает диссонанс между максимальными границами судебного штрафа, исчисляемого различными способами. Изучение более двухсот постановлений о назначении судебного штрафа не выявило ни одного случая, когда штраф был бы назначен

свыше 250 тыс. рублей. Достаточно редко суды назначают крупные суммы к взысканию в виде данной меры уголовно-правового характера. Так, по ч. 2 ст. 171² УК РФ, где деятельность соучастников Б., М. и А. носила характер продолжаемого преступления, Ленинский районный суд г. Саранска назначил судебный штраф в размере 200 тыс. рублей – В. и по 150 тыс. рублей для А. и М. каждому⁴. О. Н. Тисен приводит пример из практики Центрального районного суда г. Тюмени: И., совершивший преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 282 УК РФ, был освобождён от уголовной ответственности. Применив ст. 76² УК РФ, суд назначил И. судебный штраф в размере 250 тыс. рублей [12, с. 52].

Анализ судебной практики дал основания полагать, что минимальный размер судебного штрафа – 2 тыс. рублей (вероятно, есть случаи назначения судебного штрафа и в меньших размерах). Например, Т. и М. по предварительномуговору совершили кражу трёх бутылок пива, причинив ущерб на общую сумму – 187 рублей 71 копейка. Органами следствия их действия были квалифицированы по п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ. Плесецкий районный суд Архангельской области, освобождая Т. и М. от уголовной ответственности на основании ст. 76² УК РФ, назначил Т. и М. судебный штраф в размере 2 тыс. рублей каждому из них⁵.

Как отмечалось выше, уголовный закон не определяет минимальный размер судебного штрафа. С целью установить мнение специалистов относительно необходимости легального закрепления предельных размеров судебного штрафа нами был проведён опрос 206 специалистов в области уголовного права (учёных в степени доктора и кандидата юридических наук, практикующих специалистов, в т. ч. судей, прокуроров, следователей, адвокатов). В результате опроса было установлено, что 78,4 % из них полагают, что нижний предел судебного штрафа должен быть установлен нормативно; соответственно, 21,6 % уверены, что при определении минимального размера назначаемого судебного штрафа достаточно судейского усмотрения. Минимальный размер штрафа, предусмотренного в санкции нормы Особенной части УК РФ, не является и не должен являться для судов препятствием для назначения судебного штрафа за пределами нижней границы штрафа как наказания. Так, лицо, совершившее преступление, предусмотренное п. «г» ч. 2 ст. 260 УК РФ, судом освобождено от уголовной ответственности на основании ст. 76² УК РФ с назначением судебного

⁴ Постановление № 1-333/2018 от 25 сентября 2019 г. по уголовному делу № 1-333/2019 г. Ленинский районный суд г. Саранска (Республика Мордовия) [Электронный ресурс] // Leninski--mor.ru : сайт. – URL : <http://leninski--mor.ru> (дата обращения: 01.12.2022).

⁵ Постановление № 1-122/2019 от 30 мая 2019 г. по делу № 1-122/2019. Плесецкий районный суд (Архангельская область) [Электронный ресурс] // Sudact.ru: сайт. – URL : <https://sudact.ru/regular/doc/ageDYtehiOmm/> (дата обращения: 13.03.2023).

⁶ Постановление № 1-91/2019 от 30 мая 2019 г. по делу № 1-91/2019. Нижнетавдинский районный суд (Тюменская

го штрафа в размере 15000 рублей⁶. Санкция инкриминируемой нормы предусматривает наказание в виде штрафа в размере от пятисот тысяч рублей до одного миллиона пятисот тысяч рублей. Исчисление размера судебного штрафа без учёта нижней границы штрафа как наказания формально не противоречит закону, но диапазон, в котором может быть назначен судебный штраф, оказывается впечатляющим, поскольку, исходя из положений закона, верхняя граница судебного штрафа за данное преступление равняется 750 000 рублей, что в пятьсот раз превышает размер назначенного судебного штрафа. В подобных случаях возникает вопрос: выполняется ли требование ч. 2 ст. 104⁵ УК РФ о соответствии размера судебного штрафа и тяжести совершенного преступления?

Проблема отсутствия легального установления минимального размера судебного штрафа отражается на правоприменительной практике. Это проявляется, в частности, в том, что, вероятно, по аналогии со штрафом как видом наказания, минимальный предел штрафа правоприменителями видится не менее 5 тыс. рублей. Так, постановлением мирового судьи судебного участка № 90 Автозаводского судебного района г. Тольятти Самарской области С. освобождена от уголовной ответственности по ст. 116 УК РФ с назначением ей судебного штрафа в размере 3 тыс. рублей. Государственным обвинителем подано апелляционное представление, в котором он просит постановление отменить, так как размер суммы штрафа менее установленного ст. 46 УК РФ. Суд сослался на п. 7.1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 56 от 29 ноября 2016 г. «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда РФ по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» и указал, что судебный штраф, назначаемый на основании ст. 76² УК РФ лицу, освобождённому от уголовной ответственности, не является уголовным наказанием, а относится к иным мерам уголовно-правового характера, предусмотренным разделом VI УК РФ. Поэтому правила ст. 46 УК РФ к назначению и исполнению судебного штрафа не применяются. Постановление суда первой инстанции относительно размера судебного штрафа оставлено в силе⁷.

Этот и подобные случаи ставят вопрос о необходимости законодательного определения нижней границы судебного штрафа. В связи с этим учёные, солидаризируясь с необходимостью фиксирования в законе минимального размера судебного штрафа, высказывают различные позиции. Так, А. В. Макаров и А. А. Казанов считают, что размер судебного штрафа должен быть

напрямую связан с преступлением и размером ущерба, причинённого совершённым преступлением. Назначение судебного штрафа, размер которого меньше причинённого ущерба, по мнению этих авторов, ставит под сомнение принцип справедливости. Напротив, судебный штраф слишком большого размера может стать криминальным стимулом, побуждающим лицо к совершению нового преступления. Отсюда – предложение «уделить внимание размеру судебного штрафа на законодательном уровне» [7, с. 29].

Близка к этой научной позиции точка зрения С. П. Андреева, который в своём диссертационном исследовании отмечает потребность законодательно определить минимальный предел судебного штрафа, а его величину соотносить с категорией совершённого лицом преступления [1, с. 31].

Высказывается позиция, что размер судебного штрафа должен быть сопоставим с размером судебных издержек [6, с. 265].

Некоторые авторы предлагают установление в ч. 2 ст. 104⁴ УК РФ фиксированных сумм, в которых может измеряться судебный штраф. Так, А. Г. Полуэктов полагает, что нижняя граница судебного штрафа должна равняться 2 500 руб. [10, с. 60].

В ходе проведённого опроса специалистов по уголовному праву были получены следующие данные. На вопрос о минимальном размере судебного штрафа респонденты ответили следующим образом:

- 1 000 рублей – 6,8 %;
- 3 000 рублей – 8,8 %;
- 5 000 рублей – 27,8 %;
- 1 МРОТ – 16,1 %;

– сумма судебного штрафа должна исчисляться иначе – 25,4 %.

Остальные 15,1 % ответов составляют отдельные комментарии экспертов, а именно:

- сложно сказать однозначно, нужно исследовать контингент, которому назначается данная мера; в зависимости от материального положения виновного (судебный штраф не должен понуждать виновного к совершению преступлений в будущем);

– не менее 5 000 рублей, однако с регулярной индексацией с учётом экономической обстановки;

- 10 000 рублей;
- 50 000 рублей;
- 10 МРОТ;

– МРОТ, но для этого нужно изменить систему исчисления штрафа в МРОТ;

– в размере суммы причинённого ущерба, кратной двум, но не менее 30 000 рублей; должен быть соотнесён с суммой причинённого ущерба;

– половина минимального размера штрафа, установленного санкцией нормы, а при его отсутствии – не менее 2 500 рублей;

– максимального размера судебного штрафа не должно быть так же, как и минимального; размер судебного штрафа должен исчисляться судом;

– проблема требует специального исследования, в том числе и с учётом экономической

область) [Электронный ресурс] // Sudact.ru: сайт. – URL : <https://sudact.ru/regular/doc/rVBMnUXJY1rT/> (дата обращения: 01.12.2019).

⁷ Постановление № 10-118/2016 от 9 декабря 2016 г. по делу № 10-118/2016. Автозаводский районный суд г. Тольятти (Самарская область) [Электронный ресурс] // Sudact.ru: сайт. – URL : <https://sudact.ru/regular/doc/WLTtpcw1IUNa/> (дата обращения: 13.03.2023).

обстановки;

- может зависеть от дохода лица за три предыдущих года по сведениям ИФНС;

- должен соответствовать тяжести совершённого преступления;

- не может быть меньше процессуальных издержек, которые понесло государство;

- определяется себестоимостью уголовного преследования;

- должен быть выше административного штрафа;

- должен отличаться от штрафа как наказания;

- определяется в соответствии с ч. 1 ст. 104⁵ УК РФ, то есть индивидуально; в УК РФ это достаточно регламентировано.

Ориентируясь на большинство высказанных предложений, полагаем, что минимальный размер судебного штрафа для лиц, совершивших преступление в совершеннолетнем возрасте, должен быть не менее 5 000 рублей. Дело даже не в том, что данная сумма соотносится с нижним пределом штрафа как вида наказания (ч. 2 ст. 46 УК РФ), а в том, что меньшая сумма судебного штрафа не достигнет частно-превентивной цели. Остаётся лишь вопрос в сроке его уплаты, который, кстати, также законодательно не урегулирован и устанавливается судом по его усмотрению.

Как следует из результатов проведённого опроса, 25,4 % специалистов в области уголовного права полагают, что судебный штраф должен исчисляться не в фиксированной сумме, а иным способом. Поиск такого способа исчисления судебного штрафа побудил обратиться к зарубежному опыту. Так, европейское законодательство давно и широко использует так называемую скандинавскую систему исчисления штрафа (речь идёт о штрафе как о виде уголовного наказания). Она закреплена в уголовном законодательстве Австрии, Франции, Испании, Португалии, Польши, Венгрии. Например, по УК ФРГ штраф определяется, исходя из суммы дохода осуждённого за один день (§ 40). Минимальный размер штрафа равен пяти дневным ставкам, а максимальный – тремстам шестидесяти. Дневная ставка устанавливается минимум в две немецкие марки, максимум в десять тысяч немецких марок. «Количество дневных ставок исчисляется в зависимости от вины и предупредительной цели наказания (§ 46, абз. 1), размер же дневной ставки измеряется в зависимости от экономической продуктивности подсудимого, причём судья исходит из чистого дохода, который лицо имеет или могло бы иметь, полностью используя свою рабочую силу» [15, с. 51–52]. Специалисты, участвовавшие в опросе, также видят целесообразность определения размера судебного штрафа с учётом материального положения виновного лица. Правы они и в том, что для уточнения этого способа исчисления требуются дополнительные исследования.

Отечественное уголовное законодательство исчисляет штраф-наказание не только в фиксированных суммах, но и в заработной

плате или ином доходе осуждённого за определённый период. Видится, что у законодателя имеются варианты предоставления судам нормативной основы для индивидуализации размера судебного штрафа. Поскольку фиксированная сумма всегда будет восприниматься либо как слишком большая, либо как слишком малая, имеет смысл исчислять сумму судебного штрафа в размере заработной платы или иного дохода осуждённого за определённый период, либо воспользоваться зарубежным опытом в исчислении судебного штрафа по скандинавской системе (в определённом количестве дневных ставок). Если брать за систему координат величину заработной платы осуждённого за определённый период, то минимальный размер судебного штрафа может исчисляться в размере заработной платы или иного дохода освобождённого от уголовной ответственности лица за один месяц, а максимальный – за шесть месяцев. В отношении лиц, не имеющих заработка, судебный штраф следует исчислять по правилам, изложенным в действующем законодательстве. Если лицом впервые было совершено несколько преступлений небольшой и (или) средней тяжести, то суд назначает единый штраф в тех же самых максимальных пределах, что и для одного преступления, т. е. не свыше 250 тыс. рублей, не свыше ½ суммы штрафа, предусмотренного в качестве основного наказания за наиболее тяжкое из совершенных преступлений и *de lege ferenda* – в размере заработной платы или иного дохода освобождённого лица за период от двух недель до шести месяцев. В резолютивной части постановления о прекращении уголовного дела на основании ст. 25¹ УПК РФ должна указываться фиксированная сумма судебного штрафа, каким бы способом ни исчислялся его размер. При этом порядок уплаты судебного штрафа, предусмотренный ст. 103 Федерального закона «Об исполнительном производстве», меняться не должен. Как показывает изучение практики, судебный штраф выплачивается как самим освобождённым лицом, так и иными лицами.

Отсутствие нормативно фиксированного минимального предела, с одной стороны, и дифференцированный максимальный предел судебного штрафа, с другой, – лишь часть проблем при определении его размера. Учёные отмечают, что механизм применения ст. 104⁵ УК РФ даёт заметные сбои при рассмотрении отдельных составов преступлений. Так, Э. Л. Сидоренко не признает справедливой ситуацию, когда за совершение лицом преступления, предусмотренного ч. 6 ст. 264 УК РФ, при применении ст. 76² УК РФ может быть назначен штраф в размере 250 тыс. рублей. В то же время за преступление, предусмотренное ст. 264¹ УК РФ устанавливается наказание в виде штрафа в размере от 200 до 300 тыс. рублей. Автор ставит под сомнение саму возможность освобождения лица от уголовной ответственности в случае совершения им преступления, предусмотренного ч. 6 ст. 264 УК РФ, поскольку оно обесценивает санкцию нормы и несправедливо уравнивает разные по

общественной опасности деяния [11, с. 71–72]. Т. Д. Устинова также отмечает неоправданность ситуации, при которой за совершение преступления, наказуемого штрафом, судебный штраф не может превышать 150–250 тыс. руб., и за преступление, в отношении которого штраф невозможно назначить, т. е. с более высокой степенью общественной опасности, также нельзя назначить судебный штраф более 250 тыс. руб., и предлагает повысить максимальный фиксированный размер судебного штрафа до 300 тыс. руб. или 350 тыс. руб. [13, с. 520].

Обозначенная проблема затрагивает не только содержание и юридическую технику нормы, определяющей размеры судебного штрафа. Это вопросы о возможности освобождения от уголовной ответственности лиц, совершивших любое из преступлений небольшой или средней тяжести, без каких-либо исключений, о сбалансированности санкций в нормах Особенной части УК РФ, об исчислении судебного штрафа в соотношении с $\frac{1}{2}$ штрафа как самого мягкого вида основного наказания, о соотношении размера судебного штрафа с тяжестью совершенного преступления, и, в конце концов, о справедливости назначаемого судебного штрафа в размере, сопоставимом или несопоставимом с тем вредом, который был нанесён общественным отношениям, ставшим объектом совершённого преступления.

2. Размер судебного штрафа, назначаемого лицам, совершившим преступление в возрасте до восемнадцати лет, освобождаемым от уголовной ответственности в порядке ст. 76² УК РФ.

Анализ главы 14 УК РФ в качестве единственной меры уголовно-правового характера в отношении несовершеннолетних, освобождаемых от уголовной ответственности, предусматривает применение принудительных мер воспитательного воздействия (ч. 2 ст. 87, ст. 90 УК РФ). Не отмечается каких-либо нюансов в части назначения и размера судебного штрафа несовершеннолетним в главе 15² УК РФ. Однако это не означает, что мера уголовно-правового характера в виде судебного штрафа не может применяться к лицам, совершившим преступления в возрасте до восемнадцати лет. В этой части обнаруживается пробел, который можно восполнить путём изменения содержания ч. 2 ст. 87 УК РФ: *«Лицам, совершившим преступление в возрасте до восемнадцати лет, может быть назначено наказание, а при освобождении от него – помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа. Лица, совершившие преступление в возрасте до восемнадцати лет, могут быть освобождены от уголовной ответственности с назначением принудительных мер воспитательного воздействия либо судебного штрафа».*

Тот факт, что лицам, совершившим преступление в несовершеннолетнем возрасте, может быть назначена такая мера уголовно-правового характера, как судебный штраф, следует из п. 16² постановления № 19 от 2013 г. (в ред. от

29 ноября 2016 г.) «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности»⁸.

В Обзоре судебной практики военных судов по применению института освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20 декабря 2017 г.) подчёркивается, что при освобождении несовершеннолетнего от уголовной ответственности суду необходимо учитывать особенности, предусмотренные нормами гл. 14 УК РФ, в том числе размер штрафа, который может быть назначен несовершеннолетнему в качестве наказания⁹.

Что же касается размера судебного штрафа, назначаемого лицам, совершившим преступление в несовершеннолетнем возрасте, то Верховный Суд РФ лишь ориентирует на размер штрафа, который может быть назначен такому лицу в качестве наказания. Если буквально исходить из приведённого толкования, то размер судебного штрафа, назначаемого лицам, совершившим преступления в возрасте до восемнадцати лет, ограничивается пределами от 1 000 до 50 000 рублей. Вероятно, на этот же диапазон, во всяком случае, на половину от его верхнего предела, суды будут ориентироваться и в тех ситуациях, когда в санкции статьи за преступление, инкриминируемое несовершеннолетнему лицу, в качестве основного наказания будет предусмотрен штраф. По мнению Е. А. Хлебничиной и А. А. Чугунова, в УК РФ следует включить ст. 91¹ о закреплении порядка определения максимального размера судебного штрафа несовершеннолетним в размере 25 000 рублей при наличии штрафа в санкции соответствующей статьи Особенной части УК РФ и 50 000 рублей – при отсутствии [14, с. 32].

Если лицо одно преступление совершило в несовершеннолетнем возрасте, а другое – после достижения восемнадцати лет, то возникает вопрос, на какие пределы суду следует ориентироваться при определении размера судебного штрафа? Поскольку за несколько преступлений суд назначает единый судебный штраф, судья должен сделать выбор в пользу тех или иных границ определения его размера. Исходя из положений о времени совершения преступления, приоритете более мягкого закона перед более строгим, ориентиром будут служить нормы, ориентированные на несовершеннолетний возраст освобождаемого лица.

Уголовный закон не рассматривает варианта уплаты судебного штрафа за лицо, совершившее преступление, в том числе и за лицо,

⁸ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 (ред. от 29.11.2016) «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «Консультант-Плюс»: сайт. – URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148355 (дата обращения: 14.03.2023).

⁹ [Электронный ресурс] // Военное право : сайт. – URL : <http://www.voennopravo.ru/node/6926> / (дата обращения: 01.11.2022).

совершившее преступление в возрасте до семнадцати лет. Часть 2 ст. 103¹ Федерального закона «Об исполнительном производстве» (в ред. 29 декабря 2022 г.)¹⁰ не делает какого-либо исключения из общего правила: судебный штраф должен быть уплачен тем лицом, в отношении которого суд вынес постановление о прекращении уголовного дела или уголовного преследования с назначением судебного штрафа. Возможна ли уплата судебного штрафа третьими лицами вместо несовершеннолетнего – вопрос, требующий пояснений высшей судебной инстанции. Исходя из того, что штраф как наказание за несовершеннолетнего может быть выплачен родителями или лицами, их заменяющими, то подобным же образом может быть решён вопрос о выплате судебного штрафа данными лицами. При этом на наш взгляд, требуется учитывать, принимало ли участие несовершеннолетнее освобождаемое лицо в возмещении ущерба или заглаживании вреда иным образом. В возмещении ущерба или заглаживании вреда несовершеннолетний должен принять активное участие, даже если он не в состоянии выплатить судебный штраф самостоятельно.

Заключение

Исследование проблем определения судебного штрафа как иной меры уголовно-правового характера позволило сделать ряд выводов:

1. Исчисление размера иной меры уголовно-правового характера в виде судебного

штрафа, определяемого частью 1 ст. 104⁵ УК РФ в величине, равной не более половины максимального размера штрафа, предусмотренного соответствующей статьёй Особенной части УК РФ, следует производить от величины штрафа как основного вида наказания. В связи с этим первое предложение данной части после слов «настоящего Кодекса» следует дополнить словами «в качестве основного вида наказания».

2. Отсутствие нормативного установления минимального предела для судебного штрафа следует рассматривать как законодательный пробел, требующий восполнения. Минимальной суммой судебного штрафа для совершеннолетних лиц, освобождённых от уголовной ответственности на основании ст. 76² УК РФ, следует считать 5 000 рублей. Данное положение предлагается законодательно закрепить в ст. 104⁵ УК РФ.

3. Для лиц, совершивших преступление в возрасте до семнадцати лет и освобождённых от уголовной ответственности на основании ст. 76² УК РФ, минимальный размер штрафа следует обозначить в 1 000 рублей, а максимальный – не более 25 000 рублей.

4. В целях дифференцированного подхода определения судебного штрафа и выполнения всех требований ч. 2 ст. 104⁵ УК РФ, предлагается вариант исчисления судебного штрафа, в размере заработной платы или иного дохода осуждённого в диапазоне от двух недель до шести месяцев, что также закрепить в ст. 104⁵ УК РФ. Однако в резолютивной части постановления суда о прекращении уголовного дела размер судебного штрафа должен быть указан в виде фиксированной суммы.

¹⁰ Федеральный закон «Об исполнительном производстве» от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»: сайт. – URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_71450/ (дата обращения: 05.03.2022).

Список литературы

1. Андреев С. П. Обеспечение принципа справедливости при определении суммы судебного штрафа // Журнал правовых и экономических исследований. – 2021. – № 1. – С. 28–31.
2. Антонов А. Г. Является ли основанием освобождения от уголовной ответственности ст. 76² УК РФ (Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа) // Российская юстиция. – 2018. – № 9. – С. 17–19.
3. Апостолова Н. Н. Прекращение уголовного дела или уголовного преследования с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа // Российская юстиция. – 2016. – № 10. – С. 34–37.
4. Брагин В. М. Степашин В. М. Иные виды уголовно-правового характера и судебный штраф // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2019. – Т. 16. – № 3. – С. 121–131.
5. Звечаровский И. Э. О юридической природе судебного штрафа (ст. 76², 104⁴ УК РФ) // Уголовное право. – 2016. – № 6. – С. 98–101.
6. Луценко Н. С. Проблемные вопросы определения размера и срока уплаты судебного штрафа / Актуальные проблемы российского права и законодательства : сборник материалов XII Всероссийской научно-практической конференции. Автономная некоммерческая организация высшего образования «Сибирский институт бизнеса, управления и психологии». – Красноярск: Сибирский институт бизнеса, управления и психологии, 2019. – С. 170–173.
7. Макаров А. В., Казанов А. А. Судебный штраф как вектор гуманизации уголовного законодательства // Российский судья. – 2019. – № 4. – С. 24–29.
8. Михайлов О. Д. Новые системы контроля преступности, или поиск альтернативы классическому правосудию в наше время // Российский судья. – 2019. – № 9. – С. 51–54.
9. Мартыненко Н. Э., Мартыненко Э. В. Судебный штраф как иная мера уголовно-правового характера // Труды Академии управления МВД России. – 2017. – № 1 (41). – С. 24–27.
10. Полуэктов А. Г. Система правоограничений, применяемая в отношении освобождаемых от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: краткий анализ // Вестник Самарского юридического института. – 2018. – № 1 (27) – С. 59–62.

11. Сидоренко Э. Л. Летние тезисы Государственной думы РФ, или К вопросу о качестве реформирования УК РФ // Библиотека криминалистики. – 2016. – № 6 (29). – С. 67–73.
12. Тисен О. Н. Судебный штраф: разъяснения ВС РФ и спорная практика // Уголовный процесс. – 2019. – № 10. – С. 48–53.
13. Устинова Т. Д. Иная мера уголовно-правового характера – судебный штраф / Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XVII Международной научно-практической конференции. – Москва: РГ-Пресс, 2020. – С. 519–523.
14. Хлебницына Е. А., Чугунов А. А. Особенности освобождения несовершеннолетних от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа // Криминологический журнал. – 2019. – № 4. – С. 30–32.
15. Шестаков Д. А. Реформа германского уголовного законодательства: вступительная статья / Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2003. – 524 с.

References

1. Andreyev S. P. Obespecheniye printsipa spravedlivosti pri opredelenii summy sudebnogo shtrafa // Zhurnal pravovykh i ekonomicheskikh issledovaniy. – 2021. – № 1. – S. 28–31.
2. Antonov A. G. Yavlyayetsya li osnovaniyem osvobozhdeniya ot ugolovnoy otvetstvennosti st. 76² UK RF (Osvobozhdeniye ot ugolovnoy otvetstvennosti s naznacheniyem sudebnogo shtrafa) // Rossiyskaya yustitsiya. – 2018. – № 9. – S. 17–19.
3. Apostolova N. N. Prekrashcheniye ugolovnoy delo ili ugolovnoy presledovaniya s naznacheniyem mery ugolovno-pravovogo kharaktera v vide sudebnogo shtrafa // Rossiyskaya yustitsiya. – 2016. – № 10. – S. 34–37.
4. Bragin V. M., Stepashin V. M. Inyye vidy ugolovno-pravovogo kharaktera i sudebnyy shtraf // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo». – 2019. – T. 16. – № 3. – S. 121–131.
5. Zvecharovskiy I. E. O yuridicheskoy prirode sudebnogo shtrafa (st. 76², 104⁴ UK RF) // Ugolovnoye pravo. – 2016. – № 6. – S. 98–101.
6. Lutsenko N. S. Problemnyye voprosy opredeleniya razmera i sroka uplaty sudebnogo shtrafa / Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava i zakonodatel'stva : sbornik materialov KHII Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Avtonomnaya nekommercheskaya organizatsiya vysshego obrazovaniya «Sibirskiy institut biznesa, upravleniya i psikhologii». – Krasnoyarsk: Sibirskiy institut biznesa, upravleniya i psikhologii, 2019. – S. 265–268.
7. Makarov A. V., Kazanov A. A. Sudebnyy shtraf kak vektor gumanizatsii ugolovnoy zakonodatel'stva // Rossiyskiy sud'ya. – 2019. – № 4. – S. 24–29.
8. Mikhaylov O. D. Novyye sistemy kontrolya prestupnosti, ili po-isk al'ternativy klassicheskomu pravosudiyu v nashe vremya // Rossiyskiy sud'ya. – 2019. – № 9. – S. 51–54.
9. Martynenko N. E., Martynenko E. V. Sudebnyy shtraf kak inaya mera ugolovno-pravovogo kharaktera // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. – 2017. – № 1 (41). – S. 24–27.
10. Poluektov A. G. Sistema pravoogranicheniy, primenyayemaya v otnoshenii osvobozhdayemykh ot ugolovnoy otvetstvennosti s naznacheniyem sudebnogo shtrafa: kratkiy analiz // Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta. – 2018. – № 1 (27) – S. 59–62.
11. Sidorenko E. L. Letniye tezisy gosudarstvennoy dumy RF, ili K voprosu o kachestve reformirovaniya UK RF // Biblioteka kriminalistiki. – 2016. – № 6 (29). – S. 67–73.
12. Tisen O. N. Sudebnyy shtraf: raz'yasneniya VS RF i spornaya praktika // Ugolovnyy protsess. – 2019. – № 10. – S. 48–53.
13. Ustinova T. D. Inaya mera ugolovno-pravovogo kharaktera – su-debnyy shtraf / Ugolovnoye pravo: strategiya razvitiya v XXI veke: materialy XVII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. – Moskva: RG-Press, 2020. – S. 519–523.
14. Khlebniitsyna Ye. A., Chugunov A. A. Osobennosti osvobozhdeniya nesovershennoletnikh ot ugolovnoy otvetstvennosti s naznacheniyem sudebnogo shtrafa // Kriminologicheskii zhurnal. – 2019. – № 4. – S. 30–32.
15. Shestakov D. A. Reforma germanskogo ugolovnoy zakonodatel'stva: vstupil'nyaya stat'ya / Ugolovnyy kodeks Federativnoy Respubliki Germanii. – Sankt-Peterburg: Yuridicheskii tsentr Press, 2003. – 524 s.

Благодарности

Каждый научный труд – это не только собственные размышления автора по поводу той или иной проблемы, это еще и активный обмен мнениями. На мою просьбу принять участие в интернет-опросе откликнулись 207 респондентов из числа ученых и практиков, среди которых 30 докторов юридических наук, 89 кандидатов юридических наук, представителей Московской, Санкт-Петербургской, Саратовской, Казанской, Самарской, Нижегородской, Омской школ уголовно-правовой науки, 88 практических работников (судей Верховного Суда РФ, Верховных судов субъектов Российской Федерации, судей федеральных судов, сотрудников прокуратуры, следственного комитета, адвокатов), чей живой отклик и интерес позволили не только получить ответы на поставленные вопросы, но и вдохновили на постановку новых исследовательских целей. Всем, кто нашел время и в 2020–2021 гг. участвовал в опросе о назначении судебного штрафа, выражаю огромную благодарность и желаю творческих успехов.

Статья поступила в редакцию 16.03.2023; одобрена после рецензирования 11.06.2023; принята к публикации 28.07.2023.

The article was submitted March 16, 2023; approved after reviewing June 11, 2023; accepted for publication July 28, 2023.

Научная статья
УДК 343.2/.7
doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-117-126

Михаил Матвеевич Бабаев

доктор юридических наук, профессор
<https://orcid.org/0000-0003-1656-2529>, babaevmm@yandex.ru

*Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России
Российская Федерация, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25, стр. 1*

Юрий Евгеньевич Пудовочкин

доктор юридических наук, профессор
<https://orcid.org/0000-0003-1100-9310>, 11081975@list.ru

*Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина
Российская Федерация, 125993, Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9*

Этапы развития современной уголовной политики

Аннотация: Введение. Особенности современной российской уголовной политики могут быть адекватно поняты только в общем контексте процессов её генезиса и развития. Между тем вопрос о хронологических границах современной уголовной политики и её внутренней периодизации остаётся в науке неисследованным.

Методы. Исходя из представлений о диалектической связи политики и права, в статье дана критическая оценка попыткам отслеживать динамику современной уголовной политики исключительно на основе динамики уголовного закона. Опираясь на гносеологические возможности диалектики, необходимо, с одной стороны, обеспечить связь этапов политики с конкретными формами её реализации (прежде всего уголовным законом), а с другой стороны, обосновать самостоятельный критерий, который определяет содержательную трансформацию уголовной политики. Таковым целесообразно признать содержание стратегических документов в области обеспечения национальной безопасности. С использованием логико-юридического, критико-правового метода и контент-анализа в статье даётся авторский вариант хронологии современной уголовной политики России.

Результаты. Доказано, что современная уголовная политика, начав формироваться в 1991 году и развиваясь в логике преодоления противоречий и недостатков предшествующего уголовно-политического курса, не представляет единого содержательного и хронологического континуума. С 2009 года уголовная политика приобрела качественно новые характеристики, совокупность которых даёт основание признать, что с этого момента начался новый этап современной уголовной политики. Переживаемые уголовно-политические изменения носят при этом характер глубинных, трансформационных, что позволяет говорить о формировании и развитии новой уголовной политики.

Ключевые слова: уголовная политика, уголовный закон, история уголовного права, обеспечение национальной безопасности, трансформации уголовной политики

Для цитирования: Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Этапы развития современной уголовной политики // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 3 (99). – С. 117–126; doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-117-126.

Mikhail M. Babaev

Dr. Sci. (Jurid.), Professor
<https://orcid.org/0000-0003-1656-2529>, babaevmm@yandex.ru

*All-Russian Research Institute of the MIA of Russia
25, build. 1, Povarskaya str., Moscow, 121069, Russian Federation*

Yuri E. Pudovochkin

Dr. Sci. (Jurid.), Professor
<https://orcid.org/0000-0003-1100-9310>, 11081975@list.ru

*Moscow State Law University named after O. E. Kutafin
9, Sadovaya-Kudrinskaya str., Moscow, 125993, Russian Federation*

Stages of contemporary criminal policy development

Abstract: Introduction. The peculiarities of contemporary Russian criminal policy can be adequately understood only in the general context of the processes of its genesis and development. Meanwhile, the issue of chronological limits of contemporary criminal policy and its internal periodisation is still an issue of scientific interest.

Methods. Based on the ideas about the dialectical relationship between politics and law, attempts to examine the dynamics of contemporary criminal policy based only on the evolution of the criminal law are critically analysed. On the one hand, it is necessary, to provide a link between the stages of policy and specific forms of its implementation (primarily criminal law), and on the other hand, to justify an independent criteria determining the substantial evolution of criminal policy. It is reasonable to recognise the content of strategic documents in the sphere of ensuring national security. Using the logical-legal, critical-legal method and content analysis, the article presents the authors' version of the chronology of contemporary criminal policy of Russia.

Results. It is proved that contemporary criminal policy, having begun to form in 1991 and developed within the logic of overcoming the shortcomings and contradictions of the previous criminal policy, is not a single substantive and chronological continuum. Since 2009, criminal policy has obtained qualitatively new elements, the set of which makes it possible to recognise that since that moment a new stage of modern criminal policy has emerged. At the same time, the criminal-political changes are characterised as deep and transformational, making it possible to suggest the formation and development of a new criminal policy.

Keywords: criminal policy, criminal law, history of criminal law, ensuring national security, transformation of criminal policy

For citation: Babaev M. M., Pudovochkin Y. E. Stages of contemporary criminal policy development // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – № 3 (99). – P. 117–126; doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-117-126.

Введение

Уголовная политика современной России являет собой совершенно особый политико-правовой феномен, качественно отличающийся от всего ранее накопленного и реализованного исторического опыта противодействия преступлениям. С этим тезисом, полагаем, невозможно спорить точно в той же мере, в какой необходимо признать уникальность переживаемого страной исторического момента. Однако, отмечая неразрывную, генетическую связь особенностей того или иного исторического этапа развития страны и этапов развития её уголовной политики, надо вместе с тем подчеркнуть несколько проблемных моментов: во-первых, объективные сложности с определением самого понятия «современный этап развития страны» и установлением его хронологических рамок, во-вторых, откровенно турбулентный, порой противоречивый характер текущего момента, сочетание и смену в нём самых разных тенденций, что позволяет в рамках «современного этапа» констатировать отдельные стадии развития, или «подэтапы»; в-третьих, относительно самостоятельный характер и внутреннюю логику развития уголовной политики, что актуализирует вопрос о её собственных эволюционных фазах.

С учётом этих обстоятельств полагаем и возможной, и оправданной постановку самостоятельного вопроса об этапах развития современной уголовной политики России. Его освещение необходимо не столько для приращения учебно-методического знания, уточнения содержания учебной литературы и демонстрации

познавательных возможностей исторического метода в уголовной политологии, сколько для раскрытия внутренней логики развития самой уголовной политики, выявления и анализа её тенденций, обнаружения и раскрытия закономерностей, во многом объясняющих истоки, смысл и значение всего, что происходит в сфере противодействия преступности с использованием уголовно-правовых средств, тем более что вопрос об этапах развития современной уголовной политики в научной литературе ещё не был предметом специального исследования.

Обзор научных позиций

Анализ источников, посвящённых проблемам периодизации истории России, убеждает в наличии в целом согласованного мнения о том, что от 1991 года в развитии страны можно отсчитывать самостоятельный исторический этап, часто именуемый «новой Россией» [2, с. 84; 22, с. 107]. Именно с этой временной точки и юристами, как правило, отсчитывается новый, «современный» этап в развитии отечественного уголовного законодательства и права [14, с. 74; 18, с. 222] (иногда, правда, за точку отсчета принимается 1992 год [19, с. 404] или 1996 год¹ [22, с. 47]).

С таким подходом, полагаем, можно и нужно согласиться. В истории российской уголовной политики 1991 год знаменуется принятием важнейшего документа – Концепции судебной

¹ Российское уголовное право. Общая часть / под ред. В. П. Коняхина, М. Л. Прохоровой. – Москва: Контракт, 2014. – 560 с.

реформы², идеи и положения которой были отражены как в Конституции РФ, так и в последовавшем за этим кардинальным обновлением отраслевого законодательства, включая реформы УК РСФСР 1960 г. в 1992–1995 годах, и принятие нового УК РФ в 1996 году. Таким образом, период с 1991 по 1996 год можно рассматривать как время формирования, теоретического осмысления и нормативного закрепления основ новой (по сравнению с советской) или, иными словами, – «современной» уголовной политики; начало же действия нового УК РФ в январе 1997 года официально закрепило окончательный переход к ней.

Вместе с тем последующее развитие уголовной политики, оставаясь в формальных нормативных рамках Конституции РФ 1993 года и Уголовного кодекса 1996 года, со всей очевидностью не может рассматриваться в качестве единого, однородного этапа. Уж очень сильно различаются тенденции, содержание и приоритеты реализуемого уголовно-политического курса. Это обстоятельство безусловно признается специалистами, хотя его обсуждение и не выводит их на уровень специальных рассуждений о возможной хронологической градации, периодизации современной уголовной политики.

Некоторые попытки определить такие вехи или этапы связываются юристами (иногда удачно, иногда – не очень) с фактами реформирования уголовного закона.

Так, А. Б. Баумштейн, рассуждая о современном уголовном законе, выделяет три периода в его функционировании: период действия, период кризиса и период распада. Он отмечает: «Говоря о “действии” кодекса, мы имеем в виду не формально-юридическое понятие (поскольку кодекс действует и сейчас), а произведённый им эффект упорядочения общественных отношений, когда сам по себе уголовный закон остаётся в целом детищем его создателей, не подвергаясь масштабным изменениям. Эффект принятия УК РФ (“эффект разрыва”, по словам Р. Кабриака) оказался настолько сильным, что несмотря на очевидные “технические ляпы”, ... УК РФ оставался стабильным документом в своих концептуальных положениях. В конце 2003 г. в истории постсоветского уголовного законодательства России наступил ... период кризиса, связанный с принятием известного федерального закона от 8 декабря 2003 г. Масштабная критика этого закона в литературе, поспешность его принятия приводят к выводу о том, что наступление этого периода стало искусственно ускоренным событием. ... Следствием стало лишь одно: состояние российского уголовного законодательства с принятием практически каждого нового закона о его изменениях, направленных, как утверждается в пояснительных записках, только к улучшению, все больше и больше ухудшается. ... УК РФ был “состарен” искусственно, за счёт

часто бездумных и внесистемных его изменений, указаниями на которые полна теоретическая литература сегодняшних дней. ... Фактически сегодня говорится о “распаде” системы уголовного законодательства. ... С этой точки зрения с середины 2000-х гг. можно говорить о переходе к последнему этапу жизни кодекса, периоду реформ. При этом данный переход наблюдается исключительно в теоретической литературе, призывающей либо к масштабной реформе действующего УК РФ, либо к принятию нового кодекса. В законодательной же области продолжается период кризиса, когда количество законов, меняющих кодекс, возрастает лавинообразно» [8, с. 35–39].

Такая периодизация, на первый взгляд, вполне рациональна, поскольку отражает не столько содержание вносимых в закон изменений, сколько производимый ими эффект и соответствие концептуальным началам, заложенным в кодекс политико-правовыми документами в первой половине 90-х годов прошлого столетия. Но в то же время она несёт в себе значительный субъективный и эсхатологический отпечаток, подчеркивая личное отношение автора к судьбе кодекса, констатирующего его «распад».

Есть ещё одно обстоятельство, которое, с одной стороны, не позволяет в полной мере согласиться с А. Б. Баумштейном, а с другой стороны, требует дополнительной проверки для того, чтобы подтвердить его рассуждения. Дело в том, что «распад кодекса», если воспринимать его как итог сознательной и целенаправленной уголовно-политической деятельности, есть свидетельство принципиально, качественно новой политики, направленной не столько на адаптацию кодекса к новым условиям, сколько на его умышленное «умерщвление». Если это так, то реализуемая уголовная политика как минимум неконституционна, а по большому счёту – преступна. Вряд ли можно, конечно, говорить об этом всерьёз.

Как бы ни были важны и правильны наблюдения автора, они всё же касаются истории кодекса, не политики. А в этом отношении «распад кодекса» должен рассматриваться не столько как финальная точка истории закона, сколько как промежуточная точка в реализации уголовно-политического курса.

Привязка этапов развития уголовной политики к этапам функционирования уголовного кодекса у некоторых авторов имеет и откровенно ошибочный вид. Например, А. Ю. Епихин выделяет три основных этапа инвентаризации уголовного законодательства, увязывая их с федеральными законами от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ (когда были расширены возможности применения штрафа, исключена конфискация имущества, институт неоднократности и т. д.), от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ (когда изменению подверглись санкции едва ли не всех статей Особенной части УК РФ, предусматривавших нижнюю границу наказания в виде лишения свободы) и от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ (когда

² Концепция судебной реформы. Утверждена Постановлением Верховного Совета РСФСР № 1801-1 от 24 октября 1991 г. // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1991. – № 44. – Ст. 1435.

изменился институт категорий преступления, введён новый вид уголовного наказания – принудительные работы; исключён перечень отдельных составов преступления с переводом их в разряд административных правонарушений; введены новые виды отсрочки наказания и т. д.) [15, с. 140].

Полагаем, не требует специальных доказательств мысль о том, что как бы ни были велики и глобальны изменения, вносимые теми или иными законами в УК РФ, с методической точки зрения недопустимо всякий раз устанавливать новый этап в развитии ни самого закона, ни права, ни тем более политики в связи с принятием очередного пакета изменений. Такие законы могут выражать собой единую линию изменений кодекса, могут быть проникнуты общими идеями, могут приниматься сколько угодно часто (вплоть до нескольких законов в один день) или редко. И в этом отношении некоторая совокупность законов может выражать собой последовательное воплощение единого уголовно-политического тренда, быть свидетельством единого этапа в развитии уголовной политики. Найти какой-либо один конкретный или несколько законов, принятие которых однозначно выражало бы смену этапов уголовной политики, вряд ли возможно. Надо к тому же учитывать очевидные вещи, связанные с тем, что закон служит лишь внешней формой (причём одной из возможных) воплощения политики, и в этом отношении он всегда вторичен по отношению к ней. Не изменения закона определяют смену векторов политики, но напротив, смена уголовно-политического курса детерминирует изменения законодательства и отражается в них. Более того, закон не только (а порой и не столько) подтверждает смену политического вектора, но часто «маскирует» истинные политические устремления его авторов, которые должны быть обязательно вскрыты в процессе исследования связи политики и закона. Очень точны в этом отношении рассуждения специалистов о том, что в современном обществе «право выступает не в роли регулятора, как это должно быть, а всего лишь обеспечивает истинный замысел, который для нас остаётся неизвестным» [7, с. 65]. «Истинный замысел» и есть собственно политика. С учётом и этого обстоятельства ориентироваться исключительно на изменения закона для познания этапов уголовной политики не представляется возможным.

Крайность иного рода, демонстрирующую отсутствие внимания исследователей к конкретным, привязанным к реальным условиям места и времени, нормативным формам воплощения уголовной политики, демонстрируют работы, в которых этапы или вехи политики связываются исключительно с глобальными трансформациями общества. В таких ситуациях исследователи говорят, к примеру, о модернистской и постмодернистской уголовной политике [10], отмечая, что «уголовной политике в условиях постмодернизационного развития присущи такие признаки, как осознание ограниченности

уголовно-правового ресурса в борьбе с преступностью и, следовательно, перенос акцента на предупредительное воздействие; последовательный переход к восстановительному характеру уголовной политики» [17, с. 150]. Здесь, как представляется, мы имеем дело с теоретическими моделями уголовной политики, которые хотя и отражают этапы её хронологического развития, тем не менее не подчинены задаче обоснования периодизации, выступают итогом её типологизации, которая к тому же нуждается в дополнительной конкретизации, учитывая неопределённость самого понятия «постмодерн» и признание наличия стадий развития общества после «постмодерна» [9; 20].

Таким образом, в решении вопроса о периодизации современной уголовной политики необходимо, с одной стороны, обеспечить её связь с конкретными формами реализации (прежде всего уголовным законом), а с другой стороны, обосновать критерий, который содержательно определяет трансформацию политики, её переход от одной стадии к другой.

В доступной литературе имеется, пожалуй, единственная попытка решить эту задачу. Речь идёт об авторитетном наблюдении Э. Ф. Побегайло, по мнению которого, в политике противодействия преступности начала XXI столетия целесообразно выделять два этапа, характеризующиеся сменой курса: первый (2001–2011 гг.) был связан с осуществлением «глобальной гуманизации и либерализации уголовной ответственности», второй (с 2012 г.) связан, по его мнению, с переходом к «криминологически обоснованному ужесточению уголовной репрессии» [21, с. 74, 83]. С этой периодизацией содержательно коррелирует и представленная нами в ранее опубликованной работе типология моделей уголовной политики, включающая «либеральную», соотносимую с периодом 80 – 90-х годов XX века, и «современную», проявившую себя с начала 2000-х годов [4, с. 20].

Признавая перспективность этого подхода, на данном этапе работы над темой, полагаем необходимым развить эти идеи и внести некоторые уточнения в части обоснования критериев и этапов периодизации современной уголовной политики.

Критерии и этапы периодизации современной уголовной политики

Рассуждая о развитии современной уголовной политики России, мы отчётливо противопоставляем два её этапа, кардинально различающихся в аспектах соотношения либерализма и репрессивности. Однако требования объективности научного исследования, особенно правового, социального и политологического, предполагают максимально возможное исключение оценочных суждений из набора признаков, которыми маркируется тот или иной этап в развитии политико-правового процесса. Следуя этой идее, полагаем возможным и оправданным обратиться в поиске критерия для периодизации современной российской уголовной политики

к основополагающим политико-правовым документам, определяющим цели, содержание и приоритеты национальной политики страны в области обеспечения безопасности, памятуя о том, что уголовная политика есть особый элемент политики обеспечения безопасности от криминальных угроз.

Таковыми документами выступают Стратегии (ранее – Концепции) национальной безопасности Российской Федерации. Первая такая Концепция была принята в 1997 году. Затем были Концепция 2000 года, Стратегии 2009, 2015 и 2021 годов³. Итого пять документов за 24 года, которые соответствуют периоду действия современного УК РФ. Анализ основных параметров этих официальных источников в части определения основных угроз и приоритетов обеспечения национальной безопасности позволяет на документальном уровне и подтвердить этапность современной уголовной политики, и зафиксировать время смены её этапов.

В качестве темпоральной точки содержательного слома основных тенденций уголовной политики вполне отчётливо определяется 2009 год. В подтверждение этому несколько важных наблюдений.

– С 2009 года фиксируются существенные изменения в понимании национальных интересов страны. Если Концепции 1997 и 2000 годов исходили из того, что система национальных интересов России определяется совокупностью основных и сбалансированных интересов личности, общества и государства; ставили интересы личности на первое место в этой совокупности; признавали основными интересами личности реальное обеспечение конституционных прав и свобод, личной безопасности, повышение качества и уровня жизни, физическое, духовное и интеллектуальное развитие человека, то начиная с 2009 года, во-первых, интересы личности как самостоятельный национальный интерес в стратегических документах не упоминаются, они слиты воедино с интересами государства и общества и интегрированно состоят в «безопасности и устойчивом развитии»; во-вторых, изменился порядок предствления национальных интересов в Стратегиях (если в 2009 году на первом месте было заявлено развитие демократии и гражданского общества, то в 2015 – укрепление обороны страны, обеспече-

ние суверенитета, государственной и территориальной целостности); в-третьих, с 2009 года появилась особая категория «стратегических национальных интересов», приоритеты среди которых также существенно изменились: если в 2009 году государство на первое место ставило повышение качества жизни российских граждан и экономический рост, то в 2021 году на первое место поставлено безликое, без обращения к личности человека, «сбережение народа» и оборона страны.

– С 2009 года меняется расстановка акцентов в понимании основных угроз безопасности. Концепции 1997 и 2000 годов прямо называли преступность в ряду таких угроз («Преступный мир, по существу, бросил вызов государству, вступив с ним в открытую конкуренцию. Поэтому борьба с преступностью и коррупцией носит не только правовой, но и политический характер» – 1997 год). Однако в последующем стратегические документы, хотя и не отрицают опасности преступности как угрозы безопасности, некоторым образом смещают акценты с восприятия опасности преступности как таковой на опасность отдельных проявлений, видов преступности (в 2009 году это незаконная миграция, наркоторговля и торговля людьми, другие формы транснациональной организованной преступности; в 2015 году – новые формы противоправной деятельности, в частности с использованием информационных, коммуникационных и высоких технологий; в 2021 году – преступления против собственности, в сфере использования водных биологических и лесных ресурсов, в сфере жилищно-коммунального хозяйства, в кредитно-финансовой сфере).

– Имеет характерную динамику и выраженное в стратегических документах отношение государства к преступности. Интересно обратить внимание, что документы 2009 и 2015 годов (то есть в середине рассматриваемого временного периода) использовали слово «преступность» не более пяти раз, тогда как в 1997, 2000 годах (в начале современного периода истории политики) и в 2021 году (последний по времени документ) оно встречается уже более 15 раз. Это сам по себе примечательный факт, с учётом отмеченного выше отношения к восприятию опасности преступности. Можно предположить, что если в 1997 и 2000 годах это обстоятельство было обусловлено объективными факторами, характеризующими состояние общественных отношений, то к 2021 году наращивание темпов в использовании угрозы преступности для конструирования политики безопасности стало в большей степени сознательно управляемым и политически мотивированным. С этим сопрягаются и еще одно значимое обстоятельство, связанное с трансформацией закреплённого в важнейших политико-правовых документах принципа реагирования на преступность. В Концепциях 1997 и 2000 годов указывалось: «Решения и меры, принимаемые органами государственной власти в области борьбы с преступностью, должны быть открытыми, конкретными и понятными

³ Указ Президента РФ от 17 декабря 1997 г. № 1300 «Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации» // Российская газета. – 1997. – 26 дек.; Указ Президента РФ от 10 января 2000 г. № 24 «О Концепции национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2000. – № 2. – Ст. 170; Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 20. – Ст. 2444; Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 1 (часть II). – Ст. 212; Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 27 (часть II). – Ст. 5351.

каждому гражданину, носить упреждающий характер, обеспечивать равенство всех перед законом и неотвратимость ответственности, опираться на поддержку общества». Однако в 2021 году Стратегия исходит из качественно иного базиса, утверждая о необходимости обеспечения реализации *принципа неотвратимости наказания* за совершение преступления, а также формирования в обществе атмосферы *нетерпимости к противоправной деятельности* (курсив наш – М.Б., Ю.П.).

Анализируя документы стратегического характера в сфере обеспечения национальной безопасности, можно, таким образом, констатировать, что 2009 год являет собой точку вполне определённого слома тенденций и настроений в реализации политического курса. В соответствии с этим допустимо считать, что в истории современной уголовной политики страны выделяются два существенно различающихся в содержательном отношении этапа: первый – с момента принятия Концепции судебной реформы в 1991 году и до момента утверждения Стратегии национальной безопасности в 2009 году; и второй – с 2009 года по настоящее время.

Специфические признаки, по которым уголовная политика на этих двух этапах различается, могут быть представлены следующим образом:

- отказ от признания самостоятельной ценности прав и интересов отдельной личности, переход к политике отождествления интересов личности и государства (Стратегия 2021 года прямо закрепила: «Только гармоничное сочетание сильной державы и благополучия человека обеспечит формирование справедливого общества и процветание России»);

- отказ от приоритетного обеспечения интересов безопасности личности в пользу первоочередного обеспечения интересов государственной и общественной безопасности;

- отказ от политики обеспечения и защиты индивидуальных интересов личности к политике сбережения народонаселения как некоей массы людей;

- отказ от целостного восприятия преступности как угрозы безопасности и переход к акцентированному восприятию опасности отдельных видов преступности;

- смещение акцентов в оценке опасности криминальных угроз – с акцентированного внимания на внутренние угрозы безопасности личности и экономических отношений на подчёркнутое признание повышенной опасности внешних, инспирируемых из-за рубежа угроз безопасности государственного суверенитета.

Причины смены этапов уголовной политики

Имеющие очевидную этапность изменения уголовной политики страны, признаваемые, пожалуй, всеми без исключения специалистами, продиктованы множеством причин, глубокий анализ которых, с одной стороны, выходит далеко за пределы нашего исследования и требу-

ет специальных познаний в области политики, экономики, социологии, социальной психологии и т. д.; но, с другой стороны, необходим для понимания глубинных и закономерных связей основных тенденций уголовной политики с политико-правовым развитием страны.

В правовой литературе нам встретилась, пожалуй, единственная попытка объяснить отмеченную смену тенденций и этапов. В частности, М. В. Бавсун связывает происходящее с изменяющейся мировой конъюнктурой и геополитическими сдвигами. Он пишет: «В условиях изменяющейся мировой конъюнктуры, в результате чего в опасное положение в первую очередь попадают государственные устои, приоритет охраны всегда будет смещаться в сторону основ государственной власти и конституционного строя, в том числе в ущерб интересам личности», при этом он подчёркивает, что переход к приоритетности защиты государства в условиях меняющейся обстановки указывает на смену самой идеи противодействия преступности, а не просто на изменение отдельно взятых средств борьбы с ней» [5, с. 485–487]. И далее: «Смена эта произошла не сама по себе, а под давлением событий геополитического свойства и выглядит сегодня как естественная защитная реакция на попытки оказать влияние на процессы развития российского государства и общества. В последнее время эти попытки стали носить максимально агрессивный характер, что самым непосредственным образом повлияло на трансформацию уголовно-правовой политики государства и, как итог, отразилось не только на динамике изменений отечественного уголовного законодательства, но и на характере вносимых в него новелл. Его меняющийся облик в последние несколько лет представляет собой лишь следствие (хоть и не всегда логичное) меняющегося отношения к базовым ценностям, обусловленное во многом воздействием факторов геополитического масштаба» [5, с. 491].

Это объяснение и разумное, и допустимое. Однако, на наш взгляд, явно недостаточное. Как часть внутренней политики государства, уголовная политика детерминирована не только (а возможно, и не столько) внешнеполитическими факторами, сколько обстоятельствами внутреннего государственного и общественного порядка. Россия же с 2000-х годов вступила в новую фазу своего политического развития. Его основные ориентиры были заявлены В. В. Путиным в программной статье «Россия на рубеже тысячелетий». Реализация «российской идеи», по его мнению, требовала опоры на традиционные исконные ценности россиян: патриотизм (чувство гордости за Отечество), державничество (Россия – великая страна), государственничество (крепкое, сильное государство – источник и гарант порядка, инициатор и главная движущая сила любых перемен)⁴. Не станем входить

⁴ Путин В. Россия на рубеже тысячелетий // Независимая газета. – 1999. – 30 декабря.

в обсуждение вопроса о том, насколько адекватно эти в целом позитивные идеи были реализованы и какими методами воплощались в действительности. Но полагаем очевидным, что совокупность этих идей существенным образом расходилась с концепцией либерального государства, что в итоге привело к принципиальной трансформации политического режима в стране. Наблюдения и оценки политологов и социологов сегодня свидетельствуют о том, что в стране сформировался «гибридный режим парадемократии, находящийся на стыке авторитаризма и демократии, с опорой на её институты и процедуры» [1, с. 176], особый «мягкий авторитаризм» [13] или просто «авторитаризм» [12].

Утверждение этого нового типа политического режима, во многом опиравшееся на «авторитарный синдром» населения страны, стало мощным внутренним импульсом к трансформации уголовной политики и одновременно требовало такой трансформации в качестве обязательного условия. Для общества с доминирующими авторитарными запросами «характерно преобладание категорий силы, безопасности и порядка, дисциплины и подчинения, властные отношения иерархичны, распространены патернализм, нетерпимость (ксенофобия), национализм, поиск врага» [11, с. 46].

Совпадение внутривнутриполитических трансформаций российского общества и внешнеполитической конъюнктуры (сознательно ограничимся словом «совпадение» и не будем искать между этими факторами причинных связей) в итоге и привело к смене уголовно-политического курса и вступлению современной уголовной политики в новый этап своего развития.

Последствия смены этапов уголовной политики

Последствия перехода от одного этапа уголовной политики к другому (они же по сути своей представляют и основные характеристики новой уголовной политики) вполне явственны [23, с. 109]. Среди них: дезавуированность идеологических оснований уголовного права и прикрытие любых изменений закона конституционными формулами о ценности безопасности; ставка на технический характер правовых норм с требованием их максимальной определённости и конкретизированности, вплоть до персонификации правовых норм (М. В. Бавсун и Д. В. Попов говорят о «гиперопределённости права» [6]); смена приоритетов уголовно-правовой охраны в пользу интересов коллективной и прежде всего государственной безопасности; нарастание репрессивных начал с точки зрения возрастания объёмов криминализированных деяний и ужесточения санкций; акцентированное внимание к абсолютным теориям наказания и смена представлений об его утилитарном значении (забвение идей исправления и перевоспитания преступников в пользу восстановления справедливости и компенсации причиненного вреда); широкое развитие правоограничительных средств предупредительного характера за

пределами текста уголовного закона.

В качестве самого общего, собственно политологического, отличия текущего этапа уголовной политики от предшествующего можно назвать тот факт, что стратегия и тактика противодействия преступлениям стали в большей степени «политическими» и в меньшей – «уголовно-правовыми». Различия эти восходят к концептуальным построениям Дюркгейма и Фуко о функциях преступности и задачах политики противодействия ей. У первого преступность и борьба с ней призваны обеспечить нормативное, моральное единство общества, у другого – они выступают лишь в качестве средства управления общественными группами и селективного принуждения. При всем том, что эти концепции не являются взаимоисключающими, не требуется особых интеллектуальных усилий для того, чтобы понять: уголовная политика, базирующаяся на той или иной из них, принципиально различается с точки зрения содержания уголовно-правового запрета и мер уголовно-правового характера, целей уголовного наказания, организации судебного процесса и стандартов доказывания, роли и возможности суда в противодействии преступности, критериев оценки эффективности политики и т. д. Уголовная политика с опорой на идеи Дюркгейма, как представляется, вполне может быть отнесена к разряду «классических», делающих ставку на аморальность как признак преступления, вину как основание ответственности, исправление как цель наказания, воспитательную роль суда. Политика же в духе Фуко – «модернистская», банализирующая и рутинизирующая судебный процесс, пренебрегающая индивидуальными особенностями личности, ставящая сам факт ответственности и наказания преступника выше цели наказания, а по сути, признающая целью политики само осуществление наказания [3].

Но, пожалуй, главный признак нового уголовно-политического курса, отражающий последствия смены этапов уголовной политики, это признаваемое едва ли не всеми специалистами наращивание репрессивных начал и усиление контролирующих функций государства. Оценивая это последствие в социально-прогностическом отношении, стоит обратить внимание на одно известное наблюдение, связанное с наличием существенной зависимости между степенью жёсткости уголовно-правового и иных форм социального контроля и уровня преступности. В отечественной литературе об этом много и убедительно писал В. В. Лунеев [16, с. 69–80]. Суть подтверждённой им закономерности проста: чем жестче социальный контроль, тем ниже уровень преступности, в связи с чем преступность в государствах с авторитарным режимом всегда значительно меньше в своих масштабах, чем преступность в демократически ориентированных странах.

Экстраполируя действие этой закономерности на ближайшую перспективу, можно вполне ответственно заявлять о том, что снятие

или игнорирование (прежде всего правовых, конституционных) барьеров для усиления авторитарно-репрессивных начал и наращивание интенсивности социального контроля во всех его формах на фоне вытеснения дюркгеймовских представлений о целях уголовной политики будет, конечно, эффективно способствовать технологическому сдерживанию и подавлению девиантности. Но надо также ответственно сознавать, что такой результат, во-первых, достигается непомерной ценой в виде попрания прав человека (чей формальный конституционный статус остается текстуально неизменным), и во-вторых, не может быть окончательным, вечным или бесконечно долгим. История много раз доказывала (а её объективные уроки имеют свойство неизменно повторяться), что любое «репрессивное сдерживание» может обернуться социальным, а в нашем случае – криминальным взрывом, который в конечном итоге «похоронит» соответствующую модель уголовной (и в целом социальной) политики, знаменуя новый социально-исторический этап.

Можно, по всей видимости, привести и иные, дополнительные (конкретизирующие и уточняющие) характеристики нового этапа уголовной политики. При этом, однако, важно понимать главное: эти характеристики не могут и не должны восприниматься в качестве свидетельства кризиса российской уголовной политики как таковой. Они – суть отражение основных положений новой (!) уголовной политики новой России, то есть такой уголовной политики, которая в текущих условиях не может быть иной, ибо она – плоть от плоти реализуемого страной внутри- и внешнеполитического курса. Этим мы несколько не хотим оправдать или одобрить

реализуемый в стране уголовно-политический курс, не хотим признать реализуемую уголовную политику абсолютно верной, адекватной и т. д. «Достоинство» (если допустимо применить это слово в данном случае) уголовной политики лишь в том, что она отражает общеполитический курс развития страны, соответствует ему и поддерживает его. Но это вовсе не предполагает, что сама по себе эта уголовная политика (и, кстати, лежащий в её основе тренд государственного развития) защищены от критики.

Заключение

Оценивая состоявшийся переход к новому этапу современной российской уголовной политики, надо констатировать в качестве обобщённого теоретического вывода тезис о недопустимости смешения двух концептов: «новая уголовная политика» и «новый этап уголовной политики». В 2009 году состоялся выраженный, чётко фиксируемый в политико-правовых документах переход к новому этапу постсоветской российской уголовной политики. Однако связанные с ним изменения, их причины и последствия представляются настолько глубокими и значимыми, что не позволяют признать наблюдаемые сегодня процессы частью того обновления советской уголовной политики, которое началось в начале 1990-х годов. В настоящее время мы наблюдаем обновление уже обновлённой в 1991–2008 годах уголовной политики, и нынешний вариант новаций справедливо в теоретическом отношении рассматривать в качестве очередного, самостоятельного процесса трансформации, а саму политику – в качестве новой российской уголовной политики.

Список литературы

1. Антонов Ф. С. Институциональное воспроизводство парадемократического авторитаризма: причины и последствия // Экономические и социально-гуманитарные исследования. – 2018. – № 2 (18) – С. 174–184.
2. Арзамаскин Ю. Н. Периодизация истории России: прозрачная ясность или труднейшая головоломка // Вестник Самарского юридического института. – 2013. – № 2 (10). – С. 81–84.
3. Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Преступность и судебно-уголовная политика // Журнал российского права. – 2021. – Т. 25. – № 12. – С. 26–40.
4. Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Российская уголовная политика XXI века. – Москва: Юрлитинформ, 2020. – 208 с.
5. Бавсун М. В. Влияние факторов геополитического характера на изменение уголовно-правовой политики государства // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2015. – Т. 9. – № 3. – С. 483–493.
6. Бавсун М. В., Попов Д. В. Гиперопределённость уголовного права как предпосылка его деградации / Уголовная политика и культура противодействия преступности : материалы Международной научно-практической конференции (Краснодар, 21 сентября 2018 г.): в 2-х т. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2018. – Т. 1. – С. 34–40.
7. Бавсун М. В., Попов Д. В. Метамодерн в праве: осцилляция в точке Канетти. Статья I. Пролиферация норм и разум // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2018. – № 4 (71). – С. 62–70.
8. Баумштейн А. Б. Этапы развития российского уголовного законодательства (постсоветская эпоха) / Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы IX Международной научно-практической конференции (Москва, 26–27 января 2012 г.). – Москва: Проспект, 2012. – С. 35–39.
9. Беспалая О. П. После постмодерна: альтермодерн, трансмодерн, постпостмодерн // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2014. – № 3. – С. 20–22.

10. *Гилинский Я. И.* Уголовная политика в эпоху постмодерна: проблемы и реальность // Уголовная политика и правоприменительная практика : сборник материалов V Международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 3 ноября 2017 г.) / отв. ред. Е. Н. Рахманова. – Санкт-Петербург: Петрополис, 2018. – С. 91–99.

11. *Григорьева Е. Б.* Политические эффекты авторитарного синдрома в современном политическом процессе России // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 379. – С. 46–54.

12. *Денисов С. А.* Политический режим современной России // Политическая концептология. – 2018. – № 2. – С. 146–156.

13. *Дорожкин Ю. Н.* Политическая система современной России: демократия или авторитаризм? // Власть. – 2016. – № 8. – С. 14–18.

14. *Дроздова Н. Ю.* К вопросу об этапах развития уголовного законодательства России // Вестник экономической безопасности. – 2020. – № 2. – С. 71–75.

15. *Епихин А. Ю.* Основные направления уголовной политики России на современном этапе // Вестник Удмуртского университета. – Вып. 3. Экономика и право. – 2012. – № 3. – С. 140–145.

16. *Лунеев В. В.* Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. Мировой криминологический анализ. – Москва: Норма, 1997. – 497 с.

17. *Макеева Н. В.* Уголовная политика в условиях модернизационных и постмодернизационных процессов: сравнительно-правовой анализ // Lex Russica. – 2016. – № 7 (116). – С. 146–155.

18. *Михайлова А. Ю.* История развития российского уголовного законодательства // Научные итоги года: достижения, проекты, гипотезы. – 2015. – № 5. – С. 221–225.

19. *Наумов А. В.* Преступление и наказание в истории России: в 2 ч. / 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2020. – Ч. II. – 640 с.

20. *Павлов А. В.* Образы современности в XXI веке: сверхмодернизм // Знание. Понимание. Умение. – 2019. – № 1. – С. 69–83.

21. *Побегайло Э. Ф.* Актуальные вопросы уголовной политики в современных условиях // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2013. – № 1. – С. 74–86.

22. *Столярова Н. В.* Проблемные вопросы периодизации отечественной истории // Вестник Самарского юридического института. – 2013. – № 3 (11). – С. 104–107.

23. *Турских М. Г.* Право в государствах с авторитарным политическим режимом // Сибирский юридический вестник. – 2011. – № 3 (54). – С. 109–115.

References

1. *Antonov F. S.* Institutsional'noye vosproizvodstvo parademokraticeskogo avtoritarizma: prichiny i posledstviya // Ekonomicheskiye i sotsial'no-gumanitarnyye issledovaniya. – 2018. – № 2 (18) – S. 174–184.

2. *Arzamaskin Yu. N.* Periodizatsiya istorii Rossii: prozrachnaya yasnost' ili trudneyshaya golovolomka // Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta. – 2013. – № 2 (10). – S. 81–84.

3. *Babayev M. M., Pudovochkin Yu. Ye.* Prestupnost' i sudebno-ugolovnaya politika // Zhurnal rossiyskogo prava. – 2021. – Т. 25. – № 12. – S. 26–40.

4. *Babayev M. M., Pudovochkin Yu. Ye.* Rossiyskaya ugolovnaya politika XXI veka. – Moskva: Yurlitinform, 2020. – 208 s.

5. *Bavsun M. V.* Vliyaniye faktorov geopoliticheskogo kharaktera na izmeneniye ugolovno-pravovoy politiki gosudarstva // Kriminologicheskii zhurnal Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava. – 2015. – Т. 9. – № 3. – S. 483–493.

6. *Bavsun M. V., Popov D. V.* Giperopredelonnost' ugolovnogo prava kak predposylka yego degradatsii / Ugolovnaya politika i kul'tura protivodeystviya prestupnosti : materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Krasnodar, 21 sentyabrya 2018 g.): v 2-kh t. – Krasnodar: Krasnodarskiy universitet MVD Rossii, 2018. – Т. 1. – S. 34–40.

7. *Bavsun M. V., Popov D. V.* Metamodern v prave: ostsillyatsiya v tochke Kanetti. Stat'ya I. Proliferatsiya norm i razum // Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii. – 2018. – № 4 (71). – S. 62–70.

8. *Baumshiteyn A. B.* Etapy razvitiya rossiyskogo ugolovnogo zakonodatel'stva (postsovetskaya epokha) / Ugolovnoye pravo: strategiya razvitiya v XXI veke: materialy IX Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Moskva, 26–27 yanvarya 2012 g.). – Moskva: Prospekt, 2012. – S. 35–39.

9. *Bespalaya O. P.* Posle postmoderna: al'termodern, transmodern, postpostmodern // Gumanitarnyye, sotsial'no-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki. – 2014. – № 3. – S. 20–22.

10. *Gilinskiy Ya. I.* Ugolovnaya politika v epokhu postmoderna: problemy i real'nost' // Ugolovnaya politika i pravoprimenitel'naya praktika : sbornik materialov V Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Sankt-Peterburg, 3 noyabrya 2017 g.) / отв. ред. Ye. N. Rakhmanova. – Sankt-Peterburg: Petropolis, 2018. – S. 91–99.

11. *Grigor'yeva Ye. B.* Politicheskiye efekty avtoritarnogo sindroma v sovremennom politicheskom protsesse Rossii // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2014. – № 379. – S. 46–54.

12. *Denisov S. A.* Politicheskiy rezhim sovremennoy Rossii // Politicheskaya kontseptologiya. – 2018. – № 2. – S. 146–156.

13. *Dorozhkin Yu. N.* Politicheskaya sistema sovremennoy Rossii: demokratiya ili avtoritarizm? // Vlast'. – 2016. – № 8. – S. 14–18.

14. *Drozdova N. Yu.* K voprosu ob etapakh razvitiya ugovolnogo zakonodatel'stva Rossii // Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti. – 2020. – № 2. – S. 71–75.
15. *Yepikhin A. Yu.* Osnovnyye napravleniya ugovolnoy politiki Rossii na sovremennom etape // Vestnik Udmurtskogo universiteta. – Vyp. 3. Ekonomika i pravo. – 2012. – № 3. – S. 140–145.
16. *Luneyev V. V.* Prestupnost' XX veka: mirovyye, regional'nyye i rossiyskiye tendentsii. Mirovoy kriminologicheskii analiz. – Moskva: Norma, 1997. – 497s.
17. *Makeyeva N. V.* Ugolovnaya politika v usloviyakh modernizatsionnykh i postmodernizatsionnykh protsessov: sravnitel'no-pravovoy analiz // Lex Russica. – 2016. – № 7 (116). – S. 146–155.
18. *Mikhaylova A. Yu.* Istoriya razvitiya rossiyskogo ugovolnogo zakonodatel'stva / Nauchnyye itogi goda: dostizheniya, proyekty, gipotezy. – 2015. – № 5. – S. 221–225.
19. *Naumov A. V.* Prestupleniye i nakazaniye v istorii Rossii: v 2 ch. / 2-ye izd., perarb. i dop. – Moskva: Prospekt, 2020. – Ch. II. – 640 s.
20. *Pavlov A. V.* Obrazy sovremennosti v XXI veke: sverkhmodernizm // Znaniye. Ponimaniye. Umeniye. – 2019. – № 1. – S. 69–83.
21. *Pobegaylo E. F.* Aktual'nyye voprosy ugovolnoy politiki v sovremennykh usloviyakh // Biblioteka ugovolnogo prava i kriminologii. – 2013. – № 1. – S. 74–86.
22. *Stolyarova N. V.* Problemnyye voprosy periodizatsii otechestvennoy istorii // Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta. – 2013. – № 3 (11). – S. 104–107.
23. *Tirskikh M. G.* Pravo v gosudarstvakh s avtoritarnym politicheskim rezhimom // Sibirskiy yuridicheskii vestnik. – 2011. – № 3 (54). – S. 109–115.

Статья поступила в редакцию 28.05.2023; одобрена после рецензирования 11.06.2023; принята к публикации 27.06.2023.

The article was submitted May 28, 2023; approved after reviewing June 11, 2023; accepted for publication June 27, 2023.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Научная статья
УДК 343.98
doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-127-132

Владимир Дмитриевич Зеленский
доктор юридических наук, профессор
<https://orcid.org/0009-0005-8356-1325>, juristic@kubsau.ru

Светлана Александровна Куемжиева
доктор юридических наук, профессор
<https://orcid.org/0000-0003-1146-8719>, juristic@kubsau.ru

*Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина
Российская Федерация, 350044, Краснодар, ул. Калинина, д. 13*

О понятии и видах оправдательных обстоятельств

Аннотация: Введение. В статье изложены вопросы понятия, содержания оправдательных обстоятельств в расследовании преступлений. Оправдательные обстоятельства занимают важное место в системе установления события преступления и доказывания виновности конкретного лица. Проверка названных обстоятельств обязательна, кем бы они ни заявлялись. Криминалистическим вопросам проверки оправдательных обстоятельств в науке уделено достаточное внимание. Однако в настоящее время необходимо детальнейшее исследование не только обстоятельств, указанных в гл. 8 УК РФ, но и ряда других оправдательных данных.

Методы и результаты

В процессе исследования авторами использовались статистические и формально-юридические методы. Анализ оправдательных обстоятельств проводился с позиций структуры расследования и противодействия расследованию, обязанности проверки оправдательных обстоятельств, которая является важным элементом доказывания как события преступления, так и виновности конкретного лица. В работе рассмотрены виды оправдательных обстоятельств. Изложены методы проверки алиби, невозможности совершения преступления конкретным лицом вследствие болезни, отсутствия у лица физических данных, необходимых для совершения преступления. Рассмотрены методы проверки указанных оправдательных обстоятельств. Показано значение проверки сведений об оправдательных обстоятельствах для полноты и объективности расследования.

Ключевые слова: расследование, оправдательные обстоятельства, предмет расследования, противодействие, виды оправдательных обстоятельств, организация расследования

Для цитирования: Зеленский В. Д., Куемжиева С. А. О понятии и видах оправдательных обстоятельств // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 3 (99). – С. 127–132; doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-127-132.

Vladimir D. Zelensky
Dr. Sci. (Jurid.), Professor
<https://orcid.org/0009-0005-8356-1325>, juristic@kubsau.ru

Svetlana A. Kuemzhieva
Dr. Sci. (Jurid.), Professor
<https://orcid.org/0000-0003-1146-8719>, juristic@kubsau.ru

*Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin
13, Kalinina str., Krasnodar, 350044, Russian Federation*

The concept and types of exculpatory circumstances

Abstract: Introduction. The article describes the issues of the concept, content of exculpatory circumstances in the investigation of crimes. Justifying circumstances are important in the system of establishing the event of a crime and proving the guilt of a particular person. Verification of the named circumstances is obligatory, no matter by whom they are stated. The forensic issues of verification of exculpatory circumstances have been given sufficient attention in science. However, at present it is necessary to carry out a detailed study of not only the circumstances specified in Chapter 8 of the Criminal Code of the RF, but also a number of other exculpatory data.

Methods and results. In the process of research the authors used statistical and formal-legal methods. The analysis of exculpatory circumstances was conducted from the perspective of the structure of investigation and resistance to investigation, the mandatory verification of exculpatory circumstances, which is an important element of proving both the event of the crime and the guilt of a particular person. The article considers the types of exculpatory circumstances. The methods of verification of alibi, impossibility of committing a crime by a particular person due to illness, lack of physical data necessary for the commission of a crime. The methods of verification of the specified exculpatory circumstances are considered. The importance of verification of information on exculpatory circumstances for completeness and objectivity of investigation is shown.

Keywords: investigation, exculpatory circumstances, subject matter of investigation, opposition, types of exculpatory circumstances, organisation of investigation

For citation: Zelensky V. D., Kuemzhieva S. A. The concept and types of exculpatory circumstances // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – № 3 (99). – P. 127–132; doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-127-132.

Введение

Расследование преступлений, являясь сложной специфической социальной деятельностью, направлено на установление обстоятельств преступного события. Обстоятельства преступления, подлежащие установлению, указаны в уголовно-процессуальном законе (ст. 73 УПК РФ). Они устанавливаются как в результате получения прямых доказательств, так и посредством выявления промежуточных фактов – косвенными доказательствами. Совокупность обстоятельств, подлежащих установлению по уголовному делу – обстоятельства предмета доказывания и промежуточные факты – образуют предмет расследования [6, с. 12; 7, с. 76; 9, с. 176–177]¹. Выявление, конкретизация и установление всех обстоятельств предмета расследования по уголовному делу является важной задачей организации первоначального этапа расследования. В процессе организационно-аналитической деятельности нередко выявляются сведения о фактах, исключающих или ставящих под сомнение первоначальные следственные версии и представления о событии преступления или виновности конкретного лица, позволяющие рассматривать последнее в качестве оправдательных обстоятельств.

Методы и результаты

Оправдательными являются обстоятельства, исключающие преступность деяния: необходимая оборона, крайняя необходимость и другие обстоятельства, закрепленные в главе 8 УК РФ. Помимо указанных в уголовном законодательстве, существует ряд иных обстоятельств, исключающих событие или состав преступления в деянии конкретного лица. Речь идёт не только о событии или составе преступления, но чаще всего о виновности конкретного лица. В ситуации отдельного расследования вышеуказанные обстоятельства являются оправдательными. Доказательства, как прямые, так и косвенные, устанавливающие данные обстоятельства, являются оправдательными.

С учётом изложенного можно констатировать, что оправдательным является обстоятельство, исключающее уголовную ответственность лица за совершение преступного деяния или причастность к событию преступления. Таким образом, оправдательные обстоятельства связаны с уголовно-правовым понятием события преступления и виновности лица. Событие преступления включает различные обстоятельства: место, время, цели, действия, способы и др., т. е. обстоятельство является содержательной стороной события преступления, которое в свою очередь выступает основным структурным элементом преступного деяния. Элементы события преступления конкретизируются на первоначальном этапе и устанавливаются следствием. В ходе данного процесса могут выявляться сведения об оправдательных обстоятельствах. Необходимо различать оправдательные обстоятельства и оправдательные доказательства. В уголовном процессе под оправдательными доказательствами понимаются фактические данные, исключающие или смягчающие вину лица². В приведённом варианте определения понятие оправдательного обстоятельства трактуется расширительно, поскольку смягчающие вину обстоятельства в подлинном значении этого слова оправдательными не являются.

Таким образом, представляется возможным сделать вывод, что в расследовании существует две группы оправдательных обстоятельств. Обстоятельства первой группы исключают событие или состав преступления, обстоятельства второй исключают виновность конкретного лица в совершении определённого преступления. Обстоятельства, уменьшающие (изменяющие) виновность лица, являются смягчающими вину обстоятельствами. Оправдательными их можно считать условно, в широком смысле значения «оправдательные».

Обстоятельства первой группы изучены с определённой полнотой, известны их уголовно-правовая и криминалистическая ха-

¹ Белкин Р. С. Курс криминалистики. – Москва, 1997. – Т. 3. – С. 332.

² Уголовный процесс Российской Федерации: учебник / под ред. А. П. Кругликова. – Москва : Проспект, 2009. – С. 204–205. – 736 с.

рактеристики, разработаны научно-практические рекомендации проверки [3, с. 100–103; 13, с. 141–145]. Вместе с тем остановимся на обстоятельствах, которые исключают вину лица, но не указаны в уголовно-процессуальном законе в качестве оправдательных. Подобные обстоятельства связаны с содержанием деяния, его объективной стороной, событием преступления. К числу наиболее распространенных в практике расследования следует отнести: алиби, физическую невозможность лица совершить данное преступление; невозможность совершить конкретные преступные действия вследствие болезни; отсутствия специальных знаний и навыков для совершения конкретного преступления.

Алиби, как оправдательное обстоятельство, исследовано достаточно полно [2; 4, с. 10–19; 5, с. 146–150; 10, с. 123–128; 12, с. 81–87]. Вместе с тем существует необходимость изучения отдельных элементов данного правового явления и методики его проверки, а также недостатков и упущений, допускаемых в практической реализации научно-практических рекомендаций.

Проверка алиби начинается с получения информации о заявленном обстоятельстве. Первым проверочным действием является допрос подозреваемого (обвиняемого) или иного заявителя с целью выяснения обстоятельств пребывания проверяемого лица в определённом месте и в определённое время, который рекомендуется начинать с точки отсчёта, устанавливаемой максимально достоверно. Впоследствии необходимо «вести» допрашиваемого, выясняя у него времяпрепровождение от точки отсчёта до момента совершения преступления и некоторое время после преступления. Точка отсчёта должна избираться с незначительным отдалением от времени совершения преступления во избежание существенного увеличения объёма проверки. В то же время она не должна быть существенно приближена во времени к моменту совершения преступления, что значительно сократит проверяемый период и, как следствие, может негативно повлиять на эффективность и качество проведения последней.

Изложенная рекомендация методики допроса заявителя алиби, на наш взгляд, обязательна. Распространённой ошибкой является краткость либо поверхностный характер проверки. Следователь нередко допрашивает заявителя о времяпрепровождении его в месте алиби. Выявление нескольких связанных между собой по времени событий позволяет установить точное время нахождения лица в месте алиби.

Детальное выяснение времяпрепровождения подозреваемого (обвиняемого) от точки отсчёта до момента совершения преступления позволяет выявить и привлечь к проверке лиц, причастных к событиям, приближённым к моменту совершения преступления. Допрос установленных лиц должен проводиться незамедлительно. При этом в зависимости от сложившихся обстоятельств желательно не разглашать цели допроса, детально фиксировать факты, особен-

но близкие к моменту совершения преступления. Следует помнить, что подозреваемый, как правило, не даёт полных показаний об указанных событиях и лицах, поэтому необходимо использовать возможности оперативно-розыскных мероприятий. Необходимо также выявить возможные средства фиксации событий и лиц в проверяемых местах (видеокамеры, георасположение объектов, документальное оформление и др.). Изложенные мероприятия позволяют полно проверить не только показания заявителя алиби, но и установить факты, подтверждающие или опровергающие алиби.

Обязательной является проверка показаний лиц, на которых ссылается заявитель при высказывании предположений о возможных ложных показаниях. Прежде всего необходимо детально выяснить факт пребывания заявителя в определённом месте и сопоставить показания указанных свидетелей с материалами проверки этого места; установить возможные причины заведомо ложных показаний свидетелей на основе выявления взаимоотношений последних с подозреваемым.

Как правило, алиби заявляется на начальном этапе расследования. Вместе с тем в практике встречаются случаи заявления обвиняемым алиби в ходе расследования или при окончании его производства. В подобной ситуации проверка заявления носит напряжённый характер, но осуществляется по изложенной методике. В научной литературе О. Я. Баев высказал предложение об определённой подготовке к возможному заявлению об алиби [1, с. 47–48]. Суть её в том, что следователь, получая на первом допросе подозреваемого признательные показания, выявляет не только обстоятельства совершения преступления, но и стремится получить информацию о примыкающих к преступлению обстоятельствах (по месту и времени). Впоследствии допрос свидетелей данных событий позволяет выявить и установить систему обстоятельств, косвенно подтверждающих признание подозреваемого (обвиняемого). С такой рекомендацией следует согласиться. Отметим, что речь по существу идёт не только о предвосхищении заявления алиби, но о полноте расследования. Существующая много лет научно-практическая рекомендация об установлении обстоятельств, примыкающих по месту и времени к событию преступления, предполагает исследовать в доказывании указанные промежуточные факты. При заявлении оправдательных обстоятельств, в том числе алиби, при окончании расследования или в суде названная система косвенных обстоятельств позволяет более полно исследовать и оценивать событие преступления и вину лица.

В отличие от алиби, являющегося оправдательным обстоятельством, при установлении которого исключается уголовная ответственность конкретного лица, другие вышеназванные обстоятельства требуют при их установлении подтверждения иными фактами. Речь идет о невозможности лица совершить преступление вследствие болезни, отсутствие у лица физиче-

ских данных, необходимых для совершения конкретного преступления.

Для установления невозможности совершения преступления вследствие болезни необходимо установить факт болезни лица во время совершения преступления. Он устанавливается данными истории болезни, допроса лечащего врача, судебно-медицинского освидетельствования и судебно-медицинской экспертизы. В сочетании названные действия призваны установить факт болезни подозреваемого, обвиняемого и конкретное заболевание последнего во время совершения преступления. Параллельно с изложенным необходимо изучение указанной болезни и заключения специалиста (комиссии специалистов) о характере болезни, проявляемых последствиях, в том числе при совершении лицом определённых действий. При производстве комплексной судебно-медицинской экспертизы учитываются как заключение специалиста, так и иные фактические данные (в том числе доказательства совершения подозреваемым определённых действий). Вывод следователя о подтверждении или опровержении заявленного оправдательного обстоятельства формулируется на основе оценки всей совокупности полученных доказательств.

Определённое сходство с рассмотренным оправдательным обстоятельством имеет отсутствие у подозреваемого (обвиняемого) фактических данных, необходимых для совершения конкретного преступления. К таким данным относятся рост, вес, телосложение необходимые для совершения различных действий, входящих в объективную сторону конкретного преступления (возможность поднять определённый предмет, перенести тяжелые объекты в определённых условиях, пролезть в определённое отверстие и др.).

Невозможность совершения преступления вследствие болезни чаще заявляют при расследовании изнасилования и других половых преступлений. Вопрос об отсутствии физических данных возникает при исследовании способа совершения различных преступлений: кража, убийство и др.

Совершение некоторых видов преступлений требует наличия у субъекта определённых профессиональных или иных специальных знаний и навыков. Вопрос о понятии специальных знаний в уголовном судопроизводстве исследован в работах Г. Г. Зуйкова³, Ю. Г. Корухова, Д. К. Орлова, В. В. Степанова, Л. Г. Шапиро, А. А. Эйсмана, и других учёных [8, с. 113–114; 14, с. 9–44; 15, с. 89–91]. Е. Р. Россинская определила специальные знания как систему теоретических знаний и практических навыков в области науки либо техники, искусства или ремесла, приобретённые путём специальной подготовки или профессионального опыта [11, с. 32–43]. Как видно из различных определений понятия

специальных знаний, последние складываются из двух компонентов – теоретических знаний и практических действий, включающих умения и навыки. Изложенное исследуется в основном применительно к расследованию преступлений, но в определённой мере относятся и к совершению преступлений, ибо, как писал М. И. Еникеев, способ совершения преступления – как система приёмов, действий, операционных комплексов – обусловлен психическими и физическими особенностями лица, в котором проявляются его знания, умения, навыки, привычки⁴. Знания, умения и навыки могут быть специальными или профессиональными. Отсутствие последних у подозреваемого, обвиняемого в ситуации, когда установлено, что они использовались в конкретном случае, являются оправдательными обстоятельствами.

Безусловно, указанное оправдательное обстоятельство является косвенным. Вывод о невозможности совершения конкретного преступления лицом может быть сделан при наличии других косвенных доказательств. В любом случае необходимо установить две группы фактов: использование при совершении конкретного преступления специальных знаний и практических навыков их применения; отсутствие у подозреваемого таких знаний и навыков. Необходимо установить характер специальных знаний и навыков; использование их в совершении конкретного преступления; причастность лица к реализации указанных знаний и навыков, либо их отсутствие у данного лица (подозреваемого, обвиняемого).

Таким образом, установление обстоятельств, исключающих преступность деяния (гл. 8 УК РФ), безусловно, имеет оправдательное значение. Иные рассмотренные обстоятельства имеют оправдательное значение, но их установление должно быть осуществлено в сочетании с другими промежуточными фактами. Следовательно, получив информацию о любом из указанных обстоятельств, должен осуществить проверку с целью получения доказательств оправдательного значения последних либо отсутствия такого. В противном случае вопрос о существовании оправдательных данных может возникнуть в суде, что повлечёт негативные последствия.

Заключение

Оправдательными являются обстоятельства, предусмотренные гл. 8 УК РФ. Кроме них, к числу оправдательных относятся данные о невиновности лица или непричастности его к совершению преступления. Сведения об указанных данных возникают в ходе расследования или судебного рассмотрения уголовного дела. Источник этих сведений значения не имеет, важно их содержание. Отнесение их к числу оправдательных осуществляется следователем в ходе рассмотрения, а при необходимости и ис-

³ Зуйков Г. Г. Криминалистическое учение о способе совершения преступления : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва: Высш. школа МВД СССР, 1970. – 30 с.

⁴ Еникеев М. И. Юридическая психология : учебник. – Москва : Норма, 2001. – С. 105. – 517 с.

следования. Таким образом, вторая группа обстоятельств оправдательными становятся в результате оценки следователя.

Вывод: следователь должен знать виды оправдательных обстоятельств и их уголовно-правовую и криминалистическую характеристики.

Оправдательные обстоятельства второй группы могут возникать в процессе совершения преступления. Существуют общеизвестные (они распространены в следственной практике) обстоятельства, типа «алиби» и малоизвестные (неспособность физически совершить данные действия и др.). Надо учитывать, что есть оправдательные обстоятельства, распространенные для всех или большинства преступных деяний, а существуют оправдательные обстоятельства для отдельного вида (видов) преступлений.

Поэтому необходимо создать перечень всех наиболее распространенных оправдательных обстоятельств.

Следователь должен предвидеть (прогнозировать) возможность появления оправдательных обстоятельств в ходе расследования. Основанием для такого предвидения является знание следователем видов оправдательных обстоятельств, их содержания, ситуаций и практики выявления или отсутствия (ложное сообщение).

Вывод: в расследовании необходимо выявлять признаки возможных оправдательных обстоятельств и осуществлять предвосхищающую проверку возможных сведений об оправдательных обстоятельствах. Её результаты позволяют в случае получения информации об оправдательных обстоятельствах использовать их для установления существования искомых фактов.

Оправдательные обстоятельства являются одним из элементов механизма события преступления, т. е. они (при условии действительного их существования) входят в предмет расследования как обязательная его часть. Поэтому сведения об оправдательных обстоятельствах должны обязательно проверяться.

Проверка оправдательных обстоятельств представляет собой тактическую операцию – сочетание следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Необходимо использовать научно-практические рекомендации по тактике производства следственных действий и их взаимосвязи, для оптимизации такой оценки. Наиболее распространенными следственными действиями являются допросы, следственный эксперимент, производство судебных экспертиз. Результаты проверки не должны вызывать сомнения в их достоверности.

Оценивая результаты проверки оправдательных обстоятельств, необходимо учитывать, что установление тех из них, которые предусмотрены гл. 8 УК РФ, имеют оправдательное значение. Есть такие и в числе иных оправдательных обстоятельств (обстоятельств второй группы) – алиби.

Большинство оправдательных обстоятельств второй группы косвенно свидетельствуют о невозможности совершить данные преступления. Поэтому для вывода о невозможности совершить преступление они используются в сочетании с другими косвенными доказательствами.

Изложенные сведения имеют значение для всесторонней и полной проверки оправдательных обстоятельств.

Список литературы

1. Баев О. Я. Предвосхищающая проверка алиби и других возможных версий со стороны защиты / Качество расследования: криминалистические и уголовно-процессуальные проблемы : материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Краснодар, 2016. – С. 47–48.
2. Белокобыльская О. И. Алиби и его проверка при расследовании преступлений // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2-3. (сетевое издание) [Электронный ресурс] // Rae.ru : сайт. – URL : <https://science-education.ru/ru/issue/view?id=131> (дата обращения 05.07.2023).
3. Глушкова Е. М. Понятия «крайняя необходимость» и «превышение пределов крайней необходимости» // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2016. – № 3. – С. 100–103.
4. Елфимов П. В., Виноградова О. П. Ложное алиби как элемент механизма противодействия расследованию преступлений // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2022. – № 3. – С. 10–19.
5. Зеленский В. Д. Организация проверки алиби / Отечественная криминалистика: вчера, сегодня, завтра: сборник научно-практических статей. Под общей редакцией И. М. Комарова. – Москва : Издательство «Юрлитинформ», 2020. – С. 146–150.
6. Зеленский В. Д. Организация расследования преступлений : монография. – Ростов-на-Дону, 1989. – С. 12.
7. Зеленский В. Д. Теоретические вопросы организации расследования преступлений : монография. – Краснодар : КубГАУ, 2011. – С. 76.
8. Зуйков Г. Г. Общие вопросы использования специальных познаний в процессе предварительного расследования // Криминалистическая экспертиза. – 1966. – Вып. I. – С. 113–114.
9. Куемжиева С. А. Методика расследования преступлений против семьи и несовершеннолетних : монография. – Москва: Издательство «Юрлитинформ», 2018. – С. 176–177.
10. Левченко О. В. Проблемы доказывания алиби обвиняемого по уголовным делам // Вестник Челябинского государственного университета. – 2015. – № 4 (359). – С. 123–128.

11. *Россинская Е. Р.* Специальные познания и современные проблемы их использования в судопроизводстве // Журнал российского права. – 2001. – № 5. – С. 32–43.
12. *Смирнова И. Г.* Значение алиби по делам о преступлениях в сфере компьютерной информации: в развитие идей В. И. Шиканова / Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2015. – № 2 (8). – С. 81–87.
13. *Станкевич А. М., Дмитренко А. П., Е. Фоменко В.* Соотношение условий и пределов правомерности крайней необходимости // Вестник Московского университета МВД России. – 2011. – № 1. – С. 141–145.
14. *Шапиро Л. Г.* Процессуальные и криминалистические аспекты использования специальных знаний при расследовании преступлений в сфере экономической деятельности. – Москва: Издательство «Юрлитинформ», 2007. – С. 9–44.
15. *Эйсман А. А.* Заключение эксперта. Структура и научное обоснование. – Москва: Юридическая литература, 1967. – С. 89–91. – 152 с.

References

1. *Bayev O. Ya.* Predvoskhishchayushchaya proverka alibi i drugikh vozmozhnykh versiy so storony zashchity / Kachestvo rassledovaniya: kriminalisticheskiye i ugolovno-protsessual'nyye problemy : materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. – Krasnodar, 2016. – S. 47–48.
2. *Belokobyl'skaya O. I.* Alibi i yego proverka pri rassledovanii prestupleniy // Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya. – 2015. – № 2-3. (setevoye izdaniye) [Elektronnyy resurs] // Rae.ru : sayt. – URL : <https://science-education.ru/ru/issue/view?id=131> (data obrashcheniya 05.07.2023).
3. *Glushkova Ye. M.* Ponyatiya «krajnyaya neobkhodimost'» i «prevysheniye predelov krayney neobkhodimosti» // Gumanitarnyye, sotsial'no-ekonomicheskkiye i obshchestvennyye nauki. – 2016. – № 3. – S. 100–103.
4. *Yelfimov P. V., Vinogradova O. P.* Lozhnoye alibi kak element mekhanizma protivodeystviya rassledovaniyu prestupleniy // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskkiye i yuridicheskkiye nauki. – 2022. – № 3. – S. 10–19.
5. *Zelenskiy V. D.* Organizatsiya proverki alibi / Otechestvennaya kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra: sbornik nauchno-prakticheskikh statey. Pod obshchey redaktsiyey I. M. Komarova. – Moskva : Izdatel'stvo «Yurlitinform», 2020. – S. 146–150.
6. *Zelenskiy V. D.* Organizatsiya rassledovaniya prestupleniy : monografiya. – Rostov-na-Donu, 1989. – S. 12.
7. *Zelenskiy V. D.* Teoreticheskiye voprosy organizatsii rassledovaniya prestupleniy : monografiya. – Krasnodar : KubGAU, 2011. – S. 76.
8. *Zuykov G. G.* Obshchiye voprosy ispol'zovaniya spetsial'nykh poznaniy v protsesse predvaritel'nogo rassledovaniya // Kriminalisticheskaya ekspertiza. – 1966. – Vyp. I. – S. 113–114.
9. *Kuyemzhiyeva S. A.* Metodika rassledovaniya prestupleniy protiv sem'i i nesovershennoletnikh : monografiya. – Moskva: Izdatel'stvo «Yurlitinform», 2018. – S. 176–177.
10. *Levchenko O. V.* Problemy dokazyvaniya alibi obvinyayemogo po ugolovnym delam // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2015. – № 4 (359). – S. 123–128.
11. *Rossinskaya Ye. R.* Spetsial'nyye poznaniya i sovremennyye problemy ikh ispol'zovaniya v sudoproizvodstve // Zhurnal rossiyskogo prava. – 2001. – № 5. – S. 32–43.
12. *Smirnova I. G.* Znachenije alibi po delam o prestupleniyakh v sfere komp'yuternoy informatsii: v razvitiye idey V. I. Shikanova / Sibirskiy ugolovno-protsessual'nyye i kriminalisticheskiye chteniya. – 2015. – № 2 (8). – S. 81–87.
13. *Stankevich A. M., Dmitrenko A. P., Fomenko Ye. V.* Sootnosheniye usloviy i predelov pravomernosti krayney neobkhodimosti // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2011. – № 1. – S. 141–145.
14. *Shapiro L. G.* Protsessual'nyye i kriminalisticheskiye aspekty ispol'zovaniya spetsial'nykh znaniy pri rassledovanii prestupleniy v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti. – Moskva: Izdatel'stvo «Yurlitinform», 2007. – S. 9–44.
15. *Eysman A. A.* Zaklyucheniye eksperta. Struktura i nauchnoye obosnovaniye. – Moskva: Yurid. lit., 1967. – S. 89–91. – 152 s.

Статья поступила в редакцию 24.07.2023; одобрена после рецензирования 20.08.2023; принята к публикации 12.09.2023.

The article was submitted July 24, 2023; approved after reviewing August 20, 2023; accepted for publication September 12, 2023.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Научная статья
УДК 343.343.5
doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-133-140

Кирилл Николаевич Карпов
кандидат юридических наук, доцент
<https://orcid.org/0000-0001-5220-0571>, kkn83@mail.ru

*Омская академия МВД России
Российская Федерация, 644092, Омск, проспект Комарова, д. 7*

Криминализация и декриминализация как инструменты социального контроля за лицами, совершившими преступление

Аннотация: Актуальность темы исследования обусловлена сложностями современных тенденций криминализации (декриминализации) в рамках складывающейся уголовно-правовой политики. Обобщение сформировавшихся в доктрине подходов (и позиций авторов) к происходящим изменениям в УК РФ, выражающимся в увеличении количества уголовно-правовых запретов, а также правоприменительной практики, демонстрирует качественные изменения формируемых запретов во взаимосвязи с конструкциями соответствующих составов преступлений, санкциями, а также реально складывающейся правоприменительной практикой в указанной области.

Объектом исследования выступают общественные отношения, связывающие процессы криминализации с этапом реализации уголовного наказания и иных мер уголовно-правового характера и дальнейшего индивидуализированного предупреждения преступлений.

Цель работы состояла в определении механизма криминализации (декриминализации) не только в рамках уголовно-правовых запретов, но и дальнейшей правоприменительной практики.

В результате исследования автор констатирует наличие взаимосвязи между тенденцией к увеличению количества уголовно-правовых запретов с одновременным введением инструментов снижения карательного потенциала санкций, содержащихся в УК РФ, а также практическим снижением применения репрессивных мер. Отмечается частичное использование мер социального контроля за поведением осуждённых как инструмент частной превенции и указывается на необходимость расширения подобных средств и их спецификации исходя из особенностей совершённого преступления и свойств личности преступника.

Полученные **выводы** могут быть использованы в законотворческом процессе, а также правоприменительной практике при назначении и исполнении наказания и иных мер уголовно-правового характера.

Ключевые слова: криминализация, общественная опасность, смягчение наказания, меры социального контроля, судимость

Для цитирования: Карпов К. Н. Криминализация и декриминализация как инструменты социального контроля за лицами, совершившими преступление // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 3 (99). – С. 133–140; doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-133-140.

Kirill Nikolaevich Karpov
Cand. Sci. (Jurid.), Docent
<https://orcid.org/0000-0001-5220-0571>, kkn83@mail.ru

*Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia
7, Komarova Ave., Omsk, 644092, Russian Federation*

Criminalization and decriminalization as instruments of social control over persons who committed a crime

Annotation: The relevance of the research topic is determined by the complexities of modern trends in criminalization (decriminalization) within the framework of the emerging criminal law policy. Generalization of the approaches formed in the doctrine (and the positions of the authors) to the ongoing

changes in the Criminal Code of the Russian Federation, expressed in the increase in the number of criminal law prohibitions and law enforcement practice, demonstrates the qualitative changes in the emerging prohibitions in relation to the designs of the relevant offences, sanctions, as well as the actually developing law enforcement practice in this area.

The **object** of the study is social relations linking criminalization processes with the stage of the implementation of criminal punishment and other measures of criminal law nature and further individualized crime prevention.

The **aim** of the study was to define the mechanism of criminalization (decriminalization) not only within the framework of criminal law prohibitions, but of further law enforcement practice as well.

As a **result** of the study, the author states that there is a correlation between the trend towards the increase in the number of criminal law prohibitions with the simultaneous introduction of instruments to reduce the punitive potential of sanctions contained in the Criminal Code of the Russian Federation, as well as the practical reduction in the use of repressive measures. The partial use of measures of social control over the behavior of convicts as an instrument of private prevention is noted and the need to expand such means and their specification based on the characteristics of the crime committed and the personality traits of the criminal is pointed out.

The **findings** can be used in the legislative process, as well as law enforcement practice when assigning and executing punishment and other criminal law measures.

Keywords: criminalization, public danger, mitigation of punishment, measures of social control, criminal record

For citation: Karpov K. N. Criminalization and decriminalization as instruments of social control over persons who committed a crime // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – No. 3 (99). – P. 133–140; doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-133-140.

Введение

Преобладающая в современной политико-правовой среде ситуация в области изменений и дополнений именно уголовного законодательства большинством учёных определяется не просто как интенсивное правотворчество, но и как чрезмерная криминализация [1; 2]. Однако необходимо отметить, что многие из происходящих изменений продиктованы объективными потребностями общества, невозможностью иным способом решения задач государства по обеспечению безопасности как внутренней, так и внешней политики, исходя из складывающейся экономической, внешнеполитической обстановки и т. д., и, как следствие, постепенным смещением в сторону такого способа регулирования общественных отношений, который предполагает увеличение и доминирование элементов социального контроля в обществе.

Разнонаправленные тенденции как в области уголовной политики в целом, так и в сфере криминализации деяний в частности вызывают споры среди правоприменителей и научного сообщества. М. В. Бавсун указывает на прямую связь происходящих процессов криминализации с факторами геополитического характера [3]. По мнению Н. А. Лопашенко, Уголовный кодекс РФ забит квазипреступлениями (деяния, лишённые общественной опасности) и псевдопреступлениями (деяния, созданные в интересах правящих групп) [4]. И. Я. Козаченко, ссылаясь на мнение М. Анселя¹, также полагает, что «причины криминализации таких деяний не всегда понятны не только тем, кому они адресованы,

но и правоприменителю»². В то же время, по его мнению, «криминализация служит прогнозом будущего развития уголовного права»³. Я. И. Гиллинский подвергает критике излишнюю криминализацию ряда преступных деяний и приходит к выводу, что они «или гражданско-правовые деликты, или административные проступки», ставя в упрек законодателю тот факт, что «главное (единственное) основание криминализации – воля власти, правителя, режима» [5, с. 14].

Приводимые при этом аргументы излишнего карательного воздействия всё же основываются на практике привлечения к уголовной ответственности за совершение традиционно криминальных насильственных преступлений (убийство, изнасилование, террористический акт и т. д.) и применения наказания в виде лишения свободы. Не углубляясь в вопросы техники и конструкции уголовно-правовых запретов, необходимо обратить внимание на то, что большинство принимаемых норм функционально нагружены и задействованы правоприменителем.

Методы

При проведении исследования были использованы как общенаучные методы исследования (диалектический, функциональный, логический и т. д.), так и ряд специальных юридических методик. Например, использование статистического метода позволило продемонстрировать отсутствие строгой зависимости между наказуемостью (строгостью) преступления и уровнем преступности. Аксиологический

¹ Ансель М. Новая социальная защита (Гуманистическое движение в уголовной политике). – Москва: Прогресс, 1970. – С. 194–195.

² Козаченко И. Я., Сергеев Д. Новая криминализация: философско-юридический путеводитель по миру преступного и непроступного. – Екатеринбург: SAPIENTA, 2020. – 256 с.

³ Там же. – С. 16.

метод позволил выявить истинные цели криминализации и декриминализации на современном этапе общественного развития. Были использованы также социологический, формально-юридический и другие методы.

Результаты

В рамках проводимого исследования нами были проанализированы изменения в уголовном законодательстве, касающиеся установления новых составов преступлений с 2012 г. по 2022 г. За указанный период было введено около 90 новых составов преступлений⁴. По категориям в рамках основного состава они распределены следующим образом: особо тяжкие – 4 %, тяжкие – 16 %, средней тяжести – 19 %, небольшой тяжести – 60 %. Данная картина свидетельствует о том, что подавляющее большинство составов имеет минимальное значение криминализации. Если же рассматривать категорию преступления по наиболее тяжкому составу, то распределение следующее: небольшой тяжести – 30 %, средней тяжести – 19 %, тяжкие – 24 %, особо тяжкие – 16 %.

Таким образом законодатель, криминализуя определённые виды деяний, в основном не использует репрессию как механизм подавления. Скорее, криминализация в данном случае служит целям обозначения недопустимого поведения, установления правового статуса лица, совершившего преступление, и дальнейшего индивидуализированного предупреждения преступлений. Необходимо отметить, что большинство составов преступлений с такой спорной криминализацией в настоящее время выполняют свою функцию. Они выступают в роли промежуточного звена между административными правонарушениями (или гражданско-правовыми деликтами) и случаями причинения существенного вреда правам и интересам граждан, общества, государства, требующими существенного карательного воздействия. Такого рода пресечение преступной деятельности на ранних этапах позволяет предупредить их переращение в действительно криминальные формы поведения.

Кроме того, более чем в 25 % случаев при формулировании новых составов преступлений законодатель использует именно конструкцию административной (либо уголовной) преюдиции (ст. ст. 116¹, 151¹, 158¹, 264¹ УК РФ и др.). Такой способ постепенной криминализации в сочетании с отнесением преступления в целом к категории небольшой либо средней тяжести позволяет нерепрессивными методами снизить вероятность продолжения социально деструктивного поведения.

При этом анализ изменений в части криминализации и декриминализации деяний, про-

исходящих в последние 10 лет, свидетельствует о наличии следующих тенденций. Во-первых, криминализация явно преобладает над процессом декриминализации. Эту тенденцию можно объяснить отсутствием общественного (массового) внимания к устаревшим либо малораспространённым сферам человеческого поведения и, соответственно, и к существующим в них запретам. Сформировавшиеся в данных сферах способы взаимодействия субъектов, содержание правоотношений и соответствующие запреты, даже в случае их сокращения, не утрачивают актуальности как определённые ориентиры недозволенного поведения, т. е. общественная опасность запрещённых деяний не утрачивается как таковая. Соответственно, сохранение их в уголовном законодательстве позволяет сохранять стабильность и гарантировать безопасность, а декриминализация, по сути, не меняет положения дел. Редкие случаи декриминализации в большей степени связаны с объективной потребностью такого влияния на правоотношения, которое позволило бы принципиально изменить их содержание. К таким изменениям следует отнести изменение как нормативной основы, так и правоприменительной практики (несмотря на наличие соответствующих норм в УК РФ, в отношении ряда преступлений в настоящее время состояние декриминализации существует де-факто на уровне правоприменения [6]), например, в части защиты авторских прав (ст. ст. 146, 147 УК РФ), а также снижение ответственности за совершение налоговых преступлений. Указанные изменения продиктованы объективными потребностями экономической и внешнеполитической ситуации в России и представляются адекватными.

Во-вторых, основные криминализирующие нормы связаны с определением новых, опасных в сложившейся обстановке государственно-политических деяний. В частности, включение в УК РФ таких составов, как «добровольная сдача в плен» (ст. 352¹ УК РФ), «злоупотребление должностными полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа» (ст. 285⁴ УК РФ) и др., обусловлено объективным возникновением новых жизненных ситуаций. Отдельные же составы, по сути, меняют подходы к ранее допустимым (терпимым) формам поведения. Они продиктованы необходимостью не просто привлечь к уголовной ответственности лиц, которые и раньше занимались совершением тех же поступков (например, уголовное дело в отношении А. Невзорова⁵, распространение фейковых новостей в период пандемии COVID-19 [7] и т. д.), но и сформировать устойчивый мировоззренческий тренд как внутри государства, так и за его пределами, определяющий недопустимость безответственного отношения к таким общественно значимым яв-

⁴ Речь идёт об основных составах преступления, закреплённых в первых частях соответствующих норм. Указанное количество можно считать приблизительным, т. к. отдельные нормы содержат в разных частях самостоятельные составы, однако обычно их различия не носят принципиального характера.

⁵ Генпрокуратура утвердила обвинительное заключение по делу журналиста А. Невзорова [Электронный ресурс] // Rg.ru : сайт. – URL : <https://rg.ru/2022/12/15/genprokuratura-rf-utverdila-obvinenie-zhurnalistu-nevzorovu.html> (дата обращения: 20.03.2023).

лениям, как распространение заведомо ложной информации, публичные призывы, направленные против интересов всего общества (в условиях очевидности общественной опасности, однако, ставших «обычными» за долгие годы допущения). Интересно, что данная тенденция проявляется и в глобальном масштабе. Анализируя мировой опыт криминализации, Т. Я. Хабриева пишет, что «Европейский суд по правам человека... руководствуется принципом ответственности «за жизнь нации», предполагающим, что безопасность всех – это условие безопасности каждого» [8, с. 6].

Учитывая существование данных явлений в динамическом контексте, важно отметить следующие факторы, требующие учёта. Во-первых, формирование уголовно-правовых запретов под влиянием стремительно изменяющихся общественных отношений как внутри государства, так и на международном уровне [9], вызываемое международными конфликтами и обострением борьбы за выживание в складывающемся мире, приводит к упрощению ряда компонентов законодательного процесса в области определения уголовно-правовых запретов. Во-вторых, формируемые уголовно-правовые запреты отличаются предельной целесообразностью и их сиюминутной необходимостью. В-третьих, декриминализация (в том числе частичная) ряда деяний обуславливается экономическими, военно-политическими, социальными интересами, даже в ущерб потребностям восстановления социальной справедливости и неотвратимости ответственности.

Учитывая, что подавляющее большинство вновь вводимых составов преступлений относится к категории небольшой тяжести (60 %), а изначально устанавливаемые размеры санкции не предполагают существенного карательного воздействия (20 % санкций не связаны с лишением свободы либо предусматривают наказание в виде лишения свободы на срок до 1 года), значительная их часть сформулирована по типу преюдиции, а в ещё большей степени – опираясь на результаты исследования практики назначения наказания за отдельные виды преступлений (ст. ст. 204¹, 158¹, 191¹, 264¹ УК РФ и т. д.), приходится констатировать, что данные составы преступлений введены отчасти в целях создания повода для самой процедуры уголовного преследования, пресечения преступной деятельности в рамках уголовного судопроизводства и установления уголовно-процессуального статуса лица, совершившего преступление. Репрессивный же (карательный) элемент в указанных нормах носит скорее символический характер и изначально не предполагает назначения и исполнения действительно строгого наказания, а также исправления осуждённого как самостоятельной деятельности. Предупреждение совершения новых преступлений происходит в первую очередь путём пресечения преступной деятельности и создания организационных и других препятствий для её продолжения, а также контроля за поведением

лиц, совершивших преступление. Например, лица, осуждённые за совершение преступлений, даже в случае погашения и снятия судимости (в том числе и в случае освобождения от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям) в дальнейшем сталкиваются с препятствиями в части получения лицензии на осуществление отдельных видов деятельности, трудоустройства, въезда в Российскую Федерацию и получения вида на жительство и т. д. Представляется, что при отсутствии действительно строгого наказания именно эти меры выступают в роли предупредительного средства индивидуальной превенции.

И. Э. Звечаровский, анализируя вопрос достижимости целей уголовного наказания, основываясь на данных анализа статистических сведений об уровне рецидива преступлений и других показателей преступности, демонстрирует невозможность реального воплощения предупреждения преступлений, исправления и даже восстановления социальной справедливости путём назначения наказания и указывает на реалистичность только одной цели – «осуждения-покаранья» [10].

В качестве характерных примеров можно рассматривать практику назначения наказания за совершение преступлений, предусмотренных ст. ст. 151¹, 264¹, 291² УК РФ. Например, за 2021 г. из почти 58 тысяч осуждённых, совершивших преступление, предусмотренное ст. 264¹ УК РФ, наказание в виде лишения свободы было применено только к 8 тысячам осуждённых (14,5 %), условное осуждение применялось более 6,5 тысяч раз (12 %), обязательные работы – 38 тысяч раз (68 %). Учитывая, что санкция за совершение данного преступления предусматривает возможность назначения наказания в виде лишения свободы до 2 (ч. 1) или 3 (ч. 2) лет, диспропорциональность избираемых мер уголовно-правового воздействия кажется очевидной. Из 2133 осуждённых за совершение преступления, предусмотренного ст. 291² УК РФ, наказание в виде лишения свободы (до 1 года) было назначено 35 осуждённым (1,6 %), 39 (1,8 %) были осуждены условно к лишению свободы, а штраф был назначен в 85 % случаев.

Если учесть количество ресурсов (финансовых, трудовых, организационных), затрачиваемых государством на расследование, привлечение к уголовной ответственности [11; 12], осуществление правосудия, дальнейшее исполнение наказания в отношении указанных категорий преступников, то возникает ситуация гиперболизированности затрат на достижение цели – осуждение лица, совершившего преступление. Представляется, что механизм уголовно-правового воздействия в таком случае реализуется уже в процессе расследования преступления, применения в отношении лица мер процессуального пресечения (заключения под стражу, наложения ареста на имущество), отстранения лица от исполнения служебных обязанностей и т. д., осуждения его и придания ему соответствующего правового статуса.

В дальнейшем именно такой статус – «осуждённый», «судимый», «лицо, освобождённое от уголовной ответственности по реабилитирующим основаниям» – позволяет определенным образом ограничить возможность совершения нового преступления путём реализации так называемых общеправовых последствий [13; 14] совершённого преступления (запрет на занятие определённым видом деятельности и т. д.). В то же время полноценной системы индивидуализованного контроля за поведением таких лиц, совершивших преступление, в настоящий момент не сформировано. Как следствие, такого рода социальный контроль возникая на этапах оперативно-розыскной деятельности, в дальнейшем приобретает ощутимые формы в рамках уголовного судопроизводства (в некоторых случаях продлевающегося в гражданское судопроизводство, например, при возмещении вреда, причиненного преступлением), после чего реализуется в исполнении наказания либо иных мер уголовно-правового характера (если они назначались), затем ослабевает в период судимости и частично может присутствовать в общеправовых последствиях судимости (часто они являются бессрочными).

Такого рода перенос содержания уголовно-правового воздействия с наказания на реализацию процессуальных либо иных компонентов правоприменения является неизбежным следствием гуманизации карательного воздействия. Если в отношении судебного процесса такой контроль за поведением лица является косвенным следствием решения задач уголовного процесса⁶, то в отношении следующего за осуждением правового состояния лица, совершившего преступление, он представляется объективно необходимым элементом предупреждения совершения преступлений в будущем.

Необходимо отметить, что нами не ставится вопрос декриминализации рассматриваемых деяний или же перевода их в разряд правонарушений. Мы лишь отмечаем особенность сложившейся законодательной тенденции и необходимость выработки системного подхода к криминализации в совокупности с особенностями осуществления правосудия в отношении подобного рода преступлений и определению эффективной системы наказаний (иных мер уголовно-правового характера).

Эффективность функционирования данных норм не может быть отделима от определения механизма функционирования всей системы уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного права (и мер, его дополняющих в рамках отдельных нормативных правовых актов). При этом на первый план выходят не столько строгость уголовного наказания, сколько сама процедура уголовного пре-

следования и дальнейшие правоограничения, связанные с возникновением судимости как самостоятельного постуголовно-правового статуса лица, совершившего преступление.

На уровне закона государственная власть просто представляет интересы своих подчинённых, служит им, несёт за них ответственность и сама является объектом их контроля. Однако данный контроль, по мнению Славоя Жижека, лишь прикрывает «непристойный избыток власти и является неотъемлемой частью принятия суверенитета» [15]. В таком случае совершенно справедливо высказывание Ю. Е. Пудовочкина и М. М. Бабаева: «Государство, криминализировавшее многое, не может определить, насколько это “многое” реально опасно, а потому, дабы не утруждать себя сопоставительным анализом санкций существующих статей, оно переложило решение этой важнейшей уголовно-политической задачи на плечи судейского корпуса, дополнительно наделив его возможностями применять положения ст. 64 УК РФ о назначении наказания ниже низшего предела, ч. 6 ст. 15 УК РФ об изменении в сторону снижения категории совершённого преступления и ч. 2 ст. 14 УК РФ о возможности признания совершённого общественно опасного деяния малозначительным» [16, с. 424].

Развивающаяся одновременно с процессами криминализации (декриминализации) тенденция смягчения наказаний, расширения применения наказаний, не связанных с лишением свободы, увеличения оснований освобождения от наказания и от уголовной ответственности, расширения перечня иных мер уголовно-правового характера (в том числе неоднократные попытки введения института уголовного проступка [17]) постепенно приводит к уменьшению фактической официальной властно-государственной репрессии⁷. Возникает ситуация, когда государственное насилие находится в состоянии потенциальной возможности, но реализуется не только и не столько в рамках репрессии (кары), но и в ходе самой процедуры привлечения к уголовной ответственности и дальнейших общеправовых правоограничений (отчасти благодаря институту судимости).

Обсуждение

Я. И. Гилинский, рассматривая вопросы уголовной политики общества постмодерна, констатирует давно известные постулаты неизбежности преступности как элемента социальной жизни человека, на основании этого делает вывод о принципиальной невозможности достижения целей уголовного наказания [5]. По мнению М. М. Бабаева и Ю. Е. Пудовочкина, «едва ли не общепризнанным можно считать вывод о бессилии государства достигнуть официально

⁶ Чердынцева И. А. Назначение современного российского уголовного процесса как элемент его типологической характеристики: автореф. дис...канд. юрид. наук. – Омск, 2008. – 23 с.; Чердынцева И. А. Назначение современного российского уголовного процесса: учебное пособие. – Омск: Омская академия МВД России, 2010. – 90 с.

⁷ Выступление Председателя Верховного Суда Российской Федерации Вячеслава Михайловича Лебедева на пленарном заседании Совета судей Российской Федерации 24 мая 2022 г. [Электронный ресурс] // Верховный Суд Российской Федерации: сайт. – URL :// <https://supcourt.ru/files/31149/> (дата обращения: 12.01.2023).

провозглашенные цели уголовного наказания: восстановление социальной справедливости, предупреждение преступлений и исправление лица, совершившего преступление» [16]. Авторы обращают внимание на тот факт, что практика широкого социального управления посредством уголовно-правовых мер (речь идёт об уголовно-правовых запретах и наказании – К. К.) является «проявлением бессилия государства и подмены нормативно заявленных целей уголовно-правового регулирования» [16].

В то же время цель сокращения уровня преступности становится достижимой путём использования иных правовых механизмов. В первую очередь речь идёт о расширении инструментов социального контроля за лицами, совершившими преступление. В данном случае сочетание и комплексное использование криминализации как способа придания лицу определённого правового статуса с последующим использованием инструментов probation, ресоциализации, социального контроля могли бы разгрузить судебную систему, пенитенциарную систему и существенно сократить вынужденные карательные практики в отношении осуждённых. Другими словами, формальное признание деяния преступным перестаёт выступать в роли действительно карательного (влекущего за собой существенные правоограничения и фатальные последствия) для лица, совершившего преступление. Однако данный факт (совершение лицом преступления) может и должен выступать в роли юридически значимого, т. е. основания осуществления фискальной, оперативно-розыскной, административно- или уголовно-процессуальной деятельности.

Наличие судимости (в том числе снятой или погашенной), освобождение от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям позволяют не допускать таких лиц к участию в отдельных видах деятельности, однако до настоящего времени не разрешают осуществлять в отношении них каких-либо дополнительных мероприятий, например, осуществлять сбор информации о проводимых финансовых операциях, наличии имущества, участия в экономической деятельности, деятельности в сети интернет и т. д. Такого рода выборочность в вопросах контроля за поведением лиц, совершивших преступление, приводит к отсутствию полноценного механизма предупреждения преступлений.

В качестве компенсации отсутствия данного контролирующего механизма государство вынуждено прибегать к иным средствам социального контроля. При этом «старейшим и наиболее простым способом социального контроля выступает физическое насилие» [18, с. 124–129]. Однако, как заметил Н. Д. Сергиевский ещё в XIX в., «область наказуемых деяний до сих пор постоянно расширяется, а наказания, по количеству болевых впечатлений, смягчаются»⁸.

Заключение

С точки зрения уголовно-правового регулирования насилие естественно выражается в карательном воздействии посредством назначения таких видов наказаний, которые позволяют лишить лицо возможности совершения преступлений (либо максимально приблизиться к такому состоянию), однако использование информационной составляющей некарательных средств социального контроля за лицами, совершившими преступление, выражающееся в получении возможности сбора (в том числе в автоматическом режиме) информации о поведении лица, в состоянии заменить (или как минимум дополнить) существующие средства наказания. При этом постулат «естественных прав человека» во всех странах мира, самостоятельно формирующих свою правовую политику, укладывается в необходимость обеспечения безопасности человека и общества. Так, если речь идёт о выживаемости всей популяции, то приоритет прав на свободу передвижения, распространения информации, неприкосновенности частной жизни отходит на второй план. Славой Жижек по этому поводу говорит, что права человека нельзя постулировать как некое неисторическое «эссенциалистическое» внешнее, безотносительно контингентной сферы политической борьбы, как универсальные «естественные права человека» вне исторического контекста, также они не могут быть отвергнуты как материализованный фетиш, продукты конкретных исторических процессов политизации граждан [15].

Таким образом, права лица, совершившего преступление (например, на неприкосновенность информации о частной жизни, местонахождении лица, финансовых операциях), должны быть соотнесены с фактической опасностью повторения им преступного поведения, а также с существующими технологическими возможностями сбора и обработки данной информации в автоматическом режиме с участием инструментов искусственного интеллекта. Иными словами, получение соответствующих сведений гарантом данных прав (государством) может и должно быть обусловлено необходимостью обеспечения безопасности общества, а соответственно, является не только допустимым, но и необходимым инструментом правового регулирования, применяемым индивидуально в отношении лиц, совершивших преступление.

Например, установление средств фискального контроля за денежными переводами (доходами, расходами) лиц, осуждённых за незаконный сбыт наркотических средств, хотя бы в период наличия судимости, существенным образом усложнило бы им возможность возвращения в указанную сферу «бизнеса». Закрепление соответствующего правового статуса лица, совершившего преступление, в качестве основания для сбора информации о лице, осуждённом за указанные преступления, позволило бы легально контролировать выполнение им ограничений (например, запрет на

⁸ Сергиевский Н. Д. Основные вопросы наказания в новейшей литературе. – Санкт-Петербург : Типография правительствующего сената, 1893. – 24 с.

трудовую деятельность, связанную с оборотом наркотических средств и психотропных веществ)⁹. Как правило, данные средства сбора информации начинают применяться, однако позже, в рамках раскрытия либо расследования преступлений (уже после их совершения), и в первую очередь в отношении именно ранее судимых лиц¹⁰. Кроме того, осуществление в от-

ношении данного лица мер ресоциализации со стороны государственных органов, некоммерческих организаций позволит комплексно решать задачи предупреждения преступлений. Таким образом, именно комплексное решение вопросов социального контроля в отношении лиц, совершивших преступления, позволит не только уменьшить уровень репрессивного воздействия, связанного с реализацией наказания в виде лишения свободы, но и решать задачи специальной превенции преступлений, а также сбалансировать тенденцию криминализации (установления новых уголовно-правовых запретов).

⁹ См. например, ст. ст. 10, 30 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах» от 08 января 1998 г. № 3-ФЗ [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»: сайт. – URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17437/ (дата обращения: 20.02.2023).

¹⁰ Радионов А. И. Криминологическая характеристика и предупреждение рецидивной наркопреступности: дис... канд. юрид. наук. – Рязань, 2013. – 264 с.

Список литературы

1. Рарог А. И. Репрессивный крен российской уголовной политики // Всероссийский криминологический журнал. – 2014. – № 3. – С. 88–95.
2. Кашепов В. П., Голованова Н. А., Гравина А. А. Криминализация и декриминализация как формы преобразования уголовного законодательства. – Москва: Юридическая фирма «Контракт», 2018. – 280 с.
3. Бавсун М. В. Влияние факторов геополитического характера на изменение уголовно-правовой политики государства // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2015. – № 3. – С. 483–493.
4. Лопашенко Н. А. О защите экономических свобод уголовным законом и от уголовного закона / Проблемы эффективности осуществления правоохранительной функции в обеспечении социально-экономической стабильности в обществе : сборник материалов конференции. – Минск: БГУ, 2018. – С. 87–88.
5. Гишинский Я. И. Уголовная политика общества постмодерна / Уголовная политика и правоприменительная практика : сборник материалов IX Международной научно-практической конференции. – Санкт-Петербург: Центр научно-информационных технологий Астерион, 2022. – С. 10–18.
6. Козаченко И. Я. Скрытая декриминализация: проблемы и пути их решения / Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности (I Саратовские уголовно-правовые чтения) : сборник статей по материалам конференции. – Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2016. – С. 78–81.
7. Садыков Д. И., Ахметьянова Н. А. Распространение фейковых новостей во время пандемии COVID-19 // Colloquium-journal. – 2020. – № 8. – С. 78–79.
8. Хабриева Т. Я. «Юриспруденция пандемии»: теория чрезвычайного // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2022. – Т. 18. – № 1. – С. 5–9.
9. Генрих Н. В. Криминализация и международные правоотношения // Государство и право. – 2022. – № 11. – С. 114–122.
10. Звечаровский И. Э. О целях уголовного наказания и их достижении // Уголовное право. – 2022. – № 6. – С. 48–52.
11. Лунеев В. В. Социальные последствия, жертвы и цена преступности // Государство и право. – 2009. – № 1. – С. 36–56.
12. Бабаев М. М., Квашиц В. Е. Цена преступности: проблемы теории и практики // Российский криминологический взгляд. – 2009. – № 2. – С. 246–259.
13. Елинский А. В. Общеправовые последствия уголовного осуждения: конституционно допустимые пределы // Уголовное право. – 2011. – № 6. – С. 106–113.
14. Габдрахманов Ф. В. Уголовно-правовые и общеправовые последствия судимости: сравнительно-правовой анализ // Евразийская адвокатура. – 2014. – № 4 (11). – С. 47–50.
15. Жижек Славой. Против прав человека (Against Human Rights) // New Left Review. – 2005. – № 34, July-August. – P. 115–131.
16. Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Репрессивное решение социальных проблем: причины и последствия // Всероссийский криминологический журнал. – 2016. – № 3. – С. 419–430.

17. Головка Л. В. Законопроект об уголовном проступке: мнимые смыслы и реальная подоплека // Закон. – 2018. – № 1. – С. 128–136.

18. Козырев Г. И. Социальное действие, взаимодействие, поведение и социальный контроль // Социологические исследования. – 2005. – № 8. – С. 124–129.

References

1. Rarog A. I. Repressivnyy kren rossiyskoy ugolovnoy politiki // Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal. – 2014. – № 3. – S. 88–95.

2. Kashepov V. P., Golovanova N. A., Gravina A. A. Kriminalizatsiya i dekriminalizatsiya kak formy preobrazovaniya ugolovnoy zakonodatel'stva. – Moskva: Yuridicheskaya firma «Kontrakt», 2018. – 280 s.

3. Bavsun M. V. Vliyaniye faktorov geopoliticheskogo kharaktera na izmeneniye ugolovno-pravovoy politiki gosudarstva // Kriminologicheskiy zhurnal Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava. – 2015. – № 3. – S. 483–493.

4. Lopashenko N. A. O zashchite ekonomicheskikh svobod ugolovnym zakonom i ot ugolovnoy zakona / Problemy effektivnosti osushchestvleniya pravookhranitel'noy funktsii v obespechenii sotsial'no-ekonomicheskoy stabil'nosti v obshchestve : sbornik materialov konferentsii. – Minsk: BGU, 2018. – S. 87–88.

5. Gilinskiy Ya. I. Ugolovnaya politika obshchestva postmoderna / Ugolovnaya politika i pravoprimenitel'naya praktika : sbornik materialov IX Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. – Sankt-Peterburg: Tsentr nauchno-informatsionnykh tekhnologiy Asterion, 2022. – S. 10–18.

6. Kozachenko I. Ya. Skrytaya dekriminalizatsiya: problemy i puti ikh resheniya / Ugolovno-pravovoye vozdeystviye i yego rol' v preduprezhdenii prestupnosti (I Saratovskiy ugolovno-pravovyye chteniya) : sbornik statey po materialam konferentsii. – Saratov: Saratovskaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya. 2016. – S. 78–81.

7. Sadykov D. I., Akhmet'yanova N. A. Rasprostraneniye feykovykh novostey vo vremena pandemii COVID-19 // Colloquium-journal. – 2020. – № 8. – С. 78–79.

8. Khabriyeva T. Ya. «Yurisprudentsiya pandemii»: teoriya chrezvychaynogo // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. – 2022. – T. 18. – № 1. – S. 5–9.

9. Genrikh N. V. Kriminalizatsiya i mezhdunarodnyye pravootnosheniya // Gosudarstvo i pravo. – 2022. – № 11. – S. 114–122.

10. Zvecharovskiy I. E. O tselyakh ugolovnoy nakazaniya i ikh dostizhenii // Ugolovnoye pravo. – 2022. – № 6. – S. 48–52.

11. Luneyev V. V. Sotsial'nyye posledstviya, zhertvy i tsena prestupnosti // Gosudarstvo i pravo. – 2009. – № 1. – S. 36–56.

12. Babayev M. M., Kvashis V. Ye. Tsena prestupnosti: problemy teorii i praktiki // Rossiyskiy kriminologicheskiy vzglyad. – 2009. – № 2. – S. 246–259.

13. Yelinskiy A. V. Obshchepravovyye posledstviya ugolovnoy osuzhdeniya: konstitutsionno dopustimyye predely // Ugolovnoye pravo. – 2011. – № 6. – S. 106–113.

14. Gabdrakhmanov F. V. Ugolovno-pravovyye i obshchepravovyye posledstviya sudimosti: sravnitel'no-pravovoy analiz // Yevraziyskaya advokatura. – 2014. – № 4 (11). – S. 47–50.

15. Zhizhek Slavoy. Protiv prav cheloveka (Against Human Rights) // New Left Review. – 2005. – № 34, July-August. – R. 115–131.

16. Babayev M. M., Pudovochkin Yu. Ye. Repressivnoye resheniye sotsial'nykh problem: prichiny i posledstviya // Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal. – 2016. – № 3. – S. 419–430.

17. Golovko L. V. Zakonoproekt ob ugolovnom prostupke: mnimyye smysly i real'naya podopleka // Zakon. – 2018. – № 1. – S. 128–136.

18. Kozыrev G. I. Sotsial'noye deystviye, vzaimodeystviye, povedeniye i sotsial'nyy kontrol' // Sotsiologicheskiye issledovaniya. – 2005. – № 8. – S. 124–129.

Статья поступила в редакцию 30.03.2023; одобрена после рецензирования 28.04.2023; принята к публикации 25.07.2023.

The article was submitted March 30, 2023; approved after reviewing April 28, 2023; accepted for publication July 25, 2023.

Научная статья
УДК 343
doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-141-148

Дарья Андреевна Эрте

адъюнкт

<https://orcid.org/0009-0008-7369-5452>, ERTEDARIA@yandex.ru

Санкт-Петербургский университет МВД России,
Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1

Факторный анализ установления уголовно-правового запрета на нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость

Аннотация: Введение. В статье исследуются факторы, оказывающие влияние на установление уголовно-правовых запретов в области нарушений правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость. На основе анализа актуальных статистических данных в области обеспечения безопасности дорожного движения подчёркивается общественная опасность совершения таких преступных деяний. Цель исследования – проведение факторного анализа установления уголовно-правового запрета на нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость.

Методы: для определения понятий настоящего исследования применялась диалектическая методология; в целях многоаспектного понимания факторов установления уголовно-правового запрета на нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость, использовались элементы социологической методологии.

Рассмотрение норм уголовного права как системы права и определения факторов, способствовавших криминализации рассматриваемых преступлений, осуществлялось посредством факторного подхода. Кроме того, в настоящем исследовании были использованы системный метод (для установления системообразующих свойств уголовного законодательства); структурно-функциональный метод (для определения влияния каждого из факторов на криминализацию рассматриваемых составов преступлений). При исследовании отдельных вопросов применялись частнонаучные методы, такие как формально-юридический, конкретно-исторический и сравнительно-правовой.

Результаты: представлены классификацией факторов, способствующих установлению уголовно-правового запрета на нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость, и дана их характеристика. Обосновывается центральная роль социального фактора, его взаимосвязь и влияние на остальные факторы, выявлена необходимость привлечения гражданских структур для предотвращения и пресечения рассматриваемых видов преступлений. Практическая значимость выражается в предложении автором мер по противодействию преступным нарушениям правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость.

Ключевые слова: нарушение правил дорожного движения, административное наказание, судимость, факторы, факторный анализ, типология факторов

Для цитирования: Эрте Д. А. Факторный анализ установления уголовно-правового запрета на нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 3 (99). – С. 141–148; doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-141-148.

Darya A. Erte

Graduate

<https://orcid.org/0009-0008-7369-5452>, ERTEDARIA@yandex.ru

Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

Factor analysis of the imposition of a legal prohibition on traffic violations by a person subjected to administrative punishment or having a criminal record

Abstract: Introduction. The article examines the factors influencing the imposition of legal prohibition in the sphere of traffic violations by a person who has been subjected to administrative punishment or has a criminal record. The social danger of these crimes is underlined. The purpose of the study is to factorize the imposition of criminal prohibition on traffic violations by a person subjected to administrative punishment or having a criminal record.

Methods: Dialectical methodology was used to define the concept of this study; elements of sociological methodology were used for multidimensional understanding of the factors of establishing a legal ban on traffic violations by a person subjected to administrative punishment or having a criminal record.

The examination of criminal law norms as a system of law and the identification of factors that contributed to the criminalization of the reviewed offenses was carried out by means of the factor approach. Moreover, the present study included the systematic method (to establish the system-forming features of the criminal legislation); the structural-functional method (to determine the influence of each factor on the criminalization of the reviewed corpus delicti). When examining certain aspects, special scientific methods such as formal-legal, specifically historical and comparative legal methods were used.

Results: The classification of factors contributing to the imposition of legal prohibition on traffic violations by a person subjected to administrative punishment or having a criminal record is given as well as their description. The authors explain the main role of the social factor, its interrelation and influence on other factors. The study reveals the necessity of the involvement of civil organizations to prevent and suppress these types of crimes. The author suggests some measures to prevent traffic offenses committed by a person subjected to administrative punishment or having a criminal record.

Keywords: traffic violation, administrative punishment, criminal record, factors, factor analysis, typology of factors

For citation: Erte D. A. Factor analysis of the imposition of a legal prohibition on traffic violations by a person subjected to administrative punishment or having a criminal record // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – № 3 (99). – С. 141–148; doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-141-148.

Введение

В эпоху стремительного развития общества все более актуализируются вопросы благосостояния людей, прежде всего обеспечение безопасности их жизни, здоровья и частной собственности. Каждый современный человек ежедневно становится активным или пассивным участником дорожного движения. В этой связи безопасность дорожного движения выступает одной из социально значимых сфер общественной жизни. Государственная политика в стремлении адекватно и своевременно реагировать на изменяющиеся процессы вносит свои коррективы в законодательные нормы. Об этом свидетельствует последовательное дополнение Уголовного кодекса РФ¹ (далее – УК РФ) статьями 264¹, 264², 264³, введёнными Федеральным законом от 31 декабря 2014 г. № 528-ФЗ, Федеральным законом от 30 декабря 2021 г. № 458-ФЗ и Федеральным законом от 14 июля 2022 г. № 258-ФЗ соответственно.

Необходимость изменения законодательства подтверждается следующими официальными данными: за последнее десятилетие в России произошло 1737961 дорожно-транспортное происшествие (далее ДТП), в которых пострадали 220 5307 человек, из них 210 346 погибли². За период 2011–2020 гг. количество выявленных административных правонарушений в сфере безопасности дорожного движения возросло почти в 3 раза (с 57,2 млн в 2011 г. до 167,2 млн в 2020 г.).

В 2022 году в области безопасности дорожного движения возбуждено 204,1 млн (+ 11,5 %) дел об административных правонарушениях в сфере безопасности дорожного движения³ и 79 124 – о преступлениях против безопасности дорожного движения (далее БДД), где основную долю преступлений, составило управ-

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «Консультант Плюс»: сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 03.03.2023).

² Показатели состояния безопасности дорожного движения [Электронный ресурс] // Госавтоинспекция: сайт. – URL: <http://stat.gibdd.ru> (дата обращения: 03.06.2023).

³ Информационно-аналитический обзор «Правоприменительная деятельность в области безопасности дорожного движения в 2022 году» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Научного центра БДД МВД России. – URL: <http://ncbdd.mvd.ru> (дата обращения: 15.05.2023).

ление транспортным средством (далее ТС) в состоянии опьянения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость (ст. 264¹ УК РФ) – 61 208, или 77 % преступлений. За повторное управление ТС в состоянии опьянения лицом, подвергнутым административному наказанию за управление ТС в состоянии опьянения или имеющим судимость за совершение преступления в сфере БДД (ст. 264.1 УК РФ), в 2022 году осуждено 55 602 (– 2,1 %) человека.

Изменение норм уголовного права происходит в неразрывной связи права с обществом и государством. С точки зрения социологического правопонимания формирование и изменение права осуществляется в рамках развития общественной системы. Современное уголовное право, как и право в общем смысле, изменяется и развивается под воздействием различных факторов. Факторный анализ изменений уголовного права является важным инструментом для изучения динамики и развития уголовного законодательства, позволяющим из сложной системы факторов выявить те, на которые возможно или невозможно повлиять, предвосхитить ситуацию и адаптивно оптимизировать уголовное право в рассматриваемом направлении.

Под факторным подходом в настоящем исследовании следует понимать анализ уголовного права как системы, изменение которой происходит под воздействием движущих сил. В рамках факторного анализа определяется роль каждого из взаимодействующих факторов в общем процессе развития уголовного права.

Новизна темы исследования состоит в обосновании криминализации рассматриваемых деяний, связанных с нарушением правил дорожного движения, лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость, с точки зрения факторного анализа. Установление уголовно-правового запрета и выделение законодателем новых составов преступлений в настоящем исследовании представлено системой факторов.

Однако, несмотря на внушительные статистические данные, в научном сообществе существуют противоположные точки зрения насчёт криминализации рассматриваемых деяний. Возвращение в систему уголовного законодательства «административной преюдиции» профессор А. И. Коробеев назвал «шагом назад в прошлое» [1, с. 51–52]. Административная преюдиция представляет собой ответственность за повторное административное правонарушение, связанное с управлением транспортным средством в состоянии опьянения [2, с. 91]. Профессор Н. И. Лопашенко отмечает, что «рецепция института административной преюдиции в уголовном праве России – тупиковый путь развития этой отрасли права» [3, с. 5–7]. В свою очередь, Е. А. Жарких характеризует содержание ст. 264¹ УК РФ как смешение в одной статье признаков и уголовно-правового, и административно-правового рецидива [4, с. 25]. Безусловно, между дорожно-транспортными правонаруше-

ниями и преступлениями в сфере дорожного движения существует тесная связь [5, с. 92], при которой они сопутствуют друг другу, перерастают одно в другое, приобретают систематичность и повышенную опасность.

В теории уголовного права изучением проблемы противодействия преступным нарушениям правил дорожного движения занимались многие отечественные ученые, такие как Н. С. Алексеев, И. В. Божко, С. И. Гирько, С. А. Домахин, В. И. Жулев, Н. Ю. Исаев, А. И. Коробеев, Б. А. Куринов, В. В. Лукьянов, Н. И. Пикуров, А. А. Пионтковский, И. М. Тяжкова, А. И. Чучаев, Е. О. Яковлева, Н. В. Якубенко и др.

В современный период отдельные проблемы уголовной ответственности за нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость, отчасти были рассмотрены в трудах Г. Ш. Аюповой (Екатеринбург, 2018), М. В. Афанасьевой (Москва, 2018), М. В. Баранчиковой (Орёл, 2019) и В. Е. Трофимовым (Орёл, 2021).

Вместе с тем теория уголовного права нуждается в комплексном обосновании установления уголовно-правового запрета на нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость. Целью настоящего исследования является установление факторов, способствовавших криминализации рассматриваемых преступлений. Задачами выступает определение системы факторов, влияющих на уголовно-правовой запрет нарушения правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость, и место социального фактора в этой системе; определение пробелов законодательства и оценка эффективности криминализации данных составов преступлений; поиск новых превентивных методов предотвращения преступлений и правонарушений в области дорожного движения.

Методы

Базовой методологией исследования является диалектическая методология, на основе которой представлены понятия, приведённые в исследовании. Кроме того, использовались элементы социологической методологии, позволившие получить многоаспектное понимание факторов установления уголовно-правового запрета на нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость. Применение социологической методологии даёт возможность исследовать уголовное право в связи с природой самого общества.

Факторный подход предназначен для рассмотрения норм уголовного права как системы, изменение состояний которой связано с перестройкой всех основных элементов её структуры под воздействием ряда движущих сил.

Системный метод применялся при факторном подходе с целью установления системообра-

зующих свойств уголовного законодательства, определения элементного состава правовых норм как основы их дифференциации. Структурно-функциональный метод использовался для определения влияния каждого из факторов на криминализацию рассматриваемых составов преступлений. Для исследования отдельных вопросов исследования использовались частнонаучные методы, такие как формально-юридический, конкретно-исторический и сравнительно-правовой.

Результаты

Выделяя факторы важно отделить их от схожих, но имеющих качественные различия понятий, таких как условия, обстоятельства и причины. Факторы в общем виде представляют собой явления, процессы и / или их совокупность, которые оказывают влияние на внешнюю систему, процесс, образование. В теории права основу различий данных смежных понятий составляет критерий силы влияния причины, условия, обстоятельства или фактора на изменение и развитие объекта.

Определим, что «условие составляет ту среду, в которой последние (явление или процесс – Д. Э.) возникают, существуют и развиваются» [б. с. 188]. К условиям относятся место и время, состояние дорожного полотна и другие.

Обстоятельства представляют собой благоприятные или неблагоприятные события, способствующие изменению или развитию объекта, оказывающие на него внешнее пассивное влияние, но не обуславливающие такое изменение или развитие.

Причина – это конкретное явление, которое оказывает непосредственное влияние на объект, становится следствием того или иного факта. Причина выступает неотъемлемым элементом причинно-следственной связи.

Фактор – более сложное по своей конструкции понятие. В отличие от причины он вероятностный, разноплановый, ведущий к изменениям объекта под действием средств, механизмов внутри самого процесса или системы. Фактор из рассматриваемых понятий – самая активная форма влияния на изменение и развитие объекта, не имеющая причинного характера. В настоящем исследовании объектом влияния выступают уголовно-правовые нормы, предусмотренные статьями 264¹, 264² и 264³ УК РФ.

В правовой теории типы факторов представлены следующим образом: «объективные и субъективные; внутренние и внешние; факторы-сферы общественной жизни и факторы-процессы»⁴. Целесообразно уделить внимание именно системе факторов, оказывающих влияние на нормы уголовного права, поскольку признак системности факторов подразумевает их интеграцию, а не разрозненное и одностороннее влияние на объект. Один и тот же фактор мо-

жет относиться к двум и более типам факторов одновременно, что демонстрирует их разноплановость при рассмотрении под иным ракурсом. Так, экономический фактор выступает и объективным, и внешним, и фактором-сферой.

Применительно к уголовному праву объективные факторы представляют собой постоянные и стабильные элементы правовой реальности, существующие независимо от воли людей и целенаправленного воздействия кого-либо. Как объективные рассматриваются факторы исторической эпохи развития общества, процессы глобализации и цифровизации, научно-технический прогресс. Субъективные факторы выступают результатом деятельности субъектов, приводятся в действие волевым актом государства, общества, конкретного человека. К ним относятся политические, идеологические, административные и личностные факторы.

Внешние факторы характеризуются воздействием на уголовно-правовые нормы средой, в которой они формируется, функционируют и изменяются. Внешними факторами обусловленности уголовно-правового запрета на нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость, выступают социальная среда, экономическое и политическое состояние общества, его культурная и духовная жизнь. Внутренние факторы представляют собой существование уголовно-правовых норм в системе, их взаимосвязь с иными правовыми нормами и отраслями права. К внутренним факторам относятся правовой опыт, сложившийся из правоприменительной практики, юридическая техника, нормативно-регулятивная система и пр.

В современном обществе, где роль человека имеет центральное значение, актуализируется социальный фактор. И. И. Карпец не без основания полагает, что «природа преступности может носить только социальный характер. Социальная природа преступности определяет, во-первых, социальный характер её причин, а во-вторых, социальный характер мер её предупреждения» [7, с. 30]. Указанный фактор является внешним объективным фактором, представляющим потенциал, способный вызвать прогрессивные изменения и стать вектором развития права. Кроме того, социальный фактор по своим характеристикам универсален и по мере возрастания роли человека становится компонентом других факторов. Существует тесная взаимосвязь социального и экономического фактора, социального и культурного, социального и правового, поэтому их анализ целесообразно проводить в неразрывной связи друг с другом. Основным критерием влияния социального фактора на изменение права является сильное реально существующее гражданское общество. Его составляют самоорганизованные общественные объединения, входящие в систему институтов гражданского общества, через которые запросы общества, его интересы транслируются государству.

⁴ Баранова О. В. Система факторов развития современного права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2020. – С. 25. – 34 с.

Экономический фактор, по аналогии с социальным, выступает внешним объективным фактором, который обусловлен развитием гражданско-правовой сферы, укреплением и разрастанием гражданско-правовых отношений, в значительном объёме ставших самоорганизующимися процессами. Феномен собственности в современном обществе является неотъемлемым атрибутом власти, поэтому моменты, связанные с собственностью, уже не образуют исключительно экономического фактора. Влияние данного фактора на изменение уголовно-правовых норм выражено в использовании методов санкций, связанных с собственностью и финансовыми издержками. В этой связи ч. 1 ст. 104¹ УК РФ дополнена п. «д», в соответствии с которым на основании обвинительного приговора осуществляется конфискация транспортного средства, принадлежащего обвиняемому и использованного им при совершении преступления, квалифицируемого по ст. 264² и ст. 264³ УК РФ.

Культурный или культурно-исторический фактор является внешним объективным фактором, связан с устоявшимися нормами поведения и обычаями, соответствующими культурному, нравственному и историческому уровню развития общества. Значимость данного фактора в установлении уголовно-правового запрета на нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость, видится в историческом опыте, присущем нашему народу. Эффективность правореализации связана прежде всего не с правотворческим процессом, а с рутинизацией и опривычиванием уже имеющихся правовых норм и правил поведения. Иначе говоря, минимизация дорожно-транспортных происшествий возможна лишь в условиях неукоснительного соблюдения правил дорожного движения, воспринимаемых гражданами не как предписание, а как образ жизни, как культура современного общества.

Политический фактор выступает внешним субъективным фактором влияния на изменение уголовно-правового законодательства, которое осуществляется под действием государственной политики. Преобладание императивных норм над диспозитивными демонстрирует усиление принудительных механизмов правоотношений. Безусловно, меры организационно-политического и государственного воздействия благоприятно сказываются на предупреждении и пресечении преступлений в сфере дорожного движения. Однако для наиболее эффективной правореализации государственной политики необходимо привлечение самоорганизующихся структур в лице институтов гражданского общества.

Административный (управленческий) фактор по типологии факторов выступает внешним субъективным, ему присуща важная роль в обеспечении общественного порядка, неотъемлемой частью которого является безопасность в области дорожного движения. Государство возлагает на себя административ-

ные функции по обеспечению безопасности, контролю за исполнением правил и привлечению к ответственности виновных. Основным предназначением уголовного и административного наказания является не карательная, а исправительная функция. Внесённые в УК РФ изменения касаются лиц, которые уже были подвергнуты административному наказанию и / или имеют судимость за аналогичные виды правонарушений и преступлений, поскольку их новые проступки демонстрируют отсутствие положительного влияния предыдущих санкций.

Правовой фактор представляет собой внутренний субъективный фактор, поскольку изменение уголовного права происходит под действием активного правотворчества со стороны государства, выраженного в разрастании регламентации правоотношений, что, с одной стороны, обеспечивает их дифференциацию и действие аппарата принуждения, а с другой – снижает их органичность и возможность действовать вне системы принуждения. Правовой фактор может быть объективным, если речь идёт о естественном преобразовании права вследствие изменяющихся общественных отношений. Для юриспруденции рассматриваемый фактор представляет наибольший интерес, поэтому в настоящем исследовании уделим особое внимание его влиянию на установление уголовно-правового запрета нарушения правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость. Как было выявлено ранее, правовой фактор охватывает юридическую технику и правоприменительный опыт, основанный на результатах юридической практики.

Так, часть 2 статьи 264¹ (повторное управление транспортными средствами в состоянии опьянения), часть 2 статьи 264² (опасные повторные нарушения правил дорожного движения водителем, имеющим судимость за аналогичное преступление) и часть 2 статьи 264³ (повторное управление механическим транспортным средством лицом, лишённым такого права) обладают признаками уголовной неоднократности. Понятие «неоднократность» не новое для уголовного права: до 2003 года существовала ст. 16 с аналогичным названием, которая была исключена из Особенной части УК РФ Федеральным законом РФ от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ. В этой связи любое неоднократное преступление рассматривалось или в качестве совокупности преступлений, или, при наличии признаков, в качестве рецидива преступлений.

Исключение ст. 16 было инициировано по ряду причин, которые указывали на недоработку данного понятия, его путаницы с множественностью преступлений, рецидивом и судимостью. Немало противников неоднократности критиковали указанный институт за нарушение конституционного принципа – никто не может быть осуждён повторно за одно и то же преступление. Безусловно, оспаривать недоработку теоретической и практической подоплёки ст. 16 УК РФ мы не берёмся, но тем не менее считаем

обоснованным возвращение в уголовно-правовое поле элементов института неоднократности. Здесь речь идёт о судебной практике, связанной с серийными убийцами, педофилами, общественная опасность, которых не вызывает сомнений и споров, равно как и их склонность к совершению новых аналогичных преступлений. Юридическая практика демонстрирует склонность к совершению аналогичных правонарушений и у так называемых «аварийщиков», субъектов преступлений, предусмотренных статьями 264¹, 264² и 264³ УК РФ.

Стоит отметить, что введением в некоторые статьи УК РФ в качестве квалифицирующего признака судимости законодатель оценивает не предыдущее преступление (его оценка дана предыдущим приговором суда), а личность деятеля, обладающего специфическим признаком – повышенной общественной опасностью, бесспорным подтверждением чего и является повторное аналогичное преступление. Соглашались в этом вопросе с Ю. И. Бытко, что «наказание, назначенное за первое преступление, оказалось безрезультатным, поэтому игнорирование данного обстоятельства и назначение за повторное преступление такого же наказания, как и за первое, будет неразумным, нелогичным и неэффективным» [8, с. 25]. Полагается, что акт криминализации используется как последняя «инстанция» тогда, когда иными способами достичь безопасности охраняемых общественных отношений в определённой сфере не представляется возможным. Как верно подметили авторы Ф. Н. О. Зейналов и П. С. Коблов, принцип экономии уголовно-правовых средств нацеливает на совершенствование иных мер. Так, по их мнению, целесообразно было бы усилить административную ответственность, а также обеспечить неотвратимость наказания виновных водителей на практике [9, с. 20–21].

Для квалификации деяния по статье 264² УК РФ сейчас неважно, умышленно или по неосторожности совершено водителем «финальное» (третье по счёту) превышение скорости или состоялся выезд на встречную полосу либо трамвайные пути. Однако среди исследователей уголовного права поднимается важный вопрос: «Должна ли образовывать рецидив повторность неосторожных преступлений?» [10, с. 37].

С 2011 года законодатель, переосмыслив юридический опыт, последовательно и методично возвращает институт неоднократности в Особенную часть УК РФ, но в видоизменённом качестве и без обоснования в Общей части. По мнению О. В. Куликова, это аргументируется «усилением, кумуляцией охранительных свойств соответствующих норм, а также противодействием устоявшемуся преступному поведению конкретного лица» [11, с. 129–130].

Фактор общественного и индивидуального правосознания является внутренним субъективным фактором, индикатором эффективности или неэффективности механизма принуждения, при котором лицо, ранее подвергнутое административному наказанию или имеющее

судимость, вновь совершает аналогичные противоправные действия. Названный фактор связан только с одним элементом состава – субъектом преступления. А. С. Рубцова отмечает, что «повторное управление транспортным средством в состоянии опьянения свидетельствует о недостаточности имеющихся административно-правовых средств для эффективного противодействия этим деяниям, что в совокупности с иными факторами может рассматриваться в качестве значимой причины для криминализации соответствующих действий, которые, оставаясь в своей нормативной первооснове административными правонарушениями, по характеру и степени общественной опасности приближаются к уголовно наказуемым деяниям и при определенных условиях способны причинить серьёзный вред общественным отношениям, поставленным под охрану уголовного закона» [12, с. 89].

К особенностям отечественного правосознания, присущим ему на всех этапах истории, многие авторы относят «этикоцентризм, нигилизм, конформность, влияние сферы бессознательного»⁵. Юридически закреплённые нормы становятся декларативными и умышленно игнорируются членами общества. Как отмечает В. Е. Трофимов, субъектов рассматриваемых преступлений отличает антисоциальное поведение. Совершённое преступное деяние выступает последовательным результатом их образа жизни, отражает преобладание асоциальных ценностно-нормативных установок [13, с. 144]. Важной характеристикой субъекта остается форма вины. Так, преступление, предусмотренное ст. 264¹ УК РФ, совершается умышленно, что, безусловно, повышает общественную опасность содеянного, возлагая дополнительную ответственность на такого водителя [14, с. 104].

С точки зрения криминологии индивидуальное правосознание лиц, создающих аварийную обстановку, характеризуется наличием нравственных и эмоционально-волевых деформаций, выраженных в самонадеянности в оценке своего опыта и мастерства вождения; пренебрежительном отношении к правилам дорожного движения и нарушении их ради собственной выгоды; лихачестве, сознательном рискованном поведении на дороге; снисходительном отношении к вождению в состоянии алкогольного опьянения; заниженной оценке степени опасности допускаемых ими нарушений.

Названные качества общественного и индивидуального правосознания не только обуславливают ужесточение уголовно-правовых норм за нарушение правил дорожного движения в отношении лиц, подвергнувших административному наказанию или имеющих судимость, но и обозначают необходимость устранения первопричины преступного поведения. В своём диссертационном исследовании А. Ю. Кравцов

⁵ Науменкова К. В. Российское правосознание: специфика, структура, динамика : автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Красноярск, 2013. – С. 18. – 23 с.

особое внимание уделяет корректировке социальной рекламы, которая должна быть направлена на формирование «жесткой причинно-следственной связи между противоправным поведением участников дорожного движения и гибелью людей, с высокой степенью вероятности реализации такого сценария»⁶. В информационно-пропагандистском воздействии необходимо формировать образ «водителя-убийцы», связывая его с лицом, нарушившим правила дорожного движения, подвергнутым ранее административному наказанию или имеющем судимость. Правоохранительным органам стоит обратить внимание на воспитание чувства ответственности и дисциплинированности у лиц, становящихся участниками дорожного движения, и в этом вопросе всё больше актуализируется потребность их сотрудничества с самоорганизованными общественными структурами. Согласимся с мнением А. И. Коробеева о целесообразности следования примеру зарубежных стран, дабы предусмотреть квалифицированные виды преступного нарушения правил безопасности движения и эксплуатации всех видов транспортных средств [15, с. 81–82].

Заключение

Подводя итог исследованию, сделаем следующие выводы.

1. Факторный анализ установления уголовно-правового запрета на нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость, позволил обозначить место соци-

⁶Кравцов А. Ю. Криминологическая характеристика и предупреждение дорожно-транспортной преступности в условиях крупного города : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2014. – С. 8.

Список литературы

1. Коробеев А. И. Криминализация управления транспортным средством в состоянии опьянения: назад в будущее / Современные проблемы уголовной политики: материалы VI Международной научно-практической конференции. – Том 1. – Краснодар: Федеральное государственное казённое образовательное учреждение высшего профессионального образования «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», 2015. – С. 51–58.
2. Пикуров Н. И. Административная преюдиция в уголовном праве: возможна ли реабилитация? / Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы 4-й Международной научно-практической конференции. – Москва: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. – С. 88–93. – 190 с.
3. Лопашенко Н. А. Административной преюдиции в уголовном праве – нет! // Вестник Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2011. – № 3 (23). – С. 64–71.
4. Жарких Е. А. Уголовно-правовой и административно-правовой рецидив: точки соприкосновения // Российский следователь. – 2016. – № 19. – С. 23–26.
5. Майоров А. В. О едином подходе при изучении механизма совершения правонарушения и преступления в сфере дорожного движения // Правопорядок: история, теория, практика. – 2015. – № 1 (4). – С. 90–94.
6. Беспрозванный Д. Б. Типы детерминации правовых предписаний // Пробелы в российском законодательстве. – 2011. – № 3. – С. 187–190.
7. Карпец И. Проблема преступности. – Москва: Юридическая литература, 1969. – 168 с.
8. Бытко Ю. И. О некоторых тенденциях современной российской уголовной политики в отношении лиц, неоднократно совершающих преступления // Правовая политика и правовая жизнь. – 2017. – № 1. – С. 22–35.
9. Зейналов Ф. Н. О., Коблов П. С. Уголовная ответственность за нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию // Вестник экономики, управления и права. – 2018. – № 4 (45). – С. 17–22.

ального воздействия на развитие права. Обосновывается центральная роль социального фактора, его взаимосвязь и влияние на остальные факторы, что говорит о социальной обусловленности реализации уголовно-правовой политики и правоприменения.

2. Основная проблема современного российского права кроется в разрастании властно-принудительных норм, стремлении к повсеместной регламентации общественных отношений, однако статистика правонарушений и преступлений, в частности, в сфере обеспечения безопасности дорожного движения, демонстрирует имеющиеся правовые пробелы и противоречия, а также неэффективность правоприменительной практики. Это может быть связано с исключением влияния общественных структур на административную и уголовно-правовую сферы.

3. Государство стимулирует создание институтов гражданского общества в социальной, экономической и духовной сферах общественной жизни, где их функционирование доказало свою эффективность. Считаем, что привлечение самоорганизующихся социальных структур в процессы предупреждения и пресечения преступлений, влияния на индивидуальное и общественное правосознание, формирование качественно новой культурной среды, связанной с безопасностью дорожного движения, является недооцененным и перспективным направлением в развитии уголовно- и административно-правовой политики государства.

Обозначенные в настоящем исследовании факторы и проблемы соотношения понятий неоднократности, множественности преступлений и рецидива в теории уголовного права и правоприменительной практики становятся направлениями дальнейшей научной разработки автора.

10. Клепицкий И. А., Понятовская Т. Г., Рарог А. И. и др. Качество уголовного закона: проблемы Общей части : монография / отв. ред. А. И. Рарог. – Москва: Проспект, 2016. – 288 с.
11. Куликов О. В. Уголовная неоднократность: отрицание отрицания // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2023. – № 1. – С. 127–135.
12. Рубцова А. С. Ответственность за нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию // Сибирское юридическое обозрение. – 2018. – № 1. – С. 86–91.
13. Трофимов В. Е. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика лиц, совершивших преступление, предусмотренное ст. 264.1 УК РФ // Правопорядок: история, теория, практика. – 2020. – № 1 (24). – С. 141–145.
14. Баранчикова М. В. Хулиганские побуждения и состояние опьянения как признаки транспортных преступлений // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. – 2019. – Т. 9. – № 1 (30). – С. 101–108.
15. Коробеев А. И., Чуцаев А. И. Транспортные преступления: новые шаги законодателя и Конституционного Суда РФ // Уголовное право. – 2018. – № 4. – С. 73–82.

References

1. Korobeyev A. I. Kriminalizatsiya upravleniya transportnym sredstvom v sostoyanii op'yaneniya: nazad v budushcheye / Sovremennyye problemy ugolovnoy politiki: materialy VI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. – Tom 1. – Krasnodar: Federal'noye gosudarstvennoye kazonnoye obrazovatel'noye uchrezhdeniye vysshego professional'nogo obrazovaniya «Krasnodarskiy universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii», 2015. – S. 51–58.
2. Pikurov N. I. Administrativnaya preyuditsiya v ugolovnom prave: vozmozhna li reabilitatsiya? / Ugolovnoye pravo: strategiya razvitiya v KHKHI veke : materialy 4-y Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. – Moskva: TK Velbi, Izd-vo Prospekt, 2007. – S. 88–93. – 190 s.
3. Lopashenko N. A. Administrativnoy preyuditsii v ugolovnom prave – net! // Vestnik General'noy prokuratury Rossiyskoy Federatsii. – 2011. – № 3 (23). – С. 64–71.
4. Zharkikh Ye. A. Ugolovno-pravovoy i administrativno-pravovoy retsidiv: tochki soprikosnoveniya // Rossiyskiy sledovatel'. – 2016. – № 19. – S. 23–26.
5. Mayorov A. V. O yedinom podkhode pri izuchenii mekhanizma soversheniya pravonarusheniya i prestupleniya v sfere dorozhnogo dvizheniya // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. – 2015. – № 1 (4). – S. 90–94.
6. Besprozvanny D. B. Tipy determinatsii pravovykh predpisaniy // Probely v rossiyskom zakonodatel'stve. – 2011. – № 3. – S. 187–190.
7. Karpets I. Problema prestupnosti. – Moskva: Yuridicheskaya literatura, 1969. – 168 s.
8. Bytko Yu. I. O nekotorykh tendentsiyakh sovremennoy rossiyskoy ugolovnoy politiki v otnoshenii lits, neodnokratno sovershayushchikh prestupleniya // Pravovaya politika i pravovaya zhizn'. – 2017. – № 1. – S. 22–35.
9. Zeynalov F. N. O., Koblov P. S. Ugolovnaya otvetstvennost' za narusheniye pravil dorozhnogo dvizheniya litsom, podvergnutym administrativnomu nakazaniyu // Vestnik ekonomiki, upravleniya i prava. – 2018. – № 4 (45). – S. 17–22.
10. Klepitskiy I. A., Ponyatovskaya T. G., Rarog A. I. i dr. Kachestvo ugolovnoy zakona: problemy Obshchey chasti : monografiya / отв. ред. А. И. Рарог. – Москва: Проспект, 2016. – 288 с.
11. Kulikov O. V. Ugolovnaya neodnokratnost': otritsaniye otritsaniya // Severo-Kavkazskiy yuridicheskij vestnik. – 2023. – № 1. – S. 127–135.
12. Rubtsova A. S. Otvetstvennost' za narusheniye pravil dorozhnogo dvizheniya litsom, podvergnutym administrativnomu nakazaniyu // Sibirskoye yuridicheskoye obozreniye. – 2018. – № 1. – S. 86–91.
13. Trofimov V. Ye. Ugolovno-pravovaya i kriminologicheskaya kharakteristika lits, sovershivshikh prestupleniya, predusmotrennoye st. 264.1 UK RF // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. – 2020. – № 1 (24). – S. 141–145.
14. Baranchikova M. V. Khuliganskiye pobuzhdeniya i sostoyaniye op'yaneniya kak priznaki transportnykh prestupleniy // Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo. – 2019. – Т. 9. – № 1 (30). – S. 101–108.
15. Korobeyev A. I., Chuchayev A. I. Transportnyye prestupleniya: novyye shagi zakonodatelya i Konstitutsionnogo Suda RF // Ugolovnoye pravo. – 2018. – № 4. – S. 73–82.

Статья поступила в редакцию 07.07.2023; одобрена после рецензирования 15.07.2023; принята к публикации 26.07.2023.

The article was submitted July 7, 2023; approved after reviewing July 15, 2023; accepted for publication July 26 2023.

Общая педагогика, история педагогики и образования

Научная статья
УДК 371.485: 37.062.1
doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-149-155

Евгений Юрьевич Иванов
<https://orcid.org/0000-0002-8855-2920>, ivanzmeeff@rambler.ru

*Астраханское суворовское военное училище МВД России
Российская Федерация, 414024, Астрахань,
ул. Набережная реки Царева, д. 9/1, Контрольная 1-я, д. 1/1*

Характеристика потенциала наставничества в педагогическом сопровождении социализации воспитанников суворовских военных училищ МВД России на начальном этапе обучения

Аннотация: Введение. В последнее десятилетие происходит активное внедрение Целевой модели наставничества в различных образовательных организациях нашей страны. Однако в суворовских военных училищах МВД России единой практики применения наставничества в настоящее время не существует, несмотря на то что наставничество может выступать как способ повышения эффективности педагогического сопровождения социализации воспитанников на самом трудном для них начальном этапе обучения. Изложенное определило цель исследования – охарактеризовать потенциал наставничества в результативном педагогическом сопровождении социализации первокурсников.

Методологическая основа и методы исследования. Социально-педагогический, амбивалентный и гуманитарно-антропологический подходы. Методы анализа научно-педагогической и специальной литературы, понятийного анализа, сравнительного анализа.

Результаты. Использованные методы исследования позволили выявить сложную структуру потенциала наставничества и охарактеризовать его. В контексте выбранной методологической основы, потенциал представляет собой совокупность возможностей социокультурной среды, взаимодействующих субъектов и способов взаимодействия. Автором последовательно охарактеризован

каждый элемент такой совокупности с учётом особенностей процесса педагогического сопровождения социализации воспитанников на начальном этапе обучения. Социокультурная среда училищ представляет собой иерархически выстроенное разновозрастное сообщество и обладает ресурсами, способными помочь суворовцу в адаптации к новым условиям жизни и самоопределении в профессии полицейского как профессии служения. Результативное взаимодействие предполагается посредством двухвекторного наставничества офицером-наставником и наставником-старшекурсником, в котором взрослый занимает педагогическую, а сверстник – субъективную позицию заботы о младшем. Наставничество в сопровождении социализации первокурсников эффективно для гуманитарного взаимообогащения, свободного диалога и сообразного темпа взаимодействия.

Ключевые слова: наставничество, педагогическое сопровождение, социализация, суворовское военное училище, МВД России, начальный этап обучения

Для цитирования: Иванов Е. Ю. Характеристика потенциала наставничества в педагогическом сопровождении социализации воспитанников суворовских военных училищ МВД России на начальном этапе обучения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 3 (99). – С. 149–155; doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-149-155.

Evgeny Y. Ivanov

<https://orcid.org/0000-0002-8855-2920>, ivanzmeeff@rambler.ru

Astrakhan Suvorov Military School of the MIA of Russia

9/1, Naberezhnaya reki Careva str / 1-ya Kontrol'naya str 1/1., Astrakhan, 414024, Russian Federation

Characterisation of the potential of tutoring in pedagogical support of socialisation of students of Suvorov Military Schools of the Ministry of Internal Affairs of Russia at the initial stage of training

Abstract: Introduction. The last decade has been marked by the active implementation of the Targeted Tutoring Model in various educational organisations of our country. However, in the Suvorov military schools of the Ministry of Internal Affairs of Russia there is no unified practice of tutoring at present, despite the fact that tutoring can act as a way to improve the effectiveness of pedagogical support of students' socialisation at the most difficult initial stage of education. The fact determined the purpose of the research - to characterise the potential of tutoring in effective pedagogical support of first-year students' socialisation.

Methodological basis and the research methods. Social-pedagogical, ambivalent and humanitarian-anthropological approaches. Methods of analysis of scientific-pedagogical and special literature, conceptual analysis, comparative analysis.

Results. The research methods used made it possible to identify the complex structure of tutorship potential and to characterise it. In the context of the chosen methodological framework, the potential is a set of possibilities of the sociocultural environment, interacting subjects and ways of interaction. The author consistently characterises each element of such a totality taking into account the peculiarities of the process of pedagogical support of students' socialisation at the initial stage of education. The sociocultural environment of the schools is a hierarchically structured multi-age community. It possesses the resources that can help students to adapt to new living conditions and self-determination in the profession of a police officer as a profession for serving people. Effective interaction is planned through two-vector tutoring by an officer-tutor and a senior peer-tutor, in which the adult takes a pedagogical position and the peer takes a subjective position of caring for a junior. Tutoring in support of first-year students' socialisation is effective for humanitarian cross-enrichment, free dialogue and appropriate pace of interaction.

Keywords: tutoring, pedagogical support, socialisation, Suvorov Military School, Ministry of Internal Affairs of Russia, initial stage of training

For citation: Ivanov E. Y. Characterisation of the potential of tutoring in pedagogical support of socialisation of students of Suvorov Military Schools of the Ministry of Internal Affairs of Russia at the initial stage of training // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – № 3 (99). – P. 149–155; doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-149-155.

Введение

Практика наставничества в последнее время все более привлекает внимание государства. С 2020 года в различных образовательных организациях внедряется Целевая модель наставничества¹, а 2023 год Указом Президента России В. В. Путина объявлен Годом педагога и наставника². Однако в суворовских военных училищах МВД России (далее – СВУ МВД России), осуществляющих подготовку будущих сотрудников полиции, наставническая деятельность зачастую реализуется фрагментарно либо вовсе не применяется в воспитании суворовцев. Такое положение дел создаёт диссонанс между современными тенденциями отечественного образования и реально сложившейся практикой организации воспитательной работы в СВУ МВД России.

Наставничество, пишет Е. А. Дудина, представляет собой вид педагогической деятельности, «основанной на поддержке и сотрудничестве» [1, с. 30]. М. Р. Илакавичус отмечает, что наставничество «совмещает в себе возможность как обучения "ремеслу", так и ценностно-смыслового взаимодействия наставника и наставляемого, нацеленного на освоение последним аксиологии профессии и жизни» [2, с. 258]. Все перечисленные аспекты так или иначе созвучны с задачами, стоящими перед педагогами и командирами, особенно в первые полгода обучения суворовцев в СВУ МВД России, когда перед старшим подростком возникают трудности профессионального самоопределения, приобщения к новой регламентированной среде и поиска собственного «Я» в разновозрастном коллективе училища. Последнее в контексте концепции А. В. Мудрика равно двуединому процессу социализации, успешность которого определяется сохранением динамического баланса между приспособлением и обособлением [3].

На начальном этапе обучения воспитанники СВУ МВД России требуют повышенного внимания, актуализируется личностное, неформальное взаимодействие между первокурсниками и воспитывающими взрослыми. Так, например, на обозначенный период приходится около половины (46,5 %) всех отчислений суворовцев из образовательных организаций от общего количества отчислений за все три года обучения, что вызвано сложностями адаптации

обучающихся к учебно-воспитательному процессу и быту, а также «разочарованием в выборе будущей профессии»³. Необходимость преодоления различных кризисных ситуаций и нивелирования негативных факторов формирует запрос на организацию в СВУ МВД России педагогического сопровождения социализации первокурсников посредством наставничества как взаимосвязанной деятельности всех участников, направленной на создание необходимых условий для личностного развития и взаимопомощи в преодолении возникающих затруднений [4], где «наставничество является высокоэффективным инструментом социализации» [5, с. 164].

В то же время для применения обозначенного педагогического сопровождения социализации суворовцев в воспитательном процессе СВУ МВД России необходимо использовать все имеющиеся возможности наставничества, его «статическую энергию», то есть потенциал. Это и определило цель нашего исследования – охарактеризовать потенциал наставничества в результирующем педагогическом сопровождении социализации воспитанников в СВУ МВД России на начальном этапе обучения.

Методологическая основа и методы исследования

Методологической основой исследования послужили социально-педагогический, амбивалентный и гуманитарно-антропологический подходы. Выбор методологической основы осуществлялся исходя из логики смыслового и функционального наполнения поставленной цели исследования.

Социально-педагогический подход (М. А. Галагузова, И. Ф. Исаев, А. В. Мудрик, В. А. Сластенин, Е. Н. Шиянов и др.) позволяет рассматривать социализацию как процесс, в котором старшие подростки приобщаются к нормам нового социального окружения и обособляются в нём. Приспособление (адаптация) заключается в изменении личностных установок под влиянием окружающей социальной среды, а обособление (индивидуализация) – в нахождение собственного, уникального места в ней.

Амбивалентный подход (А. С. Ахиезер, В. А. Караковский, Л. И. Новикова) предоставляет возможность исследовать педагогическое явление, на первый взгляд, с совершенно противоположных сторон и ракурсов. Именно использование амбивалентного подхода даёт преимущественное право на исследование социализации в эклектике приспособления и обособления.

Гуманитарно-антропологический подход (В. И. Слободчиков, Е. И. Исаев, А. А. Остапенко) снабжает необходимыми способами и формами социализации, указывает на её культуросообразность, конкретизирует адаптацию как освоение ценностей в сообществе, а индивиду-

¹ Об утверждении методологии (целевой модели) наставничества обучающихся для организаций, осуществляющих образовательную деятельность по общеобразовательным, дополнительным общеобразовательным и программам среднего профессионального образования, в том числе с применением лучших практик обмена опытом между обучающимися: распоряжение Министерства просвещения Российской Федерации от 25 декабря 2019 г. № Р-145 [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». – URL : [www.consultant.ru / document/cons_doc_LAW_82746 / f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82746/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/) (дата обращения: 24.05.2023).

² О проведении в Российской Федерации Года педагога и наставника: Указ Президента Российской Федерации от 27 июня 2022 г. № 401 [Электронный ресурс] // Сайт «Официальный интернет-портал правовой информации». – URL : <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202206270003> (дата обращения: 24.05.2023).

³ По данным отделов по работе с личным составом Астраханского, Елабужского, Санкт-Петербургского и Читинского СВУ МВД России.

ализацию – как профессиональное самоопределение.

Для достижения поставленной в нашем исследовании цели были применены методы анализа научно-педагогической и специальной литературы, понятийного анализа, сравнительного анализа теории и существующей практики.

Результаты

В современной педагогической науке существует немало определений понятия «потенциал». В. А. Митрахович понимает под потенциалом педагогическую категорию: «Присущее человеку и социуму в целом, а также социально значимым предметам и явлениям свойство иметь определённые возможности, способности, ресурсы, направленные на формирование и развитие личности в процессе её образования» [6, с. 18]. С позиции отечественной культурной традиции потенциал рассматривался Т. Л. Божинской [7], В. О. Гусаковой [8], О. М. Поздняковой [9], Н. В. Ерёмин⁴, А. Б. Тепловой⁵ и др. М. С. Якушкина интерпретирует потенциал как «развивающийся целостный комплекс взаимосвязанных и взаимообусловленных возможностей социокультурной среды, способных полностью или частично, прямо или косвенно, с помощью дополнительно созданных условий или без них, влиять на личностное развитие человека» [10, с. 123]. Раскрыв возможности социокультурной среды СВУ МВД России, «усиленной» дополнительно созданными условиями продуктивного взаимодействия наставника и наставляемого, мы можем дать исковую характеристику потенциалу наставничества.

Ядром социокультурной среды СВУ МВД России является профессия полицейского. Педагоги и командиры – сотрудники органов внутренних дел, а обучающиеся, в соответствии с основной целью образовательных организаций, должны ими стать в будущем. Межличностное взаимодействие, ориентированность образовательных программ, материально-техническое обеспечение – всё это существует в едином, насыщенном специальной профессиональной атмосферой, пространстве. В отечественной историко-педагогической традиции профессия полицейского относится к профессиям служения, что предполагает труд не для заработка, а во имя Другого, помощи Другому [2; 11; 12]. «Гуманитарно-антропологический подход указывает на событийное сообщество как способ и среду, в которой активизируется рефлексия, а значит, самоопределение в отношении истинных смыслов служения» [12, с. 91], предлагает ориентироваться на образцы отечественной культуры⁶. В таком

случае преимуществом наставничества является то, что передача опыта происходит в личной встрече. Здесь есть образец – наставник, есть событийное сообщество – среда, есть наставляемый, которому оказывается непосредственная помощь в самоопределении в профессии. Иначе не произойдет позитивного изменения эффективности социализации, сохранится высокий уровень отчислений первокурсников из СВУ МВД России, отмеченный во введении. А. В. Мудрик пишет, что обособление в процессе социализации приводит к выходу за границы, очерченные нормами окружающего социума, и «выход» может быть позитивным, на благо общества, а может быть негативным, разрушающим как ценностные ориентации личности, так и «разлагающий» устоявшийся порядок [3].

Потенциал наставничества в педагогическом сопровождении социализации основывается на продуктивной взаимосвязи и взаимодействии компонентов самой наставнической деятельности: наставнике и наставляемом, её цели и результатах, сущности, этапах и методах [1, с. 27]. Каждый из представленных компонентов в собственной мере вариативен и способен оказывать воздействие на ядро – социокультурную среду. В таком случае результативность педагогического сопровождения социализации воспитанников СВУ МВД России на начальном этапе обучения посредством наставничества обеспечивается многоаспектным доверительным личностным взаимодействием наставника и наставляемого, оптимальностью условий обмена продуктивным опытом.

Несмотря на существующие требования к кандидатам на поступление в СВУ МВД России по полу, возрасту, состоянию здоровья, уровню образования, психологической и физической готовности⁷, прослеживаются существенные различия по мотивационным, социальным, национальным признакам, региональной принадлежности [13; 14]. Данная разнородность требует индивидуального подхода в педагогическом сопровождении на начальном этапе обучения, внимания и помощи каждому наставляемому.

А. А. Остапенко предлагает оптимальную модель социального окружения подростка, которая представляет собой перекрестие двух общностей: детско-взрослого иерархического события по вертикали (В. И. Слободчиков) и содружества свер-

⁶ Слободчиков В. И. Психология становления и развития человека в образовании // Вестник СПбГУ. – Серия 16: Психология. Педагогика. – 2016. – № 1 [Электронный ресурс] // Cyberleninka : сайт. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologiya-stanovleniya-i-razvitiya-cheloveka-v-obrazovanii-doklad> (дата обращения: 17.01.2022).

⁷ Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности в федеральных государственных образовательных организациях со специальным наименованием «суворовское военное училище», находящихся в ведении Министерства внутренних дел Российской Федерации, и приема в указанные образовательные организации: приказ МВД России от 15 июня 2015 г. № 682 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»: сайт. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182896 (дата обращения: 26.09.2021).

⁴ Еремина Н. В. Реализация педагогического потенциала традиционной народной культуры субъектами образования в современном мегаполисе: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Москва, 2014. – 26 с.

⁵ Теплова А. Б. Педагогический потенциал материнского фольклора и традиционной игрушки для становления картины мира современного ребенка: дис. ... канд. пед. наук. – Москва, 2013. – 215 с.

стников по горизонтали [15]. В педагогическом сопровождении социализации модель А. А. Остапенко трансформируется в двухвекторное наставничество значимым взрослым и опытным сверстником. Наставники обладают успешным опытом преодоления трудностей, возникающих перед наставляемым, являются носителями профессиональной культуры, готовы оказать помощь, умеют расставлять «метки взросления» [16]. Наставнический тандем транслирует ценности культуры, принятие которых наставляемыми зависит от созданных условий наставнической деятельности: взаимодействия без жёсткой регламентации, установления свободного диалога, соблюдения ритма взаимодействия [11].

Ресурсом для организации двухвекторного наставничества в СВУ МВД России является прежде всего круглосуточное присутствие кандидатов на роль наставников рядом с первокурсниками. Наставниками-взрослыми могут быть офицеры-воспитатели (командиры взводов), главная задача которых – осмысление цели педагогического сопровождения суворовцев в первые полгода обучения, а также освоение современных гуманистически ориентированных педагогических методов воспитательной работы. Сверхзадача – стать для суворовца значимым взрослым, установить взаимодействие на личностном уровне. Важно ценностное самоопределение воспитываемого взрослого. Суворовец старшего курса потенциально становится наставником-сверстником. Для него имеет большое значение не уметь управлять, а уметь быть рядом, не поучать, а поддерживать, делиться опытом с другим. В этом случае суворовец-старшекурсник осваивает основные ориентиры наставнической деятельности – быть примером в повседневной жизни, помогать младшим товарищам преодолевать трудности адаптации, самосовершенствоваться в заботе о другом. Мы согласны с мыслью А. А. Остапенко: «Подростку нужен опыт заботы о другом, иначе в нем не будет возникать чувство благодарности к тем, кто проявил заботу о нем. Иначе в нем не возникнет друго-доминанта, он захлебнется в эгодоминанте. Перекормленный заботой значимых старших подростков тучнеет душой, если он не делится заботой со значимым младшим» [15, с. 44].

Гуманитарно-антропологическая методология предусматривает слияние содержания и формы наставнической деятельности в занятии субъективной позиции наставником-старшекурсником и педагогической позиции наставником-офицером, выстраиваясь в сеть воспитательных событий, которые в совокупности «реализуют систему психолого-педагогических отношений взрослого и ребёнка, поскольку связывают такие сферы человеческой жизни, как сознание и деятельность» [17, с. 7]. В этом мы видим сущность наставнической деятельности, некий внутренний «объём» её потенциала.

В работах М. Р. Илакавичус потенциал наставничества в условиях специфической профессиональной среды представлен в трёх видах деятельности: 1) передача опыта от обладающего большим накопленным опытом к обладающему меньшим; 2) взаимообогащение ценностями и смыслами, происходящее при личной встрече; 3) помощь в самоопределении наставляемого в профессии служения [2; 11; 12]. Трансферт данной идеи в практическую плоскость, учитывая амбивалентный взгляд на социализацию суворовцев первого курса и результаты проведённого нами в исследовании анализа, конкретизируют характеристику потенциала наставничества в педагогическом сопровождении для СВУ МВД России. Во-первых, передача опыта осуществляется в двух плоскостях – по вертикали (сообщество) и горизонтали (содружество) наставническим тандемом – офицером-взрослым и старшекурсником-сверстником. Во-вторых, офицер занимает позицию наставника в дополнение к позиции командира, а суворовец старшего курса получает опыт заботы о значимом младшем. В-третьих, происходит культуросообразное осмысление первокурсниками будущей профессии сотрудника органов внутренних дел как профессии служения.

Заключение

Таким образом, характеристика потенциала наставничества в педагогическом сопровождении социализации воспитанников СВУ МВД России на начальном этапе обучения, основывающаяся на положениях социально-педагогического, гуманитарно-антропологического и амбивалентного подходов, состоит в следующем. Профессия полицейского в отечественной историко-культурной традиции понимается как реализующая смысло-жизненную позицию служения, что обуславливает приоритетную роль воспитания в образовательном процессе. Онтологически сообразным видом педагогического сопровождения социализации в условиях СВУ МВД России является наставничество – древнейшая практика передачи опыта решения значимых проблем и его ценностных оснований путём взаимодействия наставника и наставляемого. Поэтому для успешной социализации первокурсников СВУ МВД России в первом полугодии наставничество организуется как сопровождение суворовцев одновременно двумя наставниками: воспитывающим взрослым (вектор доверительного послушания) и опытным юношей-старшекурсником с доминантой заботы о значимом младшем (вектор сотрудничества). Включение первокурсников в новую жизненную среду, пережитое в соперничестве, сотрудничестве, содействии им, поддерживает выбор профессии полицейского, формирует опыт развивающих наставнических отношений, который может быть реализован на старшем курсе в позиции наставника.

Список литературы

1. Дудина Е. А. Наставничество как особый вид педагогической деятельности: сущностные характеристики и структура // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2017. – Т. 7. – № 5. – С. 25–36. – DOI 10.15293/2226-3365.1705.02.
2. Илакавичус М. Р. Наставничество как практика поддержки личностно-профессионального воспитания молодого сотрудника полиции / Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии (Васильевские чтения – 2022) : материалы Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 15 апреля 2022 года / под редакцией Ю. А. Шаранова, сост. И. Ю. Кобозев, А. А. Сарсенова. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. – С. 256–259.
3. Мудрик А. В. Социально-педагогические проблемы социализации : монография – Москва: МПГУ, 2016. – 256 с.
4. Ponomarev M. A. Pedagogical support of young army cadets // Педагогический журнал. – 2021. – Vol. 11. – No. 6-1. – P. 512–517. – DOI 10.34670/AR.2021.73.13.070.
5. Ахмедова М. Г., Горелова Н. Н. Понятия наставничества и социализации // Социальная политика и социология. – 2013. – № 3-1 (94). – С. 163–168.
6. Митрахович В. А. Потенциал как педагогическая категория // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2008. – № 9 (33). – С. 16–20.
7. Божинская Т. Л. Педагогический потенциал российской региональной культуры в контексте социально-философских исследований // Теория и практика общественного развития. – 2010. – № 2. – С. 87–94.
8. Гусакова В. О. Педагогический потенциал традиций православной культуры в духовно-нравственном воспитании как научная категория // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2017. – № 5. – С. 53–58.
9. Позднякова О. М. Актуализация педагогического потенциала культуры в процессе профессионального обучения // Омский научный вестник. – 2008. – № 4 (69). – С. 105–108.
10. Якушкина М. С. Педагогический потенциал культуры как ресурс развития современного социального центра // Научный диалог. – 2015. – № 10 (46). – С. 120–133.
11. Илакавичус М. Р. Взрослый в разновозрастном сообществе неформального образования: постановка научной проблемы : монография / ин-т пед. образования и образования взрослых Рос. акад. образования. – Санкт-Петербург: Лема, 2013. – 89 с.
12. Илакавичус М. Р. Гуманитарно-антропологический подход как основа организации профессионального воспитания представителей профессий служения // Научно-педагогическое обозрение. – 2023. – № 3 (49). – С. 86–93. – DOI 10.23951/2307-6127-2023-3-86-93.
13. Поляков А. Ф. Осуществление ранней профессиональной ориентации на службу в органы внутренних дел на этапе комплектования переменного состава в суворовских военных училищах МВД России // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2018. – № 4 (75). – С. 11–16.
14. Кулинченко А. В. Социально-психологический анализ причин поступления юношей в суворовские военные училища МВД России: история и современность // Правопорядок: история, теория, практика. – 2020. – № 3 (26). – С. 93–97.
15. Остапенко А. А. Круг полноты социальных связей подростка и типы их нарушений // Педагогический журнал Башкортостана. – 2019. – № 1 (80). – С. 39–56.
16. Касатиков А. А., Остапенко А. А. Метки взросления как мера соответствия ступеней онтогенеза человека и иерархических ступеней общества // Воспитательная работа в школе. – 2007. – № 2. – С. 59–64.
17. Антропологический подход в развитии воспитания и социализации детей и молодёжи : монография / под ред. В. К. Рябцева. – Москва: ФГБНУ «ИИДСВ РАО». – 2019. – 487 с.

References

1. Dudina Ye. A. Nastavnichestvo kak osobyuy vid pedagogicheskoy deyatel'nosti: sushchnostnyye kharakteristiki i struktura // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. – 2017. – Т. 7. – № 5. – С. 25–36. – DOI 10.15293/2226-3365.1705.02.
2. Ilakavichus M. R. Nastavnichestvo kak praktika podderzhki lichnostno-professional'nogo vospitaniya molodogo sotrudnika politsii / Aktual'nyye problemy psikhologii pravookhranitel'noy deyatel'nosti: kontseptsii, podkhody, tekhnologii (Vasil'yevskiye chteniya – 2022) : materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Sankt-Peterburg, 15 aprelya 2022 goda / pod redaktsiyey Yu. A. Sharanova, sost. I. Yu. Kobozev, A. A. Sarsenova. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2022. – S. 256–259.
3. Mudrik A. V. Sotsial'no-pedagogicheskiye problemy sotsializatsii : monografiya – Moskva: MPGU, 2016. – 256 s.
4. Ponomarev M. A. Pedagogical support of young army cadets // Pedagogicheskij zhurnal. – 2021. – Vol. 11. – No. 6-1. – P. 512–517. – DOI 10.34670/AR.2021.73.13.070.
5. Akhmedova M. G., Gorelova N. N. Ponyatiya nastavnichestva i sotsializatsii // Sotsial'naya politika i sotsiologiya. – 2013. – № 3-1 (94). – S. 163–168.
6. Mitrakhovich V. A. Potentsial kak pedagogicheskaya kategoriya // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. – 2008. – № 9 (33). – S. 16–20.

7. *Bozhinskaya T. L.* Pedagogicheskiy potentsial rossiyskoy regional'noy kul'tury v kontekste sotsial'no-filosofskikh issledovaniy // *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. – 2010. – № 2. – S. 87–94.
8. *Gusakova V. O.* Pedagogicheskiy potentsial traditsiy pravoslavnoy kul'tury v dukhovno-nravstvennom vospitanii kak nauchnaya kategoriya // *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. – 2017. – № 5. – S. 53–58.
9. *Pozdnyakova O. M.* Aktualizatsiya pedagogicheskogo potentsiala kul'tury v protsesse professional'nogo obucheniya // *Omskiy nauchnyy vestnik*. – 2008. – № 4 (69). – S. 105–108.
10. *Yakushkina M. S.* Pedagogicheskiy potentsial kul'tury kak resurs razvitiya sovremennogo sotsial'nogo tsentra // *Nauchnyy dialog*. – 2015. – № 10 (46). – S. 120–133.
11. *Ilakavichus M. R.* Vzroslyy v raznovozrastnom soobshchestve neformal'nogo obrazovaniya: postanovka nauchnoy problemy : monografiya / in-t ped. obrazovaniya i obrazovaniya vzroslykh Ros. akad. obrazovaniya. – Sankt-Peterburg: Lema, 2013. – 89 s.
12. *Ilakavichus M. R.* Gumanitarno-antropologicheskiy podkhod kak osnova organizatsii professional'nogo vospitaniya predstaviteley professiy sluzheniya // *Nauchno-pedagogicheskoye obozreniye*. – 2023. – № 3 (49). – S. 86–93. – DOI 10.23951/2307-6127-2023-3-86-93.
13. *Polyakov A. F.* Osushchestvleniye ranney professional'noy oriyentatsii na sluzhbu v organy vnutrennikh del na etape komplektovaniya peremennogo sostava v suvorovskikh voyennykh uchilishchakh MVD Rossii // *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh*. – 2018. – № 4 (75). – S. 11–16.
14. *Kulinchenko A. V.* Sotsial'no-psikhologicheskiy analiz prichin postupleniya yunoshey v suvorovskiye voyennyye uchilishcha MVD Rossii: istoriya i sovremennost' // *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika*. – 2020. – № 3 (26). – S. 93–97.
15. *Ostapenko A. A.* Krug polnoty sotsial'nykh svyazey podrostka i tipy ikh narusheniy // *Pedagogicheskiy zhurnal Bashkortostana*. – 2019. – № 1 (80). – S. 39–56.
16. *Kasatkov A. A., Ostapenko A. A.* Metki vzrosleniya kak mera sootvetstviya stupeney ontogeneza cheloveka i iyerarkhicheskikh stupeney obshchestva // *Vospitatel'naya rabota v shkole*. – 2007. – № 2. – S. 59–64.
17. *Antropologicheskiy podkhod v razvitii vospitaniya i sotsializatsii detey i molodozhi : monografiya / pod red. V. K. Ryabtseva*. – Moskva: FGBNU «IIDS V RAO». – 2019. – 487 s.

Статья поступила в редакцию 20.05.2023; одобрена после рецензирования 11.06.2023; принята к публикации 26.07.2023.

The article was submitted May 20, 2023; approved after reviewing June 11, 2023; accepted for publication July 26, 2023.

Методология и технология профессионального образования

Научная статья
УДК 377, 378
doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-156-167

Николай Вениаминович Астафьев
доктор педагогических наук, профессор
<https://orcid.org/0000-0002-5059-8018>, astnic@mail.ru

*Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России
Российская Федерация, 625049, Тюмень, Амурская ул., д. 75*

Анатолий Николаевич Григорьев
доктор педагогических наук, доцент
<https://orcid.org/0000-0003-2339-1502>, a.n.grigoriev@live.ru

*Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России
Российская Федерация, 236006, Калининград, ул. Генерала Галицкого, д. 30*

Нормативы специальной профессиональной подготовки сотрудников полиции в обеспечении практико-ориентированного содержания профессиональных образовательных программ

Аннотация: Введение. Комплексом мероприятий по совершенствованию системы подготовки кадров для органов внутренних дел Российской Федерации поставлена задача реализовывать профессиональные образовательные программы с малой продолжительностью обучения: увеличить набор на обучение по специальности среднего профессионального образования 40.02.02 «Правоохранительная деятельность» и начать набор на обучение по направлению подготовки высшего образования (бакалавриат) 40.03.02 «Обеспечение законности и правопорядка». Программы среднего профессионального образования и прикладного бакалавриата, имеющие практико-ориентированное содержание, должны быть наполнены комплексами профессиональных компетенций, которые можно измерить и оценить. В качестве измеряемых профессиональных компетенций предлагается использовать контрольные задания (нормативы) специальной профессиональной подготовки. Нормативов по специальной профессиональной подготовке (кроме нормативов по физической и огневой подготовке) для сотрудников полиции нет, что определяет актуальность исследования.

Методы исследования: диалектический метод научного познания и неразрывно связанные с ним частнонаучные и специальные методы.

Результаты. Показана необходимость учёта опыта реализации профессиональных образовательных программ прикладного бакалавриата и среднего профессионального образования Федерального проекта «Профессионалитет». Теоретическим результатом исследования является

формулирование определения норматива специальной профессиональной подготовки сотрудников полиции и критерии классификации этих нормативов. Предложена методология обоснования и разработки нормативов. Приведён пример практического использования теоретических и методологических результатов исследования – представлена группа нормативов служебно-боевой подготовки сотрудников полиции и их примерный перечень.

Выводы. Использование в образовательном процессе нормативов специальной профессиональной подготовки и разработанных на их основе контрольных заданий позволит обеспечить практико-ориентированное содержание профессиональных образовательных программ. Контрольные задания и нормативы следует разрабатывать на основе изучения наиболее эффективных приёмов и способов действий сотрудников полиции при выполнении оперативно-служебных и служебно-боевых задач. Одним из перспективных направлений, обеспечивающих сокращение продолжительности адаптационного периода выпускников образовательных организаций МВД России к служебной деятельности, является реализация профессиональных образовательных программ в сетевой форме при организации образовательно-производственных центров (кластеров) МВД России. Средства оценивания профессиональных компетенций выпускников образовательных организаций МВД России и средства проверки специальной профессиональной подготовленности сотрудников полиции соответствующих категорий должны быть идентичными. Перспективами дальнейших исследований является разработка контрольных заданий (нормативов) по учебным дисциплинам (модулям), предназначенных для оценки сформированности профессиональных компетенций выпускников образовательных организаций МВД России, учитывающих направления подготовки, осваиваемых обучающимися профессиональных образовательных программ.

Ключевые слова: сотрудники полиции, профессиональные образовательные программы, профили подготовки, профессиональные компетенции, контрольные задания и нормативы, классификация

Для цитирования: Астафьев Н. В., Григорьев А. Н. Нормативы специальной профессиональной подготовки сотрудников полиции в обеспечении практико-ориентированного содержания профессиональных образовательных программ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 3 (99). – С. 156–167; doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-156-167.

Nikolai V. Astafiev

Dr. Sci. (Ped.), Professor

<https://orcid.org/0000-0002-5059-8018>, astnic@mail.ru

*Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the MIA of Russia
75, Amurskaya str., Tyumen, 625049, Russian Federation*

Anatoliy N. Grigoryev

Dr. Sci. (Ped.), Professor

<https://orcid.org/0000-0003-2339-1502>, a.n.grigoriev@live.ru

*Kaliningrad Branch of the Saint-Petersburg University of the MIA of Russia
30, Generala Galitskogo str., Kaliningrad, 236006, Russian Federation*

Norms of special professional training of police officers in ensuring practice-oriented content of professional educational programmes

Abstract: Introduction. The system of personnel training for internal affairs bodies of the Russian Federation has a task to implement professional educational programmes with a short period of training: to increase the recruitment for training in the specialty of secondary professional education 40.02.02 «Law enforcement» and to start the recruitment for training in the direction of higher education (bachelor's degree) 40.03.02 «Ensuring law and order». Secondary professional education and practical oriented bachelor's degree programmes should be filled with sets of professional competencies that can be measured and assessed. The authors propose to use control tasks (norms) of special professional training as measurable professional competences. There are no norms on special professional training (except for norms on physical and firearms training) for police officers. This fact determines the relevance of the research.

Research methods: dialectical method of scientific cognition and closely related to it private-scientific and special methods.

Results. The necessity of taking into account the experience of implementation of professional educational programmes of practical oriented bachelor's degree and secondary professional education of the Federal project «Professionalism» is shown. The theoretical result of the research is the formulation of the

definition of the normative of special professional training of police officers and the criteria of classification of these normatives. The methodology of validation and development of norms is proposed. An example of practical use of theoretical and methodological results of the research is given – a group of norms of service and combat training of police officers and their approximate list are presented.

Conclusions. The use of standards of special professional training and control tasks developed on their basis in the educational process will ensure the practice-oriented content of professional educational programmes. Control tasks and standards should be developed on the basis of studying the most effective techniques and methods of actions of police officers in carrying out operational-service and service-combat tasks. One of the promising directions to reduce the adaptation period of graduates of educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation to duty activities is the implementation of professional educational programmes in a network form with the organisation of educational and practical centres (clusters) of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. The means of assessing the professional competencies of graduates of educational organisations of the Ministry of Internal Affairs of Russia and the means of testing the special professional preparedness of police officers of the corresponding categories should be identical. Prospects for further research include the development of control tasks (standards) for academic disciplines (modules), designed to assess the formation of professional competencies of graduates of educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia, based on the areas of training, mastered by students of professional educational programmes.

Keywords: police officers, professional educational programmes, training profiles, professional competencies, control tasks and standards, classification

For citation: Astafiev N. V., Grigoriev A. H. Norms of special professional training of police officers in ensuring practice-oriented content of professional educational programmes // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – № 3 (99). – P. 156–167; doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-156-167.

Введение. Современные реалии настоятельно требуют не только консолидации всего общества в преодолении вызовов, обусловленных масштабными геополитическими и экономическими изменениями в стране и мире, но и изыскания новых подходов к совершенствованию деятельности органов внутренних дел, поскольку от их эффективной и слаженной работы во многом зависят стабильность и порядок в России. В значительной степени успешность решения данной задачи определяется качеством кадрового состава МВД России, уровнем его профессиональной подготовки, умением действовать в условиях динамично меняющейся оперативной обстановки. На данное обстоятельство в своем выступлении на расширенном заседании коллегии МВД указал Президент Российской Федерации В. В. Путин: «Сегодня важно последовательно двигаться дальше, ещё более решительно и жёстко противодействовать преступности. Безусловно, это требует от сотрудников органов внутренних дел постоянной готовности, умения быстро и чётко ориентироваться в нештатных ситуациях»¹.

Вполне закономерно, что данному вопросу руководством Министерства внутренних дел уделяется особое внимание. Реализуется целый комплекс мер «по повышению качества подготовки сотрудников полиции к профессионально

грамотным действиям в условиях любой оперативной обстановки»². Однако ситуация в данной сфере остаётся крайне сложной.

Одним из ключевых факторов, оказывающих негативное влияние на качество кадрового состава МВД России, является большая текучесть кадров, некомплект личного состава. Речь идёт главным образом о сотрудниках тех подразделений органов внутренних дел, которые играют ключевую роль в охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности: патрульно-постовой службе, оперативных подразделениях, следствии, службе участковых уполномоченных полиции.

Отмеченное ставит перед образовательными организациями системы МВД России сложную задачу воспроизводства кадрового состава органов внутренних дел, обеспечивая при этом качество профессиональной подготовки, соответствующее требованиям, предъявляемым к специалисту органов внутренних дел профилем и современными требованиями к его профессиональной деятельности. В условиях существующего кадрового голода крайне важно сократить период адаптации выпускников ведомственных образовательных организаций на практике. По сути, речь идёт о необ-

¹ Расширенное заседание коллегии МВД [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/70744> (дата обращения: 10.04.2023).

² Выступление Владимира Колокольцева на расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]: // Mvdmedia : сайт. – URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/vystuplenie-vladimira-kolokol'tseva-na-rasshirenno-zasedanii-kolleгии-ministerstva-vnutrennikh-del-r/> (дата обращения: 10.04.2023).

ходимости обеспечения нулевого времени их перехода из среды подготовки в среду профессиональной деятельности.

Основополагающим условием успешного решения данной задачи является качество специальной профессиональной подготовки выпускников – будущих специалистов органов внутренних дел, поскольку именно она в значительной степени определяет успешность исполнения ими своих обязанностей по замещаемой должности с учётом специфики профессиональной деятельности, поэтому насущной задачей педагогической науки представляется разработка таких средств оценки качества образовательного процесса, которые позволят получить объективный «профессиональный портрет» выпускника, оценить его готовность к будущей профессиональной деятельности в соответствии с реальными условиями её осуществления, а также обеспечить коррекцию образовательного процесса, его адаптацию к потребностям практики. Необходимым условием реализации отмеченного представляется разработка нормативов специальной профессиональной подготовки сотрудников МВД России, отражающих набор тех знаний, умений и навыков, которые необходимы специалисту органов внутренних дел для успешного решения типовых профессиональных задач в соответствии с профилем служебной деятельности, и выступающих основой для разработки комплексов контрольно-оценочных средств в системе профессионального образования для оценки сформированности профессиональных компетенций обучающихся – будущих специалистов ОВД.

Целью исследования является определение понятия, разработка классификации нормативов специальной профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел.

Задачи исследования: проанализировать существующие подходы к организации специальной профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел в образовательных организациях системы МВД России; определить понятие нормативов специальной профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел, разработать и обосновать их классификацию.

Методы исследования: диалектический метод научного познания и неразрывно связанные с ним частнонаучные и специальные методы.

Результаты. В настоящее время в МВД России наблюдается некомплект кадров: «...на начало текущего года без учёта новых территорий вакантными оставались 105 тысяч должностей, из них 86 тысяч – аттестованных»³. В связи с этим разработан Комплекс мероприятий по совершенствованию системы подготовки ка-

дров для органов внутренних дел Российской Федерации (на 2022–2023 годы)⁴. Одним из инструментов решения проблемы некомплекта является уменьшение продолжительности обучения по профессиональным образовательным программам высшего образования («...переход на новое направление подготовки 40.03.02 Обеспечение законности и правопорядка (бакалавриат) в целях оптимизации с пяти до четырёх лет срока подготовки специалистов с высшим образованием в области административной и оперативно-розыскной деятельности» (п. 4.2 Комплекса мероприятий)), а также увеличение набора «...на обучение по основным профессиональным образовательным программам среднего профессионального образования – программам подготовки специалистов среднего звена по специальности 40.02.02 Правоохранительная деятельность, в том числе по очной форме обучения, в целях комплектования должностей для замещения которых высшее образование не требуется» (п. 4.1 Комплекса мероприятий). Уменьшение продолжительности обучения по профессиональным образовательным программам высшего образования МВД России определяет увеличение объёма учебных дисциплин (модулей), обеспечивающих специальную профессиональную подготовку.

В комплектовании личного состава органов внутренних дел важен не только количественный, но и качественный потенциал кадрового состава, поскольку именно он является одним из важнейших ресурсов «интенсификации служебной деятельности, привнесения её в соответствие с требованиями инновационного социально ориентированного развития Российской Федерации»⁵.

Главная роль в решении данной задачи принадлежит образовательным организациям системы МВД России, поскольку именно они являются ключевым звеном системы непрерывной подготовки кадров органов внутренних дел, основной целью которой является формирование профессионально подготовленных, высоконравственных защитников правопорядка, способных в любой ситуации эффективно противодействовать как традиционной, так и новой высокотехнологичной преступности. Кроме того, в соответствии с п. 2 ст. 76 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» образовательные организации высшего образования

⁴ Комплекс мероприятий по совершенствованию системы подготовки кадров для органов внутренних дел Российской Федерации (на 2022–2023 годы): письмо МВД России от 20 дек. 2021 г. № 1/14566/.

⁵ Концепция кадровой политики Министерства внутренних дел Российской Федерации в органах внутренних дел (на период до 2020 года) [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел по Республике Тыва : сайт. – URL : https://17.xn--b1aew.xn--p1ai/slujba/Gosudarstvennaja_grazhdanskaja_sluzhba/Koncepcija_kadrovoj_politiki_Ministerstv (дата обращения: 10.04.2023).

³ Выступление Владимира Колокольцева на расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]: // Mvdmedia : сайт. – URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/vystuplenie-vladimira-kolokoltseva-na-rasshirennom-zasedanii-kolleгии-ministerstva-vnutrennikh-del-r/> (дата обращения: 10.04.2023).

МВД России являются основной кузницей кадров руководящего состава органов внутренних дел, осуществляя подготовку кадров для замещения должностей среднего, старшего и высшего начальствующего состава.

Отмеченное осуществляется путём обучения по основным профессиональным образовательным программам: среднего профессионального образования – по программам подготовки специалистов среднего звена; высшего образования – по программам бакалавриата и программам специалитета.

Целью реализации основных профессиональных образовательных программ в МВД России является подготовка выпускника образовательной организации к выполнению служебных обязанностей в соответствии с профилем осваиваемой им образовательной программы. При этом одним из основополагающих требований к подготовке является её практическая направленность, поскольку «никакие теоретические мысли и суждения не в состоянии обеспечить достижение успеха, если они не проверены и не освоены на практике. Малейшая возможность проверить те или иные теоретические рекомендации должна в полной мере использоваться в процессе подготовки специалиста МВД России» [1, с. 287]. В связи с этим особую актуальность приобретает вопрос соответствия качества подготовки будущих специалистов органов внутренних дел потребностям практической деятельности, её специфике и особенностям в соответствии со специализацией и профилем профессиональной образовательной программы.

Нормативным требованием к подготовке специалистов органов внутренних дел в системе непрерывной профессиональной подготовки кадров МВД России является сформированность у них различных компетенций. По направлениям подготовки высшего образования федеральными государственными образовательными стандартами определён перечень компетенций, включающий как универсальные, так и общепрофессиональные и профессиональные компетенции. В то же время если универсальные и общепрофессиональные компетенции императивно определены ФГОС по направлению подготовки, то перечень профессиональных компетенций, формируемых в рамках специализаций программ подготовки, определяется на основе квалификационных требований к специальной профессиональной подготовке выпускников, устанавливаемых МВД России. При этом приказом МВД России от 19 сентября 2022 г. № 689⁶ определено, что квалификационные тре-

бования к специальной профессиональной подготовке выпускников устанавливаются для каждой специальности (направления подготовки), направленности образовательной программы, реализуемой образовательными организациями МВД России, и включают в себя компетенции, характеризующие готовность выпускника образовательной организации МВД России к решению задач профессиональной служебной деятельности.

Очевидно, что в рамках реализации профессиональных образовательных программ особое внимание должно быть уделено именно формированию профессиональных компетенций обучающихся – будущих специалистов органов внутренних дел. Необходима разработка соответствующего подхода к оценке качества специальной профессиональной подготовки обучающихся, её соответствия современным потребностям практики. Крайне важно добиться того, чтобы выпускник был готов к решению не только «хрестоматийных» профессиональных задач, но и тех, которые наиболее значимы в конкретной ситуации, поскольку преступная деятельность весьма динамична и быстро реагирует на новейшие достижения науки и техники. Важно, чтобы сотрудник органов внутренних дел был своевременно осведомлен о новейших достижениях теории и практики правоохранительной деятельности, был готов к успешному решению профессиональных и служебных задач в реальных условиях.

В соответствии с требованиями федеральных государственных образовательных стандартов оценка уровня сформированности компетенций осуществляется через соответствующие индикаторы, которые образовательная организация устанавливает самостоятельно.

До недавнего времени в различных образовательных организациях МВД России формулировки индикаторов сформированности компетенций отличались, несмотря на то что подготовка осуществлялась по одним и тем же специализациям (направлениям подготовки). Своевременным и оправданным представляется подход к решению данного вопроса ГУРЛС МВД России, направленный на унификацию индикаторов.

Вместе с тем внимательное изучение результатов проделанной работы позволяет сделать вывод, что формулировки отдельных индикаторов сформированности компетенций носят абстрактный и нечёткий характер (например, иметь опыт разработки процессуальных и служебных документов в сфере своей профессионально-служебной деятельности). И дело здесь не столько в стилистике формулировок, сколько в самой сути индикаторов как таковых.

Как справедливо отмечают некоторые авторы, индикаторы сформированности компетенций представляю собой «основные структурные элементы компетенции, раскрывающие её смысловое содержание» [2, с. 4]. По сути, речь идёт о формулировании системы знаний, умений и навыков, которые активизируются в прак-

⁶ Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по образовательным программам среднего профессионального образования, программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры, реализуемым в интересах обеспечения законности и правопорядка в федеральных государственных образовательных организациях, находящихся в ведении Министерства внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 19 сентября 2022 № 689 [Электронный ресурс] // Доступ из СТРАС «Юрист» (дата обращения: 10.04.2023).

тической деятельности и отражают способность выполнять определённые трудовые функции (действия). Сами по себе индикаторы лишь отражают содержание конкретной компетенции, в связи с чем для оценки качественных и / или количественных показателей уровня её сформированности необходима разработка оценочных материалов, являющихся составной частью образовательной программы⁷. В свою очередь, для того чтобы придать оценочным средствам объективность (с точки зрения достижения конечного результата обучения), необходимо разрабатывать такие средства оценки, которые будут определять способность выпускника выполнять служебные обязанности в рамках осваиваемого профиля подготовки и как минимум в типовых условиях профессиональной деятельности. Необходимым условием успешного решения данной задачи нам представляется разработка нормативов специальной профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел.

В общем виде требования к профессиональной служебной деятельности сотрудника полиции изложены в Федеральном законе «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации»⁸. Однако отсутствие профессиограмм сотрудников полиции по должностям (и тут мы согласимся с мнением И. Г. Бавсун и В.А. Гусева, 2019) затрудняет формирование у курсантов образовательных организаций МВД России необходимых профессиональных компетенций [3, с.153].

Профессиограмма – система признаков, описывающих профессию, включающая в себя перечень норм и требований, предъявляемых профессией к работнику. Отличие профессиограмм от должностных инструкций состоит в отсутствии описания в них трудовых условий и требований, предъявляемых к подготовленности.

В научной литературе профессиограмма используется для описания личности офицера подразделения внутренних войск как военного организатора и педагога⁹; личности офицера подразделения сил специального назначения войск национальной гвардии России [4, с.175]; личности сотрудников подразделений пропаганды безопасности дорожного движения Госавтоинспекции МВД России [5, с. 139]. Про-

фессиограмма используется для конкретизации цели отдельных направлений профессиональной подготовки, в частности, профессионально-прикладной физической подготовки военнослужащих пограничных органов [6, с. 47]; сотрудников органов внутренних дел [7, с.17], специалистов женского пола [8, с. 242], формирования «hard» и «soft» навыков при обучении иностранному языку курсантов вуза МВД России [9, с.73]. При подготовке сотрудников полиции к обеспечению безопасности XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в г. Сочи были разработаны квалификационные требования к основным категориям сотрудников территориальных органов МВД России¹⁰.

Считаем необходимым обратить внимание на систематическую работу научно-исследовательского центра Военного института физической культуры, направленную на развитие военной теории и практики физической подготовки военнослужащих, получение и эффективное использование новых знаний в интересах повышения боевой готовности Вооружённых Сил средствами физической подготовки. Особое внимание уделяется проведению научных исследований, направленных на актуализации нормативов по физической подготовке военнослужащих [10]. Так, при разработке нормативов по физической подготовке и военно-прикладным двигательным навыкам учитываются опыт локальных войн и требования современного боя [11, с. 11], техническое обеспечение войск, что позволяет выполнять боевые задачи в соответствии с предназначением военнослужащих [12, с. 61].

В военных образовательных организациях все учебные и учебно-боевые задачи по огневой подготовке, тактике, техническому обеспечению и эксплуатации бронетанковой и автомобильной техники и вооружения отрабатываются и оцениваются при помощи соответствующих нормативов по боевой подготовке, которые представлены в сборниках нормативов, инструкциях и наставлениях [13, с. 16].

Нормативы разрабатываются на основе опыта профессиональной деятельности, с учётом технических характеристик используемого оборудования, тактико-технических характеристик вооружения (техники, оружия, средств индивидуальной защиты и т. д.) и средней натренированности сотрудников полиции¹¹.

⁷ Там же.

⁸ О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ [Электронный ресурс] // Доступ из Pravo.gov.ru : сайт. – URL: [https:// http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102152616](https://http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102152616) (дата обращения: 10.04.2023); Об утверждении Порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 01 февраля 2018 № 50 [Электронный ресурс] // Доступ из Pravo.gov.ru : сайт. – URL: [https:// http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102145133&backlink=1&nd=102468658](https://http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102145133&backlink=1&nd=102468658) (дата обращения: 10.04.2023).

⁹ Хальзов В. И. О профессиограмме личности офицера подразделения внутренних войск как военного организатора и педагога // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2007. – № 3(35). – С. 174–184.

¹⁰ Типовые квалификационные требования (характеристики) к основным категориям сотрудников территориальных органов МВД России (сотрудников ГИБДД, ППС, УУП), привлекаемых к обеспечению безопасности XXII Олимпийских зимних игр и XI паралимпийских зимних игр 2014 года в г. Сочи/МВД России, Федеральное государственное образовательное учреждение доп. проф. образования «Всероссийский ин-т повышения квалификации сотрудников МВД России», Центр подготовки сотрудников полиции по охране общественного порядка и службы миграции; [Иванова Л. В. и др.]. – Домодедово: ВИПК МВД России, 2012. – 29 с.

¹¹ Сборник нормативов по боевой и профессиональной служебной подготовке войск национальной гвардии Российской Федерации. – Москва, 2018. – 256 с.

При выполнении норматива в усложнённых условиях (низкая температура, в условиях распутицы, пустынно-песчаной местности, глубокого снежного покрова, в средствах индивидуальной защиты и т. п.) или в составе группы время на выполнение нормативов увеличивается. Например, исследования В. А. Соби́на и В. И. Бараню́ка (2022) показали, что результаты выполнения курсантами военного вуза военно-прикладных упражнений (метание гранат, преодоление полосы препятствий, приемы рукопашного боя) в тактическом шлеме направленного имитационного воздействия снизились на 30–40 %, а после тренировки в течение 45 дней результаты выполнения упражнений в обычных условиях улучшились на 20–25 % [14, с. 23].

Под нормативом специальной профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел предлагается понимать временной, количественный и (или) качественный показатели выполнения сотрудниками определённых трудовых функций (действий) по профилю служебной деятельности с соблюдением требований, предусмотренных действующим законодательством, ведомственными правовыми актами.

Наряду с определением понятия, важное значение для педагогической теории и практики имеет разработка классификации нормативов специальной профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел. В качестве оснований такой классификации могут выступать: категория сотрудников органов внутренних дел, условия несения службы, выполняемые служебные задачи (табл. 1).

Таблица 1

Классификация нормативов специальной профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел

<i>По категориям сотрудников органов внутренних дел</i>	
<ul style="list-style-type: none"> – нормативы специальной профессиональной подготовки личного состава подразделений внутренней службы; – нормативы специальной профессиональной подготовки личного состава подразделений юстиции; – нормативы специальной профессиональной подготовки личного состава нестроевых подразделений полиции; – нормативы специальной профессиональной подготовки личного состава строевых подразделений полиции (ППС, ОКС, ИВС, ДПС); – нормативы специальной профессиональной подготовки личного состава подразделений полиции специального назначения («Гром», ОРЧ «ГЗ», специальные полки полиции) 	
<i>По условиям несения службы</i>	
нормативы специальной профессиональной подготовки сотрудников ОВД к несению службы в обычных условиях	нормативы специальной профессиональной подготовки сотрудников ОВД к несению службы в особых условиях
<i>По выполняемым служебным задачам</i>	
нормативы специальной профессиональной подготовки сотрудников ОВД к выполнению оперативно-служебных задач	нормативы специальной профессиональной подготовки сотрудников ОВД к выполнению служебно-боевых задач

В зависимости от категорий сотрудников органов внутренних дел нормативы специальной профессиональной подготовки целесообразно дифференцировать на нормативы, предназначенные для подготовки личного состава: подразделений внутренней службы; подразделений юстиции; нестроевых подразделений полиции; строевых подразделений полиции (ППС, ОКС, ИВС, ДПС); подразделений полиции специального назначения («Гром», ОРЧ «ГЗ») (табл. 1).

Выделяя в качестве оснований классификации условия несения службы, нормативы специальной профессиональной подготовки следует дифференцировать на нормативы, предназначенные для подготовки к несению службы в обычных условиях (в пунктах постоянной дис-

локации), и нормативы для подготовки к несению службы в особых условиях.

В зависимости от характера выполняемых сотрудником органов внутренних дел служебных задач нормативы специальной профессиональной подготовки нужно дифференцировать на нормативы, предназначенные для подготовки к выполнению оперативно-служебных задач, и нормативы для подготовки к выполнению служебно-боевых задач.

Последние занимают особое место в деятельности полиции, поскольку именно она выступает одним из центральных элементов системы правоохранительных органов, деятельность которых направлена на обеспечение законности. В этих целях сотрудники полиции имеют

право применять физическую силу, специальные средства и огнестрельное оружие.

Таким образом, под нормативом служебно-боевой подготовки полагаем оправданным понимать временной, количественный и (или) качественный показатели выполнения отдельными сотрудниками, служебными нарядами, подразделениями органов внутренних дел определённых задач, приёмов и действий с соблюдением требований, предусмотренных действующим законодательством, ведомственными правовыми актами, по использованию

специальных средств, огнестрельного оружия, средств первой (доврачебной) помощи; средств технической подготовки; средств топографической подготовки; средств инженерной подготовки; средств радиационной химической и биологической защиты и иных средств, обеспечивающих служебно-боевую подготовку полиции.

Рассмотрим пример матрицы для формирования нормативов по служебно-боевой подготовке различных категорий сотрудников органов внутренних дел (табл. 2).

Таблица 2

Матрица для формирования нормативов по служебно-боевой подготовке сотрудников органов внутренних дел различных категорий

	Группы нормативов и нормативы	Категории сотрудников органов внутренних дел				
		внутренняя служба	юстиция	полиция нестроевые	полиция строевые	полиция спецназ
1	Группа нормативов для развития и проверки психических познавательных процессов					
1.1	Развитие и проверка словесно-логической памяти	+	+	+	+	+
1.2	Развитие и проверка зрительной памяти	+	+	+	+	+
1.3	Развитие и проверка навыков опознания лица по установочным данным	+	+	+	+	+
т.д.						
2	Группа нормативов для развития и проверки навыков огневой подготовки					
2.1	Развитие и проверка навыков обращения с оружием					
	Обычные условия	+	+	+	+	+
	Особые условия	+	+	+	+	+
2.2	Развитие и проверка навыков стрельбы из огнестрельного оружия по условиям контрольных упражнений наставления по огневой подготовке					
	Обычные условия	+	+	+	+	+
	Особые условия	+	+	+	+	+
2.3	Развитие и проверка навыков обращения с оружием и применения его в специфических условиях несения службы					
	Обычные условия	+	+	+	+	+
	Особые условия			+	+	+
т.д.						
3	Группа нормативов для развития и проверки физической подготовки и применения специальных средств					
4	Группа нормативов для развития и проверки навыков к действиям по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности					
5	Группа нормативов для развития и проверки навыков первой помощи					
6	Группа нормативов для развития и проверки навыков тактической подготовки					
7	Группа нормативов для развития и проверки навыков топографической подготовки					
8	Группа нормативов для развития и проверки навыков инженерной подготовки					
9	Группа нормативов для развития и проверки навыков радиационной химической и биологической защиты					

В качестве примера раскроем возможное содержание нормативов для развития и проверки навыков огневой подготовки сотрудников органов внутренних дел.

Нормативы по общей огневой подготовке регламентированы действующим Наставлением по организации огневой подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации и предусматривают развитие и проверку навыков обращения с оружием; развитие и проверку навыков стрельбы из огнестрельного оружия по условиям контрольных упражнений наставления по огневой подготовке.

Нормативы по тактической огневой подготовке предусматривают развитие и проверку навыков обращения с оружием и применения его в специфических условиях несения службы. Разрабатываются такие нормативы на основе изучения практики применения того или иного вида огнестрельного оружия конкретной категорией сотрудников полиции и условий несения службы (в обычных или особых условиях) и могут включать в себя следующие приемы и способы действий: снаряжение магазина различными способами (при помощи обоймы, посторонних предметов и т. п.); досылание патрона в патронник различными способами; изготовка к стрельбе из различных положений при различной экипировке; перемещение с оружием в пешем порядке и производство выстрела в движении (в одиночном порядке и в составе группы); перемещения (уход) с линии встречного огня; смена положений (уровня) для стрельбы; «вынужденная» и «тактическая» смена магазина (на месте и в движении); разряжание оружия без утраты патронов и т. п.

Сотрудники строевых подразделений полиции на тренаже перед заступлением на службу или при подготовке к участию в проведении специальной операции отрабатывают с имитационным или учебным оружием на полигонах (зданиях и сооружениях) те нормативы тактической огневой подготовки (приёмы и способы индивидуальных и групповых действий), которые вероятнее всего могут быть использованы при выполнении служебно-боевой задачи в конкретных условиях.

Для оценки выполнения нормативов устанавливаются предельные показатели: время выполнения норматива, количество допущенных ошибок либо то и другое.

В процессе обучения при отработке нормативов педагогические работники должны устанавливать промежуточные по времени показатели в соответствии с уровнем подготовленности обучающихся с таким расчётом, чтобы к окончанию обучения обеспечить выполнение нормативов по установленным требованиям. При отработке нормативов сотрудниками, прибывшими в образовательную организацию МВД России на обучение, в зависимости от срока обучения в нормативы вносятся коэффициент увеличения времени. Например, от 0 до 2 месяцев – 1,5; от 2 до 3 месяцев – 1,4; от 3 до 4 месяцев – 1,3; от 4 до 5 месяцев – 1,2; от 5 до 6 месяцев – 1,1; свыше 6 месяцев – 1,0.

Практическая отработка нормативов (от простого к сложному, от индивидуальных действий к групповым) должна завершаться учениями, что позволит сформировать у личного состава и у командного звена специальные профессиональные качества, руководство действиями и боевое слаживание, обеспечит эффективное выполнение служебно-боевых задач. Боевое слаживание – это проведение заблаговременно спланированных мероприятий по подготовке вновь сформированного подразделения, его структурных элементов к выполнению задач согласно штатному предназначению¹².

Отработку нормативов в составе служебного наряда и подразделения целесообразно осуществлять на полигонах территориальных органов МВД России на региональном уровне, при совместном проведении занятий педагогическими работниками образовательной организации МВД России и специалистами территориальных органов, что обуславливает необходимость реализации профессиональных образовательных программ в сетевой форме¹³ [15, с. 36].

Оценка за выполнение одиночных нормативов подразделению выводится по индивидуальным оценкам обучающихся, которую целесообразно определять следующим образом: «отлично», если не менее 90 % обучающихся получили положительные оценки, при этом 50 % и более обучающихся получили оценку «отлично»; «хорошо», если не менее 80 % обучающихся получили положительные оценки, при этом 50 % и более обучающихся получили оценку не ниже «хорошо»; «удовлетворительно», если не менее 70 % обучающихся получили положительные оценки; «неудовлетворительно», если не выполнены требования на оценку «удовлетворительно».

При выполнении нормативов в средствах индивидуальной бронезащиты время увеличивается на 25 %, в противогазе на 10 %, кроме нормативов, выполнение которых предусмотрено только в средствах защиты.

При выполнении нормативов, когда температура воздуха минус 10° С и ниже, плюс 30° С и выше, при сильном дожде, снегопаде и высоте свыше 1500 м над уровнем моря, время на выполнение нормативов увеличивается на 20 процентов, а при действиях ночью, если время для ночных условий не определено, время увеличивается на 25 процентов.

Критерием выполнения норматива является отсутствие нарушения мер личной и коллективной безопасности, а при условии выполнения частных задач норматива, например, может быть обнаружено определённое количество запрещённых предметов и веществ при досмотре автотранспорта [16].

¹² Система вооруженной борьбы в тактическом звене (военнослужащий, боевая группа, отделение, взвод, рота, батальон): метод. пособие. – Москва, 2004. – 199 с.

¹³ Астафьев Н. В. Перспективы сетевой формы реализации основных профессиональных образовательных программ в МВД России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 4 (96). – С. 173–181.

Заключение

Использование в образовательном процессе нормативов специальной профессиональной подготовки и разработанных на их основе контрольных заданий позволит обеспечить практико-ориентированное содержание профессиональных образовательных программ.

Контрольные задания и нормативы следует разрабатывать на основе изучения наиболее эффективных приёмов и способов действий сотрудников полиции при выполнении оперативно-служебных и служебно-боевых задач.

Одним из перспективных направлений, обеспечивающих сокращение продолжительности адаптационного периода выпускников образовательных организаций МВД России к служебной деятельности, является реализация профессиональных образовательных программ

в сетевой форме при организации образовательно-производственных центров (кластеров) МВД России.

Средства оценивания профессиональных компетенций выпускников образовательных организаций МВД России и средства проверки специальной профессиональной подготовленности сотрудников полиции соответствующих категорий должны быть идентичными.

Перспективой дальнейших исследований по данной проблематике является разработка контрольных заданий (нормативов) по учебным дисциплинам (модулям), предназначенных для оценки сформированности профессиональных компетенций выпускников образовательных организаций МВД России, учитывающих направления подготовки, осваиваемых обучающимися профессиональных образовательных программ.

Список литературы

1. Григорьев А. Н. Использование методологии ситуационного подхода в профессиональной подготовке сотрудников правоохранительных органов / Ситуационный подход в юридической науке и правоприменительной деятельности : материалы Международной научно-практической конференции, посвящённой 15-летию научной школы криминалистической ситуалогии БФУ имени И. Канта / под ред. Т. С. Волчецкой. – Калининград: Издательство БФУ им. И. Канта, 2017. – С. 286–289.
2. Мануйлова Н. Б., Мессинева Е. М., Фетисов А. Г. Разработка проверочной схемы для индикаторов освоения универсальных компетенций // Мир науки. Педагогика и психология. – 2020. – № 2. – С. 1–9.
3. Бавсун И. Г., Гусев В. А. Проблемы стандартизации высшего образования в системе подготовки кадров для органов внутренних дел Российской Федерации // Труды Академии управления МВД России. – 2019. – № 3 (51). – С. 153–159.
4. Черноиванов А. В., Орлов А. В. Профессиограмма офицера подразделения сил специального назначения войск национальной гвардии России / Психолого-педагогические аспекты совершенствования подготовки студентов вуза : материалы межвузовской студенческой научно-практической конференции с международным участием: в 2-х частях. – Новосибирск: Издательство: Новосибирский государственный аграрный университет, Инженерный институт, 2019. – Ч. 1. – С. 175–178.
5. Борисова С. Е. Анализ профессионально важных качеств личности сотрудников госавтоинспекции // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. – 2014. – № 6 (41). – С. 138–140.
6. Коновалов И. Е., Елисеев С. А., Болтиков Ю. В., Соломахин О. Б. Профессиограмма профессиональной деятельности военнослужащих пограничных органов как основа построения их профессионально-прикладной физической подготовки // Теория и практика физической культуры. – 2020. – № 6. – С. 47–49.
7. Баркалов С. Н. К вопросу о применении профессиограмм в физической подготовке сотрудников органов внутренних дел / Актуальные проблемы физической культуры и спорта курсантов, слушателей и студентов. – Орёл: Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, 2016. – С. 17–20.
8. Москаленко И. С., Венедиктов И. Н., Шаронова А. В. [и др.] Методика совершенствования профессионально важных двигательных качеств будущих специалистов женского пола на основе профессиограммы // Учёные записки университета им. П. Ф. Лесгафта. – 2021. – № 12 (202). – С. 242–246.
9. Пестова Е. В., Калашикова С. В. Актуальность формирования «hard» и «soft» навыков у обучающихся на занятиях по иностранному языку в вузах МВД России // Мир науки, культуры, образования. – 2021. – № 4 (89). – С. 73–75.
10. Кадыров Р. М. [и др.] Модели нормативной системы физической подготовки : монография. – Санкт-Петербург : Военный институт физической культуры, 2018. – 196 с.
11. Кадыров Р. М. Теоретические основы разработки нормативных требований для оценки физической подготовленности военнослужащих // Актуальные проблемы физической и специальной подготовки силовых структур. – 2013. – № 3. – С. 11–15.
12. Кадыров Р. М., Солнцев Д. А., Федотов М. С., Пушков Е. А. Проблемные вопросы современной системы проверки и оценки физической подготовки военнослужащих Вооружённых Сил Российской Федерации // Актуальные проблемы физической и специальной подготовки силовых структур. – 2019. – № 3. – С. 61–63.

13. Астафьев Н. В., Егошин И. В. Разработка нормативов по служебной подготовке для сотрудников органов внутренних дел // Научные труды Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России : сборник статей. – Тюмень: Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2019. – С. 16–22.

14. Собина В. А., Баранюк В. И. Tактический шлем направленного имитационного воздействия как средство формирования физической готовности курсантов военных вузов к ведению современных боевых действий // Военный академический журнал. – 2022. – № 4(36). – С. 23–27.

15. Астафьев Н. В. Перспективы реализации основных профессиональных образовательных программ в сетевой форме в МВД России / Профессиональное образование сотрудников органов внутренних дел. Педагогика и психология служебной деятельности: состояние и перспективы (к 20-летию образования Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя) : сборник научных трудов VI Международной конференции, Москва, 9–10 июня 2022 года. – Москва: Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2022. – С. 36–45.

16. Астафьев Н. В. Нормирование способов действий сотрудников органов внутренних дел с применением средств физического принуждения : монография. – Тюмень: Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2020. – 176 с.

References

1. Grigor'ev A. N. Ispol'zovaniye metodologii situatsionnogo podkhoda v professional'noy podgotovke sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov / Situatsionnyy podkhod v yuridicheskoy nauke i pravoprimeritel'noy deyatelnosti : materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchonnoy 15-letiyu nauchnoy shkoly kriminalisticheskoy situologii BFU imeni I. Kanta / pod red. T. S. Volchetskoy. – Kaliningrad: Izdatel'stvo BFU im. I. Kanta, 2017. – S. 286–289.

2. Manuylova N. B., Messineva Ye. M., Fetisov A. G. Razrabotka proverochnoy skhemy dlya indikatorov osvoyeniya universal'nykh kompetentsiy // Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya. – 2020. – № 2. – S. 1–9.

3. Bavsun I. G., Gusev V. A. Problemy standartizatsii vysshego obrazovaniya v sisteme podgotovki kadrov dlya organov vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. – 2019. – № 3 (51). – S. 153–159.

4. Chernoi'vanov A. V., Orlov A. V. Professigramma ofitsera podrazdeleniya sil spetsial'nogo naznacheniya voysk natsional'noy gvardii Rossii / Psikhologo-pedagogicheskiye aspekty sovershenstvovaniya podgotovki studentov vuza : materialy mezhvuzovskoy studencheskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem: v 2-kh chastyakh. – Novosibirsk: Izdatel'stvo: Novosibirskiy gosudarstvennyy agrarnyy universitet, Inzhenernyy institut, 2019. – Ch. 1. – S. 175–178.

5. Borisova S. Ye. Analiz professional'no vazhnykh kachestv lichnosti sotrudnikov gosavtoinspektсии // Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Novyye gumanitarnyye issledovaniya. – 2014. – № 6 (41). – S. 138–140.

6. Kononov I. Ye., Yeliseyev S. A., Boltikov Yu. V., Solomakhin O. B. Professigramma professional'noy deyatelnosti voyennosluzhashchikh pogranichnykh organov kak osnova postroyeniya ikh professional'no-prikladnoy fizicheskoy podgotovki // Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury. – 2020. – № 6. – S. 47–49.

7. Barkalov S. N. K voprosu o primeneniі professigramm v fizicheskoy podgotovke sotrudnikov organov vnutrennikh del / Aktual'nyye problemy fizicheskoy kul'tury i sporta kursantov, slushateley i studentov. – Orol: Orlovskiy yuridicheskiy institut MVD Rossii imeni V. V. Luk'yanova, 2016. – S. 17–20.

8. Moskalenko I. S., Venediktov I. N., Sharonova A. V. [i dr.] Metodika sovershenstvovaniya professional'no vazhnykh dvigatel'nykh kachestv budushchikh spetsialistov zhenskogo pola na osnove professigrammy // Uchonyye zapiski universiteta im. P. F. Lesgafta. – 2021. – № 12 (202). – S. 242–246.

9. Pestova Ye. V., Kalashnikova S. V. Aktual'nost' formirovaniya «hard» i «soft» navykov u obuchayushchikhsya na zanyatiyakh po inostrannomu yazyku v vuzakh MVD Rossii // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. – 2021. – № 4 (89). – S. 73–75.

10. Kadyrov R. M. [i dr.]. Modeli normativnoy sistemy fizicheskoy podgotovki : monografiya. – Sankt-Peterburg: Voyennyy institut fizicheskoy kul'tury, 2018. – 196 s.

11. Kadyrov R. M. Teoreticheskiye osnovy razrabotki normativnykh trebovaniy dlya otsenki fizicheskoy podgotovlennosti voyennosluzhashchikh // Aktual'nyye problemy fizicheskoy i spetsial'noy podgotovki silovykh struktur. – 2013. – № 3. – S. 11–15.

12. Kadyrov R. M., Solntsev D. A., Fedotov M. S., Pushkov Ye. A. Problemnyye voprosy sovremennoy sistemy proverki i otsenki fizicheskoy podgotovki voyennosluzhashchikh Vooruzhonnykh Sil Rossiyskoy Federatsii // Aktual'nyye problemy fizicheskoy i spetsial'noy podgotovki silovykh struktur. – 2019. – № 3. – S. 61–63.

13. Astaf'ev N. V., Yegoshin I. V. Razrabotka normativov po sluzhebnoy podgotovke dlya sotrudnikov organov vnutrennikh del // Nauchnyye trudy Tyumenskogo instituta povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov MVD Rossii : sbornik statey. – Tyumen': Tyumenskiy institut povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov MVD Rossii, 2019. – S. 16–22.

14. Sobina V. A., Baranyuk V. I. Takticheskiy shlem napravlennogo imitatsionnogo vozdeystviya kak sredstvo formirovaniya fizicheskoy gotovnosti kursantov voyennykh vuzov k vedeniyu sovremennykh boyevykh deystviy // Voyennyy akademicheskiy zhurnal. – 2022. – № 4(36). – S. 23–27.

15. *Astaf'yev N. V. Perspektivy realizatsii osnovnykh professional'nykh obrazovatel'nykh programm v setevoy forme v MVD Rossii / Professional'noye obrazovaniye sotrudnikov organov vnutrennikh del. Pedagogika i psikhologiya sluzhebnoy deyatelnosti: sostoyaniye i perspektivy (k 20-letiyu obrazovaniya Moskovskogo universiteta MVD Rossii imeni V. Ya. Kikotya) : sbornik nauchnykh trudov VI Mezhdunarodnoy konferentsii, Moskva, 9–10 iyunya 2022 goda. – Moskva: Moskovskiy universitet MVD Rossii imeni V. Ya. Kikotya, 2022. – S. 36–45.*

16. *Astaf'yev N. V. Normirovaniye sposobov deystviy sotrudnikov organov vnutrennikh del s primeneniyyem sredstv fizicheskogo prinuzhdeniya : monografiya. – Tyumen': Tyumenskiy institut povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov MVD Rossii, 2020. – 176 s.*

Статья поступила в редакцию 12.04.2023; одобрена после рецензирования 20.06.2023; принята к публикации 06.07.2023.

The article was submitted April 12, 2023; approved after reviewing June 20, 2023; accepted for publication July 06, 2023.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Научная статья
УДК 378.1
doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-168-175

Кирилл Владимирович Ярмак
кандидат юридических наук, доцент
<https://orcid.org/0000-0003-4095-264X>, kirill.77@mail.ru 8-903-556-12-23

*Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя
Российская Федерация, 117997, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12*

Антропологические риски абсолютизации цифрового сопровождения образовательного процесса: понятие и классификация

Аннотация: Введение. Актуальность исследования обусловлена сформировавшейся в мире тенденцией повсеместного внедрения цифровых средств и технологий во все сферы человеческой деятельности. Использование цифрового сопровождения образовательного процесса направлено на повышение уровня доступности получаемого образования, однако абсолютизация цифрового сопровождения может привести к негативным последствиям.

Полагаем, что разработка общей классификационной системы антропологических рисков абсолютизации цифрового сопровождения поможет исключить или минимизировать их последствия при организации образовательного процесса.

Целью работы является построение классификационной структуры рассматриваемых педагогических категорий. Для достижения поставленной цели нами сформулированы такие задачи, как рассмотрение терминологического аппарата в области цифрового сопровождения образования, выделение критериев, достаточных для отнесения рисков к определённому виду, разделение антропологических рисков на определённые виды в соответствии с их характеристиками или свойствами.

Методы. При проведении данного исследования использованы общетеоретические методы: анализ, синтез, сравнение, индукция, дедукция, абстрагирование, обобщение, конкретизация, моделирование.

Результаты. По итогам проведённого исследования сформулирован ряд ключевых определений в рамках обозначенной темы. Сформирована общая классификационная система антропологических рисков абсолютизации цифрового сопровождения образовательного процесса. Делается вывод о необходимости дальнейшего исследования указанного направления исследований, формирования необходимых компетенций у всех субъектов образовательного процесса для исключения абсолютизации цифрового сопровождения.

Ключевые слова: антропологический риск, цифровое сопровождение, образовательный процесс, классификационная система, искусственный интеллект

Для цитирования: Ярмак К. В. Антропологические риски абсолютизации цифрового сопровождения образовательного процесса: понятие и классификация // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 3 (99). – С. 168–175; doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-168-175.

Kirill V. Yarmak
Cand. Sci. (Jurid.), Docent
<https://orcid.org/0000-0003-4095-264X>, kirill.77@mail.ru 8-903-556-12-23

*Moscow University of the MIA of Russia named after V.Ya. Kikotya,
12, Academica Volgina str., Moscow, 117997, Russian Federation*

Anthropological risks of digital support absolutisation of the educational process: concept and classification

Abstract: Introduction. The relevance of the research is determined by the world tendency of widespread introduction of digital means and technologies in all spheres of human activity. The use of

digital support of the educational process is aimed at increasing the level of accessibility of the education, but the absolutisation of digital support can lead to negative consequences.

The authors assume that the development of a general classification system of anthropological risks of digital support absolutisation will help to exclude or minimise their consequences when organising the educational process.

The aim of the research is to build a classification structure of the discussed pedagogical categories. In achieving this goal, the authors formulated such tasks as reviewing the terminological apparatus in the field of digital support of education, identifying criteria sufficient for attributing risks to a certain type, and dividing anthropological risks into certain classes according to their characteristics or features.

Methods. General theoretical methods were used in the present research: analysis, synthesis, comparison, induction, deduction, abstraction, generalisation, concretisation, modelling.

Results. According to the results of the research, a number of key definitions within the specified issue were formulated. The general classification system of anthropological risks of digital support absolutisation of the educational process is developed. The conclusion is made concerning the need for further research in this area of study, as well as the development of the required competences of all subjects of the educational process to avoid absolutisation of digital support.

Keywords: anthropological risk, digital support, educational process, classification system, artificial intelligence

For citation: Yarmak K. V. Anthropological risks of digital support absolutisation of the educational process: concept and classification // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – № 3 (99). – P. 168–175; doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-168-175.

Введение

Развитие системы цифрового сопровождения образовательного процесса, активное применение мультимедийных средств в качестве обучающих технологий в комплексе с современными техническими средствами обучения оказывают положительное влияние на формирование наглядного мышления обучающихся, создание благоприятного эмоционального фона на занятиях и другие положительные аспекты [1].

В. А. Лекторский справедливо отмечает, что на пути цифровизации человечество может осуществить то, о чём люди мечтали на протяжении столетий. Человек как бы вырывается за пределы пространства – места своего проживания и за пределы времени – истории той или иной культурной общности, так как теперь люди сами могут создавать общности по интересам, члены которых обитают в разных регионах мира¹.

Вместе с тем в настоящее время наблюдается переключение тематики научных публикаций с вопросов положительных аспектов применения цифровых технологий на вопросы противоречий и рисков цифровизации [2]. Всё более явными становятся антропологические риски или угрозы природе человека. Необходим переход от стихийно идущей цифровизации к её регулируемому развитию на основе стратегий, минимизирующих риски.

И. В. Ульянова определяет риск как форму деятельности в условиях неопределённости при наличии возможности оценить вероятность её результата [3].

В публикациях отдельных авторов встречаются мнения о высоком риске избыточного, так называемого «цифрового оптимизма», который может привести к дегуманизации образования как социального института². Авторы книги «Цифровой вихрь: как побеждать диджитал-новаторов их же оружием» помимо таких понятий как «цифровизация», «цифровая революция», «цифровое преобразование», «цифровая гибкость», представляют, по их мнению, ключевое – «цифровой вихрь», означающий неизбежное движение отраслей промышленности в цифровому центру, к которому все элементы максимально оцифрованы [4]. Считаем уместным привести цитату из работы В. А. Кутырева, который утверждает: «Не всё, что технически возможно, надо осуществлять, не всё, что компьютерно-информационно осуществимо, следует реализовывать. Нужен выбор и цензура, сопротивление без(д)умному инновационизму» [5, с. 280]. Указанные исследования подтверждают актуальность выбранной тематики.

Исследователи, основываясь на вероятностном подходе, выделяют мотивированный и немотивированный виды рисков; с точки зрения источников риска выделяют педагогический внешний и риск педагогический внутренний [6]. Под педагогическим риском учёные понимают акт принятия педагогического решения в ситуации неопределённости с наиболее вероятным прогнозом в получении ожидаемого результата [7]. Риски в сфере образования изучает новое направление в педагогике – педагогическая рискология.

¹ Лекторский В. А. Глобальная цифровизация как антропологический вызов [Электронный ресурс] // Психологическая газета: сайт. – URL: <https://psy.su/feed/10182/> (дата обращения: 18.04.2023).

² Неочевидные риски цифровизации: куда движется образование [Электронный ресурс] // РИА Новости: сайт. – URL: <https://sn.ria.ru/20191211/1562209433.html> (дата обращения: 26.02.2023).

Вместе с тем в настоящее время не сформулирована классификационная система антропологических рисков цифровизации образовательного процесса, что и является целью настоящего исследования. Для достижения поставленной цели нами будут решён ряд задач, связанных с формулированием понятий цифрового сопровождения образовательного процесса, абсолютизацией цифровизации, антропологических рисков абсолютизации цифровизации образовательного процесса и т. п.

Методы

При проведении данного педагогического исследования использованы такие общетеоретические методы, как анализ и синтез, направленные на выявление существенных классификационных признаков описанных видов антропологических рисков и формирование их формулировок; сравнение, позволившее выявить общие признаки либо отличительные характеристики отдельных видов рисков. Индукция и дедукция позволили развивать классификационную систему от знания отдельных фактов к получению информации о закономерностях закона, лежащего в основе этих фактов. Абстрагирование при изучении рисков абсолютизации цифрового сопровождения позволило не учитывать какие-либо особенности построения образовательного процесса, зависящие от особенностей функционирования конкретных образовательных организаций.

Обобщение и конкретизация послужили основными методами для объединения на основе общих признаков различных факторов риска в одну классификационную группу и наполнения всей системы признаками и свойствами. С использованием моделирования исследовались последствия наступления антропологических рисков путем построения и изучения их моделей. Литературной базой исследования послужили труды отечественных и зарубежных учёных в области оценки деятельности организаций высшего образования.

Результаты

В понятие цифрового сопровождения образовательного процесса мы вкладываем деятельность всех его субъектов, обеспечивающую создание условий для организации учебно-воспитательного процесса с использованием современных цифровых технологий и информационно-коммуникационных средств. Термин «абсолютизация» нами применён для характеристики такого стиля управления процессами цифровизации образования, внедрения и использования цифровых технологий при организации образовательного процесса, который предполагает необоснованное придание процессу цифрового сопровождения статуса исключительности и безусловности.

Под рисками абсолютизации цифровизации образования в настоящей работе мы понимаем вероятное наступление неблагоприятных последствий бессистемного внедрения цифро-

вых технологий в учебную деятельность образовательных организаций.

Все риски, возникновение которых ожидается вследствие неконтролируемого бессистемного цифрового сопровождения образовательного процесса, можно классифицировать по различным основаниям, например, по субъекту возникновения наступивших последствий, по объекту воздействия, по масштабу воздействия, по причине возникновения, по степени общности, по степени прогнозируемости, по источнику и прочее.

Одним из ключевых оснований классификации является природа возникновения рисков, опора на которую позволяет выделить организационно-управленческие, технологические, информационные, имущественные и антропологические риски.

Результат нашего исследования – классификация антропологических рисков абсолютизации цифрового сопровождения. Они могут быть разделены на несколько видов, к которым мы относим когнитивные, социальные, коммуникативные, валеологические, этические, аксиологические и экзистенциальные риски. Классификационная система антропологических рисков приведена на рис. 1.

Когнитивные риски характеризуют вероятную угрозу функционированию познавательных процессов обучающихся, в том числе за счёт снижения интеллектуальной культуры общества. При переключении функций, развивающих человеческий интеллект, на компьютер, развитие таких функций у самого человека прекращается и начинается деградация мыслительных способностей.

Социальные риски характеризуют проблемы взаимодействия субъектов как в социуме в целом, так и в образовательном процессе. Прослеживается тесная взаимосвязь таких рисков с рисками коммуникативными, которые характеризуются нарушениями навыков общения участников образовательного процесса.

Большое внимание уделяется рискам для здоровья от чрезмерного и неправильного использования цифровых средств обучения. Считаем уместным применять в данном случае термин «валеологические риски».

Этические и аксиологические риски характеризуют проблемы формирования духовно-нравственных ценностей, а также воспитательные аспекты образования. Они связаны с угрозой наступления неблагоприятных последствий в системе ценностей и установок обучающихся.

Экзистенциальные риски характеризуют противостояние человека и искусственного интеллекта в борьбе за будущее главенствующее положение.

Обсуждение

В научной литературе можно встретить иные авторские определения когнитивных рисков, например, основанных на признаке «деантропологизации» содержания и субъектов образования [8].

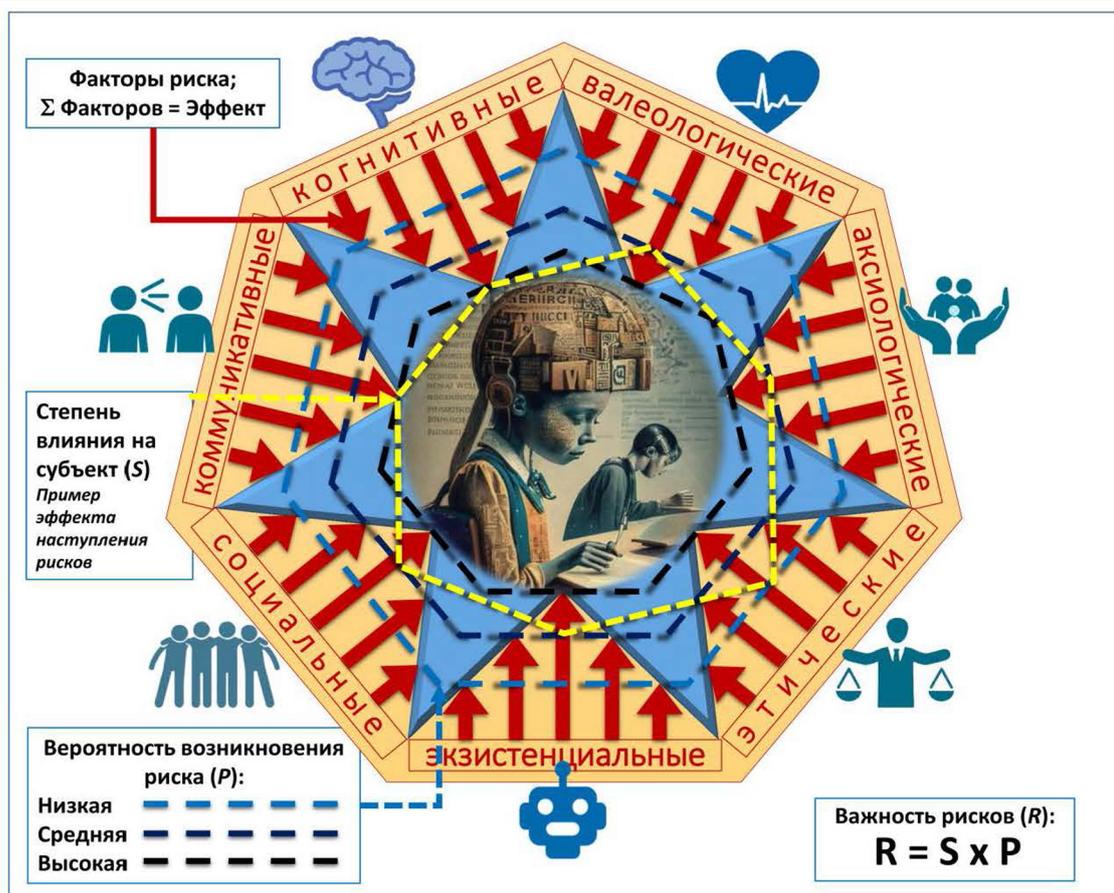

Рис. 1. Классификационная система антропологических рисков
(Разработан автором с использованием рисунка, сгенерированного нейросетью Kandinsky 2.1 по текстовому запросу «Антропологические риски цифровизации образования» (в центре)

В последнее время широкое применение получил тоффлеровский термин «клиповое мышление», которым принято обозначать такую форму приобретённого мышления, при которой информация отражается в сознании клипами. Такая форма информации не подвергается анализу, в ней не учитываются логические связи [9]. Причиной может служить мультимедийный характер одновременного усвоения информации. В таких условиях эмоции не успевают сформироваться, отсутствует рефлексия и многие вещи усваиваются бессознательно. Вместе с тем в научной литературе встречаем мнения, что такое мышление является проблемой только в случае деградации у человека других видов мышления³. Отдельные авторы выделяют и положительные аспекты клипового мышления – более интенсивное и концентрированное восприятие информации в больших «порционных» объёмах, компенсация поверхностности восприятия информации

за счёт формирования со временем культуры проверки подлинности⁴.

Риском избыточной цифровизации образовательного процесса в свете рассматриваемой проблемы клипового мышления является стремление к сознательному избеганию сложных образовательных программ, а также фиксация обучающихся на развлекательном контенте⁵.

Современная тенденция широкого и повсеместного применения интернета и цифровых средств выполнения учебных заданий обучающимися может повлечь снижение навыков письма и чтения, изменение степени развития глазомера, моторики и координации. Повышается вероятность привыкания к поиску и чтению информации на цифровых носителях без углубления в суть, что негативно сказывается на способности воспринимать большие тексты

³ Константинов А. Поколение Z : почти все, что говорят о нем, – ложь [Электронный ресурс] // Эксперт: сайт.– URL: https://expert.ru/russian_reporter/2019/06/pokolenie-z-pochti-vse-chto-govoryat-o-nem---lozh/ (дата обращения: 15.02.2023).

⁴ Кешелава А. В., Буданов В. Г., Румянцев В. Ю. и др. Введение в «Цифровую» экономику / под общ. ред. А. В. Кешелава; гл. «цифр.» конс. И. А. Зимненко. – ВНИИ-Геосистем, 2017. – 28 с. (На пороге «цифрового будущего». Книга первая).

⁵ Коновалова Н. А. Развитие медиакультуры студентов педагогического вуз: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Вологда, 2004. – 25 с.

и распознавании письменных текстов и формулирования своих мыслей⁶. Дальнейшее постоянное использование обучающимися подобного рода формата обработки информации способствует развитию риска снижения творческих способностей, воображения и фантазии [10].

Социальные риски проявляются у обучающихся в виде неумения работать в команде, снижения уровня их социализации, инициативности и самомотивации. По мнению сотрудников Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина представителям так называемого «поколения Z» свойственна сетевая социализация личности, которая носит хаотический характер. Возникают сложности педагогического процесса, связанные с пробелами в «социальных компетенциях» [11].

В. Ю. Разумовский пишет о необходимости дальнейшего изучения социально-психологических аспектов цифрового обучения, которое может значительно снизить уровень социализации человека [10]. Возможным негативным следствием постоянного использования цифровых ресурсов образовательных и развлекательных платформ может стать деформация поведения и аддиктивные проявления у обучающихся. Некоторые учёные считают экранную зависимость сродни наркотической, а сами экраны – «электронным кокаином» или «цифровым героином»⁷. Р. Н. Хакимзянов в своих работах отмечает, что именно обучающиеся подвержены повышенным рискам возникновения различных форм девиантного поведения в сети, например, киберагрессий (флейминг, троллинг, буллинг) или иных психологических аддикций, например, смомби [12].

Ещё более опасные последствия абсолютизации цифровизации описывают профессора кафедры организационной и прикладной психологии образования Южного федерального университета Е. И. и Е. Е. Роговы, относя к ним привлечение внимания экстремистских организаций к лицам, которые под влиянием современных технологий утратили источники смысла и социальную изолировались, поддались депрессии и эмоциональному выгоранию. Учёные используют в отношении таких лиц термины социального аутизма, «одиночества в сети», «одиночества вдвоем» [13].

По своей форме и природе к социальным рискам близки риски коммуникативные. Исследователи фиксируют всё чаще проявляющиеся у современных обучающихся трудности в общении, обилие используемых иностранных слов, жаргонизмов и специальной лексики из мира политики и бизнеса. Представляется справедливым наблюдение учёных, что проведе-

ние групповой онлайн-работы требует особого внимания к эмоциональным особенностям её участников, так как разрушительные эмоции, испытываемые во время работы онлайн в виртуальных группах, могут провоцировать конфликты [14].

Широкое применение Wi-Fi-технологий и устройств мобильной связи вызывает возникновение вреда для здоровья, т. е. развитие валеологических рисков. По заявлениям специалистов, чрезмерное использование цифровых гаджетов предопределяет возникновение проблем со зрением у обучающихся⁸, деформацию физиологии пальцев; изменение костных тканей, суставов и мышц [15], развитие дислексии и дисграфии⁹. Роспотребнадзор в своих рекомендациях¹⁰ приводит памятку для обучающихся, родителей и педагогических работников с правилами обращения с гаджетами для минимизации их негативного влияния на состояние здоровья пользователей.

Функционирование электронной информационно-образовательной среды образовательной организации нацелено не только на приобретение знаний, но и на достижение целей воспитания личности. А. В. Мудрик ещё в 2008 году в своих работах отмечал воспитательные ресурсы интернета [16]. Однако потенциал социализации человека в интернете имеет как позитивную, так и негативную составляющую, определяющую возникновение этических рисков. Анатолий Викторович приводит распространённые виды наиболее негативных ресурсов интернета – порнография и пропаганда насилия, популяризация манипуляции сознанием, насаждение мистицизма, расизма, сексизма, ксенофобии, а также определённые криминальные ресурсы (сайты террористических организаций, экстремистских и радикальных движений и прочее).

Проблема аксиологических рисков раскрывается в трудах И. В. Ульяновой, которая, рассматривая инновационные риски в современной российской системе высшего профессионального гуманитарного образования, подробно останавливается на критериях качества образовательного процесса, а также выделяет важнейшие смысловые акценты жизни [3]. Руководитель Высшей школы логотерапии Московского института психоанализа С. В. Штукарева в своём докладе на Международном симпозиуме «Психологические проблемы смысла жизни и акме», описывая феномен «цифровой патологии», говорит о создании опасной

⁸ Гаджеты и зрение детей [Электронный ресурс] // Здоровые люди: сайт. – URL: <https://24health.by/gadzhet-yi-zrenie-detej/> (дата обращения: 15.02.2023).

⁹ Кулебякина Е. Риски цифровизации [Электронный ресурс] // Единство Движение к свету: сайт. – URL: <http://interunity.org/board/viewtopic.php?p=4938#4938> (дата обращения: 11.05.2023).

¹⁰ Методические рекомендации об использовании средств мобильной связи в общеобразовательных организациях [Электронный ресурс] // Роспотребнадзор : сайт. – URL: https://rospotrebnadzor.ru/documents/details.php?ELEMENT_ID=12456 (дата обращения: 26.02.2023).

⁶ 7 важных навыков, которые мы теряем, когда совсем перестаём писать от руки [Электронный ресурс] // На распутье.ру: сайт. – URL: <https://narasputye.ru/archives/4448> (дата обращения: 15.02.2023).

⁷ Цифровой героин: как экраны превращают детей в психотических наркоманов [Электронный ресурс] // На распутье.ру: сайт. – URL: <https://narasputye.ru/archives/3962> (дата обращения: 15.02.2023).

гуманитарной проблемы в связи с использованием современных средств коммуникации. Она заключается в воздействии на такие человеческие ценностные ориентиры, как справедливость, милосердие и сострадание. Происходит искажение понятия правды за счёт его подмены ложной информацией и интерпретации фактов с позиций выгоды. Происходит развитие невротических симптомов эгоцентричности, негативизма, формулируется неточное или неправильное определение ценностей и смыслов¹¹.

Отдельное направление исследований рассматривает экзистенциальные риски, опираясь на опыт интеллектуального переживания за будущее человека и человечества в связи с развитием технологизации общественных отношений. Учёные обсуждают такие проблемы цифровизации, как дегуманизация человека, возможность контроля за его деятельностью либо ограничение его доступа к определённой информации [17]. По причине того, что любые действия человека в различных ресурсах сети интернет влекут формирование «цифровых следов», накапливающих информацию о пользователе независимо от его желания, каждый день глобальная сеть пополняется новой информацией обо всем и о каждом из нас¹². Велик риск утраты возможности управления информацией о своей жизни, прекращения правильного восприятия окружающего мира и самого себя, перехода к управлению искусственным интеллектом. Недавно мир облетела новость о человеке, покончившем с собой после того, как виртуальный собеседник на базе искусственного интеллекта фактически подтолкнул его к самоубийству¹³.

С другой стороны, ряд учёных акцентирует внимание на том факте, что расширение внешних пределов человека влечёт за собой утрату

содержания, закрывает путь к своему «я» и критичности мышления. Более того, стремление поглотить огромные несистематизированные массивы информации, жажда «всё успеть» создают предпосылки для утраты психического здоровья, когда человек теряет себя, не получая опору в своём внутреннем пространстве [18].

Кроме того, отдельные авторы формулируют гипотетические риски киборгизации человека в связи с появляющимися возможностями вживления в тело человека устройств микроэлектроники, предназначенных для усиления каких-либо естественных функций или реализации новых (ночного зрения, приема радиосигналов, электронного паспорта или кошелька и пр.)¹⁴.

Заключение

Описанные в работе риски абсолютизации цифрового сопровождения, безусловно, являются вероятными, и их наступление зависит от множества факторов. Представляется, что образовательные организации в лице руководителей и должностных лиц, организующих образовательный процесс, могут использовать разработанную классификационную систему антропологических рисков для исключения или минимизации их последствий.

Однако мы считаем нецелесообразным воздерживаться от широкого внедрения цифровых средств в образовательных организациях, как предлагают некоторые авторы, с целью проведения долгосрочных исследований сроком не менее 10 лет. По нашему мнению, если внедрение цифровых технологий в российское образование будет измеряться десятилетиями, то есть реальная угроза безнадёжного отставания от современных педагогических технологий.

Одним из способов нейтрализации негативного воздействия неконтролируемого внедрения цифровых технологий и возможных рисков абсолютизации цифрового сопровождения образовательного процесса могут стать разрабатываемые новые педагогические компетенции работы с указанными технологиями с целью модернизации существующих дидактических приёмов.

¹⁴ Кешелава А. В., Буданов В. Г., Румянцев В. Ю. и др.: Введение в «Цифровую» экономику. – Указ. соч.

¹¹ Штукарева С. В. Пятая патология духа времени [Электронный ресурс] // Психологическая газета : сайт. – URL: <https://psy.su/feed/11191/> (дата обращения: 18.04.2023).

¹² Реморенко Е. Почему наши дети будут честнее нас... и чему они учатся, пока не хотят учиться // Мел: сайт. – URL: <https://mel.fm/blog/katja-remorenko/91673-pochemu-nashi-deti-budut-chestneye-nas> (дата обращения: 28.02.2023).

¹³ Бельгиец покончил с собой после общения с искусственным интеллектом [Электронный ресурс] // РИА Новости : сайт. – URL: <https://ria.ru/20230329/ii-1861467723.html> (дата обращения: 14.04.2023).

Список литературы

1. Тюнников Ю. С., Афанасьева Т. П., Казаков И. С., Мазниченко М. А. Непрерывное формирование медиакомпетентности учителя в условиях постоянных изменений информационной и образовательной среды // Медиаобразование. – 2017. – № 1. – С. 58–79.
2. Андриухина Л. М. Цифровизация образования: ожидания и антропологические риски / Стратегические ориентиры современного образования : сборник научных статей, Екатеринбург, 5–6 ноября 2020 года. – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2020. – Ч. 1. – С. 140–144. – DOI 10.26170/Kso-2020-44.
3. Ульянова И. В. Инновационные риски в современной российской системе высшего профессионального гуманитарного образования / Инновационные технологии в системе профессионального образования. – Махачкала : Автономная некоммерческая образовательная организация «Махачкалинский центр повышения квалификации», 2014. – С. 5–45.
4. Лаукс Дж., Маколей Дж., Норонха Э., Уэйд М. Цифровой вихрь: как побеждать диджитал-новаторов их же оружием. – Москва: Эксмо, 2018. – 352 с.

5. *Кутырев В. А.* О судьбе управления и права в цифровом обществе // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2019. – № 1 (45). – С. 278–281.
6. *Антонова Л. Н.* Педагогическая рискология: теория и история // Проблемы современного образования. – 2010. – № 4. – С. 24–30.
7. *Арламов А. А.* Педагогический риск как проблема методологии социальной педагогики // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. – 2010. – № 1. – С. 12–21.
8. *Храпов С. А., Баева Л. В.* Философия рисков цифровизации образования: когнитивные риски и пути создания безопасной коммуникативно-образовательной среды // Вопросы философии. – 2021. – № 4. – С. 17–26.
9. *Торфлер Э.* Третья волна. – Москва: АСТ, 2009. – 795 с.
10. *Разумовский В. Ю.* «Цифровое образование» и его социально-психологические последствия – польза или вред? / Современные инновационные образовательные технологии и развитие экономики : материалы Международной научно-практической конференции, Липецк, 29 апреля 2020 года. – Липецк: Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2020. – С. 122–128.
11. *Колесов В. И., Смолонская А. Н.* Сущность определения проблемы в структуре социальной компетентности // Символ науки: международный научный журнал. – 2018. – № 8. – С. 76–78.
12. *Хакимзянов Р. Н.* Внутренние ресурсы психологической безопасности личности подростков в условиях интернет-коммуникации // Казанский педагогический журнал. – 2019. – №. 3 (134). – С. 77–82.
13. *Рогов Е. И., Рогова Е. Е.* Проблемы межличностного взаимодействия в условиях цифровизации образования / Психолого-педагогические проблемы современного образования: пути и способы их решения : сборник материалов V Международной научно-практической конференции, Дербент, 27 февраля 2022 года / под общей редакцией Э. А. Пирмагомедовой. – Москва: ООО «Парнас», 2022. – С. 73–81.
14. *Ozturk T. H., Hodgson V.* Developing a model of conflict in virtual learning communities in the context of a democratic pedagogy // ВJET. – 2017. – Vol. 48. – № 1. – P. 23–42. DOI:10.1111/bjet.12328.
15. *Козлова Н. Ш.* Актуальность обеспечения информационной безопасности в банковской системе / Актуальные проблемы технических наук : сборник статей Международной научно-практической конференции. – Уфа, Издательство: Общество с ограниченной ответственностью «Аэтерна», 2015. – С. 105–108.
16. *Мудрик А. В.* Воспитательные ресурсы Интернета // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. – 2008. – Т. 14. – № 4. – С. 37–39.
17. *Масланов Е. В.* Цифровизация и развитие информационно-коммуникационных технологий: новые вызовы или обострение старых проблем? // Цифровой ученый: лаборатория философа. – 2019. – Т. 2. – № 1. – С. 6–21.
18. *Король А. Д., Воротницкий Ю. И.* Цифровая трансформация образования и вызовы XXI века // Высшее образование в России. – 2022. – Т. 31. – № 6. – С. 48–61. – DOI 10.31992/0869-3617-2022-31-6-48-61.

References

1. *Tyunnikov Yu. S., Afanas'yeva T. P., Kazakov I. S., Maznichenko M. A.* Nepreryvnoye formirovaniye mediakompetentnosti uchitelya v usloviyakh postoyannykh izmeneniy informatsionnoy i obrazovatel'noy sredy // Mediaobrazovaniye. – 2017. – № 1. – С. 58–79.
2. *Andryukhina L. M.* Tsifrovizatsiya obrazovaniya: ozhidaniya i antropologicheskiye riski / Strategicheskkiye oriyentiry sovremennogo obrazovaniya : sbornik nauchnykh statey, Yekaterinburg, 5–6 noyabrya 2020 goda. – Yekaterinburg: Ural'skiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, 2020. – Ch. 1. – S. 140–144. – DOI 10.26170/Kso-2020-44.
3. *Ulyanova I. V.* Innovatsionnyye riski v sovremennoy rossiyskoy sisteme vysshego professional'nogo gumanitarnogo obrazovaniya / Innovatsionnyye tekhnologii v sisteme professional'nogo obrazovaniya. – Makhachkala : Avtonomnaya nekommercheskaya obrazovatel'naya organizatsiya «Makhachkalinskiy tsentr povysheniya kvalifikatsii», 2014. – S. 5–45.
4. *Lauks Dzh., Makoley Dzh., Noronkha E., Ueyd M.* Tsifrovoy vikhr': kak pobezhdat' didzhital-novatorov ikh zhe oruzhiyem. – Moskva: Eksmo, 2018. – 352 s.
5. *Kutyrev V. A.* O sud'be upravleniya i prava v tsifrovom obshchestve // Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii. – 2019. – № 1 (45). – С. 278–281.
6. *Antonova L. N.* Pedagogicheskaya riskologiya: teoriya i istoriya // Problemy sovremennogo obrazovaniya. – 2010. – № 4. – С. 24–30.
7. *Arslamov A. A.* Pedagogicheskiy risk kak problema metodologii sotsial'noy pedagogiki // Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Pedagogika i psikhologiya. – 2010. – № 1. – С. 12–21.
8. *Khrapov S. A., Bayeva L. V.* Filosofiya riskov tsifrovizatsii obrazovaniya: kognitivnyye riski i puti sozdaniya bezopasnoy kommunikativno-obrazovatel'noy sredy // Voprosy filosofii. – 2021. – № 4. – С. 17–26.
9. *Toffler E.* Tret'ya volna. – Moskva: AST, 2009. – 795 s.

10. *Razumovskiy V. Yu.* «Tsifrovoye obrazovaniye» i yego sotsial'no-psikhologicheskiye posledstviya – pol'za ili vred? / *Sovremennyye innovatsionnyye obrazovatel'nyye tekhnologii i razvitiye ekonomiki : materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*, Lipetsk, 29 aprelya 2020 goda. – Lipetsk: Lipetskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet imeni P. P. Semenova-Tyan-Shanskogo, 2020. – S. 122–128.
11. *Kolesov V. I., Smolonskaya A. N.* Sushchnost' opredeleniya problemy v strukture sotsial'noy kompetentnosti // *Simvol nauki: mezhdunarodnyy nauchnyy zhurnal*. – 2018. – № 8. – S. 76–78.
12. *Khakimzyanov R. N.* Vnutrenniye resursy psikhologicheskoy bezopasnosti lichnosti podrostkov v usloviyakh internet-kommunikatsii // *Kazanskiy pedagogicheskiy zhurnal*. – 2019. – № 3 (134). – S. 77–82.
13. *Rogov Ye. I., Rogova Ye. Ye.* Problemy mezhlichnostnogo vzaimodeystviya v usloviyakh tsifrovizatsii obrazovaniya / *Psikhologo-pedagogicheskiye problemy sovremennogo obrazovaniya: puti i sposoby ikh resheniya : sbornik materialov V Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*, Derbent, 27 fevralya 2022 goda / pod obshchey redaktsiyey E. A. Pirmagomedovoy. – Moskva: OOO «Parnas», 2022. – S. 73–81.
14. *Ozturk T. H., Hodgson V.* Developing a model of conflict in virtual learning communities in the context of a democratic pedagogy // *BJET*. – 2017. – Vol. 48. – № 1. – P. 23–42. DOI:10.1111/bjet.12328.
15. *Kozlova N. Sh.* Aktual'nost' obespecheniya informatsionnoy bezopasnosti v bankovskoy sisteme / *Aktual'nyye problemy tekhnicheskikh nauk : sbornik statey Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. – Ufa, Izdatel'stvo: Obshchestvo s ogranichennoy otvetstvennost'yu «Aeterna», 2015. – S. 105–108.
16. *Mudrik A. V.* Vospitatel'nyye resursy Interneta // *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsial'naya rabota. Yuvenologiya. Sotsiokinetika*. – 2008. – T. 14. – № 4. – S. 37–39.
17. *Maslanov Ye. V.* Tsifrovizatsiya i razvitiye informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologiy: novyye vyzovy ili obostreniye starykh problem? // *Tsifrovoy uchenyy: laboratoriya filosofa*. – 2019. – T. 2. – № 1. – S. 6–21.
18. *Korol' A. D., Vorotnitskiy Yu. I.* Tsifrovaya transformatsiya obrazovaniya i vyzovy XXI veka // *Vyssheye obrazovaniye v Rossii*. – 2022. – T. 31. – № 6. – S. 48–61. – DOI 10.31992/0869-3617-2022-31-6-48-61.

Статья поступила в редакцию 19.04.2023; одобрена после рецензирования 11.06.2023; принята к публикации 06.07.2023.

The article was submitted April 19, 2023; approved after reviewing June 11, 2023; accepted for publication July 06, 2023.

Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика

Научная статья
УДК 159.9
doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-176-183

Елена Юрьевна Астафичева
<https://orcid.org/0000-0001-6767-4606>, elenaastaficheva@yandex.ru

*Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России
Российская Федерация, 196105, Санкт-Петербург, Московский проспект, д. 149*

Эмоциональный интеллект, успешность и психологическая адаптивность к среде как факторы обеспечения эффективности социального управления

Аннотация: Проблемы эмоционального интеллекта, успешности и психологической адаптивности к среде в совокупности и системном единстве являются важными факторами обеспечения эффективности социального управления. Современный облик социального администрирования предполагает учёт факторов эмоционального лидерства и управления эмоциями, включая умение налаживать контакты с людьми, вдохновлять и воодушевлять их, поддерживать высокую мотивацию и добиваться развития и процветания социальной организации в целом. Понятие «эмоциональный интеллект» тесно связано с категориями «социальная успешность» и «психологическая адаптивность к среде». Последние два фактора следует интерпретировать как следствие достаточного развития эмоционального интеллекта соответствующего индивида при его характеристике как полноценной и многогранной личности. Люди в силу объективных причин имеют различный уровень EQ. Вслед за этим они дифференцируются как социально успешные, либо не пользующиеся социальной успешностью, адаптивные, либо не восприимчивые к механизмам психологической адаптации к среде. Данная дифференциация является отчасти генетической предрасположенностью личности к проявлениям организаторских способностей и лидерских качеств, однако не меньшее значение имеют целенаправленные и организованные усилия людей к обучению, развитию и самосовершенствованию своих эмоционально-интеллектуальных качеств. В социальном управлении это приобретает особое значение, поскольку существенным образом влияет на эффективность взаимодействия объектов и субъектов администрирования, создавая тем самым благоприятный эмоциональный климат в коллективе либо, напротив, способствуя росту негативных, пессимистических и эмоционально неустойчивых настроений в управляемом сообществе.

Методы исследования. При изучении проблематики эмоционального интеллекта, успешности и психологической адаптивности к среде автором использовался широкий набор методов познания, которые выработаны и апробированы современной социально-психологической наукой. В их числе

анализ и синтез, индукция и дедукция, наблюдение, опрос, метод анализа документов и результатов социальной деятельности.

Результаты. В итоге автором предлагается ряд теоретико-методологических конструкций и практических рекомендаций социальным менеджерам, которые позволяют им учитывать эмоциональное содержание административно значимой информации, поддерживать надлежащую чувственную атмосферу общения, минимизировать социально-психологические конфликтогены и пресекать неконструктивное взаимодействие между людьми.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, психологическая адаптация, социальное управление, психологическая адаптивность к среде, социальная успешность, психологические конфликтогены, эффективность социального управления

Для цитирования: Астафичева Е. Ю. Эмоциональный интеллект, успешность и психологическая адаптивность к среде как факторы обеспечения эффективности социального управления // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 3 (99). – С. 176–183; doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-176-183.

Elena Yu. Astaficheva

<https://orcid.org/0000-0001-6767-4606>, elenaastaficheva@yandex.ru

Saint-Petersburg University of the State Fire Service of the EMERCOM of Russia
149, Moskovsky Ave., St. Petersburg, 196105, Russian Federation

Emotional intelligence, success and psychological adaptability to the environment as factors in ensuring the effectiveness of social management

Abstract: The problems of emotional intelligence (emotional quotient, EQ), success and psychological adaptability to the environment in the complex and systemic integrity are important factors in ensuring the effectiveness of social administration. The modern form of social administration involves the factors of emotional leadership and emotion management, including the ability to connect with people, inspire and encourage them, keep them highly motivated and achieve the development and prosperity of the social organisation as a whole. The concept of «emotional intelligence» is closely related to the categories of «social success» and «psychological adaptability to the environment». The latter two factors should be interpreted as a consequence of sufficient development of emotional intelligence of a fully developed person. People due to objective reasons have different levels of EQ. Following this, they are differentiated as either socially successful or not socially successful, adaptive or not susceptible to the mechanisms of psychological adaptation to the environment. This differentiation is partly a genetic predisposition of a person to manifest organisational abilities and leadership qualities, but no less important are the purposeful and organised efforts of people to learn, develop and self-improve their emotional and intellectual qualities. In social management it is of particular importance, because it significantly affects the effectiveness of interaction between objects and subjects of administration, thus creating a favourable emotional climate in the team or, on the contrary, contributing to the rise of negative, pessimistic and emotionally unstable moods in the managed community.

Research methods. When studying the problems of emotional intelligence, success and psychological adaptability to the environment, the author used a wide range of methods of cognition, which are developed and tested by modern socio-psychological science. Among them there are analysis and synthesis, induction and deduction, observation, survey, method of analysing documents and results of social activity.

Results. As a result, the author proposes a number of theoretical and methodological constructs and practical guidelines for social managers, which enable them to take into account the emotional content of administratively significant information, to maintain a proper sensual atmosphere of communication, to minimise socio-psychological conflictogens and to suppress unconstructive interaction between people.

Keywords: emotional intelligence, psychological adaptation, social management, psychological adaptability to the environment, social success, psychological conflictogens, effectiveness of social management

For citation: Astaficheva E. Yu. Emotional intelligence, success and psychological adaptability to the environment as factors in ensuring the effectiveness of social management // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – № 3 (99). – P. 176–183; doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-176-183.

Введение

Социальное управление в современном обществе представляет собой сложный и многогранный механизм, который находится под воздействием ряда постоянных и переменных факторов. Большинство из них глубоко исследовано в науке, их влияние на эффективность социального управления доказано, публичный и корпоративный менеджмент их часто и плодотворно использует. Вместе с тем социальнопсихологическая наука предлагает ряд новых теоретико-методологических подходов и практически-прикладных методик, которые позволяют воспринимать и во многом иначе оценивать проблему эффективности социального управления. В их числе – факторы эмоционального интеллекта, социальной успешности и психологической адаптивности к среде. Данные факторы оказывали влияние на процесс социального управления на протяжении всей истории человеческой цивилизации и даже в доисторические времена. Однако повышенное внимание к ним, их систематизация и комплексный теоретический анализ осуществлены лишь в последние десятилетия.

Вслед за этим меняется современный облик социального администрирования, наблюдается его направленность на учёт факторов эмоционального лидерства и управления эмоциями, включая умение налаживать контакты с людьми, вдохновлять и воодушевлять их, поддерживать высокую мотивацию, и добиваться таким образом развития и процветания социальной организации в целом. В связи с этим Е. В. Волохова и Е. А. Любимова обращают внимание на то, что «длительное время в обществе господствовало представление», что «успех человека зависит от его интеллекта» (IQ). Но с течением времени исследования показали, что нередко люди с невысоким IQ «бывают успешнее тех, у кого он невысокий». Причина заключается в том, что у них развит эмоциональный интеллект (EQ), который «помогает преуспеть в жизни», «подразумевает более эффективное взаимодействие с окружающим миром», сочетая «особенности эмоциональной и когнитивной сфер» жизнедеятельности индивида в социуме [7, с. 51].

Понятие «эмоциональный интеллект» интерпретируется в современной социальнопсихологической литературе весьма дифференцированно. Содержание данной категории неоднозначно воспринималось в истории социально-психологической мысли. Как пишут Е. С. Спасибина и Н. С. Шарова, первоначально понятие «эмоциональный интеллект» было связано с категорией «социальный интеллект». Первые исследования определяли эмоциональный интеллект как «умственные способности, которые помогают воспринимать собственные чувства и эмоции других людей». Особое значение придавалось «идентификации эмоций» (их адекватному восприятию и отождествлению), «регулированию эмоций» (умению ими управлять) и распознаванию «эмоциональной информации» в «мышлении и деятельности». С течением времени категория «эмоциональный интеллект»

стала интерпретироваться более широко: в данное понятие также включались способности распознавать эмоции по невербальным коммуникациям, активизировать мыслительный процесс и побуждать креативные способности, формировать мотивацию, раскрывать причины возникновения эмоций [21, с. 114] и т. д.

В современной социально-психологической науке категория «эмоциональный интеллект» позиционируется как «черта» личности и «способность» индивида [13, с. 1694], в связи с чем ей придается свойство одной из «разновидностей человеческого капитала» [9, с. 124] или «личностного потенциала работника организации» [14, с. 12]. В свою очередь, исследователи усматривают органическую связь эмоционального интеллекта с «эффективностью деятельности» и «качеством профессиональной жизни» [18, с. 21], что даёт основания утверждать, что эмоциональный интеллект является одним из важных факторов обеспечения эффективности социального управления, причём это в целом, как устойчивая закономерность – сравнительно широко и практически повсеместно признано в современной науке.

Понятие «эмоциональный интеллект» тесно связано с категориями «социальная успешность» и «психологическая адаптивность к среде». Последние два фактора следует интерпретировать как следствие достаточного развития эмоционального интеллекта соответствующего индивида при его характеристике как полноценной и многогранной личности. Люди в силу объективных причин имеют различный уровень EQ, и соответственно делятся на склонных либо не пользующихся социальной успешностью, способных либо не восприимчивых к механизмам психологической адаптации к среде.

Такое разделение является отчасти следствием генетической предрасположенности личности к проявлениям организаторских способностей и лидерских качеств, однако не меньшее значение имеют целенаправленные и организованные усилия человека к обучению, развитию и самосовершенствованию своих эмоционально-интеллектуальных качеств. В социальном управлении это приобретает особое значение, поскольку существенным образом влияет на эффективность взаимодействия объектов и субъектов администрирования, создавая тем самым благоприятный эмоциональный климат в коллективе либо, напротив, способствуя росту негативных, пессимистических и эмоционально неустойчивых настроений в управляемом сообществе.

Невозможно представить исчерпывающий перечень человеческих эмоций, они не поддаются однозначной и безусловной классификации. Тем не менее в самом общем виде можно было бы выделить эмоции страха, гнева, отвращения, печали, радости и удивления. Каждая из этих эмоциональных форм проявляется в социальном управлении, причём избежать выражения негативных чувств, замещая их исключительно позитивными эмоциями, по объективным причинам не представляется возможным. Боязнь, неуве-

ренность, беспокойство, замешательство, тревожность, растерянность, недоверие и смятение нередко выражают политические лидеры, крупные бизнесмены и топ-менеджеры, не говоря уже о массовом социуме и наемном персонале организаций. Нередко случается наблюдать ярость, бешенство, раздражение, нетерпение и неприязнь в корпоративных и трудовых отношениях. Люди также склонны испытывать тоску, подавленность, опустошенность, бессилие и уныние, эмоциональное выгорание, проявляя это довольно активным образом во внешней среде.

Несмотря на вышеуказанные обстоятельства, социально успешное управление [5, с. 114] мы интуитивно либо осознанно ассоциируем главным образом с положительными эмоциями: увлеченностью, вдохновленностью, приверженностью, заинтересованностью, оживленностью, приподнятостью, расположением, сопричастностью, уверенностью, удовлетворенностью и т. п. Это имеет важнейшее социально-управленческое значение [8, с. 17], которое по степени значимости можно сравнить с традиционным инструментарием финансового или кредитного менеджмента, с функционированием фондового рынка или структурой частной собственности на средства производства. Чтобы социальное управление было успешным, необходимо эффективно использовать ресурс эмоционального интеллекта в отношениях между людьми [20, с. 157]. Это в равной степени затрагивает деятельность государства, бизнеса, гражданского общества, домохозяйств и частных лиц.

Лидер при разработке стратегии развития организации в числе прочего должен мобилизовать на это «команду». Для достижения указанной цели необходимо использование имеющегося опыта социального взаимодействия. Задача лидера заключается в том, чтобы направить эмоции в нужное русло, воодушевить персонал на результат, самому излучая при этом энергию и энтузиазм. Социальное лидерство во многом имеет эмоциональную первооснову [12, с. 138], а сами лидеры испытывают потребность в таком качестве, как эмоциональная привлекательность. Требуется эффективный мониторинг эмоциональной реакции в коллективе на основные управленческие принципы и правила, поддержка атмосферы благожелательности в управляемом сообществе [10, с. 23].

Однако практика показывает, что многие социальные менеджеры осознанно либо интуитивно игнорируют вышеназванные теоретико-методологические установления. Осознанное пренебрежение инструментарием эмоционального интеллекта базируется на ложном предположении, будто социальный лидер должен внушать подчиненным исключительно страх, добиваясь таким образом их безусловного повиновения. Многие считают, что в чрезвычайных и экстремальных ситуациях именно так и следует действовать социальным управляющим, потому что обстановка этого требует. Однако позитивно оцениваемую психологическую атмосферу дисциплинированности не следует смешивать с ошибочно

понимаемыми паттернами ригоризма и авторитаризма. В современном обществе достаточно развито чувство персонального достоинства личности, чтобы эмоциональный интеллект сознательно использовался бы в целях формирования негативных чувств в управляемых коллективах. Это снижает эффективность социального управления [15, с. 63; 19, с. 225] при кажущейся внешней привлекательности имиджа «ужасного вожака» (вызывающего поклонение, подражание или восхищение вследствие приверженности силе).

Важно также дифференцировать постоянное и казуальное пренебрежение социальными менеджерами методологией использования преимуществ эмоционального интеллекта. Временное отступление от описываемой методики логически вполне объяснимо, поскольку управляющие – это люди, им свойственно проявлять не только позитивные, но и негативные эмоции. Следует при этом понимать, что «срываться на подчиненных» или просто «перестать их воодушевлять» – весьма неэффективный социально-психологический прием, который может привести организацию к крупным моральным или материальным издержкам.

Основная эмоция, которая нуждается в систематическом, целенаправленном и комплексном формировании в целях обеспечения эффективности социального управления – это чувство взаимного доверия. Менеджеры должны доверять управляемым лицам в той же мере, в какой последние – управляющим [11, с. 28]. Доверие – это многосторонняя социальная договоренность, которая рассчитана на долгосрочную перспективу вплоть до завершения выполнения поставленных управленческих задач. Доверие создает ожидаемую предсказуемость социально значимых действий, хотя не исключает вариативности поведенческих моделей, в том числе в экстраординарных и чрезвычайных ситуациях [23, с. 177]. Доверительность отношений методологически питается взаимозависимостью управляющих и персонала, общностью их целей, а также наличием социальной пользы либо материальной выгоды (заработная плата, дивиденды, приращение частной собственности и др.).

Социальное доверие – довольно «хрупкая» конструкция эмоционального интеллекта в том смысле, что его сложно создать и сравнительно легко разрушить. Чувство доверия формируется на основе социального авторитета, который может признаваться и опровергаться, подтверждаться и утрачиваться, возрастать и снижаться [6, с. 95]. Доверие к социальным управляющим также зиждется на их компетентности, т. е. способности быть эффективным менеджером, брать на себя ответственность и мотивировать персонал на плодотворную деятельность. Чтобы обеспечить социальное одобрение и доказать свои амбиции и востребованность, управляющие должны позиционировать себя с уверенностью и не ограждать свою личность от социального взаимодействия, которое требуется в целях поддержки эффективности функционирования организации [4, с. 2].

Атмосфера взаимного доверия – необходимое, но не достаточное условие социальной

успешности лидеров и управляемых ими организаций. С социально-психологической точки зрения здесь важны также целенаправленные усилия, которые побуждали бы персонал к позитивным эмоциям благодарности, интереса, надежды, радости и удовлетворения. В корпоративном менеджменте это может достигаться с помощью различных организационно-управленческих приемов и техник (Кодекс корпоративной этики, публичные выступления топ-менеджеров, организационные совещания, проблемные группы работников, ритуалы, поддержка традиций и т. п.). В других социальных организациях (особенно в органах государственной власти и местного самоуправления) социально-психологические установки на позитивные эмоции не менее необходимы, чем в частном бизнесе. Однако стереотипы общественного сознания, противоречивый опыт прошлого и ошибочно понимаемые цели в деятельности отдельных социальных лидеров, к сожалению, нередко препятствуют этому.

Воспроизводство и поддержка позитивных эмоций, на наш взгляд, не тождественны дезорганизации, отсутствию дисциплины, анархии и произволу. Концепция успешности в социальном управлении на основе использования ресурса эмоционального интеллекта, напротив, вполне совместима с организованностью, дисциплиной, законностью и правопорядком [16, с. 21] (хотя на интуитивном уровне мы нередко ассоциируем эти ценности с чем-то эмоционально негативным, например, со страхом перед ответственностью, с беспокойством ввиду вероятного государственного вмешательства, с растерянностью по поводу недоверия к реальному функционированию публичной машины управления и др.). В связи с этим имеются основания полагать, что ресурсы эмоционального интеллекта в социальном управлении современной России недооцениваются, зачастую игнорируются, в то время как они имеют важнейшее значение для обеспечения эффективности функционирования государственно-публично-го сектора и для частного бизнеса [22, с. 217].

Так, граждане страны имеют право считать себя успешными и счастливыми в целом, как организованное социальное и солидарное партнерство людей, несмотря на различия в их мировоззрении, возрасте, культуре, доходах и социальном статусе. В свою очередь государственный аппарат несёт нравственную обязанность вселять в граждан чувства уверенности в завтрашнем дне, благодарности за достижения осуществляемой им социальной политики, надежды на будущее и удовлетворённости достигнутыми результатами. Аналогичные закономерности характерны для функционирования корпоративного менеджмента и управления домохозяйствами. Профессиональное мастерство во всех приведённых выше случаях должно сочетаться с эмоциональной пронизательностью лидеров, поэтому на руководящие должности следует, по возможности, активнее привлекать людей с высоким уровнем EQ.

Эмоциональный интеллект в механизме социального управления проявляет себя не только как фактор успешности, но и психологической адаптивности к среде. Окружающая среда изменчива. Люди могут оказаться в чуждой для них среде ввиду карьерного роста, расширения бизнеса, изменения состава руководства, модернизации государственной политики, смены места жительства, рода занятий и др. В связи с этим А. И. Малинок обращает внимание на то, что «другая культура» и «насыщенность непривычными принципами, нормами, традициями и установками» может человека «испугать» [17, с. 72]. Эмоция страха имеет отрицательный нарратив и способна проявлять свой негативный потенциал весьма существенным образом. Развитый эмоциональный интеллект, в свою очередь, позволяет преодолеть указанные барьеры, исключая их восприятие в качестве «непреодолимых» либо «сложно преодолимых» социально-психологических препятствий.

Психологическая адаптивность к среде имеет в своей основе главным образом эмоциональный подтекст. Недостаточная способность индивида к адаптации во многом обусловлена либо боязнью, неуверенностью, беспокойством, замешательством, растерянностью или смятением, либо тоской, опустошённостью, подавленностью, бессилием и унынием. Успешной адаптации не просто сопутствуют положительные чувства; последние решающим образом управляют адаптацией и способствуют ее осуществлению. В некоторой степени логически верно и противоположное утверждение: негативные эмоции оказывают, как правило, разрушительное воздействие на адаптационный процесс, препятствуя ему или даже блокируя его. Однако бывают исключения: например, отрицательные эмоции гнева, ярости, раздражения и нетерпения зачастую способствуют ускорению адаптации, хотя и с сопутствующим этому отрицательным побочным эффектом.

В структуре социально-психологической адаптации заметную роль в качестве фактора среды играют социальные ожидания. В связи с этим А. А. Артамонова считает, что «социальная роль» индивида с «непременностью детерминируется» социальными ожиданиями, причём такая научная позиция «объединяет многие теоретические и концептуальные работы». Указанный автор наряду с рядом иных исследователей называет социальные ожидания «экспектациями» (от английского слова «expectation») [3, с. 116]. Полагаем, что с точки зрения анализа функционирования эмоционального интеллекта, данный фактор следует учитывать, но в несколько иной плоскости. В механизме социальных ожиданий существенную роль играет не только содержание и функция поведенческой модели, но и её эмоциональная окраска. Часто мы ожидаем не столько действия, сколько эмоции, невольно их отождествляя либо не разделяя. Во всяком случае, в механизме социальных ожиданий эмоции играют весьма существенную роль, что зачастую оказывает решающее воздействие на процесс адаптации к среде.

Попытаемся представить адаптацию новичка в организации, пациента в больнице или первоклассника в начальной школе, социальные ожидания которых сопряжены главным образом с проявлением благожелательности представителей новой среды. В содержательном аспекте данные лица могут ожидать и получать, например, хорошо оборудованное рабочее место и достойную заработную плату (новичок в организации), качественные медицинские услуги (пациент в больнице), высокий уровень преподавания (начальная школа), но сталкиваться с враждебными эмоциями вновь обретенных коллег, других пациентов, одноклассников (эмоциональный фактор внешней среды).

При подобных обстоятельствах успешная адаптация требует активного привлечения ресурсов эмоционального интеллекта адаптирующихся к среде субъектов, а также лиц, которые управляют или руководят соответствующими социальными процессами. В связи с этим социальные менеджеры, на наш взгляд, должны планировать и организовывать специальные адаптационные мероприятия, сопровождающиеся осознанным и целенаправленным проявлением положительных и уместных при этом эмоций. Доброжелательная улыбка, эмоциональное выражение поддержки и ярко выраженное чувство уверенности в успешной адаптации нового в сообществе лица способны проявлять высокую эффективность наряду с содержательно-функциональным аспектом в социальном управлении.

Особенно ярко данный фактор проявляется в процессе социально-психологической адаптации людей с ограниченными возможностями. В связи с этим С. В. Аверина, И. Н. Лысенко и Г. З. Спектор верно обращают внимание на то, что «наблюдается неблагоприятное отношение общества и государства к данной категории населения», что «часто рассматривается под проекцией дискриминации по физическому признаку и признаку здоровья человека в целом». Подобный «дисбаланс в обществе создает дополнительную психологическую нагрузку», причем люди с ограниченными возможностями «и без этого нередко проходят сложные этапы принятия себя» как «полноценной личности в обществе и творческой социальной единицы» [1, с. 19]. Использование социальными менеджерами потенциала эмоционального интеллекта позволяет преодолеть эти вредные социальные стереотипы.

В. И. Андрианова обращает внимание на «позитивные элементы» социально-психологической адаптации, включая в их состав «средства психологической защиты от стрессовых ситуаций, беспокойства, психологической напряженности, негативных межличностных отношений» [2, с. 15]. В числе основных факторов, которые способствуют включению адаптирующихся лиц в соответствующие «группы риска», Р. Х. Цечоева называет «высокое эмоциональное напряжение» [24, с. 340]. Во всех приведенных случаях авторы признают руководящую роль эмоционального интеллекта в процессе социально-психологической адаптации, учитывая при этом важную роль

и ряда других социально-психологических факторов. В какой же степени фактор эмоционального интеллекта оказывает своё «руководящее» воздействие на социально-психологическую адаптацию? Поддаётся ли это количественному измерению либо возможна лишь самая общая, качественная оценка? Допустимо ли подтверждение либо опровержение соответствующих научных гипотез экспериментальным путём?

Полагаем, что экспериментальная методика здесь применима с большим трудом, поскольку эмоциональная составляющая жизни человека многогранна, зачастую неуловима, весьма изменчива и нередко латентна для внешнего наблюдателя и даже для самого индивида. Мы проявляем много разных эмоций и не всегда способны ими эффективно управлять. Вместе с тем развитие в системе социального менеджмента социально-психологических качеств управляющих, мониторинг и тренинг их EQ, целенаправленный социально-психологический анализ процессов социального управления – вполне посильная задача для науки и общества.

В иерархических организациях управляющие более высокого звена, в частности, должны обращать внимание на социально-психологические приёмы, которые используются подчинёнными им менеджерами, чтобы исправлять неэффективные методики и способствовать восстановлению благоприятного социально-психологического климата. Позитивный эмоционально-психологический климат в социальной организации полезнее взять за аксиому, чем экспериментальным путём доказывать вредоносное воздействие озлобленности, страха или уныния в управлении обществом и коллективами.

Заключение

На основании изложенного можно сформулировать следующие обобщения и выводы. Эмоциональный интеллект, успешность и психологическая адаптивность к среде в совокупности и системном единстве являются важными факторами обеспечения эффективности социального управления. Современные социальные менеджеры наряду с традиционными обстоятельствами вынуждены учитывать эмоциональное содержание административно значимой информации, поддерживать надлежащую чувственную атмосферу общения, минимизировать социально-психологические конфликтогены и пресекать неконструктивное взаимодействие между людьми. Непоследовательное поведение персонала организации нередко имеет в своей основе эмоционально-волевые причины и основания. В связи с этим представляется целесообразным более активное использование социально-психологических приёмов дипломатии, такта, уважения мнения других людей и признания достоинства личности имманентной ценностью в социальном управлении. Данная методология оказывает позитивное воздействие не только на сам процесс социального взаимодействия, но и на желаемый управленческий результат.

Список литературы

1. Аверина С. В., Лысенко И. Н., Спектор Г. З. Психологический аспект проектной адаптации среды для людей с ограниченными возможностями // Всероссийская научно-практическая конференция «Диск-2018». – Москва, 2018. – С. 18–23.
2. Андрианова В. И. Социально-психологическая адаптация предпринимателей к изменяющимся условиям экономической среды деятельности как показатель их профессиональной самореализации // Альманах современной науки и образования. – 2008. – № 1. – С. 13–15.
3. Артамонова А. А. Роль социальных ожиданий как фактора среды в структуре социально-психологической адаптации // Слагаемые качества обучения студентов в гуманитарном вузе. Сборник материалов конференции. – Москва, 2017. С. 112–117.
4. Барановский М.В. Феномен доверия в трудах «пионеров социологической мысли» // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2020. – № 4. – С. 2–4.
5. Батыков И. Сплоченность малых социальных групп: стратегия успешного управления // Государственная служба. – 2008. – № 1. – С. 114–117.
6. Борисова Н. В. Духовные основы правосознания личности в наследии И.А. Ильина // Прикладная юридическая психология. – 2015. – № 4. – С. 95–101.
7. Волхова Е. В., Любимова Е. А. Динамика эмоционального интеллекта студентов в процессе изучения дисциплины «Эмоциональный интеллект» // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2022. – № 4. – С. 50–53.
8. Горбунова М. Ю. Эмоции в социальном управлении: теоретическая модель // Государственное управление. – 2011. – № 26. – С. 17–19.
9. Закарян К. А. Эмоциональный интеллект как разновидность человеческого капитала и исследования на тему эмоционального интеллекта // Актуальные научные исследования в современном мире. – 2018. – № 6. – С. 124–127.
10. Зарембо Н. А. Измерение способности управления негативными эмоциями // Юридическая психология. – 2012. – № 2. – С. 23–30.
11. Кажлаев С. А. О честности и доверии в предпринимательских отношениях // Право и экономика. – 2017. – № 12. – С. 28–33.
12. Кармышева О. Е. Конспект открытого мероприятия. Тренинг «управление эмоциями в конфликте» // Наука и образование: новое время. – 2015. – № 1. – С. 138–141.
13. Крюкова Е. А., Шестова М. А., Корнилова Т. В. Эмоциональный интеллект: черта или способность (к результатам русскоязычной адаптации опросника «черты эмоционального интеллекта» / Способности и ментальные ресурсы человека в мире глобальных перемен. – Москва, 2020. – С. 1694–1700.
14. Ланцова А. А., Сандуляк П. Б. Эмоциональный интеллект как личностный потенциал работника организации // Бизнес и дизайн ревю. – 2022. – № 1. – С. 23–31.
15. Ларюшкина В. В. Управление эмоциями при принятии управленческих решений // Управление в России: проблемы и перспективы. – 2019. – № 3. – С. 63–70.
16. Макаренко Д. Г. Механизмы формирования доверия общества к институтам государственной власти // Мониторинг правоприменения. – 2021. – № 2. – С. 21–26.
17. Малинок А. И. Социально-психологическая адаптивность и субъективное благополучие подростков, временно находившихся в инокультурной среде // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. – 2019. – № 5. – С. 72–77.
18. Панкратова А. А., Николаева М. Е. Связь эмоционального интеллекта с эффективностью деятельности и качеством профессиональной жизни у начинающих психологов-консультантов // Психолого-педагогические исследования. – 2022. – № 3. – С. 21–37.
19. Пономарева А. А. Управление эмоциями как профессионально важное качество менеджера / Теория и практика управления: ответы на вызовы инновационного развития. – Москва, 2018. – С. 225–227.
20. Расина М. Л. Значение эмоций в структуре социального управления / Глобальные социальные процессы: опыт социологического исследования. – Москва, 2019. – С. 157–162.
21. Спасибина Е. С., Шарова Н. С. Возможность использования игры «эмоциональный интеллект», EQ для развития эмоционального интеллекта у обучающихся в системе СПО // Образование и наука без границ: фундаментальные и прикладные исследования. – 2020. – № 12. – С. 114–117.
22. Фейзуллаев М. А., Осипова А. В. Этика и культура предпринимательства как главные составляющие системного взгляда на бизнес / Синтез науки и образования в решении глобальных проблем современности. – Уфа, 2020. – С. 217–223.
23. Хамидуллин Р. С. Доверие как нравственная категория в оперативно-розыскной деятельности // Психология и психотехника. – 2022. – № 4. – С. 177–188.
24. Цечоева Р. Х. Психологическая помощь студентам с эмоциональной неустойчивостью в адаптации к условиям образовательной среды вуза // Проблемы современного психологического образования. – 2019. – № 3. – С. 339–341.

References

1. *Averina S. V., Lysenko I. N., Spektor G. Z.* Psikhologicheskiy aspekt proyektnoy adaptatsii sredy dlya lyudey s ogranichennymi vozmozhnostyami // Vserossiyskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya «Disk-2018». – Moskva, 2018. – S. 18–23.
2. *Andrianova V. I.* Sotsial'no-psikhologicheskaya adaptatsiya predprinimateley k menyayushchimsya usloviyam ekonomicheskoy sredy deyatel'nosti kak pokazatel' ikh professional'noy samorealizatsii // *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya*. – 2008. – № 1. – S. 13–15.
3. *Artamonova A. A.* Rol' sotsial'nykh ozhidaniy kak faktora sredy v usloviyakh sotsial'no-psikhologicheskoy evolyutsii // *Predlagayemye kachestva obucheniya studentov v gumanitarnom vuze. Sbornik materialov konferentsii*. – Moskva, 2017. S. 112–117.
4. *Baranovskiy M. V.* Fenomen doveriya v trudakh «pionerov sotsiologicheskoy mysli» // *Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kul'turologiya*. – 2020. – № 4. – S. 2–4.
5. *Batykov I.* Splochnost' malyykh sotsial'nykh grupp: strategiya vygody upravleniya // *Gosudarstvennaya sluzhba*. – 2008. – № 1. – S. 114–117.
6. *Borisova N. V.* Dukhovnyye osnovy pravosoznaniya lichnosti v nasledii I.A. Il'ina // *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya*. – 2015. – № 4. – S. 95–101.
7. *Volkhova Ye. V., Lyubimova Ye. A.* Dinamika emotsional'nogo intellekta studentov v protsesse izucheniya distsipliny «Emotsional'nyy intellekt» // *Azimut nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya*. – 2022. – № 4. – S. 50–53.
8. *Gorbunova M. Yu.* Emotsii v sotsial'nom upravlenii: teoreticheskaya model' // *Gosudarstvennoye upravleniye*. – 2011. – № 26. – S. 17–19.
9. *Zakaryan K. A.* Emotsional'nyy intellekt kak istoricheskiy chelovecheskiy kapital i issledovaniya na temu emotsional'nogo intellekta // *Aktual'nyye nauchnyye issledovaniya v sovremennom mire*. – 2018. – № 6. – S. 124–127.
10. *Zaremba N. A.* Izmereniye sposobnostey upravleniya negativnymi faktorami // *Yuridicheskaya psikhologiya*. – 2012. – № 2. – S. 23–30.
11. *Kazhlayev S. A.* Chestnost' i uverenost' v predprinimatel'skikh otnosheniyakh // *Pravo i ekonomika*. – 2017. – № 12. – S. 28–33.
12. *Karmysheva O. Ye.* Konspekt otkrytogo meropriyatiya. Trening «upravleniye emotsiyami v konflikte» // *Nauka i obrazovaniye: novoye vremya*. – 2015. – № 1. – S. 138–141.
13. *Kryukova Ye. A., Shestova M. A., Kornilova T. V.* Emotsional'nyy intellekt: cherta ili sposobnost' (k rezul'tatam russkoyazychnoy adaptatsii oprosnika «cherty emotsional'nogo intellekta») Sposobnosti i mental'nyye resursy cheloveka v mire otlichayutsya peremenami. – Moskva, 2020. – S. 1694–1700.
14. *Lantsova A. A., Sandulyak P. B.* Emotsional'nyy intellekt kak lichnostnyy potentsial rabotnika organizatsii // *Biznes i dizayn revyu*. – 2022. – № 1. – S. 23–31.
15. *Laryushkina V. V.* Upravleniye podtverzhdeniyami pri znaniyakh upravlencheskikh resheniy // *Upravleniye v Rossii: problemy i perspektivy*. – 2019. – № 3. – S. 63–70.
16. *Makarenko D. G.* Mekhanizmy formirovaniya doveriya obshchestva k institutam gosudarstvennoy vlasti // *Monitoring vopromeneniya*. – 2021. – № 2. – S. 21–26.
17. *Malinok A. I.* Sotsial'no-psikhologicheskaya adaptivnost' i ponizhennoye blagopoluchiye podrostkov, vremenno nakhodivshikhsya v inokul'turnoy srede // *Aktual'nyye problemy gumanitarnykh i sotsial'no-ekonomicheskikh nauk*. – 2019. – № 5. – S. 72–77.
18. *Pankratova A. A., Nikolayeva M. Ye.* Svyaz' emotsional'nogo intellekta s effektivnost'yu deyatel'nosti i kachestvom professional'noy zhizni nachinayushchikh psikhologov-konsul'tantov // *Psikhologo-pedagogicheskiye issledovaniya*. – 2022. – № 3. – S. 21–37.
19. *Ponomareva A. A.* Upravleniye podderzhkami kak professional'no vazhnoye kachestvo menedzhera Teoriya i praktika upravleniya: otvety na vyzovy innovatsionnogo razvitiya. – Moskva, 2018. – S. 225–227.
20. *Rasina M. L.* Znachenije emotsiy v ramkakh mekhanizma upravleniya / Global'nyye sotsial'nyye protsessy: opyt sotsiologicheskogo issledovaniya. – Moskva, 2019. – S. 157–162.
21. *Spasibina Ye. S., Sharova N. S.* Vozmozhnost' ispol'zovaniya igr «emotsional'nyy intellekt», EQ dlya razvitiya emotsional'nogo intellekta u obuchayushchikhsya v sisteme SPO // *Obrazovaniye i nauka bez granits: fundamental'nyye i prikladnyye issledovaniya*. – 2020. – № 12. – S. 114–117.
22. *Feyzullayev M. A., Osipova A. V.* Etika i kul'tura predprinimatel'stva kak osnovnyye sostavlyayushchiye sistemnogo vzglyada na biznes / Sintez nauki i obrazovaniya v reshenii slozhnykh problem sovremennosti. – Ufa, 2020. – S. 217–223.
23. *Khamidullin R. S.* Doveriye kak moral'naya v operativno-rozysknoy deyatel'nosti // *Psikhologiya i psikhotekhnika*. – 2022. – № 4. – S. 177–188.
24. *Tsechoyeva R. Kh.* Psikhologicheskaya pomoshch' uchashchimsya s emotsional'noy neustoychivost'yu v adaptatsii k usloviyam obrazovatel'noy sredy vuza // *Problemy sovremennogo psikhologicheskogo obrazovaniya*. – 2019. – № 3. – S. 339–341.

Статья поступила в редакцию 17.02.2023; одобрена после рецензирования 10.05.2023; принята к публикации 20.07.2023.

The article was submitted February 17, 2023; approved after reviewing May 13, 2023; accepted for publication July 20, 2023.

Научная статья
УДК 159.9: 351.74
doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-184-195

Ольга Викторовна Гарманова
<https://orcid.org/0009-0007-8957-1465>, e-mail: garmanova@bk.ru

*Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России
Российская Федерация, 625049, Тюмень, ул. Амурская, д. 75*

Обучение сотрудников патрульно-постовой службы полиции преодолению речевых провокаций со стороны граждан

Аннотация: Введение. В статье описывается одна из типичных трудных профессиональных ситуаций, связанная с проверкой документов у гражданина. Подчёркивается нарастание негативного психологического воздействия в адрес личного состава органов внутренних дел и правоохранительной системы. В качестве примера отражения такого воздействия приводятся результаты апробации авторской методики по созданию шаблонов преодоления речевых провокаций со стороны граждан.

Методы исследования – теоретический анализ научной литературы и нормативных правовых актов; анкетный опрос; содержательный и частотный анализ; экспертные оценки; самооценка.

Результаты. В статье представлены результаты формирующего эксперимента на примере профессиональной деятельности сотрудников патрульно-постовой службы полиции. Показано, что разработанная методика создания шаблонов по преодолению речевых провокаций со стороны граждан: а) позволяет отражать негативное психологическое воздействие, оказываемое со стороны граждан; б) может быть отнесена к экспресс-методам обучения сотрудников патрульно-постовой службы полиции; в) повышает состояние психологической защищённости и профессиональной успешности в трудных служебных ситуациях. Научная новизна исследования заключается во введении в круг научных проблем темы психологической защищённости сотрудников патрульно-постовой службы полиции в профессиональных ситуациях, содержащих речевые провокации граждан; и в теоретическом обосновании организационно-методического решения этой проблемы. Практическая значимость исследования заключается в описании и реализации метода экспресс-обучения сотрудников органов внутренних дел по защите от негативного психологического воздействия путём разработки методики создания шаблонов по преодолению речевых провокаций со стороны граждан.

Ключевые слова: профессиональная адаптация, сотрудники полиции, негативное психологическое воздействие, провокация, речевые шаблоны, экспресс-обучение

Для цитирования: Гарманова О. В. Обучение сотрудников патрульно-постовой службы полиции преодолению речевых провокаций со стороны граждан // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 3 (99). – С. 184–195; doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-184-195.

Olga V. Garmanova
<https://orcid.org/0009-0007-8957-1465>, e-mail: garmanova@bk.ru

*Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the MIA of Russia
75, Amurskaya str., Tyumen, 625049, Russian Federation*

Training of police patrol officers overcoming verbal provocations by citizens

Abstract: Introduction. The article describes one of the typical difficult professional situations associated with checking documents from a citizen. The growing negative psychological impact on the personnel of the internal affairs bodies and the law enforcement system is emphasized. As an example of

reflecting such an impact, the results of approbation of the author's Methodology for creating templates for overcoming verbal provocations from citizens are given.

Research methods – theoretical analysis of scientific literature and regulatory legal acts; questionnaire survey, content and frequency analyses, expert assessments, self-assessment.

Results. The article presents the results of a formative experiment on the ex-ample of the professional activities of police patrol officers. It is shown that the developed methodology for creating templates to overcome speech provocations by citizens: a) allows you to reflect the negative psychological impact exerted by citizens; b) can be attributed to express training methods for police patrol officers; c) increases the state of psychological security and professional success in difficult service situations. The scientific novelty of the study lies in the introduction of the topic of psychological security of police patrol officers in professional situations containing speech provocations of citizens into the circle of scientific problems; and in the theoretical justification of the organizational and methodological solution to this problem. The practical significance of the study lies in the description and implementation of the method of express training for employees of internal affairs bodies on protection from negative psychological impact by developing a Method for creating templates to overcome speech provocations from citizens.

Keywords: police patrol service, overcoming verbal provocations from citizens, negative psychological impact, training of police officers

For citation: Garmanova O.V. Training of police patrol officers overcoming verbal provocations by citizens // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – № 3 (99). – P. 184–195; doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-184-195.

Введение

На начальном этапе профессионального становления у сотрудников органов внутренних дел отмечаются трудности адаптации, связанные с установлением межличностных взаимоотношений, овладением профессиональными умениями и навыками, принятием условий, в которых выполняется служебная деятельность и др. Порой сложные и ответственные оперативно-служебные задачи сопровождаются агрессивным поведением граждан, выполняются в условиях речевых провокаций с их стороны. Оказываемое на личный состав органов внутренних дел негативное воздействие не является новым явлением. За период становления правоохранительной системы отношение общества к сотрудникам и выполнению ими служебных задач было разным. Оно варьировалось от героического образа «дяди Степы» до облика сотрудника органов внутренних дел, предавшего честь мундира. В настоящее время по-прежнему отмечается большое количество публикаций в средствах массовой информации, а также в интернете («Youtube», «Rutube»), демонстрирующих пренебрежительно-негативное отношение к профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел (например: «Приехала “крыша” магазина» <https://www.youtube.com>, «Пранк над полицией» <https://rutube.ru> и др.).

Приведённые примеры указывают на психологическое воздействие со стороны деструктивных сил, и такое воздействие является непрерывным. Последствия негативной критики в адрес сотрудников органов внутренних дел носят разрушительный характер для всей правоохранительной системы. Негативное отношение граждан к сотрудникам органов внутренних дел и к их действиям затрудняет процесс формирования профессиональных умений и навыков, устойчивой положительной мотивации, вызывает отрицательные эмоции, ухуд-

шает социально-психологический климат в служебных коллективах. Приобретая широкую распространённость, негативное психологическое воздействие может носить не обобщённый, а персонифицированный характер. Сотрудники полиции подвергаются негативному психологическому воздействию не только в ходе выполнения оперативно-служебных задач (провокации, вербальная агрессия), но и вне службы, в том числе от ближайшего, значимого для них окружения – родных и близких людей, друзей и знакомых. Негативное психологическое воздействие в форме речевых провокаций граждан вызывает состояние морально-психологической напряжённости сотрудников органов внутренних дел при выполнении оперативно-служебных задач и в социально-бытовых условиях.

Общая психологическая подготовка личного состава направлена на развитие навыков конструктивного общения, уверенного стиля поведения, регуляции эмоционального состояния, требует комплексного подхода и, как правило, поэтапного формирования и отработки профессиональных умений и навыков, постоянного совершенствования. Вместе с тем для сотрудников, не обладающих опытом самостоятельного решения сложных оперативно-служебных задач, требуется формирование готовности к преодолению профессиональных затруднений, знание порядка действий в условиях деструктивного воздействия в адрес правоохранительной системы, владение приёмами отражения речевых провокаций граждан.

Цель статьи – разработка и апробация методики создания шаблонов по преодолению речевых провокаций со стороны граждан. Объект исследования – сотрудники органов внутренних дел на этапе адаптации к служебной деятельности, предмет – способ психологической защиты от речевых провокаций граждан в трудных профессиональных ситуациях. Ожидается, что обучение сотрудников органов внутренних дел

применению речевых шаблонов повысит состояние их психологической защищённости и успешности в трудных профессиональных ситуациях, связанных с негативным психологическим воздействием со стороны граждан, позволит развить профессиональные умения и навыки из категории soft skills («мягкие навыки»).

Психологическая подготовка сотрудников органов внутренних дел представляет собой комплекс взаимосвязанных мероприятий, направленных на формирование и развитие психологических качеств и состояний сотрудников, обеспечивающих эффективное решение ими профессиональных задач. Совершенствование психологической подготовки ориентировано на разработку психотехнологий, позволяющих сотрудникам противостоять деструктивным силам и успешно выполнять поставленные задачи по обеспечению правопорядка в стране [7], формировать морально-психологическую устойчивость [2], в том числе к негативному психологическому воздействию [6], обеспечивать профессиональную надёжность при выполнении оперативно-служебных задач¹. В. И. Черненилов указывает на роль руководителей всех уровней управления в формировании информационно-психологической надёжности и психологической устойчивости к деструктивным информационным воздействиям, заключающейся в активной позиции личного состава, критическом восприятии и оценке различных видов информации, понимании целей и технологий деструктивных воздействий, необходимости сохранения психологической устойчивости при выполнении служебных обязанностей, описывает «алгоритм ситуационного реагирования на информационно-психологическое воздействие» [16, с. 4–6]. Современные научно-практические исследования направлены на изучение способности сотрудников полиции прогнозировать поведение правонарушителей [15], обеспечение защиты от негативного информационно-психологического воздействия [9; 11], развитие коммуникативной компетентности [1; 4], описание особенностей регуляции эмоционального состояния [14], обеспечение личной безопасности в повседневных профессиональных и экстремальных ситуациях, поддержание положительной мотивации к службе [8].

Среди форм психологической подготовки выступают: различные виды лекций, дискуссии, тренинги, игровое проектирование профессиональных задач, деловые игры, моделирование профессиональных ситуаций, использование метода анализа проблемных профессиональных ситуаций [5; 10; 12; 13 и др.], практические задания, упражнения, практикумы, тренинги (Л. Г. Бикчентаева, А. В. Гайнуллина, Н. А. Деева, В. Л. Линевиц, С. В. Михайлова, И. М. Прокудин, Ю. М. Охотников, О. А. Ульянина, В. Л. Цветков, Е. А. Шацкая и др.). Исследования направлены на изучение и описание алгоритмов поведения

сотрудников органов внутренних дел в условиях общения с различными категориями граждан (Ю. В. Ключко, Е. Н. Курсакова, С. А. Ульрих и др.). Практические занятия содержат анализ фабул конфликтных ситуаций с цитированием непосредственных форм обращения к гражданам, изучение тактических действий сотрудников в ходе межличностного взаимодействия (Е. С. Царева, М. А. Чуносков). Для поддержания профессиональной мотивации в учебно-воспитательном процессе реализуется программа психолого-педагогического сопровождения сотрудников органов внутренних дел, включающая проведение психолого-педагогических, физкультурно-оздоровительных и гигиенических мероприятий (Л. Ю. Нежкина).

В целях снижения негативного психологического воздействия, оказываемого на сотрудников органов внутренних дел, авторы исследований разработали рекомендации и правила поведения с гражданами, демонстрирующими провокационное поведение (Ю. Г. Касперович, И. Ю. Кобозев, Л. Н. Костина, О. С. Мантуров, М. И. Марьин и др.). Методы обучения сотрудников органов внутренних дел направлены на развитие навыка мобилизации, оперативного поиска решения трудных оперативно-служебных задач в условиях ограниченного ресурса времени и сил.

В литературе акцентируется внимание на роли руководителей в обеспечении комплексного междисциплинарного подхода в психологической подготовке личного состава. Авторы обсуждают направления оптимизации личностного и профессионального развития руководителей [3], направления повышения их психолого-педагогической компетентности², подчёркивают личную ответственность за морально-психологическое состояние подчинённых, сложившийся социально-психологический климат, состояние служебной дисциплины и законности в служебных подразделениях³. При организации и проведении психологической подготовки сотрудников органов внутренних дел требуется учёт по меньшей мере следующих актуальных вопросов: а) повышение эффективности выполнения оперативно-служебных задач в условиях увеличения их количества и сложности; б) повышение качества профессиональной и психологической подготовки личного состава в условиях ограниченного периода прохождения первоначальной подготовки.

Феномен провокации изучается в лингвистике, журналистике, социологии, педагогике, конфликтологии, юриспруденции. При его описании внимание акцентируется на неожиданном для собеседника воздействии и непредска-

² Реутова В. И. Психологическая диагностика в прогнозировании профессиональной успешности руководителей органов внутренних дел : дис... канд. психол. наук. – Москва, 2020. – 199 с.

³ Душкин А. С., Злоказов К. В. Психологическое консультирование руководителей органов внутренних дел по вопросам эффективного управления служебным коллективом // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2019. – № 3 (83). – С. 204–214.

¹ Федотов А. Ю. Психологическое обеспечение профессиональной надёжности специалиста силовых структур : дис. ... д-ра психол. наук. – Москва, 2020. – 904 с.

зуемых для него последствиях (А. В. Дмитриев, А. А. Сычев), получении от объекта провокации определённой прогнозируемой реакции (А. В. Дмитриев, И. Е. Задорожнюк), преднамеренности речевых действий (О. С. Иссерс), побуждении к действиям, последствия которых являются невыгодными или даже опасными для того, кто их совершил (Т. В. Варлакова), успешности / неуспешности её влияния на собеседника (И. К. Айтенова, Л. А. Балобанова). Наиболее полно понятие речевой провокации раскрыто в работах В. Н. Степанова: «символическое выражение реально испытываемых или имитируемых эмоций, чувств, состояний с целью заразить ими собеседника, вызвать у него аналогичное внутреннее состояние, которое не соответствует его актуальному состоянию»⁴. В речевых провокациях используются такие приёмы как эмоционально-негативное воздействие на адресата, инициирование речевой агрессии собеседника, выход за пределы текущей ситуации общения.

В юридической психологии механизм, тактика, приёмы реализации и противодействия речевым провокациям в отношении сотрудников дорожно-патрульной службы полиции описаны в работах С. Е. Борисовой, Ф. Н. Зейналова, И. В. Золотовой, Ю. Г. Касперович, Л. Н. Костиной, О. А. Мальцевой, М. И. Марьина, Е. В. Фиалковской и др. В ряде доступных источников научной литературы, информационно-аналитических и электронно-библиотечных системах (eLIBRARY, IPRSMART, CyberLeninka и др.) ссылок на релевантную литературу подобных исследований относительно сотрудников иных должностных категорий обнаружить не удалось. Следовательно, очевидна необходимость поиска отработки приёмов конструктивного речевого поведения, разработки методик экспресс-обучения сотрудников органов внутренних дел различных должностных категорий преодолению трудных профессиональных ситуаций. К методике и психологическим приёмам предъявляются следующие требования:

- 1) быстро и эффективно реагировать на ситуацию;
- 2) снижать морально-психологическую напряжённость, растерянность сотрудников, поддерживать состояние психологической защищённости;
- 3) обладать простотой и лёгкостью в овладении и применении;
- 4) не требовать длительной и специальной подготовки;
- 5) укреплять мотивацию к выполнению служебных задач;
- 6) пробуждать гордость за принадлежность к органам внутренних дел.

Для этих целей предлагается разработка и апробация методики создания шаблонов по

преодолению речевых провокаций граждан. Речевые шаблоны представляют собой заготовленные фразы, позволяющие отражать негативное психологическое воздействие со стороны граждан. В ходе обучения речевым шаблонам акцентируется внимание личного состава на соблюдение этических норм служебного поведения, подключение состязательного (игрового) мотива, резонирующего с профессиональной идентичностью сотрудников органов внутренних дел, развитие позиции наблюдателя (для формирования навыка прогнозирования ситуации, визуальной диагностики). Ожидается, что применение сотрудниками органов внутренних дел речевых шаблонов повысит степень их психологической защищённости в трудных профессиональных ситуациях, связанных с негативным психологическим воздействием со стороны граждан.

Методы

Методологическую основу исследования составляют компетентностный, личностно-ориентированный, ценностно-ориентационный, деятельностный подходы; а также общенаучные принципы системности и диалектической взаимообусловленности. В соответствии с целью исследования использовались следующие методы: теоретический анализ научной литературы и нормативных правовых актов, касающихся направлений и проблематики исследования; анкетный опрос, моделирование профессиональных ситуаций, содержательный и частотный анализы, экспертные оценки, самооценки. При изучении проблематики рассматриваемого вопроса использовались научно-практические исследования, посвящённые профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел и их психологической подготовке (И. Б. Лебедев, А. С. Душкин, А. И. Китов, А. Ф. Караванов, И. О. Котенев, И. Ю. Кобозев, А. Г. Ковалёв, В. Л. Кубышко, М. И. Марьин, В. Ю. Рыбников, В. М. Поздняков, А. М. Столяренко, С. Н. Федотов, В. Л. Цветков, А. Ю. Черненилов и др.), профессионально-личностному развитию специалистов силовых структур (В. В. Вахнина, В. М. Крук, В. Л. Кубышко, О. А. Ульянина, А. Ю. Федотов, Г. С. Човдырова и др.).

Тип исследования – формирующий эксперимент.

Описание выборки: на этапе подготовки стимульного материала приняли участие 52 сотрудника патрульно-постовой службы полиции, обучающихся по программам профессиональной (первоначальной) подготовки (далее – слушатели); на этапе описания способов реагирования в модельной ситуации – 47 слушателей; на этапе разработки речевых шаблонов экспертами выступили 5 человек из числа профессорско-преподавательского состава Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России; на этапе формирующего эксперимента – 49 слушателей; на этапе контроля – 37 слушателей. Общее количество составило 118 человек.

⁴ Степанов В. Н. Провокативный дискурс массовой коммуникации : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Санкт-Петербург: СПбГУ, 2005. – С. 6.

Процедура исследования

1-й этап – подготовка стимульного материала. Сотрудникам предлагалось:

1) описать ситуации, в которых было трудно сразу найти подходящий ответ на критические или недружелюбные высказывания граждан;

2) проранжировать эти ситуации от наибольшего значения к наименьшим по степени психологической остроты и по степени психологической незащищённости в них сотрудников. Из полученных ситуаций эксперты отобрали одну (проверка документов у гражданина) наиболее часто встречающуюся профессиональную ситуацию, являющуюся психологически острой и вызывающую у сотрудников чувство психологической незащищённости. Пояснения испытуемых в ходе ранжирования трудных профессиональных ситуаций позволили выделить критерии успешности сотрудников органов внутренних дел в профессиональной ситуации, связанной с речевыми провокациями граждан.

2-й этап – анкетный опрос и самооценка. Респондентам предлагалось:

1) в модельной ситуации описать способы реагирования по схеме: мысли – чувства – действия;

2) заполнить анкету, направленную на изучение состояния психологической защищённости в предложенной ситуации;

3) высказать мнения о необходимости обучения сотрудников полиции шаблонам, позволяющим отражать речевые провокации граждан.

3-й этап – экспертная оценка. Экспертам предлагалось:

1) оценить описанные слушателями способы реагирования (по схеме: мысли – чувства – действия) в модельной ситуации;

2) выделить в ответах слушателей признаки успешности профессиональных действий;

3) соотнести ответы слушателей на модельную ситуацию с требованиями нормативных правовых актов, с этическими нормами общения и правилами служебного поведения, и с требованиями, предъявляемыми к методам экспресс-обучения (см. выше);

4) разработать конструктивные речевые шаблоны.

4-й этап – формирующий эксперимент – апробация методики создания шаблонов по преодолению речевых провокаций со стороны граждан. Экспериментальной группе предлагалось ознакомиться с:

1) описанием модельной ситуации;

2) содержанием речевых провокаций граждан;

3) рекомендациями сотрудникам полиции при выполнении ими оперативно-служебных задач в условиях речевых провокаций граждан;

4) описанием конструктивных мыслей, чувств, действий сотрудников органов внутренних дел, конструктивными речевыми шаблонами в предложенной ситуации;

5) инсценированием модельной ситуации, отработкой конструктивных речевых шаблонов).

Трудная профессиональная ситуация, связанная с речевыми провокациями гражда-

нина при проверке документов, была инсценирована в учебной аудитории. В игровой ситуации участвовали: наряд сотрудников полиции – 3 человека, 1 статист (гражданин, к которому обращаются сотрудники полиции), прохожие – 2 человека. Сотрудники полиции были одеты в форменное обмундирование, имели необходимые документы, экипировку. При инсценировке ситуации от её участников требовалось сохранение серьёзного отношения к выполнению действий, активное участие в ситуации (предусмотрена видеофиксация моделирования ситуаций с последующим разбором видеозаписи на учебном занятии и проведением анализа поведения сотрудников полиции).

Далее проводилось обсуждение моделирования ситуации; заполнение бланка самооценки степени профессиональной успешности и психологической защищённости в ситуации, связанной с речевыми провокациями со стороны граждан; изучение мнения испытуемых о пользе проводимого занятия и необходимости дальнейшего обучения сотрудников шаблонам, позволяющим отражать речевые провокации граждан.

5-й этап исследования – повторный замер. Через две недели после проведения формирующего этапа исследования испытуемым, участвующим в отработке конструктивных речевых шаблонов, на индивидуальном бланке снова предлагалось для модельной ситуации описать свои мысли, чувства, поведение и фразы в ответ на речевые провокации граждан, заполнить бланк самооценки по определению степени профессиональной успешности и психологической защищённости в модельной ситуации.

Результаты

Первый этап исследования позволил описать одну из типичных трудных профессиональных ситуаций, связанную с проверкой документов, с которой сталкиваются сотрудники патрульно-постовой службы полиции на этапе адаптации к служебной деятельности.

Ситуация: сотрудники патрульно-постовой службы полиции, имея соответствующую ориентировку, обратили внимание на гражданина, который по признакам внешности был похож на лицо, находящееся в розыске за ранее совершённое преступление. В ответ на требование сотрудников полиции предъявить документы, гражданин ответил категорическим отказом, стал проявлять агрессивность, звать окружающих людей на помощь. Сотрудники полиции при несении службы использовали видеорегистратор (вариант – один из сотрудников полиции проводил видеосъёмку происходящего на личный мобильный телефон). Речевые провокации со стороны граждан: «Я не совершал никаких противоправных действий! Я не буду выполнять ваши незаконные требования! У меня нет при себе никаких документов, и я не обязан их носить! Чётко назовите основания проверки документов! Назовите свою фамилию, я буду жаловаться на вас! Граждане, помогите, меня

незаконно задерживают! Прекратите снимать меня на видеорегистратор (мобильный телефон)!».

Данная ситуация была предложена подавляющим числом испытуемых (81 %). Ситуация отличалась психологической остротой, воспринималась как оскорбление, насмешка в свой адрес и правоохранительной системы, испытуемые в этой ситуации почувствовали непонимание гражданами всей сложности, ответственности и специфики работы. Состояние психологической незащищённости в ситуации

было вызвано: а) трудностью в сдерживании негативных эмоций; б) усталостью и сниженным психоэмоциональным состоянием; в) необходимостью формулирования конструктивных и корректных фраз, отвечающих требованиям нормативных правовых документов; г) прогнозированием конфликтного взаимодействия с гражданином.

По результатам второго этапа исследования было получено описание способов реагирования испытуемых по схеме «мысли – чувства – действия».

Рис. 1. Частота возникновения мыслей, отмеченных испытуемыми в модельной ситуации

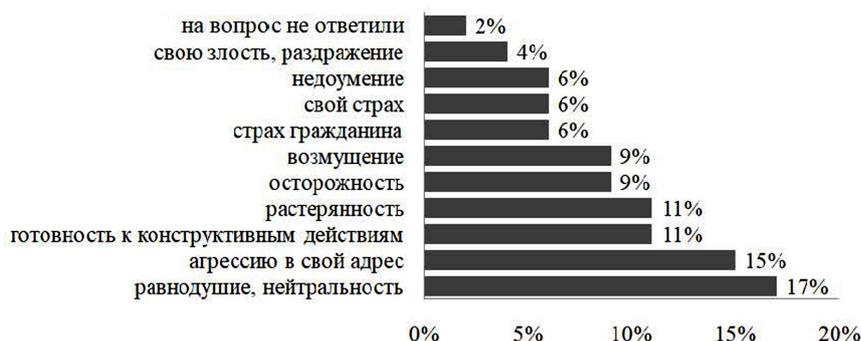

Рис. 2. Частота возникновения чувств, отмеченных испытуемыми в модельной ситуации

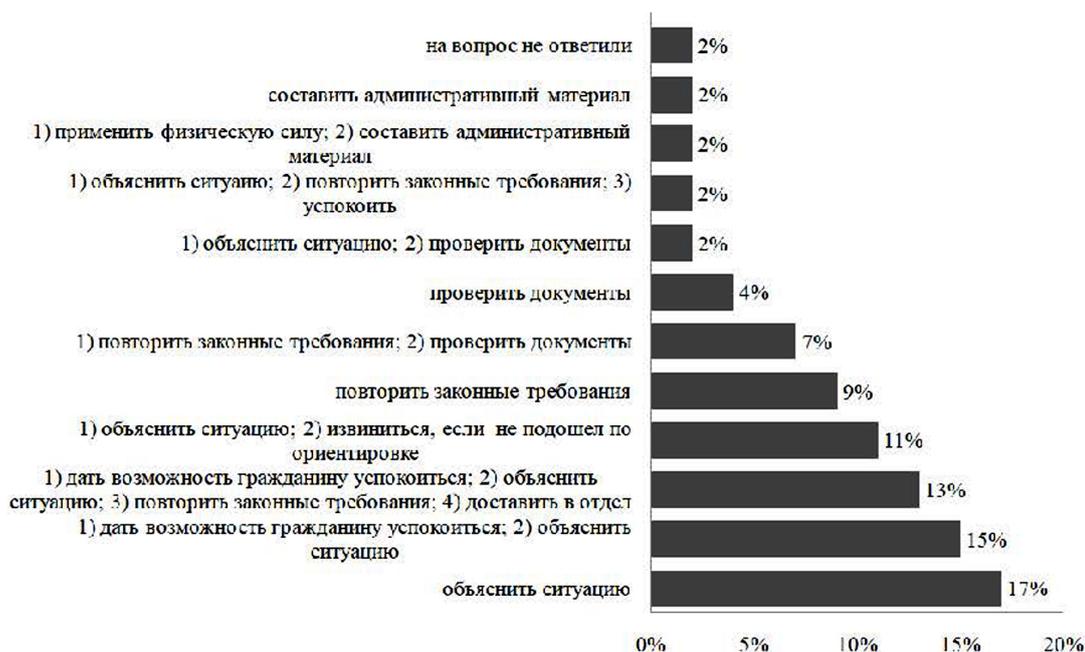

Рис. 3. Частота возникновения порядка действий, отмеченных испытуемыми в модельной ситуации

Мнения испытуемых контрольной группы, полученные с помощью самооценки об их профессиональной успешности, психологической защищённости в модельной ситуации, а также необходимости обу-

чения сотрудников полиции шаблонам, позволяющим отражать речевые провокации, представлены в сравнении с результатами экспериментальной группы (1 и 2 замеров) на рис. 4 и 5.

Рис. 4. Распределение мнений испытуемых контрольной (КГ) и экспериментальных (ЭГ) групп по необходимости обучения сотрудников полиции шаблонам, позволяющим отражать речевые провокации

Рис. 5. Мнения испытуемых о возможности повышения профессиональной успешности и состояния психологической защищённости сотрудников полиции после их обучения шаблонам по преодолению речевых провокаций со стороны граждан в контрольной (КГ) и экспериментальных (ЭГ) группах

На третьем этапе исследования была оценена степень эффективности отражения сотрудниками негативного психологического воздействия, соблюдение этических норм поведения в условиях речевых провокаций со стороны граждан при проверке у них документов. С помощью содержательного, частотного анализ экспертной оценки выявлены критерии профессиональной успешности и психологической

защищённости сотрудников в профессиональных ситуациях, связанных с речевыми провокациями граждан (табл. 1).

С учётом требований нормативных правовых актов этических норм общения и правил служебного поведения, а также требований, предъявляемых к методикам экспресс-обучения (см. выше), эксперты разработали конструктивные речевые шаблоны в модельной ситуации.

**Распределение мнений о степени профессиональной успешности
и психологической защищённости сотрудников патрульно-постовой службы полиции
в модельной ситуации методом самооценки
в контрольной (КГ) и экспериментальных (ЭГ) группах**

Описание критериев профессиональной успешности и психологической защищённости	КГ	ЭГ (1 замер)	ЭГ (2 замер)
знаю и применяю требования нормативных правовых актов	3,51	3,78	4,08
в беседе проявляю уважение и корректность	3,81	4,2	4,27
могу спрогнозировать дальнейшее развитие этой ситуации	3,62	3,78	4,08
знаю и применяю методы правомерного психологического воздействия	2,96	3,55	3,68
преобладает чувство уверенности в себе, понимание значимости своей работы	3,62	3,84	4
при анализе своих действий получаю одобрение и поддержку со стороны руководителя и опытных коллег	3,57	3,78	3,59
чувствую гордость за принадлежность к системе правоохранительных органов	3,23	3,96	3,59
знаю и успешно применяю приемы саморегуляции	4,19	4,33	4,41
уверенно и конструктивно общаюсь	3,68	4,18	4,19
знаю и соблюдаю правила личной безопасности	4,12	4,2	4,24
чувствую профессиональную успешность в данной ситуации	3,6	4,12	4,05
чувствую психологическую защищённость	3,66	4,16	4,24

Гражданин:
«Я не совершал никаких противоправных действий!»

Сотрудник полиции:
«Прошу Вас успокоиться»
«Проверка документов – это обязательная процедура для обеспечения безопасности граждан»
«В случае ошибки мы принесём вам необходимые извинения»

Гражданин:
«Я не буду выполнять ваши незаконные требования!»

Сотрудник полиции:
«Полиция имеет право проверять документы в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 13 ФЗ «О полиции»

«Я являюсь представителем власти, мои законные требования являются обязательными для выполнения»

«При невыполнении законных требований сотрудника полиции я имею право доставить вас в служебное помещение органов внутренних дел» (на основании п. 13 ч. 1 ст. 13 ФЗ «О полиции»)

Гражданин:
«У меня нет при себе никаких документов, и я не обязан их носить!»

«Назовите основания проверки документов!»

Сотрудник полиции:
«Установление личности в данной ситуации является обязательным»

«Полиция имеет право проверять документы в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 13 ФЗ «О полиции».

Гражданин:
«Назовите свою фамилию, я буду жаловаться на вас!»

«Граждане, помогите, меня незаконно задерживают!»

Сотрудник полиции:
«Я ранее уже представился, когда обратился к вам, предъявил вам своё служебное удостоверение. Ещё раз представляюсь (называет фамилию, звание, должность, причину и цель обращения)»

«Ещё раз повторяю о необходимости выполнения моих законных требований»

«Вы вправе обжаловать мои действия, однако обязаны выполнить мои законные требования»

Гражданин:
«Прекратите снимать меня на видеорегистратор (личный мобильный телефон)!»

Сотрудник полиции:
«В соответствии с положениями ч. 3 ст. 11 ФЗ «О полиции» сотрудники полиции могут использовать технические средства, включая средства аудио-, фото- и видеофиксации»

«Видеосъёмка носит исключительно служебный характер – для фиксирования наших действий и с целью исключения провокаций с вашей стороны» (при съёмке на личный мобильный телефон используются эти же аргументы).

В ходе анализа и обсуждения методики создания шаблонов по преодолению речевых провокаций со стороны граждан эксперты признали, что разрабатываемая методика отвечает заявленным требованиям – позволяет отражать негативное психологическое воздействие

на сотрудников, способствует быстрому реагированию на ситуацию, снижению внутреннего напряжения, укреплению мотивации к выполнению служебных задач, чувство гордости за принадлежность к органам внутренних дел. Разрабатываемая форма экспресс-обучения не требует длительной и специальной подготовки, может использоваться непосредственными руководителями в ходе проведения индивидуальной воспитательной работы с личным составом, психологической подготовки сотрудников на начальном этапе профессионального становления.

На четвёртом этапе исследования – после инсценировки модельной ситуации – проводилось обсуждение результата; заполнение бланка самооценки степени профессиональной успешности и психологической защищённости в ситуации, связанной с речевыми провокациями со стороны граждан; изучение мнения испытуемых о пользе проводимого занятия и необходимости дальнейшего обучения сотрудников шаблонам, позволяющим отражать речевые провокации граждан.

Испытуемые подчеркнули, что состояние психологической защищённости и степень профессиональной успешности зависят от знания нормативных правовых актов и основ психологии по установлению и поддержанию межличностных контактов, умению регулировать своё эмоциональное состояние, адекватно реагировать на происходящие события профессиональной ситуации.

Спустя две недели были получены повторные данные о степени конструктивности мыслей, чувств, поведения испытуемых в модельной ситуации, а также о степени их профессиональной успешности и психологической защищённости в предложенной ситуации. Результаты представлены на рис. 1–4, табл. 1 (обозначены как 2 замер). Для оценки статистических различий экспериментальных групп использован U-критерий Манна–Уитни (Excel). Показатель $U = 37$ ($p = 0,05$), что свидетельствует о наличии статистически значимого различия между распределениями.

Обсуждение

Как видно на рис. 1, мысли испытуемых в модельной ситуации были направлены на оценку поведения гражданина, не соответствующего их ожиданиям (17 %), предположение хода развития ситуации (13 %), обдумывание возможностей конструктивного решения конфликта (15 %). Перечисленные мысли можно считать конструктивными, поскольку они направлены на поиск эффективных стратегий поведения. Вместе с тем некоторые испытуемые в отказе гражданина представить документы для проверки отмечали признаки лжи и причастности гражданина к совершённом преступлении (13 %), контролировали своё эмоциональное состояние (11 %), что может снижать внимание сотрудников полиции, притуплять чувство бдительности, приводить к профессиональным рискам.

На рис. 2 представлена частота возникновения чувств, отмеченных у испытуемых в модельной ситуации. Среди них можно отметить конструктивные (нейтральность, собранность, готовность, осторожность) и неконструктивные (агрессия, растерянность, возмущение, страх, злость, раздражение) эмоциональные состояния. Анализ рис. 3 также позволяет отметить конструктивный порядок действий (дать возможность гражданину успокоиться, объяснить ситуацию, повторить законные требования, при их невыполнении – обеспечить доставку в территориальные органы МВД России) и не в полной мере конструктивный (содержит неполный перечень возможных профессиональных действий в данной ситуации).

Результаты, показанные на рис. 4 и 5, свидетельствуют о необходимости проведения специального обучения сотрудников патрульно-постовой службы полиции в профессиональных ситуациях, связанных с речевыми провокациями граждан. После формирующего эксперимента число лиц, понимающих значение психологической подготовки в преодолении трудных профессиональных ситуаций, увеличилось с 60 % до 92 %. Мнение испытуемых о возможности повышения профессиональной успешности и состояния психологической защищённости до и после отработки конструктивных речевых шаблонов изменилось с 74 % на 95 %. Изучение содержания трудных профессиональных ситуаций, содержащих речевые провокации, рекомендаций при выполнении сотрудниками патрульно-постовой службы полиции оперативных служебных задач в условиях речевых провокаций граждан, ознакомление с конструктивными мыслями, чувствами, действиями сотрудников органов внутренних дел, конструктивными речевыми шаблонами в модельной ситуации позволяют повысить состояние психологической защищённости и профессиональной успешности.

В таблице представлены результаты оценивания испытуемыми себя по критериям профессиональной успешности. После формирующего эксперимента испытуемые выставили более высокие оценки знаний и применению методов правомерного психологического воздействия (с оценки 2,96 до 3,68), нормативных правовых актов в предложенной ситуации (с 3,51 до 4,08), чувству психологической защищённости (с 3,66 до 4,24), умению конструктивно общаться с гражданином (с 3,68 до 4,19) и др. Полученные данные указывают на понимание значения и необходимости развития данных профессионально важных качеств личности в процессе профессионального становления. Следует отметить, что практически не изменилась оценка ожидания получения одобрения за свои действия в модельной ситуации со стороны непосредственных руководителей и опытных коллег (с 3,57 до 3,59), владение приёмами саморегуляции (с 4,19 до 4,41). Полученные результаты могут указывать на необходимость: а) проведения индивидуальной воспитательной и психологической работы с испытуемыми на

начальном и последующих этапах профессионального становления; б) проявления одобрения и поддержки со стороны непосредственных руководителей, опытных сотрудников и коллег; в) поддержания благоприятного социально-психологического климата в служебных коллективах; г) проведения занятий по отработке навыков саморегуляции и др.

Отрадно, что результаты контрольной группы показывают положительную динамику субъективной оценки критериев профессиональной успешности и психологической защищённости, что позволяет говорить о достижении поставленной цели исследования и подтверждении ожидаемых эффектов.

Заключение

Разработанная методика создания шаблонов по преодолению речевых провокаций со стороны граждан:

1) позволяет сотрудникам патрульно-постовой службы полиции отражать негативное психологическое воздействие, оказываемое со стороны граждан;

2) может быть отнесена к экспресс-методам обучения сотрудников патрульно-постовой службы полиции;

3) повышает состояние психологической защищённости и профессиональной успешности сотрудников патрульно-постовой службы полиции в трудных служебных ситуациях, связанных с преодолением речевых провокаций граждан;

4) не требует длительной и специальной подготовки и может использоваться непосредственными руководителями, опытными коллегами в ходе проведения индивидуальной воспитательной работы с личным составом, занятий по психологической подготовке сотрудников на начальном этапе профессионального становления.

Исследование позволило набрать банк трудных профессиональных ситуаций, связанных с речевыми провокациями граждан, из опыта сотрудников патрульно-постовой службы полиции; получить положительный опыт создания и апробации речевых шаблонов.

Для продолжения работы по заявленной тематике следует учесть выявленные в ходе исследования замечания и ограничения: а) необходимо расширить круг профессиональных ситуаций, полученных в констатирующей части исследования; б) наряду с профессиональными ситуациями, содержащими провокации со стороны граждан, включить социально-бытовые ситуации; в) более строго спланировать эксперимент по проверке эмпирической гипотезы; г) обеспечить полноценное статистическое обеспечение обработки данных.

Перспективой дальнейшей научной и практической работы станет разработка и апробация Методики создания шаблонов по преодолению речевых провокаций со стороны граждан для других должностных категорий сотрудников органов внутренних дел, с учётом социально-бытовых ситуаций, содержащих провокации со стороны граждан, а также подготовка методических рекомендаций по её применению.

Список литературы

1. Борисова С. Е., Зейналов Ф. Н. Коммуникативная провокация агрессивно настроенных блогеров и совершенствование профессиональных действий сотрудников дорожно-патрульной службы Государственной инспекции безопасности дорожного движения // Психология и право. – 2020. – Т. 10. – № 4. – С. 51–63.
2. Васькина Ю. Д., Федотов С. Н. Описательная модель изучения и развития психологической устойчивости личности сотрудника органов внутренних дел // Человеческий капитал. – 2022. – № 11 (167). – С. 204–210.
3. Вахнина В. В., Ефимова И. В. Особенности реализации индивидуальных ценностных и смысловых ориентаций руководителей ОВД в ходе развивающего консультирования // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2021. – № 2 (85). – С. 134–143.
4. Гайнуллина А. В. Формирование конфликтной компетентности сотрудников ОВД в процессе профессиональной деятельности // Вестник Московского университета МВД России. – 2019. – № 2. – С. 282–287.
5. Зиннуров Ф. К., Марданов Д. Р. Средства реализации контекстного подхода при подготовке курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России в процессе подготовки и проведения деловых игр // Вестник экономической безопасности. – 2019. – № 4. – С. 400–402.
6. Кобозев И. Ю., Золотенко В. А. Формирование морально-психологической устойчивости сотрудников органов внутренних дел к негативному информационно-психологическому воздействию / Морально-психологическое обеспечение деятельности органов внутренних дел: современные подходы и перспективы развития : материалы Всероссийской научно-практической конференции. Санкт-Петербург (14 декабря 2022 года) / Санкт-Петербургский университет МВД России. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. – С. 83–88.
7. Кубышко В. Л., Крук В. М., Федотов А. Ю. Психологическая подготовка: уроки и перспективы в контексте профессионально-личностного развития специалиста // Психология и право. – 2018. – Т. 8. – № 4. – С. 219–235.
8. Кубышко В. Л., Крук В. М., Караваев А. Ф., Касперович Ю. Г., Виноградов М. В. Морально-психологическое обеспечение оперативно-служебной деятельности ОВД в период подготовки и проведения чемпионата мира по футболу FIFA 2018 года (обзор материалов учебно-методического сбора) // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2018. – № 2 (73). – С. 5–10.

9. *Линевич В. Л.* Психологическое обеспечение профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел в условиях «информационной войны» / Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии (Васильевские чтения – 2022) : материалы Международной научно-практической конференции / под ред. Ю. А. Шаранова, сост.: И. Ю. Кобозев, А. А. Сарсенова. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. – С. 389–392.

10. *Мальцева О. А.* Особенности обучения сотрудников подразделений ГИБДД основам общения с участниками дорожного движения // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2020. – № 3 (88). – С. 208–211.

11. *Мантуров О. С.* Обеспечение защиты личного состава от негативного информационно-психологического воздействия: монография. – Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2022. – 118 с.

12. *Нежкина Л. Ю., Новолодская Н. С.* Деловая игра как средство формирования профессиональной компетентности сотрудников органов внутренних дел // CredeExperto: транспорт, общество, образование, язык. – 2021. – № 2. – С. 190–202.

13. *Ульянина О. А., Дашко М. Н.* Ассесмент-центр как эффективная технология оценки уровня сформированности личностной компетентности сотрудников органов внутренних дел // Прикладная юридическая психология. – 2019. – № 4 (49). – С. 112–119.

14. *Фиалковская Е. В., Золотова И. В.* Гештальт-подход как метод саморегуляции сотрудников ДПС ГИБДД в условиях провоцирующего поведения граждан // Полицейский вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. – 2022. – № 2 (7). – С. 65–70.

15. *Чигорьев Е. А., Литвин Д. В., Герасимов И. В.* Прогнозирование вероятности оказания сопротивления со стороны правонарушителей при их задержании // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2022. – Т. 27. – № 1 (88). – С. 95–101.

16. *Черненилов В. И.* Психологическая устойчивость личного состава органов внутренних дел к деструктивным информационно-психологическим воздействиям // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2016. – № 3 (66). – С. 3–6.

References

1. *Borisova S. Ye., Zeynalov F. N.* Kommunikativnaya provokatsiya agresivno nastroyennykh blogerov i sovershenstvovaniye professional'nykh deystviy sotrudnikov dorozhno-patruľnoy sluzhby Gosudarstvennoy inspeksii bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya // Psikhologiya i pravo. – 2020. – Т. 10. – № 4. – С. 51–63.

2. *Vas'kina Yu. D., Fedotov S. N.* Opisatel'naya model' izucheniya i razvitiya psikhologicheskoy ustoychivosti lichnosti sotrudnika organov vnutrennikh del // Chelovecheskiy kapital. – 2022. – № 11 (167). – С. 204–210.

3. *Vakhnina V. V., Yefimova I. V.* Osobennosti realizatsii individual'nykh tsennostnykh i smyslozhiznennykh oriyentatsiy rukovoditeley OVD v khode razvivayushchego konsul'tirovaniya // Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh. – 2021. – № 2 (85). – С. 134–143.

4. *Gaynullina A. V.* Formirovaniye konfliktnoy kompetentnosti so-trudnikov OVD v protsesse professional'noy deyatel'nosti // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2019. – № 2. – С. 282–287.

5. *Zinnurov F. K., Mardanov D. R.* Sredstva realizatsii kontekstnogo podkhoda pri podgotovke kursantov i slushatel'nykh organizatsiy MVD Rossii v protsesse podgotovki i provedeniya delovyykh igr // Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti. – 2019. – № 4. – С. 400–402.

6. *Kobozev I. Yu., Zolotenko V. A.* Formirovaniye moral'no-psikhologicheskoy ustoychivosti sotrudnikov organov vnutrennikh del k nega-tivnomu informatsionno-psikhologicheskomu vozdeystviyu / Moral'no-psikhologicheskoye obespecheniye deyatel'nosti organov vnutrennikh del: sovremennyye podkhody i perspektivy razvitiya : materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Sankt-Peterburg (14 dekabrya 2022 goda) / Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2022. – С. 83–88.

7. *Kubyshko V. L., Kruk V. M., Fedotov A. Yu.* Psikhologicheskaya podgotovka: uroki i perspektivy v kontekste professional'no-lichnostnogo razvitiya spetsialista // Psikhologiya i pravo. – 2018. – Т. 8. – № 4. – С. 219–235.

8. *Kubyshko V. L., Kruk V. M., Karavayev A. F., Kasperovich Yu. G., Vinogradov M. V.* Moral'no-psikhologicheskoye obespecheniye operativno-sluzhebnoy deyatel'nosti OVD v period podgotovki i provedeniya chempionata mira po futbolu FIFA 2018 goda (obzor materialov uchebno-metodicheskogo sbora) // Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh. – 2018. – № 2 (73). – С. 5–10.

9. *Linevich V. L.* Psikhologicheskoye obespecheniye professional'noy deya-tel'nosti sotrudnikov organov vnutrennikh del v usloviyakh «informatsionnoy voyny» / Aktual'nyye problemy psikhologii pravookhranitel'noy deyatel'nosti: kontseptsii, podkhody, tekhnologii (Vasil'yevskiye chteniya – 2022) : materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii / pod redaktsiyey Yu. A. Sharanova, sost.: I. Yu. Kobozev, A. A. Sarsenova. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2022. – С. 389–392.

10. *Mal'tseva O. A.* Osobennosti obucheniya sotrudnikov podrazdeleniy GIBDD osnovam obshcheniya s uchastnikami dorozhnogo dvizheniya // *Uchenyye zapiski OGU. Seriya: Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki.* – 2020. – № 3 (88). – S. 208–211.

11. *Manturov O. S.* Obespecheniye zashchity lichnogo sostava ot nega-tivnogo informatsionno-psikhologicheskogo vozdeystviya: monografiya. – Yekaterinburg: Ural'skiy yuridicheskiy institut MVD Rossii. 2022. – 118 s.

12. *Nezhkina L. Yu., Novolodskaya N. S.* Delovaya igra kak sredstvo formirovaniya professional'noy kompetentnosti sotrudnikov organov vnutrennikh del // *CredeExperto: transport, obshchestvo, obrazovaniye, yazyk.* – 2021. – № 2. – S. 190–202.

13. *Ul'yanina O. A., Dashko M. N.* Assessment-tsentri kak effektivnaya tekhnologiya otsenki urovnya sformirovannosti lichnostnoy kompetentnosti sotrudnikov organov vnutrennikh del // *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya.* – 2019. – № 4 (49). – S. 112–119.

14. *Fialkovskaya Ye. V., Zolotova I. V.* Geshtal't-podkhod kak metod samoregulyatsii sotrudnikov DPS GIBDD v usloviyakh provotsiruyushchego povedeniya grazhdan // *Politseyskiy vestnik Vserossiyskogo instituta povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii:* – 2022. – № 2 (7). – S. 65–70.

15. *Chigoryayev Ye. A., Litvin D. V., Gerasimov I. V.* Prognozirovaniye veroyatnosti okazaniya soprotivleniya so storony pravonarushiteley pri ikh zaderzhanii // *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh.* – 2022. – T. 27. – № 1 (88). – S. 95–101.

16. *Chernenilov V. I.* Psikhologicheskaya ustoychivost' lichnogo sostava organov vnutrennikh del k destruktivnym informatsionno-psikhologicheskim vozdeystviyam // *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh.* – 2016. – № 3 (66). – S. 3–6.

Статья поступила в редакцию 07.04.2023; одобрена после рецензирования 15.07.2023; принята к публикации 26.07.2023.

The article was submitted April 07, 2023; approved after reviewing July 15, 2023; accepted for publication July 26, 2023.

Научная статья
УДК 159.9.07
doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-196-208

Наталья Александровна Семенова
кандидат психологических наук, доцент
<https://orcid.org/0000-0003-0687-0472>, natalya_deeva@bk.ru

*Краснодарский университет МВД России
Российская Федерация, 350005, Краснодар, ул. Ярославская, д. 128*

Жизненная успешность, диспозиционный оптимизм и резилентность молодёжи с различным характером учебно-профессиональной деятельности

Аннотация: Введение. Статья содержит теоретические и эмпирические данные изучения взаимосвязи компонентов жизненной успешности, диспозиционного оптимизма и резилентности.

Актуальность научной проблемы заключается в поиске и обосновании комплекса личностных ресурсов, которые бы позволяли личности наиболее конструктивно жить в современном мире.

Новизна исследования заключается в выявлении взаимосвязей таких ресурсов личности, как диспозиционный оптимизм и резилентность с метаресурсом жизненной успешности.

Методологическими основаниями метаресурсной концепции жизненной успешности являются принципы регулятивного, субъектного и ресурсного подходов. Жизненная успешность как метаресурс личности является психологическим регулятивом, обеспечивающим рефлексивное соотнесение личности целей с предполагаемыми и достигнутыми результатами личной активности исходя из собственного ценностно-смыслового пространства и складывающихся социокультурных условий посредством таких компонентов, как рефлексивные механизмы, качества личности и переживания.

Цель исследования: изучить выраженность и взаимосвязи жизненной успешности, диспозиционного оптимизма и резилентности как ресурсов, необходимых для конструктивной жизни молодёжи в современном мире (на примере курсантов и студентов образовательных организаций высшего образования).

Методы. В исследовании приняли участие 460 респондентов в возрасте от 18 до 23 лет, из них 346 курсантов образовательных организаций МВД России (231 мужчина и 115 женщин) и 114 студентов гражданских университетов (41 мужчина и 73 женщины). Были применены исследовательские методики, направленные на выявление личностных ресурсов: «Жизненная успешность» (Н. А. Деева), «Краткая шкала резилентности (Brief Resilience Scale, BRS)» в адаптации В. И. Марковой, Л. А. Александровой, А. А. Золотаревой; Тест диспозиционного оптимизма (ТДО-П) (LOT-R М. Шейера, Ч. Карвера и М. Бриджеса) в адаптации Т. О. Гордеевой, О. А. Сычева, Е. Н. Осина. Сбор данных происходил посредством опроса с использованием Google Forms.

Результаты. Личностные ресурсы выражены на уровне среднестатистической возрастной нормы, имеют большое количество взаимосвязей и дифференцированы в зависимости от пола и характера учебно-профессиональной деятельности; в выборке курсантов наблюдается наиболее благоприятная картина; мужская студенческая выборка показала наиболее неблагоприятную картину связанную с низкой выраженностью всех показателей, меньшим количеством значимых взаимосвязей между ними и несоответствием реальной картины и субъективной оценки собственной успешности; резилентность и диспозиционный оптимизм не связаны с эмоциональными переживаниями жизненной успешности.

Ключевые слова: жизненная успешность, диспозиционный оптимизм, резилентность, метаресурсы, личностные ресурсы

Для цитирования: Семенова Н. А. Жизненная успешность, диспозиционный оптимизм и резилентность молодёжи с различным характером учебно-профессиональной деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 3 (99). – С. 196–208; doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-196-208.

Natalya A. Semenova

Cand. Sci. (Psy.), Docent

<https://orcid.org/0000-0003-0687-0472>, natalya_deeva@bk.ru

Krasnodar University of the MIA of Russia

128, Yaroslavskaya str., Krasnodar, 350005, Russian Federation

Life successfulness, dispositional optimism and resilience as personal resources of modern youth with a different nature of educational and professional activities

Abstract: Introduction. The article contains theoretical and empirical data on the study of the relationship between the components of success in life, dispositional optimism and resilience.

The relevance of the scientific problem lies in the search and justification of a complex of personal resources that would allow the individual to live most constructively in the modern world.

The novelty of the study lies in identifying the relationship of such personality resources as dispositional optimism and resilience with the meta-resource of success in life.

The methodological foundations of the meta-resource concept of success in life are the principles of regulatory, subjective and resource approaches. Success in life as a meta-resource of a personality is a psychological regulator that provides a reflexive correlation by a personality of goals with the expected and achieved results of personal activity based on their own value-semantic and emerging socio-cultural conditions through such components as reflexive mechanisms, personality qualities and experiences.

The purpose of the study: to study the severity and interrelationships of success in life, dispositional optimism and resilience as resources necessary for the constructive life of young people in the modern world (on the example of cadets and students of educational institutions of higher education).

Methods. The study involved 460 respondents aged 18 to 23, including 346 cadets of educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia (231 men and 115 women) and 114 students of civil universities (41 men and 73 women). Research methods aimed at identifying personal resources were applied: "Life success" (N. A. Deeva), "Brief Resilience Scale (BRS)" adapted by V. I. Markova, L. A. Aleksandrova, A. A. Zolotareva; Dispositional optimism test (DOT-P) (LOT-R by M. Scheyer, C. Carver and M. Bridges) adapted by T. O. Gordeeva, O. A. Sycheva, E. N. Data collection was carried out through a survey using Google forms.

Results. Personal resources are expressed at the level of the average age norm, have a large number of relationships and are differentiated depending on gender and the nature of educational and professional activities; in the sample of cadets, the most favorable picture is observed; the male student sample showed the most unfavorable picture associated with the low severity of all indicators, fewer significant relationships between them and the discrepancy between the real picture and the subjective assessment of one's own success; resilience and dispositional optimism are not associated with emotional experiences of success in life.

Keywords: life successfulness, dispositional optimism, resilience, metaresources, personal resources

For citation: Semenova N. A. Life successfulness, dispositional optimism and resilience as personal resources of modern youth with a different nature of educational and professional activities // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – № 3 (99). – P. 196–208; doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-196-208.

Введение

Несмотря на то что проблемное поле изучения личностных ресурсов уже достаточно давно очерчено психологической наукой, актуальность их исследования только возрастает. Одним из наиболее востребованных направлений является поиск и систематизация таких ресурсов личности, которые бы позволяли полноценно жить в условиях современной реальности с присущими ей новыми вызовами. С позиций ресурсного подхода возможно обращение к конструктивному началу личности и поиску её сильных сторон. «Психологические ресурсы могут играть буферную роль в отношении уязвимости к негативным психологическим по-

следствиям ... и помогать находить позитивные возможности» [25, с. 274].

Такие характеристики современной реальности, как неопределённость, изменчивость, неоднозначность, нелинейность и т. п., уже становятся для нас привычными. В психологической науке используется акроним BANI-мир, предложенный Jaisais Cascio. В этой ситуации цивилизацию характеризуют: хрупкость (Brittle), беспокойство (Anxious), нелинейность (Nonlinear), непостижимость (Incomprehensible) [27, с. 59]. В таком мире личности требуются ресурсы, помогающие, с одной стороны, сохранить себя и свой внутренний мир, а с другой – эффективно взаимодействовать с реальностью, учитывая её крайнюю нестабильность.

Важным моментом является и то, что сам BANI-мир может являться внешним (средовым) ресурсом для развития и становления личности. В этом случае современная реальность становится неким объективом видения и структурирования происходящего в мире, новым способом осмысления и оценки меняющейся реальности и способов реагирования на неё. Как отмечает Дж. Кашио, для каждой характеристики современного мира существует определённая возможность реагирования, которая позволяет использовать данные характеристики как ресурс. Однако личность может это обнаружить только в том случае, когда у неё есть собственные внутренние ресурсы. Например, в исследованиях центра Ipsos¹ выявлены основные личностные характеристики россиян, которые позволят им наиболее эффективно преодолевать ситуации неоднозначности и хрупкости. Особое место среди таких характеристик занимает позитивное мышление². В исследованиях других авторов отмечается, что в мире хрупкости людям необходимы осознанность и здоровье, как физическое, так и ментальное, устойчивость (баланс между возникающими рисками и возможностями) [13].

На наш взгляд, у личности должны быть сформированы ресурсы, носящие интегративный характер, представляющие собой некое «ядро» в системе ресурсов, обеспечивающих конструктивную жизнь в современном мире. Исходя из данных теоретического анализа и эмпирических исследований, к таким ресурсам целесообразно отнести жизненную успешность личности, диспозиционный оптимизм и резилентность. Ядерная роль данных ресурсов проявляется в способности человека обнаружить координаты собственной жизненной успешности, умении ставить и реализовывать цели на основании истинных ценностей и принципов, при этом иметь обобщённые позитивные ожидания относительно будущего и уметь быстро восстанавливаться после негативных воздействий.

Особую значимость данные ресурсы имеют для современной молодёжи, в частности, студенческого возраста, когда происходит освоение профессиональной деятельности и вхождение во «взрослый мир». В этот период происходит построение проекта жизни, перспективы проходят проверку на прочность, формируется мировоззрение, возникает структура принципов, определяющих отношение к будущему и способы реагирования на вызовы. Личность озабочена поиском себя через освоение социальных ролей с учётом собственных профессиональных

возможностей. На этом фоне современную молодёжь особо интересуют вопросы успешности, проблемы видения будущего, возможности психологического восстановления после воздействия негативных факторов.

Проблематика жизненной успешности затрагивается в ведущих направлениях психологической науки. Одним из наиболее выразительных примеров в данном случае является позитивная психология, где успешность личности рассматривается с позиции её ресурсного потенциала и во взаимосвязи с подлинностью целевых ориентиров, долговременностью успеха [34]. В рамках субъектно-деятельностной парадигмы проблематика, связанная с жизненной успешностью, прослеживается во взаимосвязи с такими категориями, как жизненная стратегия, осознанность, целенаправленность, самореализация и т. п., что подчёркивает её взаимосвязь с странством жизни и саморегуляцией. В последних исследованиях наращивается значимость темы жизненной успешности [4; 7; 22 и др.]. Успешность понимается как интегративное психологическое образование [5], связанное с различными личностными ресурсами, влияющими на продуктивность жизни и профессиональной деятельности [8; 12; 18; 28; 34 и др.].

Личностные ресурсы представляют собой иерархичную систему, в которой метаресурсы занимают высший уровень и являются интегративными психологическими образованиями, обеспечивающими наиболее эффективное разрешение противоречий, возникающих у личности как субъекта за счёт трансформации и преобразования ценностно-смысловой сферы личности в процессе саморегуляции [9]. Метаресурсы обеспечивают эффективность системы «психического управления поведением и развитием личности», показывают, «в какой мере личности удалось освоить управление своими внутренними и внешними ресурсами для целей максимальной самореализации» [16, с. 10]. Феномен жизненной успешности представляет собой метаресурс такого рода, который встроен с системой саморегуляции и выполняет акцепторную функцию, а именно, функцию предвидения и оценки результатов действия с учётом обозначенных личностью критериев успеха [2; 14; 17]. Успех является неотъемлемой частью жизни личности, так как позволяет понять ей границы своего существования. Успешность же выполняет регулятивную функцию для определения координат и проектирования данных границ. Таким образом, личность создаёт для себя индивидуальный проект успеха, и чем более гармонично сформирован метаресурс жизненной успешности, тем более эффективно личность будет реализовывать свои потенциалы, находить свой путь. В результате проведённого теоретического анализа и серии эмпирических исследований мы пришли к пониманию жизненной успешности личности как метаресурса в системе саморегуляции, осуществляющего функцию рефлексивного соотнесения превосхищаемых и уже достигнутых целей и результатов субъектной активно-

¹ Исследовательская компания, которая проводит маркетинговые исследования по широкому спектру методологий, а также занимается разработкой собственных программных продуктов для автоматизации работы с большими базами данных [Электронный ресурс] // Ipsos : сайт. – URL : <https://www.ipsos.com/> (дата обращения: 03.02.2023).

² Новиченкова М. Культурный профиль россиян. Путь от мира VUCA к миру BANI – 2022 [Электронный ресурс] // YouTube : сайт. – URL : <https://www.youtube.com/watch?v=D5UvK4iBKvA> (дата обращения: 03.02.2023).

сти в пространстве ценностно-смыслового поля личности с учётом складывающихся социокультурных условий. Структурно-функционально-жизненная успешность включает в себя взаимосвязь следующих механизмов, свойств и состояний: 1) рефлексивные механизмы; 2) интегральные свойства личности; 3) эмоциональные переживания, связанные с успешностью [9].

Рефлексивные механизмы жизненной успешности функционируют на уровне целей, ценностей и смыслов. Функционирование рефлексивно-технологического механизма обеспечивает процесс сопоставления, анализа и прогнозирования целей и результатов, выбор оптимальных путей достижения цели. Рефлексивно-аксиологический механизм обеспечивает конструирование взаимодействия личности с социальной реальностью, исходя из ценностных оснований, понимания значимости собственной деятельности. Рефлексивно-онтологический механизм раскрывается в рефлексии жизненного опыта и в освоении усвоенных жизненных принципов и зависит от степени осмысленности и реалистичности данных принципов.

Как интегральное свойство личности жизненная успешность включает в себя совокупность комплексов субъектных качеств, которые образуются в зависимости от контекста «цель–ценность–смысл»: инструментальные качества, направленность на успех и жизненная позиция личности. Инструментальные качества обуславливают когнитивно-поведенческие и волевые возможности личности в постановке и достижении целей. К таким качествам относятся: умение формулировать цели, прогнозировать ход событий, видеть происходящее со стороны, гибкость мышления, развитое воображение, гибкость поведения, сила воли, целеустремлённость, настойчивость, дисциплинированность. Комплекс качеств, характеризующих направленность личности на успех, обуславливает способность личности расставлять ценностные приоритеты, изменять ценностные стереотипы, соизмерять ценность собственного успеха с общественными нормами, находить баланс между эгоизмом и альтруизмом, увлечённостью процессом и желанием получить результат. Совокупность данных качеств представлена: мотивацией достижения успеха; оптимальной склонностью к риску; потребностью в саморазвитии; увлечённостью деятельностью; лидерскими качествами; умением работать в команде; социальным интересом. Совокупность качеств, характеризующих жизненную диспозицию по отношению к успешности, проявляется в особенностях осмысления реальности, создании и выборе стратегий жизнедеятельности с опорой на экзистенциальные ценности и смыслы, жизненные принципы. К таким качествам относятся оптимистичность, реалистичность, принципиальность, жизнестойкость, внутренняя свобода, уверенность в себе, активная позиция, ответственность, совесть.

Функционирование метаресурса жизненной успешности сопровождается определёнными эмоциональными переживаниями также в поле

«цель–ценность–смысл». В целевом контексте успешности функционирование рефлексивно-технологического механизма во взаимосвязи с инструментальными качествами сопровождается возникновением чувств, которые можно охарактеризовать как практические (деятельностные): удовлетворённость и увлечённость процессом деятельности, усталость от деятельности, удовлетворённость результатом деятельности и связанные с этим более яркие эмоции (восторг, радость и т. п.). Ценностный контекст жизненной успешности, в котором разворачивается рефлексивно-аксиологический механизм во взаимосвязи с направленностью личности, характеризуется проявлением эмоциональных переживаний, связанных с морально-нравственной проблематикой: чувство собственного достоинства, чувство значимости своей деятельности (профессии), гордость, любовь, альтруистические чувства, чувство патриотизма, долга. На уровне контекста смыслов, где функционирует рефлексивно-онтологический механизм и разворачиваются основные диспозиции жизнедеятельности личности, возникают бытийные переживания: переживание наполненности, осмысленности и значимости своей жизни, пиковые экзистенциальные переживания.

Таким образом, жизненная успешность как сложная характеристика личности интегрирует в себе специфические механизмы свойства и состояния, которые работают в контекстах «цель–ценность–смысл» и выполняют роль настройки всех личностных ресурсов для наиболее конструктивной жизни личности.

Жизненная успешность как метаресурс личности, вероятно, связана с такими образованиями, как оптимизм и резилентность.

В современной психологии признаны две измеряемые модели оптимизма: как атрибутивного стиля [32; 35] и как диспозиционного оптимизма [26; 33]. В последних исследованиях отечественной психологии усиленное внимание уделяется диспозиционному оптимизму, выражающему генерализованное отношение человека к жизни. Оптимизм в данном случае выступает устойчивой личностной чертой, выражающей обобщённое отношение человека к жизни посредством веры в то, что его ожидает больше хороших событий [8; 10; 21].

Достаточно лёгкая измеримость данного феномена позволила выявить его разнообразные взаимосвязи с позитивными личностными образованиями. Установлено, что оптимизм имеет устойчивые взаимосвязи с физическим здоровьем, психологическим благополучием, успешностью деятельности [8]. Обнаружены устойчивые положительные взаимосвязи диспозиционного оптимизма с проактивным поведением [20], с успешностью профессиональных спортсменов [11], с надеждой, способностью находить пути решения проблем и удовлетворённостью качеством жизни человека [3], способностью адаптироваться, уверенностью в себе [23]. В зарубежных исследованиях, посвящённых молодому возрасту, также определяются

положительные взаимосвязи оптимизма с уровнем стрессоустойчивости [31], физическим здоровьем и благополучием [24], глубокой верой в преобразующую силу упорного труда [29]. При этом выявлено наличие отрицательной взаимосвязи с депрессивными симптомами и эпизодами у молодого населения [36], а непосредственно в ситуации пандемии молодые люди с низким уровнем диспозиционного оптимизма менее стрессоустойчивы и обладают сниженным психологическим благополучием [30].

Взаимосвязь оптимизма и резилентности также отмечается в исследованиях. Люди с выраженной резилентностью обладают устойчивой верой в свои способности эффективно справляться с жизненными трудностями.

Термин резилентность (от лат. *resilire* – «прыгнуть обратно») заимствован психологией из физики и означает способность физического тела к восстановлению первоначальной после деформации [1]. В большинстве современных исследований понимание резилентности опирается на взгляды Э. Вернера и Р. Смита, которые определяют её как «процесс успешной адаптации в неблагоприятных условиях, или способность быстрого восстановления после травмы, трагической ситуации, негативных воздействий или угрозы» [37, с. 24]. В исследованиях отечественных авторов резилентность чаще определяется как интегративная способность, которая включает в себя две обязательных составляющих: с одной стороны, это устойчивость и преодоление, с другой – быстрое и продуктивное восстановление личности [1; 6; 19]. В таком понимании резилентность – это не только жизнестойкость личности, но и её жизнеспособность [19]. Так, автор концепции жизнестойкости С. Мадди считает, что жизнестойкость и жизнеспособность имеют принципиальные различия, хотя и проявляются во взаимосвязи. Если жизнестойкость человека предполагает умение выстоять перед стрессорами, то жизнеспособность даёт человеку возможность восстановиться после стрессов [15]. Сущностными характеристиками резилентности являются положительные личностные качества, позитивная устойчивая мотивация и успешная адаптация в сложных жизненных условиях; сопротивление разрушению, эффективная защита собственной личности при сильном давлении окружающей среды; построение полноценной, социально адаптированной жизни в трудных условиях.

Таким образом, диспозиционный оптимизм и резилентность в совокупности дают личности некую опору в виде способности преодолевать трудности и при этом не терять своей сути, устремляться в будущее и верить в то, что трудности будут преодолимы. Для современного мира с его «новой нормальностью» это является крайне важным, так как позволяет человеку очерчивать горизонты взаимодействия с миром, проектировать и прогнозировать свою жизнь, находить координаты собственной успешности. При этом жизненная успешность как метаре-

курс, вероятно, будет включать данные феномены в собственную систему ресурсов.

Проведённый анализ позволил сформулировать проблему исследования, которая заключается в эмпирической проверке характера взаимосвязей жизненной успешности, резилентности и диспозиционного оптимизма в молодом возрасте в зависимости от специфики учебно-профессиональной деятельности. Решение данной проблемы позволит определить сильные стороны и проблемные моменты, учёт которых в учебно-воспитательном процессе и рамках психологического сопровождения будет способствовать профессионально-личностному становлению.

Цель исследования: изучить выраженность и взаимосвязи жизненной успешности, диспозиционного оптимизма и резилентности.

Задачи исследования: изучить выраженность показателей исследуемых ресурсов в зависимости от пола и специфики учебно-профессиональной деятельности; выявить взаимосвязи между показателями и обосновать их с позиций ресурсного подхода; определить конструктивные характеристики данной системы ресурсов, а также проблемные зоны.

Методы

Исследовательская выборка составила 460 респондентов в возрасте от 18 до 23 лет, из них 252 мужчины и 208 женщин. Выборка состояла из 346 курсантов образовательных организаций МВД России (231 мужчина и 115 женщин) и 114 студентов гражданских университетов (41 мужчина и 73 женщины). По большинству показателей в выборке были установлены значимые различия в показателях по переменным пола и принадлежности к образовательной организации.

Целесообразность выбора исследовательских методик определялась поставленной проблемой, удобством в применении, надёжностью и валидностью. Сбор данных происходил посредством опроса с использованием Google Forms.

Авторская методика «Жизненная успешность» направлена на измерение показателей компонентов жизненной успешности: механизмов, качеств и переживаний, а также обобщённую оценку собственной жизненной успешности [9].

«Краткая шкала резилентности (Brief Resilience Scale, BRS)» в адаптации В. И. Марковой, Л. А. Александровой, А. А. Золотаревой направлена на измерение показателя выраженности резилентности [1].

Тест диспозиционного оптимизма (ТДО-П) (LOT-R М. Шейера, Ч. Карвера и М. Бриджеса) в адаптации Т.О. Гордеевой, О. А. Сычева, Е. Н. Осина направлен на измерение показателя выраженности диспозиционного оптимизма [8].

Обработка эмпирических данных осуществлялась с использованием пакета программ SPSS 25.0 и Excel, были применены методы описательной статистики, критерий Краскала-Уоллиса для

независимых выборок, проведён корреляционный анализ по критерию Пирсона.

Результаты

Большинство показателей имеют значимые различия по полу и принадлежности к образовательным организациям (находящимся в ведом-

стве МВД России и гражданских университетов), значения критерия Краскала-Уоллиса колеблются в пределах 9342 – 44707 при $p \geq 0,05$. Не имеют значимых различий следующие показатели: инструментальные качества, практические и бытийные переживания; диспозиционный оптимизм.

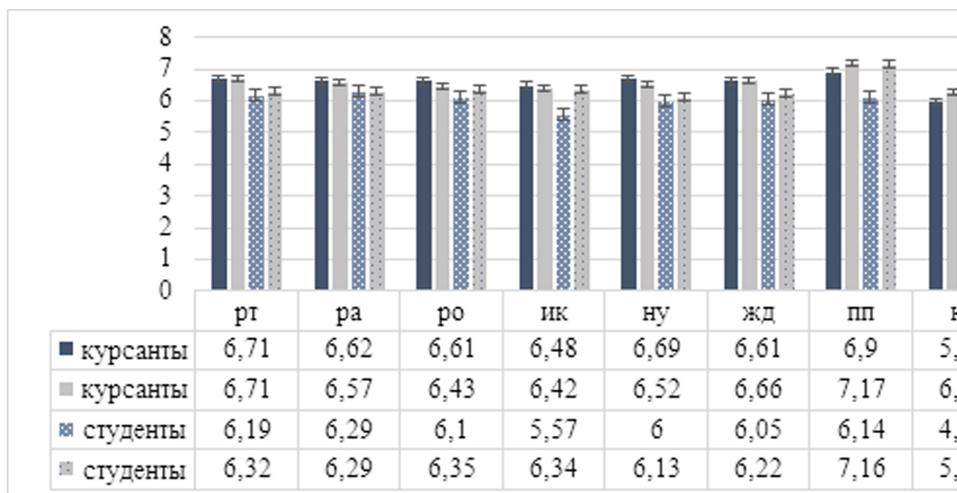

Рис 1. Выраженность показателей компонентов жизненной успешности, где

рт – рефлексивно-технологический механизм; ра – рефлексивно-аксиологический механизм; ро – рефлексивно-онтологический механизм; ик – инструментальные качества; ну – направленность на успех; жд – жизненная диспозиция; нп – нравственные переживания; бп – бытийные переживания.

Показатели компонентов жизненной успешности в целом близки к среднестатистическим по данному возрасту и в большей степени выражены в выборке курсантов (как юношей, так и девушек) по сравнению со студенческой выборкой (рис.1). Для всех выборок характерна наименьшая выраженность показателей нравственных и бытийных переживаний, при этом практические пережи-

вания выражены достаточно хорошо. В мужской выборке студентов показатели жизненной успешности значительно ниже по сравнению с другими выборками, при этом самое низкое значение имеет показатель нравственных переживаний (4,81 балла). В женской выборке как курсантов, так и студентов наиболее выраженными являются практические переживания (7,17 баллов).

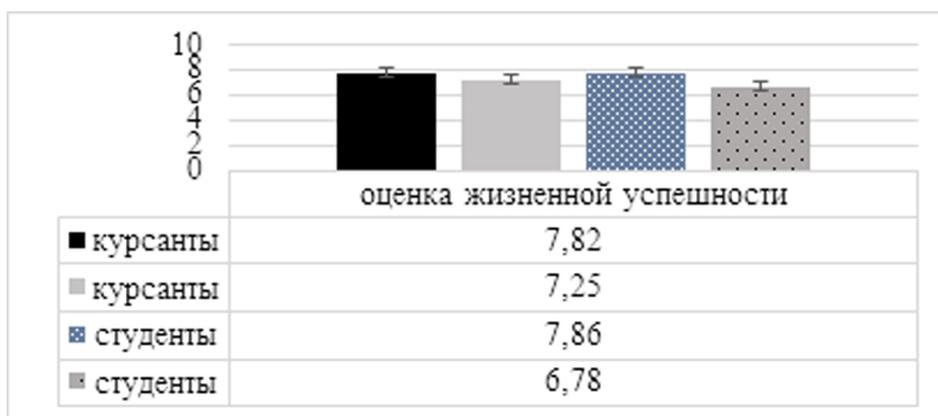

Рис. 2. Выраженность показателей субъективной оценки собственной жизненной успешности

Значения показателя собственной жизненной успешности были получены при её субъективной оценке респондентами по десятибалльной шкале. Полученные данные значимо различаются во всех выборках (зна-

чение критерия Краскала-Уоллиса 25,813, при $p \geq 0,05$). Наиболее выражены показатели оценки жизненной успешности в мужских выборках курсантов и студентов (7,82 б. и 7,86 б. соответственно).

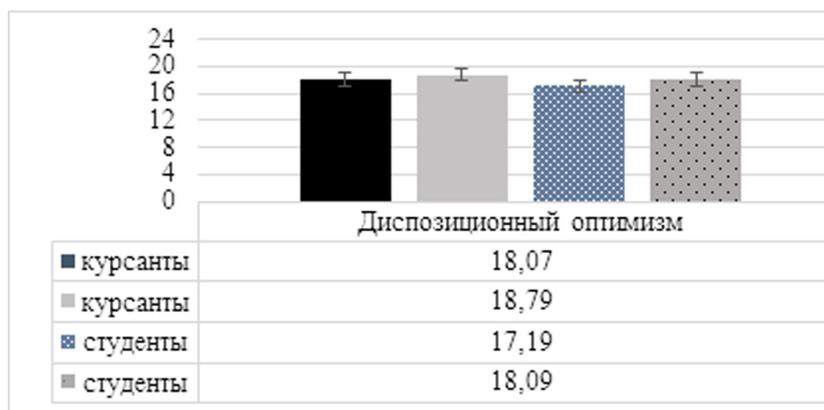

Рис. 3. Выраженность показателей диспозиционного оптимизма

Показатели диспозиционного оптимизма не имеют значимых различий и выражены в преде-

лах среднестатистической нормы свойственной данному возрасту.

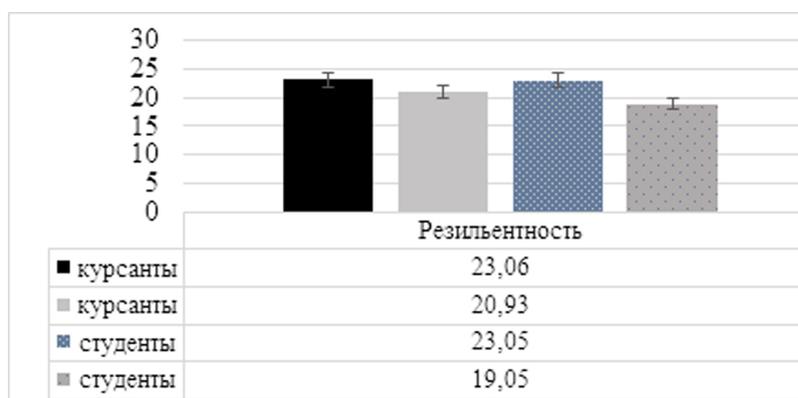

Рис. 4. Выраженность показателей резилентности

Показатели резилентности значительно различаются во всех выборках (значение критерия Краскала–Уоллиса 44,707, при $p \geq 0,05$). В наибольшей степени показатель резилентности вы-

ражен в мужской выборке курсантов и студентов 23,06 б. и 23,05 б. соответственно). Наименьшая выраженность переменной присуща девушкам студенческой выборки 19,05 б.).

Таблица 1

Взаимосвязь измеряемых показателей в выборке курсантов мужского пола

	рт	ра	ро	ик	ну	жд	пп	нп	бп	ожу	опт	рез
рт	1											
ра	,934**	1										
ро	,929**	,898**	1									
ик	,835**	,819**	,841**	1								
ну	,923**	,903**	,904**	,821**	1							
жд	,913**	,892**	,921**	,835**	,931**	1						
пп	,878**	,873**	,828**	,836**	,878**	,857**	1					
нп	,619**	,619**	,606**	,573**	,638**	,678**	,645**	1				
бп	,652**	,647**	,606**	,618**	,685**	,662**	,715**	,832**	1			
ожу	,317**	,296**	,352**	,312**	,331**	,346**	,243**	,217**	,196**	1		
опт	,447**	,451**	,418**	,426**	,444**	,406**	,463**	,175**	,237**	,204**	1	
рез	,374**	,375**	,381**	,374**	,410**	,377**	,405**	,158*	,167*	,249**	,656**	1

Примечания для таблиц 1 – 4: * $p \geq 0,05$; ** $p \geq 0,01$; рт – рефлексивно-технологический механизм; ра – рефлексивно-аксиологический механизм; ро – рефлексивно-онтологический механизм; ик – инструментальные качества;

ну – направленность на успех; жд – жизненная диспозиция; нп – нравственные переживания; бп – бытийные переживания; ожу – оценка собственной жизненной успешности; опт – диспозиционный оптимизм; рез – резилентность.

Таблица 2

Взаимосвязь измеряемых показателей в выборке курсантов женского пола

	рт	ра	ро	ик	ну	жд	пп	нп	бп	ожу	опт	рез
рт	1											
ра	,833**	1										
ро	,778**	,774**	1									
ик	,641**	,620**	,662**	1								
ну	,767**	,712**	,711**	,624**	1							
жд	,808**	,783**	,793**	,689**	,860**	1						
пп	,782**	,732**	,696**	,614**	,772**	,776**	1					
нп	,504**	,518**	,507**	,414**	,505**	,528**	,542**	1				
бп	,507**	,459**	,476**	,493**	,544**	,587**	,579**	,795**	1			
ожу	,205*	,353**	,270**	,207*	,203*	,282**	0,130	0,114	0,086	1		
опт	,400**	,458**	,371**	,296**	,449**	,486**	,503**	,185*	0,156	,306**	1	
рез	,284**	,252**	,294**	,219*	,388**	,392**	,283**	-0,052	0,022	,359**	,506**	1

Таблица 3

Взаимосвязь измеряемых показателей в выборке студентов мужского пола

	рт	ра	ро	ик	ну	жд	пп	нп	бп	ожу	опт	рез
рт	1											
ра	,977**	1										
ро	,951**	,938**	1									
ик	,710**	,736**	,668**	1								
ну	,897**	,915**	,812**	,614**	1							
жд	,954**	,979**	,906**	,720**	,894**	1						
пп	,939**	,966**	,904**	,794**	,841**	,972**	1					
нп	,641**	,645**	,641**	,657**	,637**	,591**	,557**	1				
бп	,686**	,688**	,688**	,481*	,683**	,644**	,670**	,718**	1			
ожу	0,387	0,385	0,322	0,257	,495*	0,418	0,376	0,112	0,241	1		
опт	,495*	,530*	0,376	,581**	,579**	,546*	,540*	0,243	0,208	,536*	1	
рез	,616**	,608**	,520*	,460*	,688**	,627**	,617**	0,149	0,350	,636**	,708**	1

Таблица 4

Взаимосвязь измеряемых показателей в выборке студентов женского пола

	рт	ра	ро	ик	ну	жд	пп	нп	бп	ожу	опт	рез
рт	1											
ра	,716**	1										
ро	,762**	,707**	1									
ик	,771**	,702**	,807**	1								
ну	,649**	,653**	,755**	,743**	1							
жд	,732**	,763**	,796**	,757**	,809**	1						
пп	,658**	,650**	,694**	,674**	,683**	,707**	1					
нп	,379**	,423**	,497**	,484**	,565**	,609**	,593**	1				
бп	,489**	,607**	,575**	,585**	,675**	,681**	,645**	,676**	1			
ожу	,261*	,319**	,274**	,327**	,453**	,490**	0,176	0,136	,235*	1		
опт	,301**	,246*	,299**	,287**	,440**	,443**	,425**	,257*	,250*	,351**	1	
рез	,338**	,303**	,329**	,279**	,316**	,339**	0,067	-0,018	0,173	,282**	,413**	1

Проведённый корреляционный анализ показал, что во всех выборках респондентов имеется большое количество значимых положительных взаимосвязей. В мужской выборке

курсантов все измеряемые показатели значимо взаимосвязаны (табл. 1). В женской выборке курсантов отсутствуют значимые взаимосвязи переживаний как компонента жизненной успеш-

ности с субъективной оценкой собственной жизненной успешности; оптимизма и бытийных переживаний; резилентности с нравственными и бытийными переживаниями (табл. 2).

Наибольшее количество незначимых корреляций наблюдается в мужской выборке студентов (табл. 3). Отсутствуют взаимосвязи оценки собственной жизненной успешности с основными компонентами жизненной успешности как метаресурса. Диспозиционный оптимизм не связан с рефлексивно-онтологическим механизмом, нравственными и бытийными переживаниями; резилентность не связана с нравственными и бытийными переживаниями. В женской студенческой выборке резилентность и оценка собственной жизненной успешности также не связана с переживаниями (табл. 4).

Обсуждение

Анализ полученных данных позволил выявить особенности выраженности компонентов жизненной успешности, диспозиционного оптимизма и резилентности, а также их взаимосвязей в исследуемых выборках курсантов и студентов с учётом их половой принадлежности.

Наибольшая выраженность практически всех показателей жизненной успешности в выборке курсантов как мужского, так и женского пола говорит о более активном функционировании данного метаресурса по сравнению со студентами. Курсанты умеют более эффективно ставить и достигать цели, выстраивать взаимодействие с социумом, они в большей степени понимают ценность и значение выполняемой ими деятельности, в этом им помогают сформированные комплексы качеств личности. Это также подтверждают данные, полученные при проведении корреляционного анализа.

При этом внутри выборки студентов по половому признаку наблюдается то, что у мужчин показатели жизненной успешности выражены в меньшей степени, чем у женщин. Соответственно, метаресурс жизненной успешности у студентов функционирует более активно.

Настораживают данные, полученные в мужской выборке студентов, где некоторые показатели ниже среднестатистических (инструментальные качества, нравственные и бытийные переживания). Можно предположить, что студентам, учувствовавшим в исследовании, сложно даётся поиск координат собственной успешности, осознание ценностей и смыслов деятельности, у них есть недостаток сформированности личностных качеств и переживаний, которые обеспечивают функционирование данного механизма. Отметим, что в исследовательскую выборку были включены студенты мужского пола, обучающиеся на социально-гуманитарных направлениях.

Интересно, что наиболее высоко собственную жизненную успешность оценивают мужчины в выборке курсантов и выборке студентов. При этом высокая оценка собственной жизненной успешности у курсантов соотносится с высокими показателями компонентов метаресурса.

У студентов наблюдается иная картина: наличие высоких показателей оценки собственной жизненной успешности присутствует наряду с наиболее низкими показателями компонентов метаресурса. Это может свидетельствовать о расхождении субъективных представлений о своей успешности и реальном её функционировании.

Показатели диспозиционного оптимизма во всех выборках выражены равномерно на уровне среднестатистической нормы и свидетельствуют, что молодым людям свойственно по большей части положительное отношение к будущему, они склонны верить, что в будущем их ждёт больше хороших событий, чем плохих. Следовательно, диспозиционный оптимизм как ресурс личности достаточно актуализирован.

Резилентность как способность восстанавливаться после трудностей в большей степени свойственна мужчинам – как курсантам, так и студентам. Меньшая выраженность резилентности у студентов характеризует их как более ранимых, и менее устойчивых по сравнению с мужской выборкой, а также с выборкой курсанток. Возможно, это связано с культурными нормами, особенностями воспитания юношей и девушек.

В исследуемых выборках достаточно хорошо сформирован метаресурс жизненной успешности. Это подтверждается результатами корреляционного анализа с множеством значимых взаимосвязей. Также показатели жизненной успешности имеют значимые положительные взаимосвязи с диспозиционным оптимизмом и резилентностью, что отчасти подтверждает предположение об интеграции ресурсов, обеспечивающих конструктивную жизнь в современном мире. Соответственно, умение рефлексивно соотносить предвосхищаемые и достигнутые цели и результаты субъектной активности в соответствии с программой действий в пространстве ценностно-смыслового поля личности с учётом складывающихся социокультурных условий на основе выборов и решений связано с положительным отношением к будущему и способностью быстро восстанавливаться после трудных событий.

Различия выборок по корреляционному анализу определяются отсутствием взаимосвязей между некоторыми показателями. Наиболее неблагоприятная картина опять-таки наблюдается в мужской студенческой выборке. Отсутствие взаимосвязи оценки собственной жизненной успешности с основными компонентами жизненной успешности как метаресурса подтверждает высказанное выше предположение о расхождении субъективных представлений о своей успешности и реальном её функционировании. Отсутствие связей диспозиционного оптимизма с рефлексивно-онтологическим механизмом говорит о том, что он не осмысливается как жизненный принцип. Возможно, студенты не в полной мере понимают значение оптимистических взглядов для наиболее успешной жизни.

Интересным фактом является отсутствие взаимосвязей диспозиционного оптимизма

и резилентности с нравственными и бытийными переживаниями жизненной успешности. Это можно объяснить тем, что данного рода переживания являются сложными для респондентов, а вера в хорошее и способность восстанавливаться не рассматриваются с позиций нравственности и экзистенции, что может говорить о некоторой поверхностности данных ресурсов. Например, способность к восстановлению вне нравственного контекста может быть недостаточно эффективной.

Отметим, что похожая картина с переживаниями наблюдается и в женских выборках курсантов и студентов, где наряду с этим нет связей переживаний с собственной оценкой жизненной успешности. Однако в выборке студенток оптимизм имеет взаимосвязи с переживаниями, соответственно, он наиболее значим как ресурс и встроен в их личностный опыт.

Заключение

В результате анализа эмпирических данных были выявлены следующие особенности в исследуемой выборке.

1. В целом жизненная успешность, диспозиционный оптимизм и резилентность выражены на уровне среднестатистической возрастной нормы, имеют большое количество взаимосвязей.

2. Значимые различия большинства показателей в исследуемых выборках свидетель-

ствуют о дифференциации данных ресурсов в зависимости от пола и характера учебно-профессиональной деятельности.

3. Наиболее неблагоприятная картина получена в студенческой выборке мужского пола: более низкая выраженность всех показателей жизненной успешности, большее количество незначимых корреляций, расхождения реальной картины и субъективной оценки собственной успешности. Данный факт требует более пристального изучения в расширенной выборке (различные направления обучения, регионы проживания и т. п.).

4. При этом в выборке курсантов как мужского, так и женского пола наблюдается наиболее благоприятная картина, что характеризует респондентов как людей, умеющих ставить подлинные цели и достигать их, понимать значимость своей деятельности, осмысливать собственные принципы, находить субъективные координаты жизненной успешности, с оптимизмом смотреть в будущее и способных быстро восстанавливаться после воздействия стрессовых факторов

5. Факт отсутствия либо малого количества значимых корреляций переживаний как компонента метаресурса жизненной успешности с оптимизмом и резилентностью в выборке студентов, а также в женской выборке курсантов свидетельствует о недостаточной включенности данных ресурсов в опыт респондентов и понимании их значимости.

Список литературы

1. Александрова Л. А., Золотарева А. А., Маркова В. И. Русскоязычная версия краткой шкалы резилентности: психометрический анализ на примере выборок студентов, многодетных родителей и родителей детей с инвалидностью // Национальный психологический журнал. – 2022. – № 1. – С. 65–75. DOI: 10.11621/nprj.2022.0106.
2. Анохин П. К. Принципиальные вопросы общей теории функциональных систем / Принципы системной организации функций. – Москва: Наука, 1973. – С. 5–61.
3. Барышева Е. И. Оптимистический / пессимистический локус отношения как отражение субъективного жизненного пространства личности // Человек. Наука. Социум. – 2021. – № 3 (7). – С. 57–78.
4. Батулин Н. А. Успех и неудача: теория, исследование, практика : монография. – Челябинск: Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), 2018. – 144 с.
5. Батурина Н. В., Черняева Ю. Е. Отношение успеха, жизненной успешности и личностного благополучия // Теоретическая и экспериментальная психология. – 2018. – № 4. – Т. 11. – С. 18–23.
6. Валиева Ф. И. Индивидуально-личностные предпосылки резильентного поведения // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. – 2016. – № 4. – С. 97–101.
7. Гельфонд М. Л., Мищук О. Н., Мирошина Е. Ю. Успех как ценность: опыт количественного анализа (на материалах Тульской области) // Вестник Тульского филиала Финуниверситета. – 2020. – № 1. – С. 330–333.
8. Гордеева Т. О., Сычев О. А., Осин Е. Н. Диагностика диспозиционного оптимизма, валидность и надежность опросника ТДО-П // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2021. – Т. 18. – № 1. – С. 34–55. DOI:10.17323/1813-8918-2021-1-34-55.
9. Деева Н. А. Методика «Жизненная успешность»: структура и валидизация // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2022. – Т. 19. – № 3. – С. 494–520. DOI: 10.17323/1813-8918-2022-3-494-520.
10. Джидарьян И. А. Оптимизм: проблемы теории и методов изучения // Психологический журнал. – 2013. – Т. 34. – № 1. – С. 25–35.
11. Дробышева К. А. Личностные регуляторы формирования диспозиционного оптимизма спортсменов разной квалификации // Актуальные вопросы физической культуры и спорта. – 2019. – Т. 21. – С. 93–97.

12. *Ерофеева В. Г.* Особенности личных нарративов о достижениях в зависимости от настойчивости // Психологические исследования. – 2021. – Т. 14. – № 75 [Электронный ресурс] // Психологические исследования : сайт. – URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/150> (дата обращения: 28.04.2023). DOI: 10.54359/ps.v14i75.150.
13. *Жарикова А. В., Александрова А. А.* Человеческий капитал как ресурс поддержания устойчивости общества в эпоху турбулентности: трансформация трактовки понятия // Современные вопросы устойчивого развития общества в эпоху трансформационных процессов : сборник материалов III Международной научно-практической конференции, Москва, 11 ноября 2022 года. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство АЛЕФ», 2022. – С. 104–108. DOI: 10.34755/IROK.2022.36.83.039.
14. *Конопкин О. А.* Структурно-функциональный и содержательно-психологический аспекты осознанной саморегуляции // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2005. – № 1. – Т. 2. – С. 27–42.
15. *Мадди С. Р.* Теории личности: сравнительный анализ / пер. с англ. – Санкт-Петербург: Речь, 2002. – 539 с.
16. *Марков В. Н.* Ресурсный подход к психологической диагностике: основные принципы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. – 2010. – № (4). – С. 5–10.
17. *Моросанова В. И.* Психология осознанной саморегуляции: от истоков к современным исследованиям // Теоретическая и экспериментальная психология. – 2022. – Т. 15. – № 3. – С. 57–83. DOI: 10.24412/2073-0861-2022-3-57-82.
18. *Реан А. А., Ставцев А. А., Кузьмин Р. Г.* Сильные стороны личности в модели VIA как медиатор психологического благополучия личности в профессиональной деятельности // Национальный психологический журнал. – 2022. – № 2 (46). – С. 25–34. DOI:10.11621/npj.2022.0203.
19. *Селиванова О. А., Быстрова Н. В., Дереча И. И., Мамонтова Т. С., Панфилова О. В.* Изучение феномена резильентности: проблемы и перспективы // Мир науки. Педагогика и психология. – 2020. – № 3 [Электронный ресурс] // Журнал «Мир науки. Педагогика и психология» : сайт. – URL: <https://mir-nauki.com/PDF/04PSMN320.pdf> (дата обращения: 28.04.2023).
20. *Филатова О. А., Ушакова А. А.* Диспозиционный оптимизм в структуре проактивного со- владания (на примере периода ранней взрослости) // Психология развития и образования. – 2022. – № 1. – С. 19–22.
21. *Циринг Д., Эвнина К.* Вопросы диагностики оптимизма и пессимизма в контексте теории диспозиционного оптимизма // Психологические исследования. – 2013. – № 6 (31) [Электронный ресурс] // Психологические исследования : сайт. – URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/674> (дата обращения: 28.04.2023). DOI: 10.54359/ps.v6i31.674.
22. *Шабунцова А. А., Доброхлеб В. Г., Медведева Е. И., Крошилин С. В., Сухоцка Л., Шухатович В. Р., Леонидова Г. В., Молчанова Е. В.* Успешность современного человека: теоретико-методологические аспекты исследования // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2019. – № 6. – Т. 12. – С. 27–50. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.2.
23. *Шумкова А. А.* Оптимизм в структуре пятифакторной модели черт личности / В. С. Мерлин и современная психология: наука, образование, практика : материалы Всероссийской научно-практической конференции, Пермь, 15–16 мая 2015 года. – Пермь: Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, 2015. – С. 39–41.
24. *Amoha Bajaj M. S., Caitlin A. Bronson M. S., Matthew Habel B. A., Saif Rahman B. A., Holly R. Weisberg M. A., Richard J. Contrada.* Dispositional Optimism and Cardiovascular Reactivity // Accompanying Anger and Sadness in Young Adults, *Annals of Behavioral Medicine*. – 2019. – № 53 (5). – P. 466–475. DOI: 10.1093/abm/kay058.
25. *Bokhan T. G., Galazhinsky E. V., Leontiev D. A., Rasskazova E. I., Terekhina O. V., Ulyanich A. L., Shabalovskaya M. V., Bogomaz S. A., Vidyakina T. A.* Covid-19 and subjective well-being: perceived impact, positive psychological resources and protective behavior // *Psychology Journal of the Higher School of Economics*. – 2021. – Т. 18. – № 2. – P. 259–275. DOI: 10.17323/1813-8918-2021-2-259-275.
26. *Carver C. S., Scheier M. F.* Optimism. *Handbook of Positive psychology*. – Oxford University Press, 2002. – 829 p.
27. *Cascio J.* A educação em um mundo cada vez mais caótico // *Boletim Técnico do Senac*. – 2021. – № 47 (1). – P. 101–105.
28. *Duckworth A., Gross J. J.* Self-control and grit: related but separable determinants of success // *Current Directions in Psychological Science*. – 2014. – Vol. 23(5). – P. 319–325. DOI: 10.1177/0963721414541462.
29. *Franceschelli M., Keating A.* Imagining the Future in the Neoliberal Era: Young People's Optimism and Their Faith in Hard Work // *YOUNG*. – 2018. – № 26 (4). – P. 1–17. DOI:10.1177/1103308817742287.
30. *Genc E., Arslan G.* Optimism and Dispositional hope to promote college students subjective well-being in the context of the COVID-19 pandemic // *Journal of Positive School Psychology*. – 2021. – Том 5. – № 2. – P. 87–96. DOI:10.47602/jpsp.v5i2.255.
31. *Moliner R. Gómez, Zayas A., Ruiz-Gonzalez P., Rocio G.* Optimism and resilience among university students // *International Journal of Developmental and Educational Psychology*. – 2018. – № 1 (1). – P. 147–154. DOI: 10.17060/ijodaep.2018.n1.v1.1179.

32. Peterson C., Tracy A. Steen. Optimistic explanatory style // In book: Handbook of positive psychology. – Oxford University Press, 2002. – P. 244–256 DOI:10.1093/oxfordhb/9780195187243.013.0029.
33. Scheier M. F., Carver C. S. Optimism, coping, and health: assessment and implications of generalized outcome expectancies // Health Psychology: Official Journal of the Division of Health Psychology, American Psychological Association. – 1985. – № 4 (3). – P. 219–247.
34. Seligman Martin E. P. Flourish: A visionary new understanding of happiness and well-being. – New York: NY: Free Press, 2011. – 349 p.
35. Seligman Martin E. P., Abramson L. Y., Semmel A., Von Baeyer C. Depressive attributional style // Journal of Abnormal Psychology. – 1979. – № 88 (3). – P. 242–247. DOI:10.1037/0021-843X.88.3.242.
36. Uribe F.A.R., de Oliveira S.B., Junior A.G. et al. Association between the dispositional optimism and depression in young people: a systematic review and meta-analysis // Psicol. Refl. Crit. – 2021. – № 34 (1) : 37. DOI:10.1186/s41155-021-00202-y.
37. Werner E. E., Smith R. S. Vulnerable but invincible. – New York: McGraw-Hill, 1982. – 229 p.

References

1. Aleksandrova L. A., Zolotareva A. A., Markova V. I. Russkoyazychnaya versiya kratkoy shkaly rezilientnosti: psikhometricheskoy analiz na primere vyborok studentov, mnogodetnykh roditeley i roditeley detey s invalidnost'yu // Natsional'nyy psikhologicheskoy zhurnal. – 2022. – № 1. – S. 65–75. DOI: 10.11621/npj.2022.0106.
2. Anokhin P. K. Printsipial'nyye voprosy obshchey teorii funktsional'nykh sistem / Printsipy sistemnoy organizatsii funktsiy. – Moskva: Nauka, 1973. – S. 5–61.
3. Barysheva Ye. I. Optimisticheskoy / pessimisticheskoy lokus otnosheniya kak otrazheniye sub'yektivnogo zhiznennogo prostranstva lichnosti // Chelovek. Nauka. Sotsium. – 2021. – № 3 (7). – S. 57–78.
4. Baturin N. A. Uspekh i neudacha: teoriya, issledovaniye, praktika : monografiya. – Chelyabinsk: Yuzhno-Ural'skiy gosudarstvennyy universitet (natsional'nyy issledovatel'skiy universitet), 2018. – 144 s.
5. Baturina N. V., Chernyayeva Yu. Ye. Otnosheniye uspekha, zhiznennoy uspehnosti i lichnostnogo blagopoluchiya // Teoreticheskaya i eksperimental'naya psikhologiya. – 2018. – № 4. – T. 11. – S. 18–23.
6. Valiyeva F. I. Individual'no-lichnostnyye predposylki rezil'yentnogo povedeniya // Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta imeni K. L. Khetagurova. – 2016. – № 4. – S. 97–101.
7. Gel'fond M. L., Mishchuk O. N., Mirosheva Ye. Yu. Uspekh kak tsennost': opyt kolichestvennogo analiza (na materialakh Tul'skoy oblasti) // Vestnik Tul'skogo filiala Finuniversiteta. – 2020. – № 1. – S. 330–333.
8. Gordeyeva T. O., Sychev O. A., Osin Ye. N. Diagnostika dispozitsionnogo optimizma, validnost' i nadezhnost' oprosnika TDO-P // Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki. – 2021. – T. 18. – № 1. – S. 34–55. DOI:10.17323/1813-8918-2021-1-34-55.
9. Deyeva N. A. Metodika «Zhiznennaya uspehnost'»: struktura i validizatsiya // Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki. – 2022. – T. 19. – № 3. – S. 494–520. DOI: 10.17323/1813-8918-2022-3-494-520.
10. Dzhidar'yan I. A. Optimizm: problemy teorii i metodov izucheniya // Psikhologicheskoy zhurnal. – 2013. – T. 34. – № 1. – S. 25–35.
11. Drobysheva K. A. Lichnostnyye regulatory formirovaniya dispozitsionnogo optimizma sportsmenov raznoy kvalifikatsii // Aktual'nyye voprosy fizicheskoy kul'tury i sporta. – 2019. – T. 21. – S. 93–97.
12. Yerofeyeva V. G. Osobennosti lichnykh narrativov o dostizheniyakh v zavisimosti ot nastoychivosti // Psikhologicheskoye issledovaniya. – 2021. – T. 14. – № 75 [Elektronnyy resurs] // Psikhologicheskoye issledovaniya : sayt. – URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/150> (data obrashcheniya: 28.04.2023). DOI: 10.54359/ps.v14i75.150.
13. Zharikova A. V., Aleksandrova A. A. Chelovecheskiy kapital kak resurs podderzhaniya ustoychivosti obshchestva v epokhu turbulentnosti: transformatsiya traktovki ponyatiya // Sovremennyye voprosy ustoychivosti razvitiya obshchestva v epokhu transformatsionnykh protsessov : sbornik materialov III Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Moskva, 11 noyabrya 2022 goda. – Moskva: Obshchestvo s ogranichennoy otvetstvennost'yu «Izdatel'stvo ALEF», 2022. – S. 104–108. DOI: 10.34755/IROK.2022.36.83.039.
14. Konopkin O. A. Strukturno-funktsional'nyy i sodержatel'no-psikhologicheskoy aspekty osoznannoy samoregulyatsii // Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki. – 2005. – № 1. – T. 2. – S. 27–42.
15. Maddi S. R. Teorii lichnosti: sravnitel'nyy analiz / per. s angl. – Sankt-Peterburg: Rech', 2002. – 539 s.
16. Markov V. N. Resursnyy podkhod k psikhologicheskoy diagnostike: osnovnyye printsipy // Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Psikhologiya i pedagogika. – 2010. – № (4). – S. 5–10.
17. Morosanova V. I. Psikhologiya osoznannoy samoregulyatsii: ot istokov k sovremennym issledovaniyam // Teoreticheskaya i eksperimental'naya psikhologiya. – 2022. – T. 15. – № 3. – S. 57–83. DOI: 10.24412/2073-0861-2022-3-57-82.
18. Rean A. A., Stavtsev A. A., Kuz'min R. G. Sil'nyye storony lichnosti v modeli VIA kak mediator psikhologicheskogo blagopoluchiya lichnosti v professional'noy deyatel'nosti // Natsional'nyy psikhologicheskoy zhurnal. – 2022. – № 2 (46). – S. 25–34. DOI:10.11621/npj.2022.0203.
19. Selivanova O. A., Bystrova N. V., Derecha I. I., Mamontova T. S., Panfilova O. V. Izucheniye fenomena rezil'yentnosti: problemy i perspektivy // Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya. – 2020. – № 3 [Elektronnyy resurs] // Zhurnal «Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya» : sayt. – URL: <https://mir-nauki.com/PDF/04PSMN320.pd> (data obrashcheniya: 28.04.2023).

20. *Filatova O. A., Ushakova A. A.* Dispozitsionnyy optimizm v strukture proaktivnogo sovladaniya (na primere perioda ranney vzroslosti) // *Psikhologiya razvitiya i obrazovaniya*. – 2022. – № 1. – S. 19–22.
21. *Tsiring D., Evnina K.* Voprosy diagnostiki optimizma i pessimizma v kontekste teorii dispozitsionnogo optimizma // *Psikhologicheskiye issledovaniya*. – 2013. – № 6 (31) [Elektronnyy resurs] // *Psikhologicheskiye issledovaniya* : sayt. – URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/674> (data obrashcheniya: 28.04.2023). DOI: 10.54359/ps.v6i31.674.
22. *Shabunova A. A., Dobrokhleb V. G., Medvedeva Ye. I., Kroshilin S. V., Sukhotska L., Shukhatovich V. R., Leonidova G. V., Molchanova Ye. V.* Uspeshnost' sovremennogo cheloveka: teoretiko-metodologicheskiye aspekty issledovaniya // *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*. – 2019. – № 6. – T. 12. – S. 27–50. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.2.
23. *Shumkova A. A.* Optimizm v strukture pyatifaktornoy modeli chert lichnosti / V. S. Merlin i sovremennaya psikhologiya: nauka, obrazovaniye, praktika : materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Perm', 15–16 maya 2015 goda. – Perm': Permskiy gosudarstvennyy gumanitarno-pedagogicheskiy universitet, 2015. – S. 39–41.
24. *Amoha Bajaj M. S., Caitlin A. Bronson M. S., Matthew Habel B. A., Saif Rahman B. A., Holly R. Weisberg M. A., Richard J.* Contrada Dispositional Optimism and Cardiovascular Reactivity // *Accompanying Anger and Sadness in Young Adults*, *Annals of Behavioral Medicine*. – 2019. – № 53 (5). – R. 466–475. DOI: 10.1093/abm/kay058.
25. *Bokhan T. G., Galazhinsky E. V., Leontiev D. A., Rasskazova E. I., Terekhina O. V., Ulyanich A. L., Shabalovskaya M. V., Bogomaz S. A., Vidyakina T. A.* Covid-19 and subjective well-being: perceived impact, positive psychological resources and protective behavior // *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. – 2021. – T. 18. – № 2. – P. 259–275. DOI: 10.17323/1813-8918-2021-2-259-275.
26. *Carver C. S., Scheier M. F.* Optimism. *Handbook of Positive psychology*. – Oxford University Press, 2002. – 829 r.
27. *Cascio J.* A educação em um mundo cada vez mais caótico // *Boletim Técnico do Senac*. – 2021. – № 47 (1). – R. 101–105.
28. *Duckworth A., Gross J. J.* Self-control and grit: related but separable determinants of success // *Current Directions in Psychological Science*. – 2014. – Vol. 23(5). – R. 319–325. DOI: 10.1177/0963721414541462.
29. *Franceschelli M., Keating A.* Imagining the Future in the Neoliberal Era: Young People's Optimism and Their Faith in Hard Work // *Young*. – 2018. – № 26 (4). – R. 1–17. DOI:10.1177/1103308817742287.
30. *Gench E., Arslan G.* Optimizm i dispozitsional'naya nadezhda dlya sodeystviya sub'yektivnomu blagopoluchiyu studentov v usloviyakh pandemii COVID-19 // *Zhurnal pozitivnoy shkol'noy psikhologii*. – 2021. – Tom 5. – № 2. – R. 87–96. DOI: 10.47602/jpsp.v5i2.255.
31. *Molinero R. Gomes, Zayas A., Ruis-Gonsales P., Rosio G.* Optimizm i ustoychivost' sredi studentov vuzov // *Mezhdunarodnyy zhurnal psikhologii razvitiya i obrazovaniya*. – 2018. – № 1 (1). – R. 147–154. DOI: 10.17060/ijodaep.2018.n1.v1.1179.
32. *Peterson S., Treysi A. Stin.* Optimisticheskiy ob'yasnitel'nyy stil' // V kn.: *Spravochnik po pozitivnoy psikhologii*. – Izdatel'stvo Oksfordskogo universiteta, 2002. – S. 244–256 DOI: 10.1093/oxford/hb/9780195187243.013.0029.
33. *Scheier M. F., Carver C. S.* Optimizm, preodoleniye trudnostey i zdorov'ye: otsenka i posledstviya obobshchennykh ozhidayemykh rezul'tatov // *Psikhologiya zdorov'ya: Ofitsial'nyy zhurnal Otdeleniya psikhologii zdorov'ya Amerikanskoy psikhologicheskoy assotsiatsii*. – 1985. – № 4 (3). – R. 219–247.
34. *Seligman Martin E. P.* *Flourish: dal'novidnoye novoye ponimaniye schast'ya i blagopoluchiya*. – N'yu-York: N'yu-York: Free Press, 2011. – 349 s.
35. *Seligman Martin E. P., Abramson L. Yu., Zemmel' A., Fon Bayyer K.* Depressivnyy atributivnyy stil' // *Zhurnal anomal'noy psikhologii*. – 1979. – № 88 (3). – R. 242–247. DOI: 10.1037/0021-843X.88.3.242.
36. *Uribe F.A.R., de Oliveyra S.B., Dzhunior A.G. i dr.* Assotsiatsiya dispozitsionnogo optimizma i depressii u molodykh lyudey: sistematicheskii obzor i metaanaliz // *Psikol. Refl. krit.* – 2021. – № 34 (1):37. DOI: 10.1186/s41155-021-00202-y.
37. *Verner E. E., Smit R. S.* *Uyazvimyye, no nepobedimyye*. – N'yu-York: McGraw-Hill, 1982. – 229 s.

Статья поступила в редакцию 31.03.2023; одобрена после рецензирования 04.04.2023; принята к публикации 26.06.2023.

The article was submitted March 31, 2023; approved after reviewing April 04, 2023; accepted for publication June 26, 2023.

Научная статья
УДК 159.9.07
doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-209-217

Валерий Егорович Талынёв

доктор социологических наук, доцент
<https://orcid.org/0000-0002-7405-9780>, v.talynyov@yandex.ru

*Воронежский институт МВД России
Российская Федерация, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, д. 53.*

Сергей Евгеньевич Кораблев

кандидат психологических наук, доцент
<https://orcid.org/0000-0002-4014-9497>, sekorablev@mail.ru

*Российский государственный университет правосудия
Российская Федерация, 394006, Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 95*

Социально-психологические слагаемые личного влияния педагога в контексте установления доверительных отношений с обучающимися в образовательной системе МВД России

Аннотация: Статья посвящена анализу инновационных научных концепций психологии личного влияния педагога в контексте установления отношений сотрудничества с обучающимися.

Актуальность темы концентрируется вокруг рассмотрения психологической сущности феномена личного влияния в условиях педагогической деятельности. Авторами предлагаются актуальные в настоящее время научные подходы к пониманию сущности личного влияния педагога в образовательном процессе МВД России. Заявленная проблема имеет место в межотраслевой области наук, поэтому в процессе научного исследования использовались общенаучные методы: исторический, социологический, системный, а также специальные психологические (беседа и опрос, наблюдение, эксперимент и др.). Научная новизна исследования заключается в детализации сущностно-содержательной части и выделении факторов-показателей коммуникативно-личностного потенциала влияния педагога в образовательной системе МВД России, а также выделении критериев для определения психологической сущности лидерства.

Методология. Помимо методологических подходов, в ходе исследования применялись методы реконструкции и интерпретации педагогических идей, при этом использовалось самонаблюдение, психологическое тестирование, биографический метод и т. д. Для изучения психологических проявлений личного влияния педагога применялись комбинации этих методов, что в целом позволило сформулировать концепцию личного влияния педагога в образовательном процессе.

Результаты. Основное внимание в статье авторы акцентируют на анализе содержания социально-психологических факторов в процессе формирования авторитета, лидерства в рамках осуществления педагогической деятельности, предлагаются разнообразные теоретические подходы к пониманию сущности лидерства.

Заключение. По результатам проведённого исследования авторами представлен краткий объективный психологический портрет педагога-лидера, обеспечивающего эффективное влияние на обучающегося.

Ключевые слова: педагогическая деятельность, авторитет, лидерство, харизма, моральные факторы, личное влияние педагога

Для цитирования: Талынёв В. Е., Кораблев С. Е. Социально-психологические слагаемые личного влияния педагога в контексте установления доверительных отношений с обучающимися в образовательной системе МВД России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 3 (99). – С. 209–217; doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-209-217.

Valery Y. Talynev

Dr. Sci. (Sociol.), Dotsent

<https://orcid.org/0000-0002-7405-9780>, v.talynyov@yandex.ru

*Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs,
53, Patriots Ave., Voronezh, 394065, Russian Federation*

Sergey E. Korablev

Cand. Sci. (Psy.), Dotsent

<https://orcid.org/0000-0002-7405-9780>, sekorablev@mail.ru

*Russian State University of Justice
95, 20th Anniversary of October str., Voronezh, 394006, Russian Federation*

Socio-psychological components of a teacher's personal influence in the context of establishing trusting relationships with students in the educational system of the Ministry of Internal Affairs

Abstract: The article is devoted to the analysis of innovative scientific concepts of psychology of personal influence of a teacher in the context of establishing cooperation relations with students.

The relevance of the topic is concentrated around the consideration of the psychological essence of the phenomenon of personal influence in the conditions of pedagogical activity. The authors propose current scientific approaches to understanding the essence of a teacher's personal influence in the educational process of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. The stated problem takes place in the intersectoral field of sciences, therefore, general scientific methods were used in the process of scientific research: historical, sociological, systemic, as well as special psychological (conversation and survey, observation, experiment, etc.). The scientific novelty of the study consists in detailing the essential-content part and identifying factors-indicators of the communicative and personal potential of the teacher's influence in the educational system of the Ministry of Internal Affairs, as well as identifying criteria for determining the psychological essence of leadership.

Methodology. In addition to methodological approaches, methods of reconstruction and interpretation of pedagogical ideas were used during the study, while self-observation, psychological testing, biographical method, etc. were used to study the psychological manifestations of the teacher's personal influence, combinations of these methods were used, which, in general, allowed to formulate the concept of the teacher's personal influence in the educational process.

Results. The main attention in the article is focused on the analysis of the content of socio-psychological factors in the process of authority formation, leadership in the framework of pedagogical activity, various theoretical approaches to understanding the essence of leadership are proposed.

Conclusion. According to the results of the study, the authors present a brief objective psychological portrait of a teacher-leader, providing an effective influence on the student.

Keywords: pedagogical activity, authority, leadership, charisma, moral factors, personal influence of the teacher

For citation: Talynev V. Y., Korablev S. E. Socio-psychological components of a teacher's personal influence in the context of establishing trusting relationships with students in the educational system of the Ministry of Internal Affairs // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – № 3 (99). – P. 209–217; doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-209-217.

Введение

Постановка проблемы. Современные условия продолжающегося процесса реформирования системы отечественного образования настоятельно диктуют новые требования к нормативному регулированию внедрения инноваций в образовательный процесс. Сегодня работникам педагогического труда в образовательных

организациях системы МВД России приходится постоянно совершенствовать своё профессиональное мастерство в силу необходимости организовывать собственную деятельность в связи с современными критериями эффективности. Одно из базовых направлений связано с уточнением результатов действия психологических законов в контексте достижения насущных функциональных задач педагога.

Современная ситуация требует от педагога переосмысления ряда психологических феноменов, связанных с проблемой поддержания и повышения уровня эффективности общения в рамках реализации задач обучения и воспитания будущих полицейских. Отсюда возникает необходимость рефлексивно и панорамно взглянуть на специфику педагогического общения с позиций личного влияния педагога, поскольку этого требует новая по содержанию и динамике информационная среда, особенности и отличия психического склада современного молодого поколения, быстрота меняющихся социальных условий жизнедеятельности, повышение уровня угрозы нестабильности материальных и идеологических конструктов человеческого бытия и пр.

Другими словами, представляется важным отметить те факторы личного влияния педагога, которые позволяют ему воздействовать на сознание и поведение слушателей, приводят им актуальный пример для эффективной адаптации в обществе, стимулируют искреннее принятие модели социально-позитивной активности как собственной доктрины поведения и предстоящей профессиональной деятельности полицейского.

В области психологии труда, общей педагогики и образования данная цель может быть реализована посредством решения следующих задач:

- изучение теоретических подходов к определению сущности личного влияния;
- определение системы смежных (близких по сущностным характеристикам) психологических феноменов (авторитет, лидерство, харизма);
- выявление факторов-показателей коммуникативно-личностного потенциала влияния педагога в условиях профессиональной правоохранительной деятельности;
- актуализация (применение к текущей ситуации) классических концепций, характеризующих типы (стратегии и тактики) личного влияния в рамках педагогического общения с курсантами и слушателями.

Методология

Научные подходы к пониманию сущности личного влияния. Приступая к анализу теоретических концепций относительно феномена личного влияния, целесообразно подчеркнуть те принципиальные модели, которые могут считаться инвариантными (присущими именно данной разновидности влияния). Для начала отметим тот факт, что научная категория «влияние» более распространена в психологических исследованиях в условиях трудовой деятельности, чем категория «личное влияние», и определяется достаточно многоаспектно, как:

- «воздействие на состояние, мысли, чувства и действия другого человека с помощью исключительно психологических средств, с предоставлением ему права и времени отвечать на это воздействие» [9];

- процесс и результат изменения индивидуумом поведения другого человека, его установок, намерений, представлений, оценок и т. п. в ходе взаимодействия с ним¹ в условиях трудовой деятельности;

- целенаправленное изменение представлений, мнений, поведения личности или группы путём воздействия; одна из форм реализации власти; изменение представлений, мнений, поведения индивидов или группы, произошедшее стихийно под воздействием других людей через механизмы подражания, психического заражения и т.п.²

Личное влияние в определениях психологов получает свою неповторимую специфику в критериях преобразования отношений, в качествах эмоционально-окрашенного реагирования, в изменениях личностной парадигмы восприятия окружающей действительности, собеседника и ситуации. Примерами таких подходов выступают следующие определения личного влияния:

- способность действовать притягивающим или отталкивающим образом на характер другого лица и иметь при этом успех [7];
- определённое свойство индивида, личностное качество, некая сущностная сила человека, его способность воздействовать на другого побуждающим, сдерживающим, успокаивающим либо другим развивающим образом, изменяя при этом не только поведение человека, но и взгляды, мотивы, сознание и даже характер³.

По мнению авторов учебника «Межличностное общение» В. Н. Кунициной, Н. В. Казариновой, В. М. Погольша, весомым последствием и базовой ценностью личного влияния являются преобразования, имеющие место преимущественно в духовно-нравственной сфере и, как следствие, в сфере поведенческой активности. Речь идёт о процессе и результате личного влияния субъекта, воплощённых в изменениях в его мотивационно-познавательной, коммуникативно-личностной и духовной сферах, которые позволяют ему развиваться и совершенствоваться; при этом процесс воздействия осуществляется ненасильственным и необманым путём и обогащает обоих участников взаимодействия. «Личное влияние осуществляется только тогда, когда оба субъекта взаимодействия проявляют добрую волю к общению, когда один человек передаёт другому – в открытой, ненасильственной форме – нечто своё, личное (знания, жизненный опыт и др.), а другой – искренне хочет перенять это, а не взять силой или выманить хитростью. Очевидно, что взаимодействие людей на таком уровне не может происходить в атмосфере су-

¹ Альмуханова А. Б. и др. Большая психологическая энциклопедия. – Москва : Эксмо, 2007. – 542 с.

² Энциклопедия социологии // Интернет-портал «Словари и энциклопедии на Академике» Antinazi. 2009 [Электронный ресурс] : Академик : сайт. – URL : <http://dic.academic.ru/dic.nsf/socio/1516> (дата обращения: 21.12.2022).

³ Куницина В. Н., Казаринова Н. В., Погольша В. М. Межличностное общение : учебник для вузов. – Санкт-Петербург: Питер, 2001. – 544 с.

етливости или агрессивности, когда сознание «засорено» сугубо личностными потребностями. Оно требует наличия в отношениях хотя бы минимального доверия, самораскрытия и снисхождения к позиции партнёра»⁴.

Применяя указанные выше научные мнения о сущности личного влияния к педагогу правоохранительной образовательной системы, его воспитательной и учебной деятельности, следует сделать промежуточный вывод о том, что для обучающихся преподаватель представляет собой значимую для них личность, общение с которой является эмоционально притягательным, удовлетворяющим потребности в саморазвитии и самоактуализации. В глазах обучающихся – он могущественный защитник, авторитетный специалист, человек с житейским опытом, надёжный друг, умеющий внимательно выслушать и хранить тайну.

Понимание психологической сущности феномена личного влияния может существенно дополнить анализ смежных с ним явлений, таких как авторитет, лидерство, харизма.

Результаты

Социально-психологические компоненты педагогического авторитета. Одним из значимых пунктов в программе изучения феномена личного влияния является анализ сущности авторитета (от латинского *auctoritas* – достоинство, влияние, власть). Обратившись к Толковому словарю русского языка Д. В. Дмитриева, мы находим трактовку авторитета как особой характеристики человека, добившегося большого уважения окружающих людей за его деятельность, знания и жизненный опыт, имеющего на них влияние. Результаты исследования показывают, что в обыденном сознании закреплены следующие свойства авторитета: его приобретают, укрепляют, им пользуются, его подрывают, утрачивают. Авторитетом также наделяются группы людей, социальные институты в силу присущих им особенных способностей или функций. Социально-психологическая сущность авторитета выражена в способности его обладателя управлять сознанием и поведением определённой группы людей без применения любых форм принуждения [7].

В отношении педагога обладание авторитетом среди обучающихся означает высокий процент успешности и продуктивности педагогического взаимодействия. Авторитет в этом случае выступает важнейшим инструментом косвенного воздействия на обучающихся. Включая свой интеллект, профессиональную компетентность, демонстрируя образцы социально одобряемого поведения, педагог устанавливает эмоционально насыщенные доверительные отношения с курсантами и слушателями, что способствует принятию ими его требований как вполне адекватных и справедливых.

По мнению выдающихся мастеров педагогики Н. К. Крупской, А. С. Макаренко, В. А. Сухомлинского, авторитет является непостоянной

категорией, его надо постоянно подкреплять, непрерывно работать над его совершенствованием, а то и воссозданием. Так, А. С. Макаренко говорит об авторитете⁵ как о влиянии учителя, основанном на занимаемом им положении в группе учащихся. Последние признают достоинства педагога и основанную на этом силу его воспитательного и образовательного воздействия, положительно реагируя на его эрудированность, педагогическое мастерство, уверенность в себе, оптимизм, моральные качества (доброжелательность, справедливость, тактичность, скромность, совесть и т. д.), умение связывать воедино теорию и практику.

Авторитет связан с активной гражданской позицией педагога, которая проявляется в продуктивной духовной и материальной деятельности. Среди разновидностей авторитета выделяют истинный и ложный⁶, реальный и псевдоавторитет. Ложный или псевдоавторитет выступают антиподами истинного (реального) и в своей основе содержат функцию подчинения учащегося педагогу, реализуемую достаточно широким многообразием тактик субъект-объектного взаимодействия (давление, принуждение, доминирование, манипуляция, игнорирование, ирония и проч.). Подобными социально-психологическими приёмами влияния формируется псевдоавторитет:

- подчинения, достигаемый посредством устрашения обучающихся, введением жёстких санкций за неправильный ответ и прочие его действия, выходящие за пределы «разрешённого» поведения.

- расстояния, реализуемый с помощью установления значительной психологической дистанции в общении между педагогом и курсантом (нравоучение, условности и установки в восприятии и поведении), формально-официальными отношениями.

- имитации открытости и добросердечия, связанный со стремлением педагога (чаще всего начинающего) добиться любой ценой признания собственной личности среди обучающихся, результатом которого будет их послушание.

Базовыми слагаемыми реального авторитета, на наш взгляд, выступают показатели значимости педагога в глазах обучающихся и их взрослого окружения, уровень его профессиональной осведомлённости, компетентности, способности оказывать поддержку учащимся во внеучебных ситуациях, субъект-субъектном стиле педагогического общения, доминирующей стратегии сотрудничества в кризисных ситуациях.

Значение различных слагаемых, формирующих сущность профессионального авторитета педагога правоохранительной образовательной системы, дифференцируется в зависимости от специфических характеристик субъектов образовательного процесса и зависит прежде всего от возраста обучающихся и опыта самих педа-

⁵ Кондратьев М. Ю. Слагаемые авторитета. – Москва: Знание, 1988. – 80 с.

⁶ Там же.

⁴ Там же.

гогов. С точки зрения факторов, определяющих сущность показателей авторитета, наиболее влияющих на личность обучающихся, следует отметить уровень социализации и возрастные характеристики последних. По нашему мнению, авторитет определяется системой объективных и субъективных показателей, но при этом следует учитывать тот факт, что с обретением социального опыта всё более значимым для обучающихся становится фактор профессиональной компетентности педагога (его знание предмета, профессиональный стаж полицейского, педагогическое мастерство и др.), в сравнении с более ранними этапами освоения знаний о мире, когда эмоционально-экспрессивные тонкости общения педагога, связанные с его социально-позитивными личностными качествами, выделялись ими как определяющие авторитет.

Таким образом, авторитетный педагог в образовательной системе МВД России выступает источником информации, практического опыта в правоохранительной деятельности, носителем знания. Его авторская оценка информации, передаваемой обучающимся, имеет для них первостепенное значение, оказывает на них существенное влияние. Мнение педагога в этом случае приобретает статус референтного, то есть определяющего парадигму личностного восприятия обучающегося. Мировой педагогический опыт фиксирует важность соблюдения тонкого баланса дисциплины / демократии в воспитании и обучении, реализуемого специально подготовленной и обладающей педагогическим авторитетом личностью – обучающиеся добровольно идут за тем педагогом, которого они уважают [8]. В иных обстоятельствах педагогические отношения держатся на сугубо формальных основаниях, внешних требованиях, утрачивают своё гуманистическое содержание, оказывают негативное влияние, в том числе на образовательную деятельность.

Научная концепция понимания лидерства, харизмы в контексте педагогической деятельности. Важнейшим теоретическим вопросом психологии личного влияния педагога является определение его лидерского потенциала. Ключевой характеристикой лидерства является способность оказывать влияние на окружающих его людей с точки зрения организации их деятельности, генерировать идеи и направлять усилия личности и группы на достижение значимых для них целей [1]. Лидерство представляет собой естественный групповой социально-психологический процесс, предполагающий влияние авторитета отдельной личности на сознание и поведение членов группы. В контексте педагогической деятельности педагог сталкивается с необходимостью становиться и быть лидером для группы обучающихся, ибо, посредством идейного влияния, устным и письменным словом внушая, убеждая, эмоционально заражая, принуждая, он ведёт окружающих его людей за собой, обеспечивает существование между ними таких связей и отношений, которые бы способствовали успешному решению кон-

кретных воспитательных и образовательных задач. Таким образом, педагог синтезирует в себе функции формального и неформального лидера. С одной стороны, он наделён законной властью для воздействия на обучающихся и определённой ответственностью за результативность их деятельности. С другой – как неформальный лидер педагог – инициатор социально позитивных непосредственных (личных) взаимоотношений членов группы обучающихся.

Среди многочисленных критериев определения психологической сущности лидерства, значимых в контексте изучаемой темы целесообразно подчеркнуть⁷:

- главенствующую базовую черту педагога-лидера как центра потенциальных интересов обучающихся, чувствующего и конструирующего структурную композицию группы, формирующего морально-психологическую атмосферу общения в ней, определяющего идеологию деятельности, базовые приоритеты;

- систему определённых личностных черт, дающих возможность педагогу оптимально быстро (эффективно) занимать и удерживать позиции лидера в группе обучающихся;

- искусство коммуникативного воздействия на группу обучающихся посредством убеждения, поощрения и побуждения к действию силой собственного примера;

- достижение консенсуса, сотрудничество с ведомыми, конструктивное управление кризисными ситуациями педагогического общения, инструмент добровольного подчинения группы воле лидера;

- продуктивная деятельность в контексте управления и координации работы группы;

- инструмент достижения психологического комфорта и удовлетворения потребностей учащихся, связанных с воспитанием и обучением;

- взаимодействие педагога с группой обучающихся, основанное на осознании и поддержке со стороны её членов;

- отношения власти, реализующие способность педагога управлять обучающимися и преодолевать сопротивление последователей;

- дифференциация ролей в контексте взаимодействия и взаимовлияния между членами группы курсантов;

- создание социальной конфигурации, порождающее и поддерживающее распределение ролей между её членами.

Разнообразные теоретические подходы к пониманию сущности лидерства предлагают современным специалистам рассмотреть перечень личностных качеств педагога как лидера, значимых для осуществления эффективного влияния на обучающихся.

В качестве одной из наиболее распространённых концепций, объясняющих природу лидерства, выступает направление, отстаивающее известную позицию о врождённых свойствах

⁷ Бендас Т. В. Психология лидерства: учебник и практикум для академического бакалавриата. – Москва: Юрайт, 2018. – 502 с.

лидерских черт. На основе изучения особенностей личности известных педагогов, управленцев в различных сферах деятельности нами выделены наиболее общие и принципиальные для осуществления лидерских задач черты – такие как уверенность, предприимчивость, рвение, сотрудничество, коммуникабельность, чувство юмора, самоконтроль, социальная привлекательность, ораторское искусство и др.

Указанное направление легло в основу оформления теории так называемого «внезапного лидерства», в рамках которой исследуются факторы, способствующие восприятию какого-либо человека как лидера при отсутствии информации о его эффективности. В результате анализа в ходе проведённого исследования мнений членов неструктурированных групп авторы пришли к выводу, что окружающие склонны оценивать как лидера человека, который обладает качествами экстраверта, уверенностью в себе, способностью управлять и доминировать над окружающими, прагматичностью и честолюбием, ответственностью, позитивным настроением, честностью, эмоциональным самоконтролем, навыками дипломатии и кооперации [1].

Современные исследователи лидерства признают наличие указанного выше ряда качеств в структуре краткого психологического портрета лидера, в который включены интеллект, активность, согласие, добросовестность, эмоциональная стабильность. Круг указанных основных личностных параметров лидерства постоянно расширяется добавлением ряда детализирующих характеристик, таких как способность завоевать престиж, самовосприятие и самопрезентация, социальное позиционирование, ассертивность (навык уверенности в себе), самомониторинг. Таким образом эффективность педагога как лидера может определяться мерой его энергичности, уверенности в себе, реальной способности к выдвиганию собственных взглядов и мыслей, независимости и самодостаточности, готовности принимать решения и отвечать за их последствия, эмоционального самоконтроля и социального интеллекта и др.

Сущность и краткая характеристика концепции харизматического лидерства. Концепция харизматического лидерства также наполняет определённым социально-психологическим смыслом феномен личного влияния педагога. В рамках данной концепции рассматриваются понятие и условия возникновения харизмы как особого свойства личности, притягательного для окружающих, детализируются её функции, характеризуется стиль и особенности поведения харизматического лидера [5].

Терминологическая сущность феномена «харизма» связана со способностью личности быть в центре внимания окружающих людей, обладать притягательной энергией⁸. Педагог, обладающий чертами харизматического лидера,

создаёт атмосферу вдохновения, эмоционального подъёма и комфорта у обучающихся. Его слова и действия увлекают за собой, вдохновляют на активную деятельность. Он близок многим в духовном смысле, что создаёт базу искренних и открытых отношений, что позволяет ему мотивировать, воодушевлять, влиять [4]. В этом обобщённом профиле указанного типа лидерства целесообразно подчеркнуть особенности, наиболее значимые в контексте рассматриваемой темы. Во-первых, это способность педагога правоохранительной системы к вдохновляющему воздействию, влиянию, результатом которого является открытие у обучающихся возможностей, доселе им неизвестных. Во-вторых, он носитель способностей, которые имеют статус экстраординарных для большинства, тем более что они воспринимаются этим большинством как естественное воплощение необычности самой личности [3]. В-третьих, ведущим мотивом выступает самореализация на основе вдохновения какой-либо гуманистической идеей, которая увлекает за собой других [2].

Антиподами черт харизматического лидера выступают:

- отсутствие искренности, наигранная искусственность и отдалённость от текущей рутины;
- активное использование эмоционального и других потенциалов окружающих его людей в своих корыстных целях, например, как средства самореализации;
- уход в мистификацию, реализация своей жизненной и профессиональной цели вне содержания интересов и потребностей ведомых.

Ключевыми условиями запуска процесса интерпретации в социальном восприятии (сознании обучающихся) черт лидера как близких к статусу харизматических, по мнению В. Фридланда [14], выступают:

- эмоциональное и смысловое соответствие между мнением лидера и настроениями (интересами) окружающих его людей;
- активная реализация социально значимых целей и задач, погружение лидера в наиболее насыщенные из них, сложные и экстремальные;
- очевидность и стабильность успеха в решении большинства из них.

Человек, обладающий чертами харизматического лидера, не заикливается на собственных достоинствах, а искренне ведёт себя, естественно и непринуждённо реализуя в своей деятельности следующий ряд личностных диспозиций:

- способен на поступок, который воспринимается другими как ответственный, смелый и даже героический;
- внешне и внутренне соответствует социокультурным авторитетам, эталонам поведения и ориентирован на успех;
- обладает ораторскими навыками, владеет искусством убеждения окружающих людей;
- имеет разносторонний жизненный опыт;
- является носителем энциклопедических знаний;
- умеет быть непохожим на других;

⁸ Шалагинова Л. В. Психология лидерства. – Санкт-Петербург : Речь, 2007. – 458 с.

- обладает нестандартным творческим мышлением;
- готов к решительным действиям;
- убеждён в победе правды и справедливости;
- пробуждает в других веру, надежду, взаимность [5].

Учитывая мнение Р. Хауса [14] о чертах харизматического лидера применительно к факторам личного влияния педагога, следует отметить, что последний чувствует необходимость быть лидером, обладает уверенностью в себе, формирующую твёрдую убеждённость в правильности собственных представлений и действий. Указанные выше параметры личности предопределяют определённый стиль поведения.

1. Данный стиль основан на управлении процессом формирования впечатления о себе: педагог всегда и во всём стремится контролировать уровень своей компетентности в оценке информации, происходящих событий, предстоящего решения и проч., создаёт установку на преодоление неудач, настрой на конструктивное самосовершенствование.

2. С точки зрения влияния педагога на обучающихся в его поведении всегда содержатся элементы, которые вызывают необходимость последующего творческого воспроизведения последними. Другими словами, педагог предоставляет обучающимся пример мыслительных действий и поведенческих реакций, создающих основу не для слепого копирования ими, а для моделирования в непредсказуемой в социальной ситуации. Таким образом педагог, демонстрируя логичность, доказательность и чистоту в высказываниях, старательность в деятельности, точность в соблюдении обещаний, аккуратность в обращении с объектами, пропорциональность и справедливость в оценках результатов чьей-либо работы, способствует формированию соответствующих убеждений, отношений и ценностей у обучающихся [15].

3. Педагог, обладающий чертами харизматического лидера, задаёт ожидание высокого уровня, авансирует будущий успех всем, кто работает с ним в команде, создавая образ эффективно решённой задачи, позитивного развития и решения ситуации, воплощённой в реальности надежды, реализованной цели, удовлетворённой актуальной потребности. Он психологически грамотно актуализирует внутренние побуждения обучающихся, отвечая их устремлениям; вдохновляет и воодушевляет, создавая эмоционально положительный фон взаимодействия; поднимает планку будущих достижений на высокий, но в то же время выполнимый уровень, в зависимости от имеющихся ресурсов.

Следует учитывать, что проявление черт харизматического лидера становится особенно заметным в нестандартных, кризисных, эмоционально напряжённых ситуациях [16]. Очевидно, педагогическая деятельность относится к числу наиболее наполненных повышенными нагрузками, стрессами, кризисными ситуациями меж-

личностного общения⁹. Способность быть эффективным и эффективным в процессе адаптации и преодоления указанных кризисов – один из очевидных показателей харизматического лидера, с точки зрения его воплощения в деятельности (результате) и с точки зрения того, как оно воспринимается окружающими людьми.

Круг личностных параметров, формирующих содержание феномена «харизма», достаточно широк. Каждый из исследователей усматривает специфику феномена в определённой комбинации вышеприведённых черт. Субъективность исследователя – весомый фактор, определяющий сущность харизматического лидера, его особую значимую черту. Так, М. Гантер усматривает элемент сверхвозможностей личности, определяя шесть базовых критериев социального отношения к человеку как харизматическому лидеру. Окружающие обнаруживают в его психологическом портрете источник повышенной энергии, способности к оказанию суггестивного воздействия, высокую интенсивность информационного, эмоционального, энергетического обмена с людьми, социальную привлекательность внешности и поведения (аттракцию), самодостаточность, артистизм и ораторские способности [5].

В качестве примера стоит отметить содержательный и прагматичный вариант истолкования Л. В. Шалагиновой системы черт харизматика. К их числу автор относит: «личную магнетически притягательную силу; воодушевление, испытываемое от выполнения жизненной задачи; отождествление себя с выполняемой работой (производит впечатление, что человек находится на своём месте); раскрытие собственных способностей; уверенность в своих силах и душевное равновесие; умение сосредоточивать своё внимание на самом главном; коммуникабельность и умение устанавливать долговременные и прочие межличностные отношения; умение мотивировать себя и других; способность находить правильный подход; умение ставить перед собой и другими чёткие цели; обаяние; активность и энергичность, умение принимать решение; умение служить образцом для подражания; положительное восприятие жизни»¹⁰.

Заключение

Таким образом, приведённые выше фрагменты научных изысканий в области психологии авторитета лидерства могут стать источником профессионально полезной информации для педагогических работников правоохранительной системы образования, заинтересованных в установлении доверительных отношений с обучающимися и их взрослым окружением посредством психологически грамотного выбора способов личного влияния. Его сущность

⁹ Анцупов А. Я., Шипилов А. И. Конфликтология : учебник для вузов. 3-е изд. – Санкт-Петербург: Питер, 2008. – 496 с.

¹⁰ Шалагинова Л. В. Указ. соч.

во многом определяется системой личностных параметров педагога. В своей неповторимой комбинации они конструируют объективный психологический портрет педагога-лидера, обеспечивающий эффективное влияние на обучающегося, а также синтезируют профессионально-психологический профиль педагога образовательной системы МВД России, восхищающий окружающих людей, вызывающий желание подражать и служить в полиции.

Личное влияние педагога, обусловленное авторитетом и харизматическими качествами, мотивирующими учащихся на саморазвитие, должно опираться на жизненные моральные приоритеты, такие как гуманизм, терпимость, альтруизм. В этом смысле педагог использует личное влияние в интересах других, строит собственное видение насущной ситуации и перспективы предстоящей службы в соответствии с потребностями и интересами обучающихся, позитивно реагирует на критику, извлекая из неё уроки, поощряет открытость и креативность в преодолении проблем самосовершенствования.

Таким образом, способность педагога оказывать личное влияние на обучающихся в целях

установления доверительных отношений нуждается в постоянной актуализации. В этом смысле современный педагог должен быть мотивирован на самосовершенствование в сфере рефлексии, эмпатии и идентификации; обладать высоким уровнем чувствительности к окружающим людям, к собственной персоне, к проблемной педагогической ситуации в плане поиска нескольких вариантов её решения; эффективную трансляцию собственного взгляда на перспективы развития посредством психологически грамотного общения с обучающимся таким образом, чтобы это они эмоционально вдохновлялись и становились энтузиастами саморазвития; развивать отношения сотрудничества с обучающимися на основе знания своего дела; умения добиваться успеха, принятия на себя ответственности и риска за совершение принципиальных действий или поступков; демонстрировать способность к делегированию полномочий обучающимся, ставить значимые и требующие усилий задачи, привлекая обучающихся к участию в руководстве, пропорционально и справедливо поощряя их за результаты.

Список литературы

1. Гоулман Д. С чего начинается лидер. – Москва: Альпина Бизнес букс, 2005. – 232 с.
2. Волошко В. И. Современное лидерство педагога. Взгляд в будущее // Педагогическая наука и практика. – 2018. – № 4 (22). – С. 50–54.
3. Квашина А. А., Андреев Г. О. Принципы лидерства в образовании // Форум молодых учёных. – 2021. – № 11 (63). – С. 149–152.
4. Колношенко В. И., Колношенко О. В. Проблема лидерства в современном менеджменте // Научные труды Московского гуманитарного университета. – 2015. – № 1. – С. 84–95.
5. Минченкова О. Ю. Харизматическое лидерство: ещё один шаг к пониманию [Электронный ресурс] // Ht-Lab : сайт. – URL : <https://ht-lab.ru/knowledge/articles/kharizmaticheskoe-liderstvo-eshche-odin-shag-k-ponimaniyu> (дата обращения: 14.12.2022).
6. Лидерство / ред. И. Толстикова ; пер. с англ. А Лисициной. – Москва: Альпина Бизнес Букс, 2006. – 257 с. (Серия «Классика Harvard Business Review»).
7. Майнгардт Т. Личное влияние, или Законы духовного преобладания: Сила внутри нас. – Санкт-Петербург : МНПО «Жизнь» : Ферро-Логос, 1992. – 62 с.
8. Петренко Е. Л., Неретина С. С., Бергман А. С. Авторитет / Концепты [Электронный ресурс] // Гуманитарный портал : сайт. – URL : <https://gtmarket.ru/concepts/7166> (дата обращения: 14.12.2022).
9. Платонова Н. С., Тулупьева Т. В. Эмоциональное лидерство: взаимосвязь уровня образования и эмоционального интеллекта // Управленческое консультирование. – 2020. – № 10 (142). – С. 109–123.
10. Савина Н. В. Лидерство в образовании // European research. – 2016. – № 8 (19). – С. 78–79.
11. Салимуллина Е. В. Лидерские качества учителя как фактор успешной профессиональной деятельности // Современные исследования социальных проблем. – 2017. – Т. 8. – № 2-2. – С. 198–202.
12. Сторчак Н. В. Трактовка лидерства в образовании в международной практике // Наука и мир. – 2016. – № 6-3 (34). – С. 73–75.
13. Филиппова Д. В. Динамика лидерства педагогов учреждений дополнительного образования (ДО) в процессе цифровизации их профессиональной деятельности // Юридическая наука: история и современность. – 2021. – № 1. – С. 98–113.
14. Friedland W. For a sociological concept of charisma // Social forces. – 1964. – Vol. 43. – № 112. – P. 21–23.
15. Chen F. F., Jing Y., Lee J. M. The looks of a leader: Competent and trustworthy, but not dominant // Journal of Experimental Social Psychology. – 2014. – Vol. 51. – P. 27–33.
16. Trichas S., Schyns B. The face of leadership: Perceiving leaders from facial expression // The Leadership Quarterly. – 2012. – Vol. 23. – № 3. – P. 545–566.

References

1. Goulman D. S chego nachinayetsya lider. – Moskva: Al'pina Biznes buks, 2005. – 232 s.
2. Voloshko V. I. Sovremennoye liderstvo pedagoga. Vzglyad v budushcheye // Pedagogicheskaya nauka i praktika. – 2018. – № 4 (22). – S. 50–54.

3. *Kvashnina A. A., Andreyev G. O.* Printsipy liderstva v obrazovanii // Forum molodykh uchonykh. – 2021. – № 11 (63). – S. 149–152.
4. *Kolnoshenko V. I., Kolnoshenko O. V.* Problema liderstva v sovremennom menedzhmente // Nauchnyye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta. – 2015. – № 1. – S. 84–95.
5. *Minchenkova O. Yu.* Kharizmaticheskoye liderstvo: yeshcho odin shag k ponimaniyu [Elektronnyy resurs] // Ht-Lab: sayt. – URL : <https://ht-lab.ru/knowledge/articles/kharizmaticheskoe-liderstvo-eshche-odin-shag-k-ponimaniyu> (data obrashcheniya :14.12.2022).
6. *Liderstvo* / red. I. Tolstikova ; per. s angl. A Lisitsinoy. – Moskva: Al'pina Biznes Buks, (Seriya «Klassika Harvard Business Review»). – 2006. – 257 s.
7. *Mayngardt T.* Lichnoye vliyaniye, ili Zakony dukhovnogo preobladaniya: Sila vnutri nas. – Sankt-Peterburg : MNPO «Zhizn'» : Ferro-Logos, 1992. – 62 s.
8. *Petrenko Ye. L., Neretina S. S., Bergman A. S.* Avtoritet / Kontsepty [Elektronnyy resurs] // Gumanitarnyy portal : sayt. – URL : <https://gtmarket.ru/concepts/7166> (data obrashcheniya: 14.12.2022).
9. *Platonova N. S., Tulup'yeva T. V.* Emotsional'noye liderstvo: vzaimosvyaz' urovnya obrazovaniya i emotsional'nogo intellekta // Upravlencheskoye konsul'tirovaniye. – 2020. – № 10 (142). – S. 109–123.
10. *Savina N. V.* Liderstvo v obrazovanii // European research. – 2016. – № 8 (19). – S. 78–79.
11. *Salimullina Ye. V.* Liderskiye kachestva uchitelya kak faktor uspeшной professional'noy deyatel'nosti // Sovremennyye issledovaniya sotsial'nykh problem. – 2017. – T. 8. – № 2-2. – S. 198–202.
12. *Storchak N. V.* Traktovka liderstva v obrazovanii v mezhdunarodnoy praktike // Nauka i mir. – 2016. – № 6-3 (34). – S. 73–75.
13. *Filippova D. V.* Dinamika liderstva pedagogov uchrezhdeniy dopolnitel'nogo obrazovaniya (DO) v protsesse tsifrovizatsii ikh professional'noy deyatel'nosti // Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. – 2021. – № 1. – S. 98–113.
14. *Friedland W.* For a sociological concept of charisma // Social forces. – 1964. – Vol. 43. – № 112. – P. 21–23.
15. *Chen F. F., Jing Y., Lee J. M.* The looks of a leader: Competent and trustworthy, but not dominant // Journal of Experimental Social Psychology. – 2014. – Vol. 51. – P. 27–33.
16. *Trichas S., Schyns B.* The face of leadership: Perceiving leaders from facial expression // The Leadership Quarterly. – 2012. – Vol. 23. – № 3. – P. 545–566.

Статья поступила в редакцию 30.01.2023; одобрена после рецензирования 14.07.2023; принята к публикации 01.08.2023.

The article was submitted January 30, 2023; approved after reviewing July 14, 2023; accepted for publication August 01, 2023.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Юридическая психология и психология безопасности

Научная статья
УДК 364.048.6
doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-218-226

Кирилл Витальевич Злоказов
кандидат психологических наук, доцент
<https://orcid.org/0000-0002-0664-8444>, zkirvit@yandex.ru

*Санкт-Петербургский университет МВД России
Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1*

Оценка личностных, межличностных и социальных проблем в ресоциализации лиц, привлекавшихся к уголовной ответственности

Аннотация: Введение. Исследование направлено на изучение трудностей ресоциализации осуждённых и лиц, подвергнутых административному надзору. Актуальность обосновывается социальной значимостью противодействия рецидивной преступности и снижения уровня правонарушений, а также необходимостью получения новых научных знаний о факторах ресоциализации. Проблема исследования заключается в отсутствии целостного представления о факторах ресоциализации, наличия разнокачественных представлений о личностных и межличностных особенностях, социальных условиях, нарушающих процесс ресоциализации.

Методы исследования: теоретические методы познания: обобщение, категоризация и систематизация информации о факторах, способствующих ресоциализации лиц, привлекавшихся к уголовной ответственности; эмпирические методы познания: анкетирование, математико-статистический анализ – дескриптивная статистика, эксплораторный факторный анализ, сопоставительный анализ – U-критерий Манна–Уитни.

Результаты исследования. Разнородные социально-психологические причины нарушений ресоциализации обобщены в виде трехкомпонентной модели, описывающей особенности личности, межличностные отношения и социальные условия. Организовано и проведено эмпирическое исследование представлений о причинах ресоциализации. Выборка исследования включала лиц, отбывающих наказание в исправительных учреждениях ФСИН России, лиц, находящихся под административным надзором ($n = 252$) и сотрудников правоохранительных органов ($n = 232$).

Выводы. Верифицирована теоретическая модель трудностей ресоциализации. Установлены различия в восприятии причин, вызывающих неудачи ресоциализации в группе лиц, подвергавшихся уголовному наказанию, и сотрудников правоохранительных органов. Рецидивистам свойственны стремление к обвинению социального окружения, недооценка собственных негативных личностных особенностей и социальных условий. К их числу относятся алкогольная и иные виды зависимостей, манипулирование окружающими, сохранение криминального образа жизни, праздность и гедонизм. Сотрудникам правоохранительных органов свойственно повышенное внимание к условиям социального функционирования и негативным личностным особенностям бывших осуждённых.

Результаты расширяют и уточняют научные представления о факторах, затрудняющих ресоциализацию, а разработанный в ходе исследования инструментарий прошел апробацию и пригоден для практического изучения комплекса социально-психологических проблем интеграции лиц, отбывших уголовное наказание, в общество.

Ключевые слова: ресоциализация осужденных, психология рецидивной преступности, профилактика рецидива, отношение к освобождению, социальное окружение осужденного

Для цитирования: Злоказов К. В. Оценка личностных, межличностных и социальных проблем в ресоциализации лиц, привлекавшихся к уголовной ответственности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 3 (99). – С. 218–226; doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-218-226.

Kirill V. Zlokazov

Cand. Sci. (Jurid), Docent

<https://orcid.org/0000-0002-0664-8444>, zkirvit@yandex.ru

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

Assessment of personal, interpersonal and social factors related to resocialisation of convicted individuals

Abstract: Introduction. The research is aimed at studying the difficulties of convicts' resocialisation as well as individuals subjected to administrative supervision. The relevance of the study is based on the social significance of countering recidivism, reducing the level of offences, as well as the necessity to gain new scientific knowledge concerning the resocialisation factors. The problem of the study is in the lack of a comprehensive understanding of resocialisation factors, diverse ideas about personal and interpersonal characteristics, and social factors disrupting resocialisation process.

Research methods include theoretical methods of cognition: generalisation, categorisation and systematisation of information regarding the factors contributing to the resocialisation of convicted individuals; empirical methods of cognition: questionnaire, mathematical and statistical analysis - descriptive statistics, exploratory factor analysis, comparative analysis – Mann–Whitney U-criterion.

Results of the study. The diverse socio-psychological causes of resocialisation disorders were generalised in the form of a three-component model describing personal characteristics, interpersonal relations and social conditions. The empirical study of perceptions of the causes of resocialisation was carried out. The sample included individuals serving sentences in correctional institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia, individuals under administrative supervision (n = 252) and law enforcement officers (n = 232).

Conclusions. The theoretical model of resocialisation difficulties has been verified. Differences in the perception of the reasons causing resocialisation failures in the group of convicted individuals and law enforcement officers have been established. Recidivists are characterised by the desire to blame the social environment, underestimation of their own negative personal characteristics and social conditions. These include alcohol and other addictions, their manipulation of others, retention of a criminal lifestyle, idleness and hedonism. Law enforcement officers are characterised by increased attention to the conditions of social functioning and negative personal characteristics of ex-convicts.

The results broaden and clarify scientific ideas about the factors that impede resocialisation, and the tools developed in the course of the study have been tested and are applicable for the practical study of a set of socio-psychological problems of integration of convicted individuals into the community.

Keywords: resocialisation of convicted individuals, psychology of recidivism, prevention of recidivism, attitudes towards release, social environment of the convict

For citation: Zlokazov K. V. Assessment of personal, interpersonal and social factors related to resocialisation of convicted individuals // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – № 3 (99). – P. 218–226; doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-218-226.

Актуальность

Необходимость изучения ресоциализации осуждённых обусловлена несколькими аргументами. К их числу относятся важность ресоциализации лиц, отбывших наказание в исправительных учреждениях, необходимость снижения рецидивных преступлений, совер-

шаемых этой категорией лиц, а также высокая социальная значимость противодействия распространению криминальных ценностей в обществе.

Решение задачи ресоциализации в настоящее время обеспечивается комплексом теоретических положений, выступающих основанием

для разработки программ психологической профилактики и коррекции мировоззрения осуждённых на этапе отбывания ими наказания. Однако, несмотря на предпринимаемые меры, анализ статистической информации показывает, что количество преступлений, совершаемых лицами, ранее привлекавшимися к уголовной ответственности, не снижается на протяжении ряда лет. Решение данной проблемы требует ревизии не только практики ресоциализации применяемых для нее мер, форм и методов. Актуальным, на наш взгляд, является изучение психологических составляющих процесса ресоциализации и возникающих в ходе неё проблем и затруднений. Обращение к психологическим аспектам ресоциализации позволяет вычленить факторы, побуждающие к отказу от криминального образа жизни, способствующие изменению мировоззрения лиц, отбывших наказание, их ценностей, установок и убеждений. При этом исследование целесообразно осуществлять путём обращения не только к осуждённым либо лицам, находящимся под административным надзором, но также и к экспертам – сотрудникам правоохранительных органов ФСИН и МВД России, имеющим большой практический опыт работы с данной категорией лиц. Тем самым обеспечивается комплексность и объективность рассмотрения внутренних составляющих процесса интеграции бывших осуждённых в общество.

Представленное в статье исследование нацелено на сбор, обобщение и анализ представлений лиц, привлечённых либо привлекавшихся к уголовной ответственности и в настоящее время находящихся под административным надзором, на изучение психологических проблем ресоциализации, сопоставление их мнения с оценкой специалистов профильных подразделений ФСИН России и служб участковых уполномоченных органов внутренних дел Российской Федерации.

Цель исследования – определение комплекса факторов, влияющих на успешность ресоциализации лиц, отбывавших уголовное наказание в исправительных учреждениях ФСИН России.

Результатом исследования выступает описание комплекса личностных, межличностных и социальных предпосылок ресоциализации, которые приводят либо к повторному совершению преступлений, либо к отказу от криминального образа жизни и правопослушному поведению. Поскольку для каждой причины определяется уровень её значимости с точки зрения как специалистов, так и лиц, подвергнутых уголовному наказанию, это предоставляет научную и практическую ценность для совершенствования профилактической работы с осуждёнными и поднадзорными лицами.

Теоретические предпосылки исследования

Проблематика ресоциализации неоднократно рассматривалась в отечественной пенитенциарной и юридической психологии. Сущность ресоциализации Ю. М. Антонян связывает с адаптацией лиц, освободившихся

из исправительных учреждений, к новым условиям существования, выработки новой системы социальной ориентации и активного включения в трудовую деятельность¹. По мнению В. А. Уткина, ресоциализация предполагает восстановление отношений личности, способствующих возвращению к полноценной общественной жизни [13]. Процесс ресоциализации по-разному характеризуется учёными. Так, Н. А. Крайнова предполагает, что ресоциализация сочетает этапы вынесения наказания, адаптации к условиям его исполнения, прохождения исправления и подготовки к освобождению, адаптации в период после освобождения [5]. И. И. Евтушенко рассматривает комплекс задач ресоциализации, состоящий из сохранения социально полезных связей; исправления осуждённых; подготовки их к освобождению; снижения неблагоприятного воздействия окружающей социальной среды; трудоустройства и бытового устройства по месту жительства; контроля за выполнением условий УДО (условно-досрочного освобождения) [3]. Анализируя процесс личностных изменений осуждённого, Е. Г. Багреева предлагает разделять его на две стадии: десоциализацию, нацеленную на разрушение асоциальных ценностей и установок, и ресоциализацию, включающую адаптацию и вторичную социализацию².

Успешность ресоциализации является одним из сложных и дискуссионных вопросов. Представленные в академической литературе исследования, как правило, отражают разнородный комплекс причин, порождающий неудачи ресоциализации осуждённых. В целях обобщения данные причины были отнесены к трём группам: (а) социальные условия; (б) личностные особенности; (в) отношения с близким социальным окружением.

Особое внимание исследователей уделяется социально-экономическим условиям жизни осуждённых. Отмечается, что отсутствие работы и средств к существованию существенно повышает риск совершения новых преступлений бывшими осуждёнными. Так, О. В. Филиппова, анализируя предпосылки рецидивной преступности, указывает, что их причинами является отсутствие источника дохода [14]. Согласно приводимым ею данным опроса осуждённых, 73,5 % осуждённых назвали отсутствие работы причиной совершения нового преступления. При этом, как отмечает А. Д. Денисов, лица, совершившие рецидив, характеризуются низкой трудовой активностью, имеют полное или неоконченное среднее общее образование, не имеют высокой квалификации [2]. К числу причин исследователи относят отсутствие у осуждённых, освобождающихся из мест лишения сво-

¹ Антонян Ю. М. Социальная среда и формирование личности преступника. Неблагоприятные влияния на личность в микросреде: учебное пособие. – Москва: РИО Акад. МВД СССР, 1975. – 160 с.

² Багреева Е. Г. Социокультурные основы ресоциализации преступников: дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 2001. – 369 с.

боды, документов, устанавливающих личность, имущественные и иные права, отсутствие постоянного места проживания.

Вторая группа исследований связывает трудности реинтеграции в общество с особенностями личности осуждённых. Так, Е. Ф. Сердюкова, диагностируя особенности ценностно-мотивационной сферы лиц, осуждённых за преступления против собственности, отметила их нежелание изменять свои привычки и склонности [12]. Характеризуя особенности самореализации лиц, осуждённых за совершение тяжких преступлений, О. А. Цветкова и О. В. Волкова выявили выраженную у них конфликтную стратегию самореализации. Для неё характерны агрессивность в отстаивании интересов, стремление к самоутверждению за счёт других людей, при отсутствии ясного плана на будущее [15]. Неспособность и нежелание бывших осуждённых выстраивать социально-положительный образ жизни, срыв и возвращение к криминальному поведению также отмечает О. М. Писаревым в качестве личностной особенности, сформированной вследствие длительного отбывания наказания [9].

Третья группа исследований нацелена на изучение межличностных отношений лиц, освобождённых из мест лишения свободы. В их числе рассматриваются взаимоотношения с членами семьи, родственниками, друзьями. Их характер представлен, как правило, поддерживающими, игнорирующими или отвергающими (враждебными) отношениями. Анализируя результаты опроса осуждённых, Н. В. Ольховик и Л. М. Прозументов отмечают, что новые преступления обусловлены утратой социальных связей, негативным психологическим воздействием социальной среды и ухудшением социальных условий [8]. Исследуя социальные связи осуждённых мужчин, А. А. Еремеева обращает внимание на значение доверия и заботы, показывая при этом, что родственники и члены семьи демонстрируют больший уровень их выраженности, чем осуждённые. Характеризуя социальные взаимодействия бывших осуждённых, Е. В. Распопин выявил негативные формы взаимоотношений, способствующие вовлечению в занятия противоправными деяниями и неблагоприятные социально-экономические условия, способствующие рецидиву [11].

Краткий анализ научных представлений показал равенство в оценках значений между разными по сущности факторами ресоциализации. В академической литературе отражена похожая роль социальных условий бывших осуждённых, их личностных особенностей и отношений с социальным окружением для ресоциализации. Однако значение этих факторов для предупреждения преступлений не может быть равным друг другу из-за полидетерминированности правопослушного поведения, сложной организации его внутреннего психологического плана и разной степени чувствительности к воздействию внешних условий. В частности, неблагоприятные социальные условия могут

преобладать над внутренней готовностью человека избегать преступлений, либо, напротив, благоприятные условия и поддержка близких могут подавляться стремлением человека вести криминальный образ жизни. Поскольку приоритет, равно как и характер отношений между факторами ресоциализации, не является в полной мере ясным, это не позволяет определить причинные и обуславливающие отношения и, как следствие, вести профилактическую деятельность. Поэтому изучение отношений между причинами, учитывая недостаточное количество исследований, раскрывающих их значение, представляется полезным как с научной, так и практической точки зрения.

Эмпирическое исследование

Целью исследования выступала оценка факторов, затрудняющих ресоциализацию лиц, привлечённых к уголовной ответственности, на постпенитенциарном этапе.

Гипотеза исследования заключалась в существовании различий в оценках ресоциализации осуждёнными за повторное совершение умышленных преступлений (рецидив) и сотрудниками правоохранительных органов.

Исследование проводилось путём собеседования и анкетирования лиц, отбывающих наказание в исправительных учреждениях, находящихся под административным надзором, и сотрудников профильных подразделений ФСИН России и МВД России. Сопоставительный характер исследования предполагал сравнение оценок в подгруппах выборки.

Выборка исследования включала лиц, отбывающих наказание в исправительных учреждениях ФСИН России ($n = 128$), лиц, находящихся под административным надзором ($n = 124$), сотрудников исправительных учреждений ФСИН России, непосредственно взаимодействующих с осуждёнными ($n = 108$), и участковых уполномоченных полиции, осуществляющих административный надзор за лицами, освобождёнными из исправительных учреждений ($n = 124$).

Методы исследования подразделялись на методы сбора и анализа информации.

Сбор информации выполнялся с помощью специально разработанной анкеты, включавшей три группы факторов, разделённых на блоки по семь показателей в каждом. Метод анкеты был выбран потому, что он позволял проводить собеседования либо самостоятельно заполнять данные. Для разных частей выборки использовались параллельные формы анкеты.

Группировка факторов проводилась на основе выполненного нами теоретического анализа неудач ресоциализации.

Первый фактор составили особенности личности бывших осуждённых. В их числе рассматривались агрессивность, пассивность, лень, высокая самооценка, низкая самооценка, гедонизм, лицемерие и лживость.

Второй фактор представлял специфику проблем в межличностных отношениях, осуждённых (бывших осуждённых) с семьёй,

Сведения об оценке личностных, межличностных и социальных причин ресоциализации лиц, подвергнутых уголовному наказанию

Участники опроса	Факторы ресоциализации		
	Личностные особенности	Межличностные отношения	Социальные причины
Сотрудники исправительных учреждений ФСИН России (n = 108)	M = 15,9, SD = 3,88	M = 15,1, SD = 4,04	M = 16,3, SD = 4,11
Участковые уполномоченные полиции (n = 124)	M = 17,9, SD = 2,19	M = 17,06, SD = 2,74	M = 18,1, SD = 2,41
Лица, отбывающие наказание за повторные преступления (n = 128)	M = 14,2, SD = 4,91	M = 15,4, SD = 3,81	M = 14,1, SD = 4,07
Лица, находящиеся под административным надзором (n = 124)	M = 12,1, SD = 3,64	M = 12,3, SD = 3,81	M = 13,1, SD = 4,28

Примечание: сокращения в таблице: M – среднее значение; SD – стандартное отклонение

родственниками и друзьями. Предлагалось оценить влияние нетребовательности близких, оправдание ими поведения бывшего осуждённого, проблемы недоверия и несправедливости в отношениях между ними, неспособность помочь, несовпадение жизненных ценностей, вовлечение в преступление со стороны близких.

Третий фактор включал в себя социальные условия жизнедеятельности после освобождения, обобщая материальные, правовые и иные виды трудностей. Описывались разрыв социальных связей, сохранение криминального образа жизни, стигматизация, проблемы трудоустройства, оформления документов, отсутствие жилья, различные виды зависимостей (алкогольная, наркотическая и пр.).

Для регистрации ответов использовалась шкала из трёх градаций с низким, средним и высоким критериями оценки.

Анализ ответов с помощью коэффициента альфа Кронбаха и корреляций Спирмена показал удовлетворительную согласованность показателей анкеты, что позволяет применять для исследования не отдельные (частные), а обобщенные показатели, соответствующие трём группам факторов – личностным особенностям (α -Кронбаха = 0,91, R-Спирмена = 0,51), межличностным отношениям (α -Кронбаха = 0,90, R-Спирмена = 0,57) и социальным причинам (α -Кронбаха = 0,88, R-Спирмена = 0,53).

Методами анализа информации выступали процедуры математической статистики. Для описания общих тенденций в оценке факторов ресоциализации использовалась дескриптивная статистика. Поскольку распределение ответов респондентов не соответствовало нормальному закону, сопоставление групп в выборке осуществлялось посредством непараметрического аналога t-критерия Стьюдента – U-критерия Манна-Уитни.

Процедура обработки результатов

Собранные анкеты анализировались на предмет ошибок и неточностей в заполнении. В результате из 501 анкеты было исключено 18, из них в подвыборке осуждённых – 11; лиц, находящихся под административным надзором, – 5, сотрудников правоохранительных органов – 1, сотрудников ФСИН России – 1.

Обработка результатов заключалась в кодировании ответов путём присвоения каждой из градаций определённого балла, обобщения ответов в группы факторов и статистического анализа факторов, полученных разными участниками выборки респондентов.

Результаты исследования

Основным результатом стали оценки факторов ресоциализации. Они представлены в таблице с учётом группировок факторов (личностные, межличностные, социальные) и подвыборок исследования (осуждённые, бывшие осуждённые, сотрудники исправительных учреждений, сотрудники службы участковых уполномоченных).

Различия в оценках личностных, межличностных и социальных причин ресоциализации лиц, подвергнутых уголовному наказанию, устанавливались посредством сравнения средних значений оцениваемых причин с помощью однофакторного дисперсионного анализа.

Значимые различия установлены между сотрудниками правоохранительных органов и осуждёнными в оценке личностных особенностей (F крит. = 23,8 $p < 0,01$ $n = 0,171$, дисперсии гомогенны FЛивена = 1,9, $p = 0,64$) – сотрудники выше оценивают негативные характеристики; межличностных отношений (F крит. = 11,1 $p < 0,01$ $n = 0,081$; дисперсии гомогенны FЛивена = 0,21, $p = 0,64$) – сотрудники выше оценивают влияние межличностных отношений; социальных причин (F крит. = 27,9, $p < 0,01$ $n = 0,194$; дисперсии гомогенны FЛивена = 1,86, $p = 0,17$) –

сотрудники выше оценивают роль социальных факторов.

Рассматривая различия между осуждёнными и лицами, находящимися под административным надзором, отметим, что негативное влияние межличностных отношений выше оценивается осуждёнными, чем лицами, находящимися под административным надзором (Fкрит. = 10,072, $p < 0,002$, $n = 0,146$; дисперсии гомогенны FЛивена = 0,27, $p = 0,559$). Оценки личностных особенностей и социальных причин статистически не различаются, хотя поднадзорные лица большее значение придают таким личностным особенностям, как низкая активность (пассивность), лень и попустительство.

Можно заключить, что существенные различия наблюдаются между сотрудниками, с одной стороны, и осуждёнными, а также поднадзорными лицами – с другой. Содержание различий в том, что сотрудники усматривают причины трудностей ресоциализации во всех показателях, как личностных, так межличностных и социальных. Для выявления специфики различий целесообразно выявить, какие группировки (ассоциации) причин являются наиболее значимыми, а какие менее.

Различия в представлениях о трудностях ресоциализации между сотрудниками правоохранительных органов и лицами, подвергнутыми уголовному наказанию, выявлялись посредством изучения связей между причинами ресоциализации отмеченных групп осуждённых и сотрудников. Для анализа использовался эксплораторный факторный анализ. Он позволяет группировать переменные на основе устойчивых связей между ними, упрощая их до нескольких факторов – базовых причин. Факторизация результатов для подвыборок сотрудников и осуждённых выполнялась отдельно.

Факторный анализ проводился методом максимального подобия (maximum likelihood) с облическим вращением, поскольку нами предполагалось, что причины неудач ресоциализации могут быть связаны между собой. Выделение факторов осуществлялось на основе их собственных значений (eigenvalues), не менее 1. Возможность проведения анализа проверена критерием Кайзера-Мейера-Олкина (MSA сотрудники = 0,78, MSA осуждённые = 0,79) и тестом Бартлетта ($p < 0,001$ для сотрудников, $p < 0,001$ для осуждённых).

Полученные результаты показывают различия в представлениях о трудностях ресоциализации между сотрудниками правоохранительных органов и осуждёнными.

Для сотрудников характерна двухфакторная группировка представлений ($\chi^2 = 267,1$, $df = 169$, $p < 0,001$), отражающих внешние и внутренние причины неудач ресоциализации (внешние причины – 31 % дисперсии, внутренние причины – 21,3 % дисперсии). В фактор «Внешние причины» вошли барьеры общения из-за судимости (0,82), трудности оформления документов (0,76), проблемы трудоустройства (0,74), недоверие близких (0,62) и несовпадение ценно-

стей осуждённых и их социального окружения (0,55). Фактор «Внутренние причины» образуют безволие (0,77), низкая самооценка (0,78), амбиции и самомнение (0,68), лень и безответственность (0,55).

У осуждённых и лиц, находящихся под административным надзором, выявлена однофакторная группировка представлений, совмещающая личностные и межличностные причины проблем ресоциализации ($\chi^2 = 133,9$, $df = 65$, $p < 0,001$).

Максимальное факторное значение имеют показатели межличностных отношений: не критичное и нетребовательное отношение окружающих (0,73); их действия по вовлечению в преступление (0,65); оправдание правонарушающего поведения (0,64); несправедливое отношение (0,63). Из личностных особенностей в фактор вошли манипуляции окружающими (0,68), а также безволие (0,65) и лень (0,64).

Обсуждение результатов

В исследовании изучались факторы, препятствующие ресоциализации лиц, подвергнутых уголовному наказанию в форме лишения свободы. Анализ научных публикаций продемонстрировал различия в представлениях исследователей о трудностях ресоциализации и наличие разнородных описаний проблем, возникающих на постпенитенциарном этапе. В результате их изучения нами были сформированы три группы трудностей: личностные особенности бывших осуждённых, межличностные отношения и социальные причины, вызванные отбыванием уголовного наказания. Отсутствие эмпирических сведений о роли и сущности этих трудностей негативно сказывается на усилиях учёных и практиков по реинтеграции осуждённых в общество и противодействию совершению ими новых преступлений.

Выполненное эмпирическое исследование восполнило недостаток информации, показав специфику восприятия осуждёнными и лицами, освобождёнными из мест лишения свободы, причин, мешающих их возвращению к социально приемлемому существованию и отказу от криминального образа жизни. Установлено, что осуждённым свойственна недооценка всего комплекса причин, и в наиболее высокой степени – межличностных отношений. Так, сравнение оценок осуждённых и лиц, находящихся под административным надзором, демонстрирует, что рецидивисты склонны приписывать своему социальному окружению вину за совершение ими преступлений. Они считают, что близким следовало бы проявить настойчивость и принципиальность к недостаткам в их поведении, а также не провоцировать их на совершение преступлений.

Результаты сопоставления представлений данной категории лиц с оценками сотрудников правоохранительных органов показали, что осуждённым в целом свойственна недооценка проблем, связанных с ними лично и их отношениями с близкими. Оценки причин совпали лишь в четырех случаях – низкая самооценка,

недоверие близких, их предвзятое отношение и разрыв связей с социальным окружением. Эти причины признаются значимыми как осуждёнными, так и сотрудниками, тогда как по другим показателям мнения существенно различаются.

Сотрудники правоохранительных органов относят к трудностям ресоциализации алкогольную и другие виды зависимостей (Манна–Уитни $U = 839$, $p < 0,001$), манипулирование окружающими (Манна–Уитни $U = 1012$, $p < 0,001$), сохранение криминального образа жизни после возвращения из исправительного учреждения (Манна–Уитни $U = 1033$, $p < 0,001$), праздный образ жизни (Манна–Уитни $U = 1056$, $p < 0,001$), агрессивность и вспыльчивость (Манна–Уитни $U = 1062$, $p < 0,001$). Данные результаты согласуются с доводами Е. В. Распопина, изучавшего неудачи ресоциализации на основе сопоставления мнений осуждённых и их родственников. Им установлено, что близкие люди отмечают подобные проявления в поведении, хотя сами осуждённые их у себя отрицают.

Посредством факторного анализа нами был определён комплекс причин, имеющих первоочередное значение для возвращения осуждённых к правопослушному образу жизни. Симптомкомплекс раскрывает негативное воздействие окружающих на бывших осуждённых, описывая не критичное отношение близких людей, оправдание ими правонарушающего поведения и побуждение к совершению новых преступлений. Можно видеть, что осуждённые-рецидивисты описывают комплекс викимной личности, подверженной внешнему воздействию и неспособной критически воспринимать свои действия. При этом они указывают отдельные негативные черты – манипуляции окружающими, собственное безволие и безответственность, лень. Таким образом, глядя на неудачи ресоциализации через призму представлений осуждённых и поднадзорных лиц, можно обозначить её ключевой причиной личностную незрелость.

В пользу данного вывода свидетельствуют результаты исследований, акцентирующих внимание на различных аспектах незрелости взрослых преступников – интеллектуальной [6] и ценностной [12] сфер, её социальных [4] и эмоциональных проявлений [7]. Кроме того, вопросы зрелости личности могут быть задействованы на этапе противодействия правонарушениям, оцениваться в контексте мотивации правопослушного и правонарушающего поведения [10].

Учитывая, что категория «личностная незрелость» не в полной мере разработана как в научном, так и практическом плане, целесообразно уделить ей больше внимания в части изучения её уровня и составляющих у лиц, отбывающих наказание, особенно на этапе их подготовки к освобождению из мест лишения свободы, наряду с уже реализуемыми мерами [1]. Думается, будет полезно использовать специальный диагностический инструментарий, а также проводить с осуждёнными занятия, формирующие у них модели поведения в разных жизненных ситуациях [9].

Сопоставляя результаты факторного анализа оценок осуждённых и сотрудников правоохранительных органов, опишем причины отсутствия их совпадений. Объяснение видится во влиянии профессиональной направленности опрошенных сотрудников. Поскольку они выполняют функции социальной защиты и воспитания осуждённых, надзора за лицами, освобождёвшимися из мест лишения свободы, то первоочередное значение придают выполнению таких условий социального благополучия, как наличие документов, удостоверяющих личность, места проживания, возможности трудоустройства, постоянного источника дохода. Эти условия выступают для сотрудников ключевыми предпосылками ресоциализации, что и отражается в результатах факторного анализа. Поскольку в процессе деятельности они сталкиваются с пассивностью, безответственностью и ленью поднадзорных лиц, эти личностные особенности воспринимаются в качестве второго важного условия ресоциализации, препятствующего возвращению к правопослушному образу жизни.

Заключение

Исследование социально-психологических причин неудач в ресоциализации лиц, привлечённых к уголовной ответственности, позволило выявить группы факторов, способствующих и препятствующих данному процессу. Сопоставление мнений лиц, подвергавшихся уголовному наказанию, и сотрудников правоохранительных органов способствовало определению различий в представлениях о неудачах ресоциализации.

Результаты расширяют и уточняют существующее в юридической и пенитенциарной психологии мнение относительно мер предупреждения рецидивной преступности, показывая важность обращения к социально-психологическим аспектам ресоциализации и работы в этом направлении.

Методическим результатом исследования следует считать верификацию модели признаков ресоциализации и апробацию анкеты, позволяющей собирать сведения как в выборках осуждённых и лиц, освобождённых из мест лишения свободы, так и в опросах сотрудников ФСИН России и МВД России, работающих с данной категорией лиц.

В целях преодоления ограничений выполненного исследования и повышения научной и практической ценности его результатов представляется целесообразным:

– дополнить модель ресоциализации социально-экономическими показателями, влияющими на благополучие лиц, подвергающихся административному надзору (в т. ч. наличие жилища, поддержка родственников, возможность трудоустройства);

– изучить трудности в ресоциализации отдельных категорий осуждённых (разновозрастных групп, женщин, лиц с инвалидностью) для повышения эффективности проводимых в их отношении профилактических мероприятий;

– определить комплекс социально-психологических компетенций, способствующих ресоциализации лиц, находящихся под административным надзором, и методики их формирования посредством группового тренинга или индивидуальных занятий.

Предлагаемые мероприятия нацелены на воплощение социально значимой работы с лицами, привлекавшимися к уголовной ответственности, и нацелены на снижение риска повторного совершения ими преступлений. Их реализации посвящены наши дальнейшие исследования.

Список литературы

1. *Денисов А. Д.* Подготовка к освобождению неоднократно судимых лиц // Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия : сборник материалов VI Международной научно-практической конференции, Пермь, 2–4 апреля 2019 года. – Пермь: Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2019. – С. 47–49.
2. *Денисов А. Д.* Социально-демографическая и уголовно-правовая характеристика осужденных, совершивших преступление при рецидиве // Уголовно-исполнительное право. – 2019. – Т. 14 (1–4). – № 2. – С. 151–155. – DOI : 10.33463/2072- 2427.2019.14(1-4).2.151-155.
3. *Евтушенко И. И.* Условно-досрочное освобождение осуждённых к лишению свободы и их ресоциализация : монография. – Волгоград: Политехник, 2005. – 170 с.
4. *Еремеев С. Г.* Психологический портрет преступника с наркотической зависимостью / Противодействие наркоугрозе на современном этапе: правовой и социально-гуманитарный аспекты : материалы Международного научно-практического семинара, Красноярск, 9 апреля 2021 года. – Красноярск: Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. – С. 111–115. – DOI 10.51980/2021_3_111.
5. *Крайнова Н. А.* Криминологические и уголовно-правовые проблемы ресоциализации осужденных в Российской Федерации и за рубежом: монография. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского государственного экономического университета, 2015. – 102 с.
6. *Молчанова Е. П., Писарев О. М.* Особенности интегральной индивидуальности мужчин, осуждённых за тяжкие преступления // Научно-педагогическое обозрение. – 2021. – № 5 (39). – С. 195–207. – DOI 10.23951/2307-6127-2021-5-195-207.
7. *Овсянникова М. В.* К вопросу об эмоциональной зрелости осуждённых женского пола, отбывающих наказание в исправительных колониях / Уголовно-исполнительная система на современном этапе и перспективы ее развития : сборник тезисов выступлений и докладов участников Международной научно-практической конференции, Рязань, 18–19 ноября 2020 года. – Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2020. – Т. 5. – С. 331–334.
8. *Ольховик Н. В., Прозументов Л. М.* Рецидивная преступность осуждённых и её предупреждение. – Томск: Издательство Томского университета, 2009. – 160 с.
9. *Писарев О. М.* Изучение жизнестойкости личности на этапе постпенитенциарной реабилитации как социально-психологическая проблема // Прикладная юридическая психология. – 2018. – № 1 (42). – С. 60–66.
10. *Прядеин В. П., Смирнов А. В., Чернышева Е. В.* Мотивация правонарушений у социально-нормативных лиц : монография. – Екатеринбург, УрГПУ, 2023. – 252 с.
11. *Распопин Е. В.* Изучение причин, препятствующих успешной ресоциализации лиц, освобождённых из мест лишения свободы // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. – 2020. – № 7. – С. 90–94. – DOI 10.37882/2500-3682.2020.07.18.
12. *Сердюкова Е. Ф.* Ресоциализация осуждённых посредством психологического сопровождения // Мир науки, культуры, образования. – 2016. – № 5 (60). – С. 258–261.
13. *Уткин В. А.* Ресоциализация освобождённых от наказания: история и современность // Уголовная юстиция. – 2014. – № 1 (3). – С. 75–80.
14. *Филиппова О. В., Смирнов А. В., Чернышева Е. В.* Криминологическая характеристика личности рецидивиста в России: основные тенденции изменения параметров в современный период // Всероссийский криминологический журнал. – 2022. – Т. 16. – № 2. – С. 207–216.
15. *Цветкова О. А., Волкова О. В.* Особенности самореализации лиц, осуждённых за тяжкие преступления // Живая психология. – 2022. – Т. 9. – № 5 (37). – С. 11–18. – DOI 10.58551/24136522_2022_9_5_11.

References

1. *Denisov A. D.* Podgotovka k osvobozhdeniyu neodnokratno sudimyykh lits // Penitentsiarnaya sistema i obshchestvo: opyt vzaimodeystviya : sbornik materialov VI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Perm', 02–04 aprelya 2019 goda. – Perm': Permskiy institut Federal'noy sluzhby ispolneniya nakazaniya, 2019. – S. 47–49.
2. *Denisov A. D.* Sotsial'no-demograficheskaya i ugovolno-pravovaya kharakteristika osuzhdennykh, sovershivshikh prestupleniye pri retsidive // Ugolovno-ispolnitel'noye pravo. – 2019. – T. 14 (1–4). – № 2. – S. 151–155. – DOI : 10.33463/2072- 2427.2019.14(1-4).2.151-155.
3. *Yevtushenko I. I.* Uslovno-dosrochnoye osvobozhdeniye osuzhdonnykh k lisheniyu svobody i ikh resotsializatsiya : monografiya. – Volgograd: Politekhnik, 2005. – 170 s.

4. *Yeremeyev S. G.* Psikhologicheskiy portret prestupnika s narkoticheskoy zavisimost'yu / Protivodeystviye narkougroze na sovremennom etape: pravovoy i sotsial'no-gumanitarnyy aspekty : materialy Mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo seminar, Krasnoyarsk, 9 aprelya 2021 goda. – Krasnoyarsk: Sibirskiy yuridicheskiy institut Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii, 2021. – S. 111–115. – DOI 10.51980/2021_3_111.
5. *Kraynova N. A.* Kriminologicheskiye i ugovolno-pravovyye problemy resotsializatsii osuzhdennykh v Rossiyskoy Federatsii i za rubezhom: monografiya. – Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta, 2015. – 102 s.
6. *Molchanova Ye. P., Pisarev O. M.* Osobennosti integral'noy individual'nosti muzhchin, osuzhdennykh za tyazhkiye prestupleniya // Nauchno-pedagogicheskoye obozreniye. – 2021. – № 5 (39). – S. 195–207. – DOI 10.23951/2307-6127-2021-5-195-207.
7. *Ovsyannikova M. V.* K voprosu ob emotsional'noy zrelosti osuzhdennykh zhenskogo pola, otbyvayushchikh nakazaniye v ispravitel'nykh koloniyakh / Ugolovno-ispolnitel'naya sistema na sovremennom etape i perspektivy yeye razvitiya : sbornik tezisov vystupleniy i dokladov uchastnikov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Ryazan', 18–19 noyabrya 2020 goda. – Ryazan': Akademiya prava i upravleniya Federal'noy sluzhby ispolneniya nakazaniy, 2020. – T. 5. – S. 331–334.
8. *Ol'khovik N. V., Prozumentov L. M.* Retsidivnaya prestupnost' osuzhdennykh i yeyo preduprezhdeniye. – Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 2009. – 160 s.
9. *Pisarev O. M.* Izucheniye zhiznestoykosti lichnosti na etape postpenitentsiarnoy reabilitatsii kak sotsial'no-psikhologicheskaya problema // Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya. – 2018. – № 1 (42). – S. 60–66.
10. *Pryadein V. P., Smirnov A. V., Chernysheva Ye. V.* Motivatsiya pravonarusheniy u sotsial'no-normativnykh lits : monografiya. – Yekaterinburg, UrGPU, 2023. – 252 s.
11. *Raspopin Ye. V.* Izucheniye prichin, prepyatstvuyushchikh uspezhnoy resotsializatsii lits, osvobodivshikhsya iz mest lisheniya svobody // Sovremennaya nauka: aktual'nyye problemy teorii i praktiki. Seriya: Poznaniye. – 2020. – № 7. – S. 90–94. – DOI 10.37882/2500-3682.2020.07.18.
12. *Serdyukova Ye. F.* Resotsializatsiya osuzhdennykh posredstvom psikhologicheskogo soprovozhdeniya // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. – 2016. – № 5 (60). – S. 258–261.
13. *Utkin V. A.* Resotsializatsiya osvobozhdennykh ot nakazaniya: istoriya i sovremennost' // Ugolovnaya yustitsiya. – 2014. – № 1 (3). – S. 75–80.
14. *Filippova O. V., Smirnov A. V., Chernysheva Ye. V.* Kriminologicheskaya kharakteristika lichnosti retsidivista v Rossii: osnovnyye tendentsii izmeneniya parametrov v sovremennyy period // Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal. – 2022. – T. 16. – № 2. – S. 207–216.
15. *Tsvetkova O. A., Volkova O. V.* Osobennosti samorealizatsii lits, osuzhdennykh za tyazhkiye prestupleniya // Zhivaya psikhologiya. – 2022. – T. 9. – № 5 (37). – S. 11–18. – DOI 10.58551/24136522_2022_9_5_11.

Статья поступила в редакцию 27.07.2023; одобрена после рецензирования 30.07.2023; принята к публикации 31.07.2023.

The article was submitted July 27, 2023; approved after reviewing July 30, 2023; accepted for publication July 31, 2023.

Научная статья
УДК 159.9.07
doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-227-233

Евгения Геннадьевна Зуева

кандидат психологических наук, доцент
<https://orcid.org/0000-0001-7944-8796>, zueva.eg@yandex.ru

Ольга Александровна Жидкова

<https://orcid.org/0000-0002-5446-1772>, olgingi@yandex.ru

*Санкт-Петербургский университет МВД России
Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1*

Оценка коммуникативных качеств личности обучающихся в образовательных организациях МВД России по различным специализациям

Аннотация: **Введение:** Статья посвящена исследованию коммуникативных качеств личности обучающихся по различным специализациям в образовательных организациях МВД России. Анализируются особенности профессионального общения сотрудников органов внутренних дел. Целью исследования является выявление коммуникативных качеств личности, обучающихся на разных специализациях. Гипотеза исследования – предположение о том, что формирование необходимых профессионально значимых коммуникативных качеств происходит на начальном этапе профессионализма. Практическая значимость работы заключается в возможности развития профессионально значимых психологических качеств сотрудников, выполняющих конкретный вид деятельности в системе органов внутренних дел. Выборку исследования составили обучающиеся Санкт-Петербургского университета МВД России.

Методы исследования: методика диагностики уровня эмпатических способностей (В. В. Бойко), диагностика коммуникативной социальной компетентности (КСК), диагностика коммуникативной толерантности (В. В. Бойко), тест эмоционального интеллекта Д. В. Люсина (ЭМИ).

Результаты: Выявлены коммуникативные качества личности, обучающихся на 2-м курсе (1-й семестр 2-го курса обучения) на разных специализациях. В соответствии с полученными результатами можно сделать вывод о преобладании значимых для конкретного вида правоохранительной деятельности коммуникативных качеств личности уже на начальном этапе профессионализации. Обучающиеся по специализациям, для которых характерно взаимодействие не только с сослуживцами, но и с различными категориями граждан, имеют более высокий уровень эмоциональной устойчивости, коммуникативной толерантности и эмоционального интеллекта. Это проявляется в понимании своих и чужих эмоций, а также в управлении ими. Вместе с тем характерной особенностью личности обучающихся является более высокая ориентированность на мнение окружающих людей.

Ключевые слова: профессиональное общение, коммуникативные качества, компетентность, коммуникативная толерантность, эмпатия, эмоциональный интеллект, личность, МВД России, специализация

Для цитирования: Зуева Е. Г., Жидкова О. А. Оценка коммуникативных качеств личности обучающихся в образовательных организациях МВД России по различным специализациям // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 3 (99). – С. 227–233; doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-227-233.

Evgenia G. Zueva

Cand. Sci. (Psy.), Docent
<https://orcid.org/0000-0001-7944-8796>, zueva.eg@yandex.ru

Olga A. Zhidkova

<https://orcid.org/0000-0002-5446-1772>, olgingi@yandex.ru

*Saint Petersburg University of the MIA of Russia,
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation*

Assessment of the communicative qualities of the personality of students in educational organisations of the Ministry of Internal Affairs of Russia in various specialisations

Abstract: Introduction. The article is devoted to the study of communicative qualities of personality of students studying various specialisations in educational organisations of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The peculiarities of professional communication of internal affairs officers are analysed. The purpose of the study is to identify the communicative qualities of personality of students of different specialisations. The hypothesis of the study is the assumption that the formation of the necessary professionally significant communicative qualities occurs at the initial stage of professional genesis. The practical significance of the work lies in the possibility of developing professionally significant psychological qualities of employees performing a particular type of activity in the system of internal affairs bodies. The study sample consisted of students of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Research methods. Diagnostic technique of the level of empathic abilities (V. V. Boyko), Diagnostics of communicative social competence (CSC), Diagnostics of communicative tolerance (V. V. Boyko), emotional intelligence test by D. V. Lucin (EmIn).

Results. The communicative qualities of personality studying at the 2nd year of study (1st semester of the 2nd year of study) at different specialisations were revealed. According to the obtained results, it is possible to conclude about the prevalence of communicative qualities of personality significant for a particular type of law enforcement activity already at the initial stage of professionalisation. Trainees in specialisations, which are characterised by interaction not only with fellow officers, but also with various categories of citizens, have a higher level of emotional stability, communicative tolerance and emotional intelligence. This is manifested in understanding and managing their own and others' emotions. At the same time, a characteristic feature of students' personality is a higher orientation to the opinion of surrounding people.

Keywords: professional communication, communicative qualities, competence, communicative tolerance, empathy, emotional intelligence, personality, Ministry of Internal Affairs of Russia, specialisation

For citation: Zueva E. G., Zhidkova O. A. Assessment of the communicative qualities of the personality of students in educational organisations of the Ministry of Internal Affairs of Russia in various specialisations // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – № 3 (99). – P. 227–233; doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-227-233.

Введение

Деятельность сотрудников органов внутренних дел характеризуется многоплановостью и предполагает множество коммуникативных ситуаций, которые могут возникать в зависимости от специфики деятельности конкретной службы, подразделения. Профессиональное общение сотрудников проявляется в таких его характеристиках, как широта, многоплановость, спонтанность, неповторимость и высокая степень конфликтности.

Специфика профессиональной деятельности сотрудника органов внутренних дел требует высокоразвитых коммуникативных качеств, навыков и умений, оказывающих существенное влияние на эффективность деятельности, которые формируются как в процессе обучения, так и в процессе самообразования и практики.

Профессиональное общение имеет сложную структуру и не сводится лишь к передаче информации собеседнику. Так, сотрудники полиции в ходе выполнения служебных задач осуществляют профессиональную коммуникацию не только с коллегами по службе, но и с раз-

личными категориями граждан, что вызывает определённые затруднения. Общение выполняет роль регулятора взаимоотношений между сотрудниками и гражданами [1]. Здесь большое значение имеет знание сотрудниками не только общих психологических основ профессионального общения, но и особенностей коммуникации с отдельными категориями граждан, в том числе с асоциальной направленностью. При этом коммуникативные задачи сотрудников подразделений, которые в основном общаются с коллегами (например, подразделения по работе с личным составом, тыла и т. д.), существенно отличаются от задач тех подразделений, сотрудники которых по роду деятельности взаимодействуют с гражданами (например, ГИБДД, уголовного розыска, службы участковых уполномоченных полиции и т. д.). Необходимость профессиональной коммуникации сотрудников органов внутренних дел с конкретными категориями граждан определяется содержанием задач, связанных с деятельностью подразделения, в котором проходит службу сотрудник. Так, сотрудники ГИБДД по роду своей службы

преимущественно взаимодействуют с водителями; сотрудники подразделений по делам несовершеннолетних – с правонарушителями, не достигшими совершеннолетия, а участковые уполномоченные – практически со всеми людьми, проживающими на закреплённом за ними участке¹.

Таким образом, важной задачей обучения является формирование не только знаний, умений и навыков, но и качеств, необходимых для эффективного выполнения профессиональной деятельности [2]. При этом процесс их формирования инициируется с самого начала обучения, когда происходит осознание личностью своей роли в будущей профессиональной деятельности. Следовательно, ещё на начальном этапе профессиогенеза должны формироваться определённые профессионально значимые качества личности сотрудников ОВД, необходимые для эффективного осуществления избранной деятельности. Профессиогенез характеризуется совершенствованием качества профессионального труда, общественным признанием статуса профессионала, утверждением профессии как социального института, в рамках которого происходит систематизация практического опыта, распространение профессиональных приёмов и инновационных технологий, накопление и передача следующим поколениям знаний, сохранение морально-нравственных ценностей труда [3, с. 84].

Обучение в образовательной организации помимо профессионализации способствует формированию умения оптимально выстраивать общение с другими людьми [4, с. 27].

Методы

Нами были изучены коммуникативные качества личности сотрудников органов внутренних дел различных специализаций, обучающихся на 2-м курсе, путём их сравнения. Исследование было организовано на базе подразделений органов внутренних дел Санкт-Петербурга и проводилось на выборке обучающихся на начальном этапе профессиогенеза (2-й курс обучения). В исследовании участвовали обучающиеся по специализациям: 1-я группа – деятельность подразделений уголовного розыска (УР); 2-я группа – сотрудники подразделений по обеспечению безопасности дорожного движения (ГИБДД); 3-я группа – деятельность подразделений по работе с личным составом (ПРЛС); 4-я группа – деятельность подразделений по вопросам миграции (Миграция). В качестве психодиагностического инструментария использовались методика диагностики уровня эмпатических способностей (В. В. Бойко)²,

диагностика коммуникативной социальной компетентности (КСК)³, диагностика коммуникативной толерантности (В. В. Бойко)⁴, тест эмоционального интеллекта Д. В. Люсина (ЭМИн) [5]. Статистическая обработка данных осуществлялась в программе SPSS v.22; использованы первичные статистики, однофакторный дисперсионный анализ.

Следует отметить, что деятельность сотрудников указанных подразделений связана с постоянной профессиональной коммуникацией. При этом круг общающихся лиц специфичен в различных подразделениях и службах. В подразделениях ПРЛС сотрудники взаимодействуют с коллегами и с гражданами, поступающими на службу. В подразделениях Миграции проходит взаимодействие с коллегами и различными категориями граждан по вопросам миграции. В подразделениях ДПС ГИБДД и уголовного розыска обычно происходит взаимодействие с коллегами и различными категориями граждан, в том числе с противоправной направленностью, что предполагает в процессе коммуникации овладение сотрудниками навыками визуальной психодиагностики и распознавания эмоций [6, с. 320]. Таким образом, гипотезой исследования явилось предположение о том, что формирование необходимых профессионально значимых качеств, в том числе коммуникативных, происходит на начальном этапе профессиогенеза (в процессе обучения).

Результаты

Анализируя полученные данные, можно отметить показатели выраженности коммуникативных качеств личности сотрудников органов внутренних дел.

По результатам эмпирического исследования с применением диагностики коммуникативной социальной компетентности обучающиеся по специализации «Деятельность подразделений уголовного розыска» (группа 1) обладают следующими качествами: преобладающий уровень по показателям факторов В (логическое мышление) ($M = 13,5$ при $m = 0,63$), С (эмоциональная устойчивость) ($M = 14,03$ при $m = 0,64$), Н (самоконтроль-импульсивность) ($M = 14,0$ при $m = 0,55$); низкий уровень значений фактора Л (шкала правдивости) ($M = 5,1$ при $m = 0,57$). Эти данные указывают на развитое логическое мышление, сообразительность, эмоциональную устойчивость, повышенный самоконтроль. Остальные показатели имеют средний уровень выраженности, что проявляется в общительности, рациональности, независимости, соблюдении правил поведения в обществе сотрудников группы 1.

По результатам исследования обучающихся по специализации «Сотрудники подразделе-

¹ Социально-психологический тренинг профессионального общения: учебное пособие / под общ. ред. Е. Г. Зуевой. – Санкт-Петербург: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2021. – 120 с.

² Райгородский Д. Я. Практическая психодиагностика. Методики и тесты: учебное пособие. – Самара: Издательский Дом «БАХРАХ», 1998. – 672 с.

³ Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. – Москва, 2002. – С. 138–149.

⁴ Бойко В. В. Коммуникативная толерантность: методическое пособие. – Санкт-Петербург: СПбМАПО, 1998. – 23 с.

ния по обеспечению безопасности дорожного движения» (группа 2) выявлены следующие особенности: преобладающий уровень по показателям факторов А (общительность–замкнутость) ($M = 13,5$ при $m = 0,48$), В ($M = 13,1$ при $m = 0,71$), С ($M = 14,8$ при $m = 0,57$), Н ($M = 15,2$ при $m = 0,70$); низкий уровень по показателям фактора Л ($M = 6,5$ при $m = 0,96$). Таким образом, у респондентов 2-й группы выявлен высокий показатель общительности, развитый интеллектуальный уровень (логическое мышление), эмоциональная устойчивость и высокий самоконтроль.

Обучающиеся по специализации «Деятельность подразделений по работе с личным составом» обладают следующими особенностями: преобладающий уровень по показателям факторов В ($M = 10,0$ при $m = 0,53$), С ($M = 11,9$ при $m = 0,60$), Н ($M = 14,2$ при $m = 0,63$); низкий уровень по показателям фактора Л ($M = 5,3$ при $m = 0,72$). Таким образом, данная категория обучающихся характеризуется высоким уровнем логического мышления, эмоциональной устойчивостью, высоким самоконтролем.

Обучающиеся по специализации «Деятельность подразделений по вопросам миграции» имеют следующие показатели: преобладающий уровень по показателям факторов В ($M = 14,5$ при $m = 0,66$), С (эмоциональная устойчивость) ($M = 13,7$ при $m = 0,73$), Н ($M = 13,6$ при $m = 0,64$).

По результатам эмпирического исследования с применением методики диагностики уровня эмпатических способностей (В. В. Бойко) обнаруживается заниженный уровень эмпатии (соответственно по группам: 1-я группа – $M = 19,4$ при $m = 0,69$; 2-я группа – $M = 18,5$ при $m = 0,75$; 3-я группа – $M = 18,2$ при $m = 0,97$; 4-я группа – $M = 19,6$ при $m = 1,3$). В психологии под эмпатией понимается эмоциональная отзывчивость, а также сопереживание, проявляющееся в переживании тех же эмоциональных состояний, которые испытывает другой, на основе полного отождествления. Эмпатия возникает и развивается в общении, определяется эмоциональным опытом человека [7]. Эмпатия рассматривается как важный элемент в профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел, характеризующий их коммуникативные способности, эмоциональный интеллект [8, с. 43], оказывающий положительный эффект на успешность выполнения деятельности. Низкий уровень эмпатии означает сосредоточение на собственных проблемах, недостаточное понимание другого человека. Высокий уровень эмпатических способностей человека приводит к развитию гуманистических ценностей личности и сопровождает ситуации незатруднённого общения, становится одной из главных особенностей эффективной коммуникации [9, с. 17].

Невысокие показатели эмпатии для обучающихся 2-го курса закономерно объясняются недостатком жизненного и профессионального опыта. Развитие эмпатических способностей личности способствует повышению продуктивности деятельности, компетентности в общении

и развитию эффективных контактов с другими людьми. Особенно важное значение имеют эмпатические способности для людей, чья профессия связана с общением с людьми. При этом следует выделить показатели по шкале «Проникающая способность», выявленные в целом по выборке выше среднего, что раскрывает важное коммуникативное свойство человека, позволяющее создавать атмосферу открытости, доверительности.

Далее были исследованы особенности коммуникативной толерантности по методике, разработанной В. В. Бойко. Диагностика коммуникативной толерантности позволяет определять толерантные и интолерантные установки личности, проявляющиеся в процессе общения.

Согласно позиции автора методики, коммуникативная толерантность, или толерантность в общении, подразделяется на ситуативную, типологическую, профессиональную и общую. Уровень ситуативной толерантности определяется отношением человека к конкретному партнёру по общению (супругу, коллеге, случайному знакомому), типологической – отношением к собирательному типу или группе людей (представителям какой-либо национальности, профессии, социального слоя)⁵. Профессиональная коммуникативная толерантность проявляется в рабочей обстановке, во взаимодействии с теми людьми, с которыми приходится иметь дело по роду деятельности (коллегами, различными категориями граждан). Коммуникативная толерантность рассматривается исследователями как важная составляющая коммуникативной компетентности [10] и коммуникативного потенциала личности [11] сотрудников органов внутренних дел.

По результатам эмпирического исследования выявлен высокий уровень коммуникативной толерантности в общем по выборке и в каждой из исследуемых групп обучающихся.

Далее были рассмотрены особенности эмоционального интеллекта обучающихся. Эмоциональный интеллект представляет собой психический феномен комплексного характера, который формируется под влиянием особенностей воспитательно-образовательной среды [12].

Эмоциональный интеллект предполагает реализацию способностей к распознаванию и интерпретации эмоциональных состояний других людей в процессе общения. Коммуникативный потенциал эмоционального интеллекта направлен преимущественно на производство и дальнейшее осмысление собственных эмоциональных переживаний относительно ситуаций межличностного общения [13]. Эмоциональный интеллект со всей определённостью выступает предпосылкой благополучия социальных взаимоотношений субъекта [14; 15].

Тест эмоционального интеллекта Д. В. Людина (ЭМИн) направлен на восприятие собственных эмоций и понимание эмоций других людей,

⁵ Там же.

**Сравнительный анализ коммуникативных качеств личности
сотрудников органов внутренних дел на начальном этапе профессиогенеза**

№ п/п	Показатели	1 группа	2 группа	3 группа	4 группа	Коэффициент значимости
		$M \pm m$	$M \pm m$	$M \pm m$	$M \pm m$	
1	Фактор С (эмоционально устойчивый–эмоционально неустойчивый)	14,04±,464	14,83±,573	11,96±,603	13,66±,735	0,01
2	Фактор М (независимый–зависимый)	8,64±,69	7,22±,534	10,0±,532	9,07±,948	0,05
3	Фактор Л (достоверность результатов)	5,07±,568	6,55±,957	5,36±,722	8,93±1,00	0,01
4	Общий уровень толерантности	2,68±,103	3,00±,000	2,64±,692	2,73±,118	0,05
5	Понимание чужих эмоций (МП)	25,64±,568	25,61±,833	24,46±,620	25,82±,431	0,01
6	Межличностный эмоциональный интеллект (МЭИ)	47,64±1,29	47,22±1,45	44,39±1,21	51,13±2,08	0,05
7	Понимание эмоций (ПЭ)	47,0±1,26	48,1±1,33	44,3±1,54	51,33±1,82	0,05
8	Общий уровень эмоционального интеллекта (ОУЭ)	96,1±2,63	97,9±3,03	89,8±3,09	102,8±3,59	0,05

а также управление эмоциями. В соответствии с полученными данными обучающиеся 1, 2 и 4-й групп имеют высокий уровень эмоционального интеллекта, что проявляется в развитой способности к пониманию собственных эмоций и эмоций других людей, а также управлению ими (см. таблицу). У обучающихся 3-й группы этот показатель на среднем уровне. Для уточнения результатов и сравнения исследуемых групп был проведён однофакторный дисперсионный анализ по критерию Фишера (F). Данный анализ позволяет выявить достоверные отличия по исследуемым признакам. Проведена проверка на нормальность распределения по критерию Колмогорова–Смирнова.

Сравнение показателей коммуникативных качеств личности обучающихся в Санкт-Петербургском университете МВД России проводилось с использованием однофакторного дисперсионного анализа. В результате сравнения коммуникативных качеств личности были выявлены значимые различия.

Обсуждение

Выявлены достоверно значимые различия по показателю фактора С ($p = 0,01$). Самые высокие значения обнаружены у обучающихся по специализации «Сотрудники подразделений по обеспечению безопасности дорожного движения». Наименьший показатель у обучающихся

по специализации «Деятельность подразделений по работе с личным составом». Таким образом, более высокие показатели по шкале «эмоциональная устойчивость» обнаружены у обучающихся по специализациям, ориентированным на работу с гражданами.

Достоверно отличаются показатели фактора М ($p = 0,01$) (независимый–зависимый). По результатам исследования более высокие значения выявлены у обучающихся по специализации «Деятельность подразделений по работе с личным составом». Наименьший показатель у обучающихся взвода ГИБДД. Таким образом, будущие сотрудники ПРЛС в большей степени ориентированы на индивидуальную работу, чем на взаимодействие в коллективе. По фактору Л (достоверность результатов исследования) выявлены значимые отличия, однако все подразделения показали достоверные результаты. Тем не менее у обучающихся подразделений Миграции данный показатель значимо выше, чем у остальных групп.

Значимые отличия выявлены по показателю «Общий уровень толерантности». При этом у обучающихся взвода ГИБДД указанный показатель выше, чем у остальных, что указывает на выраженность таких качеств, как принятие индивидуальности других людей, умение скрывать эмоции, принятие партнёра (отсутствие желания его переделать), терпимость к дискомфорту,

хорошее приспособление, характерные для сотрудников данного подразделения.

Выявлены значимые различия по показателям теста эмоционального интеллекта Д. В. Люсина (ЭМИн): понимание чужих эмоций (МП); понимание эмоций (ПЭ); межличностный эмоциональный интеллект (МЭИ); общий уровень эмоционального интеллекта (ОУЭ). Самые высокие показатели выявлены у обучающихся подразделений Миграции, самые низкие – у обучающихся подразделений ПРЛС. В соответствии с полученными результатами можно выделить высокую способность к пониманию своих эмоций, а также эмоций других людей и управлению ими у обучающихся подразделений Миграции по сравнению с другими подразделениями. В то же время данные показатели у обучающихся подразделений ПРЛС снижены.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод о преобладании конкретных профессионально значимых коммуникативных качеств сотрудников органов внутренних дел на начальном этапе профессионализации.

У обучающихся по специализации «Сотрудники подразделений по обеспечению безопасности дорожного движения» преобладают

следующие качества личности: эмоциональная устойчивость, общий уровень толерантности.

У обучающихся по специализации «Деятельность подразделений уголовного розыска» в большей степени выражены эмоциональная устойчивость во взаимодействии, понимание чужих эмоций.

Обучающимся по специализации «Деятельность подразделений по работе с личным составом» свойственны преобладание независимости, предпочтение собственных решений, ориентация на собственные силы.

У обучающихся по специализации «Деятельность подразделений по вопросам миграции» выявилось преобладание следующих коммуникативных качеств личности: понимание своих и чужих эмоций, общий уровень эмоционального интеллекта.

Кроме того, по результатам исследования были выявлены следующие закономерности. У сотрудников органов внутренних дел, обучающихся по специализациям, для которых характерно взаимодействие не только с сослуживцами, но и с различными категориями граждан, выявлен более высокий уровень эмоциональной устойчивости, толерантности, эмоционального интеллекта, что свидетельствует о более высоких коммуникативных качествах личности.

Список литературы

1. Родин В. Ф., Балашова В. А. Общение в деятельности сотрудников полиции // Вестник Московского университета МВД России. – 2020. – № 8. – С. 302–306.
2. Мальцева Т. В., Терезулова О. А., Ульянова А. А. Влияние особенностей коммуникативных качеств руководителей и сотрудников органов внутренних дел на профессиональную деятельность // Прикладная психология и педагогика. – 2022. – Т. 7. – № 3. – С. 224–232.
3. Горбунова Н. В. Профессиогенез как основа становления педагога-профессионала // Проблемы современного педагогического образования. – 2016. – № 50-1. – С. 83–91.
4. Каверина О. Г., Шукина Н. Г. Коммуникативная грамотность в структуре компетентностного подхода // Вестник Академии гражданской защиты. – 2019. – № 4 (20). – С. 26–33.
5. Люсин Д. В. Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭМИн // Психологическая диагностика. – 2006. – № 4. – С. 3–22.
6. Зуева Е. Г., Пиганова Е. В. Психологические аспекты обеспечения личной безопасности сотрудников дорожно-патрульной службы ГИБДД / Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии (Васильевские чтения – 2021) : материалы Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 16 апреля 2021 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2021. – С. 320–323.
7. Бодалев А. А. Личность и общение. – Москва: Международная педагогическая академия, 1995. – 328 с.
8. Гордеева Е. Н. Эмпатия как профессиональное педагогическое качество руководителя в органах внутренних дел // Полицейская деятельность. – 2022. – № 4. – С. 42–51. – DOI: 10.7256/2454-0692.2022.4.38414.
9. Гончарова Е. В. Эмпатия личности и ее роль в возникновении ситуаций затрудненного и затрудненного общения // Форум молодёжной науки. – 2021. – № 1. – С. 17–24.
10. Белова В. И., Сударик А. Н. Коммуникативная толерантность как один из аспектов коммуникативного потенциала личности сотрудников органов внутренних дел / Актуальные проблемы адаптации курсантов образовательных организаций МВД России к условиям профессиональной деятельности: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Москва, 26 февраля 2020 года. – Москва: Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2020. – С. 62–64.
11. Агеева З. А. Коммуникативная толерантность как элемент коммуникативной компетентности личности // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Естественные, общественные науки. – 2012. – № 1. – С. 49–53.

12. Гончарова Н. А., Жидкова О. А. Проблемы развития эмоционального интеллекта и эмоционально-волевой саморегуляции сотрудников полиции на начальном этапе профессионального обучения // Перспективы науки и образования. – 2021. – № 3 (51). – С. 390–403.

13. Мачнев В. Я., Чердымова Е. И. Социальный и эмоциональный интеллект : монография. – Самара: Издательство Самарского университета, 2022. – 148 с.

14. Андреева И. Н. Об истории развития понятия «эмоциональный интеллект» // Вопросы психологии. – 2008. – № 5. – С. 83–95.

15. Люсин Д. В. Современные представления об эмоциональном интеллекте / Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования / под ред. Д. В. Люсина, Д. В. Ушакова. – Москва: Институт психологии РАН, 2004. – С. 29–36.

References

1. Rodin V. F., Balashova V. A. Obshcheniye v deyatelnosti sotrudnikov politsii // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2020. – № 8. – С. 302–306.

2. Mal'tseva T. V., Teregulova O. A., Ul'yanova A. A. Vliyaniye osobennostey kommunikativnykh kachestv rukovoditeley i sotrudnikov organov vnutrennikh del na professional'nyuyu deyatelnost' // Prikladnaya psikhologiya i pedagogika. – 2022. – Т. 7. – № 3. – С. 224–232.

3. Gorbunova N. V. Professiogenez kak osnova stanovleniya pedagoga-professionala // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. – 2016. – № 50-1. – С. 83–91.

4. Kaverina O. G., Shchukina N. G. Kommunikativnaya gramotnost' v strukture kompetentnostnogo podkhoda // Vestnik Akademii grazhdanskoj zashchity. – 2019. – № 4(20). – С. 26–33.

5. Lyusin D. V. Novaya metodika dlya izmereniya emotsional'nogo intellekta: oprosnik EmIn // Psikhologicheskaya diagnostika. – 2006. – № 4. – С. 3–22.

6. Zuyeva Ye. G., Piganova Ye. V. Psikhologicheskiye aspekty obespecheniya lichnoy bezopasnosti sotrudnikov dorozhno-patruľnoy sluzhby GIBDD // Aktual'nyye problemy psikhologii pravookhranitel'noy deyatelnosti: kontseptsii, podkhody, tekhnologii (Vasil'yevskiyecheniya – 2021): materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Sankt-Peterburg, 16 aprelya 2021 goda. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii, 2021. – С. 320–323.

7. Bodalev A. A. Lichnost' i obshcheniye. – Moskva: Mezhdunarodnaya pedagogicheskaya akademiya, 1995. – 328 s.

8. Gordeyeva Ye. N. Empatiya kak professional'noye pedagogicheskoye kachestvo rukovoditelya v organakh vnutrennikh del // Politseyskaya deyatelnost'. – 2022. – № 4. – С. 42–51. – DOI: 10.7256/2454-0692.2022.4.38414.

9. Goncharova Ye. V. Empatiya lichnosti i yeye rol' v vzniknovenii situatsiy zatrudnennogo i nezatrudnennogo obshcheniya // Forum molodozhnoy nauki. – 2021. – № 1. – С. 17–24.

10. Belova V. I., Sudarik A. N. Kommunikativnaya tolerantnost' kak odin iz aspektov kommunikativnogo potentsiala lichnosti sotrudnikov organov vnutrennikh del / Aktual'nyye problemy adaptatsii kursantov obrazovatel'nykh organizatsiy MVD Rossii k usloviyam professional'noy deyatelnosti: sbornik materialov Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Moskva, 26 fevralya 2020 goda. – Moskva: Moskovskiy universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii imeni V. Ya. Kikotya, 2020. – С. 62–64.

11. Ageyeva Z. A. Kommunikativnaya tolerantnost' kak element kommunikativnoy kompetentnosti lichnosti // Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yestestvennyye, obshchestvennyye nauki. – 2012. – № 1. – С. 49–53.

12. Goncharova N. A., Zhidkova O. A. Problemy razvitiya emotsional'nogo intellekta i emotsional'no-volevoy samoregul'yatsii sotrudnikov politsii na nachal'nom etape professional'nogo obucheniya // Perspektivy nauki i obrazovaniya. – 2021. – № 3 (51). – С. 390–403.

13. Machnev V. Ya., Cherdymova Ye. I. Sotsial'nyy i emotsional'nyy intellekt: monografiya. – Samara: Izdatel'stvo Samarskogo universiteta, 2022. – 148 s.

14. Andreyeva I. N. Ob istorii razvitiya ponyatiya «emotsional'nyy intellekt» // Voprosy psikhologii. – 2008. – № 5. – С. 83–95.

15. Lyusin D. V. Sovremennyye predstavleniya ob emotsional'nom intellekte // Sotsial'nyy intellekt: Teoriya, izmereniye, issledovaniya / pod red. D. V. Lyusina, D. V. Ushakova. – Moskva: In-t psikhologii RAN, 2004. – С. 29–36.

Статья поступила в редакцию 14.04.2023; одобрена после рецензирования 21.04.2023; принята к публикации 26.06.2023.

The article was submitted April 14, 2023; approved after reviewing April 21, 2023; accepted for publication June 26, 2023.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Научная статья
УДК 159.9
doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-234-242

Екатерина Ивановна Ильянкova

<https://orcid.org/0000-0002-6067-5857>, ekaterinapogodina@yandex.ru

Санкт-Петербургский университет МВД России
Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1

Личностные особенности несовершеннолетних с делинквентным поведением

Аннотация: Актуальность исследования проблемы обусловлена стабильно высоким уровнем преступности среди несовершеннолетних, ростом повторной преступности. В работе представлены результаты эмпирического исследования, проведенного в период с декабря 2018 года по май 2022 года с участием 103 несовершеннолетних, совершивших уголовно и административно наказуемые деяния (хищение).

Методы. В качестве психодиагностического инструментария избраны: стандартизированный многофакторный метод исследования личности (далее – СМЛ (Л. Н. Собчик)), методика диагностики склонности к отклоняющемуся поведению (А. Н. Орел); шкала поиска ощущений (М. Цукерман); методика субъективного ощущения одиночества (Д. Рассела, Л. Пепло и М. Фергюсона).

Результаты. Автор приходит к выводу, что совершение преступления происходит при различных ведущих личностных особенностях несовершеннолетнего. Однако существует ряд характеристик, свойственных обследуемым несовершеннолетним с делинквентным поведением, которые образуют механизм «вхождения в преступление»: выраженная потребность в ощущениях, травматический опыт, ощущение одиночества, низкий уровень психологического благополучия, искаженные представления о собственном будущем. Представления о собственном будущем выражаются в смещении ценностных ориентиров с просоциальных на деструктивные и уходе от реальности. Временные перспективы характеризуются краткосрочными периодами, сопровождаются стремлением к лёгкой материальной наживе, что может выступать в качестве предиктора дальнейшего противоправного поведения. Делинквентный потенциал несовершеннолетних поддерживается различными отклонениями в поведении: от зависимости до открытого противоявления нормам права. Выявленные формы отклоняющегося поведения для несовершеннолетних обеспечивают личностную самореализацию, что позволяет поддерживать необходимый уровень самооценки. Несовершеннолетним с делинквентным поведением свойственны острое ощущение одиночества, чувство собственной ненужности, приводящие к накоплению негативных эмоций и, как следствие, нарушениям взаимодействия в социальной среде. Потребность в ощущениях как одна из характеристик несовершеннолетних с делинквентным поведением реализуется в ситуациях пренебрежения социальными нормами, что при отсутствии своевременных форм психокоррекционной работы может приводить к закреплению делинквентного поведения.

Ключевые слова: личностные особенности, несовершеннолетний правонарушитель, делинквентное поведение, представления о будущем, потребность в ощущениях, делинквентный потенциал, психологическая коррекция

Для цитирования: Ильянкova Е. И. Личностные особенности несовершеннолетних с делинквентным поведением // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 3 (99). – С. 234–242; doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-234-242.

Ekaterina I. Ilyankova

<https://orcid.org/0000-0002-6067-5857>, ekaterinapogodina@yandex.ru

Saint Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

Personality characteristics of minors with delinquent behavior

Abstract: Introduction. The urgency of the research issue due to the consistently high level of juvenile delinquency, the growth of repeat offences is substantiated. The results of the empirical examination

conducted in the period from December 2018 to May 2022 with the participation of 103 juveniles who committed criminal and administrative thefts are presented.

Methods. The following psychodiagnostic tools were chosen: standardised multifactor method of personality research (L.N. Sobchik), method of diagnosing the tendency to deviant behaviour (A.N. Orel); sensation search scale (M. Zuckerman); method of subjective feeling of loneliness (D. Russell, L. Peplо and M. Ferguson).

Results. The author concludes that committing a crime occurs with various leading personality characteristics of a minor. However, there is a number of characteristics peculiar to the examined minors with delinquent behaviour, which form the mechanism of « committing crimes»: expressed need for sensations, traumatic experience, feeling of loneliness, low level of psychological well-being, distorted ideas about one's own future. The ideas about one's own future are expressed in the shift of value orientations from pro-social to destructive and escape from reality. Temporal perspectives are characterised by short-term periods accompanied by the desire for easy gain. This can act as a predictor of further unlawful behaviour. The delinquent potential of minors is supported by various deviations in behaviour: from addiction to open opposition to the norms of law. The identified forms of deviant behaviour for minors provide personal self-realisation, which allows them to maintain a high level of self-esteem. Minors with delinquent behaviour are characterised by an intense feeling of loneliness and a sense of their own insignificance, leading to an accumulation of negative emotions and, as a consequence, disturbances in interaction in the social environment. The need for feelings as one of the characteristics of minors with delinquent behaviour is implemented in situations of disregard for social norms, which, in the absence of appropriate and timely forms of psychologically corrective work, can lead to the consolidation of delinquent behaviour.

Keywords: personal characteristics, juvenile offender, delinquent behaviour, ideas about the future, need for feelings, delinquent potential, psychological correction

For citation: Ilyankova E. V. Personality characteristics of minors with delinquent behavior // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – № 3 (99). – P. 234–242; doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-234-242.

Введение

Современная общественная ситуация в России характеризуется рядом деструктивных изменений, начало которым было положено еще в прошлом столетии: обновление общественных и личностных ценностей, смена правосознания субъекта, ослабление воспитательного воздействия на личность несовершеннолетнего со стороны образовательных организаций, снижение авторитета правоохранительных органов как ведущего субъекта профилактики правонарушений. Под действием иных факторов, связанных с увеличением неудовлетворенностью жизнью, господством потребительской культуры в молодежной среде, социальным и экономическим неравенством, представленные процессы могут способствовать усложнению криминальной ситуации, в том числе, в среде несовершеннолетних.

Статистические данные МВД России подтверждают актуальность поднятой проблемы. Уровень преступности среди лиц, не достигших совершеннолетия, на протяжении последних десятилетий остается стабильно высоким: в 2022 г. органами внутренних дел выявлены 26 305 (3,2 %) несовершеннолетних, совершивших преступление, среди которых 24,3 % (6 380) ранее совершали преступления, что свидетельствует о неуместном или неверном подборе средств и методов воспитательной и психологической работы с несовершеннолетними правонарушителями¹.

¹ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2022 года [Электронный ресурс] // МВД России : официальный сайт. – URL : <https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics?ysclid=12k8tzpauh> (дата обращения: 10.05.2023).

Проблеме делинквентного поведения несовершеннолетних посвятили исследования современные учёные Е. В. Змановская (2011) [5]; А. А. Реан (2016) [10]; И. А. Горьковская, А. В. Микляева, О. М. Самойлов (2022) [4] и др., однако стабильно высокий уровень преступности и рост числа повторных преступлений со стороны несовершеннолетних, а также отсутствие положительных тенденций в работе с ними обуславливают необходимость изучения личностных особенностей и разработки с их учётом программ психологической коррекции личности.

Методы. В статье представлены результаты эмпирического исследования, проведенного в период с декабря 2018 года по май 2022 года с участием 103 несовершеннолетних, совершивших уголовно и административно наказуемые хищения. Цель исследования – выявление личностных особенностей несовершеннолетних, совершивших кражи. В качестве психодиагностического инструментария избраны: стандартизированный многофакторный метод исследования личности СМЛЛ (Л. Н. Собчик), методика диагностики склонности к отклоняющемуся поведению (А. Н. Орел); шкала поиска ощущений (М. Цукерман); методика субъективного ощущения одиночества (М. Фергюсон и др.).

Результаты исследования и их обсуждение. Усредненный профиль личности несовершеннолетних, совершивших кражи, находится в диапазоне от 31 до 72,7 Т-баллов (код профиля по Уэлшу: 8/4:6:1:2:9:7:3:5#0#F-K/L) с ведущими шкалами: «индивидуалистичность» (8-я шкала СМЛЛ, 66 ± 21,8 Т-баллов), «импульсивность» (4-я шкала СМЛЛ, 60 ± 18 Т-баллов), «ригид-

Рис. Усредненный профиль личностных особенностей несовершеннолетних, совершивших кражи

* L – шкала лжи; F – шкала достоверности; K – шкала коррекции; 1 – «невротический сверхконтроль»; 2 – «пассивность»; 3 – «демонстративность»; 4 – «импульсивность»; 5 – «мужественность-женственность»; 6 – «ригидность»; 7 – «тревожность»; 8 – «индивидуалистичность»; 9 – «оптимизм»; 0 – «социальная интроверсия»

ность» (6-я шкала СМИЛ, $59,5 \pm 17,4$ Т-баллов), «пессимистичность» (2-я шкала СМИЛ, $58,9 \pm 11$ Т-баллов), «невротический сверхконтроль» (1-я шкала СМИЛ, $58,9 \pm 10,9$ Т-баллов), который отражает смешанный тип реагирования и проблему подавленной враждебности.

Невысокие значения по шкале лжи L (49 ± 7 Т-баллов) и коррекции K ($51 \pm 6,9$ Т-баллов) свидетельствуют о том, что обследуемые не стремятся приукрасить свой характер, при этом демонстрируют защитную реакцию на диагностическую ситуацию и желание повлиять на качество результатов.

Подъем по шкале достоверности F ($72,7 \pm 13$ Т-баллов) отражает состояние эмоционального дискомфорта, напряжения, внутренней дисгармонии (ощущение несчастливости); стремление к получению сострадания, поддержки в социальной среде; неуверенность в позитивном к себе отношении со стороны окружающих. Исследователи ранее уже отмечали, что подростки озабочены мнением окружающих о собственной персоне, но ввиду недостаточного социального опыта и эмпатийно-рефлексивных характеристик часто неадекватно воспринимают отношение к себе, провоцируя этим напряжение в социальном взаимодействии, уход от общения, деструкцию в отношениях. Защитным механизмом для несовершеннолетнего в таком случае становится формирование девиантных форм поведения [12].

У 43,7 % (45) несовершеннолетних, совершивших кражи, значения по шкале «невротический контроль» имеют вид акцентуации (77 ± 6 Т-баллов) и отражают сенситивно-тревожный тип личности, свидетельствующий о неадекватном уровне самооценки, снижении самоконтроля и готовности к принятию ответственности, повышенной инфантильности, в том числе в социальном взаимодействии. Отечественные исследователи Г. К. Валицкас и Ю. Б. Гиппенрейтер отмечают, что подросток посредством асоциальных действий стремится к стабили-

зации самооценки и ощущению психологического комфорта [2]. Эмоциональная сфера при сочетанном подъеме 1, 2 и 3-й шкал отличается лабильностью и противоречивостью (столкновением сдержанной пассивности с раздражительностью и демонстративностью), что увеличивает риск психосоматического варианта дезадаптации (предиспозиции к гастроэнтерологическим заболеваниям).

У 25,2 % (25) несовершеннолетних, совершивших кражи, значения по 2, 3 и 8-й шкалам находятся на уровне выше 55 Т-баллов, что характеризует их как лиц пессимистичных, эмоционально незрелых, зависимых от авторитетной личности, с выраженным индивидуализмом в выборе друзей и сферы интересов и плохой социальной приспособляемостью. Личностная незрелость, по мнению отечественных исследователей, препятствует несовершеннолетнему адекватно и в разрезе социальной и правовой нормативности оценивать совершаемые деяния. Именно поэтому они не всегда способны к адекватной оценке фактического характера и общественной опасности своего делинквентного поведения [15].

У 54,4 % (56) обследуемых низкие показатели 9-й шкалы (менее 35 Т-баллов) в неврозоподобных профилях указывают на повышенную утомляемость, астенический тип реагирования с депрессивными переживаниями, трудности адаптации, мотивацию избегания неуспеха, а также тенденцию полагаться в решении проблем на волю случая, действия других людей или ситуативных факторов. Однако выделение ситуативных факторов в отдельную группу при изучении формирования делинквентного поведения фактически обуславливает перенос ответственности за совершенное противоправное деяние с несовершеннолетнего на внешнюю среду, обстоятельства [10]. К ситуативным факторам, способствующим криминальному поведению, относят: обнаружение оставленных без присмотра вещей, виктимное поведение жертвы, неспо-

способность выразить отказ от совершения противоправных действий при вовлечении в них и др.

У 41,8 % (43) несовершеннолетних выявлены низкие показатели (менее 35 Т-баллов) 0-й шкалы (социальная интроверсия), которые сочетаются с повышенными значениями по 1-й (58,9±10,9 Т-баллов) и 3-й (55±10,2 Т-баллов) шкалам. Это свидетельствует об их общительности, эмоциональной незрелости, непринужденности в выставлении напоказ своих психологических особенностей, снисходительности к собственным недостаткам и отвержении социальных норм.

Изучение отношения к своему будущему у несовершеннолетних правонарушителей является важным аспектом исследования личности, поскольку различные деструкции должны составлять предмет психологической коррекции при работе с данной категорией лиц. Представим результаты исследования отношения к собственному будущему² и временной перспективы личности у обследуемых [14].

² Прихожан А. М. Диагностика личностного развития детей подросткового возраста. – Москва: АНО «ПЭБ», 2007. – 56 с.

26 % опрошенных открыто заявляют о намерениях продолжения противоправного поведения в будущем, которое планируется к реализации как в отношении их обидчиков, так и в стремлении к приобретению авторитета среди социально значимых лиц, совершающих преступление. Также обследуемые намерены вести асоциальный образ жизни, не связывая будущее с включением в учебно-профессиональную деятельность.

45% несовершеннолетних составили просоциальную группу, намереваясь изменить собственную жизнь, получить образование, обрести семью, отрицая вероятность нарушения закона в дальнейшем.

В высказываниях 32 % обследуемых не наблюдается ни асоциальных перспектив, ни кардинальной смены жизненной ситуации – их ответы расплывчаты и не связаны с представлениями о своем будущем после окончания пребывания в учебно-воспитательном учреждении.

В таблице 1 представлена структура корреляционных связей личностных особенностей и временной перспективы обследуемых (таблица 1).

Таблица 1

Структура корреляционных связей личностных особенностей и временной перспективы

	D	Pd	Pf	Sc	Ma
Будущее		-0,37		0,58	0,61
Позитивное прошлое				0,38	
Негативное прошлое	0,56	0,44	0,39		
Гедонистическое настоящее		0,46			
Фаталистическое настоящее	0,49	0,41			

Несовершеннолетние с депрессивными личностными особенностями испытывают негативное отношение к прошлому ($r = 0,56$) как данному свыше ($r = 0,59$). Высокий уровень ответственности побуждает их критически оценивать события совершенного правонарушения, но воспринимать это как судьбу. Прошлое воспринимается негативно, вызывает переживания, повышенное чувство вины. Однако, как установлено Н. В. Галкиной, подобное переживание вины носит дезадаптивный характер, что побуждает к подключению механизмов психологической защиты, приводящих к повышению требовательности по отношению к окружающим, недостаточной самокритичности [3].

Респонденты с выраженными тревожными личностными особенностями склонны к крайне негативному оцениванию собственных поступков в прошлом ($r = 0,39$), что объясняется стремлением заслужить социальное одобрение, выступающее в качестве одного из немногих значимых факторов самооценки. Приведём результаты исследования О. И. Самосват и А. И. Ахметзяновой, которые подчеркивают, что сегодня

в условиях широкого распространения интернета социальное одобрение несовершеннолетние получают в интернет-сообществах посредством обмена лайками, репостами, комментариями и подписками. Отсутствие контроля поведения в социальной сети, возможность неидентифицированного размещения информации могут приводить к травле, буллингу, иным деструктивным проявлениям социального взаимодействия [11], что может негативно влиять на самооценку несовершеннолетнего пользователя и закреплять его асоциальное поведение.

Несовершеннолетние с ведущими импульсивными личностными особенностями ($r = 0,44$) негативно высказываются о прошлых событиях, скорее всего под воздействием защитных механизмов: вытеснение неприятной ситуации, игнорирование бесед о ней обусловлено стремлением сохранить высокую самооценку.

Отсутствие связи настоящего с прошлым и будущим свойственно несовершеннолетним с импульсивными ($r = 0,46$) личностными особенностями. Они живут сегодняшним днём, не желая подвергать анализу последствия собственного поведения и их влияние на настоящее.

При ведущих оптимистичных личностных особенностях несовершеннолетние демонстрируют позитивные надежды на будущее, высказываясь о нём как о неотягощенном различными трудностями ($r = 0,61$). Повышенные характеристики инфантилизма способствуют постановке неадекватных целей и поддерживают уверенность в их достижении.

Ведущие индивидуалистичные личностные особенности ввиду отсутствия реалистичности в оценивании события и собственного положения демонстрируют уход от реальности и склонность к мечтательности ($r = 0,58$), а также позитивное отношение к прошлому ($r = 0,38$) как предначертанному ($r = 0,41$), что может быть также объяснено нежеланием реально оценивать происходящее. По мнению И. Б. Балюковой, уход от реальности обуславливает только приятные воспоминания, игнорирование большинства негативных жизненных событий [1]. Е. В. Мельник отмечает, что содержание мечты представляет собой важную характеристику несовершеннолетних правонарушителей и может рассматриваться, в первую очередь, с позиции защитного механизма [7]. Как подчеркивает Д. Т. Нго, это и

есть один из важнейших факторов формирования делинквентного поведения [8].

Склонность к отклоняющемуся поведению изучена благодаря методике А. Н. Орла (СОП). В ходе проведенного анализа установлено, что несовершеннолетние, совершившие кражи, демонстрируют в различной степени склонность к представленным в методике видам отклоняющегося поведения: преодоление норм и правил ($52,5 \pm 9,7$), аддиктивное ($56,3 \pm 3,9$), самоповреждающее, саморазрушающее ($55,5 \pm 7,8$), делинквентное ($61,6 \pm 11$) поведение, агрессия и насилие ($52,5 \pm 8,5$) и сниженный контроль эмоциональных реакций ($61,4 \pm 11,5$). Данные, полученные при обработке служебной шкалы установки на социальную желательность (44 ± 6), свидетельствуют о низкой и умеренной склонности обследуемых к даче социально желательных ответов, что позволяет интерпретировать полученные результаты и использовать их для анализа.

В результате корреляционного анализа установлен ряд связей, свидетельствующих о влиянии личностных особенностей на склонность к отклоняющемуся поведению (таблица 2).

Таблица 2

Структура корреляционных связей личностных особенностей и склонности к отклоняющемуся поведению

	D	Hу	Pd	Mf	Pa	Pf	Sc	Ma	Si
Склонность к аддиктивному поведению					0,27	0,26	0,28	0,27	
Склонность к агрессии и насилию	0,27	0,25	0,33	0,33	0,35	0,35	0,38	0,33	
Склонность к волевому контролю эмоциональных реакций		0,26	0,37	0,33	0,35	0,39	0,35	0,39	0,29
Склонность к делинквентному поведению		0,25	0,37	0,33	0,35	0,37	0,35	0,39	0,29

Несовершеннолетним с депрессивными личностными особенностями (2-я шкала, D) свойственна выраженная склонность к агрессии и насилию, что, на первый взгляд, вызывает достаточно противоречивое отношение. Однако внимательное изучение описания шкалы, представленного Л. Н. Собчик, позволяет сделать вывод, что агрессия и насилие по отношению к окружающим позволяют стабилизировать самооценку, низкий уровень которой является личностным свойством. Агрессия воспринимается как способ выхода из фрустрирующей ситуации и быстрого решения проблем в социальной среде.

Склонность к агрессии и насилию выявлена у ряда несовершеннолетних с иными ведущими шкалами СМИЛ, что, по нашему мнению, может быть связано у несовершеннолетних с:

– демонстративными личностными особенностями (шкала 3, Hу) – с тенденцией к признанию и положительной оценке со стороны окружающих, что позволяет использовать агрессию к определенным лицам как способ достижения особого социального статуса ($r = 0,27$);

– психопатийными личностными особенностями (шкала 4, Pd) – с преобладанием спонтанности, несдержанности, вспыльчивости и пренебрежением общепринятыми нормами и правилами, ($r = 0,25$);

– женственными личностными особенностями (5-я шкала, Mf) – с тенденцией сокрытия от окружающих, среди которых преобладающее число подростков с ненормативным поведением, своей «женской» природы, чувствительности, сентиментальности. Не исключено, что проявления агрессии в противоречии с собственным характером приводит к последующим переживаниям, провоцируя дестабилизацию эмоционального состояния, ($r = 0,33$);

– паранойяльными личностными особенностями (6-я шкала, Pa) – с повышенной подозрительностью и чувством соперничества, преувеличением враждебности по отношению к ним ($r = 0,33$);

– тревожными личностными особенностями (7-я шкала, Pf) – с глубокой потребностью к одобрению собственной личности и поведения со стороны окружающих: агрессия в среде под-

ростков обеспечивает максимально быстрое завоевание положительного мнения, оценивание как бесстрашного, но представляющего угрозу, в связи с чем окружающие подростки могут стремиться не вступать в конфликты с данной личностью ($r = 0,35$);

– индивидуалистичными личностными особенностями (8-я шкала, Sc) – с отсутствием эмоциональной привязанности к окружающим, позволяющей при определенных условиях совершать акты насилия и агрессии по отношению к ним ($r = 0,38$);

– оптимистичными личностными особенностями (9-я шкала, Ma) – с пренебрежением и раздражительностью по отношению к другим, рискованностью как личностным свойством, а также уверенностью в собственном преимуществе над кем-либо ($r = 0,33$).

Для всех перечисленных лиц, за исключением обладателей ведущей депрессивной шкалы, свойственен сниженный эмоциональный контроль, что позволяет проявлять акты агрессии и насилия под влиянием ситуационных факторов.

Склонность к аддиктивному поведению демонстрируют несовершеннолетние с паранойальными личностными особенностями (6-я шкала, Pa; $r = 0,27$), тревожными личностными особенностями (7-я шкала, Pf); $r = 0,26$), индивидуалистичными личностными особенностями (8-я шкала, Sc; $r = 0,28$), оптимистичными личностными особенностями (9-я шкала, Ma; $r = 0,27$).

Указанных лиц объединяет стремление к уходу от реальности, одним из способов которого является изменение собственного психического состояния. Решение личностных проблем, ориентация на чувственную сторону жизни обуславливают возникновение у них склонности к аддиктивному поведению.

Склонность к делинквентному поведению несовершеннолетних в рамках данной методики представляет собой наличие «делинквентного потенциала», реализуемого несовершеннолетним при определенных жизненных обстоятельствах и недостаточном социальном контроле. А. Н. Орел в описании психодиагностического инструментария указывает на важность ситуативных факторов в совершении правонарушения. Иными словами, определённая совокупность «делинквентных» личностных характеристик может проявляться у ряда несовершеннолетних, однако к совершению преступления она приводит лишь под воздействием жизненной ситуации.

Субъективное ощущение одиночества у несовершеннолетних изучено при помощи одноименной методики Д. Рассела, М. Фергюсона. Структура корреляционных связей личностных особенностей и субъективного ощущения одиночества представлена в таблице 3.

Таблица 3

Структура корреляционных связей личностных особенностей и субъективного ощущения одиночества

	Hу	Pd	Pa	Sc	Ma
Субъективное ощущение одиночества	0,27	0,31	0,32	0,30	0,31

Ощущение одиночества у несовершеннолетних с повышенными показателями по шкале демонстративности (3-я шкала, Hу; $r = 0,27$) может быть связано с внутренней потребностью находиться в центре внимания в социальных связях, что при попадании в ситуации вне внимания окружающих приводит к переживаниям относительно значимости своей личности в референтной группе. Как указывает Л. Н. Собчик, при подобных экзистенциальных переживаниях несовершеннолетние склонны демонстрировать нестандартные модели поведения, что в сочетании со склонностью к делинквентному поведению может приводить к выбору данной поведенческой модели.

Несовершеннолетние с импульсивными личностными особенностями (4-я шкала, Pd; $r = 0,31$) могут обращаться к размышлениям о собственном одиночестве ввиду повышенного эгоцентризма и стремления к доминированию. Неудовлетворение потребности в восхвалении и подражании может приводить к острому чувству собственной ненужности, предвещающему ощущение одиночества.

Ригидность среди ведущих шкал (6-я шкала, Pa; $r = 0,27$) характеризуется стремлением ве-

сти людей за собой, регулированию созданных организованных групп, однако постепенное накопление негативных эмоций, злопамятство и упрямство не позволяют несовершеннолетним приобрести тот статус, к которому они стремятся. Вероятно, это и выступает в качестве фактора, способствующего развитию субъективного ощущения одиночества.

Ощущение одиночества лицами с индивидуалистичными личностными особенностями (8-я шкала, Sc; $r = 0,30$) может быть результатом ограниченных эмоциональных проявлений по отношению к окружающим, подавления собственных чувств и повышенной тревожности в совокупности с уязвленным самолюбием и индифферентным отношением к жизни вплоть до негативного (вызывающего состояние несчастья и обречённости).

Несовершеннолетние с оптимистичными личностными особенностями (9-я шкала, Ma; $r = 0,27$), выражая поверхностность в отношениях с окружающими, пренебрежение их чувствами и конфликтность в совокупности с отсутствием обид и / или застревания на них, не всегда способны к установлению дружеских или хотя бы доверительных социальных контактов, что не обеспечивает их желание пребывать

в центре внимания. Указанные характеристики могут приводить к субъективному ощущению одиночества.

Потребность в ощущениях у несовершеннолетних, совершивших кражи, изучена при помощи Шкалы поиска ощущений М. Цукермана. Отметим, что согласно описанию методики, представленной автором, высокий уро-

вень развития потребности в ощущениях может способствовать проявлениям асоциального и противоправного поведения, позволяющим её удовлетворить.

В результате корреляционного анализа установлен ряд связей, свидетельствующих о влиянии личностных особенностей на потребность в ощущениях (таблица 4).

Таблица 4

Структура корреляционных связей личностных особенностей и потребности в ощущениях

	D	Pd	Pa	Pf	Sc	Ma
Потребность в ощущениях	0,30	0,28	0,31	0,29	0,29	0,26

Потребность в ощущениях у несовершеннолетних с депрессивными личностными особенностями (2-я шкала, D; $r = 0,30$) может являться результатом внешнего воздействия социально значимых лиц, поскольку характеристика личности представлена преимущественно пассивной жизненной позицией, которая может искусственно маскироваться при желании поддерживать определённый достигнутый социальный статус.

Ведущие показатели по шкалам импульсивности (4-я шкала, Pd; $r = 0,28$) и ригидности (6-я шкала, Pa; $r = 0,31$), характеризующим личность как склонную к раскованности и спонтанности при пренебрежении социальными нормами, способствуют развитию высокого уровня потребности в ощущениях.

Потребность в ощущениях может быть связана со стремлением к получению социального одобрения при ведущих тревожных личностных особенностях (7-я шкала, Pf; $r = 29$), оторванностью от реальности и склонностью к выдвиганию новых идей и подходов (8-я шкала, Sc; $r = 29$), беззаботностью, высоким уровнем жизненного тонуса и активности при оптимистичных личностных особенностях (9-я шкала, Ma).

Заключение

Проведенное исследование позволило сформулировать следующие выводы:

1. Совершение преступления происходит при различных ведущих личностных особенностях несовершеннолетнего. Однако существует ряд характеристик, свойственных обследуемым несовершеннолетним с делинквентным поведением, которые образуют механизм «вхожде-

ния в преступление»: выраженная потребность в ощущениях, травматический опыт, ощущение одиночества, низкий уровень психологического благополучия, искаженные представления о собственном будущем.

2. Представления о собственном будущем несовершеннолетних с делинквентным поведением выражаются в смещении ценностных ориентиров с просоциальных на деструктивные и уходе от реальности. Временные перспективы характеризуются краткосрочными периодами, сопровождаются стремлением к материальной наживе, что может выступать в качестве предиктора дальнейшего противоправного поведения.

3. Делинквентный потенциал несовершеннолетних поддерживается различными отклонениями в поведении: от зависимости до открытого противодействия нормам права. Выявленные формы отклоняющегося поведения для несовершеннолетних обеспечивают личностную самореализацию, что позволяет поддерживать необходимый уровень самооценки.

4. Несовершеннолетним с делинквентным поведением свойственны острое ощущение одиночества, чувство собственной ненужности, приводящие к накоплению негативных эмоций и, как следствие, нарушениям взаимодействия в социальной среде.

5. Потребность в ощущениях как одна из характеристик несовершеннолетних с делинквентным поведением реализуется в ситуациях пренебрежения социальными нормами, что при отсутствии своевременных форм психокоррекционной работы может приводить к закреплению делинквентного поведения.

Список литературы

1. Балюкова И. Б., Лукашова А. А. Жизненные перспективы подростков с девиантным поведением / Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Психолого-педагогические проблемы девиантного поведения личности: исследования, профилактика, преодоление». – Псковский государственный университет, 2020. – С. 15–21.
2. Валицкас Г. К., Гиппенрейтер Ю. Б. Самооценка у несовершеннолетних правонарушителей // Вопросы психологии. – 1989. – № 1. – С. 45–55.
3. Галкина Н. В. Изучение особенностей переживания вины несовершеннолетними правонарушителями в контексте ювенальной юстиции // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2015. – № 5. – С. 519–535.

4. Горьковская И. А., Микляева А. В., Самойлов О. М. Взаимосвязь эмпатии подростков с противоправным поведением и их отношений с родителями: что изменилось за последние десятилетия? / Семья и дети в современном мире : сборник материалов конференции, Кызыл, 15 июня 2022 года / под ред. В. Л. Ситникова. – Кызыл: Тувинский государственный университет, 2022. – Т. VII. – С. 241–248.
5. Змановская Е. В. Эмпирическое обоснование структурно-динамической концепции девиантного поведения // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. – 2012. – № 4. – С. 96–102. – EDN QJAQHL.
6. Клейберг Ю. А., Козлов В. В., Тесленко А. Н. Девиантология XXI столетия в контексте актуальной ситуации : монография: Приложение к научному журналу «Вопросы девиантологии». – 2023. – № 1 (13) и № 2 (14)]. – Алматы: Лантар books, 2023. – 101 с.
7. Мельник Е. В., Могилевская Ю. В. Психологическое содержание мечты у подростков и юношей // Донецкие чтения 2020: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : материалы V Международной научной конференции / под общ. ред. С. В. Беспаловой. – Донецк, 2020. – С. 312–314.
8. Нго Д. Т., Ле Тхи Н. Ч. Влияние психологических факторов на формирование личности несовершеннолетних преступников // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2023. – № 2. – С. 89–95.
9. Реан А. А. Факторы риска девиантного поведения: семейный контекст // Национальный психологический журнал. – 2015. – № 4 (20). – С. 105–110.
10. Реан А. А. Деформация личности при делинквентном поведении // Вестник Московского университета МВД России. – 2016. – № 1. – С. 228–231.
11. Самосват О. И., Ахметзянова А. И. Значимость социального одобрения для подростков в условиях социальных сетей // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. – 2016. – № 7 (228). – С. 181–189.
12. Смирнова С. И. Особенности образа «Я» несовершеннолетних правонарушителей // Вестник Вятского государственного университета. – 2014. – № 12. – С. 208–213.
13. Собчик Л. Н. Методы психодиагностики как инструмент исследования личности и дезадаптивных состояний // Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности. – 2011. – № 1. – С. 85–90.
14. Сырцова А., Соколова Е. Т., Митина О. В. Адаптация опросника временной перспективы личности Ф. Зимбардо // Психологический журнал. – 2008. – № 3. – Т. 29. – С. 101–109.
15. Федонкина А. А. Характеристики личностной незрелости у девочек, совершивших общественно опасные деяния // Психология и право. – 2020. – Т. 10. – № 2. – С. 15–24.

References

1. Balyukova I. B., Lukashova A. A. Zhiznennyye perspektivy podrostkov s deviantnym povedeniyem / Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Psikhologo-pedagogicheskiye problemy deviantnogo povedeniya lichnosti: issledovaniya, profilaktika, preodoleniye». – Pskovskiy gosudarstvennyy universitet, 2020. – S. 15–21.
2. Valitskas G. K., Gippenreyter Yu. B. Samoosnena u nesovershennoletnikh pravonarushiteley // Voprosy psikhologii. – 1989. – № 1. – S. 45–55.
3. Galkina N. V. Izucheniye osobnostey perezhivaniya viny nesovershennoletnimi pravonarushiteleyami v kontekste yuvenal'noy yustitsii // Sovremennyye issledovaniya sotsial'nykh problem (elektronnyy nauchnyy zhurnal). – 2015. – № 5. – S. 519–535.
4. Gor'kovaya I. A., Miklyayeva A. V., Samoylov O. M. Vzaimosvyaz' empatii podrostkov s protivopravnym povedeniyem i ikh otnosheniy s roditelyami: chto izmenilos' za posledniye desyatiletiya? / Sem'ya i deti v sovremennom mire : sbornik materialov konferentsii, Kyzyl, 15 iyunya 2022 goda / pod red. V. L. Sitnikova. – Kyzyl: Tuvinskiy gosudarstvennyy universitet, 2022. – T. VII. – S. 241–248.
5. Zmanovskaya Ye. V. Empiricheskoye obosnovaniye strukturno-dinamicheskoy kontseptsii deviantnogo povedeniya // Mediko-biologicheskiye i sotsial'no-psikhologicheskiye problemy bezopasnosti v chrezvychaynykh situatsiyakh. – 2012. – № 4. – S. 96–102. – EDN QJAQHL.
6. Kleyberg Yu. A., Kozlov V. V., Teslenko A. N. Deviantologiya XXI stoletiya v kontekste aktual'noy situatsii : monografiya: Prilozheniye k nauchnomu zhurnalu «Voprosy deviantologii». – 2023. – № 1 (13) i № 2 (14)]. – Алматы: Лантар books, 2023. – 101 с.
7. Mel'nik Ye. V., Mogilevskaya Yu. V. Psikhologicheskoye sodержaniye mechty u podrostkov i yunoshey // Donetskoye chteniya 2020: obrazovaniye, nauka, innovatsii, kul'tura i vyzovy sovremennosti : materialy V Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii / pod obshch. red. S. V. Bespalovoy. – Donetsk, 2020. – S. 312–314.
8. Ngo D. T., Le Tkhii N. Ch. Vliyaniye psikhologicheskikh faktorov na formirovaniye lichnosti nesovershennoletnikh prestupnikov // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskkiye i yuridicheskkiye nauki. – 2023. – № 2. – S. 89–95.
9. Rean A. A. Faktory riska deviantnogo povedeniya: semeynyy kontekst // Natsional'nyy psikhologicheskyy zhurnal. – 2015. – № 4 (20). – S. 105–110.
10. Rean A. A. Deformatsiya lichnosti pri delinkventnom povedenii // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2016. – № 1. – S. 228–231.

11. *Samosvat O. I., Akhmetzyanova A. I.* Znachimost' sotsial'nogo odobreniya dlya podrostkov v usloviyakh sotsial'nykh setey // *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznaneya*. – 2016. – № 7 (228). – S. 181–189.
12. *Smirnova S. I.* Osobennosti obraza «YA» nesovershennoletnikh pravonarushiteley // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta*. – 2014. – № 12. – S. 208–213.
13. *Sobchik L. N.* Metody psikhodiagnostiki kak instrument issledovaniya lichnosti i dezadaptivnykh sostoyaniy // *Lichnost' v ekstremal'nykh usloviyakh i krizisnykh situatsiyakh zhiznedeyatel'nosti*. – 2011. – № 1. – S. 85–90.
14. *Syrtsova A., Sokolova Ye. T., Mitina O. V.* Adaptatsiya oprosnika vremennoy perspektivy lichnosti F. Zimbardo // *Psikhologicheskiy zhurnal*. – 2008. – № 3. – T. 29. – S. 101–109.
15. *Fedonkina A. A.* Kharakteristiki lichnostnoy nezrelosti u devochek, sovershivshikh obshchestvenno opasnyye deyaniya // *Psikhologiya i pravo*. – 2020. – T. 10. – № 2. – S. 15–24.

Статья поступила в редакцию 15.07.2023; одобрена после рецензирования 11.08.2023; принята к публикации 19.09.2023.

The article was submitted July 15, 2023; approved after reviewing August 11, 2023; accepted for publication September 19, 2023.

Научная статья
УДК 159.9
doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-243-249

Любовь Николаевна Костина
доктор психологических наук, профессор
<https://orcid.org/0000-0001-7285-2817>, kostin62@mail.ru

Мария Сергеевна Сиворонова
кандидат психологических наук
<https://orcid.org/0000-0003-0274-4559>, marija0408@mail.ru

*Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя
Российская Федерация, 117437, Москва, ул. Академика Волгина, д.12*

О разработке и экспериментальном применении программы психологического тренинга по профилактике профессионального выгорания психологов органов внутренних дел Российской Федерации

Аннотация: Введение. Статья посвящена раскрытию основных характеристик программы психологического тренинга по профилактике профессионального выгорания психологов органов внутренних дел Российской Федерации с учётом результатов проведённого диссертационного исследования и данных экспериментального применения этого тренинга.

Методы исследования. В процессе работы были использованы: обобщение результатов исследования особенностей профессионального выгорания психологов органов внутренних дел, формирующий эксперимент, включённое наблюдение и психологический анализ действий участников во время тренинга, тестирование, сравнительный анализ с помощью U-критерия Манна–Уитни и парного T-критерия Вилкоксона. Обработка производилась с использованием статистического пакета StatSoftStatistica 8 MR-3.

Результаты. Исследование показало, что применение психологического тренинга в экспериментальной группе психологов органов внутренних дел, проводившееся с октября по ноябрь 2022 года, способствовало следующим значимым изменениям: 1) снижению агрессивности, тревожности и ригидности; копингов, ориентированных на эмоции и избегание; реактивного образования как механизма психологической защиты; 2) повышению показателей нервно-психической устойчивости, рефлексии; копинга, ориентированного на решение задач, проекции и замещения как механизмов психологической защиты; карьерных ориентаций на развитие профессиональных способностей, приверженности целям и ценностям подразделения на протяжении продолжительного промежутка времени, гармоничного сочетания профессиональной деятельности и личной жизни; 3) повышению результативности психологической работы.

Ключевые слова: психологи ОВД, полисубъектность личности, профессиональное выгорание, профилактика профессионального выгорания, психологический тренинг, профессионально-личностное развитие

Для цитирования: Костина Л. Н., Сиворонова М. С. О разработке и экспериментальном применении программы психологического тренинга по профилактике профессионального выгорания психологов органов внутренних дел Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 3 (99). – С. 243–249; doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-243-249.

Lyubov N. Kostina
Dr. Sci. (Psy.), Professor
<https://orcid.org/0000-0001-7285-2817>, kostin62@mail.ru

Maria S. Sivoronova
Cand. Sci. (Psy.)
<https://orcid.org/0000-0003-0274-4559>, marija0408@mail.ru

Development and experimental use of psychological training programme to prevent professional burnout of psychologists of the Ministry of the Interior of Russia

Abstract: Introduction. The article describes the main aspects of the psychological training programme aimed at preventing professional burnout of police psychologists in terms of dissertation research and the data revealed during the experimental use of this training.

Research methods. The methods used are: synthesis of the results of the dissertation research devoted to peculiarities of professional burnout of police psychologists; psychological experiment; participant observation and psychological analysis of participants' actions during training; testing; comparative analysis using Mann-Whitney U-criterion and paired Wilcoxon T-criterion. Processing was done with the use of StatSoftStatistica 8 MR-3 statistical package.

Results. The research revealed that the implementation of psychological training in the experimental group of police psychologists, conducted from October to November 2022, facilitated the following: 1) a decrease of aggression, anxiety and rigidity; emotion-oriented coping and avoidance; reactive formation as a psychological defence mechanism; 2) an increase of nervous-psychic stability, reflexion; task-oriented coping, projection and substitution as psychological defence mechanisms; career orientation for the development of professional abilities, commitment to the goals and values of the unit during a long period of time, a balanced combination of professional activities and personal life; 3) an increase of the effectiveness of psychological work.

Keywords: police psychologists, polysubjective personality, professional burnout, prevention of professional burnout, psychological training, professional and personal development

For citation: Kostina L. N., Sivoronova M. S. Development and experimental use of psychological training programme to prevent professional burnout of psychologists of the Ministry of the Interior of Russia // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – № 3 (99). – P. 243–249; doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-243-249.

Введение

Актуальность исследования определяется повышенным вниманием учёных не только к вопросам преодоления профессионального выгорания специалистов профессий типа «человек–человек», включая психологов органов внутренних дел Российской Федерации, деятельность которых отличается полисубъектностью, т. к. они выполняют полифункциональные обязанности как психолога, сотрудника органов внутренних дел, а при наличии квалификации – и полиграфолога для решения оперативно-служебных задач в повседневных и особых условиях, вступают в многообразные отношения и взаимодействия с руководителями, сотрудниками, служащими и членами их семей, отдельными категориями граждан, оказывают психологическую помощь им и самому себе, в т. ч. в профессионально-личностном развитии. Значимой остаётся проблема разработки психологических технологий, направленных на профилактику профессионального выгорания у данных субъектов труда [4, с. 42–46].

С опорой на теоретико-методологические подходы и особенности психологической работы в органах внутренних дел в исследовании сформулировано определение профессионального выгорания психологов органов внутренних дел

как динамическое образование, развивающееся под влиянием полисубъектности [5, с. 162–165; 12, с. 15–16], высокого уровня ответственности и специфики профессиональной служебной деятельности в повседневных и особых условиях [8], компонентами которого являются эмоциональное истощение, деперсонализация и редукция профессиональных достижений, приводящие к рассогласованию с профессией, снижению конструктивности межличностных отношений и эффективности психологической работы.

В эмпирическом исследовании приняли участие 162 психолога подразделений морально-психологического обеспечения управлений по работе с личным составом Главных управлений МВД России по г. Москве, Краснодарскому краю, Московской области; Управлений МВД России по Амурской, Белгородской, Брянской, Владимирской, Воронежской, Калужской, Курской, Орловской, Тверской, Тульской областям: 77 человек, совмещающих две функциональные обязанности («психолог-сотрудник»); 85 человек, совмещающих три функциональные обязанности («психолог-сотрудник-полиграфолог»); 40 мужчин (25 %) и 122 женщины (75 %); средний возраст – 31,5 года; средний стаж профессиональной психологической деятельности – 8,5 лет.

В результате эмпирического исследования получены следующие данные:

- психологи органов внутренних дел отличаются средним и высоким уровнями профессионального выгорания независимо от количества выполняемых обязанностей и пола, которое проявляется у них специфическим образом (у мужчин-психологов – пренебрежительность, циничность в отношении к окружающим и собственному труду, накопление раздражения, отчаяния, недовольства профессиональной деятельностью; у женщин-психологов – тревожные мысли, связанные с профессиональной деятельностью, чувство опустошенности, излишней раздражительности; у психологов, сочетающих обязанности психолога и сотрудника, – эмоциональное реагирование на стрессовые ситуации, высокая вероятность нервно-психических срывов; у психологов, сочетающих обязанности психолога, сотрудника и полиграфолога, – неадекватное эмоциональное реагирование, эмоциональная дезориентация, общее падение энергетического тонуса, циничное поведение по отношению к окружающим и собственному труду);

- для респондентов характерно наличие низкого уровня развития рефлексивности и креативности;

- полисубъектность, гендерные и индивидуально-психологические особенности психологов органов внутренних дел являются детерминантами развития профессионального выгорания и определяют специфику проявлений у них указанного феномена;

- факторами, препятствующими развитию профессионального выгорания психологов органов внутренних дел, выступают: креативность, индивидуально-типологические свойства, черты личности, психологические защиты и карьерные ориентации (согласно проведённому факторному анализу);

- психологи органов внутренних дел имеют опыт профилактики собственного профессионального выгорания, используя: супервизию, саморазвитие и повышение профессионального мастерства/квалификации, антистрессовое дыхание, прогулки, медитацию, телесно-ориентированную терапию.

Указанные результаты, накопленный в психопрактике опыт проведения психологических тренингов, в т. ч. с сотрудниками органов внутренних дел, были использованы для разработки Программы психологического тренинга по профилактике профессионального выгорания психологов органов внутренних дел. Цель программы – развитие индивидуально-психологических особенностей психологов органов внутренних дел, снижающих риск профессионального выгорания, и создание условий для их дальнейшего профессионально-личностного развития и самоуправления этим развитием, поскольку, согласно Л. Н. Бабинцевой, одним из способов профилактики профессионального выгорания является «...профессиональное развитие личности, её самосовершенствование»

[1, с. 118–125]. Программа рассчитана на 16 занятий и включает разделы, направленные на: 1) совершенствование навыков произвольной психической саморегуляции и проактивного копинг-поведения (согласно Е. С. Старченковой, указанное поведение представляет собой многоплановую стратегию совладания опережающего характера) [2, с. 89–100; 9, с. 198–205; 10, с. 51–61]; 2) развитие гибкости и креативности; 3) конструирование собственной профессиональной карьеры и жизни за счёт моделирования ситуаций профессиональной деятельности, поскольку «...сформированные планы карьерного развития и имеющийся опыт, способны предупреждать развитие выгорания» [14, с. 25–42]; 4) дополнительные упражнения, рассчитанные на особенности профессионального выгорания психологов в зависимости от полисубъектности их личности и пола. Формы, методы и приёмы для проведения психологического тренинга: групповая и индивидуальная формы, тренинговые упражнения, деловые игры и моделирование ситуаций деятельности психологов, методы игрового обучения интер- и супервизии, рефлексивные практики и приёмы, творческие задачи и задания.

Было сформулировано предположение о том, что комплексная работа с помощью психологического тренинга по профилактике профессионального выгорания психологов органов внутренних дел, согласно разработанной Программе, может способствовать снижению проявлений рассматриваемого психологического феномена и переходу психологов на этап самоуправления профессионально-личностным развитием.

Методы

При исследовании были использованы следующие методы и методики: включённое наблюдение с психологическим анализом действий участников во время тренинга, тестирование с помощью методики диагностики профессионального выгорания (К. Маслач, С. Джексон, в адаптации Н. Е. Водопьяновой) [15], методики диагностики уровня эмоционального выгорания В. В. Бойко¹, методики определения нервно-психической устойчивости, риска дезадаптации в стрессе «Прогноз-2»², методики изучения рефлексивности (А. В. Карпов, В. В. Пономарев) [3, с. 45–57], методики «Якоря карьеры» Э. Шейна (перевод и адаптация В. А. Чикер, В. Э. Винокурова)³, методики «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях CISS» (С. Норман, Д. Ф. Эндлер, Д. А. Джеймс, М. И. Паркер, адаптированный

¹ Бойко В. В. Психоэнергетика. – Санкт-Петербург: Питер, 2008. – 416 с.

² Райгородский Д. Я. Практическая психодиагностика. Методики и тесты: учебное пособие. – Самара: БАХРАХ-М, 2003. – 672 с.

³ Аппаратно-программный психодиагностический комплекс «Мультипсихометр»: методическое руководство. – Ч. 2. – Москва, 2008. – 33 с.

⁴ Водопьянова Н. Е. Психодиагностика стресса. – Санкт-Петербург: Питер, 2009. – 336 с.

вариант Т. Л. Крюковой)⁴, методики «Индекс жизненного стиля» (Х. Келлерман – Р. Плучек)⁵, индивидуально-типологического опросника Л. Н. Собчик (ИТО)⁶ и теста «Диагностика личностной креативности» (Е. Торренс, в адаптации Е. Е. Туник)⁷. Статистическая обработка и срав-

нительный анализ осуществлялись с помощью пакета StatSoftStatistica 8 MR-3. Для проведения сравнительного анализа мы использовали U-критерий Манна–Уитни (для независимых выборок) и парный T-критерий Вилкоксона (для зависимых выборок).

Экспериментальное исследование проводилось в отделе психологической работы управления морально-психологического обеспечения УРЛС ГУ МВД России по Московской области. В нём приняли участие 24 аттестованных психолога (4 мужчины и 20 женщин), которые были разделены на экспериментальную и контрольную группы, средний возраст составил 36 лет, средний стаж службы – 12 лет.

Результаты и обсуждения. Обработка полученных данных представлена в таблице.

Таблица

Результаты психодиагностического исследования и сравнительного анализа изменений в контрольной и экспериментальной группах; значимость различий

Шкалы	Средние значения контрольной группы		Средние значения экспериментальной группы	
	Предварительное тестирование	Последующее тестирование	Предварительное тестирование	Последующее тестирование
Методика диагностики профессионального «выгорания» (К. Маслач, С. Джексон, в адаптации Н.Е. Водопьяновой)				
Редукция	32,2	30,8	29,2	34,8
Деперсонализация	14,8	15,7	11,1*	5,75*
Эмоциональное истощение	25	24,17	25,33*	16,42*
Методика диагностики уровня эмоционального выгорания В.В. Бойко				
Фаза напряжения	29,83	32,17	49,08*	15,83*
Переживание психотравмирующих обстоятельств	16,5	13,42	14,5*	5,67*
Неудовлетворённость собой	3,9	5,83	10,25	3,67
«Загнанность в клетку»	6,17	5,75	13*	3,17*
Тревога и депрессия	6,17	6,08	11,3*	3,33*
Фаза резистентности	53,7	43,3	57,7*	32,3*
Неадекватное эмоциональное реагирование	13,42	10,67	15,67	8,67
Эмоционально-нравственная дезориентация	10,42	10	13,33	8,92
Расширение сферы экономики эмоций	11,33	9,42	12	4,17
Редукция профессиональных обязанностей	18,5	13,25	16,67	11,92
Фаза истощения	43,33	41,33	56,08*	19,75*
Эмоциональный дефицит	8,5	6,33	14*	4,08*
Эмоциональная отстранённость	16,5*	11,3*	16,2*	9,33*
Личностная отстранённость (деперсонализация)	12,6	12,2	15,7	3,58
Психосоматические и психовегетативные нарушения	5,75	7,92	10,3	2,75
Выгорание	126,8	113,5	162,8*	67,9*
Индивидуально-типологический опросник Л.Н. Собчик (ИТО)				
Лабильность	6,5	6,2	5,92	5,83
Сензитивность	4,67	5,25	5	4,83
Спонтанность	5,42	5,25	5,08	4,75
Интроверсия	4,17	5,08	4,83	4,92
Ригидность	5,42	6,17	6,17**	4**
Тревожность	3,58	4,08	4,17*	2,08*
Агрессивность	4,08	4	4,58**	1,9**
Экстраверсия	5,67	5,33	5,42	4,25
Методика копинг-поведения в стрессовой ситуации (Т.Л. Крюкова)				
Избегание	43,1	44,3	43,3**	32,8**
Эмоции	33,17	36,67	41,83*	33,08*
Решение задачи	55,7	54,5	56,5*	66,5*
Тест «Диагностика личностной креативности» (Е. Торренс, в адаптации Е.Е. Туник)				
Сложность	10,83	11,42	11,33	11,58
Любознательность	7,58	8,92	9*	15,7*
Склонность к риску	12,58	13,75	12,92	14,83
Воображение	6,08	9	8,58**	15,1**
Методика изучения рефлексивности (А.В. Карпов, В.В. Пономарев)				
Рефлексивность	110,8*	119,5*	113,3**	130,6**
Методика «Прогноз-2» (В.Ю. Рыбников)				
Нервно-психическая устойчивость	20,9*	12,3*	21,9*	9,92*
Методика «Индекс жизненного стиля» (Х. Келлерман, Р. Плучек)				
Реактивное образование	5,93	4,73	5,07*	2,4*
Отрицание	8,68	7,65	6,53	7,9
Интеллектуализация	6,96	7,9	7,73	8,08
Регрессия	5,8	5,76	7,3	4,94
Компенсация	4,98	4,38	5,07	3,56
Замещение	3,10	3,44	4,81*	8,99*
Проекция	4,9	4,64	6,96*	9,98*
Подавление	5,41	5,67	5,24	5,67
Методика «Якоря карьеры» (Э. Шейн)				
Стабильность работы	15,7**	21,6**	21,2**	28,1**
Интеграция	5,97	6,78	6,63*	10,75*
Служение	7,13	6,9	6,3*	9,92*
Автономия	4,85	5,6	6,08	5,22
Стабильность места жительства	10,5	12,58	14,83	16,5
Вызов	4,55	4,25	4,27	4,03
Менеджмент	5,48	5,17	4,78	4,4
Предпринимательство	4,47	4,68	4,17	3,93
Профессиональная компетентность	6,13	6,5	5,32*	7,18*

Примечание: звездочками указаны значимые различия: * $p \leq 0,05$; ** $p \leq 0,01$ (для T-критерия Вилкоксона)

Реализация Программы психологического тренинга по профилактике профессионального выгорания психологов органов внутренних дел в экспериментальной группе способствовала следующим изменениям:

1) статистически значимо уменьшились показатели следующих шкал: «Эмоциональное истощение» ($p \leq 0,05$), «Деперсонализация» ($p \leq 0,05$), «Фаза напряжения» ($p \leq 0,05$), «Переживание психотравмирующих обстоятельств» ($p \leq 0,05$), «Загнанность в клетку» ($p \leq 0,05$), «Тревога и депрессия» ($p \leq 0,05$), «Фаза резистентности» ($p \leq 0,05$), «Фаза истощения» ($p \leq 0,05$), «Эмоциональный дефицит» ($p \leq 0,05$), «Эмоциональная отстранённость» ($p \leq 0,05$), «Выгорание» ($p \leq 0,05$), «Агрессивность» ($p \leq 0,01$), «Ригидность» ($p \leq 0,01$), «Тревожность» ($p \leq 0,05$), «Эмоции» ($p \leq 0,05$), «Избегание» ($p \leq 0,01$), «Нервно-психическая устойчивость» ($p \leq 0,05$) и «Реактивное образование» ($p \leq 0,05$), что свидетельствует о минимизации проявлений профессионального выгорания у психологов органов внутренних дел, стабилизации эмоциональных проявлений и восстановления внутренних ресурсов респондентов; об уменьшении вероятности нервно-психических срывов, снижении тревоги и враждебности по отношению к ситуациям, возникающим в профессиональной деятельности, и окружающим людям, а также развитию гибкости в поведении; показывает тенденцию к уменьшению использования стратегий неконструктивного поведения в стрессовых ситуациях;

2) отмечен статистически значимый рост следующих шкал: «Решение задачи» ($p \leq 0,05$), «Любознательность» ($p \leq 0,05$), «Воображение» ($p \leq 0,01$), «Рефлексивность» ($p \leq 0,01$), «Проекция» ($p \leq 0,05$), «Замещение» ($p \leq 0,05$), «Профессиональная компетентность» ($p \leq 0,05$), «Стабильность работы» ($p \leq 0,01$), «Служение» ($p \leq 0,05$) и «Интеграция» ($p \leq 0,05$). Это говорит о развитии навыков оптимальной регуляции поведения респондентов за счёт использования конструктивных механизмов психологической защиты, обеспечивающих адаптацию, стабилизацию психического состояния психологов; креативности и гибкости мышления, а также навыков осознавать собственные поступки, поведение и индивидуально-психологические особенности и оценивать их вклад в развитие себя как субъекта профессиональной деятельности, своего дела в целях повышения эффективности деятельности. Полученные данные свидетельствуют о повышении исполнительности, ответственности, требовательности к себе, желании принести пользу коллективу. При этом респонденты стремятся к равновесию между профессиональной деятельностью и личной жизнью (семьей, хобби, саморазвитием, отдыхом), что позволяет им, при необходимости (возникновении усталости, напряжения и пр.) переключаться и возобновлять ресурсы. Подобный развивающий эффект у представителей «помогающих профессий» посредством психологического тренинга получен в исследованиях О. М. Орловой [7, с. 242–249], В. П. Чемякова, А. В. Шашелевой [13, с. 235–243].

Подтверждением позитивных изменений у участников экспериментальной группы служат результаты включённого наблюдения и психологического анализа их действий: фиксация эмоционального подъёма, активное выполнение заданий и исполнение ролей; проявление любознательности и интереса, сензитивности и эмпатии по отношению к мыслям и переживаниям коллег, проактивных копинг-стратегий и механизмов психологической защиты; гибкая подстройка или изменение поведения в деловых играх и при моделировании ситуаций; уважение к собственному приобретённому опыту психологической работы и опыту других людей. При выполнении рефлексивных практик психологи отмечали: ощущение легкости и спокойствия во время и после тренинговых занятий; применение творческого подхода для решения служебных задач; получение удовольствия от психологической работы и повышение её результативности; направленность на дальнейшее саморазвитие. Полагаем, что выявленные трансформации у психологов экспериментальной группы подтверждают развивающий эффект психологического тренинга, свидетельствуют о снижении проявлений профессионального выгорания, переходе психологов на этап самоуправления профессионально-личностным развитием.

Сравнительный анализ данных психодиагностического исследования с помощью U-критерия Манна–Уитни респондентов контрольной группы показал увеличение средних показателей по шкалам «Деперсонализация», «Загнанность в клетку», «Психосоматические и психовегетативные нарушения», «Фаза напряжения», «Ригидность», «Сензитивность» и «Тревожность». Полагаем, что это может быть связано с негативным информационно-психологическим воздействием в ситуации распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19, а также выполнением служебных обязанностей и работой с личным составом, прибывшим из служебных командировок в новых территориях Российской Федерации [6, с. 59–61; 11, с. 63–70].

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о достижении цели Программы психологического тренинга и подтверждении верности выдвинутой гипотезы исследования. Формирующий эксперимент способствовал развитию у психологов органов внутренних дел «факторов антивыгорания» (произвольной психической саморегуляции, адаптивных копинг-стратегий и механизмов психологической защиты, креативности и рефлексивности, конструирования профессиональной карьеры и жизни), активизации процесса профессионально-личностного развития и саморазвития, повышению результативности психологической работы. Полученные результаты свидетельствуют о том, что разработанная Программа психологического тренинга может быть использована не только сотрудниками отдела

психологической работы, но и профессорско-преподавательским составом кафедр психологических дисциплин как на этапе профессиональной подготовки в образовательных организациях высшего образования, так и на этапе профессионализации для снижения проявлений профессионального выгорания; раз-

вития у будущих и действующих психологов органов внутренних дел Российской Федерации качеств, препятствующих профессиональному выгоранию; для их профессионального развития и саморазвития.

Список литературы

1. Бабинцева Л. Н. Развитие социально-психологической компетентности как ресурс профилактики «эмоционального выгорания» у педагогов // Педагогический ИМИДЖ. – 2017. – № 3 (36). – С. 118–125.
2. Ерзин А. И. О проактивном совладающем поведении // Психолог. – 2013. – № 1. – С. 89–100.
3. Карпов А. В. Рефлексивность как психическое свойство и методики её диагностики // Психологический журнал. – 2003. – Т. 24. – № 5. – С. 45–57.
4. Костина Л. Н., Сиворонова М. С. Модель профилактики профессионального выгорания психологов органов внутренних дел Российской Федерации // Психология и педагогика служебной деятельности. – 2023. – № 1. – С. 42–46.
5. Кролевецкая Е. Н. Полисубъектность личности будущего педагога как психолого-педагогическое явление // Проблемы современного педагогического образования. – 2022. – № 74-3. – С. 162–165.
6. Никульченкова Е. В., Черник В. А., Вольвач В. Г. Негативное влияние на психологическое состояние человека информационного воздействия в условиях пандемии COVID-19 // Инновационное образование и экономика. – 2020. – № 24 (24). – С. 59–61.
7. Орлова О. М. Возможности рефлексивного тренинга в профилактике профессионального выгорания и повышения трудовой мотивации у учителей начальных классов // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2014. – № 3 (35). – С. 242–249.
8. Поздняков В. М., Черкасова М. А. Особенности профессионального выгорания у сотрудников уголовно-исполнительной системы на различных этапах прохождения службы // Прикладная юридическая психология. – 2013. – № 1. – С. 22–31.
9. Старченкова Е. С. Концепция проактивного совладающего поведения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12: Психология. Социология. Педагогика. – 2009. – № 2-1. – С. 198–205.
10. Старченкова Е. С. Ресурсы проактивного совладающего поведения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12: Психология. Социология. Педагогика. – 2012. – № 1. – С. 51–61.
11. Тепанян С. А. Влияние пандемии COVID-19 на психологическое состояние населения // Научно-практические исследования. – 2020. – № 12-2 (35). – С. 63–70.
12. Фалунина Е. В. Психология полисубъектной личности и полисубъектный подход в образовании // Евразийский Союз Ученых (ЕСУ). – 2019. – № 2 (59). – С. 15–16.
13. Чемяков В. П., Шашелева А. В. Профилактика выгорания медицинских и социальных работников: анализ эффектов проведения тренингов // Казанский педагогический журнал. – 2020. – № 1 (138). – С. 235–243.
14. Пряхина М. В., Душкин А. С., Гончарова Н. А., Шаранов Ю. А., Шахматов А. В. Эмоциональное выгорание сотрудников полиции: феноменология и профилактика // Прикладная психология и педагогика. – 2021. – Т. 6. – № 4. – С. 25–42.
15. Maslach C., Schaufeli W. B., Leiter M. P. Job burnout // Annual Review of Psychology. – 2001. – Vol. 52. – P. 397–422.

References

1. Babintseva L. N. Razvitiye sotsial'no-psikhologicheskoy kompetentnosti kak resurs profilaktiki «emotsional'nogo vygoraniya» u pedagogov // Pedagogicheskiy IMIDZH. – 2017. – № 3(36). – S. 118–125.
2. Yerzin A. I. O proaktivnom sovladayushchem povedenii // Psikholog. – 2013. – № 1. – S. 89–100.
3. Karpov A. V. Refleksivnost' kak psikhicheskoye svoystvo i metodiki yeyo diagnostiki // Psikhologicheskiy zhurnal. – 2003. – T. 24. – № 5. – S. 45–57.
4. Kostina L. N., Sivoronova M. S. Model' profilaktiki professional'nogo vygoraniya psikhologov organov vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii // Psikhologiya i pedagogika sluzhebnoy deyatel'nosti. – 2023. – № 1. – S. 42–46.
5. Krolevetskaya Ye. N. Polisu»yektnost' lichnosti budushchego pedagoga kak psikhologo-pedagogicheskoye yavleniye // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. – 2022. – № 74-3. – S. 162–165.
6. Nikul'chenkova Ye. V., Chernik V. A., Vol'vach V. G. Negativnoye vliyaniye na psikhologicheskoye sostoyaniye cheloveka informatsionnogo vozdeystviya v usloviyakh pandemii COVID-19 // Innovatsionnoye obrazovaniye i ekonomika. – 2020. – № 24 (24). – S. 59–61.

7. Orlova O. M. *Vozmozhnosti refleksivnogo treninga v profilaktike professional'nogo vygoraniya i povysheniya trudovoy motivatsii u uchiteley nachal'nykh klassov* // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nyye nauki. – 2014. – № 3 (35). – S. 242–249.

8. *Pozdnyakov V. M., Cherkasova M. A. Osobennosti professional'nogo vygoraniya u sotrudnikov ugovolno-ispolnitel'noy sistemy na razlichnykh etapakh prokhozhdeniya sluzhby* // Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya. – 2013. – № 1. – S. 22–31.

9. *Starchenkova Ye. S. Kontseptsiya proaktivnogo sovladayushchego povedeniya* // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12: Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika. – 2009. – № 2-1. – S. 198–205.

10. *Starchenkova Ye. S. Resursy proaktivnogo sovladayushchego povedeniya* // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12: Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika. – 2012. – № 1. – S. 51–61.

11. *Tepanyan S. A. Vliyaniye pandemii COVID-19 na psikhologicheskoye sostoyaniye naseleniya* // Nauchno-prakticheskiye issledovaniya. – 2020. – № 12-2 (35). – S. 63–70.

12. *Falunina Ye. V. Psikhologiya polisub'yektnoy lichnosti i polisub'yektnyy podkhod v obrazovanii* // Yevraziyskiy Soyuz Uchenykh (YeSU). – 2019. – № 2 (59). – S. 15–16.

13. *Chemekov V. P., Shasheleva A. V. Profilaktika vygoraniya meditsinskikh i sotsial'nykh rabotnikov: analiz effektivnosti provedeniya treningov* // Kazanskiy pedagogicheskiy zhurnal. – 2020. – № 1 (138). – S. 235–243.

14. *Pryakhina M. V., Dushkin A. S., Goncharova N. A., Sharanov Yu. A., Shakhmatov A. V. Emotsional'noye vygoraniye sotrudnikov politzii: fenomenologiya i profilaktika* // Prikladnaya psikhologiya i pedagogika. – 2021. – Т. 6. – № 4. – S. 25–42.

15. *Maslach C., Schaufeli W. B., Leiter M. P. Job burnout* // Annual Review of Psychology. – 2001. – Vol. 52. – P. 397–422.

Статья поступила в редакцию 20.03.2023; одобрена после рецензирования 19.04.2023; принята к публикации 24.06.2023.

The article was submitted March 20, 2023; approved after reviewing April 19, 2023; accepted for publication June, 24 2023.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Научная статья
УДК 159.9
doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-250-257

Татьяна Вячеславна Мальцева
кандидат психологических наук, доцент
<https://orcid.org/0000-0002-0629-7293>, Mtv-psy@mail.ru

Академия управления МВД России
Российская Федерация, 125993, Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8

Психологические особенности удовлетворённости трудом руководителей органов внутренних дел Российской Федерации

Аннотация: Введение. Удовлетворённость трудом – ключевой феномен, влияющий на эффективность деятельности организации. Исследования данного вопроса в настоящее время обширны и информативны, но всё же существуют психологические процессы, лежащие в основе удовлетворённости трудом руководителей органов внутренних дел Российской Федерации, которым не уделялось достаточного внимания. Представленная работа направлена на частичное восполнение пробелов в указанной области.

Методология. В исследовании принимали участие руководители структурных подразделений территориальных, образовательных, научных, медицинских организаций системы МВД России с различным сроком службы ($n = 180$). В процессе эмпирического исследования использовались описательные статистики, критерий Колмогорова–Смирнова, критерий g -Спирмена, U -критерий Манна–Уитни, однофакторный дисперсионный анализ. Обработка результатов исследования проводилась с помощью пакета прикладных программ IBM SPSS Statistics 21.

Результаты. Проведённое исследование показало, что руководители органов внутренних дел Российской Федерации, с одной стороны, удовлетворены своей профессионально-служебной деятельностью, а с другой стороны, при увеличении срока службы в руководящей должности появляются деструктивные моменты, связанные с удовлетворённостью в профессиональной сфере. Анализ результатов выявил, что удовлетворённость достижениями в работе имеет значимую положительную взаимосвязь с полом. В статье намечены точки практического применения результатов проведённого исследования и дальнейшие пути разработки данной проблемы.

Ключевые слова: эффективность управленческой деятельности, руководитель ОВД, удовлетворённость трудом, профессионально-служебная деятельность, гендерные особенности

Для цитирования: Мальцева Т. В. Психологические особенности удовлетворённости трудом руководителей органов внутренних дел Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 3 (99). – С. 250–257; doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-250-257.

Tatiana V. Maltseva
Cand. Sci. (Psy.), Docent
<https://orcid.org/0000-0002-0629-7293>, Mtv-psy@mail.ru

Academy of Management of the MIA of Russia
8, Zoya and Alexandra Kosmodemyanskikh str., Moscow, 125993, Russian Federation

Psychological features of job satisfaction with the heads of internal affairs bodies of the Russian Federation

Abstract: Job satisfaction is a key phenomenon that affects the effectiveness of an organization. Studies of this issue are currently extensive and informative, but there are still psychological processes, underlying

the satisfaction with the work of the heads of the internal affairs bodies of the Russian Federation, which were not given sufficient attention. The presented work is aimed at partially filling the gaps in this area.

Methodology. The study involved the heads of structural divisions of territorial, educational, scientific, medical organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia with different service life ($n = 180$). In the process of empirical research, descriptive statistics, Kolmogorov-Smirnov test, r-Spearman test, Mann-Whitney U-test, univariate analysis of variance were used. The results of the study were processed using the IBM SPSS Statistics 21 application package.

Results. The study showed that the heads of the internal affairs bodies of the Russian Federation, on the one hand, are satisfied with their professional and service activities, and on the other hand, with an increase in the length of service in a managerial position, destructive moments, related to satisfaction in the professional field, appear. Analysis of the results revealed that satisfaction with achievements in work has a significant positive relationship with gender. The article outlines the points of practical application of the results of the study and further ways of developing this problem.

Keywords: efficiency of management activities, head of internal affairs, job satisfaction, professional and service activities, gender characteristics

For citation: Maltseva T. V. Psychological features of job satisfaction with the heads of internal affairs bodies of the Russian Federation // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – № 3 (99). – P. 250–257; doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-250-257.

Введение

Профессиональная деятельность является одной из важных составляющих жизни людей. От неё во многом зависит образ жизни, социальный статус, семейные связи, предполагаемое состояние здоровья, а также развитие такого серьёзного психологического состояния, как эмоциональное выгорание [1–2]. В этом ракурсе удовлетворённость трудом, положительные эмоции и чувства по отношению к выполняемой деятельности, отношения с коллегами и работодателем, позитивная оценка результатов работы или полученного в ходе выполнения работы опыта становятся особенно значимыми как для личности, так и для повышения эффективности труда сотрудников любой организации [9; 13]. Принимая во внимание значительную роль управленческого звена в повышении эффективности деятельности и функционировании организации, в благоприятном социально-психологическом климате в трудовом коллективе следует заключить, что различные аспекты удовлетворённости управленца трудом оказывают значительное влияние на успешность деятельности как самих руководителей, так и сотрудников организации.

Проблема удовлетворённости трудом затрагивается исследователями различных научных сфер: экономики, социологии, психологии и др. [4–5; 7; 11; 14]. В России и за рубежом разработаны теории, методики, концепции, модели, проведены многочисленные исследования, в совокупности представляющие собой основу для дальнейшего изучения рассматриваемой проблемы, которая не раз подвергалась теоретико-методологическому анализу [3; 6; 8; 10; 12; 15].

В настоящей работе мы будем придерживаться понимания удовлетворённости трудом как «состояния сбалансированности требований (запросов), предъявляемых работником к содержанию, характеру и условиям труда, и субъективной оценки этих запросов» [16].

В связи с этим в рамках настоящей статьи предпринята попытка выявления психологических особенностей удовлетворения трудом руководителей органов внутренних дел Российской Федерации (далее – ОВД).

Методы

Исследование удовлетворённости профессионально-служебной деятельностью среди руководителей ОВД проводилось среди 180 респондентов с помощью опросника «Интегральная удовлетворённость трудом»¹. В исследовании принимали участие руководители структурных подразделений территориальных, образовательных, научных, медицинских организаций системы МВД России и их заместители из 73 субъектов Российской Федерации. Средний возраст респондентов 40,7 лет. Структура выборки по полу представлена следующим образом: мужчин 83,3 %, женщин 16,7 %. Средний стаж службы респондентов в органах внутренних дел 18,9 лет, стаж в должности руководителя от 0,5 года до 20 лет (среднее значение 7,3 года). По данной методике рассчитывались основные описательные статистики (среднее арифметическое, стандартное отклонение, медиана, асимметрия, эксцесс, максимум и минимум).

Для исследования нормальности распределения был использован критерий Колмогорова-Смирнова. Из расчета нормальности распределения полученная асимптотическая значимость меньше чем 0,05, распределение не является нормальным. Количество шкал с нормальным распределением (0 шкал) меньше, чем количество шкал с ненормальным распределением (9 шкал), поэтому в дальнейшем при обработке результатов будем использовать непараметрические методы для корреляционного анализа

¹ Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. – Москва: Издательство Института психотерапии, 2002. – С. 346–348.

Характеристика групп руководителей в соответствии со стажем в управленческой должности

	Стаж в управленческой должности	Численность группы	Средний возраст	Средний стаж в ОВД	Средний стаж на должности руководителя	Гендерный состав	
						мужчины	женщины
1 группа	до 1 года	22	36,14	16,07	0,77	91%	9%
2 группа	от 1 года до 3 лет	39	38,59	16,96	2,41	90%	10%
3 группа	от 3 до 10 лет	73	39,58	18,16	6,88	75,3%	24,7%
4 группа	от 10 до 20 лет	46	46,33	22,89	15,22	87%	13%

взаимосвязи между шкалами, а именно, коэффициент корреляции Спирмена. Для изучения гендерных особенностей удовлетворённости трудом руководителей ОВД был использован U-критерий Манна-Уитни.

В целях изучения особенностей интегральной удовлетворённости трудом руководителей ОВД в зависимости от стажа в управляющей должности вся выборка была разделена на четыре группы в соответствии со стажем в должности руководителя (табл. 1). Руководители со стажем в управляющей должности свыше 20 лет в выборке не присутствовали. Для данного исследования использовался однофакторный дисперсионный анализ.

Результаты

Анализ результатов, полученных по опроснику «Интегральная удовлетворённость трудом», свидетельствует о положительной оценке руководителями ОВД своих взаимоотношений с сотрудниками и вышестоящим руководством, специфики выполняемой работы, удовлетворённости своих притязаний в профессиональной деятельности, условиями организации труда и др. Полученные средние показатели по всей выборке общей и парциальной удовлетворённости трудом при сопоставлении с максимальными показателями, указанными в инструкции по обработке методики, находятся в диапазоне, характеризующем высокий уровень (выше 56 %) исследуемых параметров. Основные описательные статистики представлены в табл. 2.

Таблица 2

Основные описательные статистики по опроснику «Интегральная удовлетворенность трудом»

Названия шкал	Среднее арифметическое	Стандартное отклонение	Медиана	Асимметрия	Экцесс	Минимум	Максимум
Общая удовлетворённость трудом	25.517	2.221	26.0	-0.103	-1.568	22	28
Интерес к работе	5.417	0.747	6.0	-0.837	-0.743	4	6
Удовлетворённость достижениями в работе	3.639	0.493	4.0	-0.712	-1.151	2	4
Удовлетворённость взаимоотношениями с сотрудниками	5.461	0.696	6.0	-0.900	-0.469	4	6
Удовлетворённость взаимоотношениями с руководством	5.661	0.509	6.0	-1.050	-0.101	4	6
Уровень притязаний в профессиональной деятельности	3.811	0.393	4.0	-1.576	0.488	3	4
Предпочтение выполняемой работы высокому заработку	3.378	0.678	3.0	-0.623	-0.721	2	4
Удовлетворённость условиями труда	3.511	0.647	4.0	-0.963	-0.205	2	4
Профессиональная ответственность	1.856	0.353	2.0	-2.006	2.035	1	2

По шкале «Общая удовлетворённость трудом» величина среднего значения и слабый разброс значений относительного него (2.221), говорят о том, что признак очень мало варьируется по данной выборке. Высокие, средние и низкие значения в выборке распределены очень близко к нормальному распределению ($A = -0.103$). Выявленный отрицательный эксцесс (-1.568), свидетельствует о том, что в выборке многие значения находятся около минимума (22) и максимума (28).

По другим шкалам также наблюдается слабый разброс значений относительного

среднего, чаще всего выявляется правосторонняя асимметрия – в выборке, как правило, встречаются значения выше среднего. По шкале «Профессиональная ответственность» имеется сильный разброс значений относительного среднего (сигма = 0.353), что говорит о том, что признак сильно варьируется по данной выборке.

В табл. 3 представлены результаты корреляционного анализа, из которых видно, что существуют значимые взаимосвязи между шкалами методики, и многие имеют положительную корреляцию, что закономерно.

Таблица 3

Эмпирические значения корреляционного анализа (r-Спирмена) между параметрами интегральной удовлетворённостью трудом и социально-профессиональными характеристиками руководителей

	2	3	4	ОУТ	ИР	УДР	УВС	УВР	УППД	ПРВЗ	УУТ	ПО
1	0.081	-0.01	0.062	0.088	-0.009	0.177*	0.036	-0.026	0.102	0.079	-0.017	0.057
2		0.873***	0.534***	-0.084	-0.075	-0.134	-0.076	-0.032	0.024	-0.055	-0.068	0.024
3			0.513***	-0.1	-0.063	-0.205**	-0.09	-0.008	0.016	-0.102	-0.097	0.015
4				-0.068	-0.069	-0.109	-0.017	0.057	0.041	-0.051	-0.178*	-0.088
ОУТ					0.794***	0.706***	0.708***	0.193**	0.459***	0.681***	0.233**	0.29***
ИР						0.615***	0.536***	-0.007	0.441***	0.476***	-0.001	0.074
УДР							0.553***	-0.171*	0.448***	0.566***	-0.111	0.068
УВС								-0.024	0.2**	0.609***	0.041	-0.176*
УВР									-0.272***	-0.164*	0.564***	0.38***
УППД										0.243***	-0.338***	-0.158*
ПРВЗ											-0.027	0.028
УУТ												0.581***

Примечания: знак * – значимость на уровне $p < 0,05$ – очень слабая; ** – $p < 0,01$ – слабая; *** – $p < 0,001$ – умеренная.

Шкалы: 1. пол; 2. возраст; 3. стаж в ОВД; 4. стаж в должности руководителя; ОУТ – общая удовлетворенность трудом; ИР – интерес к работе; УДР – удовлетворённость достижениями в работе; УВС – удовлетворённость взаимоотношениями с сотрудниками; УВР – удовлетворённость взаимоотношениями с руководством; УППД – уровень притязаний в профессиональной деятельности; ПРВЗ – предпочтение выполняемой работы высокому заработку; УУТ – удовлетворённость условиями труда; ПО – профессиональная ответственность.

Значимые отрицательные взаимосвязи обнаружены между удовлетворённостью достижениями в работе и общим стажем службы, а также удовлетворённостью взаимоотношениями с руководством. В первом случае это показывает, что у руководителей длительность служебной деятельности снижает значимость достигнутого в профессиональном плане, а во-втором – зависимость деструкции в отношениях с вышестоящим руководителем от повышения самооцен-

ки результатов своей служебной деятельности. Значимые отрицательные взаимосвязи также проявились между удовлетворённостью условиями труда и стажем в должности руководителя, а также уровнем притязаний в профессиональной деятельности.

Обсуждение

Полученные результаты могут свидетельствовать об эффекте накопления усталости от

стрессогенности службы и снижении притязаний в профессиональной деятельности с улучшением условий труда.

Уровень притязаний в профессиональной деятельности в отрицательном векторе значимо коррелирует с профессиональной ответственностью, т. е. чем выше профессиональные притязания, тем ниже профессиональная ответственность, руководитель как бы становится центрирован на личных достижениях, чем на общем деле. Аналогично снижается профессиональная ответственность у руководителей, удовлетворённых взаимоотношениями с подчинёнными сотрудниками, что можно объяснить либо уверенностью в профессионализме подчинённых, их преданности службе, либо в переложении ответственности на них.

Из полученных результатов также можно заключить, что низкий уровень притязаний в профессиональной деятельности руководителя ОВД и его сниженные потребности в высоком заработке положительно отражаются на взаимоотношениях с подчинёнными сотрудниками.

Анализ результатов выявил, что удовлетворённость достижениями в работе имеет значимую положительную взаимосвязь с полом, что в дальнейшем было подтверждено при сравнении группы «мужчин-руководителей» и группы «женщин-руководителей» (табл. 4). Для сравнения группы «мужчины-руководители» и группы «женщины-руководители» между собой был использован U-критерий Манна-Уитни. Данные свидетельствуют, что мужчины-руководители более удовлетворены достижениями в службе.

Таблица 4

Эмпирические значения U-критерия Манна-Уитни при сравнении группы «женщины-руководители» и группы «мужчины-руководители» по опроснику «Интегральная удовлетворённость трудом»

Названия шкал	Среднее значение в группе «мужчины»	Среднее значение в группе «женщины»	Эмпирическое значение критерия	Уровень значимости
Возраст	41.667	40.467	2533.5	0.276
Стаж в ОВД	18.867	18.851	2216.0	0.896
Стаж руководителя	7.683	7.214	2467.0	0.404
Общая удовлетворённость трудом	25.933	25.433	2545.0	0.241
Интерес к работе	5.367	5.427	2223.5	0.909
Удовлетворённость достижениями в работе	3.833	3.600	2762.5	0.018*
Удовлетворённость взаимоотношениями с сотрудниками	5.533	5.447	2360.0	0.632
Удовлетворённость взаимоотношениями с руководством	5.600	5.673	2177.0	0.73
Уровень притязаний в профессиональной деятельности	3.900	3.793	2490.0	0.174
Предпочтение выполняемой работы высокому заработку	3.500	3.353	2498.0	0.293
Удовлетворённость условиями труда	3.500	3.513	2199.5	0.824
Профессиональная ответственность	1.900	1.847	2370.0	0.449

Примечание: знак * – значимость на уровне $p < 0,05$ – очень слабая; ** – $p < 0,01$ – слабая; *** – $p < 0,001$ – умеренная.

В дальнейшем был проведён сравнительный анализ особенностей интегральной удовлетворённости трудом руководителей ОВД в зависимости от

стажа в управляющей должности по выделенным четырём группам с помощью однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA) (табл. 5).

Таблица 5

Эмпирические значения ANOVA по результатам опросника «Интегральная удовлетворённость трудом»

Название шкал	Среднее значение в группах				Значение F критерия	Уровень значимости	Значимость различий
	1 группа	2 группа	3 группа	4 группа			
Общая удовлетворённость трудом	25,818	25,615	25,5	25,384	0,246	0,864	0,864
Интерес к работе	5,455	5,462	5,391	5,397	0,098	0,961	0,961
Удовлетворённость достижениями в работе	3,682	3,615	3,565	3,685	0,636	0,593	0,593
Удовлетворённость взаимоотношениями с сотрудниками	5,409	5,462	5,457	5,479	0,058	0,982	0,982
Удовлетворённость взаимоотношениями с руководством	5,727	5,59	5,674	5,671	0,395	0,757	0,757
Уровень притязаний в профессиональной деятельности	3,864	3,718	3,848	3,822	1,017	0,387	0,387
Предпочтение выполняемой работы высокому заработку	3,182	3,487	3,326	3,411	1,1	0,351	0,351
Удовлетворённость условиями труда	3,818	3,667	3,435	3,384	3,723	0,013	0,013*
Профессиональная ответственность	2	1,872	1,87	1,795	2,048	0,109	0,109

Примечание: знак * – значимость на уровне $p < 0,05$ – очень слабая; ** – $p < 0,01$ – слабая; *** – $p < 0,001$ – умеренная.

Значимые различия между группами были выявлены по шкале «Удовлетворённость условиями труда» ($F = 3,723$, $p < 0,05$). Это свидетельствует о том, что с увеличением стажа в управленческой должности снижается удовлетворённость условиями труда. В данной сфере руководители 3-й и 4-й групп не испытывают удовлетворения.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать вывод, что в целом руководители ОВД удовлетворены своей профессионально-служебной деятельностью. Результаты констатируют наличие удовлетворённости руководителей ОВД своими взаимоотношениями с сотрудниками и вышестоящим руководством, спецификой выполняемой работы, удовлетворением своих притязаний в профессиональной деятельности, условиями организации труда и др.

Однако выявлены некоторые деструктивные моменты при увеличении срока службы, как в ОВД, так и в должности руководителя ОВД, которые проявляются в нивелировании своих достижений в профессиональной сфере, неудовлетворённости взаимоотношениями с вышестоящим руководством и условиями труда, что может свидетельствовать об эффекте

накопления усталости от стрессогенности службы. Кроме того, при увеличении стажа службы в должности руководителя наблюдается снижение притязаний в профессиональной деятельности и ответственности.

Анализ результатов показал, что удовлетворённость достижениями в работе имеет значимую положительную взаимосвязь с полом. Эмпирически доказаны гендерные различия между руководителями ОВД: женщин отличают более высокие самооценочные показатели способности к саморазвитию и навыков решения проблем.

Результаты исследования способствуют разработке психологами подразделений ОВД стратегий оказания психологической помощи управленческому звену МВД России по поводу мер повышения удовлетворённости трудом – как собственной, так и подчинённых сотрудников.

В дальнейших исследованиях предполагается изучение психологических особенностей удовлетворённости трудом других категорий сотрудников ОВД, психологических ресурсов повышения и поддержания удовлетворённости профессионально-служебной деятельностью личного состава МВД России и психологической помощи при различных деструкциях данного феномена.

Список литературы

1. *Пряхина М. В., Душкин А. С., Гончарова Н. А., Шаранов Ю. А., Шахматов А. В.* Эмоциональное выгорание сотрудников полиции: феноменология и профилактика // Прикладная психология и педагогика. – 2021. – Т. 6. – № 4. – С. 25–42.
2. *Черкасова М. А., Поздняков В. М.* Психологический мониторинг профессионального выгорания сотрудников уголовно-исполнительной системы России : монография; Федер. служба исполнения наказаний, Вологод. ин-т права и экономики. – Вологда : ВИПЭ ФСИН России, 2016. – 135 с.
3. *Базаров Т. Ю., Карпов А. Б.* Факторы трудовой мотивации современного работника (на примере российской фармацевтической компании) // Организационная психология. – 2020. – Т. 10. – № 1. – С. 106–120.
4. *Бельчик Т. А.* Удовлетворённость различными аспектами трудовой деятельности как фактор роста производительности труда // Фундаментальные исследования. – 2013. – № 8 (ч. 6) – С. 1430–1433.
5. *Бессокирная Г. П., Темницкий А. Л.* Удовлетворённость работой на предприятии и удовлетворённость жизнью // Социологический журнал. – 2001. – № 1/2. – С. 186–191.
6. *Вечерин А. В.* Субъективные факторы удовлетворённости трудом сотрудников организаций // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2011. – Т. 8. – № 2. – С. 96–111.
7. *Зонова О. В.* Резервы повышения качества трудовой жизни на разных этапах жизнедеятельности человека // Вестник Томского государственного университета. Серия: Экономика. – 2016. – № 2 (34). – С. 55–65.
8. *Кочнева Е. М., Никитина А. А.* Гендерные особенности удовлетворенности трудом в периоды ранней и средней зрелости // Мир науки. Педагогика и психология. – 2019. – № 3 [Электронный ресурс] / World of Science. Pedagogy and psychology : сайт. – URL: <https://mir-nauki.com/PDF/44PSMN319.pdf> (дата обращения: 28.05.2023).
9. *Кричевский Р. Л., Богатырева О. О.* Психологические предикторы профессиональной успешности // Культурно-исторический подход к исследованию процессов социализации. – Москва: Изд-во РГГУ, 2005. – С. 150–160.
10. *Метелев А. В., Шустова Ю. Д.* Профессионально важные качества сотрудников органов предварительного расследования МВД России и их влияние на успешность профессиональной деятельности // Прикладная психология и педагогика. – 2022. – № 4. – С. 261–268. DOI: <https://doi.org/10.12737/2500-0543-2022-7-4-261-268>.
11. *Пашкин С. Б., Гончарова С. Ю.* Понятие удовлетворённости трудом в психологических исследованиях // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. – 2022. – № 1 (18). – С. 43–49.
12. *Реуцкая И. Е., Белоусов А. Д.* Изучение мотивации кандидатов для поступления на службу и сотрудников, изъявивших желание на прохождение службы в конкретных подразделениях системы МВД России // Прикладная психология и педагогика. – 2022. – № 2. – С. 71–82. DOI: <https://doi.org/10.12737/2500-0543-2022-7-2-71-82>.
13. *Хадасевич Н. Р.* Трудовой потенциал региона: теоретические и прикладные аспекты : монография. – Новосибирск: Издательство ЦРНС, 2015. – 98 с.
14. *Ядов В. А., Киссель А. А.* Удовлетворённость работой: анализ эмпирических обобщений и попытка их теоретического истолкования // Социологические исследования. – 1974. – № 1. – С. 26–35.
15. *Montuori P., Sorrentino M., Sarnacchiaro P., Di Duca F., Nardo A., Ferrante B., D'Angelo D., Di Sarno S., Pennino F., Masucci A., et al.* Job Satisfaction: Knowledge, Attitudes, and Practices Analysis in a Well-Educated Population. *Int. J. Environ. Res. Public Health* – 2022. – № 19. – P. 14214. [Электронный ресурс] / Журналы открытого доступа mdpi : сайт. – URL.: <https://doi.org/10.3390/ijerph192114214> (дата обращения: 28.05.2023).
16. *Пономарева О. Я., Зверева С. Ф., Карпова Н. И.* Управление удовлетворённостью трудом сотрудников посредством гибкой системы стимулирования / Интеллект. Инновации. Инвестиции. – Оренбург: Оренбургский государственный университет, 2018. – № 10. – С. 56–63.

References

1. *Pryakhina M. V., Dushkin A. S., Goncharova N. A., Sharanov Yu. A., Shakhmatov A. V.* Emotsional'noye vygoraniye sotrudnikov politsii: fenomenologiya i profilaktika // Prikladnaya psikhologiya i pedagogika. – 2021. – Т. 6. – № 4. – С. 25–42.
2. *Cherkasova M. A., Pozdnyakov V. M.* Psikhologicheskii monitoring v profilaktike professional'nogo vygoraniya sotrudnikov ugovovno-ispolnitel'noy sistemy Rossii : monografiya – Vologda, 2016. – 135 s.
3. *Bazarov T. Yu., Karpov A. B.* Faktory trudovoy motivatsii sovremennogo rabotnika (na primere rossiyskoy farmatsevticheskoy kompanii) // Organizatsionnaya psikhologiya. – 2020. – Т. 10. – № 1. – С. 106–120.
4. *Bel'chik T. A.* Udovletvoronnost' razlichnymi aspektami trudovoy deyatelnosti kak faktor rosta proizvoditel'nosti truda // Fundamental'nyye issledovaniya. – 2013. – № 8 (ch. 6) – S. 1430–1433.
5. *Bessokirnaya G. P., Temnitskiy A. L.* Udovletvoronnost' rabotoy na ppedppiyatii i udovletvoronnost' zhizn'yu // Sotsiologicheskii zhurnal. – 2001. – № 1/2. – S. 186–191.

6. *Vecherin A. V.* Sub»ektivnyye faktory udovletvornosti trudom sotrudnikov organizatsiy // *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki.* – 2011. – Т. 8. – № 2. – С. 96–111.
7. *Zonova O. V.* Rezervy povysheniya kachestva trudovoy zhizni na raznykh etapakh zhiznedeyatel'nosti cheloveka // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika.* – 2016. – № 2 (34). – С. 55–65.
8. *Kochneva Ye. M., Nikitina A. A.* Gendernyye osobennosti udovletvornosti trudom v periody ranney i sredney vzroslosti // *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya.* – 2019. – № 3 [Elektronnyy resurs] / *World of Science. Pedagogy and psychology : sayt.* – URL: <https://mir-nauki.com/PDF/44PSMN319.pdf> (data obrashcheniya: 28.05.2023).
9. *Krichevskiy R. L., Bogatyreva O. O.* Psikhologicheskiye prediktory professional'noy uspehnosti // *Kul'turno-istoricheskiy podkhod k issledovaniyu protsessov sotsializatsii.* – Moskva: Izd-vo RGGU, 2005. – С. 150–160.
10. *Metelev A. V., Shustova Yu. D.* Professional'no vazhnyye kachestva sotrudnikov organov predvaritel'nogo rassledovaniya MVD Rossii i ikh vliyaniye na uspehnost' professional'noy deyatel'nosti // *Prikladnaya psikhologiya i pedagogika.* – 2022. – № 4. – С. 261–268. DOI: <https://doi.org/10.12737/2500-0543-2022-7-4-261-268>.
11. *Pashkin S. B., Goncharova S. Yu.* Ponyatiye udovletvornosti trudom v psikhologicheskikh issledovaniyakh // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo voyennogo instituta voysk natsional'noy gvardii.* – 2022. – № 1 (18). – С. 43–49.
12. *Reutskaya I. Ye., Belousov A. D.* Izucheniye motivatsii kandidatov dlya postupleniya na sluzhbu i sotrudnikov, iz»yavivshikh zhelaniye na prokhozheniye sluzhby v konkretnykh podrazdeleniyakh sistemy MVD Rossii // *Prikladnaya psikhologiya i pedagogika.* – 2022. – № 2. – С. 71–82. DOI: <https://doi.org/10.12737/2500-0543-2022-7-2-71-82>.
13. *Khadasevich N. R.* Trudovoy potentsial regiona: teoreticheskiye i prikladnyye aspekty: monografiya. – Novosibirsk: Izdatel'stvo TsRNS, 2015. – 98 s.
14. *Yadov V. A., Kissel' A. A.* Udovletvornost' rabotoy: Analiz empiricheskikh obobshcheniy i popytka ikh teoreticheskogo istolkovaniya // *Sotsiologicheskiye issledovaniya.* – 1974. – № 1. – С. 26–35.
15. *Montuori P., Sorrentino M., Sarnacchiaro P., Di Duca F., Nardo A., Ferrante B., D'Angelo D., Di Sarno S., Pennino F., Masucci A., et al.* Job Satisfaction: Knowledge, Attitudes, and Practices Analysis in a Well-Educated Population. *Int. J. Environ. Res. Public Health* – 2022. – 19. – 14214. [Elektronnyy resurs] / *Zhurnaly otkrytogo dostupa mdpi : sayt.* – URL. <https://doi.org/10.3390/ijerph192114214> (data obrashcheniya: 28.05.2023).
16. *Ponomareva O. Ya., Zvereva S. F., Karpova N. I.* Upravleniye udovletvornost'yu trudom sotrudnikov posredstvom gibkoy sistemy stimulirovaniya // *Intellekt. Innovatsii. Investitsii.* – Orenburgskiy gosudarstvennyy universitet, 2018. – № 10. – С. 56–63.

Статья поступила в редакцию 27.02.2023; одобрена после рецензирования 24.03.2023; принята к публикации 07.08.2023.

The article was submitted February 27, 2023; approved after reviewing March 24, 2023; accepted for publication August 07, 2023.

Научная статья
УДК 159.923
doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-258-266

Светлана Николаевна Сорокоумова
доктор психологических наук, профессор
<https://orcid.org/0000-0001-8339-6597>, 4013@bk.ru

*Российская академия образования
Российская Федерация, 119121, Москва, ул. Погодинская, д. 8*

*Российский государственный социальный университет
Российская Федерация, 129226, Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4*

*Санкт-Петербургский военный ордена Жукова
институт войск национальной гвардии Российской Федерации
Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1*

Сергей Владимирович Русаков
адъюнкт
<https://orcid.org/0000-0002-6741-2144>, daygrey@inbox.ru

Ирина Сергеевна Ганишина
доктор психологических наук, доцент
<https://orcid.org/0000-0001-5137-4035>, irinaganishina@yandex.ru

*Академия ФСИН России
Российская Федерация, 390000, Рязань, ул. Сенная, д. 1*

О трансформации жизненных планов осуждённых в местах лишения свободы

Аннотация: Введение. Актуальность темы исследования обусловлена важностью изучения трансформации жизненных планов осуждённых в местах лишения свободы и недостаточной проработанностью темы исследования в юридической психологии. Целью настоящего исследования выступило изучение трансформации жизненных планов осуждённых, отбывающих наказание в местах лишения свободы. Исследование проводилось на базе ФКУ ИК-5 УФСИН России по Рязанской области. В нём приняли участие 64 осуждённых мужского пола, отбывающих наказание в исправительной колонии строгого режима. Средний срок отбывания наказания осуждёнными составил 4,5 года. Научная проблема заключается в выявлении психологических особенностей осуждённых, имеющих негативные и позитивные жизненные планы.

Методы. В ходе исследования применялись следующие методы: наблюдение, беседа, анкетирование, анализ материалов личных дел, опрос экспертов-сотрудников, методика «Мотивация успеха и боязнь неудачи» (А. А. Реан).

В ходе экспертного опроса нами выделены наиболее значимые внешние (средовые) условия, влияющие на трансформацию жизненных планов осуждённых, отбывающих наказание в местах лишения свободы: 1) условия и порядок отбывания уголовного наказания; 2) микро- и макросреда осуждённых; 3) адаптация осуждённых к условиям исправительного учреждения; 4) социальная полезная деятельность осуждённых.

Результаты. С помощью методики «Мотивация успеха и боязнь неудачи» А. А. Реана установлено, что первая группа осуждённых имеет негативную мотивацию ввиду попадания в условия исправительного учреждения. Такие осуждённые отличаются повышенной тревожностью, неуверенностью в себе и своих силах. В связи с этим считаем, что осуждённым первой группы (первые два месяца в исправительном учреждении) необходима своевременная психокоррекционная работа с их жизненными планами. У осуждённых второй группы в сравнении с осуждёнными первой группы имеется чётко выраженная тенденция мотивации на успех, что в первую очередь связано с предстоящим освобождением из мест лишения свободы, в связи с чем они имеют потребность в достижении конструктивных результатов.

Ключевые слова: трансформация, трансформация жизненных планов, осуждённые, исправительные учреждения, места лишения свободы

Для цитирования: Сорокоумова С. Н., Русаков С. В., Ганишина И. С. О трансформации жизненных планов осуждённых в местах лишения свободы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 3 (99). – С. 258–266; doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-258-266.

Svetlana N. Sorokoumova

Dr. Sci. (Psy.) Professor

<https://orcid.org/0000-0001-8339-6597>, 4013@bk.ru

Russian Academy of Education

8, Pogodinskaya str., Moscow, 119121, Russian Federation

Russian State Social University

4, Wilhelm Peak str., Moscow, 129226, Russian Federation

St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of Troops of National Guard of the Russian Federation
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

Sergey V. Rusakov

Graduate

<https://orcid.org/0000-0002-6741-2144>, daygrey@inbox.ru

Irina S. Ganishina

Dr. Sci. (Psy.) Professor

<https://orcid.org/0000-0001-5137-4035>, irinaganishina@yandex.ru

Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia

1, Sennaya str., Ryazan, 390000, Russian Federation

On the transformation of the life plans of convicts indetention facilities

Abstract: Introduction. The relevance of the research topic is due to the importance of studying the transformation of the life plans of convicts in detention facilities and insufficient elaboration of the research topic in legal psychology. The purpose of the present research was to study the transformation of the life plans of convicts in detention facilities. The study was conducted on the basis of federal government institution “Correctional colony-5” of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Ryazan region. The study engaged 64 male convicts serving their sentences in the strict regime prison colony. The average term for serving punishment by convicts was 4.5 years. The scientific problem is to identify the psychological characteristics of convicts who have negative and positive life plans.

Methods. In the course of the research the following methods were used: observation, conversation, questioning, personal records analysis, expert staff survey, and “Motivation for Success and Fear of Failure” technique (A. A. Rean).

During the expert staff survey, we identified the most significant external (environmental) conditions influencing the transformation of the life plans of convicts in detention facilities:

1) conditions and procedure for serving a criminal sentence; 2) micro- and macro-environment of convicts; 3) adaptation of convicts to the conditions of a correctional institution; 4) socially useful activities of convicts.

Results. By using “Motivation for Success and Fear of Failure” technique by A. A. Rean, it was established that the first group of convicts has negative motivation due to being placed in a correctional facility. Such convicts are characterized by increased anxiety, uncertainty in themselves and their own abilities. In this regard, we believe that convicts of the first group (the first two months in a correctional institution) need timely psycho-correctional work with their life plans.

The second group of convicts, compared to the first one has a clearly expressed tendency to be motivated to succeed, which is primarily due to the upcoming release from prison, and therefore they have a need to achieve constructive results.

Keywords: transformation, transformation of the life plans, convicts, correctional institutions, detention facilities

For citation: Sorokoumova S.N., Rusakov S.V., Ganishina I.S. On the transformation of the life plans of convicts in detention facilities // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – No. 3 (99). – P. 258–266; doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-258-266.

Введение

Согласно распоряжению Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 г.», её целью является «исправление осуждённых, предполагающее обеспечение исполнения уголовных наказаний в условиях, соответствующих законодательству Российской Федерации и международным стандартам, предусматривающих совершенствование воспитательной, психологической и социальной работы, направленных на формирование уважительного отношения осуждённого к обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития»¹, что поможет осуждённым, находящимся в местах лишения свободы, успешно адаптироваться в обществе, осознать себя, своё будущее и строить жизненные планы.

Жизненные планы личности – это система целей, состоящая из представлений человека о желаемом будущем и направленная на их достижение.

И. С. Ганишина, С. В. Русаков понимают жизненные планы как «совокупность жизненных целей, перспектив, программ, установок, стремлений в достижении поставленных задач, определяемых установлением сроков и выработкой жизненных стратегий» [4].

Осуждённые, отбывающие наказание в местах лишения свободы, имеют жизненные планы, которые меняются под влиянием естественной и искусственной «трансформации», есть посредством влияния средовых (внешних) и внутренних условий.

Жизненные планы относятся к категории направленности личности, которые изучались В. Г. Деевым и А. В. Наприсом.

А. В. Наприс, изучая жизненные планы осуждённых, пришёл к выводу, что «жизненные планы являются высшим уровнем направленности личности»².

Рассматривая трансформацию жизненных планов осуждённых, отбывающих наказание в местах лишения свободы, в первую очередь необходимо определить сущность понятия «трансформация» в современной науке [6].

Словарь иностранных слов А. Д. Михельсона определяет термин «трансформация» как новолатинское слово, которое происходит от «латинских слов «trans» («через»), «пере-» (переходить), «сквозь» (пронзть насквозь) и «formatio» (превращение, преобразование)»³.

¹ Распоряжение Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 года» [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»: сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_383610/ (дата обращения: 10.03.2023).

² Наприс А. В. Психологическая характеристика личностных жизненных планов и их влияние на поведение осуждённых молодежного возраста: на материалах исправительных колоний строгого режима: дис. ... канд. психол. наук. – Рязань, 1997. – 220 с.

³ Объяснительный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с объяснением их корней: сост. по словарям: Гейзе, Рейфа и др. / Михельсон. – 9-е изд. Полнее всех изданий. – Москва: «Русская тип.» А. О. Лютецкого, 1883. – 752 с.

В современной отечественной психологии понятие «трансформация» [14] рассматривается в первую очередь применительно к личности [1] и представляет собой «форму психологической защиты, при которой вытесненные негативные черты характера в сознании человека превращаются в позитивные»⁴.

Основной задачей личности, по мнению А. Ф. Лазурского⁵, создавшего одним из первых психологическую теорию трансформации личности, является приспособление к окружающей среде.

Описывая трансформацию личности, К. Юнг применяет понятие «индивидуация», которая представляет собой «естественный процесс раскрытия внутренней природы, главной цели и жизненного пути человека, включающих в себя постижения целостности, становление и развитие динамической связи между Эго и самостью, благодаря чему происходит интеграция различных частей психики и других архетипов бессознательного»⁶.

В настоящее время в современной отечественной психологии особого внимания заслуживает психотрансформационный подход М. Ш. Магомед-Эминова, который раскрыл существующие теории трансформации и определил их как «порождающий процесс, в ходе которого осуществляется психическая работа личности по преобразованию исходного содержания в трансформированную предметность».

М. Ш. Магомед-Эминов выделяет два вида трансформации личности: экзотрансформацию, которая «отражает содержание психики из глубины»⁷, и эндотрансформацию, представляющую преобразование личности из одной целостности в другую, но с большей полнотой, зрелостью и самореализацией. Автор демонстрирует трансформационные процессы, происходящие с человеком, разделяя их на естественные и искусственные трансформации. Под естественными трансформациями учёный понимает те изменения, которые «происходят с человеком на онтогенезе и не связаны с использованием специальных средств внедрения в психику человека (например, жизненные кризисы)». Под искусственными трансформациями понимаются «изменения, которые происходят под влиянием организованного воздействия»⁸.

Цель исследования: изучение трансформации жизненных планов осуждённых, отбывающих наказание в местах лишения свободы.

Выборка исследования состояла из 64 осуждённых мужского пола, отбывающих наказание в ФКУ ИК-5 УФСИН России по Рязанской

⁴ Большой психологический словарь / Н. Н. Авдеева и др.; под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. – 4-е изд., расш. – Москва: АСТ; Санкт-Петербург: Прайм-Еврознак, 2009. – 811 с.

⁵ Лазурский А. Ф. Классификация личностей. – Москва, 1922. – 265 с.

⁶ Юнг К. Г. Символы трансформации. – Москва: Penta-Graphic, 2000. – 496 с.

⁷ Магомед-Эминов М. Ш. Деятельностно-смысловой подход к психологической трансформации личности: дис. ... д-ра психол. наук. – Москва, 2009. – 680 с.

⁸ Там же.

области (колония строгого режима), средний срок отбывания наказания осуждёнными составил 4,5 года.

Методы исследования: наблюдение, беседа, анкетирование, анализ материалов личных дел, опрос экспертов-сотрудников, методика «Мотивация успеха и боязнь неудачи» (А. А. Реан).

Выбор методики «Мотивация успеха и боязнь неудачи» А. А. Реана в первую очередь предопределён значимостью процесса исправления осуждённых. Если осуждённые будут иметь мотивацию на успех, то и процесс исправления у них будет более конструктивным, а значит, и трансформация жизненных планов будет направлена у них в позитивную сторону.

Результаты исследования

В целях исследования трансформации жизненных планов осуждённых, отбывающих наказание в ФКУ ИК-5 УФСИН России по Рязанской области, нами осуществлялся эксперимент, который происходил в два этапа и включал в себя сравнительный анализ двух групп осуждённых [15], выделенных в ходе исследования. Представители первой группы (первые два месяца пребывания в исправительном учреждении) находятся на этапе адаптации к условиям исправительного учреждения, знакомятся с новыми средовыми условиями после пребывания в следственном изоляторе. Осуждённые второй группы (за шесть месяцев до освобождения) находятся на заключительном этапе отбывания наказания и включают осуждённых [8], которым предстоит освобождение в конце срока отбывания наказания, а также тех, к кому было применено условно-досрочное освобождение и замена неотбытого наказания более мягким видом. Приоритетным для данной группы осуждённых является планирование своего будущего.

Первый этап (декабрь 2021 года – январь 2022 года) состоял из наблюдения, беседы, анкетирования, анализа материалов личных дел, опроса, экспертного опроса, тестирования по методике «Мотивация успеха и боязнь неудачи» А. А. Реана. В исследовании принял участие 31 человек.

Второй этап (сентябрь – октябрь 2022 года) состоял из наблюдения, беседы, анкетирования, анализа материалов личных дел, опроса экспертов-сотрудников, тестирования по методике «Мотивация успеха и боязнь неудачи» А. А. Реана⁹ за шесть месяцев до освобождения второй группы осуждённых, а также включал тех лиц, к которым было применено условно-досрочное освобождение и замена неотбытого наказания более мягким видом.

В исследовании приняли участие 33 осуждённых.

Важно отметить, что все два этапа исследования [12] происходил сбор и систематизация информации о возможной тенденции изменений в поведении осуждённых, за которыми

⁹ Реан А. А. Психология и психодиагностика личности. Теория, методы исследования, практикум. – Санкт-Петербург: Прайм-Евроник, 2006. – 255 с.

велось наблюдение. Сравнительный анализ показал, что наблюдение за поведением осуждённых, отбывающих наказание в местах лишения свободы [11], и анализ их высказываний даёт возможность установить истинные мотивы и взгляды осуждённых.

В рамках исследования трансформации жизненных планов осуждённых [3], отбывающих наказание в местах лишения свободы, мы изучаем внешние (средовые) условия. Под внешними (средовыми) условиями мы понимаем различного рода социально-психологические явления, которые оказывают позитивное либо негативное влияние на изменение (трансформацию¹⁰) жизненных планов осуждённых.

К внешним (средовым) условиям, влияющим на трансформацию жизненных планов осуждённых, отбывающих наказание в местах лишения свободы, мы отнесли: условия и порядок отбывания уголовного наказания; микро- и макросреда осуждённых; адаптация осуждённых к условиям исправительного учреждения; общественно-полезная деятельность осуждённых. Рассмотрим каждое из них.

1. Условия и порядок отбывания уголовного наказания (в соответствии со ст. 123 Уголовно-исполнительного кодекса РФ (далее – УИК РФ). Согласно п. 5 ст. 74 УИК РФ, «в исправительных колониях строгого режима отбывают наказание мужчины, впервые осуждённые к лишению свободы за совершение особо тяжких преступлений; при рецидиве преступлений и опасном рецидиве преступлений, если осуждённый ранее отбывал лишение свободы»¹¹. В исправительных колониях строгого режима также существуют три вида условий отбывания наказаний: обычные, облегчённые и строгие. В обычных и облегчённых условиях осуждённые проживают в условиях отряда, а в строгих условиях – в запираемых помещениях.

Согласно статье 121 Уголовно-исполнительного кодекса РФ, «в обычных условиях им разрешается ежемесячно расходовать на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости помимо заработанных средств, пенсий и социальных пособий, иные средства, имеющиеся на их лицевых счетах, в размере двух тысяч рублей. В облегчённых условиях этот размер составляет три тысячи рублей, а в строгих условиях – одну тысячу рублей»¹².

Психолого-педагогическое значение условий и порядка отбывания уголовного наказания для осуждённых колоний строгого режима, состоит в том, что они создают строгие пределы ограничений и свобод в отношении поведения осуждённых, а также формируют определённые

¹⁰ Волков А. А. Личностные трансформации сотрудников милиции общественной безопасности на разных уровнях профессиональной самореализации : дис. ... д-р психол. наук. – Ростов-на-Дону, 2010. – 262 с.

¹¹ Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08 января 1997 г. №1-ФЗ (ред. от 11.06.2022) [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «Консультант-Плюс» : сайт. – URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/ (дата обращения: 10.03.2023).

¹² Там же. – С. 10.

ную установку на соблюдение общепринятых норм и правил поведения в исправительном учреждении.

Чётко регламентированный порядок отбывания уголовного наказания в виде лишения свободы дисциплинирует и организывает осуждённых, что является основополагающим и необходимым для формирования положительных жизненных планов [13].

2. Микро- и макросреда осуждённых – важный критерий, участвующий в формировании их жизненных планов. Спецификой отбывания наказания в колонии строгого режима является изоляция от общества, что, во-первых, имеет положительное влияние на осуждённого, поскольку снижает вероятность повторного воздействия на него со стороны неформальных групп; во-вторых, создаёт предпосылки для осознания вины, исправления и возможности отдаления от лиц отрицательной направленности из прежнего круга общения. Важной задачей для психологов и воспитателей исправительного учреждения является недопущение образования групп отрицательной направленности среди осуждённых, содержащихся в колонии. В случае их возникновения – попытка разобщения и формирования положительной направленности путём проведения усиленной психокоррекционной работы. Макросреда (исправительные учреждения) оказывает на осуждённого в том числе негативное влияние, так как при прибытии в исправительное учреждение он находится в состоянии фрустрации. Наблюдение и опрос показали, что в большинстве случаев для осуждённых характерны такие негативные психические состояния, как депрессивность, фрустрированность, тревожность, излишнее чувство вины. Также это часто случается на фоне абстинентных состояний, так как значительная часть преступлений совершается в состоянии алкогольного или наркотического опьянения. При формировании позитивных жизненных планов необходимо обязательно учитывать, сколько времени употреблял осуждённый на свободе наркотические, психотропные вещества либо сильнодействующие медицинские препараты, а также алкоголь.

Под макросредой мы понимаем влияние на осуждённого средств массовой информации (просмотр телепередач согласно графику, утверждённому в учреждении); трудовые и образовательные учреждения внутри колонии; неформальные сообщества, созданные внутри учреждения; семья. Все перечисленные элементы макросреды, несомненно, несут как положительную, так и отрицательную информационную направленность и оказывают влияние на формирование у осуждённых их жизненных планов.

Отечественный учёный Н. И. Козлов считает, что «сильнее всего воспитывает среда, и главной задачей должно быть создание такой среды, которая сформировала бы нужные личностные качества»¹³. Данная позиция, по нашему мнению, является верной и полностью приме-

нимой к пенитенциарной системе, так как при создании определённых средовых условий происходит трансформация личности в исправительном учреждении на любом этапе отбывания наказания.

Проведённые опрос, наблюдение и анкетирование первой группы осуждённых [10] (первые два месяца пребывания в исправительном учреждении) показали, что осуждённые пребывают в состоянии выраженной фрустрации. В одной трети случаев наблюдалось депрессивное состояние, планы на будущее фактически отсутствовали, ощущались недоверие в общении, подозрительность, закрытость и замкнутость.

Согласно определению А. А. Реана, эмоциональные состояния – это «относительно устойчивые переживания человеком своего отношения к окружающей действительности и к самому себе в определённый момент времени, относительно типичные для данного человека»¹⁴. В связи с этим считаем, что эмоциональное состояние осуждённых – очень важный показатель, который помогает регулировать поведение осуждённых в условиях исправительного учреждения. Представления осуждённого о себе и своём жизненном пути опираются на его прошлый опыт, позволяющий самостоятельно создавать повествование о значимых событиях, закреплённых эмоциональными состояниями.

На некоторые вопросы, касающиеся своего будущего, осуждённые не смогли дать конкретных ответов. Их жизненные планы являются близкими, больше всего их волнуют вопросы, связанные с условиями и порядком отбывания наказаний, распорядком дня, организацией длительных и краткосрочных свиданий для встреч с родственниками.

При этом лишь малая часть (6,45 %) испытуемых первой группы осуждённых имеют средние жизненные планы, желают реализовать себя в трудовой деятельности исправительного учреждения, получать поощрения и иметь перспективы условно-досрочного освобождения. Согласно проведённому опросу, такими лицами являются осуждённые, которые, находясь в карантинном отделении, твёрдо для себя решили, что после распределения в отряд начнут работать в исправительном учреждении на производственной зоне.

Проведённый опрос и наблюдение за второй группой осуждённых [2] показали, что за время их нахождения в условиях исправительного учреждения у них сформировались жизненные планы, а именно, у большей части осуждённых (72,7 %) сформированы жизненные планы на дальнейшее будущее. Данная категория осуждённых после освобождения из мест лишения свободы имеет ярко выраженные

¹³ Козлов Н. И. Формула личности. – Санкт-Петербург: Питер, 1999. – 540 с.

¹⁴ Психология человека от рождения до смерти / под ред. А. А. Реана. – Санкт-Петербург: Прайм-Еврознак, 2002. – 656 с.

перспективы и намерения, связанные с дальнейшим устройством на стабильную работу, созданием семьи, получением дополнительного образования, а также восстановлением утраченных социальных связей.

Остальные 27,3 % осуждённых имеют негативную позицию относительно своего будущего, высказываются о том, что вину за совершенное преступление также не признают. В ходе беседы выявлено, что социальные связи данных осуждённых утрачены, на свободе их никто не ждёт, а в исключительных случаях оказывается, что после освобождения из мест лишения свободы их ожидает криминогенный круг общения, недостаточность перспектив трудовой реализации, а также отсутствие определённого места жительства. Считаем, что именно эта категория лиц [9], имеющих негативные жизненные планы, должна подвергаться психокоррекционной работе, направленной на изменение негативных жизненных планов в позитивные жизненные планы в местах лишения свободы.

3. Адаптация осуждённых к условиям исправительного учреждения [7]. Привлечение граждан к уголовной ответственности является стрессовым фактором, который меняет привычную жизнедеятельность, а также жизненный уклад личности и вызывает у неё негативные психические состояния, такие как растерянность, подавленность, отчаяние, тревожность, стресс, фрустрация, психическая и физиологическая угнетённость, крах жизненных планов и утрату перспектив. В этот период осуждённому, отбывающему наказание в местах лишения свободы, в первую очередь необходима психологическая помощь, а также сопровождение в решении сложных жизненных задач, которые возникли в связи со сменой обстановки.

В связи с тем, что адаптационный процесс должен комплексно и всесторонне сопровождаться представителями отделов и служб исправительного учреждения, мы в ходе нашего исследования провели опрос экспертов из числа сотрудников. «В первую очередь по прибытии в исправительное учреждение осуждённому необходима поддержка как психологическая [5],

так и педагогическая, а также немаловажно производить разъяснение требований действующего законодательства и учёт психологических особенностей осуждённых при распределении в отряд и на производственную зону учреждения», – отметили эксперты из числа сотрудников исправительного учреждения. Также немаловажно поощрять любую положительную инициативу, касающуюся отбывания наказания, например, выбор рабочего места, вовлечение в кружковую работу, распределение в профессиональное училище исправительного учреждения, а также учёт склонностей и интересов при выборе профессии. Перед предстоящим освобождением необходимо интересоваться будущим осуждённого, узнавать о бытовых условиях, социальных связях, дальних перспективах и планах на ближайшие 5–10 лет в целях своевременной психолого-педагогической коррекции его жизненных планов.

По нашему мнению, учёт особенностей адаптации имеет большое значение для качественного процесса исправления осуждённых, отбывающих наказание в местах лишения свободы и способствует положительной трансформации жизненных планов.

4. Общественно-полезная деятельность осуждённых (получение общего и профессионального образования, трудоустройство на производственную зону, работа сверх установленной нормы (согласно ст. 106 УИК РФ), кружковая работа, занятия по социально-правовой подготовке).

Вовлечение осуждённых в вышеперечисленные виды деятельности способствует становлению их на путь исправления и формирует у них такие качества, как доброжелательность, отзывчивость, уверенность, ответственность.

Нами проведено тестирование двух групп осуждённых, отбывающих наказание в местах лишения свободы, с помощью методики «Мотивация успеха и боязнь неудачи» А. А. Реана для диагностики позитивных и негативных мотиваций данных групп во временном континууме (недавно прибывшие в исправительное учреждение и готовящиеся к предстоящему освобождению).

Таблица

Соотношение средних значений шкал методики осуждённых 1-й и 2-й групп по методике «Мотивация успеха и боязнь неудачи» А. А. Реана

Шкалы методики	1 группа осуждённых (первые 2 месяца в исправительном учреждении)		2 группа осуждённых (за шесть месяцев до предстоящего освобождения)	
	Количество (чел.)	% от общего количества	Количество (чел.)	% от общего количества
Мотивация на неудачу	14	45,16	5	15,15
Тенденция мотивации на неудачу	3	9,68	4	12,12
Мотивационный полюс ярко не выражен	1	3,22	3	9,1
Мотивация на успех	3	9,68	4	12,12
Тенденция мотивации на успех	10	32,26	17	51,51
Итого по группе:	9,61		12,43	

В таблице представлены средние значения баллов осуждённых, полученные по мотивационным полюсам шкал теста «Мотивация успеха и боязнь неудачи» А. А. Реана.

На основании полученных результатов видно, что первая группа осуждённых, находящаяся в местах лишения свободы первые два месяца, по шкале «мотивация на неудачу» имеет большее значение (45,16 %), в отличие от второй группы осуждённых (15,15 %), готовящихся к предстоящему освобождению. Это свидетельствует о негативной мотивации осуждённых первой группы в связи с адаптацией к местам лишения свободы. Осуждённые, мотивированные на неудачу, отличаются повышенной тревожностью, неуверенностью в себе и своих силах. При этом по шкалам «тенденция мотивации на неудачу», «мотивация на успех» показатели превалируют у осуждённых второй группы (12,12 %).

В свою очередь, по шкале «тенденция мотивации на успех» более высокое значение наблюдается у осуждённых второй группы (51,51 %), в отличие от первой группы осуждённых (32,26 %). Это свидетельствует о том, что осуждённые второй группы имеют позитивную мотивацию, надежду на успех. Осуждённые, мотивированные на успех, уверены в себе, их отличает целеустремлённость, наличие положительных жизненных целей и планов.

Средние значения осуждённых первой и второй группы указывают на большее наличие тенденции мотивации на успех у осуждённых второй группы, готовящихся к предстоящему освобождению.

Заключение

Таким образом, нами выделены наиболее значимые внешние (средовые) условия, влияющие на трансформацию жизненных планов осуждённых, отбывающих наказание в местах лишения свободы: условия и порядок отбывания уголовного наказания; микро- и макросреда осуждённых; адаптация осуждённых к условиям исправительного учреждения, а также социально полезная деятельность осуждённых (получение общего и профессионального образования,

трудоустройство на производственную зону, работы сверх установленной нормы (согласно ст. 106 УИК РФ), кружковая работа, занятия по социально-правовой подготовке).

Установлено, что чётко регламентированный порядок отбывания уголовного наказания в виде лишения свободы дисциплинирует и организует осуждённых, что является основополагающим и необходимым для формирования конструктивных жизненных планов.

Отмечено, что в большинстве случаев для обследуемых характерны такие негативные психические состояния, как депрессивность, фрустрированность, тревожность, излишнее чувство вины.

Выявлено, что осуждённые первой группы (первые два месяца пребывания в исправительном учреждении) в одной трети случаев имеют депрессивное состояние, планы на будущее у них фактически отсутствуют, в общении ощущаются недоверие, подозрительность, закрытость и замкнутость. В свою очередь, у большей части осуждённых второй группы (за шесть месяцев до предстоящего освобождения) (72,7 %) во время их нахождения в условиях исправительного учреждения сформированы жизненные планы на дальнейшее будущее. Остальная часть осуждённых (27,3 %) имеет негативную позицию относительно будущего, высказывается о том, что вину за совершенное преступление не признает.

С помощью методики «Мотивация успеха и боязнь неудачи» А. А. Реана установлено, что первая группа осуждённых имеет негативную мотивацию ввиду попадания в условия исправительного учреждения. Такие осуждённые отличаются повышенной тревожностью, неуверенностью в себе и своих силах. В связи с этим считаем, что осуждённым первой группы (первые два месяца в исправительном учреждении) необходима своевременная психокоррекционная работа с их жизненными планами.

У осуждённых второй группы в сравнении с осуждёнными первой группы имеется чётко выраженная тенденция мотивации на успех, что в первую очередь связано с предстоящим освобождением из мест лишения свободы, в связи с чем они имеют потребность в достижении конструктивных результатов.

Список литературы

1. Bronchain J., Raynal P., Chabrol H. Network structure of psychopathic personality traits in a non-institutionalized sample // *Personality and individual differences*. – 2019. – № 146. – P. 41–45. DOI: 10.1016/j.paid.2019.03.044.
2. Zeyrek-Rios EY, Kenter D, Youngs D. Narrative roles of Turkish offenders // *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*. – 2021. – P. 1237–1262. DOI: 10.1177/0306624X211010285.
3. Pettus-Davies K., Wrenn T., Lacasse J. R., Motley R. Proposing a population-based intervention approach for treating trauma among men during and after incarceration // *Psychology of men and masculinity*. – 2019. – № 20 (3). – P. 379–393. DOI: 10.1037/men0000171.
4. Ганишина И. С., Русаков С. В. Жизненные планы осуждённых, отбывающих наказание в исправительной колонии общего режима // *Пенитенциарная наука*. – 2022. – Т. 16. – № 2 (58). – С. 213–219. DOI: 10.46741/2686-9764.2022.58.2.011.
5. Грушин Ф. В., Перемолотова Л. Ю., Жилко И. А. Концепция исследования формирования деструктивных свойств личности осуждённого // *Всероссийский криминологический журнал*. – 2020. – Т. 14. – № 1. – С. 120–127.

6. *Кашина О. П.* Трансформация ценностных ориентаций личности в период зрелости // Сборники конференций НИЦ «Социосфера». – 2012. – № 24. – С. 122–125.
7. *Манашов М. Э.* Трансформация ценностных ориентаций личности на основе научных представлений // Вестник Ошского государственного университета. – 2020. – № 1-3. – С. 300–304.
8. *Науменко С. А.* Психологический портрет личности осуждённого // Гуманитарный вестник (Горловка). – 2020. – № 11. – С. 95–100.
9. *Недялкова Й. М.* Индивидуальные особенности личности осуждённого (результаты психологического исследования) // Пенитенциарная наука. – 2021. – Т. 15. – № 2 (54). – С. 321–327.
10. *Писарев О. М., Молчанова Е. П.* Особенности смысловых установок осуждённых за экстремизм // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. – 2020. – № 1 (3). – С. 91–108.
11. *Русаков С. В.* Подходы к трансформации личности в отечественной и зарубежной психологии / Антропоцентрические науки в образовании : сборник научных статей XVII Международной научно-практической конференции / ред. кол.: Э. П. Комарова (отв. ред.) [и др.]. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2022. – С. 155–157.
12. *Саликова Э. М. В.* Трансформация метафорических репрезентаций жизненного пути личности в период самоизоляции у взрослых // Клиническая и специальная психология. – 2020. – Т. 9. – № 2. – С. 147–160. DOI: 10.17759/cpse.2020090207.
13. *Селин А. В.* Трансформация жизненного пути личности в ситуации хронического соматического заболевания // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2008. – № 80. – С. 498–505.
14. *Тагильцева Е. А.* Трансформация личности в условиях концлагеря: условия выживания // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. – 2021. – № 2. – С. 41–50. – DOI: 10.24412/2303-9744-2021-2-41-50.
15. *Южанин В. Е.* Проблема изучения личности осуждённого при поступлении его в исправительное учреждение и подготовке к освобождению // Вестник Кузбасского института. – 2021. – № 4 (49). – С. 141–147.

References

1. *Bronchain J., Raynal P., Chabrol H.* Network structure of psychopathic personality traits in a non-institutionalized sample // Personality and individual differences. – 2019. – № 146. – P. 41–45. DOI: 10.1016/j.paid.2019.03.044.
2. *Zeyrek-Rios Ey, Kenter D., Youngs D.* Narrative roles of Turkish offenders // International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology. – 2021. – P. 1237–1262. DOI: 10.1177/0306624X211010285.
3. *Pettus-Davies K., Wrenn T., Lacasse J. R., Motley R.* Proposing a population-based intervention approach for treating trauma among men during and after incarceration // Psychology of men and masculinity. – 2019. – № 20 (3). – P. 379–393. DOI: 10.1037/men0000171.
4. *Ganishina I. S., Rusakov S. V.* Zhiznennyye plany osuzhdonnykh, otbyvayushchikh nakazaniye v ispravitel'noy kolonii obshchego rezhima // Penitentsiarnaya nauka. – 2022. – Т. 16. – № 2 (58). – С. 213–219. DOI: 10.46741/2686-9764.2022.58.2.011.
5. *Grushin F. V., Peremolotova L. Yu., Zhilko I. A.* Kontseptsiya issledovaniya formirovaniya destruktivnykh svoystv lichnosti osuzhdonnogo // Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal. – 2020. – Т. 14. – № 1. – С. 120–127.
6. *Kashina O. P.* Transformatsiya tsennostnykh oriyentatsiy lichnosti v period zrelosti // Sborniki konferentsiy NITS «Sotsiosfera». – 2012. – № 24. – С. 122–125.
7. *Manashov M. E.* Transformatsiya tsennostnykh oriyentatsiy lichnosti na osnove nauchnykh predstavleniy // Vestnik Oshskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2020. – № 1-3. – С. 300–304.
8. *Naumenko S. A.* Psikhologicheskiy portret lichnosti osuzhdonnogo // Gumanitarnyy vestnik (Gorlovka). – 2020. – № 11. – С. 95–100.
9. *Nedyalkova Y. M.* Individual'nyye osobennosti lichnosti osuzhdonnogo (rezul'taty psikhologicheskogo issledovaniya) // Penitentsiarnaya nauka. – 2021. – Т. 15. – № 2 (54). – С. 321–327.
10. *Pisarev O. M., Molchanova Ye. P.* Osobennosti smyslovykh ustanovok osuzhdonnykh za ekstremizm // Vestnik Tomskogo instituta povysheniya kvalifikatsii rabotnikov FSIN Rossii. – 2020. – № 1 (3). – С. 91–108.
11. *Rusakov S. V.* Podkhody k transformatsii lichnosti v otechestvennoy i zarubezhnoy psikhologii / Antropotsentricheskiye nauki v obrazovanii : sbornik nauchnykh statey XVII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii / red. kol.: E. P. Komarova (otv. red.) [i dr.]. – Voronezh: Izdatel'sko-poligraficheskiy tsentr «Nauchnaya kniga», 2022. – С. 155–157.
12. *Salikova E. M. V.* Transformatsiya metaforicheskikh reprezentatsiy zhiznennogo puti lichnosti v period samoizolyatsii u vzroslykh // Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya. – 2020. – Т. 9. – № 2. – С. 147–160. DOI: 10.17759/cpse.2020090207.
13. *Selin A. V.* Transformatsiya zhiznennogo puti lichnosti v situatsii khronicheskogo somaticheskogo zabolevaniya // Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena. – 2008. – № 80. – С. 498–505.
14. *Tagil'tseva Ye. A.* Transformatsiya lichnosti v usloviyakh kontslagerya: usloviya vyzhivaniya // Vestnik po pedagogike i psikhologii Yuzhnoy Sibiri. – 2021. – № 2. – С. 41–50. – DOI: 10.24412/2303-9744-2021-2-41-50.

15. *Yuzhanin V. Ye.* Problema izucheniya lichnosti osuzhdonnogo pri postuplenii yego v ispravitel'noye uchrezhdeniye i podgotovke k osvobozhdeniyu // Vestnik Kuzbasskogo instituta . – 2021. – № 4 (49). – S. 141–147.

Статья поступила в редакцию 16.03.2023; одобрена после рецензирования 11.06.2023; принята к публикации 28.07.2023.

The article was submitted March 16, 2023; approved after reviewing June 11, 2023; accepted for publication July 28, 2023.

Вклад авторов в подготовку статьи:

Сорокоумова Светлана Николаевна – критический анализ литературы; доработка текста.

Русаков Сергей Владимирович – теоретический анализ литературы и результатов эмпирического исследования; проведение эмпирического исследования.

Ганишина Ирина Сергеевна – проведение эмпирического исследования; систематизация и представление авторского аналитического материала; доработка текста.

Конференции

Обзорная статья

УДК 342.9

doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-267-279

Андрей Иванович Каплунов

доктор юридических наук, профессор

<https://orcid.org/0000-0001-7298-8730>, and-kaplunov@yandex.ru

Владимир Юрьевич Ухов

доктор юридических наук, профессор

<https://orcid.org/0000-0001-6935-9941>, spb-u-mvd.kaf-ap@yandex.ru

Санкт-Петербургский университет МВД России

Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилутова, д. 1

Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права» (Сорокинские чтения) (24 марта 2023 г., Санкт-Петербург)

Аннотация: 24 марта 2023 г. в Санкт-Петербургском университете МВД России прошло пленарное заседание международной научно-практической конференции («Сорокинские чтения»). Ко дню конференции был издан в электронном виде сборник её материалов, включающий 195 статей, отражающих содержание научных докладов и сообщений, в подготовке которых приняли участие 216 авторов из 59 научных и образовательных организаций, в том числе, 11 авторов из 6 зарубежных государств (Республики Беларусь, Республики Казахстан, Республики Узбекистан, Кыргызской Республики, Республики Таджикистан, Республики Армения), 24 доктора юридических наук, 100 кандидатов юридических наук, в том числе 22 профессора, 66 доцентов, 7 сотрудников практических органов внутренних дел Российской Федерации.

На пленарном заседании конференции состоялся обмен мнениями по проблемным вопросам модернизации публичного управления, административного и административно-процессуального права, теоретическим и прикладным проблемам совершенствования законодательства об административных правонарушениях и административно-юрисдикционной деятельности, проблемам обеспечения безопасности и общественного порядка, совершенствования полицейской и иной правоохранительной деятельности, а также подведены итоги конференции.

Ключевые слова: публичное управление, административное право, административно-процессуальное право, законодательство об административных правонарушениях, административно-юрисдикционная деятельность, правоохранительная деятельность

Для цитирования: Каплунов А. И., Ухов В. Ю. Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права» (Сорокинские чтения) (24 марта 2023 г., Санкт-Петербург) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 3 (99). – С. 267–279; doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-267-279.

Andrey I. Kaplunov

Dr. Sci. (Jurid.), Professor

<https://orcid.org/0000-0001-7298-8730>, and-kaplunov@yandex.ru

Vladimir Yu. Ukhov

Dr. Sci. (Jurid.), Professor

<https://orcid.org/0000-0001-6935-9941>, spb-u-mvd.kaf-ap@yandex.ru

Saint Petersburg University of the MIA of Russia,

1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

International scientific and practical conference «Actual problems of administrative and administrative-procedural law» (Sorokin readings) (24 March 2023, St. Petersburg)

Abstract: On 24 March 2023, the plenary session of the international scientific-practical conference («Sorokin Readings») was held at the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. By the day of the event the materials of the conference have been published in electronic form, including 195 articles reflecting the content of scientific reports, in preparation of which 216 authors from 59 scientific and educational organisations took part, including 11 authors from 6 foreign countries (Republic of Belarus, Republic of Kazakhstan, Republic of Uzbekistan, Kyrgyz Republic, Republic of Tajikistan, Republic of Armenia), 24 Doctors Sci. (Jurid.), 100 Candidates Sci. (Jurid.), including 22 professors, 66 associate professors, 7 employees of practical bodies of internal affairs of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

At the plenary session of the conference there was an exchange of ideas on problematic issues of modernisation of public administration, administrative and administrative-procedural law, theoretical and applied problems of improvement of legislation on administrative infractions and administrative-jurisdictional activity, problems of ensuring security and public order, improvement of police and other law enforcement activities. At the end of the conference, the results were summed up.

Keywords: public administration, administrative law, administrative and procedural law, legislation on administrative infractions, administrative-jurisdictional activity, law enforcement activity

For citation: Kaplunov A. I., Ukhov V. Yu. International scientific and practical conference «Actual problems of administrative and administrative-procedural law» (Sorokin readings) (24 March 2023, St. Petersburg) // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – № 3 (99). – P. 267–279; doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-267-279.

24 марта 2023 года в Санкт-Петербургском университете МВД России состоялась 14-я научно-практическая конференция «Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права», которая девятый год подряд проходит под официальным названием «Сорокинские чтения». Первые девять лет она проводилась в статусе «ежегодной всероссийской», с 2019 года стала международной. В подготовке материалов международной конференции и в пленарном заседании в режиме видеоконференцсвязи приняли участие наши коллеги и друзья из Академии МВД Республики Беларусь (г. Минск), Могилёвского института МВД Республики Беларусь, Костанайской

академии МВД Республики Казахстан имени Шпракбека Кабылбаева, Академии образовательного комплекса полиции Республики Армения (г. Ереван), Академии МВД Кыргызской Республики им. генерал-майора милиции Э. Алиева и Академии МВД Республики Узбекистан.

С приветственным словом к участникам пленарного заседания конференции выступил начальник Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент, заслуженный сотрудник органов внутренних дел РФ **Игорь Филиппович Амельчаков**, который отметил роль и значение Сорокинских чтений как постоянной научной площадки, на которой учёные-административисты страны

и практические работники, прежде всего из органов внутренних дел, обсуждают актуальные проблемы совершенствования административного и административно-процессуального законодательства и правоприменительной практики по его реализации, обратил внимание на востребованность научного наследия Юрия Ефремовича Аврутина, о чём свидетельствует такой инструмент наукометрии, как Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), встроенный в научную электронную библиотеку «ELibrary.ru», поблагодарил всех, кто принял участие в подготовке материалов сборника конференции и особенно участников пленарного заседания из России и зарубежных стран.

В пленарном заседании конференции очно приняли участие руководители, профессорско-преподавательский состав, докторанты, адъюнкты и аспиранты кафедр административно-правовых дисциплин из ведущих образовательных организаций и научные сотрудники из научно-исследовательских учреждений страны и системы МВД России: Института государства и права Российской академии наук (С. В. Запольский, В. М. Редкоус, Е. Л. Васянина), Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) (Е. Ю. Грачева, С. А. Старостин, Е. А. Лебедева, А. В. Сладкова), Воронежского государственного университета (Ю. Н. Стариков), Российского государственного университета правосудия (А. И. Стахов), Всероссийского государственного университета юстиции (О. В. Чумакова, Л. Ю. Куликовская – Северный институт), Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского (М. Д. Прилуков, Е. В. Ширеева, Е. Н. Смирнова), Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (О. В. Гречкина, И. Н. Сухова, А. В. Багалин), Санкт-Петербургского государственного университета (П. А. Курындин), Кубанского государственного университета (Е. Б. Лупарев), Южно-Уральского государственного университета (Э. Л. Лещина, А. А. Шмидт), Академии управления МВД России, г. Москва (А. М. Кононов, А. П. Солдатов), Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя (Ю. И. Попугаев, С. Н. Бочаров, Д. Н. Шурухнова, Л. С. Комовкина), Краснодарского университета МВД России (К. Д. Рыдченко), Нижегородской академии МВД России (Н. В. Макарейко, А. М. Субботин), Омской академии МВД России (Т. В. Голованова, О. С. Гоман, Ольга А. Дизер, А. А. Бекмурзина, Н. А. Гукова, А. В. Мирошниченко), Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России (С. И. Иванова), Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина (Олег А. Дизер, Р. М. Степкин, О. В. Катаева, Е. Г. Беляева), Сибирского юридического института МВД России, г. Красноярск (И. В. Кудашова), Академии права и управления ФСИН России (Д. А. Гришин, А. В. Соломатов), Российской таможенной

академии (Л. Е. Калинина), Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя (А. И. Попов), Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России (С. А. Старостина, С. В. Плявец), Центра профессиональной подготовки УМВД России по Архангельской области (Л. С. Буторина), Научно-исследовательского института ФСИН России (Л. В. Павлова), Научно-исследовательского института промышленности и морской медицины ФМБА России (С. В. Воронкова), Медико-санитарной части МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области (Е. Г. Питерцева).

В режиме видеоконференцсвязи на пленарном заседании выступили зарубежные участники из Академии образовательного комплекса полиции Республики Армения (Г. М. Худоян), Академии МВД Республики Беларусь (О. И. Левшук), Костанайской академии МВД Республики Казахстан имени Шракбека Кабылбаева (С. В. Корнейчук), Могилевского института МВД Республики Беларусь (А. В. Терешонок), российский участник из Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) (Б. В. Россинский).

Ниже представлено краткое содержание отдельных докладов и выступлений, прозвучавших на пленарном заседании, а также тезисов выступлений, включённых в сборник материалов конференции.

Е. Ю. Грачева, председатель Экспертного совета по праву и политологии Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, заведующий кафедрой финансового права Московского государственного университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ в своём докладе «*О некоторых проблемах подготовки и аттестации научных кадров*» отметила, что подготовка научных работ, диссертаций, их экспертиза в рамках государственной научной аттестации в настоящее время проходит процесс серьёзных преобразований, включающий в себя принятие новой номенклатуры научных специальностей, направленной на укрупнение групп специальностей, утверждение их паспортов, реформирование диссертационных советов, разработку новых критериев и создание на их основе принципиально иной системы по определению Перечня рецензируемых научных изданий (К1, К2, К3), в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций. Перечисленное ставит перед вузами, научными организациями и учёными задачи изменения подходов к выбору тем исследований, ориентируя соискателей учёных степеней на отказ от мелких, повторяющихся тем, разработку фундаментальных, комплексных, межотраслевых проблем, имеющих своей целью получение нового актуального теоретического знания, востребованного обществом и позволяющего сформулировать конкретные предложения совершенствования российского

законодательства, отражающего современные общественные процессы преобразований, а также повышения эффективности правоприменительной практики.

Достижению указанных целей способствует соблюдение исследователями соответствующих требований, указанных в нормативных правовых актах, регламентирующих подготовку и защиту диссертаций, а также деятельность диссертационных советов.

Важным критерием, которому должна соответствовать работа, выносимая на защиту, является её актуальность. Нередко в работах отмечается, что актуальность обусловлена «недостаточным правовым урегулированием» той или иной сферы общественных отношений. Думается, что ориентация на подобное субъективное мнение – достаточно или недостаточно – для научной работы неприемлема. Возникает и другой вопрос – а возможно ли вообще достижение в полном объёме урегулированности правом каких-либо отношений, учитывая диалектику соотношения права с экономикой, политикой и иными общественными явлениями? Думается, точнее было бы сначала выявлять и отмечать значимость общественных отношений для поступательного развития общества, а затем характеризовать состояние их правового регулирования и необходимость в связи с этим проведённого исследования.

Отличительным критерием диссертации является её теоретическая новизна, которая определяется путём сопоставления использованной автором теоретической базы в целом, а также изученных научных работ по данной проблематике. Проведённое подобным образом сопоставление позволит автору сформулировать новизну своего исследования не просто как «первое комплексное исследование» тех или иных вопросов, формулировку, которую мы встречаем в большинстве работ, а как полученное в ходе работы новое научное знание, проникновение вглубь сущности, содержания или формы того или иного явления.

Новизну работы определяют цели и задачи, которые поставил перед собой автор диссертации. Ошибочным и методологически неверным представляется формулирование цели работы, как «проведение (осуществление) анализа» определённых отношений, поскольку анализ – лишь один из методов получения знания, что и должно стать целью диссертации. Неверным также представляется использование такого подхода в определении цели диссертации, как «исследование» какого-либо явления. Диссертация – это и есть научное исследование общественных процессов, и определять цель исследования как исследование также является методологической ошибкой, которая ведёт в дальнейшем к ошибочному формулированию положений, выносимых на защиту, совокупность которых и представляет собой новое теоретическое знание, к которому стремится соискатель.

Тема, цель работы определяют задачи, которые необходимо решить автору для достижения

поставленной цели, что, в свою очередь, должно найти отражение в структуре самой диссертации. Главы, параграфы, разделы должны отражать и демонстрировать то, как удалось автору решить поставленные им задачи исследования.

Достижение нового теоретического знания невозможно без соответствующей эмпирической базы, что способствует нахождению аргументов, доказательств сформулированных в работе выводов. Удивляет в ряде случаев формальный подход к определению эмпирической базы, которая даже не связана с темой самой диссертации. Например, в работе рассматриваются сложнейшие теоретические проблемы, а автор проводит анкетирование граждан, которые не обладают необходимыми профессиональными знаниями и чье мнение в данном случае не оказывает влияния на совершенствование законодательства. В другом случае в основу изучения мер противодействия совершению преступлений в местах лишения свободы автор в качестве эмпирической базы указал анкетирование студентов и судей (?). Продолжают встречаться работы, в которых к эмпирической базе отнесены Конституция страны, иные нормативные правовые акты. Возникает вопрос профессионального, ответственного научного руководства выполнением диссертации, подготовки соискателя к её защите.

Сложнейшим и важнейшим этапом выполнения диссертации является формулирование положений, выносимых на защиту, в совокупности которых и должно содержаться новое теоретическое знание, получение которого являлось целью автора при проведённом научном исследовании.

Безусловно, сами формулировки положений, выносимых на защиту, определяются исследуемыми проблемами, целями и задачами, стоящими перед автором. Вместе с тем представляется необходимым обратить внимание на ошибочность в методологическом подходе к их формулированию. Иногда положения выглядят, как «отчёт» о проделанной работе. Например, автор пишет, что рассмотрены этапы становления и развития какого-либо явления (?) – без обоснования выбора критериев подобной периодизации, выявленных в результате тенденций или закономерностей развития, иными словами – новое знание так и не сформулировано, а лишь констатируются некоторые факты. Безапелляционно заявляется, что необходимо принять новый закон, создать новый орган, но никаких обоснований или аргументов по таким «умозаключениям» не приводится. Авторы нередко пишут о проведённой классификации какого-либо явления, также не раскрывая теоретическую значимость проведённой классификации, которая позволила / или не позволила (?) показать выявленные новые аспекты данного явления, проследить его взаимосвязи и взаимозависимости с иными явлениями, его место в системе общественных отношений.

Можно только приветствовать обращение авторов к изучению зарубежного опыта, но в то

же время нередко выводы исчерпываются лишь констатацией того, что в какой-либо стране имеется соответствующий закон или нет, имеется государственный орган или нет. Остается неясным, зачем соискатель изучал зарубежный опыт, с какой целью, выявлены или нет общие закономерности развития явления, его правового регулирования, существует ли специфика развития этих отношений в нашей стране, есть ли теоретические, экономические, организационные и иные предпосылки для возможного использования опыта в нашей стране? Избранный описательный подход зарубежного законодательства и правоприменительной практики не даёт ответа на многочисленные вопросы и не способствует приращению нового теоретического знания.

Перечисленные некоторые проблемы подготовки и аттестации проведённых исследований свидетельствуют о необходимости оказания помощи молодым учёным в подготовке диссертаций наряду с повышением ответственности, требовательности кафедр, научных руководителей, консультантов, диссертационных советов к принципиальной оценке представляемых к защите диссертаций на предмет их соответствия всем предъявляемым требованиям к данному виду научных работ. В зависимости от нашего ответственного подхода наука становится значимой, востребованной в обществе и способствует дальнейшему развитию российского общества и государства.

А. И. Каплунов, профессор кафедры административного права Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ в докладе *«Влияние доктрины прав и свобод человека и гражданина на модернизацию законодательства об административной ответственности»* [1] обратил внимание на то, что положения национальной доктрины прав и свобод человека и гражданина используются для манипуляций в отношении тех правоохранительных институтов, которые связаны с ограничением прав и свобод человека, к примеру, в отношении правовой регламентации административного принуждения, которое по сути своей является вынужденной ответной реакцией государственных сил охраны правопорядка на различные формы противоправного поведения. И прежде всего это относится к институту административной ответственности.

Речь идет о положениях, закрепленных в ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации («Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом...»), в ч. 3 ст. 35 («Никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда»). Весь этот правозащитный арсенал в полной мере был использован для защиты прав и свобод лиц, совершивших административные правонарушения, путём расширения административно-юрисдикционных полномочий судей по применению мер административной ответственности. В результате назначение восьми видов админи-

стративных наказаний из десяти в настоящее время отнесено к компетенции судей, а 7 видов отнесены к их исключительной компетенции.

Между тем административная ответственность как форма административного принуждения и способ охраны правопорядка вводилась в качестве оперативной реакции государства в лице контрольно-надзорных органов на общественно вредные административные проступки путём назначения административных наказаний в отношении лиц, их совершивших, и именно в таком качестве рассматривается в теории административного принуждения. Применение мер административной ответственности, как и иных мер административного принуждения, изначально возлагалось преимущественно на должностных лиц контрольно-надзорных органов в административном порядке, и только назначение наиболее жёстких административных наказаний, включающих серьёзные лишения и ограничения прав и свобод граждан, было в виде исключения отнесено к компетенции судей [2, с. 519]. Однако благодаря указанной выше модернизации исключение стало правилом.

Кроме того, в начале 1990-х годов началось распространение административной ответственности на юридических лиц – коллективных субъектов – предприятия и иные структуры производственного назначения. Этот процесс завершился тем, что 30 декабря 2001 г. был подписан КоАП РФ (действующий), в котором окончательно была легализована административная ответственность юридических лиц, т. е. коллективная ответственность их работников, и сформулирована вина «неодушевленного субъекта», коим является юридическое лицо, несмотря на то, что административная ответственность является индивидуальным видом юридической ответственности [3, с. 28; 4, с. 50].

Это яркие примеры бесцеремонного обращения с административной ответственностью, в том числе того, как «доктрина прав и свобод человека и гражданина» влияет на модернизацию законодательства об административной ответственности. С одной стороны, она может использоваться для манипуляций с законодательством об административных правонарушениях, с другой – вообще не учитываться, игнорироваться. И в том и другом случае это приводит к материально-правовой и процессуальной мутации института административной ответственности.

Странные изменения происходят также на уровне отечественной теории административной ответственности, её процессуальной составляющей [5, с. 268]. В частности, доказываемое, что процессуальная деятельность судьи по рассмотрению дел об административных правонарушениях в судах общей юрисдикции обладает всеми признаками, свойственными правосудию [6], несмотря на то что данный процессуальный порядок, установленный КоАП РФ, является общим для всех субъектов административной юрисдикции и выходит за рамки видов судопроизводства, указанных в ч. 2 ст. 118 Конститу-

ции РФ. При этом административно-юрисдикционную деятельность контрольно-надзорных органов исполнительной власти по назначению административных наказаний отдельные «исследователи» начали именовать как «квазисудебную» и даже как «квазиправосудие» [7, с. 29], несмотря на очевидное противоречие положениям Конституции РФ и КоАП РФ. Благодаря такой модернизации теория административной ответственности была поставлена, говоря словами поговорки, «с ног на голову».

Расширение сферы применения административных наказаний судьями, трансформация его в форму правосудия, по мнению докладчика, нежелательны, поскольку это приводит не только к значительному удорожанию, но и к значительному усложнению реализации административной ответственности, что снижает её эффективность как правоохранительного института. Использование судебного порядка назначения административных наказаний там, где это неуместно, является дополнительной гарантией неприкосновенности лица, совершившего административное правонарушение, и создаёт для него благоприятные условия для того, чтобы избежать ответственности.

Между тем не следует забывать, что административная ответственность сама является способом защиты прав и свобод человека, чести и достоинства граждан, пострадавших в результате административных правонарушений, интересов общества и государства. Об этом мы не должны забывать.

Произошла мутация института административной ответственности, с этим уже трудно спорить. Но что делать дальше? Эти изменения закреплены действующим законодательством и стали реальностью на уровне повседневной правоприменительной практики. Самый лёгкий путь – смириться с существующим положением и воспринимать его как неизбежность, как норму, как правило. Другой путь – выявить юридическую природу вещей и причину этих нежелательных мутаций, после чего постараться исправить положение.

Ответ на то, каким должен быть вариант действий из указанных двух, мы можем найти в упомянутом выше выступлении Президента на заседании Совета по развитию гражданского общества и правам человека 7 декабря 2022 года, в котором он отметил: «Существующие подходы требуют всестороннего анализа, так как их стали применять для достижения совсем других, далеко не благих целей»¹.

Н. В. Макареико, профессор кафедры административного права и процесса Нижегородской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент доклада «*Функции административного принуждения – проблема познания и закрепления*» отметил доктриналь-

ную, прикладную и дидактическую востребованность административно-принудительной проблематики. Невзирая на повышенный интерес к вопросам административного принуждения, обнаруживаются его отдельные аспекты, которые не получили должного внимания. К их числу относится функциональная характеристика рассматриваемого метода государственного управления. Существующие подходы характеризуются чаще всего полным игнорированием характеристики функций административного принуждения и значительно реже их фрагментарным освещением. В большей степени освещаются функции административной ответственности. При этом соответствующий материал размещается в учебной, а не в научной литературе.

Среди авторов, которые признают наличие функций административного принуждения, отсутствует единство в их определении и содержательной характеристике. Полагаем, что действующее законодательство и практика его реализации позволяют выделить следующие функции рассматриваемого явления: регулятивную, правоограничительную (штрафную), предупредительную (превентивную), пресекательную, праввосстановительную, воспитательную, оценочную, стимулирующую, информационную, коммуникационную [8, с. 60–65]. Очевидно, что далеко не все функции в равной степени реализуются применительно к конкретной форме административного принуждения. Доминирование или же отсутствие той или иной функции обуславливается целевым назначением административного принуждения, складывающейся правоохранительной ситуацией, которая включает в себя ряд факторов объективного и субъективного характера.

При изучении функций административного принуждения необходимо учитывать, что наряду с ними действуют и соответствующие дисфункции. Они являются обязательной атрибутивной характеристикой административного принуждения. Очевидной иллюзией следует признать их игнорирование, что представляет собой очевидную ошибку и заключает в себе существенный негативный потенциал, не позволяющий в полной мере дать функциональную характеристику административного принуждения. В связи с этим важно определить критические границы функций / дисфункций, выработать средства поиска и нейтрализации последних.

Функционирование административного принуждения как сложного социально-правового явления обусловлено рядом факторов. Многие из них лежат за границей права, поэтому необходимо проводить исследования не только во взаимосвязи с другими отраслями юридической науки, но и задействовать потенциал социологии, политологии, психологии. Так, социологией накоплен богатый опыт познания социологических явлений через призму их функционирования. Полученные в результате комплексного исследования знания позволят преодолеть изоляционистский подход и будут

¹ Заседание Совета по развитию гражданского общества и правам человека 7 декабря 2022 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70046> (дата обращения: 26.02.2023).

способствовать выработке более действенных рекомендаций, направленных на повышение эффективности функционирования административного принуждения.

Признавая глубину «проблемного поля» функций административного принуждения, необходимо сосредоточить усилия на повышении качества их нормативного правового обособления. В связи с этим субъектам правоотношения на различных уровнях необходимо в комплексе закрепить все функции, преодолеть фрагментарный подход. Наряду с этим следует учитывать различную «насыщенность» определёнными функциями мер конкретной формы административного принуждения.

Говоря об «экономии» административного принуждения, необходимо предварительно диагностировать его функционирование, не допуская решения тех правоохранительных задач, которые могут и должны быть решены неприцельным путём. Оперативность получения результата в силу административно-принудительного воздействия не должна выступать единственным аргументом в пользу его применения. В связи с этим всемерно актуализируется проблема границ административного принуждения. Важно выработать и в дальнейшем применять критерии, при помощи которых они могут быть определены. Решение названной задачи всемерно актуализируется в свете третьей кодификации законодательства об административных правонарушениях. В частности, должна быть преодолена «фискализация» института административной ответственности, что приводит к безраздельному доминированию штрафной (карательной) формы административного принуждения.

Сложность закрепления и последующей реализации функций административного принуждения во многом предопределена широкой практикой применения бланкетных конструкций. Её результатом стало активное использование подзаконного регулирования. Следует признать, что в ряде случаев не представляется возможным отказаться от бланкетных норм, однако, следует предупредить дефекты, предопределённые бланкетизацией административного принуждения.

Создавая нормативную правовую базу для функционирования административного принуждения, важно закрепить соответствующий реальный, а не иллюзорный механизм реализации. Он должен включать в себя как материально-правовые, так и процессуальные аспекты, в том числе позволяющие проводить «ревизию» действия функций административного принуждения.

Доклад **А. М. Кононова**, главного научного сотрудника Академии управления МВД России, доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста РФ, был посвящён **актуальным проблемам совершенствования правового регулирования деятельности полиции и иных органов, обеспечивающих общественный порядок, общественную безопасность, противодействие преступности в условиях военного положения** [9]. Решение этих задач на террито-

рии, где введено военное положение, обладает рядом важных особенностей в силу самого характера складывающейся оперативной обстановки. Однако уже первые дни проведения специальной военной операции высветили проблемы, среди которых немало связанных с правовым регулированием деятельности правоохранительных органов.

Согласно Федеральному конституционному закону «О военном положении», в период действия военного положения в целях обеспечения обороны страны и безопасности государства, могут быть в необходимых пределах ограничены права и свободы граждан, деятельность организаций, права их должностных лиц. На них же могут возлагаться и дополнительные обязанности. Игнорирование этих особенностей в вопросах правового регулирования правоохранительной деятельности не только не позволит эффективно использовать силы и средства органов, непосредственно обеспечивающих правопорядок, но может на практике обернуться для сотрудников этих органов ложным толкованием нарушения законности, превышения должностных полномочий.

Проведенный анализ законодательства, регулирующего деятельность правоохранительных органов, показал, что некоторые особенности реализации в условиях военного положения задач, возложенных на эти органы, содержатся в нормативных правовых актах, определяющих основы деятельности Росгвардии и органов внутренних дел. Федеральные законы, регулирующие деятельность иных правоохранительных органов, не имеют специальных норм, определяющих особенности их функционирования в условиях военного положения.

В этой ситуации представляется крайне актуальной задача адаптации законодательства, регулирующего деятельность по охране общественного порядка, обеспечению общественной безопасности, выявлению, пресечению и расследованию преступлений, к реалиям правоохранительной практики в условиях военного положения, незамедлительной разработки и принятия дополнительных правовых мер, позволяющих расширять в определённых законом пределах полномочия сотрудников МВД России, Росгвардии, ФСБ России, снимающего некоторые процессуальные ограничения, препятствующие эффективному решению задач обеспечения правопорядка и противодействия преступности в сложной оперативной обстановке.

Это диктует необходимость внесения соответствующих изменений в УПК РФ, КоАП РФ, Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности», законы, регулирующие деятельность полиции, Росгвардии, ФСБ России и некоторые другие законодательные акты. Поэтому с учётом уже начатой МВД России в этом направлении работы имеет смысл поддержать предложение о закреплении в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации особого порядка производства по уголовным делам

в условиях военного положения, а также инициативу о подготовке проекта Указа Президента Российской Федерации, предусматривающего предоставление отсрочки от призыва на военную службу по мобилизации гражданам, поступившим на службу в органы внутренних дел, войска национальной гвардии, Государственную противопожарную службу, учреждения и органы уголовно-исполнительной системы, органы принудительного исполнения Российской Федерации на должности рядового и начальствующего состава и имеющим специальные звания.

Кроме того, по мнению А. М. Кононова, в целях усиления роли граждан в охране общественного порядка и обеспечения безопасности на территориях, где введено военное положение, целесообразно дополнить Федеральный закон «Об участии в охране общественного порядка» нормой, в которой закрепить, что народные дружинники при участии в охране общественного порядка на территории, на которой введено военное положение, имеют право применять ряд мер административного принуждения: проверять документы у граждан и водителей транспортных средств; досматривать граждан и транспортные средства; пресекать правонарушения; доставлять правонарушителей в органы внутренних дел (полицию) и некоторые другие. При несении службы по охране общественного порядка в условиях военного времени в целях обеспечения личной безопасности народные дружинники могут наделяться правом применять физическую силу, специальные средства и оружие самообороны.

Предлагается также рассмотреть вопрос о легитимизации путём принятия соответствующего федерального закона уже созданных и успешно действующих с весны 2014 года на территории ДНР и ЛНР отрядов народного ополчения (народной милиции).

В Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» предлагается закрепить положение, допускающее возможность проведения в условиях военного положения некоторых оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права человека и гражданина, без предварительного оформленного судебного решения.

В КоАП РФ следует предусмотреть нормы-оговорки, устанавливающие особенности применения мер административного принуждения в условиях военного положения, и дополнить статью 19.3 КоАП РФ нормой, усиливающей административную ответственность за неповиновение законному распоряжению сотрудника полиции, военнослужащего, сотрудника органов федеральной службы безопасности, сотрудника органов государственной охраны, сотрудника органов, осуществляющих федеральный государственный контроль (надзор) в сфере миграции, либо сотрудника органа или учреждения уголовно-исполнительной системы, либо сотрудника войск национальной гвардии Российской Федерации в условиях военного положения.

А. Н. Александров, начальник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина, кандидат юридических наук, доцент и **О. А. Дизер**, заместитель начальника Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина (по научной работе), доктор юридических наук, доцент в тезисах своего выступления на тему «**Особенности применения полицией специальных технических средств противодействия беспилотным воздушным судам**» отметили, что характерной чертой современного государства является наличие эффективно функционирующих органов, реализующих полицейские функции [10]. К числу отличительных особенностей правоохранительных (полицейских) органов относится вооружённость и возможность применения мер непосредственного принуждения [11, с. 33].

Федеральным законом от 2 декабря 2019 г. № 404-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» было легализовано применение ещё одного вида специальных средств – средств противодействия беспилотным воздушным судам. Правом применения данных специальных средств принуждения были наделены ФСИН России, ФСБ России, СВР России, ФСО России, МВД России и Росгвардия.

В соответствии с п. 40 ч. 1 ст. 13 Федерального закона № 3-ФЗ от 7 февраля 2011 г. «О полиции» ей предоставлено право пресекать нахождение беспилотных воздушных судов в воздушном пространстве в целях защиты жизни, здоровья и имущества граждан над местом проведения публичного (массового) мероприятия и прилегающей к нему территорией, проведения неотложных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Такое пресечение осуществляется посредством подавления или преобразования сигналов дистанционного управления беспилотными воздушными судами, воздействия на их пульта управления, а также повреждения или уничтожения данных судов.

Как показывает анализ, применение специальных технических средств противодействия беспилотным воздушным судам возможно во время публичного (массового) мероприятия при проведении неотложных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий и прилегающей территорией. Перечень случаев является исчерпывающим.

Вместе с тем участились случаи использования беспилотных летательных аппаратов для совершения различных противоправных действий². Учитывая данные обстоятельства и в связи с воз-

² Появились подробности взрыва беспилотника на территории воинской части России [Электронный ресурс] // Lenta.ru. – сайт : URL : <https://lenta.ru/news/2022/10/07/podrobno/> (дата обращения: 20.02.2023); <https://regnum.ru/news/accidents/3773113.html> (дата обращения: 20.02.2023); <https://bel.ru/news/2023-02-28/padenie-tryoh-bespilotnikov-v-belgorode-chno-izvestno-oproisshestvii-2672443> (дата обращения: 20.02.2023).

росшими рисками совершения террористических актов решением председателя антитеррористической комиссии в Белгородской области от 18 января 2023 г. № 4-12-02/20 в Белгородской области на территории региона был установлен высокий («жёлтый») уровень террористической опасности в целях обеспечения личной безопасности граждан, защиты их прав и свобод, предупреждения посягательств на правопорядок и общественную безопасность. Аналогичный уровень террористической опасности был установлен и в других приграничных регионах.

Изложенное в полной мере свидетельствует о необходимости изменения формулировки пункта п. 40 ч. 1 ст. 13 ФЗ «О полиции» в части дополнения оснований применения средств противодействия беспилотным воздушным судам. По мнению авторов, к целям применения указанного вида специальных средств следует отнести и охрану общественного порядка, обеспечение общественной безопасности, а также предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений. Отдельной регламентации правовых основ и целей применения средств противодействия беспилотным воздушным судам заслуживают возможные случаи введения особых режимов и установления уровней террористической направленности.

К. Д. Рыдченко, начальник кафедры административной деятельности органов внутренних дел Краснодарского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент в своем выступлении на тему «*Пропаганда педофилии – новелла административно-деликтного закона*» обратил внимание на то, что идеологическим фундаментом пропаганды различных сексуальных девиаций, в том числе, педофилии, является радикальный неолиберализм [12]. В рамках этой философской парадигмы свободы и интересы личности выступают не просто объектом охраны, их ценность возводится в абсолют. Используя идею о свободе и равенстве в этом контексте, возможно провозвести переворот в массовом сознании – превратить изгоев общества в ориентир для подражания, попутно дискредитировав носителей традиционной культуры.

Законодательной реакцией на подобные тенденции, в частности, является дополнение Федеральным законом от 5 декабря 2022 г. № 479-ФЗ Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях статьей 6.21.1 «Пропаганда педофилии». Вводя в действие эту статью, законодатель устраняет юридическую ошибку, допущенную еще в 2013 году, когда была предусмотрена административная ответственность за пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений, которые, как впоследствии оказалось, не охватывают педофилию, по крайней мере гетеросексуальные половые связи между взрослым и ребенком.

На основе проведенного исследования состава новеллы выступающий высказал следующие выводы, замечания и предложения:

1. Отсутствие легального определения педофилии в совокупности с невозможностью использовать соответствующую дефиницию Международной классификации болезней десятого пересмотра³ создаёт пробел в праве и провоцирует проблемы в контексте правоприменения. Не претендуя на конечную истинность разработанной формулировки, под педофилией в рамках отечественного законодательства предложено понимать посягающие на общественную нравственность идеи о социальной приемлемости вступления лица, достигшего 18-летнего возраста, в половую связь с лицом, не достигшим 14-летнего возраста, а также действия, обеспечивающие возможность такой связи.

2. Предложил расширить объективную сторону деликта, предусмотренного ст. 6.21.1 КоАП РФ, распространив её действие на случаи оправдания некрофилии и зоофилии, а также публичного демонстрирования и пропаганды символики и атрибутики педофилов, которая сама по себе может вызвать интерес к этому явлению.

3. Предложил дополнить рассматриваемую статью примечанием, выводящим из-под административного наказания случаи распространения информации о соответствующем виде парафилии в контексте её осуждения, если этот контент представляет медицинскую или иную научную значимость, а также культурную ценность.

Подводя итог сказанному, высказал мнение о возможности уточнения и расширения содержания ст. 6.21.1 КоАП РФ изложив ее в следующей редакции:

«Статья 6.21.1. Оправдание парафилических расстройств

1. Распространение информации, направленной на обоснование социальной приемлемости и (или) привлекательности педофилии, некрофилии и зоофилии, а также иной информации, вызывающей интерес к этим расстройствам...

Примечание. Положения настоящей статьи не распространяются на случаи распространения информации о парафилических расстройствах в контексте их осуждения, если эта информация представляет медицинскую, научную либо культурную ценность».

А. М. Субботин, начальник кафедры административного права и процесса Нижегородской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент своё выступление посвятил *проблеме соотношения административных и оперативно-розыскных процедур* [13, с. 94–96]. По его мнению, актуальность рассматриваемой проблемы заключается в том, что комплексное рассмотрение соотношения административных и оперативно-розыскных про-

³ МКБ 10 - Международная классификация болезней 10-го пересмотра [Электронный ресурс] // RUSSCO URL. – сайт: URL : <https://rosoncoweb.ru/standarts/RUSSCO/2020/2020-mkb10.pdf> (дата обращения: 20.02.2023).

цедур не входит в сферу научных исследований как учёных-административистов, так и представителей оперативно-розыскной школы.

Вместе с тем анализ практической деятельности органов государственной власти показывает, что, с одной стороны, в производстве по делам об административных правонарушениях и иных производствах, имеющих административно-правовую природу, всё чаще используется арсенал оперативно-розыскной деятельности, в том числе и результаты оперативно-розыскных мероприятий. С другой стороны, может иметь место и обратная зависимость.

Выступающий попытался очертить возможные направления соотношения административных и оперативно-розыскных процедур, отметив следующее.

1. Деятельность оперативно-розыскных органов по обеспечению административных режимов, например, в рамках допуска к сведениям, составляющим государственную тайну (ст. 7 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (в ред. от 28 декабря 2022 г.) – далее Закон № 144-ФЗ).

2. Деятельность оперативно-розыскных органов в интересах реализации института противодействия коррупции на государственной службе, например, в части проверки сведений, представляемых кандидатами на замещение отдельных должностей, а также лицами, замещающими соответствующие должности. Проверка оперативно-розыскным путём соблюдения указанных лицами установленных ограничений и запретов.

3. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности при осуществлении отдельных юрисдикционных производств. Например, предоставление результатов оперативно-розыскной деятельности при производстве по делам о налоговых правонарушениях.

4. Отдельно стоит сказать о соотношении оперативно-розыскной деятельности и производства по делам об административных правонарушениях, в котором можно выделить три основных направления:

а) использование производства по делам об административных правонарушениях для достижения целей оперативно-розыскной деятельности (например, привлечение к административной ответственности за непредставление или ненадлежащее представление сведений по запросам, направленным в порядке Закона № 144-ФЗ);

б) использование результатов оперативно-розыскной деятельности как основания для проведения проверочных мероприятий, в том числе контрольно-надзорных мероприятий, по итогам которых возбуждается дело об административном правонарушении (как правило, соответствующие материалы регистрируются в КУСП, после чего возбуждается дело об административном правонарушении уполномоченным должностным лицом органа внутренних дел либо указанные материа-

лы направляются по подведомственности для возбуждения дела об административном правонарушении);

в) использование результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств по делу об административном правонарушении (анализ практики показывает, что в качестве доказательств могут использоваться и результаты как гласных, так и негласных оперативно-розыскных мероприятий после их раскрывания).

Подводя итоги, выступающий отметил, что обозначил лишь основные направления соотношения административных и оперативно-розыскных процедур, каждое из которых нуждается в дальнейшем научном осмыслении, оставаясь востребованным в практической деятельности органов внутренних дел.

Д. Н. Шурухнова, профессор кафедры административного права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент в своём выступлении на тему «*Совершенствование системы социальных гарантий сотрудникам органов внутренних дел в современных условиях*» [14] отметила, что система социальных гарантий выступает важным элементом в статусе сотрудника органов внутренних дел. Служба в ОВД связана с большими физическими и психоэмоциональными нагрузками, а порой и с риском для жизни и здоровья самого сотрудника и его близких. Государство стремится компенсировать ограничения и запреты, а также учитывать специфику служебной деятельности, предоставляя и гарантируя дополнительные социальные гарантии. Основным нормативным правовым актом в рассматриваемой сфере является Федеральный закон от 19 июля 2011 г. № 274-ФЗ, обобщивший и систематизировавший социальные гарантии сотрудникам органов внутренних дел.

Эффективная система социальных гарантий может и должна выступать стимулом профессиональной и служебной деятельности, повышения престижа службы органов внутренних дел. Однако уровень социальной защищённости сотрудников органов внутренних дел в последние годы оценивается как крайне низкий. Остро стоит вопрос об увеличении денежного довольствия сотрудникам органов внутренних дел.

Помимо постановки вопросов финансирования органов внутренних дел продолжается реформирование правовой регламентации системы социальных гарантий сотрудникам органов внутренних дел и членам их семей.

Наиболее остро в системе социальных гарантий стоит вопрос о реализации сотрудниками органов внутренних дел права на единовременную социальную выплату. Несмотря на предпринимаемые со стороны руководства Министерства усилия по увеличению количества предоставляемых выплат, эти темпы остаются крайне низкими. В связи с этим высказывается необходимость поддержки инициативы распространить программу военной ипотеки

на сотрудников МВД России и Росгвардии. Докладчики полностью согласны с высказанной инициативой и убеждены, что распространение программы военной ипотеки на сотрудников органов внутренних дел сформирует более эффективную, прозрачную и социально справедливую систему жилищного обеспечения сотрудников ОВД.

Ещё одной важной социальной гарантией является медицинское обеспечение сотрудников органов внутренних дел и членов их семей, которое по общему правилу осуществляется в медицинских организациях федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или федерального органа исполнительной власти в сфере деятельности войск национальной гвардии Российской Федерации.

В связи с тем, что сотрудники органов внутренних дел наряду с другими специальными категориями не уплачивают страховые взносы, они не подлежат страхованию в системе обязательного медицинского страхования, а следовательно, не могут обращаться в организации государственной или муниципальной системы здравоохранения. Однако не всегда качество лечения в ведомственных медицинских учреждениях удовлетворяет сотрудников ОВД [15, с. 186]. В ряде регионов уровень материально-технического обеспечения, а также условия предостав-

ления медицинских услуг в государственных и муниципальных медицинских учреждениях (возможность получить консультацию узкопрофильного специалиста, электронная запись на приём и соответственно, отсутствие очередей и т. д.) существенно выше, чем в ведомственных. Значительная территориальная удалённость ведомственных медучреждений также способна создать дополнительные трудности для сотрудника ОВД. Отдельный вопрос возникает в связи с оказанием медицинской помощи сотрудникам по профилю «акушерство и гинекология» при ведении беременности, родов и послеродового периода.

Кроме того, функционирование ведомственной системы здравоохранения в условиях распространения коронавирусной инфекции в 2020–2021 гг. показало её неготовность функционировать в таких экстраординарных условиях, что сказалось на полноте и своевременности оказания медицинской помощи сотрудникам органов внутренних дел.

Выступающие считают необходимым проработать вопрос о возможности оказания медицинского обеспечения сотрудникам органов внутренних дел как в ведомственных медицинских организациях, так и в рамках системы обязательного медицинского страхования по полису ОМС, как это было ранее.

Список литературы

1. Каплунов А. И. Влияние доктрины прав и свобод человека и гражданина на модернизацию законодательства об административной ответственности / Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения) : сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 24 марта 2023 года / под общ. ред. А. И. Каплунова, сост.: А. И. Каплунов, А. О. Дрозд, Н. М. Крамаренко, Э. Х. Мамедов. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. – С. 229–235.
2. Каплунов А. И. Административная ответственность как форма административного принуждения // Сибирское юридическое обозрение. – 2019. – Т. 16. – № 4. – С. 518–524.
3. Сорокин В. Д. Парадоксы Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Правоведение. – 2004. – № 3. – С. 4–28.
4. Сорокин В. Д. О двух тенденциях, разрушающих целостность института административной ответственности // Правоведение. – 1999. – № 1 (224). – С. 46–54.
5. Каплунов А. И. Современные подходы к пониманию административного процесса как результат и основа развития отечественного административно-процессуального законодательства // Сибирское юридическое обозрение. – 2021. – Т. 18. – № 3. – С. 261–276.
6. Панкова О. В. Правосудие по делам об административных правонарушениях в судах общей юрисдикции. – Москва: ООО «Издательство «Статут», 2023. – 450 с.
7. Запольский С. В. Административное право – пути реформирования (тезисы выступления) / Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения) : сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 24 марта 2023 года / под общ. ред. А. И. Каплунова; сост.: А. И. Каплунов, А. О. Дрозд, Н. М. Крамаренко, Э. Х. Мамедов. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. – С. 28–30.
8. Макарейко Н. В. Функции административного принуждения – проблема познания и закрепления / Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения) : сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 24 марта 2023 года / под общ. ред. А. И. Каплунова; сост.: А. И. Каплунов, А. О. Дрозд, Н. М. Крамаренко, Э. Х. Мамедов. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. – С. 58–66.
9. Конов А. М. Актуальные проблемы совершенствования правового регулирования деятельности органов, обеспечивающих общественный порядок, общественную безопасность и противодействие преступности в условиях военного положения. – Москва: Академия управления МВД России // Сетевое издание «Академическая мысль». – 2023. – № 2 (23). – С. 93–97.

10. Александров А. Н., Дизер О. А. Особенности применения полицией специальных технических средств противодействия беспилотным воздушным судам как административный элемент управления / Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения) : сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 24 марта 2023 года / под общ. ред. А. И. Каплунова; сост.: А. И. Каплунов, А. О. Дрозд, Н. М. Крамаренко, Э. Х. Мамедов. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. – С. 747–751.

11. Грозан Е. Н., Дизер О. А., Филиппов О. Ю. Правовое обеспечение применения специальных средств сотрудниками полиции // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2015. – № 2 (57). – С. 32–36.

12. Рыдченко К. Д. Пропаганда педофилии – новелла административно-деликтного закона / Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения) : сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 24 марта 2023 года / под общ. ред. А. И. Каплунова; сост.: А. И. Каплунов, А. О. Дрозд, Н. М. Крамаренко, Э. Х. Мамедов. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. – С. 328–333.

13. Субботин А. М., Субботина О. В. Проблемы применения законодательства, регулирующего деятельность органов внутренних дел: анализ судебной практики // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2017. – № 4. – С. 94–96.

14. Шурухнова Д. Н. Совершенствование системы социальных гарантий сотрудникам органов внутренних дел в современных условиях / Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения) : сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 24 марта 2023 года / под общей редакцией А. И. Каплунова, сост.: А. И. Каплунов, А. О. Дрозд, Н. М. Крамаренко, Э. Х. Мамедов. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. – С. 972–976.

15. Евдокимова Т. Л. Актуальные проблемы медицинского обеспечения сотрудников и пенсионеров органов внутренних дел России / сборник научных работ. – Вып. 11. – Курск: Издательство Курского государственного университета, 2018. – С. 183–187.

References

1. Kaplunov A. I. Vliyaniye doktriny prav i svobod cheloveka i grazhdanina na modernizatsiyu zakonodatel'stva ob administrativnoy otvetstvennosti / Aktual'nyye problemy administrativnogo i administrativno-protseessual'nogo prava (Sorokinskiye chteniya) : sbornik statey po materialam mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Sankt-Peterburg, 24 marta 2023 goda / pod obshchey redaktsiyey A. I. Kaplunova, sost.: A. I. Kaplunov, A. O. Drozd, N. M. Kramarenko, E. Kh. Mamedov. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2023. – S. 229–235.

2. Kaplunov A. I. Administrativnaya otvetstvennost' kak forma administrativnogo prinuzhdeniya // Sibirskoye yuridicheskoye obozreniye. – 2019. – T. 16. – № 4. – S. 518–524.

3. Sorokin V. D. Paradoksy Kodeksa Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh // Pravovedeniye. – 2004. – № 3. – S. 4–28.

4. Sorokin V. D. O dvukh tendentsiyakh, razrushayushchikh tselostnost' instituta administrativnoy otvetstvennosti // Pravovedeniye. – 1999. – № 1 (224). – S. 46–54.

5. Kaplunov A. I. Sovremennyye podkhody k ponimaniyu administrativnogo protsesssa kak rezul'tat i osnova razvitiya otechestvennogo administrativno-protseessual'nogo zakonodatel'stva // Sibirskoye yuridicheskoye obozreniye. – 2021. – T. 18. – № 3. – S. 261–276.

6. Pankova O. V. Pravosudiye po delam ob administrativnykh pravonarusheniyakh v sudakh obshchey yurisdiksi. – Moskva: OOO «Izdatel'stvo «Statut», 2023. – 450 s.

7. Zapolskiy S. V. Administrativnoye pravo – puti reformirovaniya (tezisy vystupleniya) / Aktual'nyye problemy administrativnogo i administrativno-protseessual'nogo prava (Sorokinskiye chteniya) : sbornik statey po materialam mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Sankt-Peterburg, 24 marta 2023 goda / pod obshchey redaktsiyey A. I. Kaplunova, sost.: A. I. Kaplunov, A. O. Drozd, N. M. Kramarenko, E. Kh. Mamedov. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2023. – S. 28–30.

8. Makareyko N. V. Funktsii administrativnogo prinuzhdeniya – problema poznaniya i zakrepleniya / Aktual'nyye problemy administrativnogo i administrativno-protseessual'nogo prava (Sorokinskiye chteniya) : sbornik statey po materialam mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Sankt-Peterburg, 24 marta 2023 goda / pod obshchey redaktsiyey A. I. Kaplunova, sost.: A. I. Kaplunov, A. O. Drozd, N. M. Kramarenko, E. Kh. Mamedov. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2023. – S. 58–66.

9. Kononov A. M. Aktual'nyye problemy sovershenstvovaniya pravovogo regulirovaniya deyatel'nosti organov, obespechivayushchikh obshchestvennyy poriyadok, obshchestvennyuyu bezopasnost' i protivodeystviye prestupnosti v usloviyakh voyennogo polozheniya. – Moskva: Akademiya upravleniya MVD Rossii // Setevoye izdaniye «Akademicheskaya mysl'». – 2023. – № 2 (23). – S. 93–97.

10. Aleksandrov A. N., Dizier O. A. Osobennosti primeneniya politsiyey spetsial'nykh tekhnicheskikh sredstv protivodeystviya bespilotnym vozдушnym sudam kak administrativnyy element upravleniya / Aktual'nyye problemy administrativnogo i administrativno-protseessual'nogo prava (Sorokinskiye chteniya) :

sbornik statey po materialam mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Sankt-Peterburg, 24 marta 2023 goda / pod obshchey redaktsiyey A. I. Kaplunova, sost.: A. I. Kaplunov, A. O. Drozd, N. M. Kramarenko, E. Kh. Mamedov. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2023. – S. 747–751.

11. *Grozan Ye. N., Dizer O. A., Filippov O. Yu.* Pravovoye obespecheniye primeneniya spetsial'nykh sredstv sotrudnikami politsii // Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii. – 2015. – № 2 (57). – S. 32–36.

12. *Rydchenko K. D.* Propaganda pedofilii – novella administrativno-deliktnogo zakona / Aktual'nyye problemy administrativnogo i administrativno-protsessual'nogo prava (Sorokinskiye chteniya) : sbornik statey po materialam mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Sankt-Peterburg, 24 marta 2023 goda / pod obshchey redaktsiyey A. I. Kaplunova, sost.: A. I. Kaplunov, A. O. Drozd, N. M. Kramarenko, E. Kh. Mamedov. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2023. – S. 328–333.

13. *Subbotin A. M., Subbotina O. V.* Problemy primeneniya zakonodatel'stva, reguliruyushchego deyatelnost' organov vnutrennikh del: analiz sudebnoy praktiki // Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. – 2017. – № 4. – S. 94–96.

14. *Shurukhnova D. N.* Sovershenstvovaniye sistemy sotsial'nyy garantiy sotrudnikam organov vnutrennikh del v sovremennykh usloviyakh / Aktual'nyye problemy administrativnogo i administrativno-protsessual'nogo prava (Sorokinskiye chteniya) : sbornik statey po materialam mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Sankt-Peterburg, 24 marta 2023 goda / pod obshchey redaktsiyey A. I. Kaplunova, sost.: A. I. Kaplunov, A. O. Drozd, N. M. Kramarenko, E. Kh. Mamedov. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2023. – S. 972–976.

15. *Yevdokimova T. L.* Aktual'nyye problemy meditsinskogo obespecheniya sotrudnikov i pensionerov organov vnutrennikh del Rossii / sbornik nauchnykh работ. – Vyp. 11. – Kursk: Izdatel'stvo Kurskogo gosudarstvennogo universiteta, 2018. – S. 183–187.

Статья поступила в редакцию 20.04.2023; одобрена после рецензирования 14.06.2023; принята к публикации 27.07.2023.

The article was submitted April 20, 2023; approved after reviewing June 14, 2023; accepted for publication July 27, 2023.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution to the writing of the article.